

Л. С. СЕМЕНОВА

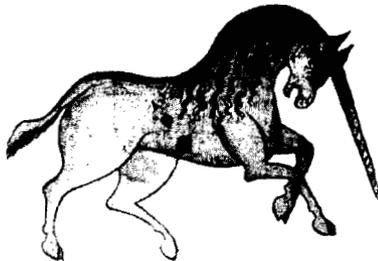
КНЯЖЕСТВА
ВАЛАХИЯ И МОЛДАВИЯ
Конец XIV — начало XIX в.

Очерки
внешнеполитической
истории

Российская Академия наук
Институт славяноведения

Российская Академия наук
Институт славяноведения

Л. Б. Саженова

КНЯЖЕСТВА
ВАЛЯХИЯ И **М**ОЛДАВИЯ
КОНЕЦ XIV – НАЧАЛО XIX в.

ОЧЕРКИ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ

МОСКВА «ИНДРИК» 2006

УДК 94(478)
ББК 63.3(0)4/5
С 30

*Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН*

Рецензенты:

доктор исторических наук *В. Н. Виноградов*

кандидат исторических наук *Т. П. Гусарова*

Семенова Л. Е.

Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV — начало XIX в. (Очерки внешнеполитической истории). — М.: Индрик, 2006. — 432 с., ил.

ISBN 5-85759-363-8

В книгу включены в дополненном и переработанном виде работы автора, написанные и опубликованные в разные годы по проблемам внешнеполитической истории Валахии и Молдавии широкого хронологического периода, с конца XIV до начала XIX в. Работы расположены в порядке хронологии рассматриваемых в них событий и фактов истории княжеств.

ISBN 5-85759-363-8

© Текст. Л. Е. Семенова, 2006

© Оформление. Издательство
«Индрик», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (конец XIV — XVI в.)	12
ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА В СИСТЕМЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ	20
Проблема «капитуляций» в историографии	21
Происхождение «капитуляций»	31
ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА В УСЛОВИЯХ ОСМАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ НА БАЛКАНАХ В КОНЦЕ XIV—XV в.	66
Установление вассальной зависимости Валахии от Порты	67
Внешнеполитическое положение Молдавского княжества в условиях османской экспансии во второй половине XV в.	78
ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ПОРТЫ в XVI в.	112
Усиление османского влияния в Валахии	117
Установление вассальной зависимости Молдавского княжества от Османской империи	127
ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА В ОТНОШЕНИЯХ СТРАН ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ В КОНЦЕ XVI—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.	168
ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ДУНАЙСКИМИ КНЯЖЕСТВАМИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.	210

МОЛДАВИЯ И ВАЛАХИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.	232
РУССКО-ВАЛАШСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ XVIII в.	266
РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ XVIII в. И ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА	310
ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ЕВРОПЕ НАЧАЛА XIX в.	344
КОНСТАНТИН ИПСИЛАНТИ И ПЕРВОЕ СЕРБСКОЕ ВОССТАНИЕ (1804 — август 1807 г.)	360
ВОССТАНИЕ 1821 г. В ВАЛАХИИ И РОССИЯ (некоторые аспекты проблемы)	376
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	386
СПИСОК СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ	389
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	392

Посвящаю моему сыну Сергею

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге подводятся некоторые итоги изучения автором внешнеполитической истории Валашского и Молдавского княжеств на протяжении длительного исторического периода (с конца XIV до начала XIX в.). В ходе исследования связанных с этой темой проблем были обобщены достижения отечественной и зарубежной историографии, выявлен и проанализирован обширный документальный материал из российских архивных фондов, зарубежных и российских публикаций источников. Основным направлением в изучении темы являлось выявление диалектической взаимосвязи внутренних и международных факторов, влиявших на эволюцию внешней политики княжеств. Отсюда вытекала задача рассмотрения внешнеполитического положения Валашского и Молдавского княжеств в контексте международных отношений в Юго-Восточной и Восточной Европе в рассматриваемый период.

В книге выделен период конца XIV – XVI вв., когда в условиях складывавшейся под влиянием османских завоеваний международной ситуации в Юго-Восточной Европе, а также неустойчивой внутривосточной обстановки в самих княжествах устанавливается их вассальная зависимость от султана. Проблема статуса Валахии и Молдавии в системе Османской империи остается недостаточно изученной, несмотря на наличие в зарубежной и отечественной литературе ряда работ, касающихся изучаемой темы.

В зарубежных трудах прослеживается стремление к идеализации роли османов в истории покоренных ими балканских народов. В румынской и турецкой историографии преобладает точка зрения реального существования султанских актов, так называемых «капитуляций» XIV–XVI вв., якобы содержавших условия признания Валахией и Молдавией османского сюзеренитета и фиксировавших их автономные права. Оригиналы этих актов учеными до сих пор не обнаружены. В исторической литературе они фигурируют в разных списках и с различной датировкой.

На основе источниковедческого анализа этих списков, сопоставления всех имеющихся в распоряжении исследователей данных с новыми источниками российских архивных фондов автор впервые в историографии прослеживает историю появления текстов «капитуляций» и приходит к выводу, что они являются документами конца XVIII в., связанными с идеологией освободительного движения в княжествах того времени. Предпринятое автором исследование конкретной истории отношений Валашского и Молдавского княжеств с Османской империей в рассматриваемый период показывает, что статус княжеств в системе империи

складывался в ходе эволюции их взаимоотношений с османами под влиянием внутривосточного положения в княжествах и в самой империи, а также международной ситуации в Юго-Восточной Европе.

Значительное место в книге отведено рассмотрению и другого важного фактора внешней политики Валахии и Молдавии в изучаемый период — связям с Россией. В освещении валахско-русских и молдавско-русских связей автор основывается на использовании обширного материала российских архивных фондов, в большей части неопубликованного, а также на обобщении результатов предшествовавших исследований. Основное внимание уделяется выявлению объективных предпосылок формирования прорусской ориентации княжеств в освобождении от османской зависимости.

Главным условием их возникновения являлась усиливавшаяся вассальная зависимость от султана. Опираясь на группировки крупного боярства проосманской ориентации и используя международную ситуацию в Юго-Восточной Европе, османы в XVII в. усилили свою власть в княжествах. В силу особенностей их статуса в системе империи увеличилась османская экономическая эксплуатация, выросло влияние Порты на политическую жизнь в княжествах.

Внешняя политика валахского и молдавского господарей оказалась в полном подчинении османам. На практике султан весьма гибко использовал свое право сюзерена в этой области, допуская до определенного предела самостоятельность княжеств во внешних делах, что позволяло им тайно, а иногда и открыто вступать в сношения с Габсбургами, Польшей, Россией. Стамбул не вмешивался в отношения княжеств с другими государствами, пока они не приходили в прямое противоречие с интересами султана и его политики в Юго-Восточной Европе. Особенности положения Валахии и Молдавии в системе международных отношений в регионе побуждала господарей лавировать и использовать соперничество крупных держав в своих политических интересах.

Определенная самостоятельность создавала в княжествах почву для стремления к независимости. Осуществление освободительных планов валахский и молдавский господа связывали с помощью извне. В отдельные периоды общие внешнеполитические интересы сближали княжества с Россией. По мере активизации политики русского правительства на Балканах в княжествах усиливаются прорусские настроения и ориентация на Россию в деле освобождения, чему способствовали и факторы, связанные с географическим соседством, а также единством вероисповедания, культурных взаимоотношений.

Назначение Портой с начала XVIII в. греков-фанариотов на господарские престолы в Бухаресте и Яссах усилило политическую зависимость Валахского и Молдавского княжеств от Османской империи, все более выявляя ее пагубные последствия на ход их экономического, политического и культурного развития. Сложившаяся в XVIII в. в Юго-Восточной

Европе международная ситуация, а также внутривнутриполитическая обстановка в княжествах, поиски путей национального освобождения в условиях начавшегося кризиса феодальной системы и нараставшей освободительной борьбы народных масс побуждали патриотически настроенное боярство и духовенство ориентироваться на Россию, добиваться ее поддержки.

Политика России в Юго-Восточной Европе, русско-турецкие войны XVIII в. создавали благоприятные условия для осуществления освободительных планов патриотически настроенных бояр и духовенства княжеств, которые обращались к русскому правительству с просьбами о помощи и покровительстве. В книге анализируются сохранившиеся в российских архивах многочисленные обращения из Валахии и Молдавии, отражающие политические программы правящих кругов княжеств, взгляды их представителей на пути национального освобождения, что позволило автору проследить становление и эволюцию освободительной идеологии в княжествах в рассматриваемый период. Учитывая укрепление влияния России на Балканах, эти программы предусматривали установление российского протектората или включение княжеств в состав Российской империи на условиях сохранения ими политической автономии.

В условиях обострившейся в XVIII в. борьбы между европейскими державами за преобладание на Балканах русское правительство придавало большое значение помощи и покровительству христианских подданных султана, в том числе Молдавскому и Валашскому княжествам. Оно было заинтересовано в укреплении связей с ними, в привлечении их на свою сторону. Несмотря на корыстные экономические и стратегические цели царского правительства в обеспечении своего влияния в Юго-Восточной Европе, результаты его политики здесь, в частности русско-турецких войн, ослаблявших военные силы приходившей в упадок Османской империи, объективно имели положительное значение для исторического развития народов региона.

Книга состоит из нескольких очерков. Каждый из них посвящен определенному хронологическому периоду внешнеполитической истории Валашского и Молдавского княжеств в рамках изучаемого времени. Ключевым является первый из очерков, рассматривающий в исследовательском плане оформление и эволюцию статуса княжеств в системе Османской империи, его особенности, оказавшие влияние на их дальнейшее экономическое, политическое и культурное развитие. Все очерки своим содержанием касаются выделенных для изучения и отмеченных выше аспектов внешней политики Валашского и Молдавского княжеств в рассматриваемый период, раскрывая важное значение таких факторов в их истории, как отношения с Османской империей и связи с Россией.

Автор считает своим долгом поблагодарить всех коллег из Отдела истории Средних веков Института славяноведения РАН за внимание и поддержку при подготовке книги. Особая признательность Б.Н.Флоре, В.Н.Виноградову за замечания и советы при написании отдельных разделов.

**ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
(конец XIV — XVI в.)**

Конец XIV — первая треть XVI в. явились важным периодом в истории Юго-Восточной Европы, когда под влиянием распространения османских завоеваний, особенно после захвата в 1453 г. султаном Мехмедом II Константинополя, шло формирование определенных тенденций в политических взаимоотношениях европейских государств, специфика которых отразилась на всей последующей истории региона. Проявлению этих тенденций способствовал начавшийся процесс оформления общеевропейской политической системы, испытывавшей, в свою очередь, воздействие изменений, происходивших на юго-востоке континента.

В рассматриваемый период в Юго-Восточной Европе, ставшей объектом османской экспансии, сталкивались интересы ряда стран — Венеции, королевства Венгрии, Польши; исходя из своих планов, действовало здесь и папство. С начала XVI в. особую активность стали проявлять австрийские эрцгерцоги Габсбурги, выступавшие в качестве правителей Священно-Римской империи. Если для народов Юго-Восточной Европы борьба с османами была связана с решением их судеб, то для европейских правителей она являлась вопросом политики, которая под флагом антиосманских действий преследовала цели утверждения позиций той или другой страны в регионе.

Осуществление европейскими государствами этой политики происходило в сложной дипломатической борьбе, выявлявшей то серьезное влияние, которое оказывала опасность продвижения османов в Европу на политическую жизнь каждой из европейских стран и на взаимоотношения между ними. С одной стороны, предпринимаются все более настойчивые попытки создания антиосманской коалиции европейских государств на основе концепции христианского универсализма, возрождения в политической идеологии ряда католических стран идеи «крестовых походов». В то же время реализация таких планов входила в противоречие с конкретными интересами отдельных государств в Европе, с тенденцией сохранения политического равновесия между ними*. Но именно это противоречие имело решающее воздействие на ход эволюции общеевропейской политики.

Османское государство, превратившееся к началу XVI в. в большую и сильную империю, оказывавшую влияние на судьбы стран Европы, Азии и Африки, становится важным фактором европейской политической жизни. В условиях формирования ряда крупных феодальных государств в Европе и усиливавшегося в связи с этим соперничества между ними за позиции на мировой арене, в частности за утверждение в юго-восточном регионе, европейские правители начинают вступать в союзные отношения с Османской империей.

---

* Имеется в виду стремление европейских правителей обеспечить интересы своих стран с учетом взаимоотношений других государств. В этой тенденции проявлялось диалектическое взаимодействие внутренних и внешних факторов в политике каждой из стран и в отношениях между ними.

Указанная тенденция в международных отношениях в Юго-Восточной Европе во второй половине XV — XVI в. являлась основной причиной той сложности в политических взаимоотношениях европейских государств, в которой была заинтересована Порта для осуществления султанских планов расширения европейских владений.

В общем контексте международной жизни Юго-Восточной Европы в рассматриваемое время определенное место занимали Валашское и Молдавское княжества, или, как принято их называть в исторической литературе, Дунайские княжества. В силу своего географического положения они оказывались втянутыми в конфронтацию Османской империи и государств Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

Главной целью стратегических планов утверждения османов в юго-восточном регионе Европы было приобретение ключевых позиций на Черном море и на Дунае, что позволило бы укрепить торгово-экономический потенциал империи. Претворение в жизнь этих планов сталкивалось с интересами европейских стран, прежде всего Венеции, королевства Венгрии и Польши, стремившихся к установлению контроля над важнейшими путями черноморской торговли и дунайской торговой артерией.

Придавая важное значение стратегическому положению Валашского и Молдавского княжеств, их экономическим и материальным ресурсам, соперничавшие в регионе страны стремились к укреплению в них своего влияния. Особую заинтересованность в этом отношении проявляли соседние Польша и Венгрия. При этом происходила не только конфронтация между ними и Османской империей, но и столкновение их внешнеполитических интересов из-за преобладания в княжествах. В этих условиях молдавский и валашский господа в целях сохранения власти использовали соперничество Венгрии и Польши, их конфронтацию с Османской империей, лавируя между ними в зависимости от расстановки сил в регионе, от внутривосточной обстановки в самих княжествах.

Международная ситуация, складывавшаяся в Юго-Восточной Европе в конце XIV — XVI в., оказывала непосредственное воздействие на внешнеполитическое положение Дунайских княжеств. В то же время выявлялась определяющая роль внутривосточного фактора, ибо соперничавшие страны с целью усиления своих позиций в княжествах постоянно вмешивались в борьбу группировок молдавского и валашского боярства за господарский престол.

Главным фактором, влиявшим на расстановку политических сил в регионе и на международное положение находившихся здесь стран, была османская угроза. Для Дунайских княжеств предотвращение подчинения османам стало в рассматриваемый период первоочередной задачей, с осуществлением которой связывались и отношения княжеств с другими государствами, в частности с соседними Польшей и Венгрией, в свою очередь заинтересованными в позиции валашского и молдавского господарей в условиях усилившейся османской опасности на юго-востоке Европы.

Таким образом, само положение княжеств в регионе выдвигало на первый план в их внешней политике османскую проблему. Именно это обстоятельство дает основание из всех аспектов внешнеполитической истории Дунайских княжеств конца XIV — XVI в. выделить для изучения их отношения с Османской империей.

В историографии достаточно работ, освещающих политическую историю княжеств этого периода. Следует отметить, что наибольшее внимание исследователями было уделено истории Молдавского княжества второй половины XV в. Объясняется это не только наличием широкого круга опубликованных источников, но и особым интересом историков к правлению выдающегося для своего времени государя Штефана III Великого (1457–1504), когда проводимая им политика усиления центральной власти позволила в ходе успешных антиосманских военных акций сохранить независимость княжества. Между тем внешняя политика Валахии, переживавшей в это время под давлением османской угрозы состояние внутривнутриполитической неустойчивости, оказалась менее изученной. Эта диспропорция в освещении внешнеполитической истории княжеств сохраняется в литературе и по периоду XVI в. Сказанное в равной мере можно отнести к современной как отечественной, так и зарубежной историографии.

Вопросы политической истории княжеств в конце XIV — XVI в. заняли значительное место в трудах румынских историков межвоенного периода. Они нашли отражение в изданных в то время монографиях о жизни и деятельности молдавских и валахских государей XIV–XVI вв. Внешнеполитическая история княжеств, их отношения с османами рассматривались в ряде обобщающих и специальных исследований таких видных ученых, как Н. Иорга, А. Ксенопол, К. Джуреску¹ и др.

В современной румынской историографии уделяется большое внимание проблеме отношений княжеств с османами, вводятся в научный оборот новые материалы, при этом важное значение придается изучению архивов Турции, издаются публикации турецких документов². Особый интерес здесь представляют работы румынских туркологов М. Мехмеда, Т. Джемилы и М. Максима³, основанные на анализе широкого круга источников.

Внешняя политика Штефана Великого и молдавско-османские отношения в период его правления исследуются в трудах Шт. Папакости, Шт. Горovej, Е. Денизе⁴. Внешнеполитическая история Молдавского княжества в XVI в. освещена в работах Х. Урсу, Д. Чури, Шт. Горovej, К. Резакевича и др.⁵. История Валахии XIV–XVI вв., в частности внешняя политика княжества и его отношения с османами, рассматриваются Шт. Штефэнеску⁶. Отдельные стороны внешнеполитического положения Дунайских княжеств этого периода нашли отражение и в ряде других работ современных румынских историков.

Некоторых аспектов проблемы касались и ученые Республики Молдова. Так, молдавско-османские отношения последней четверти XV — первой трети XVI в. изучались Г. В. Гонцой⁷.

В отечественной историографии тема отношений Молдавского и Валашского княжеств с Османской империей в конце XIV — XVI в. не была предметом специального исследования, хотя отдельные ее сюжеты и затрагивались в отдельных работах. В частности, в статье С. Ф. Орешковой анализировались опубликованные ранее данные, касающиеся подчинения Валахии османам⁸. Взаимоотношения Дунайских княжеств с Османской империей в XV—XVI вв., их место в международных отношениях в Юго-Восточной Европе рассматривались в работах автора данной книги⁹.

В целом же проблема еще недостаточно изучена. В современной исторической литературе сохраняются расхождения между учеными в отношении характера взаимоотношений Молдавского и Валашского княжеств с османами в XIV—XVI вв., в оформлении их статуса в системе империи. Между тем эти вопросы приобретают важное значение в контексте продолжающихся дискуссий по проблеме османского господства на Балканах. В зарубежных исторических трудах последнего времени прослеживается стремление к идеализации государственно-правовой системы Османской империи и ее политики в Юго-Восточной Европе; распространяется, в частности, мнение о положительной роли османов в истории Балкан, о «благодетельности» их власти для покоренных народов.

В румынской и турецкой историографии стала преобладать точка зрения о реальности существования в XIV—XVI вв. султанских актов, обеспечивавших Дунайским княжествам в обмен за уплату дани автономию в системе Османской империи. Некоторые авторы подчеркивают суверенитет княжеств и их равноправие в отношениях с Портой, благодаря чему, как они полагают, княжествам удавалось сохранять территориальную целостность¹⁰. Такие взгляды обосновываются ссылками на так называемые «капитуляции», или «договоры», валашских и молдавских господарей XIV—XVI вв. с султанами, содержавшие якобы условия признания княжествами османского сюзеренитета и фиксирующие их автономные права¹¹.

Однако до сих пор оригиналы «договоров» учеными не обнаружены. Их тексты фигурируют в исторической литературе в разных списках и с различной датировкой. Проведенный автором книги их источниковедческий анализ на основе новых архивных материалов и сопоставления всех имеющихся в настоящее время в распоряжении исследователей данных дает основание утверждать, что «договоры» являются документами конца XVIII в. и появление их связано с идеологией освободительного движения в Дунайских княжествах того времени.

Предпринятое исследование конкретной истории отношений княжеств с османами в конце XIV — XVI в. показывает, что эти отношения не были результатом каких-либо соглашений или договоров, тем более равноправных. Их формирование происходило под влиянием как внутривосточного положения в Валашском и Молдавском княжествах, так и в самой Османской империи, а также международной обстановки в Юго-Восточной Европе. Отсюда и поставленная в монографии задача — про-

следить эволюцию взаимоотношений княжеств с Портой в контексте международных отношений в юго-восточном регионе, выявляя диалектическую взаимосвязь внутренних и внешних факторов, оказывавшую в конечном итоге решающее влияние на ход событий. Такой подход в исследовании проблемы позволяет рассмотреть объективные предпосылки складывавшихся отношений Дунайских княжеств с Османской империей, характер этих отношений, влиявших наряду с международной ситуацией на их внешнеполитическое положение.

В данном аспекте автор сосредоточивается на том, чтобы проследить процесс установления вассальной зависимости Валашского и Молдавского княжеств от Порты и проявления особенностей их положения в системе Османской империи, определить время завершения этого процесса для каждого из княжеств.

Задачам исследования соответствуют и хронологические рамки монографии: конец XIV — XVI в. Именно в этот период формировались главные тенденции в отношениях Валашского и Молдавского княжеств с османами, оформлялся статус княжеств в системе империи, определявший в дальнейшем их взаимоотношения с Портой и оказавший серьезное влияние на всю их последующую историю, на их социально-экономическое, политическое и культурное развитие.

Реализация поставленных задач в изучении темы базируется на привлечении и анализе весьма широкого круга источников*. Значительную часть их составили материалы многочисленных собраний документов, летописей, опубликованных в разное время в Румынии. Особую ценность представляют осуществленные в последнее время румынскими туркологами публикации (с переводом на румынский язык) турецких документов и хроник, относящихся к истории Румынии, а также отдельные турецкие источники, введенные в научный оборот румынскими учеными в ряде статей и исследований. В своей работе над книгой автор использовал также данные из польских, русских и других документальных коллекций.

Были предприняты многолетние изыскания в российских архивохранилищах, а также Рукописном отделе библиотеки Академии Румынии. В результате выявлены дополнительные материалы, позволившие расширить круг свидетельств о внешнеполитической истории Дунайских княжеств, их отношениях с османами в рассматриваемое время, сопоставить новые данные с опубликованными источниками и существующей в исторической литературе трактовкой некоторых вопросов изучаемой темы. Особый интерес представляют документы, дающие возможность проследить историю появления в литературе текстов «капитуляций», на основе источникововедческого анализа выдвинуть гипотезу их происхождения.

---

* Перечень публикаций документов и архивных материалов, использованных в работе, см. в списке сокращений и разделе «Примечания».

Примечания

- 1 *Iorga N.* Geschichte des rumänischen Volkes im Rahmen seiner Staatsbildungen. Gotha, 1905. Bd. 1–2; *idem.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha, 1908–1913. Bd. 1–5; *Xenopol A.* Istoria Românilor din Dacia Traiană. Buc. (f. a.). Vol. 3–4. Ed. a 3-a, revăzută de I. Vlădescu; *Giurescu C.* Capitulațiile Moldovei cu Poarta otomană. Buc., 1908.
- 2 Catalogul documentelor turcești. Intocmite de *M. Guboglu.* Buc., 1960–1965. Vol. 1–2; Cronici turcești privind țările române. Extrase. Buc., 1960–1980. Vol. 1–3; *Maxim M.* Culegere de texte otomane. Fasc. I. Izvoare documentare și juridice (Sec. XV–XX). Buc., 1974; Documente turcești privind istoria României. Buc., 1976–1986. Vol. 1–3.
- 3 *Mehmed M.* Din raporturile Moldovei cu Imperiul Otoman în a doua jumătate a veacului al XV-lea // St. 1960. Nr. 5; *idem.* Un document turc concernant le haratch de la Moldavie et de la Valachie aux XV–XVI-e siècles // RESEE. 1967. Nr. 1–2; *Gemil T.* Din relațiile moldo-otomane în primul sfert al secolului al XVI-lea // AIIA. IX (1972); *idem.* Les relations de la Moldavie avec la Porte ottomane pendant le premier regne de Petru Rareș (1527–1538) // RRH. 1978. Nr. 2; *idem.* Mircea l’Ancien face a la politique imperiale de Bayezid I-er // RRH. 1986. Nr. 1–2; *idem.* Români și otomanii în secolele XIV–XVI. Buc., 1991; *Maxim M.* L’autonomie de la Moldavie et la Valachie dans les actes officiels de la Porte de la seconde moitié du XVI-e siècle // RESEE. 1977. Nr. 2; *idem.* Cu privire la statutul de’ahd al țărilor române față de Poartă. Considerații pe marginea unor izvoare otomane // RI. 1986. Nr. 6; *idem.* Țările Române și Inalta Poartă. Buc., 1993.
- 4 *Papacostea Ș.* De la Colomeea la Codrul Cosminului. Poziția internațională a Moldovei la sfârșitul secolului al XV-lea // Rsl. XVII (1970); *idem.* La Moldavie Etat tributaire de l’Empire ottoman au XV-e siècle: le cadre international des rapports établis en 1455–1456 // RRH. 1974. Nr. 3; *idem.* Politica externă a Moldovei în vremea lui Ștefan cel Mare: punct de reper // RI. 1975. Nr. I; *Gorovei Șt.* Moldova în «casa păcii». Pe marginea izvoarelor privind primul secol de relații moldo-otomane // AIIA. XVII (1980); *idem.* Pacea moldo-otomană din 1486. Observații pe marginea unor texte // RI. 1982. Nr. 7; *Denize E.* Aspecte noi cu privire la politica externă a lui Ștefan cel Mare în ultima parte a domniei (1490–1504) // SMIM. IX (1992).
- 5 *Ursu H.* Moldova în contextul european (1517–1527). Buc., 1972; *Ciurea D.* Relații externe ale Moldovei în secolul al XVI-lea. Considerații de ansamblu // AIIA. X (1973); *Gorovei Șt.* Petru Rareș (1527–1538; 1541–1546). Buc., 1982; *Rezachevici C.* Petru Rareș între sultan și lumea creștină în 1541–1542, după noi izvoare polone // RI. 1990. Nr. 5, 7–8; *Denize E.* Veneția, Țările Române și expansiunea otomană la începutul secolului al XVI-lea (1504–1529) // Cercetări istorice. 1997. 16.
- 6 *Ștefănescu Șt.* Bănia în Țara Românească. Buc., 1965; *idem.* Țara Românească de la Basarab «Intemeietorul» pînă la Mihai Viteazul. Buc., 1970; *idem.* Considerations concernant le caractère des rapports roumano-turcs et leur impact sur le développement historique de deux peuples // AUB. 1978.
- 7 *Гонца Г. В.* К истории молдавско-турецких отношений начала XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979; *он же.* Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV — первой трети XVI в. Кишинев, 1984.

- ⁸ *Орешкова С. Ф.* К вопросу о подчинении Валахии Османской империи // Краткие сообщения Института народов Азии. 1961.
- ⁹ *Семенова Л. Е.* Отношения Дунайских княжеств с Османской империей в конце XV — начале XVI в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984; *она же.* Взаимоотношения Дунайских княжеств с Османской империей в XVI в. // там же; *она же.* Молдавское княжество в международных отношениях в Юго-Восточной Европе во второй половине XV в. // Советское славяноведение. 1984. № 5.
- ¹⁰ *Giurescu C. C.* Sur les relations entre le peuple roumain et l'Empire Ottoman á travers les siécles // VII. Turk Tarih Kongresi. Bildiriler II. Ankara, 1973; *Maxim M.* Din istoria relațiilor româno-otomane. — «Capitulațiile» // Anale de istorie. 1982. Nr. 6; *Atabinen R. S.* Les apports turcs dans le peuplement et la civilisation de l'Empire Orientale. Galata-Istanbul, 1952; *Gökbilgin T.* La structure des relations turco-roumaines et des raisons de certains hüküms, ferman, berat et des ordres des sultans adresses au princes de la Motdavia et de la Valachie au XVI et XVII siècles // Belleten. Ankara. 1978.
- ¹¹ *Gökbilgin T.* La structure...; *Maxim M.* Din istoria...

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА
В СИСТЕМЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В исторической литературе общепризнано, что, находясь в системе Османской империи, Дунайские княжества сохраняли свою государственность, пользовались до начала XVIII в. (времени установления правления в княжествах господарей-фанариотов) значительными автономными правами.

В румынской историографии XIX в. утвердилась концепция оформления этого статуса княжеств путем договоров, вошедших в литературу под названием «капитуляций» или «старых договоров» валашских и молдавских господарей с турецкими султанами в XIV–XVI вв., содержавших якобы условия признания княжествами османского сюзеренитета.

Уже в начале XIX в. появился ряд исторических трудов, заложивших основы этой концепции. В 1819 г. в Вене Дионисий Фотино издал на греческом языке «Всеобщую историю Дакии» (перевод Г. Сиона опубликован в Бухаресте в 1859 г.)¹. По описанию Фотино, Валахия подчинилась османам при господаре Мирче Старом, который после битвы при Никополе в 1393 г. согласился платить дань в 3 тыс. красных пиастров султану Баязиду I с условием признания автономии и невмешательства османов в дела княжества. Второе подчинение княжества Фотино относил к 1460 г. (период правления Лайоты)². Молдавское же княжество подчинилось Порте, как считал Фотино, при господаре Богдане III (1504–1517), пославшем к султану Баязиду II логофета Иона Тэута во главе бояр с дарами и извещением о готовности уплачивать ежегодную дань. С этим посольством Фотино связывал издание султанской грамоты (хаттиумаюна), утверждавшей привилегии Молдавского княжества. Как писал Фотино, султан вручил Тэуту грамоту и подарил деньги, использованные логофетом на строительство церкви в с. Белинешти в Сучавском уезде³.

Фотино утверждает, что акты о подчинении Валахии он нашел в записках, принадлежавших Александру Вэкэреску, отец которого Енаке Вэкэреску, находясь в Стамбуле, скопировал ряд документов по императорским реестрам⁴. Эта коллекция документов никем более в литературе не упоминается и считается утерянной⁵. Однако существование ее представляется сомнительным. Перу просвещенного боярина Енаке Вэкэреску, хорошо знавшего турецкий язык и неоднократно бывавшего в Стамбуле в составе валашских делегаций после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., принадлежит «История всесильных оттоманских императоров», написанная после 1778 г.⁶. В ней Енаке, касаясь правления султана Мехмеда I, дает и описание подчинения Валахии османам. Он пишет, что в 1418 г. господарь с боярами, посоветовавшись, подчинились Мехмеду I, стали его данниками, сохранив все привилегии, обычаи и порядки княжества⁷.

То есть описание подчинения Валахии османам у Енаке Вэкэреску отличается от изложения этого акта Дионисием Фотино. Если, как пишет Фотино, в распоряжении Енаке были копии названных выше доку-

ментов, то почему же он дает другое описание событий, связанных с подчинением Валахии султану? Скорее всего, этих документов не было, и утверждение Фотино безосновательно.

Видимо, источником для описания Фотино являлась версия Михаила Кантакузино о подчинении при Мирче и Лайоте, изложенная им в исторических и статистических записках по Валахии в 1776 г., которые были опубликованы Тунусли на греческом языке в 1806 г. в Вене⁸. Тогда почему же Фотино ссылается на коллекцию документов Енаке Вэкэреску? Разгадка, на наш взгляд, состоит в том, что среди бумаг валашского боярина, участвовавшего после 1774 г. в составе депутатий от княжеств в представлениях Порте древних прав и привилегий Валахии, могли находиться материалы с описанием М. Кантакузино о подчинении княжества османами при Мирче и Лайоте.

На основе данных Фотино Ф. Колсон опубликовал в 1839 г. в Париже тексты актов, закреплявших права Валашского и Молдавского княжеств в отношениях с Османской империей⁹. В переводе Д. А. Стурдзы эти документы были напечатаны в 1856 г. в Яссах.

В 1845 г. М. Когэлничану опубликовал рукопись под названием «Старые трактаты, которые имела Молдова с Оттоманской Портой» с указанием, что она была найдена в составе одной из копий летописи Н. Костина¹⁰. Публикация представляла собой описание подчинения Молдавского княжества османам при государе Богдане III, пославшем с данью к султану логофета Тэута, и содержала изложение султанской грамоты, гарантировавшей княжеству определенные права и привилегии. Позднее данный текст, получивший в литературе название «Трактатов», вошел в издание летописей М. Когэлничану¹¹.

Другой вариант этого же текста напечатал Т. Кодреску в Яссах в 1857 г. в составе документа под заглавием «Автономия Молдовы. По заметкам местного писателя XVIII в.»¹². Автор заметок указывал, что трактат, утверждавший права Молдовы, хранился в архиве княжества до 1686 г., когда он погиб в результате пожара во время захвата Ясс польским королем Яном Собеским¹³.

Издания Д. Фотино, Ф. Колсона и М. Когэлничану послужили источником для последующих публикаций этих документов в XIX в. и их распространения в исторической литературе. Важное значение «капитуляциям» стали придавать в середине XIX в. в период движения за объединение княжеств. В связи с Парижским мирным конгрессом 1856 г., в работе и решениях которого было уделено большое внимание вопросу о дальнейшем государственном устройстве Валахии и Молдовы, проявился интерес европейской общественности к их истории¹⁴.

Этому не в малой степени способствовали сами идеологи Дунайских княжеств, которые, ратуя за объединение на основе традиции национального суверенитета, популяризировали «капитуляции» как реальные документы, представлявшие договоры валашских и молдавских господа-

рей с султанами в XIV–XVI вв. и утверждавшие суверенные права княжеств. Тексты «капитуляций» стали использоваться патриотическими силами княжеств для обоснования программы национального освобождения. Не случайно, например, самые ранние для XIX в. списки «Трактатов» сохранились среди документов, относящихся ко времени этеристского движения в княжествах и восстания в Валахии под руководством Тудора Владимиреску¹⁵.

Идеологи унионизма (объединения), отказавшись от революционного пути за объединение княжеств и стремясь добиться его при поддержке европейских держав, ссылались на «капитуляции» как историко-юридическую основу при определении международного статуса и устройства будущего единого государства. В период движения за объединение и оформилась историческая концепция договорных отношений Дунайских княжеств с Османской империей, основанных на «капитуляциях», якобы обеспечивавших автономию и суверенитет княжеств в обмен за уплату дани султану.

В середине XIX столетия появились сочинения с обоснованием концепции договорных отношений Дунайских княжеств с Портой в XIV–XVI вв., широко публиковались тексты «капитуляций». Чаще всего приводились договоры с султанами валашских господарей Мирчи Старого, Басараба Лайоты, Влада Цепеша, молдавского господаря Богдана III. Поскольку оригиналов этих текстов не было (и исследователям до сих пор не удалось их обнаружить), печатались они по разным спискам и с разными датировками (соответственно относили их к правлению то одного, то другого султана). «Капитуляции» включались в различные коллекции документов, издававшиеся в Бухаресте и в Яссах¹⁶, их достоверность в исторических сочинениях не подвергалась сомнению.

Тексты «капитуляций» как подлинных документов XIV–XVI вв. начинают фигурировать в европейских публикациях и исторической литературе XIX в.¹⁷. Ссылки на них появились и в трудах русских историков¹⁸. Хотя представитель Турции на заседании Парижской конференции 10 августа 1858 г. официально заявил, что Порта не может признать аутентичности текстов «старых договоров», на которые ссылаются Дунайские княжества и которые были представлены ими конгрессу в 1856 г.¹⁹, тем не менее эти тексты из европейских коллекций проникли и в собрания документов, издававшиеся турецкими учеными²⁰. «Капитуляции» были также положены в основу статей Парижской конвенции 1858 г., гарантировавших политическую автономию княжеств²¹. Таким образом, в XIX в. «капитуляции» рассматривались как реально существовавшие документы.

Дальнейшее развитие источниковедения и методики научных исследований в начале XX в. поставило перед учеными вопрос о подлинности «капитуляций» как исторических источников.

В 1902 г. при издании «Родословной Кантакузинов», написанной Михаилом Кантакузино, где приводились тексты о подчинении Валахии

османам при Мирче Старом и при Лайоте, Н. Йорга высказал мнение о том, что они представляют собой позднейшую версию отношений княжества с Портой, существовавших в XV в.²². О недостоверности этих «капитуляций» как источников XV в. Н. Йорга писал и в «Истории румынского народа», вышедшей в 1905 г.²³.

Точку зрения Н. Йорги поддержал И. Миня. Исследуя внутренние и международные условия Валахии времени правления Мирчи Старого, он сделал предположение, что первую дань Валахии Порте уплатил не Мирча, а его соперник Влад, вошедший в историю под именем Узурпатор²⁴.

Серьезный источниковедческий анализ «капитуляций» провел К. Джуреску в работе «Капитуляции Молдовы с Оттоманской Портой», изданной в 1908 г.²⁵. Он подверг критическому разбору опубликованные М. Когэлничану тексты «Трактатов», содержавшие изложение условий подчинения Молдавского княжества Порте в 1512 г. при государе Богдане III, и установил, что они не имеют никакой связи с летописью Н. Костина²⁶. Самый ранний список «Трактатов» К. Джуреску относил к периоду после 1804 г.²⁷. Сравнив свидетельства других исторических источников с содержанием «Трактатов», он пришел к выводу, что последние являются подделками конца XVIII в., целью которых было доказать обоснованность требований о восстановлении древних привилегий княжеств.

Одновременно с работой К. Джуреску в 1908 г. вышла в свет книга С. Лонджинеску по истории румынского права. Основываясь на юридическо-правовых принципах и нормах, он доказывал возможность существования договорных отношений Дунайских княжеств с Портой в XIV–XVI вв. В частности, С. Лонджинеску считал, что в 1512 г. между молдавским государем Богданом III и султаном Селимом I был заключен договор, оформлявший отношения княжества с Османской империей²⁸.

Работа К. Джуреску вызвала большой интерес румынских историков к проблеме установления османского сюзеренитета в Молдавском княжестве. В межвоенной румынской историографии по мере выявления и накопления новых источников появлялись труды, авторы которых уточняли и развивали отдельные аспекты поднятой К. Джуреску проблемы. В исторической литературе развернулась дискуссия о времени признания Молдавским княжеством вассальной зависимости от Османской империи.

Ю. Маринеску в 1910 г. высказал мнение, что произошло это в 1514 г., в период правления Богдана III²⁹. В появившемся в 1914 г. специальном исследовании Н. Константинеску «Начало и установление турецкого сюзеренитета в Молдове» обосновывалось положение о том, что установление вассальных отношений княжества с Портой относится ко второму правлению государя Петра Рареша (1541–1546), что до этого времени княжество уплачивало только дань султану, не являясь его вассалом³⁰. Против такой постановки вопроса выступил в том же году Г. Загориц. Он считал исторически неправомерным понятие даннических отношений без вассалитета. Загориц относил установление

вассальных отношений княжества с Османской империей к 1497 г., когда Штефан Великий признал себя подданным султана³¹.

На основе анализа документов эпохи молдавского господаря Петра III Арона, изданных историками в публикациях 20–30-х годов³², Ф. Бабингер выступил в 1936 г. с мнением о том, что первая дань Порте была уплачена Ароном не в 1456 г., а в сентябре 1455 г.³³. Точка зрения Ф. Бабингера была поддержана Н. Белдичану, который пришел к заключению, что между Молдавским княжеством и Османской империей существовал ряд договоров. Относя уплату первой дани султану к 1455 г., автор не связывает ее с оформлением отношений княжества с Портой путем договора, произошедшим, как он полагает, в правление Штефана Великого между 1487 и 1489 гг.³⁴. Н. Белдичану допускает возобновление этого договора при Богдане III в 1514 г.³⁵, когда султан увеличил молдавскую дань с 4 до 8 тыс. золотых. И третий договор, по мнению автора, был заключен после экспедиции Сулеймана I в 1538 г. в Молдавское княжество, в результате которой княжество стало действительно вассальным по отношению к Османской империи³⁶.

В 1945 г. А. Дечей опубликовал найденную им в библиотеке Стамбула турецкую копию XV в., которую он рассматривал как договор между Штефаном Великим и Мехмедом II и датировал его 1479 г., аргументируя сложившимся внешнеполитическим положением Молдавского княжества в то время, когда мирные отношения с Портой установили Венгрия, Польша и Венеция³⁷.

С возражением А. Дечею выступил Н. Григораш. По его мнению, рассмотрение внешнеполитического положения Молдавского княжества в 70-е гг. XV в. не дает оснований для такого утверждения. Штефан III мог заключить договор с Портой, как пишет Н. Григораш, только в период правления Баязида II. Он относит установление мирных отношений молдавского господаря с султаном к 1486 г., полагая, что они продлились до 1496 г.³⁸.

Новый этап в изучении проблемы начался в румынской историографии после 1944 г. В послевоенный период немало внимания уделялось освещению истории освободительной борьбы румынского народа против османского владычества. В связи с этим значительное место в работах румынских историков стали занимать вопросы положения Дунайских княжеств в системе Османской империи, их отношений с Портой.

Проблема достоверности «старых договоров» княжеств с султанами в XIV–XVI вв. не поднималась. Большинство исследователей придерживалось точки зрения К. Джуреску, считая «капитуляции» версиями XVIII–XIX вв. В ряде работ разрабатывались и конкретизировались отдельные моменты истории отношений Дунайских княжеств с Османской империей в XIV–XVI вв. Важное значение придавалось выявлению и публикации новых документов, особенно турецких.

Касаясь времени первой уплаты Молдавским княжеством дани султану, П. Панаитеску пересмотрел тщательнейшим образом данные источников, сопоставил их с историческими событиями и фактами периода правления Петра Арона и пребывания на султанском троне Мехмеда II и пришел к заключению, что наиболее точной датой первой дани Порте является 1456 г.³⁹ В монографии, посвященной валашскому господарю Мирче Старому, П. Панаитеску утверждал, что так называемый договор Мирчи с султаном Баязидом I не может быть отнесен к 1391 или 1393 г. По его мнению, Мирча начал платить дань с 1415 г., но не Баязиду, а Мехмеду⁴⁰.

При исследовании румынскими историками периода Штефана Великого вносились уточнения в освещение его отношений с Османской империей. Так, Б. Кымпина считал, что Штефан заключил договор с Портой на условиях уплаты дани в 1481 г. и возобновил его в 1487 г.⁴¹

Большое значение для изучения положения княжеств в системе Османской империи имели статьи М. Берзы о харадже Молдовы и Валахии в XV–XIX вв.⁴² На базе широкого круга опубликованных источников автор прослеживает эволюцию суммы ежегодной дани княжеств Порте на протяжении пяти веков.

Анализируя ряд турецких документов по истории отношений Молдавского княжества с Османской империей во второй половине XV в., М. Мехмет высказал предположение, что первым договором княжества с Портой был подписанный Мехмедом II документ от 9 июня 1456 г., который историки расценивали как торговую привилегию султана белгородским (аккерманским) купцам⁴³. Он предложил новый перевод опубликованной А. Дечеем турецкой копии договора Штефана Великого с Мехмедом II, датировав его 1479–1481 гг. По мнению М. Мехмета, в 1487 г. международная и внутренняя обстановка заставили Штефана Великого возобновить договор с Портой, не менявший, однако, положение княжества, подчинение которого Османской империи происходит после Штефана III⁴⁴.

Итоги исследований румынскими историками в 40–50-х гг. XX в. вопросов отношений Дунайских княжеств с Османской империей в XIV–XVI вв. нашли отражение во втором томе академического издания обобщающей «Истории Румынии»⁴⁵.

В 60–70-е гг. с усилением националистических тенденций в исторической науке Румынии тема отношений Валашского и Молдавского княжеств с османами в XIV–XVI вв. и проблема «капитуляций» приобрели особую актуальность. В освещении этой проблематики стало характерным преувеличение суверенитета и автономии Дунайских княжеств в отношениях с Портой на протяжении всей истории их взаимоотношений. Была возрождена точка зрения румынской историографии XIX в. о заключении валашскими и молдавскими господарями в XIV–XVI вв. договоров, или «капитуляций», с султаном. В ряде трудов появились утверждения, что Дунайские княжества не входили в состав Османской импе-

рии и на протяжении многовекового соседства с ней сохраняли полную внутреннюю самостоятельность, уплачивая дань султану⁴⁶.

Наиболее отчетливо такие взгляды проявились в работах К. К. Джуреску. В 1970 г. он выступил на VII конгрессе по туркологии в Анкаре с развернутым тезисом об установлении на основе договоров валашских и молдавских господарей с Портой в XIV–XVI вв. особых отношений между Османской империей и Дунайскими княжествами, гарантировавших последним сохранение государственности, свободного экономического и политического развития. При этом османы, считал румынский историк, исходили из признания и оценки княжеств как важной военной и политической силы на юго-востоке Европы⁴⁷. Эти положения в последующем были развиты К. К. Джуреску в книге «Спорные проблемы в румынской историографии», вышедшей в 1977 г.⁴⁸.

В 60-е гг. в румынской исторической литературе вновь был поднят вопрос о подлинности «капитуляций». С обоснованием тезиса о том, что молдавский господарь Богдан III в 1512 г. заключил с султаном Селимом договор, оформивший вассальную зависимость Молдавского княжества от Порты, выступил в 1964 г. М. Нягое⁴⁹.

В 1972 г. Т. Джемил опубликовал две найденные в архиве Стамбула копии писем молдавских господарей⁵⁰. Первое, как он полагает, было написано господарем Богданом III султану Баязиду II в сентябре 1511 г. Автором второго письма Т. Джемил считает господаря Штефэницу (1517–1527) и относит дату его написания к периоду не ранее 26 июля и не позднее 29 августа 1521 г. На основе анализа и сопоставления содержания писем господарей с рядом источников начала XVI в. Т. Джемил делает вывод, отличающийся от мнения большинства румынских историков. Возражая С. Лонджинеску и М. Нягое, он пишет, что установление вассальной зависимости княжества от Османской империи не было результатом одного определенного договора, а представляло длительный во времени процесс⁵¹. В изданной в 1991 г. книге «Румыны и османы в XIV–XVI вв.» Т. Джемил на основе большого комплекса источников, в первую очередь турецких, рассматривает юридический статус Молдавского и Валашского княжеств, их полититические и экономические отношения с Османской империей⁵².

С поддержкой М. Нягое выступил в 1973 г. М. Чука. Он опубликовал документ, которым будущий султан Селим I подтверждал молдавскому господарю Богдану III полученные от Баязида II права рыболовства в реках и озерах северной части бассейна нижнего Дуная, принадлежавшей Молдавскому княжеству и перешедшей во владение османов после завоевания ими в 1484 г. Килии и Белгорода, а также права на получение доходов с прилегающих к этим водоемам территорий⁵³. Документ этот был уже известен исследователям. Впервые его отметил М. Губоглу⁵⁴, затем он рассматривался Н. Белдичану⁵⁵.

М. Чука придает большое значение публикуемому документу в изучении истории политических взаимоотношений Молдавского княжества

с Османской империей в начале XVI в. Он считает, что документ дает возможность уточнить дату заключения договора между Богданом и Селимом. Этот договор, по мнению М. Чуки, предшествовал подтверждению Селимом прав молдавского господаря, которое он датировал 25 января 1512 г. Признанием прав княжества, пожалованных Баязидом II, полагает ученый, Селим хотел привлечь молдавского господаря на свою сторону, сделать его своим союзником, подчеркнув, что союз с ним ничего не меняет в отношениях княжества с Портой⁵⁶.

Отдельные румынские историки продолжают обосновывать точку зрения, что оформление статуса Молдавского княжества в отношении с Османской империей происходит не при Богдане III, а при Штефане Великом. Стронником ее является известный исследователь внешнеполитической истории Молдавского княжества второй половины XV в. Ш. Папакостя, который ссылается на свидетельства итальянского гуманиста Буонакорси-Каллимаха, участвовавшего в 1485–1486 гг. от имени польского короля в переговорах с Портой. В письме к римскому папе в 1490 г. Каллимах писал, что после ряда побед над султаном Штефан подчинился, но не под давлением оружия, а «на определенных условиях». Это известие Каллимаха, по мнению Ш. Папакости, доказывает существование договора Штефана с султаном Баязидом II. Датой его он считает 1489 г.⁵⁷.

На основе анализа турецких хроник Н. Белдичану приходит к выводу, что молдавско-турецкий договор был заключен в 1486 г.⁵⁸. Это мнение обосновывает и Шт. Горovej⁵⁹.

Относящиеся к Валахии «капитуляции» 1393 и 1460 гг. были проанализированы известным румынским историком Шт. Штефэнеску в книге «Валахия от Басараба I „Основателя“ до Михая Храброго». Он признает, что тексты этих «капитуляций» не являются подлинниками и были составлены в конце XVIII в. Договора между Мирчей Старым и Баязидом I, по мнению автора, не существовало; Мирча обязался платить дань османам в 1415 г. по договору с Мехмедом I. Вторая же «капитуляция», по утверждению Шт. Штефэнеску, могла быть заключена между Раду Красивым и Мехмедом II в 1462 г. после похода султана в Валахию⁶⁰. В то же время автор считает, что составители актов 1393 и 1460 гг. исходили из реального положения княжества в XIV–XV вв., которое пользовалось автономией в обмен за уплату дани Порте⁶¹.

Со второй половины XVI в., как отмечает Шт. Штефэнеску, автономия Валахии начинает нарушаться султаном, Порта все чаще вмешивается в дела Дунайских княжеств, назначая угодных себе господарей, увеличивая дань. В книге показываются изменения в положении Валахии во второй половине XVI в. в связи с усилением зависимости княжества от Османской империи⁶². Формулируя свое мнение относительно «капитуляций», автор пишет: «Если даже „договоры“, или „капитуляции“, как документы не существовали, автономия, которой добивались в XVIII–XIX вв. правящие круги княжеств, действительно существовала

в XIV–XVI вв.»⁶³. Эта точка зрения была высказана Шт. Штефэнеску и в докладе на коллоквиуме турецких и румынских историков в Анкаре в 1977 г.⁶⁴. В одной из своих работ последнего времени, посвященной румынской истории XVIII в., касаясь «капитуляций», он признает, что составителями их текстов могли быть находившийся в Стамбуле боярин Енаке Вэкэреску* и хронист Николай Костин⁶⁵.

Будучи вынужденными признать, что фигурировавшие в литературе с XIX в. тексты «капитуляций» являются документами XVIII–XIX вв., румынские историки все чаще стали писать о существовании в XIV–XVI вв. других подлинных актов, регламентировавших отношения княжеств с Османской империей и обеспечивавших им автономию. Так, И. Матей считает, что статус автономии Дунайских княжеств в системе империи определялся в этот период актами султана (ахднаме), фиксировавшими двусторонние отношения и впоследствии периодически возобновлявшимися вплоть до XVIII в., когда права и привилегии княжеств стали связываться с капитуляциями⁶⁶.

Позиция новейшей румынской историографии по проблеме «капитуляций» получила наиболее полное отражение в работах румынского турколога М. Максима. Он утверждает, что в основе текстов «капитуляций» лежали оригиналы более древних официальных турецких документов, которые гарантировали автономные права княжеств⁶⁷. Как полагает М. Максим, эти документы по форме могли быть разными: ахднаме, хаттихумаюны, бераты, хаттишерифы; но, несмотря на выражавшиеся в них мусульманские претензии, по содержанию они являлись актами, фиксировавшими на практике взаимные права и обязанности, и выдавались Портой в результате переговоров⁶⁸, хотя это и противоречило официальным канонам ислама. В процессе отношений княжеств с Османской империей эти акты, по его мнению, возобновлялись, обеспечивая княжествам сохранение автономии и самостоятельности. Свою точку зрения М. Максим изложил в изданной в 1993 г. книге «Румынские княжества и Высокая Порта», посвященной рассмотрению юридических аспектов румынско-османских отношений в Средние века⁶⁹.

Как указывалось выше, что, хотя Порта никогда не признавала аутентичности «капитуляций», тексты их из европейских изданий проникли и в турецкие публикации конца XIX в. Данных о существовании турецких текстов «капитуляций» в литературе нет. Сама проблема «капитуляций» в историографии Турции специально не исследовалась. Можно отметить лишь отдельные замечания в общих трудах по истории Османской империи. Так, в 30–40-х гг. XX в. турецкие историки Решад Экрем (Кочу) и И. Узунчаршылы считали «капитуляции» подлинными османскими актами XIV–XVI вв., предоставленными господарям Дунайских княжеств⁷⁰.

---

* См. с. 21–22.

Исходя из тезиса о положительной роли османских завоеваний в истории народов Юго-Восточной Европы⁷¹, современная турецкая историография стремится затушевать негативные последствия владычества Порты в Дунайских княжествах и даже представить княжества не как вассальные султану, а как суверенные государства, имевшие с Османской империей отношения на двусторонней основе⁷². Некоторые турецкие историки доходят до утверждения, что благодаря Османской империи Дунайские княжества сохраняли свою государственность и территориальную целостность⁷³.

В последнее время турецкие историки стали рассматривать «капитуляции» как документы, определявшие отношения Османской империи с Валашским и Молдавским княжествами. Так, по мнению Т. Гёкбилгина, «капитуляции», полученные валашским господарем Мирчей Старым и молдавским господарем Богданом III, возобновлялись султанами в последующем, обеспечивая целостность и политическую самостоятельность княжеств⁷⁴.

Итак, совершенно очевидна происходившая, в первую очередь под влиянием политических факторов, определенная трансформация трактовки проблемы «капитуляции» в зарубежной историографии со времени появления текстов «капитуляций» в исторической литературе и начала использования их в европейской дипломатии.

В отечественной историографии проблема «капитуляций» не была предметом специального исследования. Но некоторые ее аспекты затрагивались в трудах отдельных специалистов. С. Ф. Орешкова в статье, посвященной вопросу о подчинении Валахии Османской империи, предприняла попытку на основе опубликованных материалов проследить историю появления в литературе «капитуляций» 1393 и 1460 гг.⁷⁵

Отношения Молдавского княжества с Османской империей в конце XV — начале XVI в. и в связи с этим вопрос о времени заключения османско-молдавского договора рассматривались в работах Г. В. Гонцы⁷⁶. Он сделал интересное, верное, на наш взгляд, наблюдение о том, что в 1772 г., в период работы Фокшанского мирного конгресса, текста османско-молдавского договора не было. Однако вывод Г. В. Гонцы о появлении этого текста на рубеже 20-х гг. XIX в.⁷⁷ нуждается в корректировке.

Отдельные подходы к проблеме «капитуляций» предпринимались и автором настоящей книги⁷⁸.

Состояние историографии свидетельствует, таким образом, о необходимости дальнейшего исследования этой проблематики на новом уровне, основанном на пересмотре, сопоставлении и оценке всех имеющихся источников и особенно привлечении новых, в том числе архивных, материалов.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ «КАПИТУЛЯЦИЙ»

В исследовании проблемы «капитуляций» первостепенное значение имеет выяснение истории появления первых их текстов, которые представлялись в литературе как реальные документы XIV–XVI вв., утверждавшие привилегии Дунайских княжеств в отношениях с османами. Решение такой задачи представляется возможным лишь на основе тщательного источниковедческого анализа этих текстов с использованием новых материалов и пересмотра всего комплекса имеющихся в распоряжении ученых свидетельств.

Прежде всего, что же представляли собой капитуляции как документы?

Известно, что османы в соответствии с нормами ислама допускали лишь терпимость к «неверным», никогда не признавая их равными с мусульманами. Отсюда религиозная и социальная, политическая и юридическая дискриминация христиан в Османской империи⁷⁹. Поэтому, устанавливая отношения с Портой, европейские правители добивались для своих подданных права экстерриториальной юрисдикции и ряда привилегий, закреплявшихся капитуляциями.

Капитуляции представляли собой предоставленные Портой европейским государствам акты, регулировавшие отношения между ними и Османской империей, в том числе торговые связи, а также положение подданных этих государств в империи. Согласно таким актам, их консулы получали право юрисдикции над своими подданными, проживавшими на территории империи. В капитуляциях, касавшихся торговли Османской империи с европейскими государствами, взаимно оговаривалось положение торговцев с обеих сторон. Этим ограничивался элемент двусторонней договоренности в содержании капитуляций. По существу же они являлись односторонними актами Османской империи. Их характер четко определил К. Маркс, который писал: «Капитуляции — это имперские дипломы, грамоты о привилегиях, выданные Портой различным европейским государствам и разрешающие подданным этих государств беспрепятственно въезжать в магометанские земли, заниматься там своими делами и совершать богослужение по своему обряду... Капитуляции являются льготами, односторонне дарованными правительством, которое, следовательно, может по своему усмотрению отменить их»⁸⁰.

К XVI–XVII вв. относятся капитуляции, предоставленные Портой ряду европейских стран, в том числе Франции, Венеции, Англии, Голландии. Капитуляции неоднократно возобновлялись вплоть до начала XX в. При этом в зависимости от потребностей торговли менялась часть акта, относящаяся к торговым отношениям сторон, в то время как пункты о положении иностранцев в Османской империи, оставались неизменными⁸¹.

Со второй половины XVIII в. капитуляции получили широкое распространение в отношениях Порты с европейскими странами, в оформле-

нии статуса иностранных подданных империи. Одновременно в некоторых частях самой империи стало появляться стремление к получению капитуляций, к закреплению на их основе определенных привилегий. Во входивших в систему Османской империи Дунайских княжествах такая тенденция проявляется с конца XVIII в. Связано это было как с внутриполитической обстановкой в самих княжествах, развитием в них национально-освободительного движения, так и международной ситуацией, складывавшейся в Юго-Восточной Европе в условиях обострения борьбы между европейскими державами за преобладание в регионе.

В условиях выявившегося в конце XVI в. кризиса тимарной системы и обострившихся социальных противоречий в Османской империи усиливалась вассальная зависимость княжеств от султана. В силу особенностей их статуса в системе империи в XVII в. увеличилась османская экономическая эксплуатация, выросло влияние Порты на политическую жизнь в княжествах.

С установлением в начале XVIII в. правления господарей-фанариотов (греков, происходивших из стамбульского квартала Фанар) в княжествах усилилось подчинение османам, все более выявлялось его пагубное влияние на ход экономического, политического и культурного развития. Увеличивавшиеся экономические требования Порты в обстановке проявившегося в конце XVIII в. кризиса османской военно-феодальной системы приводили к возрастанию государственного податного гнета, а следовательно, к усилению преобладавших феодально-государственных форм эксплуатации народных масс. Выкачивание султаном из княжеств огромных материальных и денежных средств, опережавшее развитие их производительных сил, создавало финансовые трудности, которые отрицательно влияли на состояние экономики и задерживали первоначальное накопление в Молдавии и Валахии. Осуществляемая Портой политика изощренного грабежа стала главным фактором, тормозившим начавшийся в них во второй половине XVIII в. процесс разложения феодализма и развития зачатков капиталистических отношений.

Наращение недовольства народных масс в условиях экономических трудностей заставляло господарей и боярство идти на перемены в аграрных отношениях, которые укрепили бы их сословные привилегии и обеспечили присвоение прибавочного продукта. Реформы Константина Маврокордата середины XVIII в., отменив личную зависимость крестьян от вотчинников и упорядочив присвоение феодалами централизованной ренты, консолидировали положение господствующего класса княжеств и господаря. Проведение реформ свидетельствовало о том, что само боярское сословие под давлением крестьянского недовольства уже не может не считаться с необходимостью перемен.

В силу отсталости тогдашнего общества в Дунайских княжествах в теоретическом плане поисками выхода из создавшегося положения и путей дальнейшего национального и социального развития занимались

единичные представители господствовавшей боярской (почти исключительно крупнобоярской) прослойки. Антифеодальное направление общественной мысли еще не зародилось. В плане внутреннем, в первую очередь в области аграрных отношений, молдавское и валашское боярство придерживалось, как правило, консервативных взглядов⁸².

Таковыми же взглядами руководствовались господствующие классы княжеств и при выработке программ национального освобождения. Не принимая противоречащий их сословным интересам путь народного выступления, имевшего, помимо национальной, социальную направленность, они ориентировались на освобождение при опоре на крепостническую Россию, что давало бы возможность дальнейшего развития княжеств на видоизмененной феодальной основе. Умеренность социальных взглядов мыслителей Дунайских княжеств второй половины XVIII в., их боярское происхождение объясняют тот факт, что, испытывая влияние западного просветительства, стимулировавшего духовное пробуждение, княжества стремились освободиться с помощью России. При этом следует иметь в виду, что идеологи Дунайских княжеств, среди которых были распространены идеи просвещенного абсолютизма и которые жили в обстановке господства Османской империи, более отсталой и реакционной, чем Россия, несколько идеализировали российские государственные порядки⁸³.

Русско-турецкие войны XVIII в., право России покровительствовать Дунайским княжествам, полученное по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г., объективно стимулировали освободительные настроения населения княжеств, повышали его социальную активность. В борьбе единой России против Османской империи оно видело реальную возможность поражения Порты и своего освобождения. Поэтому периоды русско-турецких войн были отмечены подъемом национально-освободительного и социального движения в княжествах, особенно в Молдавии⁸⁴.

В исторических условиях XVIII в. идеологом движения выступала часть крупного боярства и духовенства, оппозиционно настроенная по отношению к Порте и ее ставленникам государям-фанариотам. Поиски путей национального освобождения все больше занимали умы патриотов в среде валашского и молдавского боярства и духовенства. Реальный выход они видели в ориентации на Россию. Эта позиция определялась сложившимся в то время соотношением сил в международной политике в Юго-Восточной Европе. Учитывая укрепление влияния России на Балканах, освободительная программа патриотически настроенной части молдавских и валашских бояр и духовенства предусматривала установление российского протектората или включение княжеств в состав Российской империи на условиях сохранения ими политической автономии.

Такая программа диктовалась и внутренней обстановкой в княжествах, характеризовавшейся углублением кризиса феодальной системы и усилением освободительного и социального движения народных масс.

Используя тягу населения к единоверной России, стремление к освобождению с ее помощью, правящие круги княжеств рассчитывали направить в выгодное для себя русло освободительную и социальную борьбу масс. В то же время претворение в жизнь этой программы должно было не только защитить интересы господствующих классов внутри княжеств, но и оградить их привилегии от притеснений Порты.

Политика России в Юго-Восточной Европе, русско-турецкие войны XVIII в. создавали благоприятные условия для осуществления программы патриотически настроенных бояр и духовенства княжеств, которые обращались к русскому правительству с просьбами о помощи и покровительстве. В сохранившихся в российских архивах многочисленных обращениях нашли отражение политические программы определенных слоев господствующих классов в Дунайских княжествах, взгляды их представителей на пути национального освобождения. Анализ этих обращений позволяет выявить становление и эволюцию основных программных положений.

Программа ориентации княжеств на Россию видоизменялась в зависимости от расстановки сил в Юго-Восточной Европе в тот или иной период. Так, весной 1737 г. представители правящей верхушки валашского боярства во главе с митрополитом обратились к императрице Анне Иоанновне с просьбой оказать помощь в освобождении княжества от османского господства. В грамоте от 25 апреля они писали: «Рабско просим или чрез посредство мира, или чрез императорское ваше оружие не оставить нас уже более в порабощении сих других народов пребыть, но всяким образом освободить нас и привести в православное вашего величества подданство»⁸⁵. Осенью того же года правящие круги Валахии прислали повторную просьбу о протекторате России⁸⁶.

Этим обращениям предшествовала тайная миссия валашского ворника Преда Другэнеску, который по поручению большой группы бояр прорусской ориентации прибыл осенью 1736 г. в Россию, чтобы через находившихся здесь Кантемиров и Кантакузино склонить российское правительство к оказанию помощи в освобождении Валахии от османской зависимости⁸⁷. Представляют интерес доставленные Другэнеску списки бояр и монастырей, изъявивших желание быть под покровительством России. В них имена более сотни бояр и боярских семей, названия свыше 70 монастырей. Любопытно, что перечислены фамилии только пяти бояр, которые хотят перейти в подданство Австрии⁸⁸. Эти документы отражают реальное соотношение политических сил в Валахии в период русско-турецкой войны 1736–1739 гг. Претензии Габсбургов на Валахию, вступление австрийских войск в ходе военных действий 1737 г. на территорию княжества способствовали росту влияния боярской партии прорусской ориентации. В протекторате России она видела единственное средство для того, чтобы, используя условия войны, вернуть оккупированную Австрией в 1718 г. Олтению и противостоять планам Габсбургов. Поэтому данная группировка валашского боярства и духовенства проявила настойчивость

в установлении связей с российским правительством с целью получения его помощи в освобождении княжества. Под влиянием этих просьб русские представители выдвинули на Немировском конгрессе требование о предоставлении независимости Дунайским княжествам⁸⁹.

Для характеристики программы молдавского господствующего класса в период русско-турецкой войны 1736–1739 гг. показательны переговоры между духовными и светскими чинами Молдавии и фельдмаршалом Х. Минихом сразу же после вступления русских войск в Яссы в сентябре 1739 г. Х. Миниху был представлен текст условий вступления княжества в подданство России. «Мы себя подвергаем, — говорилось в его втором пункте — в высочайшую ее императорского величества нашей всемилостивейшей государыни протекцию, и ее справедливые соизволения за наши законы приемлем». Россия, со своей стороны, не должна была вмешиваться во внутренние дела княжества, сохранять права и привилегии боярства. Представители молдавского духовенства и бояр просили, чтобы они «имели те же вольности, привилегии и преимущества как в духовных, так и в светских делах, каковыми прочие ее императорского величества подданные пользуются»⁹⁰. Но представленные молдавским боярством и духовенством документы не ушли дальше ставки русского командования. Вследствие возникших международных осложнений российское правительство было вынуждено вскоре отвести свои войска с территории княжества.

Во время последующих русско-турецких войн, особенно в периоды успешных действий русских войск, в частности и на территории княжеств, представители господствующих классов Дунайских княжеств продолжали направлять российскому правительству многочисленные обращения с просьбой о помощи в освобождении от османского господства и о покровительстве России. В 70-е гг. XVIII в. правящее молдавское и валашское боярство и духовенство высказывались о намерениях княжеств войти в состав России. Молдавские духовные лица во главе с митрополитом Гавриилом в грамоте Екатерине II от 10 декабря 1769 г. просили: «Да всегда будем под высоким защищением и покровом вашего императорского величества... и охранены непобедимым оружием вашего императорского величества»⁹¹.

Весной 1770 г. в Петербург прибыли делегации бояр и духовенства из Молдавского и Валашского княжеств, которые привезли с собой грамоты. В грамоте от 18 ноября 1769 г. восемнадцать представителей валашского боярства от имени жителей всего княжества писали: «Всеусерднейше же молим, да примет ваше величество места наши под неотъемлемое покровительство и утвердит нас непобедимую защитую, присовокупя к пространству империи вашего величества»⁹². Молдавские бояре в своей грамоте выражали благодарность российскому правительству за то, что «по давнему желанию нашему удостоились быть под державным покровительством вашим»⁹³.

В таком же духе были составлены обращения бояр и духовенства княжеств на имя Екатерины II от июля 1772 г., переданные ими полно-

мочным русским послам на Фокшанском мирном конгрессе⁹⁴. В прошении, подписанном 42 валашскими боярами и духовными лицами и врученном в декабре 1772 г. русскому полномочному министру на Бухарестском конгрессе А. М. Обрескову, говорилось: «Воззрите на всю нацию, пришедшую в крайнее разорение», которая «чае видеть себя освобожденною от несносного Порты Оттоманской ига и присовокупленную к счастливейшим областям всероссийским»⁹⁵.

Итак, в 30-е и в последующие годы XVIII в. представители валашского и молдавского боярства и духовенства просили о присоединении к Российской империи или о российском протекторате. После заключения в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мира, по условиям которого Дунайские княжества оставались под властью Порты, а российские представители в Стамбуле получили право выступать «в пользу сих двух княжеств», главной задачей программы их господствующих классов становится восстановление и закрепление при поддержке России привилегий княжеств в системе Османской империи. При этом они стремились использовать в своих интересах получивший в это время широкое распространение в османской дипломатической практике режим капитуляций.

Валашские и молдавские бояре и духовенство составили документы с перечнем прав и привилегий княжеств, полученных ими якобы по договорам с султаном в XIV–XVI вв., признания которых они стали добиваться у Порты при содействии России, выступавшей в качестве покровительницы княжеств.

Впервые ссылки на древние привилегии княжеств встречаются в русских дипломатических документах, относящихся к периоду 1769–1770 г.

В ходе начавшейся войны с Турцией в результате успешных действий русских войск, в составе которых сражались молдавские и валашские добровольцы, к началу 1770 г. большая часть территории Дунайских княжеств была освобождена от власти султана. Вопрос о дальнейшей судьбе княжеств российское правительство поставило на заседании Государственного совета от 11 марта 1770 г., но его рассмотрение было отложено до прибытия депутатов от княжеств⁹⁶. Делегации из представителей валашских и молдавских бояр и духовенства прибыли в Петербург в конце марта. На чрезвычайном собрании Государственного совета от 12 апреля были зачитаны привезенные ими грамоты⁹⁷.

Валашские и молдавские депутаты имели рекомендательные письма к возглавлявшему Коллегию иностранных дел Н. И. Панину с просьбой, чтобы их приняла императрица⁹⁸. 28 марта 1770 г. Екатерина II встретила с депутатами от Дунайских княжеств, которые передали ей привезенные грамоты и устно просили о покровительстве России. В ответ здесь же, на аудиенции, по решению Екатерины II послы получили заверение о «принятии под высочайший покров обоих княжеств»⁹⁹.

За этой общей формой ответа скрывалась осторожная позиция России в вопросе о княжествах. Все просьбы, поступавшие из Молдавии и

Валахии, российское правительство, хотя и учитывало, но оставляло без последствий, в то время как западная дипломатия и пресса распространяли слухи о стремлении России к присоединению княжеств. В действительности на данном этапе таких намерений у российского правительства не было. Даже в известном «греческом проекте» 80-х гг., предусматривавшем изгнание османов из Европы, при всех своих завоевательных и своекорыстных планах царизм не выдвигал задачи территориального овладения Дунайскими княжествами. По проекту они должны были составить независимое государство Дакия, которое бы выполняло задачи буфера царской политики на Балканах и одновременно являлось бы барьером на пути экспансионистских устремлений западных держав и Османской империи в направлении юго-западных границ России. «Новая сия держава, — говорилось в проекте, — не может быть присоединена ни к России, ни к Австрии»¹⁰⁰. Главной целью проекта было лишь фактическое обеспечение преобладания России в Юго-Восточной Европе. Но и эти планы российского правительства относительно Молдавии и Валахии имелись в виду только в перспективе и не выдвигались на первый план как конкретная программа деятельности.

В условиях обострившегося в последней четверти XVIII в. соперничества западных держав за преобладание в Юго-Восточной Европе вопрос о судьбе Дунайских княжеств приобрел важное значение. Чтобы воспрепятствовать усилению российских позиций в регионе, соперники России отстаивали целостность Османской империи, неприкосновенность ее владений, что фактически означало сохранение господства султана под покоренными народами. Французская и австрийская дипломатия прилагали все усилия к тому, чтобы не допустить отторжения Дунайских княжеств от Порты. Пруссия сближалась с Венским двором, чтобы, используя притязания Габсбургов на Дунайские княжества, действовать против своей союзницы России¹⁰¹.

В складывавшейся ситуации российское правительство уделяло особое внимание вопросу о княжествах. При его рассмотрении и выработке своей позиции оно использовало прибытие в Петербург весной 1770 г. валашских и молдавских посланцев. Представляется не случайной задержка в России депутатов из Дунайских княжеств до конца 1770 г. На заседании Государственного совета от 21 июня было решено «их отсюда не отпускать и сделать о них какое-либо определение»¹⁰². Такое решение, надо полагать, отвечало и намерениям самих депутатов, стремившихся оказать влияние на позицию России в вопросе о судьбе княжеств. Тем более, что приходившие от соотечественников письма доставляли неутешительные вести¹⁰³. Валашский ворник Николае Дудеску писал 7 июня 1770 г. находившемуся среди депутатов логофету Николае Бранковану об отчаянии, охватившем жителей Валахии с возвращением в Бухарест османских войск. «Потщитесь и припадите к стопам ее императорского величества, прося помощи и заступления»¹⁰⁴, — говорилось в письме.

В ответ на вопросы Н. И. Панина валашские и молдавские депутаты составили подробные записки отдельно по Валашскому и Молдавскому княжествам с описанием их экономического положения и административного устройства¹⁰⁵. Заслуживает внимания то, что в этих записках, как и в относящихся к 1770 г. обращениях представителей княжеств, приводятся данные об обнищании и разорении вследствие тяжелого султанского налогового бремени и османских грабежей, но при этом ничего не говорится о древних правах и привилегиях княжеств в отношениях с Портой, на которые начинают ссылаться позднее валашские и молдавские бояре. Объясняется это, по-видимому, тем, что находившиеся в 1770 г. в Петербурге депутаты надеялись на сохранение Дунайских княжеств под покровительством России.

Об этом свидетельствуют обращения валашского и молдавского боярства и духовенства к российскому правительству сразу же после возвращения депутатов на родину. 19 ноября 1770 г. бояре и духовенство Валахии писали Н. И. Панину: «Покорнейше просим высоким своим покровительством и нашей свободы ходатайством даже до конца не оставить нас как всеусердных самодержавной империи подданных»¹⁰⁶. Молдавские духовные чины и бояре по прибытии своих депутатов из Петербурга, обращались в январе 1771 г. к Екатерине II, выражая надежду, «что мы не будем никогда подвержены под варварское и тиранское иго... но пребывать всегда под одним и тем же правлением и покровительством... всероссийского самодержавия»¹⁰⁷.

Но в это время, исходя из складывавшейся международной обстановки и задач своей внешней политики, российское правительство склонялось к оставлению Дунайских княжеств в подчинении Османской империи. Очевидно, находящиеся в 1770 г. в Петербурге валашские и молдавские депутаты знали о возможности такого решения их судьбы. Именно этим объяснялась настойчивость просьб представителей господствующих классов Дунайских княжеств о российском покровительстве. Вполне вероятно, что депутаты в беседах с представителями российских правительственных кругов просили, в случае возвращения княжеств под власть султана, улучшения их положения, ссылаясь на прежние права и привилегии. Во всяком случае, надо полагать, не без влияния молдавских и валашских депутатов российская дипломатия выдвинула условие оставления Дунайских княжеств под властью Порты. В сформулированном виде это условие впервые было изложено Н. И. Паниным в письме к графу А. Г. Орлову от 12 ноября 1771 г. «Всемиловитивейшая государыня, — писал Н. И. Панин, — соизволила отступить от требования своего об отторжении Молдавии и Валахии от Турецкой империи, с тем, однако, чтобы сии два княжества остались навсегда с теми правами и привилегиями, с которыми они вошли в турецкое подданство»¹⁰⁸.

В инструкции Екатерины II от 21 апреля 1772 г. чрезвычайным и полномочным послам на мирных переговорах с Портой А. Г. Орлову и

А. М. Обрескову¹⁰⁹ предписывалось, «чтоб при уступке Молдавии и Валахии, имянно выговорить в пользу обоих сих княжеств и всех в них без изъятия жителей... совершенную и полную амнистию, с содержанием их впредь от Порты неотменно при всех тех правах, вольностях и преимуществах, с коими каждое из них пришло под власть турецкую...»¹¹⁰.

О поправленных османами прежних правах и привилегиях Дунайских княжеств валашские и молдавские бояре и духовенство впервые писали в обращениях к российскому правительству в период работы мирного конгресса в Фокшанах, где в июле — августе 1772 г. при посредничестве Австрии и Пруссии состоялись русско-турецкие переговоры. Полномочные представители России на конгрессе А. Г. Орлов и А. М. Обресков в своей реляции от 6 августа на имя Н. И. Панина сообщали о посылке ему «разных просительных писем валахов и молдавцов»¹¹¹.

Это сообщение заслуживает особого внимания. Оно свидетельствует об активной деятельности не только валашских, но и молдавских бояр в период работы Фокшанского конгресса с целью повлиять на решение вопроса о княжествах. В свое время К. Джуреску высказывал сожаление, что данных относительно действий в это время представителей Молдавского княжества недостаточно¹¹². Упомянутые в реляции А. Г. Орлова и А. М. Обрескова от 6 августа письма молдаван являются теми свидетельствами, о которых не знал румынский историк, ссылавшийся только на рапорт прусского посла Цегелина от 13 августа королю Фридриху II, где говорилось о молдавских и валашских депутатах, просивших улучшить судьбу княжеств при заключении мира¹¹³.

В приложении к реляции А. Г. Орлова и А. М. Обрескова дошли два неизвестных до сих пор исследователям обращения на греческом языке к российским уполномоченным на Фокшанском конгрессе. Одно, недатированное, подписанное валашскими боярами и духовными чинами, было подано А. Г. Орлову, судя по вышеназванной реляции, не позднее 6 августа 1772 г. Представители Валахии обращали внимание российского уполномоченного на конгрессе на то, в каком бедственном положении окажется княжество, если останется под властью султана, и просили восстановить «свободу нашу и прежние привилегии»¹¹⁴. Другое обращение было составлено 14 июня 1772 г. и тоже подписано представителями валашского боярства и духовенства, которые просили не оставлять княжество под властью Порты, так как османам нельзя верить, поскольку они нарушили все прежние права и привилегии их отечества¹¹⁵. За текстом обращения, как и в первом документе, следует много подписей бояр-русифилов. Но ко второму обращению приложены еще подписи на отдельном листе. При внимательном рассмотрении видно отличие их от подписей под текстом обращения. Можно заметить, что подписи на отдельном листе написаны более темными чернилами и преимущественно кириллицей (под основным текстом большинство подписей на греческом языке), крупным размашистым почерком. Все

это заставляет задуматься, не содержит ли приложение к обращению подписи молдавских бояр.

К этому предположению нас склоняет то, что среди документов, пересланных А. Г. Орловым и А. М. Обресковым Н. И. Панину вместе с названными выше обращениями, находилось письмо валашского боярина Михаила Кантакузино к А. Г. Орлову с описанием услуг, оказанных России родом Кантакузино, и просьбой о покровительстве¹¹⁶. Интересно, что письмо было составлено в Яссах 16 июня 1772 г., т. е. через два дня после подписания им обращения от 14 июня. Валашский боярин М. Кантакузино, являясь сторонником прорусской ориентации в освобождении княжеств от османской зависимости, был в составе делегации от Валахии в Петербурге в 1770 г., принимал активное участие в контактах представителей княжеств с русскими уполномоченными на Фокшанском конгрессе и на последующих русско-турецких мирных переговорах. Вряд ли он, находясь в Яссах, не обсуждал с представителями молдавского боярства связанные с предстоящим в Фокшанах мирным конгрессом вопросы о судьбе княжеств и об обращении Валахии к русским представителям на переговорах. Вполне возможно, что М. Кантакузино даже познакомил с содержанием этого обращения близких ему молдавских бояр, которые решили подписаться под ним. Во всяком случае, как показывают отмеченные выше свидетельства, в период подготовки и работы конгресса в Фокшанах молдавское боярство не бездействовало.

Однако в исторической литературе обычно отмечается большая активность в это время представителей Валахии. Объясняется это состоянием источников. Дело в том, что М. Кантакузино в конце XVIII в. составил «Родословную» фамилии Кантакузино, куда, в частности, включил описание своей политической деятельности в 1769–1774 гг. и ряд документов, относящихся к этому периоду¹¹⁷. Среди них помещены и документы, которые, как пишет М. Кантакузино, были поданы валашскими представителями 30 августа 1772 г. А. Г. Орлову во время работы Фокшанского мирного конгресса.

Остановимся на этих документах подробнее, поскольку они послужили впоследствии основой определенных исторических построений.

Прежде всего, возникает вопрос о времени составления цитируемых М. Кантакузино текстов. Считая их версией конца XVIII в., румынские историки Н. Йорга, К. К. Джуреску, И. Миня не ставили такого вопроса, относя их написание ко времени подачи А. Г. Орлову, т. е. 30 августа 1772 г. Правда, К. Джуреску сделал уточнение, что имеется в виду 30 августа по новому стилю, поскольку А. Г. Орлов 24 августа оставил Фокшаны, так как конгресс был прерван¹¹⁸.

Изучение включенных М. Кантакузино в «Родословную» материалов показывает, что другие относящиеся ко времени Фокшанского конгресса документы датируются по старому стилю. Почему же тогда приведенные М. Кантакузино тексты, касающиеся подчинения Валахии османам, отме-

чены по новому стилю? Может быть, они не были представлены А. Г. Орлову в 1772 г.? Безуспешные поиски указанных документов в составе архивных материалов, связанных с Фокшанским конгрессом, подтвердили наше сомнение. Никаких данных, позволяющих говорить о подаче А. Г. Орлову в 1772 г. текстов с описанием подчинения Валахии османам, обнаружить не удалось.

В ряду документов 1772 г. М. Кантакузино в «Родословной» помещены также два обращения от валашского боярства и духовенства. Первое, от 24 июля, — к представителям России, Австрии, Пруссии на Фокшанском конгрессе с просьбой о покровительстве. Второе, от 6 августа, было адресовано А. Г. Орлову¹¹⁹. Среди подписавших эти обращения представителей духовенства и бояр был логофет Думитру, который впоследствии, в 80-е гг. XVIII в., написал «Историю событий на Востоке», где изложил относящиеся к Молдавскому и Валашскому княжествам события 1769–1774 гг. как их современник и участник¹²⁰. Заслуживает особого внимания то, что в «Истории» сказано об упомянутых обращениях валашских представителей к послам России, Австрии и Пруссии на Фокшанском конгрессе, но ничего не говорится о подаче А. Г. Орлову текстов с описанием подчинения княжества османам. Трудно предположить, что валашский боярин, в качестве логофета ведавший делами господарской канцелярии, являвшийся активным участником дипломатических акций Валахии во время работы Фокшанского конгресса, не знал о поданных А. Г. Орлову документах, касавшихся подчинения Валахии Османской империи. По-видимому, этих текстов ко времени Фокшанского конгресса не существовало. Они были составлены позднее. Об этом свидетельствует не только датировка их подачи А. Г. Орлову по новому стилю, т. е. 30 августа 1772 г. Анализ самих текстов подтверждает их позднейшее включение в состав документов 1772 г.

Содержание первого из них сводится к тому, что, поскольку в XIV в. Османская империя была сильной, господарь Мирча Старый (1386–1418) выплачивал султану дань в 3 тыс. красных пиастров. Но после победы господаря над османами при Ровине в 1386 г. Валахия была опять свободна до времени правления Лайоты. Во втором тексте речь идет о подчинении княжества османам при господаре Лайоте, который в 1460 г. согласился платить Мехмеду II дань в 10 тыс. золотых и договорился с ним о привилегиях княжества, которые, как указывает составитель, были закреплены в последующем фирманами султанов¹²¹.

Как явствует из этих двух текстов с описанием подчинения Валахии османам, они были составлены на основе существовавшей летописной традиции. Обратимся к свидетельствам валашских летописей. В хронике Раду Попеску, составленной в первой четверти XVIII в., описываются войны Мирчи Старого с султаном Баязидом, отмечается, что после битвы при Ровине Мирча помирился с османами, «чтобы страна мирно отдохнула»¹²². Далее, касаясь правления Басараба Лайоты, хронист говорит, что Лайота, «подчинив страну туркам, давал харадж»¹²³. В более ран-

ней, относящейся к концу XVII в., «Летописи Кантакузинов» Мирча представлен как господарь, который имел много войн с Баязидом и одержал победу над османами при Яломице¹²⁴. Но здесь не упоминается о мире валашского господаря с султаном. Излагая события, связанные с пребыванием на господарском престоле Басараба Лайоты, летописец пишет, что он «подчинил страну туркам»¹²⁵.

Итак, совершенно очевидно, что эти данные валашских летописей и положены в основу включенных М. Кантакузино в «Родословную» текстов о подчинении Валахии османам. Чтобы увязать летописные традиции XVII и XVIII вв., составитель конструирует два текста с пространственным описанием подчинения княжества османам при Мирче и при Лайоте, дополнив свидетельства летописей конкретными цифрами уплачивавшейся султану суммы дани. Источником здесь для составителя послужила, по всей вероятности, «История Оттоманской империи» Д. Кантемира, использовавшего в своем труде огромный материал турецких хроник, содержавших такие данные. Во втором тексте говорится о том, что Лайота заключил с Портой договор, закреплявший права и привилегии Валашского княжества. Составитель подробно перечисляет их.

Какие же привилегии Валахии в отношениях с османами содержатся в вышеупомянутых текстах?

– Турки не должны вмешиваться в управление княжеством, вступать на его землю, за исключением одного турка, который прибывает для получения дани от господаря.

– Княжество является автономным и имеет свободу в объявлении войны и мира; обладает полной властью над своими подданными.

– Жители княжества, находящиеся в Турции по делам, пользуются неприкосновенностью, не платят подушного налога и не меняют одежду.

– Господари местной православной веры избираются митрополитом, епископами и боярами княжества.

– Судебное разбирательство между христианами жителями княжества и турками осуществляется только на основе законов княжества.

– Турки, прибывающие в княжество для торговли, не имеют права на приобретение недвижимого имущества, не могут брать в жены местных женщин¹²⁶.

Как отмечалось выше, изложенные М. Кантакузино тексты представлялись в исторической литературе как документы XV в. Однако целый ряд моментов в их содержании прямо свидетельствуют о позднем происхождении этих текстов. Так, в первом из них сумма дани, которую обязался платить султану Мирча Старый, указана в красных пиастрах. Между тем известно, что эта крупная турецкая серебряная монета была выпущена после 1687 г.¹²⁷. Произошедшее в 1394 г. сражение Мирчи с османами при Ровине составитель ошибочно датирует 1386 г. и относит его не ко времени правления Баязида I, когда оно в действительности произошло, а султана Мурада II (1421–1451).

Обращает на себя внимание последняя фраза первого текста, говорящая о том, что о всех обстоятельствах борьбы с турками можно узнать из «грамоты монастыря Тисмана». Это замечание подтверждает мнение о более позднем составлении документа на основании разных источников. Появившееся в исторической литературе XIX в. утверждение об уплате Мирчей Старым дани османам по «капитуляции», которую султан Баязид I издал в 1393 г., будучи в Никополе, также противоречит фактам: в это время султан находился в Анатолии¹²⁸. На основе анализа турецких источников современные румынские историки М. Губоглу и А. Дечей доказали, что первым валашским господарем, обязавшимся платить дань султану Баязиду I, был Влад I Узурпатор, а не Мирча Старый, как писали турецкие хронисты и как представлялось в летописной традиции Валахии¹²⁹. Мирча же начал платить дань с 1417 г. султану Мехмеду I¹³⁰.

Во втором тексте говорится о подчинении Валахии османам в 1460 г., в период правления Лайоты, в то время как известно, что он находился на валашском престоле в 1473–1474, 1476–1477 гг. В исторической литературе этот текст стал фигурировать как «капитуляция» султана Мехмеда II валашскому господарю Владу Цепешу. Но в 1460 г. Цепеш был во враждебных отношениях с Портой. Поэтому речь может идти в данном случае о господаре Раду Красивом, получившем валашский престол при помощи османов после похода Мехмеда II в Валахию в 1462 г.¹³¹.

Содержащийся же во втором тексте перечень полученных при Лайоте привилегий Валахии показывает, что перечисленные в нем пункты направлены против установившейся практики вмешательства османов во все сферы жизни княжества. Но к середине XV в. такая практика еще не оформилась в объеме, зафиксированном перечне. Происходит это позднее, с усилением зависимости Валахии от Османской империи во второй половине XVI – XVII в., особенно с установлением правления господарей-фанариотов, когда проникновение османов выявляет всю пагубность султанского господства для экономического, политического и культурного развития княжества. Скорее всего, составитель изложил здесь автономные права Валахии, попранные Портой, и чтобы обосновать их исконность, приписал господарю Лайоте получение привилегий для княжества по договору с османами. В этом убеждает и заключительная фраза в тексте о том, что указанные привилегии были закреплены и последующими ферманами султанов.

Если сравнить перечень прав Валахии в приведенном М. Кантакузино тексте о подчинении при Лайоте с привилегиями, утверждения которых Дунайские княжества стали добиваться у Порты при поддержке покровительствовавшей им России после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г.*

---

* См. ниже (с. 46–47) анафору валашских бояр и высших церковных деятелей к П. А. Румянцеву от июля 1774 г. и представление валашских депутатов Порте от сентября того же года.

то обнаруживается их близкое сходство. По существу, в тексте о подчинении при Лайоте в обобщенной форме излагаются права княжества, связанные с политической и религиозной автономией, невмешательством османов в его дела, избранием господаря из местных бояр, т. е. главные права среди тех привилегий, за признание которых Портой выступали после 1774 г. валашские идеологи. Это наводит на мысль, что тексты М. Кантакузино с описанием подчинения Валахии османам являются документами, составленными после 1774 г.

В данной связи необходимо учесть следующее обстоятельство. Как мы видели, в обращениях, исходивших от представителей княжеств и относящихся ко времени работы Фокшанского конгресса, валашские и молдавские бояре и священнослужители просили лишь в общей форме о восстановлении прав и привилегий княжеств в системе Османской империи. Возникает логический вопрос: существовала ли в 1772 г. необходимость конкретизации этих привилегий, как это сделано в тексте о подчинении при Лайоте? Нам представляется, что нет. Дело в том, что вопрос о Дунайских княжествах не был вынесен на обсуждение сторон во время Фокшанского конгресса.

Русско-турецкие переговоры в Фокшанах сосредоточились на вопросе о крымских татарах. Турция, поддерживаемая западными державами, отвергла требование России о предоставлении независимости Крымскому ханству. Переговоры были прерваны. 22 августа 1772 г. Порта отозвала своих послов, на следующий день покинул Фокшаны и А. Г. Орлов¹³².

Поскольку обсуждение вопроса о Дунайских княжествах не состоялось, нет основания полагать, что во время работы конгресса А. Г. Орлову понадобились документы об утверждении Портой привилегий княжеств и что по его просьбе валашские бояре подали ему документы о подчинении Валахии при Мирче и Лайоте, а представители молдавского боярства и духовенства составили записку с изложением султанской грамоты господарю Богдану III, закреплявшей автономные права княжества, как считал в свое время К. Джуреску и как считают до сих пор румынские исследователи¹³³.

Таким образом, все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что тексты первых «капитуляций» княжеств не были представлены А. Г. Орлову во время работы Фокшанского конгресса летом 1772 г., что составление их относится к более позднему времени. Это подтверждается и тем, что указанные документы не были известны уполномоченным России на последующих переговорах с Портой во время конгресса в Бухаресте (29 сентября 1772 г. — 9 марта 1773 г.) и подписания Кючук-Кайнарджийского мира (10 июля 1774 г.). Если бы в распоряжении российских представителей имелись тексты «капитуляций», то они фигурировали бы во время переговоров или отложились бы в их материалах и, конечно, в той или иной степени отразились бы на содержании включенной в проект мирного договора, представленного Турции на Бухарестском конгрессе, статьи о Ду-

найских княжествах, которая с незначительными изменениями вошла в состав Кючук-Кайнарджийского трактата.

Обратимся к содержанию этой статьи. В ней формулировались следующие условия возвращения Валашского и Молдавского княжеств в зависимость от османов: свобода исповедания христианской религии; отказ от контрибуции и амнистия участникам войны; право жителей на переселение в другие страны; возвращение земель монастырям и частным лицам в окрестностях Браилы, Хотина, Бендер; ликвидация старых счетов; подать за каждые два года через посредство посылаемых депутатов; восстановление привилегий времени Мехмеда IV; право России «говорить в пользу сих двух княжеств»¹³⁴.

Как видно, большинство этих пунктов, в частности об амнистии участникам войны, о защите российских дипломатических представителей в Стамбуле, были связаны с вопросами общего урегулирования русско-турецких отношений, хотя их признание Портой имело положительное значение для княжеств. Ни в проекте, ни в официальном тексте ст. 16 Кючук-Кайнарджийского мира о Молдавии и Валахии не нашли отражения конкретные права и привилегии княжеств, перечислявшиеся в текстах «капитуляций», а именно: автономия княжеств, невмешательство турок в их управление и внешние сношения, выборы господарей из местного боярства, т. е. главные из тех привилегий, утверждения которых стали добиваться у Порты молдавские и валашские депутаты в Стамбуле после 1774 г.

Только 8-й пункт упомянутой статьи содержал обязательство Порты восстановить княжествам права и привилегии, которыми они пользовались при султани Мехмеде IV. Ссылка на привилегии времени правления этого султана заслуживает особого внимания. Дело в том, что мы не встречаем этой ссылки ни в одном из обращений валашских и молдавских представителей к России до Кючук-Кайнарджийского мира. Их просьбы содержали лишь общие формулировки о восстановлении древних прав княжеств. Появление в ст. 16 русско-турецкого договора 1774 г. условия о восстановлении привилегий княжеств времени Мехмеда IV (1649–1687) свидетельствует о том, что представителям России на переговорах не были известны якобы поданные валашскими и молдавскими боярами во время Фокшанского конгресса документы об условиях подчинения Валахии при Лайоте и Молдавского княжества при Богдане III, правивших во второй половине XV и начале XVI в. По-видимому, российские уполномоченные, не зная точно, к какому времени относятся привилегии, о предоставлении которых просили господствующие классы княжеств в своих обращениях к России, назвали в статье договора период правления султана Мехмеда IV*.

---

* Румынский историк А. Виану в свое время высказал мнение, что имя Мехмеда IV в ст. 16 русско-турецкого договора 1774 г. было названо ошибочно вместо Мехмеда II (1451–1481), при котором с 1455 г. Молдавское княжество начало платить дань Порте¹³⁵.

Сопоставление всех этих данных убеждает в том, что в период подготовки и проведения Бухарестского конгресса и заключения Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. в распоряжении русских представителей на переговорах не было упомянутых выше документов валашских и молдавских бояр.

Первые представления господствующих классов княжеств с перечислением конкретных привилегий, которыми они пользовались вначале при подчинении османам, появляются сразу же после заключения Кючук-Кайнарджийского договора. Уже в июле 1774 г. валашские бояре и высшее духовенство во главе с митрополитом обратились с анафорой (представлением) к П. А. Румянцеву. Они писали, что, поскольку положение княжеств в период правления Мехмеда IV взято в договоре за основу, необходима специальная статья с описанием прав и привилегий Валахии в это время. Далее они излагали перечень этих привилегий: избрание господарей из местных бояр; автономия княжества во внутренних и внешних делах; ограничение суммы хараджа и отмена других податей; решение господарем всех дел как гражданских, так и судебных на основе законов княжества; право жителей переселяться в другие страны; неприкосновенность для жителей, приезжающих в Турцию; запрещение туркам и турецким купцам обосновываться в Валахии, приобретать недвижимость, заводить семью, хозяйство; освобождение пленных жителей; наряду с капукегаем иметь в Стамбуле представителя от княжества¹³⁶. На наш взгляд, анафору валашского митрополита и бояр следует считать текстом, где впервые перечисляются привилегии Валахии.

В это же время, т. е. в июле 1774 г., валашские бояре направили письмо Н. И. Панину, в котором высказывали одобрение условий ст. 16 договора, в частности, о восстановлении привилегий Дунайских княжеств времени правления Мехмеда IV. Одновременно они отмечали, что, поскольку пункт этот «написан вобщем», необходимо его конкретизировать. Валашские бояре сообщали Н. И. Панину о написании ими перечня привилегий Валахии и передаче его П. А. Румянцеву¹³⁷.

Эти два документа со всей очевидностью выявляют причину возникновения текстов с изложением привилегий Валашского и Молдавского княжеств после заключения Кючук-Кайнарджийского мира. Валашских и молдавских бояр и духовенство не устраивала общая формулировка ст. 16 об их привилегиях. Они стремились добиться признания Портой конкретных привилегий княжеств и пытались исторически обосновать их. А сделать это было не так просто. Порта с самого начала искала возможности обойти условия договора. Поверенный в делах России в Стамбуле Х. И. Петерсон сообщал в своих рапортах П. А. Румянцеву о трудностях, с которыми он сталкивается в переговорах с турецкой стороной относительно выполнения условий ст. 16. В рапорте от 14 октября 1774 г. Х. И. Петерсон между прочим доносил, что, хотя Порта и согласилась на восстановление княжествам привилегий, которыми они поль-

зовались во время Мехмеда IV, рейс-эфендий высказал сомнение, заметив, что «во время Магомета четвертого ничего верного в правлении двух княжеств не было положено»¹³⁸.

По совету П. А. Румянцева валашские и молдавские депутаты подали Порте в сентябре 1774 г. представление по каждому княжеству в отдельности с перечнем привилегий и просьбой утвердить их¹³⁹. Представление от Валахии с небольшими дополнениями, касающимися конкретных вопросов отношений княжества с турецкими пашами пограничных территорий, являлось по существу изложением текста анафоры, переданной в июле 1774 г. П. А. Румянцеву¹⁴⁰. По дороге в Стамбул валашские депутаты были в Фокшанах, где находилась штаб-квартира П. А. Румянцева. Сюда же прибыли и молдавские депутаты, которые здесь же, ознакомившись с представлением от Валахии, составили по этому образцу свой текст с соответствующими различиями в пунктах о возвращении княжеству территорий, захваченных османами. Этим объясняется сходство содержания представлений от обоих княжеств Порте¹⁴¹. Представление от Молдавского княжества было первым документом, где перечислялись его права и привилегии.

Под давлением российской дипломатии в декабре 1774 г. Порта издала отдельно по каждому княжеству хаттишерифы, которые предоставляли им ряд привилегий, облегчавших их экономическую и политическую зависимость от Османской империи. Оговаривалось обязательство османов не смещать господарей, если они не совершат «какого-либо явного преступления». Княжества освобождались от многочисленных повинностей, но сохранялась денежная дань, которую господа должны были посылать в Стамбул каждые два года через своих представителей. К тому же княжества освобождались от старых счетов, от уплаты налогов за два послевоенных года. Турецким купцам и феодалам запрещалось впредь свободно проникать на территорию княжеств, притеснять их жителей; туркам пограничных областей не разрешалось переходить Дунай, чтобы пасти скот или поселяться на землях княжеств, приобретать здесь недвижимое имущество. Порта сохраняла право на принудительную закупку строительного леса, овец, крупного рогатого скота, селитры¹⁴².

Но Турция с самого начала стала нарушать условия Кючук-Кайнарджийского мира и хаттишерифов 1774 г., продолжая косвенным путем усиливать свое господство в княжествах. Используя право взимания денежной подати, Порта увеличивала фискальный гнет, по-прежнему прибегала к практике частой смены господарей, приносившей ей большие прибыли, и ограничению политических прав и привилегий местного боярства¹⁴³.

В этих условиях валашское и молдавское боярство не прекращало обращаться к России с просьбами о помощи и покровительстве, право на которое русская дипломатия использовала, выступая на основе русско-турецких договоров в защиту Дунайских княжеств.

В то же время в княжествах велись исторические изыскания, призванные оправдать их права на восстановление автономии и привилегий. Кро-

ме того, возникла особая необходимость в документах, фиксирующих условия подчинения Дунайских княжеств Османской империи. Когда по австро-турецкой конвенции от 7 мая 1775 г. Порты уступила Австрии северную часть Молдавского княжества — Буковину, молдавские бояре в июле 1775 г. вручили российскому послу в Стамбуле Н. В. Репнину, находившемуся проездом в Яссах, обращение, в котором выражали протест в отношении действий Турции и надежду на заступничество России¹⁴⁴. Посол писал 28 июля 1775 г. в депеше Н. И. Панину, что обещал молдавским боярам ходатайствовать перед Портой в интересах княжества, «при сем же вручил им записку тех актов, которые для хождения по их делам мне нужны и на кои они в своем мемориале ссылаются, прося, чтобы они мне их в оригиналах доставили»¹⁴⁵. К своей депеше Н. В. Репнин приложил копию записки, врученной им молдавским боярам¹⁴⁶.

Эта записка представляет для нас чрезвычайный интерес. Посмотрим, какие же документы были необходимы русскому послу. 1) Договор Молдавского княжества с Оттоманской Портой, на основе которого княжество подчинилось султану. 2) Все привилегии и права княжества времени Мехмеда IV. 3) Хаттишериф, в соответствии с которым Молдавское княжество само избирает своих господарей.

Из записки Н. В. Репнина видно, что в 1775 г., когда она была написана, все эти акты российским представителям в Стамбуле не были известны, а они придавали им важное значение, справедливо усматривая в таких документах формально-юридическое основание для выступления в защиту княжества. Следовательно, можно с полной достоверностью утверждать, что текст так называемого договора Молдавского княжества с Портой был составлен не в 1772 г. в период Фокшанского конгресса*, а после 1775 г.

Надо полагать, что после записки Н. В. Репнина молдавские бояре и составили текст под заглавием «Трактаты, которые имела Молдова с Портой Оттоманской», фигурировавший впоследствии под названием «Трактаты» и квалифицируемый как договор Молдавского княжества с Османской империей о его правах и привилегиях.

На основании чего же были написаны «Трактаты»? Как мы видели выше, в распоряжении молдавских бояр имелось представление Порте от сентября 1774 г. с перечислением прав и привилегий княжества. Но нужны были исторические материалы. И источником здесь послужили, как убедительно показал К. Джуреску, данные молдавских летописей и сведения из исторических сочинений Д. Кантемира «История Оттоманской империи» и «Описание Молдавии»¹⁴⁹.

---

* К этому мнению пришел и молдавский историк Г. В. Гонца. Он обратил также внимание на то, что в рукописи «Истории Молдавии»¹⁴⁷, составленной в 1772–1773 гг. для русских представителей на мирных переговорах с Турцией, нет упоминания о так называемом договоре, фиксировавшем права и привилегии княжества¹⁴⁸.

Молдавская летописная традиция XV–XVI вв. относилась к уплате княжеством дани султану ко времени последнего правления господаря Петра III Арона (1455–1457)¹⁵⁰. Хронисты XVII в., хотя и воспроизводили эту традицию, считали, что в период господства Штефана Великого (1457–1504), одерживавшего победы над османами, Молдавское княжество оставалось независимым от Порты. Во второй половине XVII в. в списке летописи Григория Уреке включается народная традиция о посылке к султану сыном Штефана Великого Богданом логофета Тэута с деньгами, которые тот получил обратно в подарок от султана и, возвратившись, основал церковь в селе Белинешти на реке Сирет в Сучавском уезде¹⁵¹. В этой связи важно отметить, что самая ранняя из известных копий летописи Г. Уреке, относящаяся к 1660–1670 гг., не содержит описания посылки Тэута в Стамбул¹⁵². В интерполяции летописи Г. Уреке оказались совмещенными различные по времени события. Так, известно, что строительство церкви в с. Белинешти, ктиторм которой был Тэут, началось в 1490 г. и завершилось в 1499 г.¹⁵³. В тексте же летописи это строительство относится к периоду правления господаря Богдана III (1504–1517), по поручению которого, находясь в Стамбуле, логофет получил от султана в подарок деньги и использовал их для основания церкви.

Хронисты конца XVII – начала XVIII в. Николай Костин, Иоан Некулче, воспроизводя на основе списков летописи Г. Уреке традицию о посылке логофета Тэута с данью к султану, не упоминают о строительстве церкви в с. Белинешти, но связывают это посольство господаря Богдана с подчинением Молдавского княжества османам¹⁵⁴.

Версия о подчинении Молдавского княжества при Богдане, направившем логофета Тэута с данью к султану, была широко распространена в летописных списках XVIII в.¹⁵⁵. Кантемир также воспринял эту версию, но дополнил ее, как считал К. Джуреску, по политическим мотивам условиями подчинения на основе хаттишерифа султана. Подчинение княжества произошло, по мнению Д. Кантемира, на шестой год правления Богдана, т. е. в 1510–1511 гг.¹⁵⁶. Следует отметить, что эта датировка противоречит принятой Кантемиром версии о посылке Тэута, так как в 1511 г. логофет умер¹⁵⁷.

Таким образом, к 1775 г., когда возникла необходимость составления текста об условиях подчинения Молдавского княжества Османской империи, в исторической литературе получила распространение версия, относившая это событие ко времени Богдана III. Молдавские бояре при написании «Трактатов» воспользовались ею в варианте, дополненном Д. Кантемиром. На наш взгляд, важным источником для составителей являлось также представление Порте от сентября 1774 г., где перечислялись привилегии княжества, которые должен был исторически обосновать реконструируемый документ. Очевидно, что перечень привилегий в этом представлении послужил основой для включенного в «Трактаты» текста условий признания княжеством зависимости от султана.

На основе всех этих материалов боярские идеологи составили в конце 70–80-х гг. XVIII в. документ, квалифицируемый ими как договор о подчинении Молдавского княжества Порте.

У нас нет данных, подтверждающих передачу текста «Трактатов» русским представителям в Стамбуле, хотя в литературе такое мнение высказывалось¹⁵⁸. В составе различных рукописных собраний XIX в. Библиотеки Академии Румынии сохранилось несколько списков этого документа¹⁵⁹. Между ними, при одинаковом содержании, имелись различия — иногда в датировках, иногда в форме изложения. От XVIII в. до нас дошел один список «Трактатов», на который, как нам представляется, исследователи не обратили должного внимания.

Остановимся на его содержании. Вначале говорится о том, что молдавский господарь Богдан III направил логофета Тэута с данью к султану Баязиду II с выражением готовности подчиниться ему. Султан благосклонно принял предложение господаря и издал хаттишериф, утверждавший права и привилегии княжества. Далее следует их перечисление. Княжество признается независимым, сохраняет свободу исповедания православной религии, управляется на основе своих законов без вмешательства Порты, которая обязывается защищать княжество от его врагов. Господарь избирается народом, затем утверждается Портой и правит пожизненно; он имеет право содержать наемные отряды до 20 тыс. человек; в периоды войн господарь выставляет свои войска для участия в султанских акциях. Княжество может приобрести в Стамбуле дом для резиденции капукегаи и соорудить здесь церковь. Туркам запрещается поселяться в княжестве, приобретать землю, заводить хозяйство. В знак подчинения господарь должен ежегодно посылать двух бояр к Порте с 4 тыс. турецких золотых, или 10 тыс. лей, а также дарами (пешкеши) из 40 соколов и 40 коней¹⁶⁰.

Рассмотренная рукопись, по всей вероятности, является наиболее близкой по времени к первоначальному варианту «Трактатов», поэтому ее можно считать самым ранним из сохранившихся списков так называемого договора о подчинении Молдавского княжества османам. На полях рукописи против пунктов, перечисляющих привилегии, имеются пометы со ссылками на «Историю Оттоманской Порты» Д. Кантемира, на «Хронику Молдавии», на факты отношений княжества с Портой в XVII–XVIII вв. Возможно, что эти пометы более позднего происхождения, но они представляют интерес, так как их автор выявляет источники текста «Трактатов».

К числу ранних списков «Трактатов» также следует отнести текст договора о подчинении Молдавии османам в составе обнаруженной нами рукописи с названием «Выписка истории Молдавской»¹⁶¹. Здесь излагается распространенная в XVIII в. версия о подчинении Молдавии османам при господаре Богдане III, пославшем к султану логофета Тэута, через которого княжество «поддалось под протекцию турок». Составитель «Выписки» перечисляет закрепленные договором права княжества, которые затем были утверждены в полученном Богданом султанском хат-

тишерифе. По словам составителя, этот хаттишериф сохранялся до того, как во время прохода через княжество (1686 г. — *Л. С.*) польский король Ян Собеский сжег его, «говоря, я вас освобождаю от ига турецкого»¹⁶².

Ряд неточностей в тексте «Выписки» свидетельствует об использовании при ее написании существовавших к началу XIX в. исторических материалов с различной трактовкой событий первой четверти XVI в. в Молдавии. Так, договор Богдана III с султаном составитель относит к 1509 г., но вместо правившего в это время Баязида II ошибочно называет султана Мурада, занимавшего турецкий престол в XV в.¹⁶³.

«Выписка» была составлена в 1802 г. и приложена к относящемуся к этому времени прошению молдавских бояр и духовных чинов к русскому правительству в целях обоснования права Молдавии на восстановление своей автономии¹⁶⁴. Содержащееся в «Выписке» изложение молдавско-османского договора при Богдане III с перечнем полученных по нему привилегий княжества являются, на наш взгляд, одним из первых реконструированных его текстов конца XVIII в. С этой точки зрения «Выписка» представляет особый интерес, так как самые ранние списки договора относились в исторической литературе к периоду после 1804 г.¹⁶⁵.

Можно предполагать, что приблизительно к тому времени, когда молдавские бояре составляли «Трактаты», относится и появление в Валахии текстов о подчинении княжества османам при Мирче и Лайоте, помещенных М. Кантакузино в «Родословной» как документы 1772 г., представленные А. Г. Орлову во время Фокшанского конгресса. Вполне возможно, что составителем этих текстов был сам М. Кантакузино.

Для такого суждения имеются определенные основания. В 1775 г., приблизительно в апреле, по поручению господаря Александра Ипсиланти и валашского митрополита М. Кантакузино написал и передал через Г. А. Потемкина представление Екатерине II и Н. И. Панину, где изложил по пунктам привилегии Валахии, «которые с доказательством из султанских указов у себя имеем», и просил содействия России как покровительствующей державы в их утверждении Портой¹⁶⁶. Каждый из этих пунктов с незначительной разницей почти дословно повторяет привилегии, содержащиеся в анафоре митрополита и бояр Валахии, поданной в июле 1774 г. П. А. Румянцеву*, что свидетельствует о несомненной причастности М. Кантакузино к ее составлению. Если сравнить привилегии, перечислявшиеся в помещенном в «Родословной» тексте о подчинении Валахии при Лайоте**, с представлением М. Кантакузино от 1775 г., исключая несколько пунктов, касающихся конкретизации отдельных положений ст. 16 Кючук-Кайнарджийского договора, то здесь также обнаруживается сходство по содержанию с разницей лишь по форме. По существу, в тексте из «Родословной» перечисляются в обобщенном виде

---

* См. с. 46.

** См. с. 42.

изложенные в представлении М. Кантакузино главные привилегии Валахии, составлявшие основу политической и религиозной автономии княжества, прежде всего выборы господаря местными боярами и управление княжества по законам страны, ограничение экономической эксплуатации Портой — освобождение от всех податей, даров при уплате установленной суммы дани, запрещение туркам поселяться в Валахии, приобретать недвижимое имущество, религиозная неприкосновенность жителей княжества на территории империи.

Сравнительный анализ указанных документов дает основание предположить, *во-первых*, что текст с описанием подчинения Валахии при Лайоте был составлен не раньше 1775 г. *Во-вторых*, поскольку представление 1775 г. написано М. Кантакузино, то можно допустить, основываясь на сходстве по содержанию, что ему принадлежит также авторство текста о подчинении при Лайоте, а значит, и текста с описанием подчинения Валахии османам при Мирче, так как оба документа связаны между собой и приводятся М. Кантакузино в «Родословной» вместе. Это мнение подтверждается тем, что версия о подчинении при Мирче и Лайоте впервые излагалась в исторических и статистических записках по истории Валахии, составленных М. Кантакузино в 1776 г.¹⁶⁷.

Почему же в «Родословной» М. Кантакузино поместил оба текста под 1772 г.? Объяснение, на наш взгляд, простое. Он писал этот труд, находясь уже в России, куда переселился в 1775 г.^{*} Завершение его, судя по замечаниям автора, можно отнести к 1787 г. В это время просвещенный валашский боярин был в преклонном возрасте и, как отмечал издатель «Родословной» Н. Иорга, допустил в труде неточности в освещении отдельных моментов истории Валахии, в именах ее деятелей¹⁶⁸. Такая же неточность могла быть допущена и в случае с текстами о подчинении османам при Мирче и Лайоте. Можно предположить, что М. Кантакузино хотел подчеркнуть активную деятельность валашской депутации, в составе которой он сам находился, во время Фокшанского конгресса. Не исключено, что именно с этой целью он представил в «Родословной» тексты о подчинении Валахии османам при Мирче и Лайоте как документы, поданные в 1772 г. А. Г. Орлову.

Восприняв версию М. Кантакузино и сославшись на материалы А. Вэ-кэреску, Д. Фотино во «Всеобщей истории Дакии» представил тексты о подчинении Валахии османам при Мирче и Лайоте, а также грамоту султана Баязида II с утверждением привилегий Молдавского княжества как реальные документы XIV–XVI вв.^{**}

^{*} По указу Екатерины II М. Кантакузино получил имения в Могилевской губернии и чин действительного статского советника¹⁶⁹.

^{**} См. об этом на с. 21–22.

Так начали фигурировать в исторических материалах конца XVIII — начала XIX в., относящихся к Дунайским княжествам, «капитуляции», или «старые договоры», валашских и молдавских господарей с султанами в XIV—XVI вв. Возникнув в конце XVIII в. как документы, связанные с идеологией освободительного движения, «капитуляции» стали рассматриваться как реально существовавшие акты.

В источниковедческом анализе текстов «капитуляций» важное значение имеет и другой аспект проблемы — могли ли существовать «капитуляции» для Валашского и Молдавского княжеств в XIV—XVI вв. в контексте их отношений с Османской империей. Для выяснения этого вопроса необходимо рассмотреть эти акты с точки зрения юридической, соотнеся их с основными принципами османской внешнеполитической концепции того периода.

С началом экспансии в Европу (XIV в.) Османская империя вступает в контакты с европейскими странами. Характер этих отношений определялся формировавшейся в ходе османских завоеваний политико-религиозной структурой империи как исламского государства.

Осуществление султаном власти как внутри страны, так и во внешних сношениях основывалось на концепции единого мусульманского монарха¹⁷⁰. Султан являлся верховным правителем, пользовался неограниченной властью в управлении, был главой мусульманской религиозной общины. Соответственно рассматривались и османские территориальные завоевания. Земли, находившиеся под властью султана, являлись территорией ислама (*dar al islam*) и собственностью государства. Немусульманские жители этой территории могли иметь владения с условием уплаты, помимо подушной подати-джизье, налога с земли и урожая — *хараджа*¹⁷¹.

Земли, которые еще не были под властью османов, считались территорией войны (*dar alharb*). Существовала также промежуточная зона мира (*dar alsulk* или *dar alahd*). К ней принадлежали государства, соответственно и их жители, выкупавшие у султана мир в обмен за уплату дани¹⁷². Такие государства становились данническими. Османские политико-религиозные законы запрещали заключение вечного мира с неверующими. Поэтому положение находившихся в зоне мира стран всегда было как бы временным, определявшимся перемирием в соответствии с интересами Османской империи¹⁷³. С изменением политических планов или сменой правления султан мог увеличить дань, превратить эти государства в вассальные, либо же, завоевав, сделать их своими провинциями.

В соответствии с османской политико-религиозной системой внешние сношения империи осуществлялись посредством односторонних актов султана — *ахднаме*, *хаттишерифов* или *хаттихумаюнов*. Издание их находилось в компетенции султана и его канцелярии¹⁷⁴. Эти акты в пределах самой империи выполняли внутреннюю функцию. Использовались *хаттишерифы* и в дипломатической практике. Они декларировали перемирие или мир; утверждали или подтверждали предшествующие

привилегии какому-либо государству, населению; объявляли сумму дани и другие обязательства¹⁷⁵.

В XVI в. в отношениях Османской империи с европейскими странами появляются трактаты. Будучи особой формой предоставления привилегий, они получили название капитуляций. Это была своеобразная форма приспособления положений османской политики и права к европейской концепции международных отношений. Капитуляции, как и хаттишерифы, имели односторонний характер, действие их было ограничено правлением того или иного султана, представлявшего высшую власть во внешних сношениях империи.

В реализации своих внешнеполитических планов Порты посредством односторонних актов приводила в состояние зависимости более слабые страны, которые под угрозой войны или завоевания были вынуждены либо откупаться дарами, либо становиться ее данниками. Султан утверждал состояние данничества актом-ахднаме.

Данническое государство было обязано платить Порте регулярную дань, но сохраняло известную внутреннюю автономию и свободу во внешних сношениях. Государство, вносящее дань в соответствии с ахднаме, исключалось османами из зоны войны. Но данническое состояние не было гарантировано во времени. По произволу султана в зависимости от его внешнеполитических планов оно могло ухудшаться. Данническое государство либо превращалось в провинцию империи, либо становилось вассальным. Отношения с вассальными государствами султан осуществлял посредством хаттишерифов.

В соответствии с феодальной концепцией вассалитет в отношениях между европейскими странами, оформлявшийся путем принесения присяги, предусматривал обязательство сюзерена защищать своего вассала и оказывать ему помощь; вассал же должен был сохранять верность и выставлять войска против противника сюзерена. Таковым был сюзеренитет Венгрии и Польши над Дунайскими княжествами¹⁷⁶. В контексте международной ситуации в Юго-Восточной Европе в XV — первой четверти XVI в. он использовался венгерским и польским королями для привлечений княжеств к антиосманским действиям, к участию валашского и особенно молдавского господарей в акциях против султана¹⁷⁷.

В отличие от западно-европейского восточный вассалитет оказывал влияние на все стороны жизни общества, включая политическую и духовную. В условиях постоянной внешнеполитической конфронтации необходимость удерживать в повиновении народы, противостоявшие османам в религиозно-этническом и культурном отношении, усиливала автократические черты власти султана, что обусловило оформление специфических особенностей османского вассалитета. Сохраняя в вассальных странах государственность и автономное управление, Порты устанавливала такие формы зависимости, которые позволяли ей извлекать в свою пользу наибольшие экономические, политические и военные выгоды. Османы рас-

сма тривали вассалитет как полное подчинение и на это были нацелены все его атрибуты. Вассальное Османской империи государство, так же как и данническое, платило дань, но ее юридическое содержание менялось: помимо откупа от войны она становилась выражением подчинения. Не случайно, по аналогии с налогом немусульманского населения в самой империи (территории *dar al islam*), эта дань получила название хараджа¹⁷⁸.

Отношения Валашского и Молдавского княжеств с Османской империей претерпели эволюцию от даннического состояния до положения вассальных государств, особой формой управления которыми с начала XVIII в. становится фанариотский режим. На отношения Дунайских княжеств с Портой, их характер оказывали влияние внешнеполитические планы султана в Юго-Восточной Европе и складывавшаяся в регионе международная обстановка, внутривполитические условия в княжествах и в самой Османской империи. Рассмотрение конкретной истории этих отношений задача последующих глав настоящей работы. Здесь же важно отметить, что под воздействием названных факторов складывался в каждый конкретно-исторический период статус княжеств в системе Османской империи. Хаттишерифы, являясь односторонними актами, ограниченными в действии временем правления султана, не могли быть договорами и на длительное время регламентировать отношения княжеств с Портой.

В ходе завоеваний османов в Юго-Восточной Европе в XIV — середине XVI в. Дунайские княжества оказались в зависимости от Османской империи. Сначала они платили только дань султану, сохраняя внутреннюю автономию. Постепенно в ходе эволюции отношений княжеств с Портой эта дань стала регулярной ежегодной данью-харажем¹⁷⁹, размер которой возрастал по воле султана. Княжества приобретали статус вассальных государств, будучи обязанными наряду с уплатой хараджа выставлять отряды войск для участия в османских походах. Хотя формально княжества сохраняли внутреннюю автономию, Порта присвоила себе право утверждения господарей, избираемых местными боярами. Княжества должны были находиться в сфере внешнеполитических интересов Османской империи. В знак гарантии верности султан требовал от господара присылки в Стамбул сыновей или близких родственников в качестве заложников¹⁸⁰.

Первыми представителями княжества и его господара в Порте были так называемые протекторы — лица, имевшие связи с османской администрацией. Они выполняли временные поручения господара, за определенную сумму оказывая ему соответствующие услуги: доставляли султану и его окружению дары (пешкеши), а позднее и дань, информацию о положении дел в соседних странах, о состоянии их военных приготовлений против османов. Господари часто использовали протектора и его связи в Порте для сохранения престола¹⁸¹.

С конца XV в. появляются постоянные представители молдавских и валашских господарей в Стамбуле. В корреспонденции послов разных

стран из Стамбула посланцы Дунайских княжеств в Порту назывались агентами¹⁸². Османы же по аналогии с представителями провинций применяли к господарским агентам название капукегая¹⁸³. Обычно капукегая являлся уполномоченным правителя провинции для связи с администрацией Порты. Но применение османами названия капукегая к представителям молдавского и валашского господарей не было простой аналогией. В нем выражалось подчиненное положение княжеств в системе Османской империи.

Вассальные султану княжества не имели права на официальное представительство в Стамбуле как другие государства. Это право они получили благодаря усилиям русской дипломатии лишь по условиям Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. между Россией и Турцией. В османской системе представители вассалов султана валашского и молдавского господарей по существу не отличались от представителей провинций империи. Поэтому они и имели одинаковое название капукегаяев.

Капукегаи от княжеств назначались господарем из числа верных бояр, чаще всего родственников. Выделяя его для представления интересов княжества в Стамбуле, господарь определял ему срок службы (от одного до трех лет) и наделял соответствующей инструкцией¹⁸⁴. Резиденцией капукегая молдавского господаря в Стамбуле был Богдан-сарай, валашского — Влах-сарай¹⁸⁵.

Деятельность капукегая в столице империи должна была, прежде всего, содействовать укреплению доверия Порты господарю, способствуя тем самым усилению его позиций внутри княжества. С этой целью капукегаяи часто при помощи даров подкупали османских сановников из окружения султана. В зависимости от влиятельности господаря капукегаяи пытались участвовать во внешнеполитических интригах, царивших в столице империи, устанавливая связи с представителями разных стран.

В соответствии с характером положения в системе империи Дунайские княжества, как вассалы султана, были лишены права направлять своих послов в другие страны. Конечно, господари часто не считались с этим и через посредство своих послов имели сношения с рядом государств. Но Порты, исходя из своих внешнеполитических интересов и пользуясь правом утверждения господарей, карала их за это своеволие, лишая престола. Султан использовал данное право как средство политического давления и орудие своей политики в княжествах, превращая его с усилением их вассальной зависимости также в инструмент для выкачивания из них денежных средств путем купли-продажи господарского престола.

Порты ревностно отстаивала свои претензии на Дунайские княжества и право внешнеполитической прерогативы в их отношениях с другими странами. Показательно в этой связи письмо султана Сулеймана I, написанное в 1531 г. польскому королю относительно молдавского господаря Петра Рареша. Султан писал: «Я узнал, что названный воевода прислал к вам посла. Кто разрешил ему и как он осмелился послать к вам посла? Он

и воевода Валахии мои подданные и рабы, и я дал суровый приказ, чтобы в будущем они не осмеливались направлять послов куда-либо, поэтому ни один посол не должен идти к ним. Если кто-то имеет к воеводам какое-либо дело, он должен адресоваться к всеильной нашей Порте»¹⁸⁶.

В течение XV — первой трети XVI в. в процессе установления вассальной зависимости от османов княжества лишаются внешнеполитической самостоятельности, включаясь в сферу интересов политики Порты, которая при поддержке проосманских группировок местного боярства усиливала свое влияние на их внутренние дела.

Фигурирующие в литературе первые «капитуляции» княжеств, так называемые договоры с султаном валашского господаря Мирчи Старого (1393) и молдавского господаря Богдана III (1511 или 1513), относятся к периоду, когда княжества были данническими государствами в системе Османской империи.

Как же отразились в содержании названных текстов отношения княжеств с Портой того времени? Тогдашнему политическому и экономическому положению княжеств в них соответствует только уплата ими дани султану. Остальные содержащиеся в текстах условия подчинения османам отражают моменты, характерные для вассального состояния княжеств в более позднее время, когда усилилось вмешательство султана в их внутренние дела. Ряд неточностей в содержании рассмотренных выше «капитуляций» прямо говорят о более позднем происхождении их текстов. При этом следует подчеркнуть, что, разумеется, в XIV—XVI вв. существовали султанские ахдنامه и хаттишерифы в отношении княжеств с фиксацией дани и других обязательств, которые постепенно вели к оформлению вассальной зависимости княжеств от Порты. Но, как уже отмечалось, эти акты не были соглашениями и, фиксируя обязательства господарей, не содержали каких-либо гарантий со стороны султана. Из-за своей односторонности и ограниченности правлением того или иного султана такие акты в силу своего характера не могли на длительное время регламентировать отношения княжеств с Османской империей, тем более гарантировать их внутреннюю автономию. Эти отношения складывались в каждый отдельный исторический период под влиянием взаимодействия ряда факторов, как внутривнутриполитических условий в княжествах и в самой империи, так и внешних, решающим из которых была расстановка политических сил в Юго-Восточной Европе. Об этом свидетельствует и конкретная история взаимоотношений Дунайских княжеств с османами в конце XIV — XVI в.

Примечания

- ¹ *Fotino D. Istoria generală a Daciei, sau a Transilvaniei, Țării Muntenesci și a Moldovei. Trad. de G. Sion. Buc., 1859. Т. 1—3.*
- ² *Ibid. Т. 2. Р. 17—20, 30—31.*
- ³ *Ibid. Т. 3. Р. 39.*

- ⁴ Ibid. Т. 3. Р. 218, nota 1. В свое время Н. Йорга писал, что Енаке Вэкэреску сообщил о наличии в архивах Стамбула связанных с подчинением Валахии и Молдавии султанских актов, как о якобы им открытых, но в действительности им сфабрикованных (*Iorga N. Histoire des relations russo-roumaines. Jassy, 1917. P. 178*).
- ⁵ *Papiu-Ilarian A. Tesauru de monumente istorice pentru România. Buc., 1863. T. 2. P. 243.*
- ⁶ Ibid. P. 241–242.
- ⁷ Ibid. P. 255.
- ⁸ *Iorga N. Istoria literaturii române în secolul al XVIII-lea (1688–1821). Buc., 1928. Vol. 2. Ed. de B. Theodorescu. Buc., 1969. P. 111.*
- ⁹ *Colson F. Precis de droits des Moldaves et de Valaques fondé sur le droit et sur les traités. Paris, 1839.*
- ¹⁰ *Arhiva Românească. Buc., 1845. Vol. 2. P. 347–364.*
- ¹¹ *Cronicele României seu Letopisețele Moldaviei și Walachiei. De M. Kogălniceanu. Buc., 1874. Vol. 3. P. 451–453.*
- ¹² *Uricarul. Sub red. T. Codrescu. Iași, 1857. T. 4. P. 225–229.*
- ¹³ Ibid. P. 229–230.
- ¹⁴ *Ubicini M. La question des principautés. Paris, 1858.*
- ¹⁵ *Biblioteca Academiei Române. Secția manuscriselor, mss. 333, 336; Giurescu C. Capitulațiile Moldovei cu Poarta otomană. Buc., 1908. P. 4–5.*
- ¹⁶ *Buletinul ședințelor Adunării Ad-Hoc a Moldovei. Iassy, 1857. Nr. 1; Boerescu V. România după tratatul de la Paris din 30 martie 1856. Buc., 1869; Colecțiune de tratatele și convențiunile României cu puterile străine. Publ. de M. Mitilneiu. Buc., 1874; Acte și documente relative la istoria Renașterii României. Publ. de D. Sturdza. Buc., 1888. Vol. 1; Blarenberg N. Essai comparé sur les institutions et les lois de la Roumanie, depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Buc., 1885; Mitilneiu C. Despre tratate. Buc., 1898.*
- ¹⁷ *Etudes diplomatiques et économiques sur la Valachie par T. Lefebvre. Paris, 1853; Testa J. Recueil des traités de la Porte ottomane avec puissances étrangères. Paris, 1862. Vol. 5; Archives diplomatiques. Recueil de diplomatie et d'histoire. Paris, 1866. P. 2; Les droits de la Roumanie. Paris, 1874.*
- ¹⁸ *Палаузов С. Н. Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. СПб., 1859. С. 25–29.*
- ¹⁹ *Acte și documente. Buc., 1892. Vol. 7. P. 292.*
- ²⁰ *Noradounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. Paris, 1897. Vol. 1; см. также: Орешкова С. Ф. К вопросу о подчинении Валахии Османской империи // Краткие сообщения Института народов Азии. 1961. С. 181–182.*
- ²¹ *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Сост. Л. Мартенс. СПб., 1909. Т. XV. С. 362–363.*
- ²² *Genealogia Cantacuzinilor de banul Mihai Cantacuzino. Publ. de N. Iorga. Buc., 1902. P. 68.*
- ²³ *Iorga N. Geschichte des rumänischen Volkes in Rahmen seiner Staatsbildungen. Gotha, 1905. Bd. 2. P. 76–77.*

- 24 *Minea I.* Principatele române și politica orientală a împăratului Sigismund. Buc., 1919. P. 245–273.
- 25 *Giurescu C.* Capitulațiile Moldovei cu Poarta otomană. Buc., 1908.
- 26 *Ibid.* P. 4–17.
- 27 *Ibid.* P. 14.
- 28 *Longinescu S.* Istoria dreptului românesc din vremile cele mai vechi și pînă în zilele noastre. Buc., 1908. P. 78–120.
- 29 *Marinescu J.* Bogdan al III-lea cel Orb. 1504–1517. Buc., 1910. P. 83.
- 30 *Constantinescu N.* Inceputurile și stabilirea suzeranității turcești în Moldova. Buc., 1914.
- 31 *Zagoritz Gh.* Stabilirea suzeranității turcești în Moldova // Convorbiri literare. 1914. Nr. 7–8.
- 32 *Kraehtz F.* Osmanische Urkunden in türkischer Sprache aus der zweiten Hälfte des 15. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur osmanischen Diplomatie. Wien, 1921; *Iorga N.* Actul lui Mahomed II pentru negustorii din Cetatea Albă (1456) // Revista istorică. X (1924). P. 105; *Costăchescu M.* Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare. Buc., 1932. Vol. 2.
- 33 *Babinger F.* Cel dintâi bir al Moldovei către sultan. Buc., 1936 (Extras din volumul omagial pentru frații Alexandru și Ion Lapedatu).
- 34 *Beldiceanu N.* Problema tratatelor cu Poarta în lumina cronicii lui I. Pecevi // Balcania. Vol. 1 (1942). P. 394–397.
- 35 *Ibid.* P. 400.
- 36 *Ibid.* P. 407.
- 37 *Decei A.* Tratatul de pace-sulhname dintre sultan Mehmed II și Ștefan cel Mare la 1479 // Revista istorică română. XV. 4 (1945). P. 465–494.
- 38 *Grigoraș N.* A existat un tratat de pace între Mehmed și Ștefan cel Mare. Iași, 1948.
- 39 *Panaitescu P.* Pe marginea folosirii izvoarelor cu privire la supunerea Moldovei la tributul turcesc (Vaslui 1456) // St. 1952. Nr. 3. P. 187–198.
- 40 *Panaitescu P.* Mircea cel Bătrîn. Buc., 1944. P. 284–285, 343–344.
- 41 *Cîmpina B.* Cercetări cu privire la baza socială a puterii lui Ștefan cel Mare // Studii cu privire la Ștefan cel Mare. Buc., 1956. P. 84, 88.
- 42 *Berza M.* Haraciul Moldovei și Țării Românești în sec. XV–XIX // SMIM. 2 (1957); *idem.* Variațiile exploatații Țării Românești de către Poarta otomană în secolele XVI–XVIII // St. 1958. Nr. 2.
- 43 *Mehmet M.* Din raporturile Moldovei cu Imperiul Otoman în a doua jumătate a veacului al XV-lea // St. 1960. Nr. 5. P. 165–168.
- 44 *Ibid.* P. 173–177.
- 45 Istoria României. Ed. Ac. R. P. R. Buc., 1962. Vol. 2.
- 46 См.: *Zaharia Gh., Mușat M.* Lupta pentru independența și unitate statală — permanență a istoriei poporului român // Anale de istorie. 1975. Nr. 1; *Popescu-Puțuri I.* Din trecutul de lupta a poporului român pentru apărarea suzeranității și independenței patriei // Anale de istorie. 1976. Nr. 1 и др.

- 47 *Giurescu C. C.* Sur les relations entre le peuple roumain et l'Empire Ottoman á travers les siécles. — VII. Turk Tarih Kongresi. Bildiriler. II. Ankara, 1973. P. 590–596.
- 48 *Giurescu C. C.* Probleme controversate în istoriografie română Buc., 1977. P. 92–93.
- 49 *Neagoe M.* Contribuții la problema așezirii Moldovei față de Imperiul otoman. (Înțelegerea dintre Bogdan cel Orb și Selim din anul 1512) // St. 1964. Nr. 2. P. 311–323.
- 50 *Gemil T.* Din relațiile moldo-otomane în primul sfert al secolului al XVI-lea. (Pe marginea a doua documente din arhivele de la Istanbul) // AIIA. IX (1972). P. 133–142.
- 51 Ibid. P. 140–141.
- 52 *Gemil T.* Românii și otomanii în secolele XIV–XVI. Buc., 1991.
- 53 См. оригинал документа на славянском языке: *Ciuca M.* Din relațiile Moldovei cu Imperiul otoman în timpul lui Bogdan al III-lea // RI. 1978. Nr. 7. P. 1262 (румьнский перевод см. P. 1263).
- 54 *Gubolgu M.* Despre materialele arhivistice otomane din Turcia și importanța lor pentru istoria țărilor române // RA. 1966. Nr. 2. P. 192–193.
- 55 *Beldiceanu N.* La Moldavie ottomane a la fin du XV siècle et au début du XVI siècle // REI. 1969. Nr. 2. P. 239–266.
- 56 *Ciuca M.* Din relațiile Moldovei... P. 1257–1258.
- 57 *Papacostea Ș.* Politica externă a Moldovei în vremea lui Ștefan cel Mare: punct de reper // RI. 1975. Nr. 1. P. 16, 20, 26, 28.
- 58 *Beldiceanu N.* La Moldavie ottomane... P. 244.
- 59 *Gorovei Șt.* Pacea moldo-otomană din 1486. Observații pe marginea unor texte // RI. 1982. Nr. 7. P. 807–821.
- 60 *Ștefănescu Șt.* Țara Românească de la Basarab I «Intemeietorul» pînă la Mihai Viteazul. Buc., 1970. P. 116–117.
- 61 Ibid. P. 117–125.
- 62 Ibid. P. 127–133.
- 63 Ibid. P. 136.
- 64 *Ștefănescu Șt.* Considerations concernant le caractère des rapports roumano-turcs et leur impact sur le développement historique de deux peuples // AUB. 1978. P. 9–16.
- 65 *Ștefănescu Șt.* Istoria românilor din secolul al XVIII-lea. Buc., 1999. P. 44.
- 66 *Matei I.* Quelques problèmes concernant le régime de la domination ottomane dans les pays roumains // RESEE. 1972. Nr. 1. P. 70–77.
- 67 *Maxim M.* L'autonomie de la Moldavie et la Valachie dans les actes officiels de la Porte de la seconde moitié du XVI siècle // RESEE. 1977. Nr. 2. P. 228.
- 68 *Maxim M.* Din istoria relațiilor româno-otomane. — «Capitulațiile» // Anale de istorie. 1982. Nr. 6. P. 40; *idem.* Cu privire la statutul de ahd al țărilor române față de Poarta. Considerații pe marginea unor izvoare otomane // RI. 1986. Nr. 6. P. 523–533.
- 69 *Maxim M.* Țările Române și Inalta Poartă. Buc., 1993.
- 70 См.: *Орешкова С. Ф.* К вопросу о подчинении... С. 181–182.
- 71 *Мутафчиева В., Димитров С.* Некоторые замечания по новому общему курсу османской истории // Народы Азии и Африки. 1964. № 3. С. 150–162; *Новичев А. Д.* Средневековая история Турции в современной турецкой исто-

- риографии // *Историография и источниковедение истории стран Азии*. Л., 1965. Вып. I. С. 113–125.
- 72 См.: *Недова Е. П.* Молдавско-турецкие отношения эпохи феодализма в освещении некоторых турецких буржуазных историков // *Критика буржуазных фальсификаторов истории Молдавии*. Кишинев, 1984. С. 203–215.
- 73 *Atabinen R. S.* Les apports turcs dans le peuplement et la civilisation de l'Empire Orientale. Galata-Istanbul, 1952.
- 74 *Gökbilgin T.* La structure des relations turco-roumaines et des raisons de certains hüküms, ferman, berat et des ordres des sultans adresses au princes de la Moldavie et de la Valachie au XVI et XVII siècles // *Belleten*. Ankara, 1978. P. 761–773.
- 75 См. упоминавшуюся выше (прим. 20) статью С. Ф. Орешковой «К вопросу о подчинении Валахии Османской империи».
- 76 *Гонца Г. В.* О степени вассальной зависимости Молдавского государства от Османской империи в 1512–1538 гг. // *Известия АН МССР*. 1976. № 3; *он же*. К вопросу о времени составления текста молдавско-османского договора 1512 г. // *Известия АН МССР*. 1980. № 2.
- 77 *Гонца Г. В.* К вопросу о времени... С. 15–16.
- 78 *Семенова Л. Е.* Отношения Дунайских княжеств с Османской империей в конце XV — начале XVI в. // *Османская империя...* С. 135. Прим. 94; *она же*. Румынская историография о турецких документах по истории отношений Молдавского княжества с Османской империей в начале XVI в. // *Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы*. М., 1986. С. 72–82; *она же*. Отношения Дунайских княжеств с Османской империей (к вопросу о «капитуляциях») // *Новая и новейшая история*. 1986. № 5. С. 65–79.
- 79 См.: *Гиргас В.* Права христиан на Востоке по мусульманским законам. СПб., 1865; *Фадеева И. Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм-панисламизм). XIX — начало XX в. М., 1985.
- 80 *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Изд. 2-е. М., 1958. Т. 10. С. 168–169.
- 81 *Pelissie du Rausas G.* Le regim des capitulations dans l'Empire ottoman. Ed. 2. Paris, 1910. V. 1. P. 3.
- 82 *Виноградов В. Н., Семенова Л. Е.* Некоторые вопросы отношений между Россией и Дунайскими княжествами в XVIII — начале XIX в. в свете материалов советских архивов // *Балканские исследования*. Вып. 8 (1982). С. 8.
- 83 Там же. С. 10–11.
- 84 *Дмитриев П. Г.* Из истории крестьянского движения в Молдавии во второй половине XVIII — начале XIX в. // *Известия Молдавского филиала АН СССР*. 1959. № 2; *Mircea M.* Lupta țăranilor împotriva exploatării în timpul războaielor ruso-turce din a doua jumătate a sec. XVIII-lea // *SRIR*. I. 1954; *Vianu A.* Manifestări antifanariote în Moldova la sfîrșitul sec. al XVIII-lea // *St*. 1962. Nr. 4.
- 85 АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. 1737 г. Д. 3. Л. 2.
- 86 Там же. Л. 8–11 об.
- 87 *Шульман Е.* Миссия валашского ворника П. Драгунеску в Россию (1736–1737 гг.) // *Вековая дружба*. Кишинев, 1961.

- 88 АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. 1736–1737. 22. Д. 2. Л. 41–49.
- 89 *Vianu A.* Din acțiunea diplomatică a Țării Românești în Rusia în anii 1736–1738 // *Rsl.* VIII (1963). P. 19–25; *Șerban C.* Relațiile politice româno-ruse în timpul războiului ruso-turc din 1735–1739 // *Analele româno-sovietice. Istorie.* 1956. Nr. 4. P. 113–133.
- 90 Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. X. № 7891. С. 890–894.
- 91 АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. 1769 г. Д. 2. Л. 3–6.
- 92 Там же. 1770 г. Д. 1. Л. 32–33 об.
- 93 Там же. Л. 34–35 об.
- 94 АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1772 г. Д. 1680. Л. 51–54.
- 95 Там же. 1773 г. Д. 1762. Л. 81 об.
- 96 Архив Государственного Совета. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796). СПб., 1869. С. 42.
- 97 Там же. С. 47.
- 98 АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. 1769 г. Д. 1. Л. 1–2 об.
- 99 Там же. 1770 г. Д. 1. Л. 2–13.
- 100 Сб. РИО. СПб., 1879. Т. 26. С. 394–395.
- 101 См.: *Уляницкий В.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883; *Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII — начало XX в. М., 1978;* *Voicu L.* Les Principautés Roumaines dans les rapports politiques internationaux durant le XVIII siècle. Iași, 1986.
- 102 Архив Государственного Совета. Т. 1. С. 50.
- 103 АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. 1770 г. Д. 5. Л. 3–5 об., 6–7 об.
- 104 Там же. Л. 9–10.
- 105 Там же. 1770 г. Д. 1. Л. 43–63; см. также: *Genealogia Cantacuzinilor.* Publ. de N. Iorga. Buc., 1902. P. 460–465, 468–479.
- 106 АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. 1770 г. Д. 2. Л. 1–1 об.
- 107 Там же. Ф. Сношения России с Турцией. 1771 г. Д. 100. Л. 7–8 об.
- 108 Русский архив. Кн. 3. 1880 г. С. 240.
- 109 АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1772 г. Д. 1671. Л. 2–27.
- 110 Там же. Л. 20.
- 111 Там же. 1772 г. Д. 1680. Л. 9–9 об.
- 112 *Giurescu C.* Capitulațiile Moldovei cu Poarta otomană. Buc., 1908. P. 26.
- 113 *Acte și fragmente.* Buc., 1896. Vol. 2. P. 68.
- 114 АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1772 г. Д. 1680. Л. 38–38 об.
- 115 Там же. Л. 51–52.
- 116 Там же. Л. 34–35.
- 117 *Genealogia Cantacuzinilor...*

- 118 *Giurescu C.* Capitulațiile... P. 25; исследователь Е. И. Дружинина считает, что А. Г. Орлов отбыл из Фокшан 23 августа.
- 119 *Genealogia Cantacuzinilor...* P. 485–495.
- 120 *Istoria evenimentelor din Orient cu referința la principatele Moldova și Valahia din anii 1769–1774, scrisă de biv. vel. stol. Dumitrache și editate după copia lui Necolai Piteșteanul din anii 1782 de V. Urechia // AAR. Ser. 2. T. X (1887–1888). Buc., 1889.*
- 121 *Genealogia Cantacuzinilor...* P. 495–499.
- 122 *Cronicari munteni. Buc., 1961. Vol. I. P. 239–240.*
- 123 *Ibid.* P. 252.
- 124 *Ibid.* P. 84–85.
- 125 *Ibid.* P. 85.
- 126 *Genealogia Cantacuzinilor...* P. 498–499.
- 127 *Maxim M. Din istoria...* P. 46.
- 128 *Ibid.*
- 129 *Guboglu M. Le tribut payé par les Principautés Roumaines à la Porte jusqu'au début du XVI-e siècle d'après les sources turques // REL. 1969. Nr. 1. P. 60; Decei A. Istoria Imperiul otoman pînă la 1656. Buc., 1978. P. 63–64.*
- 130 *Cr turc. I. P. 51; Decei A. Istoria Imperiul otoman...* P. 81.
- 131 *Ștefănescu Șt. Considerations concernant le caractère des rapports roumano-turcs...* P. 10.
- 132 *Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. М., 1955. С. 172–180.*
- 133 *Giurescu C. Capitulațiile...* P. 25–31; *Maxim M. Din istoria...* P. 35.
- 134 Текст статьи о Дунайских княжествах проекта договора, представленного турецкой стороне во время Бухарестского конгресса, см.: *Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мирный договор... Приложение. С. 345–346; текст статьи в Кючук-Кайнарджийском договоре см.: там же. С. 354–355.*
- 135 *Vianu A. Cu privire la hatîșerifurile de privilegii acordate principatelor române în anul 1774 // Rsl. V (1962). P. 122–123.*
- 136 *Genealogia Cantacuzinilor...* P. 537–540.
- 137 АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 8. 1774 г. Д. 104. Л. 1–2.
- 138 Там же. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 9/1. 1774–1775 гг. Д. 588. Л. 26.
- 139 Там же. Д. 597. Л. 3–7.
- 140 См. *Genealogia Cantacuzinilor...* P. 537–540.
- 141 *Vianu A. Cu privire...* P. 124.
- 142 АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. 1774–1775 гг. Д. 597. Л. 28–35 об.; публикация текстов: Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1886. Кн. I. С. 51–56.
- 143 См. подробно в кн.: *Гросул Г. С. Дунайские княжества в политике России. 1774–1806. Кишинев, 1975. С. 38–54.*

- 144 См. подлинник депеши Н. Репнина Н. И. Панину от 28 июля 1775 г. (АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1775 г. Д. 449. Л. 79–80).
- 145 Там же. Л. 79.
- 146 Там же. Л. 89; публикацию см.: DRn. I. P. 104.
- 147 Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (РГБ). Ф. 256. № 624. Л. 1–23.
- 148 *Гонца Г. В.* К вопросу о времени составления текста молдавско-османского договора 1512 г. // Известия АН МССР. Серия общ. науки. 1980. № 2. С. 12–18; *он же.* Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV — первой трети XVI в. Кишинев, 1984. С. 64–65.
- 149 *Giurescu C. Capitulațiile...* P. 17–22.
- 150 Cr SR. P. 56, 168.
- 151 Ureche. P. 135.
- 152 *Cardaș G.* Odiseea celui mai vechi manuscris inedit al cronicii lui Grigore Ureche // Mitropolia Olteniei. V–VIII (1970). P. 569–570; *Gorovei Șt.* Addenda et corrigenda // АПА. XV (1978). P. 529.
- 153 *Golmas A.* Despre capuchehăile Moldovei și poruncile Porții către Moldova până la 1829. Iași, 1943. P. 16; *Gorovei Șt.* Biserica de la Bălinești // Mitropolia Moldovei și Sucevei. I–II (1976). P. 108–119.
- 154 Cronicele României seu Letopisețele Moldovei și Walachiei de M. Kogălniceanu. Buc., 1874. Vol. III. P. 451–453; *Neculce I.* Letopisețul Țării Moldovei și o samă de cuvinte. Ed. II. Buc., 1958. P. 12.
- 155 Biblioteca Academiei Române. Secția manuscriselor. Mss. 115, 120, 125, 233; *Bianu I.* Catalogul manuscriptelor românești. Buc., 1907. Vol. 1.
- 156 *Cantemir D.* Istoria Imperiului Ottoman. Buc., 1876. P. 271–275; *idem.* Descrierea Moldovei. Buc., 1973. P. 271; *Giurescu C. Capitulațiile...* P. 65.
- 157 *Gorovei Șt.* Activitatea diplomatică a logofătului Ioan Tăutu // Suceava. Anuarul muzeul județean. V (1978). P. 251.
- 158 *Vianu A.* Aplicarea tratatului de la Kuciuc-Kainargi cu privire la Moldova și Țara Românească (1775–1783) // St. 1960. Nr. 5. P. 75.
- 159 Среди них и списки, опубликованные в свое время М. Когэлничану. Их источниковедческий анализ см.: *Giurescu C. Capitulațiile...* P. 3–22.
- 160 Biblioteca Academiei Române. Secția manuscriselor. Mss. 5.
- 161 АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. 1–9. 1801–1802. Оп. 8. Д. 4. Л. 258–259 об. Оpubл.: Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. М., 1996. С. 96–98; *Семенова Л. Е.* Валахия и Молдавия в системе Османской империи (к истории происхождения текстов «капитуляций») // Славяне и их соседи. Вып. 8. М., 1998. С. 152–153.
- 162 Там же.
- 163 *Семенова Л. Е.* Валахия и Молдавия... С. 147–152.
- 164 АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. 1–9. 1801–1802. Оп. 8. Д. 4. Л. 159–162.
- 165 *Giurescu C. Capitulațiile...* P. 14.

- 166 АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. 1774—1775 гг. Д. 592. Л. 11—13.
- 167 *Iorga N.* Istoria literaturii române în secolul al XVIII-lea (1688—1821). Buc., 1928. Vol. 2. Ed. de B. Theodorescu. Buc., 1969. P. 109—111.
- 168 Genealogia Cantacuzinilor... P. 201—202, 205—206.
- 169 *Iorga N.* Istoria literaturii române... P. 106—109.
- 170 *M. d'Ohsson.* Tableau général de l'Empire Ottoman. Paris, 1788. Vol. 1. P. 482—616; *Millot L.* Introduction a l'étude du droit musulman. Paris, 1953.
- 171 *Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А.* Очерки истории Турции. М., 1983. С. 46.
- 172 *M. d'Ohsson.* Tableau... Paris, 1824. Vol. V. P. 61—63; *Matei I.* Quelques problèmes concernant le régime de la domination ottomane dans les pays roumains // RESEE. 1972. Nr. 1. P. 68—77.
- 173 *Hammer J.* Histoire de l'Empire Ottoman. Paris, 1844. T. 1. P. 248.
- 174 *Kraelitz F.* Osmanische Urkunden... S. 39—42.
- 175 *Florescu G.* L'aspect juridique des khatticherifs. Contributions à l'étude des relations de l'Empire Ottoman avec les principautés roumaines // Studia et acta orientalia. I. Buc., 1958. P. 133—138.
- 176 *Condurachi I.* Suzeranitatea ungaro-polonă și efectele ei asupra suveranității principatelor române până la 1500. Cernăuți, 1923; *Racovița C.* Inceputurile suveranității polone asupra Moldovei (1387—1432). Buc., 1941.
- 177 *Cazan F., Mustața C.* Relațiile de vasalitate moldo-polone și implicațiile lor politice la sfârșitul secolului XV și în secolul XVI // RI. 1983. Nr. 4. P. 363—371.
- 178 *Berchem M.* La propriété territoriale et l'impôt foncier sous les premiers califs. Etude sur l'impôt du kharadj. Geneva, 1866.
- 179 О значении взимания Портой дани с княжеств см.: *Maxim M.* Tributul românesc la Înalta Poartă: predare, destinație. Noi documente turcești din secolul al XVI-lea // Miscellanea in honorem Radu Manolescu. Buc., 1996. P. 144—156.
- 180 *Bobcev S.* Coup d'oeil sur le régime juridique des Balkans sous le régime ottoman // Balkans, leur passe et leur présent. Belgrad, 1936. P. 185—194.
- 181 *Golimas A.* Despre capucehaile Moldovei și poruncile Porții către Moldova până la 1829. Iași, 1943. P. 18—22.
- 182 DR. IV/2. P. 20, 25, 46, 301, 303, 306.
- 183 *Matei I.* Quelques problèmes... P. 76.
- 184 *Golimas A.* Despre capucehaile... P. 32—46.
- 185 *Siruni H.* Domnii români la Poarta otomană. Buc., 1941. P. 17, 60.
- 186 DR. Supl. II. Vol. I. P. 26.

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА
В УСЛОВИЯХ ОСМАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ
НА БАЛКАНАХ В КОНЦЕ XIV–XV В.

УСТАНОВЛЕНИЕ ВАССАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ ВАЛАХИИ ОТ ПОРТЫ

С середины XIV в. после захвата полуострова Галлиполи (1354) османы перешли к активной экспансии на Балканах. При султанах Мураде I (1360–1389) и его преемнике Баязиде I (1389–1402) были завоеваны все византийские владения в этом регионе, кроме небольшого района с центром в Константинополе, и болгарские земли; вассалом султана стала Сербия (1389)¹.

Османскому наступлению способствовала политическая обстановка на Балканах в этот период. Султан и его сановники умело использовали разобщенность балканских стран, постоянно соперничавших между собой за расширение владений и ослабленных междоусобной борьбой феодалов группировок.

Одновременно, противодействуя распространению власти османов, стремились упрочить свои позиции на Балканах Венецианская республика и Королевство Венгрия. Венеция, заинтересованная в торговых преимуществах, в соперничестве с Генуей утвердилась на Адриатическом побережье. Венгерские короли присоединили к своим владениям северные области Боснии и Сербии, укрепили влияние в Валашском и Молдавском княжествах, добиваясь от их господарей признания вассальной зависимости. В условиях конфронтации между Венгрией и Османской империей правители балканских стран вынуждены были проводить политику лавирования, переходя с одной стороны на другую. Стремясь к реализации собственных материальных и политических интересов в балканском регионе, венгерские короли действовали под флагом борьбы с османами, привлекая таким образом местное население и получая его содействие. Этому благоприятствовало то, что со второй половины XIV в. все большее распространение среди балканских правителей получает идея антиосманского союза как основы для укрепления государственных и церковных связей православных государств. Но вмешательство Венгрии и Венеции в реализацию планов создания такой коалиции приводило к обострению распри между балканскими странами, усиливавших их разобщенность и ослаблявших попытки совместного отпора османам².

Для Валашского княжества задача отражения угрозы со стороны Османской империи встала реально с конца XIV в. В этих условиях на первый план выдвинулась необходимость укрепления внешнеполитических позиций княжества.

Господарь Мирча Старый (1386–1418) в реализации своих планов внешней политики придавал важное значение стабилизации экономики и внутриполитического положения. Этим были вызваны принятые им меры содействия развитию производства и торговли. Показатель широкого развития как внутренней и внешней торговли княжества в период правления Мирчи — серебряные монеты, циркулировавшие не только в княжестве,

но и за его пределами. Господарь подтвердил данные его предшественниками торговые привилегии купцам Брашова, а также предоставил их торговцам из Польши и Литвы. Росту доходов княжества способствовала регламентация господарем размеров пошлин. Все это позволило укрепить материальные ресурсы и военный потенциал княжества. Большое внимание Мирча уделял мерам по усилению обороноспособности страны — строительству крепостей и увеличению военных сил³.

Первоочередную задачу своей внешней политики он видел в предотвращении подчинения Валахии султану. Чтобы противостоять натиску османов с юга, Мирча считал необходимым, прежде всего, укрепить северные границы княжества. С этой целью он наладил отношения с молдавским господарем Петром I Мушатом. При посредничестве последнего Мирча заключил в 1389 г. с королем Польши Владиславом Ягеллоном союз о взаимной помощи против венгерского короля Жигмонда⁴. Связи с молдавским боярством позволили валашскому господарю укрепить позиции в Молдавском княжестве и оказывать влияние на внутривосточную борьбу за власть, в результате которой в 1400 г. престол занял Александр Добрый⁵. В целях защиты южных границ княжества Мирча укрепил крепости по Дунаю, создал «великое войско» из горожан, свободных и зависимых крестьян.

Реальная угроза османского завоевания нависла над Валахией, когда в 1391 г. османское войско во главе с Фируз-беем проникло на территорию княжества и подвергло его страшному разорению⁶. Учитывая общую ситуацию на Балканах, Мирча счел необходимым переориентироваться на союз с Венгрией, которая в 1390 и 1391 гг. вела борьбу против османских вторжений на своих юго-восточных границах⁷. Чтобы положить конец этим инцидентам, венгерский король Жигмонд предпринял летом 1392 г. успешные действия против султанских войск на территории Сербии. Одновременно венгерский король стремился к созданию широкого антиосманского блока, в котором наряду с Венгрией должны были принять участие также Польша, Австрия, Боснийское королевство. Венеция, обусловив свое вхождение в блок вступлением в него Англии и Франции, фактически отказалась от совместных действий против султана. В этих условиях Жигмонд проявил заинтересованность в привлечении к антиосманскому союзу Валахии⁸.

Успехи Баязида в Болгарии, весть о его подготовке к завоеванию Валахии, Видина и Добруджи вызвали тревогу в Буде. Государственное собрание, созванное в апреле 1394 г., приняло меры по мобилизации военных сил и материальных ресурсов для борьбы с Османской империей. Были закреплены союзные отношения с Польшей⁹. В мае король Жигмонд направил посольство к валашскому господарю с предложением совместных действий против султана¹⁰. Предложение венгерского короля отвечало планам Мирчи, стремившегося лишить османов опорных пунктов наступления на Валахию.

Осенью 1394 г. Баязид во главе большого войска перешел Дунай с намерением разбить валашские войска и подчинить себе княжество. Решающее сражение произошло 10 октября на реке Арджеш при Ровине. Под напором отрядов Мирчи султанские войска, подвергнув княжество опустошительному набегу, были вынуждены отступить¹¹. Однако османам удалось обосноваться в крепостях по берегу Дуная, в том числе в Никополе, сохранив таким образом базу для новых вторжений на территорию княжества¹². Жигмонд, находившийся со своими войсками на юго-восточной границе Венгерского королевства, не нашел нужным выступить на помощь своему союзнику — валашскому господарю¹³.

Успех при Ровине стоил княжеству больших жертв. Но он не привел к упрочению власти Мирчи и политической стабилизации в княжестве. Наоборот, активизировалась оппозиция крупных бояр, противников усиления господарской власти¹⁴. Основной базой этой группировки валашского боярства являлись западные районы княжества, где сепаратистские тенденции были сильны еще со времен первого господаря Басараба¹⁵. Целью враждебной Мирче боярской партии было свержение его с престола. Для этого она согласна была на мир с султаном и выдвинула своего претендента на господарский престол, сына Дана I — Влада, вошедшего в историю под именем Влада Узурпатора. Действиями этой партии валашских бояр благоприятствовали события в соседнем Молдавском княжестве, где Польше удалось возвести на господарский престол своего ставленника, Штефана I, поддерживавшего претензии Влада в Валахии в борьбе против Мирчи. Экспедиция венгерского короля Жигмонда в Молдавское княжество в начале 1395 г. с целью установления венгерского сюзеренитета и включения его в антиосманскую борьбу должна была в то же время лишить Влада помощи Польши и Штефана и способствовать стабилизации положения Мирчи, союзника Жигмонда¹⁶.

В сложившихся тяжелых внутривнутриполитических и внешних условиях Мирча придавал важное значение отношениям с Венгрией. В марте 1395 г. между Мирчей и Жигмондом был заключен договор в рамках общей антиосманской борьбы. По условиям договора, валашский господарь со своими войсками должен был участвовать в военных действиях против султана, обеспечить свободный проход общих антиосманских сил через территорию княжества, за определенную плату обеспечить их провиантом и транспортными средствами. Жигмонд пожаловал Мирче крепость Бран¹⁷.

Между тем враждебная Мирче группировка валашских бояр во главе с претендентом на престол Владом начала с султаном переговоры о помощи. В мае 1395 г. османские войска вторглись на территории к северу от Дуная. Это усилило позиции противников Мирчи. Попытка венгерского короля помочь ему оказалась безуспешной. Посланный во главе отряда на помощь валашскому господарю бывший бан Штефан Лошонц пал в сражении с войсками султана и отрядами Влада¹⁸.

Летом 1395 г. Жигмонд сам возглавил поход в Валахию. Чтобы поддержать Мирчу, находившегося в господарском дворце Куртя де Арджеш, венгерский король был вынужден вести войска длинным и трудным путем через лесистую Трансильванию и малодоступные горные районы. Одержав победу в первом столкновении с турецкими войсками и отрядами Влада в долине Дуная и захватив крепость Малый Никополь¹⁹, Жигмонд повернул свое войско в направлении венгерских границ. На обратном пути близ одного труднодоступного горного перевала в конце августа королевские войска были атакованы отрядами Влада и понесли большие потери²⁰. Мирча, лишенный поддержки боярства в княжестве, не получил таким образом и помощи своего венгерского союзника. Владу с помощью османов удалось захватить Куртя де Арджеш и сместить Мирчу с престола. Став господарем, Влад подчинился султану и уплачивал ему дань²¹.

В ответ на попытку Жигмонда противостоять претензиям Порты на Валахию султан предпринял в конце 1395 г. нападение на Трансильванию²². Неудача похода Жигмонда в Валахию летом 1395 г. была использована польским королем для того, чтобы вовлечь Влада как валашского господаря в орбиту своих интересов, имевших антивенгерскую направленность. На стороне Польши против Мирчи и его венгерского союзника выступал и молдавский господарь Штефан, который актом признания польского сюзеренитета от 16 января 1395 г. обязывался помогать Владиславу против Венгрии, валашского господаря (т. е. Мирчи), а также против турок и татар²³. Результаты усилий короля Польши не замедлили сказаться. 28 мая 1396 г. Влад признал себя вассалом польской короны²⁴.

Летом 1396 г. с помощью трансильванского воеводы Штибора Мирча попытался восстановить свои позиции в Валахии. Хотя ему и не удалось устранить своего соперника — Влада, но он сумел собрать значительное число отрядов, с которыми принял участие в организованном Жигмондом осенью 1396 г. крестовом походе²⁵. Судьба похода была решена у крепостных стен болгарского города Никополя на правом берегу Дуная. Жесточайшее сражение (25 сентября 1396 г.) между крестоносными войсками и в два раза превосходившей их по численности армией султана Баязида I закончилось победой османов²⁶. Непосредственным ее следствием было превращение последнего болгарского царства в Видине в турецкий пашалык.

Победа Баязида I под Никополем закрепила османские завоевания на Балканах и поставила перед непосредственной угрозой Венгрию, Молдавское и Валашское княжества, Польшу. Поражение крестоносцев сыграло определенную роль в изменении настроений валашских бояр в пользу антиосманской борьбы, что сразу же сказалось на укреплении позиций Мирчи в Валашском княжестве. При содействии трансильванского воеводы Штибора Влад был свергнут и доставлен в Венгрию, Мирча вернулся в Валахию²⁷.

Нависшая после Никополя опасность османского завоевания Валахии заставляла валашского господаря искать поддержку у венгерского

короля. В письме Жигмонда от 23 марта 1399 г. к одному из бывших его союзников говорится о получении письма от Мирчи с просьбой к королю о незамедлительной помощи против Баязида, который может в ближайшее время напасть на Валахию. Из письма видно, что венгерский король, в полной мере оценивая опасность для Венгерского королевства подчинения султаном Валахии, был, со своей стороны, также заинтересован в поддержке ее правителя²⁸. Это подтверждается и тем фактом, что именно после Никополя Мирча в дополнение к своим прежним владениям в южной Трансильвании²⁹ получает от Жигмонда еще крепость Балогу с поместьем, расположенным в центре Трансильвании, на западе от Клужа³⁰. Определенную роль в укреплении отношений Валахии с Венгрией играли и родственные связи господара с венгерскими магнатами. Имеются свидетельства, говорящие о венгерском происхождении жены Мирчи³¹.

В начале XV в. Баязид I вынужден был приостановить наступательные действия на Балканах. В 1400 г. султан двинул свои войска в Малую Азию, куда вторглись полчища среднеазиатского правителя Тимура, стремившегося к возрождению державы Чингисхана. В битве при Ангоре (Анкаре) 28 июля 1402 г. османские войска были разбиты Тимуром, султан и два его сына попали в плен. После разгрома армии Баязида войска Тимура совершили опустошительные походы на юг и запад Анатолии. Чтобы ослабить империю османов, Тимур расчленил ее на части, восстановив прежде самостоятельные бейлики и разделив османские владения между четырьмя сыновьями Баязида I. Начавшаяся между ними междоусобная борьба за власть усилила опасность распада империи³².

Внутренние неурядицы, возникшие в Османской империи в результате нашествия Тимура, создавали благоприятные условия для организации антиосманского наступления на Балканах. Ослабление империи было использовано и Мирчей, которому в результате ряда военных акций против турецких войск удалось вернуть территории, захваченные султаном в 1393—1396 гг. В то же время, понимая значение объединения усилий европейских государств в борьбе против Османской империи, валашский господарь был готов участвовать со своими военными силами в широком антиосманском наступлении, инициатором которого снова выступил венгерский король. Эти намерения Мирчи проявились во время его встречи с Жигмондом в конце 1406 г. в Северине, когда шла речь о планах совместных действий против османов³³. Но взаимные противоречия помешали европейским государствам объединиться, чтобы, воспользовавшись ослаблением Османской империи, ликвидировать угрозу ее продвижения в Европу. В этих условиях Мирча стремился использовать разгоревшуюся в империи междоусобную борьбу для укрепления своих позиций. В 1411 г. валашский господарь поддержал одного из претендентов на султанский трон сына Баязида I — Мусу³⁴. Их отношения были скреплены браком Мусы и дочери валашского господара³⁵.

Но правление Мусы продолжалось недолго. В 1413 г. османский престол занял младший сын Баязида Мехмед I³⁶. Когда в 1415 г. появился новый претендент на престол — брат султана Мустафа, Мирча предоставил ему убежище в своем дворце и оказывал помощь в действиях против Мехмеда в областях к югу от Дуная. В декабре 1416 г. Мустафа потерпел поражение в сражении с султанскими отрядами³⁷. Отношения Мирчи с Мустафой послужили предлогом для экспедиции султана в Валахию. Враждебность султана к валашскому господарю усугубилась тем, что в его стране нашел приют шейх Бедред-дин, возглавивший крестьянское восстание 1416 г. в Анатолии и Румелии³⁸. В начале 1417 г. Мехмед двинулся с большим войском на княжество. Мирча вынужден был согласиться на уплату султану дани и послать заложником в Стамбул своего племянника Дана³⁹.

Ряд исследователей, основываясь на свидетельстве Халкокондила о том, что, став султаном, Мехмед I послал войска в Валахию, и валашский господарь заключил с ним мир на условии уплаты дани⁴⁰, относят военную экспедицию Мехмеда в Валахию к первым годам его правления, т.е. к 1413 или 1414 г. Соответственно 1415-м г. эти ученые датируют уплату Мирчей дани османам⁴¹. Между тем свидетельство византийского хрониста не подтверждается турецкими и другими современными ему источниками. Румынский историк М. Пиенару, проанализировав письменные памятники первых двух десятилетий XV в., в том числе турецкие, персидские, арабские, сирийские, убедительно показал, что в 1413 и 1414 гг. между Мирчей и Мехмедом не было конфронтации, что враждебность султана к господарю появилась только в конце 1416 — начале 1417 г. после того, как при валашском дворе получили убежище сначала его соперник Мустафа, а затем шейх Бедред-дин⁴². Следовательно, первая уплата Мирчей дани султану может быть отнесена к 1417 г.

После смерти Мирчи (1418) в Валахии начинается длительный период политической нестабильности, вызванной борьбой различных группировок крупного боярства за власть и влияние⁴³. Борьба за престол, приводившая к частой смене господарей, отрицательно сказывалась на экономике и политической жизни княжества. Положение ухудшалось из-за вмешательства соседних государств, к помощи которых обращались соперничавшие группировки бояр. К этому времени относится появление проосманской боярской группировки, сыгравшей в дальнейшем пагубную роль в подчинении княжества Османской империи. Союз с османами становится в последующем классовой программой крупного валашского боярства. С усилением проосманских настроений среди бояр растет влияние Порты в княжестве.

Летом 1419 г. по приказу султана Мехмеда беи соседних с Валахией областей, в частности Видина, совершили нападение на территорию княжества. В ответ на эту акцию султана венгерский король Жигмонд предпринял осенью 1419 г. антиосманские действия, в результате которых присоединил к своим владениям Северин⁴⁴.

Относительная стабилизация внутреннего положения в империи позволила султану Мехмеду I возглавить летом 1420 г. крупную военную экспедицию против Валахии, чтобы подчинить себе княжество и лишить тем самым Венгрию возможности использовать его в антиосманских планах⁴⁵. Посланное венгерским королем в Валахию войско опоздало. Султанские отряды прошли через княжество в Банат, захватили крепость Северин, важный опорный пункт на пути к Трансильвании. Часть султанских войск после завершения кампании в Валахии направилась к южным границам Молдавского княжества и атаковала крепость Килию, отвоеванную у Валахии незадолго до этого господарем Александром Добрым⁴⁶. Последствия военной экспедиции Мехмеда были тяжелыми для Валахии. Княжество лишилось ряда территорий по Дунаю (в том числе Добруджи), имевших важное оборонительное значение.

Ставший господарем после смерти Мирчи его сын Михаил I (1418—1420), покровительствуемый Венгрией, был убит Даном II (1420—1431), получившим помощь султана. Но вскоре Дан перешел на сторону венгерского короля Жигмонда I и начал антиосманские военные действия. Дважды, в 1423 и 1425 гг., валашскому господарю при поддержке венгерских сил удалось перейти Дунай и нанести османам поражение⁴⁷.

Бояре, сторонники соглашения с султаном, выдвинули против Дана Раду II Празнаглава, которого Порта стала поддерживать в качестве претендента на господарский престол. Борьба между Даном, имевшим покровительство венгерского короля, и Раду Празнаглавом велась с переменным успехом с 1421 по 1427 г. С османской помощью Раду несколько раз изгонял Дана из Валахии. Весной 1427 г. Дану удалось устранить соперника и утвердиться на престоле⁴⁸. Однако, лишенный помощи Жигмонда, занятого антиосманскими действиями на территории Сербии и потерпевшего неудачу в сражении за крепость Голубац, Дан в 1428 г. подчинился султану с обязательством уплаты дани⁴⁹.

Османское влияние в княжестве усилилось при господаре Александре I Алдя (1431—1436). Его попытки обращения к брашовянам за поддержкой в получении помощи венгерского короля были нерешительны⁵⁰. Безвольный господарь стал послушным инструментом в руках боярства, ориентировавшегося на союз с султаном. Александр Алдя соглашался со всеми требованиями Порты. Он обязался участвовать с отрядом в османском походе на Трансильванию и посылать заложниками в Стамбул сыновей бояр. Политическое господство бояр и вмешательство турок приводили к ослаблению центральной власти. Все это пагубно сказывалось на состоянии хозяйства и всей экономики княжества, вызывало социальные волнения⁵¹.

В этих условиях группа провенгерски настроенных бояр при поддержке феодалов Трансильвании добились в 1436 г. возведения на престол другого сына Мирчи, Влада по прозвищу Дракул. Но Влад Дракул также вскоре сменил ориентацию. Он лично явился к султану с данью и согласился выставить войско для участия в военных действиях османов против Венг-

рии⁵². Однако, заподозрив измену в продолжающихся связях Дракула с Трансильванией, султан заключил его в тюрьму и выпустил лишь после прибытия в Стамбул в качестве заложников его малолетних детей⁵³.

Дракул принял участие в антиосманской борьбе, возглавленной трансильванским воеводой и правителем Венгрии Яношем Хуньяди. Когда османские войска во главе с румелийским бейлербеем Шехабединином вторглись в Валахию, Хуньяди пришел на помощь валашскому господарю и в сентябре 1442 г. нанес поражение османам в долине реки Яломицы⁵⁴. Во время предпринятого Венгрией по инициативе папы осенью 1444 г. антиосманского похода валашские отряды должны были прибыть в Никополь, куда направлялись, перейдя в сентябре Дунай, войска Хуньяди. В Никополе, увидев, как малочисленны отряды, возглавляемые Хуньяди, Влад Дракул отказался участвовать в походе⁵⁵. После поражения под Варной возвращавшийся через Валахию Хуньяди был пленен валашским господарем и освобожден лишь под угрозой вторжения венгерских войск⁵⁶. Но уже осенью 1445 г. Влад Дракул со своими войсками участвовал в новой антиосманской экспедиции Хуньяди, в результате которой была освобождена крепость Джурджу.

Вскоре Дракул примирился с султаном. Тогда Хуньяди поддержал претендента на валашский престол Владислава II и с целью оказания ему помощи организовал в январе 1447 г. поход в Валахию⁵⁷. Но Владислав стал проводить политику лавирования между Венгрией и Османской империей. В его правление внешнеполитическое положение Валахии определялось осmano-венгерским договором 1452 г., по условиям которого княжество, оставаясь вассалом Венгрии, должно было уплачивать дань Порте⁵⁸.

В 1456 г. престол Валахии занял Влад Цепеш*, пользовавшийся поддержкой Яноша Хуньяди, который рассчитывал привлечь валашского господаря к планировавшемуся в это время антиосманскому крестовому походу⁶⁰. Цепешу удалось добиться консолидации во внутреннем и внешнем положении княжества. Он принял меры для укрепления государственного аппарата и военных сил. Своей резиденцией господарь сделал крепость Бухарест⁶¹.

Стремясь стабилизировать экономическое положение в княжестве, Цепеш стал покровительствовать местным торговцам. В 1459 г. он запретил иностранным купцам ездить по стране, ограничив их торговлю только несколькими ярмарками в пограничных местностях⁶². Недовольство этими мерами трансильванских купцов привело к тому, что власти Сибиу и Брашова, особенно заинтересованных в торговых отношениях с Валахией, поддержали против Цепеша претендента на валашский престол Дана. При содействии германского императора Фридриха III, являвшегося соперником Матьяша Корвина в борьбе за венгерскую корону, Дан выступил в

---

* Влад жестоко расправлялся со своими противниками, часто приказывая сажать их на кол, за что получил свое прозвище Цепеш (Кол)⁵⁹.

1459 г. против Цепеша, обвиняя его в том, что он предался османам⁶³. Связи трансильванских городов с Даном побудили Цепеша организовать вторжение в Трансильванию.

Во внешней политике Цепеш ориентировался главным образом на Венгрию. Будучи вассалом венгерского короля, он в первые годы своего правления сохранял мирные отношения с султаном, выплачивая ему дань⁶⁴.

После завоевания османами Сербии (1459) границы их владений оказались в непосредственной близости от Валахии. Угроза подчинения княжества, попытки Порты увеличить обязательства господаря перед султаном заставили Цепеша примкнуть к антиосманскому крестовому походу, весть о подготовке которого через католических монахов достигла и господарского двора⁶⁵. Основываясь на существовавших валашко-трансильванских торговых связях, Цепеш договорился в 1460 г. о совместных антиосманских действиях с городами Брашовом, Сибиу, саксонской и секейской общинами Трансильвании⁶⁶. Валашский господарь был заинтересован в поддержке его союза с Трансильванией со стороны венгерского короля. Возникшая после 1460 г. перспектива военной конфронтации Венгрии с Османской империей дала Цепешу повод обратиться в 1462 г. к венгерскому королю Матьяшу Корвину (1458—1490) с выражением готовности участвовать в крестовом походе и с просьбой о поддержке⁶⁷.

Воспользовавшись в 1461 г. занятостью султана Мехмеда II действиями против антиосманского союза Давида Комнина, императора Трапезунда, и правителя государства Ак-Коюнлу Узун Хасана, Цепеш отказался от уплаты дани османам. Он не только не доставил ее в Порту, но и жестоко расправился с посланцами султана, который потребовал от господаря 10 тыс. золотых⁶⁸. В ответ османы, предводительствуемые Мехмед-пашой, напали на Валахию и подвергли княжество разорению, но при возвращении были атакованы войсками Цепеша⁶⁹.

Летом 1462 г. султан Мехмед II во главе большого войска вторгся в Валахию⁷⁰. В качестве претендента на валашский престол Порта поддерживала Раду Красивого, брата Цепеша. Недовольные централизаторской политикой господаря крупные бояре восстали против него, пошли на сговор с османами и перешли на сторону Раду. Цепеш отступил, рассчитывая соединиться с венгерскими войсками. Но король предпочел мир с Радой; Цепеш был заключен в тюрьму⁷¹.

Проосманская позиция, занятая крупным боярством во время экспедиции Мехмеда II в Валахию, коренилась в укреплении экономических связей бояр с Османской империей. Об этом свидетельствуют данные источников об экспорте валашскими боярами на османские рынки продукции своих вотчин, в том числе зерна, о все более частом появлении турецких торговцев на территории княжества и о случаях приобретения здесь османами недвижимого имущества⁷².

Проосманская ориентация валашских бояр создавала благоприятные условия для вмешательства Порты во внутренние дела княжества.

Получивший с помощью османов валашский престол брат Цепеша Раду Красивый (1462–1474) стал послушным орудием Порты. Раду согласился уплачивать ежегодную дань в размере 12 тыс. золотых султану, который обещал господарю военную поддержку в случае необходимости⁷³. Валашские отряды были в составе османских войск в походе Мехмеда II в Азию (1473)⁷⁴. Раду, являясь одновременно вассалом венгерского короля⁷⁵, воевал с молдавским господарем Штефаном III Великим, находившимся в это время во враждебных отношениях с Матьяшем Корвиным. Штефан предпринимал неоднократные попытки вывести из-под влияния османов Валахию и сделать ее своей союзницей. В 1470–1473 гг. он трижды совершал нападения на Валахию, чтобы сместить Раду и передать власть своему ставленнику Басарабу Лайоте*.

Оказавшись в 1473 г. при содействии молдавского господаря на валашском престоле, Лайота сразу же переметнулся на сторону султана, видя в этом единственное средство стабилизации положения в княжестве⁷⁶. Летописцы того времени единодушно утверждают, что Лайота «подчинил страну туркам»⁷⁷. Как и его предшественник на престоле, Лайота должен был выставлять валашские отряды в османскую армию, выступавшую в очередной завоевательный поход. По свидетельству венецианской хроники, в 1474 г. он лично доставил дань султану и принял со своими отрядами участие в его экспедиции против Узун-Хасана⁷⁸. В 1476 г. валашские войска были в составе армии Мехмеда II в походе на Молдавское княжество⁷⁹.

В 1478 г. с помощью венгров в Валахии утвердился Басараб Цепелюш, которого поддержал и молдавский господарь Штефан⁸⁰, признавший к тому времени венгерский сюзеренитет. Однако и Цепелюш вскоре переориентировался на османов. Его правление заполнено борьбой с Лайотой, стремившимся вернуться на валашский престол. В этой борьбе на стороне Лайоты выступал и трансильванский воевода Иштван Батори. Утверждение в Валахии Цепелюша, перешедшего на сторону султана, создавало постоянную опасность для венгерских границ. В 1479 г. валашский господарь участвовал со своими отрядами в походе османов на Трансильванию, где они были разгромлены в битве на Хлебном поле (13 октября)⁸¹. После смерти Лайоты Батори в борьбе против Цепелюша поддерживал стремившегося стать господарем Валахии Влада Кэлугэра, который обосновался в Брашове, служившем нередко опорой для претендентов на валашский престол. В письме к брашовянам в конце 1480 г. Цепелюш устрашал их силой турок, так как они приютили у себя его врага (т.е. Влада Кэлугэра)⁸². Противником Цепелюша выступал и молдавский господарь Штефан, преследовавший цель посадить на валашский престол своего ставленника. В июне 1480 г. в результате очередного похода Штефана Цепелюш был изгнан из Валахии⁸³. Часть крупных валашских бояр перешла на сторону Влада Кэлугэра. Но в фев-

---

* См. с. 85-86.

рале 1481 г. Цепелюш вместе с османскими войсками во главе с Али-бегом вернулся в княжество⁸⁴ и летом этого же года принял участие в нападении османов на Молдавское княжество⁸⁵. Летом 1481 г. при поддержке Штефана Владу снова удалось устранить Цепелюша и захватить валашский престол⁸⁶. Однако Цепелюш с помощью османов сумел в ноябре 1481 г. опять вернуться к власти.

Весной 1482 г. борьба между соперниками возобновилась и закончилась победой Влада Кэлугэра, получившего поддержку венгерского короля Матьяша Корвина. Но, став после двух лет борьбы с Цепелюшем господарем Валахии, Влад при поддержке крупного боярства также перешел на проосманские позиции, подчинив свою политику интересам Порты⁸⁷. В период его правления султан узаконил право утверждения господаря в Валахии с вручением за определенную плату (мукарер) фермана на правление и знаков власти (кафтана, знамени и т. д.). Наряду с уплатой хараджа стало правилом участие валашских войск во главе с господарем в военных походах османов. Показательны свидетельства венецианского рапорта из Стамбула от 1492 г., когда османы вели широкие военные приготовления на Дунае; в ответ на распоряжение Порты готовиться к походу Влад Кэлугэр писал, что, как верный слуга, он всегда готов выступить с войском туда, куда призовет его султан⁸⁸. В 1485 г. валашский господарь вместе с османами участвовал в нападении на Молдавское княжество, а в следующем году содействовал проходу через Валахию султанских сил во главе с Али-бегом и Петром Хронотом, направившихся против молдавского господаря Штефана⁸⁹.

Со времени правления Влада Кэлугэра султан стал практиковать периодический вызов в Стамбул господаря для переутверждения на престоле и получения при этом дополнительной платы (малого мукарера).

Подчинение валашского господаря османам создавало прямую опасность для границ королевства Венгрии. В январе 1493 г. отряды беев Смедерева и Видина, Али-бега и Малкоча, прошли через Валахию и разорили пограничные районы Трансильвании⁹⁰. Обеспокоенные тем, что османы все чаще стали использовать территорию Валахии для нападений на Трансильванию, венгерские короли через трансильванского воеводу усиливали поддержку своих претендентов на валашский престол, стремясь путем вассальных отношений укрепить влияние короны в княжестве.

Итак, как общая международная обстановка на Балканах, так и внутривнутриполитическое положение в самом княжестве способствовали тому, что османы к концу XV в. подчинили себе Валахию, превратив ее господаря в послушного вассала. Помимо уплаты возраставшей суммы хараджа, в обязательство господаря стали входить посылка из числа его ближайших родственников заложников в Стамбул, участие со своими отрядами в османских военных походах. Сложилась практика утверждения султаном господарей на престоле и периодического их переутверждения с вызывом в столицу империи и взиманием определенной суммы.

Отрицательную роль сыграли междоусобные распри между боярскими группировками за власть в княжестве, осложнявшиеся вмешательством Венгрии и Османской империи. Определяющей оказалась политика крупного валашского боярства, ориентировавшегося в защите своих сословных привилегий на союз с османами. Влияние этой группировки господствующего класса Валахии было настолько сильным, что все господа, в том числе и те, которые получали престол при поддержке антиосманских сил извне, под давлением крупного боярства были вынуждены переходить на сторону султана.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОЛДАВСКОГО КНЯЖЕСТВА В УСЛОВИЯХ ОСМАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

После захвата в 1453 г. султаном Мехмедом II Константинополя выявились главное направление османской политики, целью которой было приобретение ключевых позиций на Черном море и на Дунае, открывавших дорогу в Северное Причерноморье и в области Нижнего и Среднего Подунавья⁹¹. В выполнении этой программы важное значение османы придавали завоеванию портов Килии и Белгорода, черноморских крепостей, являвшихся богатыми центрами торговли, с которых можно было взимать дань и тем самым пополнять материальные ресурсы Порты.

Уже на следующий год после падения Константинополя, в 1454 г., Мехмед II направил флот в северные районы Черного моря, чтобы продемонстрировать свою силу в качестве нового хозяина Босфора. Правители Пелопоннеса, Хиоса, Лесбоса, Трапезунда, Сербии, Генуи и Венеции поспешили с дарами на поклон султану, который потребовал от них ежегодной дани⁹².

Для Молдавского княжества османская угроза стала реальной летом 1454 г., когда турецкий флот из 56 кораблей атаковал Белгород. Только многочисленными дарами султану город сумел откупиться. На уплату османам дани в 3 тыс. дукатов в марте 1455 г. была вынуждена согласиться генуэзская колония Каффа⁹³.

Используя сложившуюся обстановку, султан продолжал концентрировать свои военные силы на юго-востоке Европы. В августе-сентябре 1454 г. османские войска напали на Сербию. Папа Каликст III провозгласил в декабре того же года крестовый поход против османов, который должен был возглавить венгерский король. Несмотря на успехи армии крестоносцев во главе с воеводой Трансильвании Яношем Хуньяди под Белградом в 1456 г., Венгрии не удалось отстоять Сербию⁹⁴. Начавшаяся после смерти деспота Лазаря (1458) борьба среди сербских феодалов — между сторонниками Порты и венгерского короля — облегчила османам полное подчинение в 1459 г. Сербии. В 1460 г. в состав Османской империи была включена Морея⁹⁵.

В условиях сложной внешнеполитической ситуации и внутренних неурядиц, вызванных междоусобными войнами боярских группировок, османская угроза заставила и вассала Польши молдавского господара Пет-

ра III Арона осенью 1455 г. согласиться на уплату султану дани в 2 тыс. золотых дукатов⁹⁶. Установление мирных отношений с султаном путем откупа данью позволило молдавскому господарю получить от Мехмеда II привилегии от 9 июня 1456 г. для купцов Белгорода с разрешением торговать в османских землях⁹⁷. В результате Молдавское княжество, оставаясь в вассальных отношениях с Польшей, становится данником Порты.

Многие исследователи придерживаются мнения, что датой первой уплаты Молдавским княжеством дани османам является 1456 г. При этом аргументом служит письмо Петра Арона, посланное из Васлуя логгофету Миху, направлявшемуся с данью к султану, ошибочно датированное 5 октября 1456 г.⁹⁸ В последнее время в подтверждение даты уплаты дани в 1456 г. ссылаются на акт Мехмеда II от 9 июня 1456 г. о предоставлении торговых привилегий белгородским купцам, который стал рассматриваться как двусторонний османско-молдавский договор⁹⁹.

Во второй половине XV в., после длительных боярских междоусобиц, политическая обстановка в Молдавском княжестве стабилизировалась. Главным фактором внутренней консолидации княжества было укрепление центральной власти, которое произошло в годы правления господаря Штефана III (1457–1504), вошедшего в историю под именем Великий.

Необходимость усиления власти господаря диктовалась прежде всего объективными социально-экономическими причинами, связанными, в частности, с потребностями развития экономики и торговли, роста городов, интересами защиты позиций класса феодалов в условиях растущего сопротивления крестьянства усилению феодальной зависимости и т. д. Важное значение имели и задачи обороны княжества, которые становятся первостепенными во второй половине XV в. в связи с расширением османской экспансии в Юго-Восточной Европе.

Сместив с престола Петра Арона и став господарем, Штефан III сосредоточил усилия на мерах по внутренней консолидации княжества, которой он придавал особое значение в условиях возраставшей внешней опасности. Главную задачу господарь видел в том, чтобы создать надежную социальную опору для проведения своей внутренней и внешней политики.

В первые годы правления Штефан, расправляясь с боярами, открыто выступавшими против нового господаря, был вынужден проводить политику компромисса по отношению к оппозиционным группировкам крупного боярства. При отсутствии в княжестве достаточного фонда свободных земель и связанной с этим малочисленности военно-служилого сословия господарь расширял социальную базу своей власти путем привлечения к управлению среднего боярства. Сторонниками Штефана выступали города и церковь, заинтересованные в укреплении господарской власти.

К концу XV в. с усилением центральной власти позиции крупного боярства ослабели и компромисс с ним Штефан стал использовать лишь в особо трудные моменты для княжества, связанные главным образом с внешней опасностью.

Перед молдавским господарем стояла задача создания сильной армии. Задача эта диктовалась не только потребностями обороны княжества от внешних врагов. В условиях завершения процесса феодализации во второй половине XV в. дальнейшее развитие экономики происходило за счет усиления эксплуатации зависимого крестьянства. Сильная армия должна была обеспечить господствующему классу феодалов базу внеэкономического принуждения в наступлении на крестьянство¹⁰⁰.

Молдавская армия в XV в. состояла из так называемого «малого войска» и «большого войска», созывавшегося в случае возникновения внешней опасности. «Малое войско», численность которого не превышала 10 тыс. человек, составляли господарские отряды из служилых людей и боярские дружины. Завершение процесса феодализации в княжестве сократило количество свободных земель как резерва для увеличения сословия военно-служилых людей, поэтому Штефан укреплял армию путем созыва «большого войска» из числа феодально-зависимых крестьян и горожан. Это позволяло в периоды войн превращать «малое войско» в большую 40-тысячную армию¹⁰¹. Молдавское войско из зависимых крестьян уступало по своей организации регулярным войскам соседних стран. Но частые созывы войска во второй половине XV в. в связи с возросшей внешней опасностью для княжества позволили Штефану создать обученную и достаточно организованную армию¹⁰².

В укреплении рубежей княжества Штефан придавал большое значение крепостям, являвшимся во время войн опорными пунктами в обороне и в наступлении. Необходимо было расширить территории пограничных крепостей, некоторые из них отремонтировать, в отдельных районах построить новые и, оснастив их артиллерией, соединить все укрепления в единую фортификационную систему.

На южной границе, подверженной в первую очередь османской угрозе, военно-стратегическое значение имела крепость Килия, уступленная в 1448 г. господарем Петром II венгерскому правителю Яношу Хуньяди за содействие в получении молдавского престола¹⁰³. Штефан предпринимает ряд военных акций и в 1465 г. отвоевывает крепость, превращает ее в важный опорный пункт обороны южных границ княжества. Захватив крепость Крэчун, молдавский господарь укрепляет и границу с Валахией. На восточной границе княжества, которой постоянно угрожали татары и которая находилась в поле зрения польских и литовских феодалов, наряду с упрочением существовавших крепостей Хотина и Белгорода во время правления Штефана были построены две новые — Сороки и Оргеев. Внутри страны, где в оборонительной системе важное место занимали Сучава и Нямц, сооружается новая крепость в Романе. Укрепления воздвигались в крупных городах княжества, в монастырях и боярских усадьбах.

Обновление старых и строительство новых крепостей не только укрепляли обороноспособность княжества, но и оказывали влияние на

усиление власти Штефана и его позиций внутри страны, способствуя тем самым внутривнутриполитической консолидации.

С необходимостью стабилизации внутреннего положения и укрепления господарской власти были связаны и первые внешнеполитические акции Штефана. Главная их цель состояла в том, чтобы предотвратить вмешательство соседних стран в дела княжества.

Соперник Штефана Петр Арон с поддерживавшей его группировкой бояр бежал в Польшу, рассчитывая при ее помощи вернуть молдавский престол. В ходе борьбы с Петром Ароном Штефан несколько раз вторгся в пределы пограничных польских территорий.

Король Казимир IV был не прочь использовать Арона в целях упрочения своих позиций в Молдавском княжестве, но действенной поддержки оказать претенденту не мог, так как был занят длительной войной с Тевтонским орденом. Когда же в 1458 г. войска Штефана проникли в Покутье, Казимир IV был вынужден заключить мир с господарем. По условиям договора 1459 г. король признавал Штефана на молдавском престоле и обязывался не допускать Петра Арона к границам княжества. Уступая Польше Хотин, господарь получал отсрочку в принесении вассальной присяги королю¹⁰⁴.

Такой поворот событий рассеял надежды Петра Арона на возвращение молдавского престола с помощью Польши. Тогда он заручился покровительством венгерского короля Матьяша Корвина и обосновался в Трансильвании. Корвин также был готов использовать Петра Арона для того, чтобы заставить молдавского господаря признать венгерский сюзеренитет. В этих условиях Штефан должен был строить свою политику с учетом соперничества Венгрии и Польши за влияние в Молдавском княжестве, которое, как и Валахия, занимало важное место в их планах противодействия продвижению османов на юго-востоке Европы. Главной целью этих планов было установление контроля над важнейшими путями черноморской торговли и дунайской торговой артерией. Ягеллоны стремились утвердиться в Северном Причерноморье, в то время как Венгрия укрепляла свои позиции в Карпато-Дунайской области¹⁰⁵.

Особую роль в закреплении на Дунае венгерский король Матьяш Корвин отводил крепости Килии, где находился венгерский гарнизон. Килия являлась важным торговым центром и портом, занимавшим стратегическое положение в устье Дуная¹⁰⁶. Оценивая экономическое и военное значение крепости для княжества, Штефан решил отвоевать ее. Но он понимал, что осуществление его замысла приведет к военному конфликту с венгерским королем.

Предвидя неизбежность столкновения с Корвиным, Штефан ускорил принесение вассальной присяги польскому королю, чтобы заручиться его поддержкой. Молдавско-польский договор 1462 г. подтвердил основные положения мира 1459 г. Господарь обязывался не выступать на стороне противников польского короля и без его согласия не заключать

союз с какой-либо страной, фиксировался также отказ от приобретения новых территорий. В то же время за господарем закреплялось право на возвращение утраченных княжеством земель. По договору Польша возвращала Молдавскому княжеству Хотин¹⁰⁷.

Признание польского сюзеренитета давало Штефану свободу действий, так как король был занят войной с Тевтонским орденом¹⁰⁸, а полученное по договору право на восстановление утраченных земель служило формальным основанием для возвращения Килии.

Штефан начал свои действия в момент, когда Венгрия была отвлечена событиями в Валахии, которая летом 1462 г. подверглась нападению османов. Султан сверг Цепеша и сделал валашским господарем Раду Красивого.

В июне 1462 г. Штефан окружил Килию с суши. В это время на море перед крепостью появился османский флот. Венгерский гарнизон надежно укрепил крепость и находился в состоянии боевой готовности. Внезапная атака молдавских войск не имела успеха. Штефан был ранен в ноги и вынужден отступить¹⁰⁹. Матьяш Корвин предпринял одновременно дипломатический нажим на молдавского господаря, приняв в 1462 г. в Буде соперника Штефана Петра Арона, не оставлявшего надежды на свое возвращение в княжество¹¹⁰.

Корвин передал крепость Килию валашскому господарю Раду Красивому, признавшему венгерский сюзеренитет и являвшемуся также данником Порты¹¹¹. Венгерский король рассчитывал, что Штефан не рискнет выступить против Раду, который мог просить помощи османов. Жители Килии, боясь оказаться под властью султана, начали тайные переговоры с Польшей и ее вассалом молдавским господарем¹¹².

Штефан стал готовиться к новому нападению на крепость. Международная обстановка благоприятствовала планам молдавского господаря. В 1463 г. Венеция, объединившись с вождем албанского освободительного восстания Скандербегом и с Корвиным, начала войну с османами¹¹³. Положение Порты осложнялось тем, что в союз с Венецией вступил соперник османских султанов за власть в Восточной Анатолии Узун Хасан, правитель государства Ак-Коюнлу.

Штефан использовал занятость соседних стран османо-венецианской войной и в 1465 г. снова предпринял военные действия против Килии. Благодаря внезапности нападения он сумел парализовать действия крепостного гарнизона. 23 января молдавские войска проникли в город и осадили крепость; через два дня она уже была в руках Штефана¹¹⁴. Валашский господарь Раду попросил у султана помощи против молдавского господаря, но Штефан направил в Порту посла с данью и дарами. Султан увеличил размер дани Молдавского княжества с 2 до 3 тыс. золотых¹¹⁵. Штефан был вынужден согласиться на это увеличение и ценой такой уступки добиться мира с Османской империей, в котором он особенно нуждался в условиях конфронтации с Венгрией.

Завоевание Штефаном Килии привело к обострению молдавско-венгерских отношений. Господарь решил укрепить границу с Венгрией, усилив свое влияние в области секеев в Трансильвании. Это было важно потому, что секеи составляли авангард венгерских войск, направлявшихся на восток, в Молдавское княжество. Штефан поддерживал волнения секеев против произвола трансильванского воеводы и короля Матьяша¹¹⁶.

Отношения с венгерским королем ухудшились в 1467 г., когда выявились связи молдавского господаря с восстанием сепаратистски настроенных трансильванских феодалов. Восстание отражало интересы феодального класса Трансильвании и не было поддержано народными массами. Поэтому Корвину легко удалось его подавить. Руководители восстания были вынуждены присягнуть королю. Часть восставших подверглась казни, многие мятежники бежали через границу в Польшу и Молдавское княжество¹¹⁷.

Отношения Штефана с восставшими послужили поводом для открытого конфликта Матьяша Корвина с молдавским господарем. Венгерского короля подстрекали к этому Петр Арон и другой претендент на сучавский престол Бериндей. Под предлогом причастности Штефана к трансильванским событиям 1467 г. Корвин предпринял поход на Молдавское княжество. Подавив в сентябре 1467 г. восстание в Трансильвании, Матьяш двинул войска против Штефана. В планах Корвина делался расчет на использование внутривосточных сложностей в княжестве, связанных с оппозицией крупного боярства господарской власти. С действиями этой группировки бояр, надо полагать, был связан конфликт Штефана с боярством, возникший после вступления в ноябре 1467 г. венгерских войск на территорию княжества¹¹⁸.

Армия Корвина двинулась вдоль реки Сирет по направлению к Сучаве. Пока собиралось «большое войско», молдавский господарь, применяя тактику изматывания врага непрерывными и внезапными ударами, пытался силами «малого войска» остановить продвижение численно превосходящих венгерских войск в глубь страны. Как писал впоследствии Штефан польскому королю Казимиру, молдавские войска завязывали сражения с венграми «и в поле, и в долинах рек, везде, где было возможно, ночью и днем, в любую погоду»¹¹⁹. Население княжества прятало и сжигало продовольствие, зерно, фураж. Но остановить движение венгерских войск не удалось.

Несмотря на значительные потери и трудности наступления, венгерская армия захватила города Бакэу, Роман и древнюю столицу княжества Байя. Из Байи венгерский король планировал начать наступление на Сучаву. Воспользовавшись временной остановкой противника, Штефан предпринял в ночь с 14 на 15 декабря смелую атаку Байи. Внезапным нападением он окружил венгерские войска и нанес им поражение. Битва была ожесточенной и продолжалась всю ночь. К исходу сражения господарь подослал в город своих переодетых воинов, которые подожгли его. К утру

венгерские войска начали отступление. Тяжело раненый Матьяш с остатками своей армии был вынужден покинуть молдавскую территорию¹²⁰.

Победа, одержанная Штефаном при Байе, укрепила внешнеполитическое положение Молдавского княжества. Вырос престиж господара среди соседних стран. Свои военные успехи в борьбе с Корвиным Штефан закрепил дипломатическими мерами. При подтверждении в 1468 г. присяги польскому королю господарь добился обязательства Польши защищать княжество «от турков и от татар и от Угорства»¹²¹.

Победа при Байе способствовала упрочению власти господара внутри страны. В 1469 г. Штефан смог расправиться со своим соперником Петром Ароном, воспользовавшись тем, что его покровитель Матьяш Корвин был отвлечен в это время чешскими делами. Военные и дипломатические успехи Штефана содействовали ликвидации последствий феодальных войн в княжестве.

Добившись внутренней консолидации, молдавский господарь стремился упрочить внешнеполитические позиции княжества. Первоочередной задачей для Штефана стала борьба за Валахию, где усилилось османское влияние, представлявшее угрозу для Молдавского княжества. Прежде всего, Штефану необходимо было сместить с валашского престола поддерживаемого султаном Раду Красивого, с которым он столкнулся в ходе борьбы за Килию, и заменить его своим ставленником. Это дало бы возможность молдавскому господарю включить Валахию в сферу своей политики и расширить материальные и военные ресурсы.

Выдвигая задачу борьбы за Валахию, Штефан учитывал и международную обстановку в регионе. Султан был занят продолжавшейся войной с Венецией и обострившимся в 1470 г. соперничеством с Узун Хасаном. Матьяша Корвина отвлекала необходимость борьбы с оппозиционными магнатами, организовавшими в 1471 г. заговор против короля. Эти обстоятельства позволили молдавскому господарю начать решительные действия против Раду Красивого.

В 1470 г. войска Штефана разорили и сожгли ряд валашских крепостей, в том числе Браилу. Не имея достаточных возможностей для ответных действий, Раду просил помощи у султана. В конце лета 1470 г. татары перешли Днестр и начали разорение восточных районов княжества, воспользовавшись занятостью господара на южных рубежах. Но Штефан встретил возвращавшиеся татарские отряды недалеко от Днестра у Липника и внезапным ударом разгромил их¹²².

В ответ на действия Штефана, Раду Красивый выступил в 1471 г. в поход против молдавского господара. Между тем Штефан, опередив Раду, нанес ему поражение в местечке Сочи¹²³. Появившиеся в это время с севера татары помешали Штефану в полной мере реализовать его военные планы и закрепить успех.

Победа при Сочи не решила главной задачи молдавского господара — вывести Валахию из орбиты султанской политики. Необходимо бы-

ло добиться свержения Раду и возведения на валашский престол своего ставленника. Но действия против Раду логически приобретали антиосманскую направленность.

Вступая в конфронтацию с султаном, Штефан рассчитывал на поддержку Польши. Но польский король предпочитал сохранять мир с Османской империей. Штефан понимал, что ему необходимо наладить отношения с Венгрией. Матьяш Корвин, занятый в 1471—1474 гг. борьбой с Владиславом Ягеллоном за обладание чешской короной¹²⁴, был заинтересован в невмешательстве молдавского господаря в венгерско-польское соперничество. Обоюдные интересы привели к тому, что при посредничестве трансильванских городов в 1471—1473 гг. налаживаются молдавско-венгерские торговые связи¹²⁵, которые способствовали и взаимопониманию между сторонами в сфере политики.

Важное значение Штефан придавал укреплению своих позиций в Причерноморье. Главную роль здесь он отводил Килии. Перед лицом растущей османской опасности Штефан искал союзников. Молдавский господарь привлек на свою сторону Мангупское княжество, женившись в 1472 г. на Марии, сестре мангупских правителей Исаака и Александра¹²⁶. Он установил сношения с Венецией и папством, которые, воспользовавшись тем, что султан Мехмед II вел военные действия против Узун Хасана, объединились с Венгрией, Неаполитанским королевством и Кипром в антиосманскую лигу. Примкнул к ней и молдавский господарь¹²⁷. Штефан вступил в переговоры с Узун Хасаном, который через посла Исаак-бега пытался склонить европейских правителей к совместным действиям против османов¹²⁸. Но султан Мехмед II, использовав соперничество европейских стран, успешно нейтрализовал эти планы и в 1473 г. в решающем сражении при Эрзинджане (Эрзеруме) разгромил Узун Хасана¹²⁹.

Предприняв, таким образом, определенные дипломатические шаги для упрочения позиций княжества в регионе, Штефан возобновил борьбу с валашским господарем Раду Красивым. Отвлечение османских сил в Малой Азии и продолжавшаяся война султана с Венецией благоприятствовали осуществлению планов молдавского господаря. Военные силы Раду были ослаблены, так как по приказу Порты 12-тысячное валашское войско должно было участвовать в экспедиции султана против Узун Хасана¹³⁰.

Ставленником Штефана на престол Валахии был Басараб Лайота, находившийся в Трансильвании¹³¹. В ноябре 1473 г. Штефан двинул свои отряды против Раду. Трехдневная битва в уезде Рымник-Серат завершилась победой молдавского господаря. Раду был вынужден бежать в Турцию, господарем Валахии стал Лайота. Но в декабре с 15-тысячным османским войском Раду вернулся в княжество и изгнал Лайоту. Преследуя его, султанские отряды вторглись в Молдавское княжество, остановились у Бырлада и подвергли опустошению и разорению соседние уезды, но вскоре отступили без столкновения с молдавским войском¹³². Вес-

ной 1474 г. Штефану удалось вернуть Лайоту на валашский престол. Радуду бежал в Трансильванию, в Фэгэраш, где и умер в том же году.

Вначале Лайота был в сфере влияния молдавского господаря, но очень скоро под давлением османов подчинился Порте¹³³. Тогда Штефан решил оказать помощь другому претенденту на валашский престол — Басарабу Молодому, или Цепелюшу, поддерживаемому Венгрией. Скоординировав свои действия с Цепелюшем, который из Трансильвании перешел с войском через горы в Валахию, молдавский господарь двинулся на Лайоту. Между тем Цепелюш, потерпев поражение от валашского господаря (5 октября 1474 г.), вынужден был возвратиться в Трансильванию. Штефану удалось захватить город Теляжин и разбить Лайоту¹³⁴, но развить этот успех он не смог, так как над Молдавским княжеством нависла османская угроза.

После разгрома Узун Хасана Мехмед II снова обратился к своим европейским планам. Для их реализации важное значение имело подчинение Молдавского княжества. Султан не мог допустить укрепления позиций княжества в Причерноморье в связи с завоеванием Штефаном Килии и установлением им родственных отношений с Мангупским княжеством. Тем более что молдавский господарь прекратил с 1473 г. уплату дани и стремился утвердить свое влияние в Валахии. По свидетельству турецкого и польского хронистов, султан потребовал через своего посла, чтобы Штефан отдал ему Килию и Белгород и лично доставил дань, как это делает господарь Валахии¹³⁵. Но Штефан игнорировал требование султана и осенью 1474 г. выступил против Лайоты. Тогда султан решил подчинить молдавского господаря военной силой и в 1475 г. двинул против Молдавского княжества, по свидетельствам современников, почти 100-тысячное войско во главе с румелийским бейлербеем Хаджи Сулейман-пашой. Здесь же были и отряды Лайоты. Штефан располагал «большим войском» численностью в 40 тыс. человек, на помощь ему прибыли венгерские силы под командованием Иштвана Батори и польские отряды¹³⁶.

Учитывая соотношение сил, Штефан приказывал уничтожать все на пути следования врага. Жители сел сжигали жилища, прятали скот, зерно, корм. В османском войске начался голод. Господарь между тем искал для сражения место с такими географическими условиями, которые не позволили бы османам использовать свое численное превосходство. Таким местом был избран Васлуй у слияния рек Раковы и Бырлада. Болотистая земля и лес в этом районе отвечали планам молдавского господаря. Утром 10 января 1475 г. под прикрытием густого тумана Штефан начал сражение, атаковав османские войска с фронта и с фланга. В решающий момент он сам бросился в атаку, и османы обратились в бегство. Около четырех дней преследовала молдавская армия остатки войск Сулеймана¹³⁷. Большинство его воинов было уничтожено при переправе через Дунай. Разгром султанской армии при Васлуе военными силами небольшого княжества был неожиданным для османов. Турецкие хронисты описывают большие потери

мусульманского войска¹³⁸. «И чуть все войско не было уничтожено, — писал Саадеддин. — И сам Сулейман с трудом спасся бегством»¹³⁹.

Поражение у Васлуя разрушило надежды султана на быстрое подчинение Молдавского княжества. В то же время Штефану было ясно, что оно не остановит завоевателя Константинополя. Через своих послов господарь разослал обращение к европейским правителям. Перед лицом готовящегося нового наступления османов он предлагал объединить усилия для борьбы с ними. Предупреждая об османской угрозе, молдавский господарь просил помочь отстоять независимость его страны, которая, как он писал, является «воротами христианства» и «если она падет, весь христианский мир будет в большой опасности»¹⁴⁰. Обострившиеся противоречия между странами Европы отодвигали на второй план проблему османской опасности для континента. В ответах на обращение Штефана европейские правители ограничились лишь поздравлениями, о реальной помощи господарю не было и речи.

Экономика Молдавского княжества была тесно связана с генуэзскими колониями на Черном море, ее важными артериями являлись порты и крепости в устье Дуная и в Причерноморье. Султан понимал, что для подчинения Молдавского княжества необходимо в первую очередь лишить его торгово-экономических артерий. Заключение весной 1475 г. перемирия с Венецией позволило османам освободить флот для действий на Черном море и захватить в июне 1475 г. Каффу¹⁴¹. Османская угроза нависла над Мангупским княжеством. Его правитель Исаак перешел на сторону турок. Штефан попытался повлиять на ход событий в Мангупе. Исаак был убит братом Александром, настроенным против султана. В декабре 1475 г. османы осадили Мангупскую крепость. В ходе начавшейся в княжестве внутренней борьбы пал жертвой Александр. Штефан послал для поддержки гарнизона крепости отряд в 300 человек, но изменить положение в свою пользу уже не смог: Мангуп подчинился османам¹⁴².

После падения Каффы и Мангупа было совершенно очевидно, что следующей целью завоевательных устремлений султана окажутся молдавские крепости-порты Килия и Белгород. Уже в 1475 г. по указу Порты пограничные санджакбеи пытались атаковать крепости¹⁴³. Штефан начал работы по их укреплению. Как сообщает летописец, в 1479 г. господарь основал на левом берегу Дуная напротив Килии новую крепость¹⁴⁴. В 1476–1479 гг. проводились работы и по сооружению укреплений Белгорода¹⁴⁵.

События в Крымском ханстве, завершившиеся победой проосманских сил (в 1475 г.), превращение крымского хана в послушного вассала Порты и орудие ее политики осложнили внешнеполитическое положение Молдавского княжества. Обстановка еще более ухудшилась, так как Польша, помощи которой добивался Штефан, не хотела нарушать мир с Османской империей. В 1475 г. в Стамбул был направлен польский посол, который должен был отговорить султана от похода на Молдавское княжество¹⁴⁶. Штефан понимал, что в сложившейся ситуации не может

рассчитывать на поддержку польского короля. В этих условиях он считал необходимым признать в 1475 г. венгерский сюзеренитет¹⁴⁷, тем более что в это время Матьяш Корвин готовился к антиосманским действиям, которые он начал в конце 1475 — начале 1476 г. в районе Шабаци¹⁴⁸. Чтобы укрепить свои отношения с молдавским господарем, венгерский король обязался защищать княжество и предоставить Штефану убежище в случае потери престола. В свою очередь, господарь должен был выступить с войском на стороне короля, если он в ходе антиосманских действий вступит на территорию княжества¹⁴⁹.

В 1476 г. султан через своего посла снова потребовал у Штефана Килию и Белгород, в качестве заложника сына и дань, от уплаты которой молдавский господарь уклонялся с 1473 г. Отказ господаря выполнить султанские требования стал предлогом для нового османского похода на Молдавское княжество¹⁵⁰. Весной 1476 г. 150-тысячное войско во главе с самим султаном Мехмедом II двинулось против княжества. В Валахии к нему должно было присоединиться войско Лайоты в 12 тыс. человек, а с востока планировалась атака татар с целью отвлечения части молдавских сил во время перехода султана через Дунай¹⁵¹.

Штефан, войско которого не превышало 40 тыс. человек, обратился за помощью к Матьяшу Корвину. Венгерский король послал в Трансильванию бывшего валашского господаря Влада Цепеша и дал приказ трансильванским войскам выступить на помощь Штефану¹⁵². В ожидании помощи молдавский господарь сосредоточил свои силы на южных границах княжества.

В это время по указу султана татарские войска, предводительствуемые Эминеком Мирзой, перешли Днестр и начали разорение восточных районов княжества. Для отражения татарского нападения Штефан был вынужден отпустить часть воинов-крестьян из «большого войска». Их успешным действиям против татар благоприятствовала предпринятая в этот момент атака Большой Орды на Крым, что заставило Эминека Мирзу поспешно вернуться с войсками к хану¹⁵³.

Между 10 и 25 июня 1476 г. османская армия перешла Дунай у Исакичи, достигла молдавской территории и начала продвижение по долине Сирета. В условиях разобщенности своих сил Штефан стремился задержать и измотать султанские войска, чтобы выиграть время до возвращения отпущенных на восточную границу воинов и прибытия обещанной венгерским королем помощи. По приказу господаря на пути следования османских войск все было сожжено. Османы испытывали большие затруднения в снабжении войск. Несмотря на это, армия султана, довольно быстро продвигаясь вперед, вступила в уезд Нямц.

При численности своих войск, не намного превышавшей «малое войско»¹⁵⁴, в сложившейся обстановке Штефан решил дать бой с целью обороны. Для этого он выбрал удобное плато, покрытое лесами, недалеко от крепости Нямц у Белой долины, в местности, названной впослед-

ствии в память о происшедшем сражении Рэзбоень. Молдавские войска, укрепив свои позиции сооружениями из сваленных деревьев и земляных рвов, создали здесь надежный заслон против врага.

26 июня Штефан внезапно атаковал авангард османской армии под командованием Сулеймана. Однако в связи с быстрым подтягиванием османских сил, войска господаря были вынуждены отступить к своим укреплениям. По словам турецкого хрониста Саадедина, молдавские воины оградилась засекой из огромных поваленных деревьев, глубоких рвов, колючих кустарников и сдерживали натиск османов, обрушиваясь на них с копьями и саблями¹⁵⁵.

Используя численное превосходство своих войск, Мехмед II сам возглавил атаку молдавских укреплений. Штефан принял решение отступить в горы, чтобы пополнить силы для дальнейшей борьбы¹⁵⁶. Чтобы развить успех, султан двинул войска на Нямец, Сучаву и Хотин. Но настойчивые атаки этих крепостей не принесли османам успеха. Султанское войско было ослаблено затяжными военными действиями. Нехватка продовольствия и фуража, распространение чумы снижали его боеспособность.

Между тем Штефан пополнил свои военные силы, а в Трансильвании сосредоточился корпус венгров во главе с Иштваном Батори и Владом Цепешем, направлявшийся на соединение с молдавским господарем¹⁵⁷. Султан принял решение оставить княжество. Молдавские войска, преследуя отступавшие османские отряды, атаковали их при переправе через Дунай¹⁵⁸.

Используя благоприятную ситуацию, Штефан предпринял поход в Валахию, в котором приняли участие и войска Батори. Лайота был свергнут, валашский престол занял Влад Цепеш (16 ноября 1476 г.)¹⁵⁹. В декабре Лайота вернулся в княжество с османскими отрядами, устранил преданного боярами Цепеша и убил его¹⁶⁰.

Возвращение Лайоты поставило Штефана перед необходимостью новых усилий по включению Валахии в сферу молдавской политики. Осенью 1477 г. он организовал новую экспедицию в Валахию, устранил Лайота и посадил на престол Цепелюша¹⁶¹, который очень скоро также сблизился с султаном. Не оправдал надежд Штефана и другой его ставленник Влад Кэлугэр.

Таким образом, многолетние попытки Штефана вывести Валахию из-под влияния Порты и сделать ее своим партнером в антиосманской борьбе оказались безуспешными. Крупное валашское боярство, ставшее на путь соглашательства с Портой в целях защиты своих сословных привилегий, не хотело изменения внешнеполитической ориентации Валахии.

Международная обстановка в Европе и ее юго-восточном регионе складывалась также не в пользу Штефана. Османы сломили сопротивление Албании. В соперничестве друг с другом некоторые европейские страны пошли на установление мирных отношений с Портой. В 1476 г. мир с султаном заключила Польша. В условиях обострившейся борьбы с импе-

ратором Фридрихом III Матьяш Корвин в 1477–1479 гг. также вел переговоры с Портой. В 1477 г. через своего посла Иоана Цамблака Штефан обратился к Венеции и папе римскому, призывая их объединиться для отпора османам и оказать помощь Молдавскому княжеству. Но ответы венецианского сената и папы содержали лишь общие словесные обещания¹⁶². Мирные переговоры Корвина и Фердинанда Неаполитанского с Османской империей в момент усиления экспансии османов на Адриатике побудили и Венецию вскоре заключить договор с султаном (1479)¹⁶³.

Такой ход событий в европейской международной политике заставил Штефана вернуться к уплате дани султану и установить с ним мирные отношения. Дань, которую востребовала с Молдавского княжества Порта, составляла 5 тыс. золотых¹⁶⁴. Этот поворот во внешней политике молдавского господаря был продиктован не только международным положением, но и внутривластной обстановкой в княжестве. Молдавское боярство, недовольное постоянным призывом в войска и вооружением зависимых крестьян, открыто выступало за мир с султаном¹⁶⁵. Во время похода Мехмеда II на Молдавское княжество в 1476 г. крупное боярство, воспользовавшись неудачами Штефана, отказалось поддержать его антиосманские акции. Эти настроения определенной группировки молдавского боярства подогревались султаном, который обещал ему под властью империи полное право на землю и крестьян¹⁶⁶.

Сословные интересы бояр заставляли Штефана отказаться от прямой конфронтации с Османской империей. В сложившейся международной обстановке господарь, потеряв интерес к сотрудничеству с Венгрией, снова подтвердил вассальную присягу польскому королю (январь 1478 г.). Документы свидетельствуют о молдавско-турецких переговорах в 1479–1481 гг.¹⁶⁷, завершившихся согласием господаря на увеличение дани до 6 тыс. золотых¹⁶⁸. Но пришедший к власти в 1481 г. новый султан Баязид II не потребовал с княжества повышенной дани, оставив ее в размере 5 тыс.¹⁶⁹. Обратившись в первую очередь к решению османских дел в Азии, султан не был заинтересован в осложнении отношений с Молдавским княжеством.

Ценой уступок в уплате дани Штефану удавалось добиваться мирных отношений с Портой, позволявших княжеству сохранять политическую самостоятельность и территориальную целостность.

В конце XV в. положение Молдавского княжества осложнилось в связи с активизацией политики Польши по осуществлению программы утверждения в Северном Причерноморье. Планы польских политиков, сформулированные известным дипломатом Филиппом Каллимахом, строились на основе идеи организации сопротивления османскому продвижению в Европу. Важное значение в этих планах придавалось подчинению Молдавского княжества. Предполагалось, что оно будет служить заслоном наступлению османов и отдалит непосредственную османскую угрозу от польских границ. В то же время имелась в виду возможность использования молдавских портов для укрепления позиций Польши на Черном море¹⁷⁰.

В поисках союзника по предотвращению замыслов польской дипломатии Штефан обратился к Московскому государству, которое к концу XV в. представляло на международной арене крупную политическую силу, противостоявшую планам польской и литовской феодальной экспансии в Восточной Европе. Выдвигая в борьбе за создание Русского централизованного государства программу воссоединения древнерусских земель, означавшую ликвидацию господства польских и литовских феодалов на белорусских и украинских землях, московское правительство вступало в конфронтацию с Польшей¹⁷¹.

Общность интересов в противодействии планам Ягеллонов и обусловили молдавско-русское политическое сближение, которое происходит в 80-е гг. XV в. Определенную роль здесь играли существовавшие родственные отношения Штефана с княжескими домами Киева и Москвы. Первой его женой стала в 1463 г. княгиня Евдокия, сестра киевского князя Семена Олельковича, матерью которых была родная сестра Василия Темного Анастасия. Через своих родственников князей Олельковичей молдавский господарь предложил Ивану III в жены его сыну Ивану свою дочь Елену от брака с Евдокией Киевской. В 1479 г. он направил посла с поручением «о деле» к великому русскому князю. Иван III ответил согласием на брак своего сына с дочерью молдавского господаря и в Москве ожидали прибытия от Штефана «человека доброго» для переговоров¹⁷². Но посланец от господаря не прибыл и переговоры тогда не состоялись. Они возобновились в 1480 г. С инициативой на этот раз выступило московское правительство.

В условиях конфронтации с Ягеллонами Иван III был заинтересован в том, чтобы привлечь Молдавское княжество к союзу против Казимира IV. Этому должен был способствовать предполагаемый брак. Переговоры о нем происходили при посредничестве князей Олельковичей, которые, используя широкую оппозицию литовской власти в Поднепровье, возглавили борьбу за сближение с Москвой¹⁷³.

Через сестру Михаила Олельковича княгиню Феодосию Александровну, которая приходилась родной сестрой покойной жене Штефана Евдокии, предполагалось обратиться к молдавскому господарю с напоминанием о его предложении и с просьбой прислать для переговоров «своего человека» в Крым к русскому послу при ханском дворе И. И. Звенцу, который доставит молдавского посланца в Москву. Но человек от Феодосии Александровны «принемогл», и грамоту княгини доставил Штефану дьяк Сухово из свиты И. И. Звенца¹⁷⁴.

В результате переговоров, состоявшихся в ходе обмена послами в течение 1481–1482 гг., вопрос о браке был решен. Посланные за невестой Андрей и Петр Плещеевы вернулись в декабре 1482 г. из Сучавы в Москву с дочерью Штефана. В январе 1483 г. состоялось бракосочетание Ивана Молодого и Елены Штефановны¹⁷⁵, получившей благодаря своей роли при Московском дворе известность под именем «Волошанки».

В распоряжении исследователей нет прямых свидетельств о том, что этот брак сопровождался заключением письменного молдавско-русского договора, как полагают некоторые историки¹⁷⁶. В то же время источники вполне определенно отмечают политическое сближение между Молдавским княжеством и Московским государством, происходившее на основе союза против Ягеллонов. Именно в это время Иван III налаживал дипломатические связи с соседями Казимира, окружая его кольцом своих союзников¹⁷⁷. Через молдавского господаря московское правительство установило отношения с Венгрией¹⁷⁸, чтобы, используя польско-венгерские противоречия, привлечь короля Матьяша Корвина к коалиции против Казимира. В 1484 г. в Буде во время пребывания там московского посла Федора Курицына завершились переговоры о заключении русско-венгерского союза¹⁷⁹.

Для Штефана союзные отношения с Москвой приобрели особое значение в связи с ухудшением внешнеполитического положения княжества в это время. Новый султан Баязид II, продолжая планы своего предшественника Мехмеда II, приступил к реализации задачи утверждения османов на Черном море и в Причерноморье. Чтобы создать благоприятную обстановку в юго-восточном регионе для осуществления этой программы, Порты стала налаживать отношения с европейскими странами. Баязиду II было необходимо прежде всего нейтрализовать действия претендента на султанский трон — своего брата Джема, бежавшего в Европу и искавшего покровительства у ее правителей. Особую озабоченность у султана вызывала Венгрия, поскольку в первую очередь ее поддержки добивался Джем¹⁸⁰. Занятый войной с императором Фридрихом III Матьяш Корвин согласился на мир, предложенный Баязидом. В 1483 г. был заключен османовенгерский договор, в тексте которого Молдавское княжество рассматривалось как государство, платившее султану дань¹⁸¹.

Стремление Порты на международно-правовой основе закрепить данничество Молдавского княжества было направлено к тому, чтобы заставить господаря уплачивать дань, которую в 1484 г. в связи с экспедицией султана по захвату Килии и Белгорода он вновь задержал, хотя сумма ее и была понижена Баязидом II с 6 до 5 тыс. золотых¹⁸². В осуществлении своих планов утверждения в Причерноморье и установления контроля над черноморской торговлей европейских стран Баязид придавал важное значение завоеванию молдавских крепостей Килии и Белгорода¹⁸³. Не случайно, готовясь к захвату молдавских крепостей, султан сосредоточил вокруг них крупные сухопутные и морские силы¹⁸⁴.

Летом 1484 г. во главе большого войска Баязид перешел Дунай. К нему присоединились отряды валашского господаря Влада Кэлугэра и крымского хана¹⁸⁵. Превосходящими силами османы осадили Килию и Белгород. После недолгого сопротивления Штефан был вынужден оставить крепости, не дождавшись посланного ему на помощь венгерского войска¹⁸⁶.

На протест Матьяша Корвина о нарушении условий договора 1483 г. Баязид ответил, что крепости не будут использованы для нападения на Молдавское княжество. По условиям возобновленного в 1485 г. османовенгерского договора, Килия и Белгород были признаны султанскими владениями¹⁸⁷.

Захват султаном молдавских крепостей осложнил положение на южных рубежах княжества. С появлением в крепостях османских гарнизонов стала постоянной военной угрозой. Значительным был материальный урон для экономики княжества. Потеря двух крупных портов в Причерноморье тяжело отразилась на его торговле. Лишившись выхода в море, княжество перестало контролировать «молдавский торговый путь», приносящий ему большие доходы.

В трудной для княжества внешнеполитической обстановке Штефан обращается к Русскому государству. В 1484 г. возвращавшийся от Матьяша Корвина Федор Курицын должен был проездом через Молдавское княжество сопровождать посла Штефана в Москву¹⁸⁸. В направленной с послом грамоте молдавский господарь просил Ивана III о помощи. «А в сей стороне один я сам остал, — писал Штефан, — и то от двою сторон поганьство тяжкое, а от трех сторон ркучи христиане, але мне суть пуши поганьства. Ино уже не могу им больше терпети, только бы бог научил вашу милость щобы есте обернулся к нам лицом и приятельством к нам пригадали, а яз бы того болши к вашей милости имел приятельство»¹⁸⁹. Но по пути из Сучавы в Перекоп Ф. Курицын был задержан в Белгороде. Только при содействии крымского хана Менгли-Гирея ему удалось в марте 1486 г. освободиться из османского плена и доставить в Москву грамоту Штефана¹⁹⁰.

В условиях возросшей для княжества османской военной угрозы, когда Корвин возобновил в 1485 г. мир с Портой, молдавский господарь предпочел подтвердить на традиционных условиях вассальную присягу польскому королю. Польша, оценивая для себя торговое и стратегическое значение Килии и Белгорода, выражала готовность оказать помощь Молдавскому княжеству в освобождении крепостей¹⁹¹. В 1485 г. в Коломые Штефан с боярами принес присягу Казимиру IV¹⁹².

Порта стремилась изолировать Молдавское княжество и помешать его сближению с Польшей. Именно осенью 1485 г. силистрийский паша Макоч-оглу по поручению султана организовал нападение на княжество вместе с претендентом на сучавский престол Петром Хронотом. С помощью присланного Казимиром 3-тысячного отряда поляков Штефан успешно отразил это нападение¹⁹³. Преследуя османов, он подошел к Килии и 16 ноября около Кэтлэбуга нанес им поражение. В следующем 1486 г. Баязид II снова направил против Молдавского княжества османские войска во главе с Макоч-оглу и Петром Хронотом. На сей раз помощи из Польши Штефан не получил и решил упредить действия противника. Двигаясь навстречу османам, он разгромил их на реке Сирет; Хронот был схвачен и казнен¹⁹⁴.

Между тем политическая ситуация в регионе осложнилась. Польская дипломатия, исходя из своих стратегических планов, при посредничестве Венеции начала в 1486 г. мирные переговоры с Портой¹⁹⁵. В 1486 г. через посла Туркула Штефан снова обратился к Ивану III. Извещая о принесении присяги польскому королю, он просил великого русского князя ходатайствовать перед Казимиром об оказании военной помощи княжеству в борьбе против султана. Иван III направил к польскому королю посла Федора Мансурова, который должен был заявить Казимиру: «Ино которым христианским господарем будучи близко, а лзы то дело делати, ино то есть должно всякому господарю христианскому того дела оберегати и за христианство стояти»¹⁹⁶. В своем ответе польский король заверил Ивана III, что готов помогать Штефану в защите «от всякого его неприятеля, как-то подданного и слугу нашего»¹⁹⁷.

Но Польша в это время переговоры с Портой и не могла оказать помощи Молдавскому княжеству. Внутри страны вновь активизировалось оппозиционное боярство, выступившее против антиосманской политики Штефана, которая требовала систематического отвлечения зависимых крестьян от сельскохозяйственных работ для участия в военных действиях. По свидетельству турецкого хрониста, во время османского нападения на Молдавское княжество в 1485 г. «множество бояр вышло навстречу (османам. — Л. С.) и подчинилось им»¹⁹⁸.

Снова интересы господствующего сословия феодалов и создававшаяся международная обстановка заставили Штефана возобновить уплату дани султану. Турецкая хроника отмечает, что в 1486–1487 гг. в Стамбуле находилось посольство от молдавского господаря с данью за два предшествовавших года¹⁹⁹. Надо полагать, Штефан выплатил дань за 1484–1485 и 1485–1486 гг. По данным последних исследований, сумма ее для тех лет составляла 5 тыс. золотых²⁰⁰. Возобновление даннических обязательств дало возможность молдавскому господарю вернуться к мирным отношениям с Портой. К периоду между 1486 и 1489 гг., по всей вероятности, относится фиксировавший данническое положение княжества султанский акт-ахднаме, относительно даты которого в исторической литературе существуют различные точки зрения и который представляется некоторыми учеными как договор Штефана с Баязидом²⁰¹.

В это время усилиями султанской дипломатии создавалась выгодная для Османской империи международная обстановка в регионе, ухудшавшая положение Молдавского княжества. Основываясь на том, что молдавский господарь являлся вассалом польского короля, на переговорах с Портой Польша выдвинула требование вернуть княжеству Килию и Белгород, но вынуждена была отступить. В трудных внешнеполитических условиях, связанных с неудачами в создании антиосманской коалиции, с усилением соперничества с Венгрией, с осложнениями в Восточной Европе, Казимир пошел на заключение в 1489 г. мира с султаном, согласившись на признание Килии и Белгорода за Османской империей²⁰².

Это позволило Порте закрепить позиции османов в Северном Причерноморье и на Нижнем Дунае.

В создавшейся обстановке Штефан в 1489 г. вновь признал венгерский сюзеренитет²⁰³. В этот период господарь укреплял свои политические отношения с Москвой, о чем говорит участвовавший обмен послами между сторонами. Еще в 1486 г. в Сучаву был отправлен Прокофий Зиновьев «навестити» Штефана. По просьбе Ивана III Казимир разрешил в 1488 г. проезд в Молдавское княжество через польско-литовские земли русскому послу Василию Карамышеву. Направленный в 1490 г. к Штефану Иван Лихорев вернулся в следующем году с послом господаря Стецко. 24 февраля 1491 г. Иван III просил польского короля пропустить в Сучаву молдавских послов Стецко и Шандра в сопровождении русского посла. По всей вероятности, этим послом к Штефану был Скурат Зиновьевич. Русская летопись сообщает, что в феврале 1492 г. Скурат Зиновьевич возвратился в Москву с молдавским послом Мушатом, который в апреле этого же года отбыл обратно к господарю²⁰⁴.

Такие тесные политические контакты с московским правительством в 90-е гг. приобрели для Штефана особое значение. При русском посредничестве ему удалось заключить договор с Крымским ханством, что избавляло княжество от постоянных разорительных набегов татар и укрепляло его положение на случай конфликта с Казимиром. На основании имеющихся данных нельзя сказать точно, когда начались переговоры Штефана с Менгли-Гиреем. Первое свидетельство о молдавско-крымских переговорах относится к 10 мая 1492 г., когда хан писал Ивану III: «Штефан воевода к нам посла прислал, другу друг есми, а недругу недруг есми молвил; велми межи нас сердца наши сластны, так ведай»²⁰⁵. Русский посол в Крыму И. А. Лобанов-Кольчев 27 октября 1492 г. сообщал великому князю о прибытии к хану молдавского посла Мити Гомзы с предложением Штефана «о любви и о дружбе, и о суседстве и о одиначестве, другу его быти другом, а недругу его быти недругом, а на короля и на Ахматовых детей заодин». Вместе с Митей Гомзой Менгли-Гирей направил к молдавскому господарю своего человека Казимира для заключения договора²⁰⁶. Об этом крымский хан извещал Ивана III 6 сентября 1492 г. и в январе 1493 г.²⁰⁷. Грамоты Менгли-Гирея свидетельствуют о заинтересованности московского правительства и его посредничестве в заключении крымско-молдавского союза.

В ходе обмена послами между Сучавой и Москвой в 90-е гг., вероятно, вырабатывались совместные действия против Ягеллонов в условиях начавшейся после смерти Матьяша Корвина (1490 г.) борьбы за венгерскую корону. На венгерский престол претендовали братья Ягеллоны Ян Ольбрахт и Владислав, являвшийся с 1471 г. чешским королем, а также Максимилиан Габсбург, который должен был стать преемником императора Фридриха III.

В возникшей в связи с этим сложной политической обстановке интересы Московского государства совпадали со стремлениями Габсбургов

противодействовать планам Польши. Поэтому Иван III в ходе переговоров с имперскими послами выражал готовность сотрудничать с Максимилианом и поддержать его кандидатуру на венгерский престол²⁰⁸. При посредничестве Ивана III Максимилиану удалось привлечь на свою сторону и Штефана²⁰⁹.

Ян Ольбрахт также пытался наладить контакты с молдавским господарем. Весной 1490 г. он направил посла к Штефану, чтобы склонить его к поддержке своей кандидатуры. Но эта акция Ольбрахта успеха не имела²¹⁰. В том же году, когда Ольбрахт выступил с войском против Владислава, молдавский господарь организовал нападение на Покутье. Когда же в результате сложной борьбы венгерским королем стал Владислав II (1491), сохранив за собой и чешскую корону, Штефан установил с ним отношения и получил от него подтверждение на трансильванские владения Чицейул и Четатя де Балтэ²¹¹.

Ставший после смерти Казимира (1492) польским королем Ян Ольбрахт возобновил планы борьбы Польши за выход к Черному морю. На съезде в Левочи (1494), где речь шла о сотрудничестве между братьями Ягеллонами в международных делах, о действиях по отвоеванию у султана Килии и Белгорода и привлечению к участию в них молдавского господаря, Ольбрахт предложил сместить Штефана и посадить на господарский престол младшего Ягеллона Сигизмунда, но не получил согласия. Против намерений польского короля выступил венгерский король Владислав II²¹².

Уведомленный о замыслах польского короля трансильванским воеводой Бартоломео Драгфи²¹³, Штефан активизировал дипломатическую деятельность по предотвращению угрозы княжеству. Упрочив взаимоотношения с Венгрией, господарь уделял большое внимание связям с Москвой. После того как в 1494 г. Иван III заключил с Литовским княжеством мирный договор, скрепленный династическим браком, появилась перспектива установления молдавско-литовских союзных отношений. Такая возможность стала реальной, когда московский князь предложил свое посредничество. Договор Молдавского княжества с Литвой, наряду с русско-литовским договором, должен был вызвать разногласия между Ольбрахтом и его братом великим князем литовским Александром и тем самым ослабить позиции Польши. Кроме того, договор с Александром облегчил бы молдавскому господарю обмен послами с Иваном III через литовские земли.

Получив положительный ответ Александра на просьбу о пропуске русского посла в Сучаву, Иван III направил в 1495 г. к Штефану М. В. Кутузова²¹⁴. Посол должен был не только известить молдавского господаря об установлении русско-литовского мира. Еще весной 1494 г. русским послам в Литву было предписано сообщить молдавскому послу в Вильно: «Государь наш с великим князем Александром нынеча взял любовь и докончание; а с воеводою государь как был в котором деле, так и ныне в том деле»²¹⁵. М. В. Кутузову поручалось склонить Штефана к союзу с Литвой. В грамоте к Александру господарь писал: «И такожь и свать нашъ великий князь мос-

ковский Иван Васильевич, тесть вашей милости, прислал до нас своих послов о том, абыхмо с вашею милостью потокъмели и миръ вечный взяли»²¹⁶.

Из записи от 19 мая 1496 г. речей русского посла в Литву М. С. Еропкина видно, что с извещением об установлении дружественных отношений Ивана III с великим князем литовским был послан к Штефану также Т. П. Замытцкий. В том же году в Сучаве находился И. И. Ошерин, который возвратился с молдавским послом Иваном Питарем²¹⁷. Через своих и русских послов Штефан заверял Ивана III в готовности наладить мирные отношения с литовским князем.

Одновременно московское правительство оказывало влияние и на Александра. В наказе от 27 августа 1495 г. русским послам в Литву Б. В. Кутузову и А. Ф. Майке предписывалось сообщить литовскому князю: «И мы к Стефану воеводе пошлем, а к нему накажем, чтобы с тобою, с нашим братом и зятем, был так же, как и с нами, другу бы твоему друг был, а недругу недруг; а ты бы, брат наш, того хотел жо, чтобы Стефан воевода был тебе так же, как и нам: другу бы нашему друг был, а недругу недруг»²¹⁸.

В 1495 г. Александр обратился к Штефану с предложением союза. Молдавский господарь в следующем году представил литовскому князю проект договора. С целью его согласования между Сучавой и Вильно состоялся обмен посольствами. В 1496 г. договор был заключен²¹⁹.

Русско-литовский и молдавско-литовский договоры создали серьезные трудности для польской дипломатии, которая вела подготовку к отвоеванию у Порты Килии и Белгорода и реализации планов утверждения своего влияния в Молдавском княжестве. Переговоры Яна Ольбрахта с Венецией и с султаном оказались безрезультатными²²⁰. Положение осложнилось, когда в 1495 г. Османская империя заключила мир с Венгрией²²¹.

В 1496 г. Ольбрахту удалось договориться о поддержке своих планов с литовским князем Александром²²². На обращение в феврале 1497 г. к венгерскому королю Владиславу II последовал уклончивый ответ. Владислав обещал лишь «неофициальную» помощь польским войскам при условии их согласованных действий с молдавским господарем в районе Килии и Белгорода. Венгерский посол, прибывший к Ольбрахту летом 1497 г. накануне выступления в поход польских войск, подчеркивал отрицательное отношение Владислава к планам польского короля²²³.

Готовясь к началу военных действий по отвоеванию у османов крепостей Килии и Белгорода, Ольбрахт направил к молдавскому господарю послов с предложением принять участие в антиосманском походе. Штефан выразил готовность к сотрудничеству при условии, что польские войска будут действовать на черноморском побережье²²⁴.

26 июня 1497 г. Ян Ольбрахт в сопровождении брата Сигизмунда выступил с армией в направлении к молдавским границам. Уже уведомленный о планах польского короля, Штефан выслал ему навстречу посольство во главе с вистиерником Исаком. Ольбрахт заверил молдавских послов, что его войско идет к Килии и Белгороду. Но направление движения польской

армии не соответствовало этим декларациям. Штефан снова послал к королю своих людей — Исака и логофета Тэута; на сей раз послы были схвачены и отправлены во Львов²²⁵.

По свидетельству турецкой хроники, молдавский господарь обратился за поддержкой к султану²²⁶. Турецкий анонимный летописец XVI в. сообщает, что Штефан направил посла к силистрийскому паше с предупреждением о движении польской армии на Молдавское княжество²²⁷. С просьбой о помощи Штефан обратился также к венгерскому королю, валашскому господарю и крымскому хану²²⁸.

Собрав «большое войско», Штефан сосредоточил его в Романе, оставив в Сучаве сильный гарнизон. 24 сентября Ольбрахт подошел со своей армией к столице княжества и через два дня начал ее осаду²²⁹. Польская армия сразу же стала испытывать трудности в снабжении продовольствием, так как молдавские отряды препятствовали его доставке осаждающим Сучаву неприятельским войскам.

Пока Ольбрахт осаждал столицу княжества, Штефан концентрировал военные силы. На помощь Штефану, по данным молдавских хроник, прибыли 2 тыс. османов, 12-тысячное венгерское войско во главе с Бартоломео Драгфи и отряды валашского господаря Раду Великого²³⁰. Прислал господарю помощь и силистрийский паша²³¹.

В то время, когда польская армия испытывала затруднения при осаде Сучавы, к Яну Ольбрахту прибыло посольство венгерского короля. Владислав осуждал вооруженное выступление Польши против молдавского господаря, которого венгерская корона считала своим вассалом. Венгерский король требовал прекратить военные действия и предлагал Ольбрахту свое посредничество. Одновременно через Бартоломео Драгфи Владислав просил Штефана пойти на примирение с польским королем²³².

В условиях затянувшейся осады Сучавы и угрозы вступления в военные действия присланных на помощь Штефану венгерских войск Ольбрахт согласился на перемирие и 16 октября снял осаду молдавской столицы. По условиям перемирия польская армия должна была отступить по той же дороге, по которой она пришла. Однако Ольбрахт выбрал другой путь к Черновцам через Сирет и большой Козминский лес. Нарушение польским королем условий относительно маршрута отступления дало Штефану повод нанести ему решающий удар. Молдавские войска двинулись вслед за польской армией и настигли ее около Козминского леса, где организовали засаду. Вступившая в лес армия Ольбрахта 26 октября попала в ловушку и была почти полностью разбита. Король с остатками армии, атакуемый молдавскими отрядами, с трудом вышел к Черновцам. Литовские войска, посланные Александром на помощь Ольбрахту, подошли к Снятину, но были разгромлены 29 октября в местечке Ленцешти молдавским отрядом под командованием ворника Болдура. У Черновцов молдавские войска нанесли польскому королю последний удар. Ольбрахт едва спасся и с небольшим отрядом бежал в Польшу²³³.

Таким образом, начатая Польшей военная кампания по отвоеванию у османов Килии и Белгорода с целью выхода в Черное море закончилась неудачей. В ходе ее провалились и планы Ольбрахта в отношении Молдавского княжества, в чем свою роль сыграли подписанные при посредничестве московского правительства договоры Молдавского княжества с Крымом (1492) и с Литвой (1496).

Несмотря на заключенный в 1496 г. договор со Штефаном, Александр по просьбе Ольбрахта согласился послать войска против Молдавского княжества. Иван III принял решительные меры к тому, чтобы отвлечь литовского князя от сотрудничества с польским королем. Направленным в конце августа 1497 г. русским послам в Литву П. Г. Лобану-Заболотскому и И. Волку-Курицыну предписывалось строго предупредить Александра, «чтобы еси памятовал на наше с тобою dokonчание, а на Стефана бы еси воеводу не ходил»²³⁴. Литовский князь не решился на конфликт с Москвой и вернулся с войском в Литву. Но часть литовских отрядов все же выступила на стороне польских войск.

В 1498 г. по просьбе Штефана, переданной через крымского хана, османские войска во главе с Макоч-оглу предприняли нападение на окраинные территории Польши²³⁵. Когда Ольбрахт, пытаясь организовать оборону, рассчитывал на помощь литовского князя, Иван III снова предупредил Александра, что возможное участие литовских сил на стороне польского короля против Молдавского княжества чревато осложнениями в их взаимоотношениях. Послы в Литву в 1498 г. В. Ромодановский и В. Кулешин должны были напомнить Александру: «А нынеча, брате, слух нам таков, что наряжаешься, а хочешь ити ратью с своим братом, с королем польским, на Стефана воеводу волошского. И ты бы, брате, памятовал на наше с тобою dokonчание, чтобы еси на Стефана воеводу на волошского не ходил, ни людей бы еси своих на помочь брату своему не посылал, а за то бы еси, брате, с нами нежится не хотел»²³⁶. Литовский князь пытался оправдаться жалобами на «шкоды», чинимые польским и литовским территориям Менгли-Гиреем и Штефаном²³⁷.

Основываясь на крымско-молдавских союзных отношениях, Иван III воздействовал на Александра и через крымского хана. По инициативе Менгли-Гирея состоялся обмен послами между Крымом и Литвой. Подчеркивая свои союзные отношения с молдавским господарем, крымский хан предупреждал Александра, что, если «на Стефана воеводу пойдешь, ино и мы идем на тебя»²³⁸.

Молдавско-русские союзные отношения, дипломатические акции московского правительства 1497–1498 гг. способствовали укреплению внешнеполитического положения Молдавского княжества в сложный для него период, что позволяло его господарю строить политику, исходя из конкретной внутривосточной обстановки в стране и международных условий в регионе.

Сословные интересы боярства внутри княжества заставляли Штефана склоняться к мирным отношениям с Портой, чтобы избежать османского завоевания. В то же время Штефан должен был учитывать претензии Польши и Венгрии на Молдавское княжество, связанные с реализацией ими планов борьбы за обладание торговыми и стратегическими позициями на Дунае и Черном море. В стремлении отстоять интересы княжества в отношениях с этими странами молдавский господарь использовал их опасения перед возможностью подчинения княжества Османской империи. Это проявилось в начавшихся молдавскопольских мирных переговорах. Посредничавший в переговорах венгерский король Владислав убеждал Ольбрахта воздерживаться от любых действий, которые могли бы привести к сближению молдавского господаря с султаном²³⁹. Штефан же затягивал переговоры с польским королем, чтобы добиться отказа Польши от претензий на Молдавское княжество.

В проекте договора, представленном польской стороной молдавским послан на переговорах в Кракове в апреле 1499 г., подчеркивалось, что османы угрожают Молдавскому княжеству, как и Польше и Венгрии. Исходя из этого фиксировалось обязательство молдавского господаря участвовать в антиосманских акциях, предпринимаемых польским или венгерским королями²⁴⁰.

Штефан соглашался принять это обязательство, но выставил условия его выполнения и требовал включить их в договор. Молдавский господарь оставлял за собой право решения вопроса о выступлении против османов с учетом реального соотношения сил антиосманской коалиции и Порты, а также возможностей и интересов княжества. При этом самостоятельные антиосманские действия предусматривались только в случае, если султанские войска по численности не будут превосходить молдавские. В противном случае была обязательной военная помощь Польши. В условиях военного превосходства османов господарь мог поступать в соответствии с интересами княжества, включая вынужденное подчинение султану и участие в его военных акциях.

Чтобы исключить возможность использования Польшей и Венгрией антиосманских действий в качестве предлога для выступления против княжества, Штефан настаивал на включении в договор маршрута продвижения союзных войск по молдавской территории на случай военных действий против османн²⁴¹.

После долгих переговоров при содействии Владислава Польша согласилась со всеми предложенными молдавским господарем условиями²⁴², в том числе и требованием вернуть беглых бояр и не принимать их у себя в последующем. 12 апреля 1499 г. Штефан подписал молдавский текст договора, который был принят и польской стороной²⁴³.

Договор 1499 г. явился определенным внешнеполитическим успехом, позволившим Штефану нейтрализовать планы Польши и Венгрии в отношении Молдавского княжества. В то же время он как бы фиксиро-

вал в международном плане проведение молдавским господарем самостоятельной политики во взаимоотношениях с Османской империей в соответствии с конкретными условиями внутреннего и внешнего положения княжества.

Истощение материальных и людских ресурсов княжества, отрицательное отношение господствующего сословия бояр к участию зависимых крестьян в антиосманских войнах, а также международные факторы, связанные с началом переговоров европейских государств с Портой, привели в конце XV в. к тому, что молдавский господарь вынужден был отказаться от конфронтации с османами и уплачивать дань султану.

Итак, во второй половине XV в., в отличие от Валахии, Молдавское княжество, уплачивая дань султану, продолжало сохранять самостоятельность. В значительной мере здесь сказался фактор внутренней консолидации, связанной с укреплением центральной власти в годы правления Штефана III. Благодаря активной дипломатической деятельности в международных условиях, складывавшихся в этот период в Юго-Восточной Европе, Штефану удавалось осуществлять успешные внешнеполитические акции, в том числе и антиосманские. С целью избежать подчинения султану молдавский господарь использовал конфронтацию Венгрии и Польши с Османской империей и, исходя из конкретной ситуации в отношениях между ними, признавал себя вассалом то польского, то венгерского королей.

В то же время следует отметить, что Молдавское княжество играло заметную роль в международных отношениях второй половины XV в. в Юго-Восточной Европе, определявшуюся, прежде всего, тем значением, которое ему придавали европейские державы в реализации своих политических планов. Влияние самого княжества на ход событий в регионе было ограничено его небольшим по сравнению с соседними странами экономическим и военным потенциалом. Тем не менее активная дипломатическая деятельность Штефана содействовала успеху ряда внешнеполитических акций княжества, росту его международного престижа. В конце XV в. внутривнутриполитические трудности и изменения в международной обстановке в регионе заставили молдавского господаря перейти к мирной политике в отношениях с османами.

Примечания

- ¹ *Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А.* Очерки истории Турции. М., 1983. С. 22–23.
- ² Подробнее о политической обстановке на Балканах во второй половине XIV в. см.: *Литаврин Г. Г., Наумов Е. П., Шушарин В. П.* Особенности международной обстановки на Балканах во второй половине XIV первой — половине XV в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984. С. 42–48.

- ³ *Ștefănescu Șt.* Țara Românească de la Basarab I «Intemeietorul» pînă la Mihai Viteazul. Buc., 1970. P. 49–50.
- ⁴ DR. I/2. P. 315–316.
- ⁵ Об отношениях Мирчи Старого с Молдавским княжеством см.: *Constantinescu N.* Mircea cel Bătrîn. Buc., 1981. P. 132–135; *Rezachevici C.* Mircea cel Bătrîn și Moldova // RI. 1986. Nr. 8. P. 746–762.
- ⁶ Cr turc. I. P. 156.
- ⁷ DR. I/2. P. 472.
- ⁸ *Pervain V.* Din relațiile Țării Românești cu Ungaria la sfîrșitul veacului al XIV-lea // АИАС. XVIII (1975). P. 93; *Szakaly F.* Phases of turco-hungarian warfare before the battle of Mohacs (1365–1526) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. 1979. T. XXXIII (1). P. 74.
- ⁹ *Pervain V.* Relațiile... P. 93.
- ¹⁰ *Cîmpina B.* Lupta Țării Românești împotriva expansiunii otomane (1395–1415) // Scrieri istorice. I. Buc., 1973. P. 255.
- ¹¹ Cr turc. I. P. 39, 48–49, 303–304, 441–442, 543; *Macarie Melissenos* // FHDR. IV. P. 443; *Decel A.* Doua documente turcești privitoare la expedițiile sultanilor Baiazid I și Murad al II-lea în Țările române // Relații româno-orientale. Culegere de studii. Buc., 1978. P. 220–221. О сравнительных данных военных сил султана и войск Мирчи см.: *Papacostea Ș.* Mircea cel Bătrîn și Baiazid. O întregire la cunoașterea confruntărilor lor armate // SMIM. 16 (1998). P. 19–21.
- ¹² DR. I/2. P. 431; *Panaitescu P.* Mircea cel Bătrîn. Buc., 1944. P. 247. См. также 2-е современное издание книги с комментариями Г. Лазэра (Buc., 2000).
- ¹³ *Pervain V.* Relațiile... P. 96.
- ¹⁴ *Giurescu D. C.* Țara Românească în secolele XIV–XV. Buc., 1973. P. 384.
- ¹⁵ *Holban M.* Contribuții la studiul raporturilor dintre Țara Românească și Ungaria angevină // St. 1962. Nr. 2. P. 327–328; *Pervain V.* Relațiile... P. 95–96.
- ¹⁶ *Manolescu R.* Campania lui Sigismund de Luxemburg în Moldova (1395) // AUB. 1966. P. 71.
- ¹⁷ DR. I/2. P. 359–361.
- ¹⁸ *Panaitescu P.* Mircea cel Bătrîn. P. 254.
- ¹⁹ DR. I/2. P. 395.
- ²⁰ Ibid. P. 395–396; *Pervain V.* Relațiile... P. 103–110.
- ²¹ Essais sur l'histoire économique de la Turquie. Paris, 1865. P. 20; *Minea I.* Principatele romîne și politica orientală a împăratului Sigismund. Note istorice. Buc., 1919. P. 272–273.
- ²² *Gündisch G.* Siebenbürgen in der Türkenabwehr, 1395–1526 // RRH. 1974. Nr. 3. P. 418.
- ²³ Doc M. P. 613.
- ²⁴ DR. I/2. P. 374–375.
- ²⁵ *Decel A.* Istoria Imperiul otoman pînă la 1656. Buc., 1978. P. 65–66.
- ²⁶ *Kling E.* Die Schlacht bei Nicopolis. Berlin, 1906.

- 27 *Panaitescu P.* Mircea cel Bătrîn. P. 272.
- 28 *Patakı I.* Ceva despre relațiile Țării Românești cu Ungaria la sfârșitul veacului al XIV-lea // SMIM. II (1957). P. 424.
- 29 *Panaitescu P.* Mircea cel Bătrîn. P. 194–195.
- 30 *Patakı I.* Ceva despre relațiile Țării Românești cu Ungaria... P. 425.
- 31 *Panaitescu P.* Mircea cel Bătrîn. P. 50; *Patakı I.* Ceva despre relațiile Țării Românești cu Ungaria... P. 426–428.
- 32 *Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А.* Очерки истории Турции. С. 28–29; *Новичев А. Д.* Турция. Краткая история. М., 1965. С. 17.
- 33 *Ștefănescu Șt.* Țara Românească... P. 56.
- 34 Chalcocondil. P. 463, 465; Ducas. P. 419.
- 35 Cr turc. I. P. 114–115, 205–206, 340–341; *Panaitescu P.* Mircea cel Bătrîn. P. 313; *Decei A.* Istoria Imperiul otoman... P. 72–76.
- 36 Chalcocondil. P. 467.
- 37 Ducas. P. 419; *Decei A.* Istoria Imperiul otoman... P. 78.
- 38 Cr turc. I. P. 25–26; *Guboglu M., Mehmet M.* Răscoalele țărănești din Imperiul Otoman (1418–1420) și bedreddinismul // St. 1957. Nr. 2. P. 137–158.
- 39 Cr turc. I. P. 32, 51, 116, 161; *Decei A.* Istoria Imperiul otoman... P. 79, 81; *Pienaru N.* Relațiile lui Mircea cel Mare (1386–1418) cu Mehmed I Celebi (1413–1421) // RI. 1986. Nr. 8. P. 781–782; *Gemil T.* Românii și otomanii în secolele XIV–XVI. Buc., 1991. P. 26.
- 40 Chalcocondil. P. 467.
- 41 *Panaitescu P.* Mircea cel Bătrîn. P. 343–344; *Ștefănescu Șt.* Considerations concernant le caractère des rapports roumano-turcs et leur impact sur le développement historique de deux peuples // AUB. 1978. P. 10 și alt.
- 42 *Pienaru N.* Relațiile... P. 776–780.
- 43 *Giurescu D. C.* Țara Românească în secolele XIV–XV. P. 384.
- 44 *Pervain V.* Lupta antiotomană a Țărilor române în anii 1419–1420 // АИИАС. XIX (1976). P. 63–68.
- 45 Cr turc. I. P. 162–165, 446–447.
- 46 *Pervain V.* Lupta antiotomană... P. 73–75.
- 47 *Ștefănescu Șt.* Țara Românească... P. 60; *Szakaly F.* Phases of turco-hungarian warfare... P. 81.
- 48 Ducas. P. 425; Chalcocondil. P. 469.
- 49 *Decei A.* Istoria Imperiul otoman... P. 86.
- 50 Tocilescu. P. 30–32.
- 51 Doc. ȚR. P. 43–44, 51–52.
- 52 Cr turc. I. P. 165; *Gemil T.* Românii și otomanii... P. 27.
- 53 Ducas. P. 427, 429; *Decei A.* Istoria Imperiul otoman... P. 87.
- 54 Cr turc. I. P. 239, 240; *Elekes L.* A délkelet európai népek összefogása a török hódítók ellen Hunyadi háborúiban // Századok. 1952. T. 8. Nr. 1. 93–117 l.

- 55 *Elekes L.* Hunyadi. Вр., 1958, 240–242 l.; *Muresan C.* Jancu de Hunedoara. Вус., 1968. P. 103.
- 56 *Шушарин В. П.* Королевство Венгрия и Османская империя (XV — первая четверть XVI в.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984. С. 106.
- 57 *Pall F.* Intervenția lui Jancu de Hunedoara în Țara Românească și Moldova în anii 1447–1448 // St. 1963. Nr. 5. P. 1054–1060; *Stoicescu N.* Vlad Țepeș. Вус., 1976. P. 15–25.
- 58 Acte și fragmente. III. P. 25.
- 59 Cr SR. P. 208–210; Cr turc. I. P. 67.
- 60 *Шушарин В. П.* Королевство Венгрия и Османская империя... С. 107–108, 116 (прим. 49).
- 61 *Simonescu P., Cernovodeanu P.* Cetatea de scaun a Bucureștilor. Вус., 1976. P. 11–12.
- 62 DR. XV/1. P. 50–51.
- 63 Doc ȚR. P. 101–104, 324; Urkundenbuch. P. 49–50; *Iosipescu S.* Conjectura și condiționarea internațională politico-militară a celei de a doua domnii lui Vlad Țepeș (1456–1462) // Studii și materiale de muzeografie și istorie militară. 1978. Nr. 11. P. 183–185; О действиях Дана против Цепеша см.: *Andreescu Șt.* Vlad Tepeș (Dracula). Intre legenda și adevăr istoric. Вус., 1976. P. 62–63, 72–74; *Stoicescu N.* Vlad Tepeș. P. 74–75, 78–80.
- 64 Cr turc. I. P. 67, 92.
- 65 Cr SR. P. 211; *Stoicescu N.* Vlad Tepeș. P. 89–93.
- 66 *Gündisch G.* Vlad Tepeș und die sächsischen Selbstverwaltungs gebiete Siebenburgens // RRH. 1969. Nr. 6. P. 992.
- 67 *Bogdan I.* Vlad Tepeș și narațiunile germane și rusești asupra lui. Studiu critic. Вус., 1896. P. 81; *Andreescu Șt.* Vlad Tepeș. P. 99.
- 68 Critobul. P. 523; Ducas. P. 435; Chalcocondil. P. 503; *Berza M.* Haraciul Moldovei și Țării Românești în sec. XV–XIX // SMIM. II (1957). P. 27–28; *Babinger F.* Mehmed der Eroberer und sein Zeit. München, 1953. S. 217; *Werner E.* Die Geburt einer Grossmacht — die Osmanen (1300–1481). Berlin, 1978. S. 289.
- 69 HT. P. 23–29.
- 70 Chalcocondil. P. 505, 507, 509; Cr turc. I. P. 43; *Stoicescu N.* Vlad Țepeș. P. 100–110.
- 71 Chalcocondil. P. 513, 515; Tappe. S. 17–19; *Câmpina B.* Complotul boierilor și «răscoala» din Țara Românească din iulie — noiembrie 1462 // SRIR. I. Вус., 1954. P. 612; *Stoicescu N.* Vlad Țepeș. P. 120–131.
- 72 Doc ȚR. P. 124; DRH. B. I. P. 268.
- 73 Chalcocondil. P. 515; *Decet A.* Istoria Imperiul otoman... P. 118; *Gemil T.* Românii și otomanii... P. 29–30.
- 74 HT. P. 44–50.
- 75 Bogdan Doc Reg. P. 122.
- 76 Письмо Лайоты жителям Брашова от июня 1474 г. см.: Doc ȚR. P. 115–116.
- 77 IȚR. P. 4; Popescu. P. 23.

- 78 HT. P. 46.
- 79 Acte și fragmente. III. P. 55; HT. P. 89.
- 80 DR. XV. P. 99; Doc ȚR. P. 282; Doc Șt. II. P. 351, 361.
- 81 *Zinkeisen J.* Geschichte des osmanischen Reiches. Gotha, 1854. Bd. 2. S. 444; *Amlacher A.* Die Türkenschlacht auf dem Brotfeld. Sibiu, 1879; *Iorga N.* Chilia și Cetatea Albă. Buc., 1900. P. 153. Nota 3.
- 82 Bogdan Doc Reg. P. 100.
- 83 Acta et epistolae. I. P. 34; Tocilescu. P. 145.
- 84 Acta et epistolae. I. P. 37; DR. XV. P. 110.
- 85 Doc Șt. II. P. 258.
- 86 Doc ȚR. P. 178, 180; Bogdan Doc Reg. P. 113; Cr SR. P. 58.
- 87 Tocilescu. P. 146, 175.
- 88 DR. VIII. P. 28.
- 89 DR. II/2. P. 294.
- 90 Studii și documente. Buc., 1901. Vol. III. P. XXIV.
- 91 *Andrew C. H.* The Evolution of the Ottoman Seaborn Empire in the Age of the Oceanic Discoveries. 1453–1525 // American Historical Review. LXXV (1970). Nr. 7. P. 1892–1919; *Papacostea Ș.* Die politischen Voraussetzungen für die wirtschaftliche Vorherrschaft des Osmanischen Reiches im Schwarzmeergebiet (1453–1484) // Münchner Zeitschrift für Balkankunde. Bd. 1 (1978). S. 217–245; *Werner E.* Die Geburt... S. 290; *Ciocîltan V.* Politica osmană față de gurile Dunării în secolul al XV-lea // RI. 1985. Nr. 11. P. 1058–1074.
- 92 *Zinkeisen J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 2. S. 17.
- 93 *Iorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha, 1909. Bd. 2. S. 52–53. О внешнеполитических последствиях для княжеств в связи с завоеванием османами Константинополя см.: *Denize E.* Veneția, țările române și ofensive otomană după căderea Constantinopolului (1453–1479) // RI. 1994. Nr. 11–12. P. 1157–1181.
- 94 *Шушарин В. П.* Королевство Венгрия и Османская империя... С. 107–108.
- 95 *Werner E.* Die Geburt... S. 283.
- 96 Об обосновании даты см. в кн.: *Babinger F.* Cel dintîi bir al Moldovei către sultan. Buc., 1936. P. 3–10; *Beldiceanu N.* Problema tratatelor Moldovei cu Poarta în lumina croniciei lui Pecevi // Balkania. V (1942). Nr. 1. P. 394. См. также: *Papacostea Ș.* Die politischen Voraussetzungen... S. 223–224; *idem.* La Moldavia état tributaire de l'Empire ottoman au XV siècle: le cadre international des rapports établis en 1455–1456 // RRH. 1974. Nr. 3. P. 445–461.
- 97 Документ опубликован: *Kraeltz F.* Osmanische Urkunden in türkischer Sprache aus der zweiten Hälfte des 15. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur osmanischen Diplomatie. Wien, 1921. S. 44–46; *Iorga N.* Actul lui Mohamed al II-lea pentru negustorii din Cetatea Albă (1456) // Revista istorică. X (1924). Nr. 4–6. P. 105. Последнюю публикацию см.: Doc turc. I. P. 2.
- 98 Doc M. P. 800–801; *Panaitescu P.* Pe marginea folosirii izvoarelor cu privire la supunerea Moldovei la tributul turcesc. (Vaslui, 1456) // St. 1952. Nr. 3.

- P. 187–198; О датировке документа см.: *Babinger F.* Cel dintâi bir al Moldovei... P. 3–10. Ср.: *Șimanschi L.* «Inchinarea» de la Vaslui (5 iunie 1456) // АИА. 1981. P. 613–637.
- ⁹⁹ *Mehmet M.* Din raporturile Moldovei cu Imperiul otoman în a doua jumătate a veacului al XV-lea // St. 1960. Nr. 5. P. 167–168; Публикацию им этого документа см.: Doc turc. I. P. 2; *Ștefănescu Șt.* Considerations concernant le caractère des rapports roumano-turcs et leur impact sur le développement historique de deux peuples // AUB. 1978. P. 11.
- ¹⁰⁰ *Советов П. В.* Исследования по истории феодализма в Молдавии (Очерки истории землевладения в XV–XVIII вв.). Кишинев, 1972. Т. I. С. 233–234.
- ¹⁰¹ Там же. С. 265–266, 288–289.
- ¹⁰² О молдавском военном искусстве эпохи Штефана Великого см.: *Cușa I.* Arta militară a moldovenilor în a doua jumătate a secolul XV. Buc., 1958.
- ¹⁰³ Cr SR. P. 44; *Pall F.* Stăpînirea lui Iancu de Hunedoara asupra Chilieii și problema ajutorării Bizanțului // St. 1965. Nr. 3. P. 619–638; *Papacostea Ș.* Kilia et politique orientale de Sigismund de Luxemburg // RRH. 1976. Nr. 3. P. 421–436; *Ciociltan V.* Chilla în primul sfert al veacului al XV-lea // RI. 1981. Nr. 11. P. 2091–2097; *Andrescu Ș.* Une ville disputée: Kilia pendant la première moitié du XV siècle // RRH. 1985. Nr. 3. P. 217–230.
- ¹⁰⁴ Doc Șt. P. 266–268.
- ¹⁰⁵ *Papacostea Ș.* De la Colomeea la Codrul Cosminului (Poziția internațională Moldovei la sfîrșitul secolului al XV-lea) // Rsl. XVII (1970). P. 525.
- ¹⁰⁶ О месте Килии в торговле Молдавского княжества см.: *Подградская Е. М.* Торговые связи Молдавии со Львовом в 16–17 вв. Кишинев, 1968.
- ¹⁰⁷ Doc Șt. P. 282–294.
- ¹⁰⁸ *Papacostea Ș.* Ștefan cel Mare și războiul Poloniei cu ordinul Teuton (1454–1466) // RI. 1978. Nr. 3. P. 475–479.
- ¹⁰⁹ Cr SR. P. 7; Chalcocondil. P. 513.
- ¹¹⁰ DR. XV/1. P. 4.
- ¹¹¹ *Panaitescu P.* Legăturile moldo-polone în sec. al XV-lea și problema Chilieii // Rsl. III (1958). P. 111–112.
- ¹¹² *Ursu I.* Ștefan cel Mare și turcii. Buc., 1914. P. 29–30.
- ¹¹³ О политических отношениях Дунайских княжеств с Венецией в условиях экспансии османов см.: *Denize E.* Țările Române și Veneția. Relații politice (1441–1541). Buc., 1995.
- ¹¹⁴ Cr SR. P. 7.
- ¹¹⁵ *Berza M.* Haraciul... P. 9; *Guboglu M.* Le tribut paye par les principautés roumaines a la Porte jusqu'au debut du XVI-e siècle d'après les sources turques // REI. 1969. Nr. 1. P. 68–69.
- ¹¹⁶ *Sabău I.* Relațiile politice dintre Moldova și Transilvania în timpul lui Ștefan cel Mare // St Șt. P. 226–227; Об отношениях между Штефаном Великим и Матьяшем Корвиным см.: *Elekes L.* Nagy István moldvai vajda politikája és Mátyás király. Bp., 1937; *idem.* Mátyás és kora. Bp., 1956.

- 117 Urkundenbuch. S. 292–294; *Iorga N.* Istoria lui Ștefan cel Mare. Buc., 1904. P. 109; *Gündisch K.* Participarea sașilor la răzvrătirea din anul 1467 a transilvanilor împotriva lui Matei Corvin // SUBB. 1972. Fasc. 2. P. 21–30.
- 118 Cr SR. P. 29–30; *Câmpina B.* Cercetări cu privire la baza socială a puterii lui Ștefan cel Mare // St Șt. P. 39–40; *Papacostea Ș.* Un épisode de la rivalité polono-honroise au XV-e siècle: la d'une source inédite // RRH. 1969. Nr. 6. P. 967–979.
- 119 Письмо Штефана польскому королю от 1 января 1468 г. см.: *Panaitescu P.* Contribuții la istoria lui Ștefan cel Mare // AAR. Seria III. T. XV (1934). Mem. 2. P. 20.
- 120 Cr SR. P. 7–9; Ureche. P. 92–94; *Pop I.* Valoarea mărturiilor documentare despre expediția întreprinsă de regele Matei Corvin la 1467 în Moldova // RI. 1981. Nr. 4. P. 135–139.
- 121 Doc Șt. P. 300–303.
- 122 Cr SR. P. 45.
- 123 Ibid. P. 57.
- 124 *Nehring K.* Matthias Corvinus, Kaiser Friedrich III und das Reich. München, 1975. S. 72.
- 125 DR. XV/1. P. 77, 80; Nicolaescu DSR. P. 133.
- 126 Cr SR. P. 17.
- 127 *Papacostea Ș.* Venise et les Pays Roumains au Moyen Age // Venezia et il Levante fino al secolo XV. Firenze, 1973. Vol. I. Part. 2. P. 612–613.
- 128 *Cancel P.* Data epistolei lui Uzun Hasan către Ștefan cel Mare și misiunea lui Isak-beg. Buc., 1912; *Vaisman A.* O pagină glorioasă a prieteniei româno-iraniene: relațiile politico-diplomatice de lui Ștefan cel Mare cu șahul turcoman al Persiei // Revista română de studii internaționale. Buc., 1973. P. 83–87.
- 129 *Babinger F.* Mehmed der Eroberer und seine Zeit. München, 1953. S. 152, 325–334.
- 130 HT. P. 46; *Decei A.* Istoria Imperiul otoman... P. 127–128.
- 131 Doc ȚR. P. 111, 118.
- 132 Cr SR. P. 8–9.
- 133 Doc ȚR. P. 115–116.
- 134 Cr SR. P. 9.
- 135 *Mehmed M.* Din raporturile... P. 169.
- 136 Сопоставление свидетельств разных источников о численности османских войск и военных сил Штефана Великого см.: *Ursu I.* Ștefan cel Mare și turcii. P. 51–52; *Gonța A.* Tactica și strategia lui Ștefan cel Mare în bătălia de lângă Vaslui // RI. 1975. Nr. 1. P. 58–62; *Spieralski Z.* Awantury mołdawskie. W-wa, 1967. S. 50.
- 137 *Neagoe M.* Ștefan cel Mare. Buc., 1970. P. 106–120; *Gonța A.* Tactica și strategia... P. 58–64.
- 138 Cr turc. I. P. 61, 96, 127, 210–211.
- 139 Ibid. P. 322.
- 140 Doc Șt. P. 319–321.
- 141 Studii și documente. XVI. Buc., 1909. P. 116–117; *Iorga N.* Studii istorice asupra Chiliei și Cetății Albe. Buc., 1899. P. 141–142; *idem.* Veneția în Marea Neagră. III.

- Originea legăturilor cu Ștefan cel Mare și mediul politic al dezvoltării lor // AAR. Ser. II. T. XXVII (1914). Mem. secț. ist. P. 20; *Małowist M.* Kaffa — kolonia genuieńska na krymie i problem wschodni w latach 1453–1475. W-wa, 1947. S. 329–331.
- 142 *Jorga N.* Studii istorice... P. 145–146; *Năsturel R.* Din legăturile dintre Moldova și Crimeea în secolul al XV-lea // Omagiu lui P. Constantinescu-Iași. Buc., 1965. P. 261–266; *Columbeanu S.* Acțiuni navale în Marea Neagră în timpul lui Ștefan cel Mare // RI. 1975. Nr. 1. P. 83.
- 143 Războieni. Cinci sute de ani de la campania 1476. Monografie și culegere de texte. Buc., 1977. P. 137–141.
- 144 Cr SR. P. 34.
- 145 *Bogdan I.* Inscriptiile de la Cetatea Albă și stăpânirea Moldovei asupra ei // AAR. Ser. II. T. XXX (1908). Mem. secț. ist. P. 24–27.
- 146 Historia dyplomacji polskiej. W-wa, 1982. T. I. S. 497.
- 147 Doc Șt. P. 331–333; DR. II/1. P. 8.
- 148 Studii și documente. XVI. P. 117–120.
- 149 Doc Șt. P. 334–336; *Jorga N.* Studii istorice... P. 271; *Pârvan V.* Relațiile lui Ștefan cel Mare cu Ungaria. Buc., 1905. P. 71.
- 150 Acte și fragmente. III. P. 56; *Gemil T.* Fetih-name a sultanului Mehmed al II-lea privind campania din 1476 împotriva Moldovei // RA. 1982. Nr. 3. P. 252–258.
- 151 HT. P. 89; Acte și fragmente. III. P. 55.
- 152 Acta et epistolae. I. P. 15; DR. XV/1. P. 92–93; *Andreescu Șt.* L'action de Vlad Țepeș dans le sud-est de l'Europe en 1476 // RESEE. 1977. Nr. 2. P. 266–267; О отношении Влада Цепеша с Трансильванией и Венгрией см.: *Șerban C.* Relațiile Vlad Țepeș cu Transilvania și Ungaria // RI. 1976. Nr. 11. P. 1697–1719.
- 153 *Gemil T.* Două documente tătărăști referitoare la campania din 1476 a sultanului Mehmed al II-lea în Moldova // АИА. V (1968). P. 193; *Mehmed M.* Din raporturile... P. 171–172.
- 154 Războieni. P. 62–64.
- 155 Cr turc. I. P. 322.
- 156 Cr SR. P. 9; *Focșeneanu I., Diaconu Gh.* Bazele puterii militare a lui Ștefan cel Mare // St Șt. P. 149–153.
- 157 DR. XV/1. P. 94; Doc Șt. P. 344.
- 158 *Ursu I.* Ștefan cel Mare și turcii. P. 86–88; Războieni. P. 94–99.
- 159 DR. XV/1. P. 95; Acte și fragmente. III. P. 58–59; Tocilescu. P. 97; *Șerban C.* Relațiile Vlad Țepeș... P. 717.
- 160 DR. XV/1. P. 96; Doc Șt. P. 345; Cr SR. P. 206, 213; *Andreescu Șt.* Vlad Țepeș (Dracula). Intre legenda și adevăr istoric. Buc., 1976. P. 142–144.
- 161 Doc ȚR. P. 134.
- 162 Doc Șt. P. 343–347; Războieni. P. 228–232.
- 163 *Jorga N.* Veneția în Marea Neagră. P. 26; *Nehring K.* Matthias Corvinus... P. 117–118.
- 164 *Guboglu M.* Le tribut... P. 68–69; *Mehmed M.* Un document turc concernant le haratch de la Moldavie et de la Valachie aux XV–XVI-e siècles // RESEE. 1967. Nr. 1–2. P. 267.

- 165 *Советов П. В.* Исследования... С. 270—273; *Гонца Г. В.* Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV — первой трети XVI в. Кишинев, 1984. С. 27—29.
- 166 *Советов П. В.* Исследования... С. 270, прим. 157; *Cămpina V.* Cercetări... P. 94.
- 167 *Mehmed M.* Din raporturile... P. 173—177.
- 168 Doc turc. P. 6.
- 169 *Guboglu M.* Le tribut... P. 69—70.
- 170 *Paracostea Ș.* La guerre ajournée: les relations polono-moldaves en 1478. Réflexions en marge d'un texte de Filippo Buonaccorsi-Callimachus // RRH. 1972. Nr. 1. P. 3—21.
- 171 *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978. С. 12—21; *Базилевич К. В.* Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 540—541.
- 172 РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. I. Л. 29; ИСв. I. С. 55—56.
- 173 *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963. С. 183—194.
- 174 РГАДА. Ф. 123. Кн. I. Л. 30.
- 175 ПСРЛ. СПб., 1910. Т. XX. Ч. 1. С. 349—350.
- 176 Об историографии вопроса см.: *Семенова Л. Е.* Молдавское княжество в международных отношениях в Юго-Восточной Европе во второй половине XV в. // Советское славяноведение. 1984. № 5. С. 42.
- 177 *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 69.
- 178 РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. I. Л. 50 об. — 52 об.; ИСв. I. С. 58—60; *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 249—251.
- 179 Сб. РИО. Т. 41. С. 41—44; Об отношениях Матьяша Корвина с Иваном III см.: *Céresi K.* Hunyadi Mátyás magyar király összeköttetesei III. Iván Vasilievics orosz cárral // Szásadok. 1879.
- 180 *Thuasne L.* Djem sultan, fils de Mohammed II, frere de Bayezid II (1459—1495). Paris, 1892; *Grallota A. — Bova G.* Documenti dell'Archivio di Stato Venezia concernenti il principe ottomano Gem // Studi Magrebini. 11 (Napoli, 1980). P. 175—199.
- 181 Acta et epistolae. I. P. 39; Acte și fragmente. III. P. 64—65.
- 182 НТ. P. 183—184; *Gorovei Șt.* Pacea moldo-otomană din 1486. Observații pe marginea unor texte // RI. 1982. Nr. 7. P. 815—816.
- 183 *Iorga N.* Studii istorice... P. 157—158; *Antalffi A.* Doua documente din biblioteca Egipteană // RI. XX (1934). P. 37—38.
- 184 *Beldiceanu N.* La compagne ottomane de 1484: ses préparatifs militaires et sa chronologie // Revue des Etudes Roumaines. V—VI (1960). P. 67—77; *Kissling H.* Einige Bemerkungen zur Eroberung Kilia's und Aqkerman's durch die Türken (1484) // Beitrage zur Südosteuropa Forschung. München, 1966. S. 331—338.
- 185 На основе ряда данных И. Урсу высказал мнение, что армия султана Баязида во время похода на Килию и Белгород летом 1484 г. насчитывала более 100 тыс.

- человек (см.: *Ursu I. Ștefan cel Mare și turcii*. P. 179–180); Н. Белдичану считает, что эта цифра преувеличена и численность султанских войск не превышала 60 тыс. (см.: *Beldiceanu N. La compagne ottomane de 1484...* P. 70–72).
- 186 Acta et epistolae. I. P. 40; Cr SR. P. 10; *Stachoń B. Polityka Polska wobec Turcyi i akcyi antyturckiej w wieku XV do utraty Kilii i Białogrodu (1484)*. Lwów, 1930. S. 193.
- 187 DR. II/1. P. 3,15; Acte și fragmente. III. P. 64.
- 188 Сб. РИО. Т. 41. С. 41.
- 189 ИСв. I. С. 62.
- 190 Сб. РИО. Т. 41. С. 47; ИСв. I. С. 293, прим. 20.
- 191 РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Кн. 4. Л. 118 об.–120; ИСв. I. С. 63; см.: *Papée F. Jan Olbracht*. Kraków, 1936. S. 16.
- 192 Doc Șt. P. 370–378; Материалы. С. 113.
- 193 *Spierski Z. Awantury mołdawskie*. S. 52–53.
- 194 Cr SR. P. 11; Cr turc. I. P. 78, 100, 132, 327.
- 195 Materiały. S. 1–9.
- 196 РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Кн. 4. Л. 119 об.; ИСв. I. С. 63.
- 197 Материалы. С. 116.
- 198 Cr turc. I. P. 101.
- 199 Ibid. P. 187.
- 200 *Gorovei Șt. Moldova în «casa păcii»*. Pe marginea izvoarelor privind primul secol de relații moldo-otomane // АИА. XVII (1980). P. 643–645, 666–667; *Гонца Г. В. Молдавия и османская агрессия...* С. 36–37.
- 201 См.: *Семенова Л. Е. Молдавское княжество в международных отношениях...* С. 44.
- 202 DR. II/2. P. 306–307, 315–316; Katalog dokumentów tureckich. W-wa, 1959. S. 22–25; *Spierski Z. Awantury mołdawskie*. S. 55; *Греков И. Б. Османская империя, Крым и страны Восточной и Центральной Европы в конце XV в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.* М., 1984. С. 91–92.
- 203 *Pârvan V. Relațiile* P. 104–105.
- 204 РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. I. Л. 52; ИСв. I. С. 65, 294–295, прим. 32; Сб. РИО. Т. 35. С. 18, 52; ПСРЛ. Т. VIII. С. 219–221.
- 205 Сб. РИО. Т. 41. С. 151.
- 206 РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. I. Л. 173 об. — 174; ИСв. I. С. 68–69.
- 207 Сб. РИО. Т. 41. С. 168, 172.
- 208 *Übersberger H. Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhundert*. Bd. 1. Wien und Leipzig, 1906. S. 1–20; *Kolankowski L. Polska Jagiellonów. Dzieje polityczne*. W-wa, 1936. S. 141–143.
- 209 *Simionescu Șt. Legăturile dintre Ștefan cel Mare și Maximilian I de Habsburg în lumina unui nou izvor* // RI. 1975. Nr. 1. P. 91–98.
- 210 Materiały. S. 12–17.

- 211 DR. II/2. P. 327.
- 212 *Spierski Z.* Awantury mołdawskie. S. 60; *Demel J.* Historia Rumunii. W-wa, 1970. S. 138; Historia dyplomacji polskiej. S. 537–538; *Papacostea Ș.* De la Colomeea... P. 540–541.
- 213 *Pârvan V.* Relațiile... P. 112.
- 214 РГАДА. Ф. 79. Кн. I. Л. 258 об.; ИСв. I. С. 73.
- 215 Сб. РИО. Т. 35. С. 141.
- 216 Doc Șt. P. 397.
- 217 РГАДА. Ф. 79. Кн. I. Л. 284–284 об.; ИСв. I. С. 74; ПСРЛ. Т. XX. Ч. I. С. 364–365.
- 218 РГАДА. Ф. 79. Кн. I. Л. 258–258 об.; ИСв. I. С. 73.
- 219 Doc Șt. P. 386–387, 397–398, 400–403, 407.
- 220 *Греков И. Б.* Османская империя, Крым... С. 98.
- 221 История Венгрии. М., 1971. Т. I. С. 236.
- 222 *Papée F.* Jan Olbracht. S. 122.
- 223 Materiały. S. 25–30; *Papée F.* Jan Olbracht. S. 68–69.
- 224 *Papée F.* Jan Olbracht. S. 76.
- 225 Cr SR. P. 11.
- 226 Cr turc. I. P. 138.
- 227 *Семенова Л. Е.* Из истории молдавско-польско-турецких отношений конца XV в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 48–49.
- 228 *Papacostea Ș.* De la Colomeea... P. 543–544.
- 229 Cr turc. I. P. 138; Cr SR. P. 11.
- 230 Cr SR. P. 11–12; Ureche. P. 110–111.
- 231 *Семенова Л. Е.* Из истории... С. 43.
- 232 *Papacostea Ș.* De la Colomeea... P. 549–551.
- 233 Cr SR. P. 12.
- 234 Сб. РИО. Т. 35. С. 237–238.
- 235 *Семенова Л. Е.* Из истории... С. 46; *она же.* Некоторые аспекты международного положения Молдавского княжества во второй половине XV в. // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972. С. 231.
- 236 РГАДА. Ф. 79. Кн. I. Л. 322 об.; ИСв. I. С. 78.
- 237 Сб. РИО. Т. 35. С. 242–243, 267.
- 238 Там же. Т. 41. С. 256–257.
- 239 Materiały. S. 42–45.
- 240 Doc Șt. P. 415–417.
- 241 Ibid. P. 423–424.
- 242 Materiały. S. 66–69.
- 243 Doc Șt. P. 419–426; Материалы. С. 170–177.

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА
В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ
ПОРТЫ В XVI в.

В первой трети XVI в. отношения Дунайских княжеств с Османской империей все больше испытывали влияние международной обстановки в Юго-Восточной Европе. С начала XVI в. центральное место в военных планах Порты стал занимать Ближний Восток. В своем стремлении утвердиться там и установить контроль над важнейшими путями европейско-азиатской торговли Османская империя столкнулась с государством Сефевидов, глава которого шейх Исмаил, приняв титул шахиншаха Ирана, претендовал на гегемонию в регионе. Войны с Сефевидами, усугублявшиеся религиозной враждой суннитов с шиитами, стали для Османской империи в XVI в. важным фактором в международных отношениях¹.

Крупные военные предприятия султана на Ближнем Востоке несколько ослабили остроту османской угрозы для европейских стран. В рассматриваемый период в политической жизни Европы все явственнее проявлялось усиление Габсбургов, их противостояние планам османов. Конфронтация между двумя империями поддерживалась наличием у каждой из сторон определенной политико-религиозной платформы. Османские планы европейских завоеваний основывались на праве восстановления римского наследия, которое якобы перешло к Османской империи с захватом ею в 1453 г. Константинополя, по представлениям султана, единственно возможной столицы мира². Идеологическим обоснованием экспансионистских устремлений Габсбургов служила возрожденная Карлом V идея католической церкви об универсальности Германской империи как политического организма христианской Европы, объединенной ее религиозными идеалами³. Реализация этих идей затрагивала жизненно важные интересы отдельных государств и народов, сохранение их территориальной целостности, национального существования.

Борьба между Османской империей и Габсбургами становится в XVI в. основной нитью в сложной ткани международных отношений в Европе и ее юго-восточном регионе. В условиях обострения противоречий ведущей тенденцией в политике европейских государств являлась система союзов и коалиций, имевших целью сохранить равновесие сил между державами и не допустить преобладания какой-либо из сторон. Этот принцип лежал в основе антиосманских и антигабсбургских коалиций стран Европы, исходя из которого они и пытались разрешить важнейшие вопросы международной политики. Такая их позиция создавала выгодную для Порты внешнеполитическую ситуацию. Занятость в войне с Ираном, изменения в соотношении сил в Восточной Европе в результате ликвидации Большой Орды в 1502 г. и усиления Русского государства оказали серьезное влияние на политику Османской империи в Европе⁴. Султан и его дипломатия, учитывая главные тенденции европейской политики, все чаще стремились использовать в своих целях любые осложнения в этом регионе. Соглашения с рядом государств Центральной и Восточной Европы стали важным инструментом османской внешней политики.

После безуспешных антиосманских крестовых походов XV в. правители отдельных европейских держав, разбеденных непримиримыми противоречиями, вступают в переговоры с Портой⁵. Первой европейской страной, установившей в 1483 г. мирные отношения с османами, была Венеция. В 1496 г. ее примеру последовал миланский герцог, а за ним — император Максимилиан, направивший своего посла к султану⁶.

С начала XVI в. Порта стала внимательно следить за расстановкой сил в Европе, учитывая соперничество европейских правителей и используя его в своих интересах. Во время обострения франко-испанского конфликта в связи с походом Людовика XII в 1500 г. в Италию Баязид II, предложив помощь неаполитанскому королю Федерико, изолировал Венецианскую республику и одержал над ней победу. Попытки Венеции получить помощь папы римского и венгерского короля, а также поддержку императора Максимилиана оказались безуспешными. Османы завладели Ионическими островами, Лепанто. В 1503 г. Венеция заключила перемирие с Портой на десять лет⁷. В том же году мир с султаном Баязидом II заключил венгерский король Уласло II⁸.

В условиях неудач в войне с Россией продолжалось начавшееся еще в конце XV в. сближение польского короля с османами. Сказывалось и усиливавшееся нежелание польского дворянства тратить средства на содержание крупной регулярной армии, необходимой для антиосманской борьбы. В 1504 г. польский король Александр вступил в переговоры с Портой⁹. Антивенцианский союз, заключенный в 1508 г. в Камбрэ между Максимилианом и французским королем Людовиком XII и одобренный папой римским, привел к дальнейшему укреплению отношений Венеции с Османской империей. В то же время Венеции удалось в 1509 г. договориться о союзе с папой Юлием II¹⁰. Чтобы воспрепятствовать венецианской дипломатии, Максимилиан через своего посла в 1510–1511 гг. вел переговоры с Портой¹¹.

Успокоенность ряда европейских правителей в отношении османской угрозы не разделяли балканские страны, испытывавшие на себе тяжесть султанского завоевания. Не случайно, что из этих стран в начале XVI в. раздаются призывы к объединению европейских сил для отпора наступлению Османской империи. В 1502 г. хорват Феликс Петанчич, обращаясь к Уласло II с призывом заключить союз христианских государей против султана, сообщал подробные данные о путях в Турцию, которые могли быть полезны при составлении плана наступления на Османскую империю¹². Идеей единения христианских сил перед лицом расширения османских завоеваний в Европе было проникнуто сочинение серба Константина Михайловича из Островицы. Не ограничиваясь призывом к общей борьбе против «поганых», автор предлагает конкретные планы и способы организации этой борьбы. Он рассказывает о состоянии военного дела у турок, о системе построения султанской армии, дает ряд практических советов по ведению военных действий против османских войск¹³.

Очередным сигналом об османской угрозе, выведшим европейских правителей из состояния успокоенности, была победа султана Селима I в 1514 г. в Чалдыранской долине над войсками персидского шаха Исмаила и захват его столицы Тебриза¹⁴. В связи с этим в Европе предпринимаются попытки к созданию антиосманской коалиции. В 1515 г. император Максимилиан заключил договор с Уласло II Ягеллоном, королем Венгрии и Чехии, и его братом, польским королем Сигизмундом I¹⁵. Но объединение сил для борьбы с турецкой опасностью было лишь как бы внешней оболочкой этого альянса. Спекулируя на идее антиосманской борьбы, Габсбурги по существу хотели обеспечить в перспективе реализацию своих планов утверждения в Юго-Восточной Европе. Не случайно в договоре предусматривался брак сына Уласло и внучки Максимилиана Марии, а также женитьба одного из внуков императора на дочери венгерского короля, что позволило бы Габсбургам заявить о своих правах на корону Венгрии и Чехии.

Инициатива в организации антиосманских коалиций принадлежала в начале XVI в. папству. Объяснялось это не только близостью к Италии владений могущественного султана и непосредственной османской угрозой для стран Средиземноморья. Было ясно, что дальнейшее распространение мусульманства приведет к сокращению сферы влияния католичества и папства, а следовательно, и к уменьшению источников дохода. Кроме того, папство стремилось использовать идею антиосманской борьбы в своих политических целях. В противостоянии натиску османов в Европе папа видел средство отвлечь внимание европейских правителей от войны за Италию. Большой дипломатической активностью в этом плане выделялся папа Лев X. Он обратился в 1513–1515 гг. к Максимилиану I, к королю Англии Генриху VIII, к датскому королю Кристиану II, к королям Венгрии и Польши Уласло II и Сигизмунду I с призывом объединиться для борьбы с османами. Особые усилия прилагал Лев X для привлечения к антиосманскому союзу Франции. Этой своей акции папа придавал важное значение, так как победа, одержанная французским королем Франциском I при Мариньяно (1515), определив распад итальянской Лиги, ставила под угрозу позиции папства в Италии. В реализации своих планов Лев X использовал франко-габсбургские противоречия и стремление Франциска заполучить имперскую корону. Папа пожаловал Франциска титулом «христианнейшего короля», обязавшим к участию в борьбе с султаном, а также утвердил привилегии французской церкви. Король, со своей стороны, обязался вывести войска из Италии и участвовать в антиосманской коалиции¹⁶. Была возрождена идея крестового похода, который папа провозгласил на Латеранском соборе 1517 г.¹⁷. Чтобы примирить Франциска I с Максимилианом I, он объявил обоих соперников организаторами похода против османов¹⁸.

Как инициаторы антиосманского движения, так и Порты при сложившемся раскладе сил в полной мере оценивали значение отношений с

восточноевропейскими странами, в первую очередь с Россией. Не случайны поэтому попытки папства в начале XVI в. привлечь к антиосманской коалиции Русское государство, имевшие также цель обратить Русь в католичество. Но все эти планы были утопичны, поскольку намерение сохранить мир между обеими сторонами отвечало интересам и русского правительства, и Порты. Поэтому начало XVI в. характеризовалось мирными отношениями между Османской империей и Русью. В 1514 г. в Москву прибыл турецкий посол, а в следующем году возобновились отношения русского двора с константинопольской патриархией¹⁹.

Победив в 1514 г. войска персидского шаха, Османская империя стала расширять завоевания на Ближнем Востоке. К 1518 г. султан овладел Сирией, Палестиной, Ливаном; крупнейший соперник империи — Египет перестал существовать как самостоятельное государство²⁰. Становилось очевидным, что теперь Османская империя приступит к реализации своих планов дальнейшего продвижения в Европу.

В этих условиях возрастает дипломатическая активность европейских стран. В 1517 г. папа Лев X, Франциск I и Максимилиан I обращаются ко всем государствам Европы с призывом к антиосманской борьбе²¹. Особое рвение проявлял Максимилиан I, так как опасность со стороны Порты угрожала прежде всего юго-восточному региону, являвшемуся основной сферой соперничества Габсбургов с Османской империей. В проектах организации антиосманской борьбы важное место продолжают занимать восточноевропейские страны. В 1517—1519 гг. снова предпринимаются активные, но безуспешные попытки привлечения к ней России²². Большое значение придавалось установлению союза с Венгрией и Польшей, с помощью которых предполагалось использовать в борьбе с султаном Дунайские княжества. В результате династического брака Сигизмунда I с миланской принцессой Боной Сфорца²³ в 1518 г. Максимилиану удалось сделать своей союзницей Польшу. В то же время неудачи в войне с Московским государством и потеря в 1514 г. Смоленска, имевшего важное стратегическое значение на польских восточных рубежах, толкали короля Сигизмунда к сближению с султаном Селимом. В 1516 г. был заключен польско-крымский союз, возобновленный в 1520 г. Договором 1519 г. устанавливались мирные отношения с Портой²⁴.

Тем не менее Габсбурги и римская курия продолжали усилия по организации антиосманской коалиции, пытаясь оказать давление на европейских правителей и заставить их воздержаться от мира с Османской империей²⁵.

Однако восточная политика Габсбургов противоречила взятой ими на себя роли организатора борьбы европейских стран против османов. Так, под знаменем крестового похода Максимилиан осуществлял акции по вытеснению французов из Италии²⁶. Идея объединения христиан перед лицом османской опасности использовалась Максимилианом для реализации планов создания феодальной католической империи под властью од-

ного монарха, становившихся в сущности препятствием на пути развития капиталистических отношений и формирования национальных государств в Западной Европе.

После смерти Максимилиана (1519) при поддержке южнонемецкой торгово-ростовщической кампании Фуггеров, заинтересованных в проведении Габсбургами универсалистской политики, в борьбе с французским королем Франциском I за императорский престол победу одержал внук Максимилиана, ставший императором под именем Карла V.

Складывавшаяся в начале XVI в. расстановка политических сил в Европе и ее юго-восточном регионе оказывала непосредственное влияние на международное положение Дунайских княжеств, в том числе и на их отношения с Османской империей. Готовясь к реализации планов наступления на страны Центральной Европы, Порты укрепляла свои позиции в Валашском и Молдавском княжествах. Политике османов стремились противостоять соседние с княжествами Венгрия и Польша, действовавшие здесь в своих интересах, исходя из конкретной международной ситуации в Юго-Восточной Европе.

УСИЛЕНИЕ ОСМАНСКОГО ВЛИЯНИЯ В ВАЛАХИИ

Оказавшаяся с конца XV в. в вассальной зависимости от султана Валахия в начале XVI в. все больше включается в сферу интересов Порты. Валашские господа под давлением крупного боярства превращаются в орудие османской политики в княжестве.

Важную политическую роль в княжестве в это время начинают играть крупные бояре Крайовы. Особо влиятельной была фамилия Крайовеску. Имея родственные связи в Османской империи, ее представители пользовались большим доверием Порты, считались верными подданными султана. Экономическая сила бояр Крайовы, их связи с турецкими сановниками заставляли господарей считаться с ними, искать их союза. Установление отношений с боярской фамилией Крайовеску становится важным политическим условием для правления господарей. В конфликтах с господарем Крайовеску прибегали к помощи Порты, которая использовала подобные случаи для вмешательства во внутренние дела Валахии. Следствием политики крупного валашского боярства была внутренняя политическая неустойчивость в княжестве, в конечном итоге приводившая ко все большему подчинению Османской империи.

Влияние бояр Крайовеску укрепилось в правление Раду Великого (1495–1508), когда им удалось добиться административной самостоятельности путем создания баната в Олтении с центром в Крайове²⁷. Пост бана стал наследственным у Крайовеску. Союз с боярами Крайовеску позволил Раду в какой-то мере обеспечить относительную внутреннюю устойчивость и экономическую стабильность в княжестве²⁸. Валашский господарь подчинился султану и регулярно уплачивал ему харадж.

В то же время, стремясь заручиться поддержкой Венгрии, он установил отношения с венгерской короной. Для этого Раду использовал уже существовавшие связи с Трансильванией. Документы свидетельствуют об обмене послами с целью взаимной информации, главным образом о контактах с османами, их планах. Особую заинтересованность в этой информации проявляли по поручению венгерского короля власти Сибиу и Брашова²⁹.

Уласло II, признав Раду на валашском престоле, хотел привлечь его на свою сторону. В октябре 1496 г. по поручению короля в Валахии побывал посол трансильванского воеводы³⁰. С ответным посольством валашский господарь направил в 1497 г. в Буду вистиера Албу³¹. Результатом этого обмена послами было признание господарем в сентябре 1498 г. венгерского сюзеренитета³².

В ответ Порты усилила давление на валашского господаря, потребовав ежегодного прибытия в Стамбул для переутверждения на престоле. Раду был вынужден каждый год не только доставлять султану соответствующую сумму хараджа, но и уплачивать малый мукарер³³.

В 1505 г., когда он в очередной раз прибыл в Стамбул, султан повысил харадж Валахии с 8 до 12 тыс. золотых³⁴. Стремясь экономически еще больше подчинить себе княжество, Порты под разными предлогами вводила здесь все новые поборы; османские купцы стали закрепляться на торговых артериях по Дунаю³⁵.

Вассальная зависимость от султана не мешала, однако, Раду посылать венгерскому королю подробную информацию об османах. Имеются данные о том, что в 1505–1508 гг. господарь направлял в Трансильванию и Венгрию сведения о планах Порты³⁶. После того как в 1507 г. Раду подтвердил признание венгерского сюзеренитета, король Уласло II в следующем году пожаловал ему в Трансильвании поместье Джеоджиул³⁷.

По свидетельствам венецианских источников, Раду был посредником при заключении венгеро-османского договора 1503 г., в котором Валахия, как и Молдавское княжество, упомянуты как земли венгерской короны, подчиненные султану и платившие дань Порте³⁸.

После смерти Раду в княжестве вспыхнула борьба боярских группировок за власть³⁹. Возникшие внутренние неурядицы были использованы султаном для нового усиления влияния в Валахии. Попытка Венгрии возвести на валашский престол Данчу, сына Басараба Цепелюша⁴⁰, не имела успеха. В мае 1508 г. войска никопольского паши Мехмед-бея перешли границы Валахии и утвердили господарем сына Влада Цепеша Михню⁴¹. Вначале Михня осуществлял власть в союзе с боярами Крайовеску, занявшими в этот период высшие должности в княжестве. Показательно, что в первых жалованных грамотах Михни монастырям Говора и Бистрица в числе свидетелей на первом месте стоят представители этой боярской фамилии⁴².

В стремлении укрепиться на престоле, покончив с боярскими распряями, Михня сурово расправлялся с оппозиционным крупным боярством, за что получил прозвище «Жестокий».

В борьбе за господарство Михня при посредничестве брашовян и сибийцев установил отношения с венграми⁴³. Обратился он и к трансильванскому воеводе с просьбой о посредничестве в контактах с королем⁴⁴. Но эти обращения Михни были встречены с недоверием, так как в соседних странах знали, что его поддерживают османы и что он имеет заложником в Стамбуле своего сына⁴⁵. Брашовяне даже перекрыли дороги из Валахии⁴⁶.

Не сумев воспрепятствовать вступлению Михни на валашский престол, венгерский король должен был признать его господарство, чтобы не спровоцировать османов. Необходимо было также гарантировать безопасность Трансильвании, тем более что бояре — сторонники Михни — организовали волнения в Фэгэраше, агитируя присоединиться к владениям валашского господаря⁴⁷.

При посредничестве трансильванского воеводы осуществлялись переговоры между Михней и Уласло II⁴⁸. В связи с этим состоялся обмен послами. В январе 1508 г. через Сибиу в Валахию возвращался посол Михни Штефан Питар, находившийся в Буде с миссией к королю⁴⁹. В апреле этого же года Михня послал к трансильванскому воеводе вис-тиера Албу⁵⁰. Венгерский король в мае направил в Валахию Эмерика Чобора с посольством к господарю⁵¹. В июле 1509 г. послы Михни принесли вассальную присягу венгерской короне. Возглавлял посольство господаря митрополит Максим, известный в Буде как бывший сербский деспот Георгий Бранкович⁵².

Отношения Михни с венгерским королем осложнили положение господаря внутри княжества, вызвав конфликт с боярами Крайовеску. Бояре, недовольные провенгерскими действиями господаря, организовали против него выступление. Михня жестоко расправился с мятежниками⁵³. Спасаясь от наказания, бояре Крайовеску в конце сентября 1508 г. бежали за Дунай в османские владения⁵⁴. По указу господаря их имения были разорены⁵⁵. Михня принял меры для защиты против османов и их союзников бояр Крайовеску, признал венгерский сюзеренитет. Решив использовать администрацию баната в интересах консолидации власти, валашский правитель поставил во главе его своего сына Мирчу. Не исключено, что бояре Крайовеску были в курсе планов господаря передать Олтению в управление Мирче. В таком случае намерения Михни могли ускорить его разрыв с боярами⁵⁶.

Бояре Крайовеску обратились к султану с просьбой сместить господаря и посадить на престол Влада Молодого, брата Раду Великого. По поручению султана войска никопольского паши Мехмед-бея вместе с боярами во главе с Владом в феврале 1510 г. вступили на территорию княжества. Уласло II, заинтересованный в сохранении мирных отношений с Портой, не поддержал Михню. Тем более что он не был уверен в искренней приверженности валашского господаря венгерской короне. Михня вынужден был отступить из княжества вместе с сыном Мирчей и искать убежища в Тран-

силывании⁵⁷. Он пытался обосноваться в Сибиу, но был убит здесь по поручению бояр Крайовеску их родственником Д. Якшичем в сговоре с соперником Михни Данчу⁵⁸. Правление Михни показало, что господарская власть в Валахии не может не считаться с интересами бояр Крайовеску, в том числе и с их проосманским политическим курсом.

Подтвердилось это и в последующее правление Влада Молодого (1510–1512). Заняв престол с помощью османов, Влад в присутствии Мехмед-бея принес присягу верности боярам Крайовеску. Бояре обязались служить Владу верой и правдой, господарь же обещал почитать их и следовать их советам. Сторона, нарушившая обязательство, должна была подвергнуться уничтожению властью султана, которую в Валахии представлял Мехмед-бей⁵⁹. Последнее условие, узаконивая вмешательство Порты в ее внутренние дела, означало усиление влияния османов в княжестве. Однако Влад вскоре также попытался порвать с османами и править страной без бояр Крайовеску. В 1511 г. он, как и его предшественник, признал венгерский сюзеренитет⁶⁰. Результатом провенгерской политики Влада было исключение бояр Крайовеску из состава господарского совета и эмиграция их за Дунай. С помощью военных сил Мехмед-бея бояре предприняли поход в Валахию и под Бухарестом разгромили войско господаря. Влад был схвачен и обезглавлен за нарушение клятвы⁶¹.

В Польше и Венгрии понимали, какую роль играли османы в событиях в Валахии. Польский посол П. Томицкий говорил венгерскому королю о решении султана сменить валашского господаря⁶².

Престол в Валахии занял ставленник бояр Крайовеску Нягое (1512–1521), который для оправдания своих претензий на власть принял имя Басараба, выдавая себя за сына Басараба Молодого (Цепелюша)⁶³.

Правление Нягое было отмечено наивысшим усилением экономического и политического влияния бояр Крайовеску, проявлявшегося в росте административной самостоятельности баната в Олтении. К этому времени относится оформление двора великого бана, административного аппарата, собственного войска⁶⁴.

Следуя во внутренней политике интересам бояр Крайовеску, Нягое должен был все больше подчиняться их союзникам османам, обязавшись уплачивать султану харадж и другие повинности⁶⁵. Хотя в области внешней политики Валахия полностью находилась в сфере интересов Порты, тем не менее Нягое, как и его предшественники, пытался лавировать между Османской империей и христианскими странами⁶⁶. Воспользовавшись внутренними неурядицами в империи, он установил отношения с Польшей, Венецией и римским папой, а в 1517 г. принес присягу венгерскому королю Лайошу II, который обещал ему убежище в Трансильвании на случай потери престола⁶⁷. Король пожаловал Нягое имение Джеоджиул в уезде Хунедоара, которым господарь владел до конца жизни, пока оно не перешло по наследству его сыну Феодосию⁶⁸. Нягое соглашался участвовать и в провозглашенном папой антиосманс-

ком походе европейских государств с условием, чтобы в случае успеха был учтен и вклад Валахии. С этим предложением в июне 1519 г. в Рим к папе Льву X был послан Антонио Паикаласа⁶⁹. В 1520 г. Нягое писал брашовянам, что готов при необходимости выступить с 40-тысячным войском на помощь Венгрии⁷⁰.

Проводя политику лавирования в отношениях с соседними государствами, Нягое сумел удержаться на валашском престоле до конца жизни, что позволило ему стабилизировать внутреннее положение в княжестве, укрепить господарскую власть. При нем оформляется фискальный и административный аппарат, происходит упорядочение законодательства⁷¹.

Нягое покровительствовал валашским торговцам, ограничивая деятельность иностранных купцов в Валахии. В письмах к сибийцам и брашовянам, с которыми господарь с самого начала правления поддерживал тесные связи, он нередко выступал в защиту валашских торговцев в случаях, когда их права нарушались на территории городов Сибиу и Брашова⁷². Иногда это приводило к осложнению отношений с трансильванскими городами. Напряженности в контактах с Брашовом способствовало и то, что здесь получил убежище сын Михни Мирча, продолжавший претендовать на валашский престол. Мирчу поддерживал молдавский господарь Богдан III, с которым вследствие этого Нягое находился в конфликте с самого начала своего правления.

Установившиеся торговые связи с трансильванскими городами благоприятствовали политическим контактам, используемым Нягое для поддержания отношений с венгерской короной.

Несмотря на лавирование, в конечном итоге Нягое в своей внешней политике следовал в русле интересов Порты. В 1521 г., когда султан Сулейман I начал наступление на Центральную Европу, валашский господарь вынужден был выставить военные силы для участия в экспедиции османов против Трансильвании⁷³.

После смерти Нягое власть перешла к его сыну Феодосию, при котором фактически осуществляла управление его мать Деспина с помощью бана Преда Крайовеску⁷⁴. Таким образом, бояре Крайовеску пытались не только сохранить банат и свое политическое влияние в княжестве, но и управлять всей страной. Но оппозиционная им партия бояр, бежавших во время правления Нягое в Молдавское княжество, вернувшись после его смерти в Валахию, решила возвести на престол Драгомира Кэлугэра⁷⁵. 11 октября 1521 г. у Тырговиште состоялось сражение между военными силами обеих сторон. Феодосий был вынужден бежать за Дунай. Предвидя возможность его возвращения в княжество с помощью османов, Драгомир, использовав связи с трансильванскими городами, попытался заручиться поддержкой венгерского короля, но безуспешно: Лайош II был сторонником Феодосия⁷⁶. Вскоре войска никопольского паши Мехмед-бея вступили на территорию княжества и подошли к Тырговиште. Драгомир и его сторонники были схвачены и убиты⁷⁷. На валашский престол вернулся

Феодосий. Однако уже в январе 1522 г. оппозиционная ему партия бояр выдвинула другого претендента на господарство — Раду Афумац. Феодосий отступил к Слатине, откуда просил помощи у османов⁷⁸. Раду нанес поражение отрядам Мехмед-бея, но перед лицом превосходящих османских сил вынужден был уйти в Трансильванию⁷⁹.

Утвердившись со своими войсками в Валахии, Мехмед-бей стал вводить в княжестве турецкую администрацию, пытаясь превратить его в пашалык, который надеялся получить от султана в свое управление⁸⁰. Все это время Феодосий оставался в Слатине, хотя и писал брашовянам, что султан снова возвел его на валашский престол. Для решения господарских дел он направил в Тырговиште ворника Раду и пыркалаба Бойко⁸¹. Захватив фактически управление княжеством, Мехмед сделал Феодосия орудием своей политики, а затем отправил его в Стамбул, где он впоследствии и умер.

Опасность превращения Валахии в турецкий пашалык объединила всех бояр, в том числе из рода Крайовеску, вокруг Раду Афумац. Возникла непосредственная угроза со стороны османов и для Венгрии. Поэтому венгерский король Лайош II через трансильванского воеводу поддерживал Раду Афумац в борьбе за власть в Валахии, стремясь тем самым повлиять на положение дел в княжестве. Во время своих отступлений Раду находил убежище в Трансильвании, откуда при поддержке трансильванского воеводы Яноша Запольяи организовывал экспедиции в Валахию⁸².

В июне 1522 г. Раду Афумац с помощью войск Запольяи вернулся в Валахию, но в начале августа снова отступил в Трансильванию⁸³. При материальном содействии воеводы здесь была подготовлена новая военная экспедиция против Мехмеда⁸⁴, в результате которой Раду во второй половине октября вновь стал господарем Валахии. На сей раз ему удалось удержаться на престоле до конца апреля 1523 г., чему в определенной мере способствовало то, что османы ослабили давление на Валахию, будучи занятыми в военных действиях на острове Родос. Между тем крайовские бояре оставили лагерь сторонников Раду Афумац, вновь связав свои интересы с политикой Порты.

В конце апреля 1523 г. Мехмед-бей вместе с новым претендентом на валашский престол Владиславом III во главе многочисленного войска вступили на территорию княжества. Раду Афумац получил убежище в Брашове⁸⁵. Возвращение османов в Валахию усилило тревогу в Трансильвании и Венгрии⁸⁶, тем более что султан, покорив Родос, приступал непосредственно к реализации завоевательных планов в Центральной Европе.

Новый валашский господарь Владислав III сначала был поддержан крайовскими боярами, но, когда он, стремясь укрепить свое положение в стране и устранить возможное соперничество, попытался заменить бана Пырву III Крайовеску своим ставленником⁸⁷, бояре перешли на сторону оппозиционной господарю группировки. Пырву с группой бояр обосновался в Трансильвании, где готовился к свержению Владислава.

В конце октября 1523 г. бояре во главе с Пырву проникли через горы в Валахию и устранили неугодного господаря, посадив на престол при поддержке османов одного из крайовских бояр Раду Бэдику⁸⁸.

Борьбой между Владиславом и Бэдикой воспользовался Раду Афу-мац, находившийся в Трансильвании и ожидавший удобного момента для возвращения в Валахию. Чтобы не допустить овладения Раду господарским престолом, бояре Крайовеску заручились обещанием военной помощи видинского и никопольского пашей. И когда Раду предпринял попытку устранить Бэдику, то был разбит османскими силами⁸⁹.

Бэдика стремился укрепить свою власть в княжестве, опираясь на группировку Пырвулеску и военную помощь султана. В его правление османское влияние в Валахии усилилось. Но господарство Бэдики оказалось кратковременным: он был убит противниками в результате возникших противоречий внутри проосмански настроенной группировки валашских бояр⁹⁰.

Раду Афумац в январе 1524 г. с помощью Я. Запольяи снова удалось на короткое время занять престол в Валахии. Княжество находилось в тяжелом состоянии. Экономика была истощена постоянными военными действиями. Не хватало средств на оплату войск из Трансильвании, из-за чего они собирались покинуть господаря. Османы, захватив валашские крепости по Дунаю, угрожали вступлением на территорию княжества. Раду настоятельно просил брашовян о помощи⁹¹. Но она была незначительной и пришла с запозданием. В мае османы заняли Валахию и вновь возвели на престол своего ставленника Владислава III⁹².

Владислав примирился с боярской группировкой Пырвулеску; бан Пырву признал его господарем⁹³. Чтобы укрепиться в княжестве, Владиславу нужно было лишить Раду Афумац возможности вернуться на валашский престол. С этой целью через своих послов он вел переговоры с трансильванскими городами, пытаясь склонить их к отказу от помощи Раду, а также добиваясь возвращения находящихся в Трансильвании беглых валашских бояр⁹⁴. Но поддерживаемый османами Владислав не вызывал доверия у трансильванских властей. Воевода Запольяи и король Лайош были на стороне Раду и помогали ему готовиться к новой экспедиции против ставленника османов. Возникший снова конфликт Владислава с боярами Крайовеску облегчил приход к власти Раду Афумац. Чтобы не допустить упрочения венгерского влияния в Валахии, Порта решила привлечь Раду на свою сторону, признав его господарем. Когда в сентябре 1524 г. Раду вместе с отрядами Запольяи вступил в Тырговиште, командуемый османскими силами Ибрагим-паша, не оказав претенденту сопротивления, начал с ним переговоры⁹⁵.

В стремлении утвердиться на валашском престоле Раду договорился с крайовскими боярами и пошел на соглашение с османами. Папские послы в ноябре 1524 г. доносили из Вены, что в Валахии продолжают оставаться османские войска, а господарь Раду перешел на сторону Порты⁹⁶.

Бояре Крайовеску содействовали признанию султаном Раду Афумац на господарском престоле. В декабре 1524 г. Раду поехал в Стамбул. Венецианский посол сообщал 13 декабря из турецкой столицы о приеме султаном валашского господаря, который признал его сюзеренитет и обязался платить ему дань⁹⁷. Раду согласился на увеличение хараджа с 12 до 14 тыс. дукатов и подтверждение господарства Портой через каждые три года⁹⁸.

Свой поворот к политике подчинения султану Раду в письме брашовянам от 1 февраля 1525 г. объяснял необходимостью сохранения престола⁹⁹. В условиях усилившегося давления османов на Валахию в связи с подготовкой Сулейманом I наступления на Венгрию валашский господарь должен был согласиться с положением вассала султана. Это ставило Раду и перед необходимостью укрепления отношений с его союзниками внутри княжества боярами Крайовеску. Господарь установил с ними родственные связи, женившись на Роксанде, дочери Нягое Басараба. Благодаря Раду бояре Крайовеску сохранили за собой руководство в банате Олтении. При его покровительстве Пырву Крайовеску оставался великим баном до конца жизни (1529)¹⁰⁰. В соответствии с положением вассала Раду должен был участвовать со своим войском в планируемой султаном в 1526 г. военной экспедиции против Венгрии. Предусматривался при этом проход османских войск через Валахию и сотрудничество господаря с санджаками по Дунаю¹⁰¹.

В то же время, следуя традиционной политике лавирования, Раду сохранял отношения с трансильванским воеводой Я. Запольяи и венгерским королем Лайошем II. Весной 1525 г. он направил к венгерскому королю своего посла со сведениями об османских военных приготовлениях и с просьбой о помощи на случай необходимости¹⁰². Лайош II не только проявлял заинтересованность в этих сведениях, но и стремился склонить валашского господаря так же, как и молдавского, к совместным антиосманским действиям. Предполагался проект соединения войск Раду Афумац и Запольяи для атаки по османскому тылу в момент, когда султанские силы направят главный удар на Венгрию через северную Сербию¹⁰³.

Султан, информированный о связях валашского господаря с венгерским королем, не доверяя Раду, потребовал от него присылки в Стамбул в знак гарантии единственного сына. В Валахию были направлены два субаши, чтобы укрепить здесь влияние османов и не допустить объединения Валахии с Венгрией¹⁰⁴.

После распада королевства Венгрии в результате поражения при Мохаче (1526) в начавшейся борьбе за венгерскую корону Раду поддерживал своего прежнего союзника Яноша Запольяи, соперничавшего с Фердинандом I Габсбургом. Однако вскоре под давлением Фердинанда Раду Афумац стал ориентироваться на Габсбургов¹⁰⁵. Такой шаг господаря вызвал недовольство проосманской группировки валашских бояр, подстрекаемых давним противником Раду Мехмед-беєм, не оставлявшим надежды на захват власти в Валахии.

Вдохновляемая им группа враждебных господарю бояр в конце декабря 1528 г. организовала заговор с целью убийства Раду, который почувствовав опасность, попытался бежать вместе с сыном, возможно в Трансильванию. Но по пути оба были перехвачены в Рымнику Вылча в январе 1529 г. и убиты¹⁰⁶.

Начавшаяся после смерти Раду борьба боярских группировок вызвала внутривластную неустойчивость в Валахии. Господари, сменявшие в этот период друг друга на престоле почти через каждые два-три года, становились инструментом в руках боярства, являвшегося проводником интересов Порты в княжестве. В 30-е гг. XVI в. ослабевает влияние бояр Крайовеску, которые постепенно уходят с политической сцены, уступив в борьбе противостоящей партии и оставив ей в наследство политику соглашательства с султаном.

Пришедший в 1535 г. к власти Раду Паисий уступил Порте Браилу с прилегающей территорией, которая была превращена султаном в райят¹⁰⁷. Как и его предшественник Влад Винтила (1532–1535), Раду попытался получить помощь Габсбургов. Он договорился в 1543 г. с императором Фердинандом о совместных действиях против султана, пообещав отказаться от помощи Яношу Жигмонду¹⁰⁸. Но эта антиосманская акция стоила Раду престола¹⁰⁹.

В 1545 г. Порта назначила господарем Мирчу Чобану, сына Раду Великого. Мирча принял меры к тому, чтобы положить конец анархии в княжестве, ограничив политическое влияние крупного боярства. По его приказу в самом начале правления было убито 200 человек, в их числе — около 48 великих бояр¹¹⁰. Многие из бояр бежали в Трансильванию, откуда с помощью наемников предпринимали нападения на Валахию с целью изгнания Мирчи. В августе 1548 г. Мирча разгромил силы беглых бояр, которые на сей раз отступили в Браилу, рассчитывая получить помощь Порты¹¹¹. В ноябре 1552 г. претенденту на престол Раду Илие с помощью наемного войска удалось добиться устранения Мирчи, который был вынужден бежать к османам в Джурджу¹¹². Безуспешной была попытка Илие получить помощь Габсбургов¹¹³. С помощью султана и молдавского господаря Александра Лэпушняну в конце 1553 г. Мирча вернулся на валахский престол, но правил недолго. За связи с Габсбургами он был смещен султаном и заменен в 1554 г. Петрашку Добрым, сыном Раду Паисия¹¹⁴. Союз с боярством позволил Петрашку закрепиться на престоле. В 1556 г. он участвовал в антигабсбургских акциях по возвращению Яноша Жигмонда в Трансильванию.

После смерти Петрашку в 1557 г. валахский престол вновь занял Мирча Чобану. Большинство великих бояр бежало из Валахии. Вернув их в княжество с помощью обещаний, Мирча расправился с верхушкой правящего боярства и духовенства¹¹⁵. Часть враждебно настроенных по отношению к господарю бояр ушла в Трансильванию, к находившемуся там Раду Илие.

Смерть Мирчи (1559) привела к новому обострению борьбы боярских группировок в Валахии, в которой, с одной стороны, выступало среднее и мелкое боярство, заинтересованное в сильной господарской власти, с другой — крупные бояре, противники централизации. В период правления сына Мирчи Петра в господарский совет были введены представители среднего и мелкого боярства, а также сторонники проосманской политики, которые захватили наиболее важные посты в княжестве¹¹⁶.

В 1568 г. Порта назначила господарем другого сына Мирчи — Александра. Он продолжил борьбу против оппозиционных бояр, чем вызвал неоднократные их обращения к султану с просьбой о смене господаря. Но эти просьбы не нашли поддержки у Порты, которая рассчитывала на помощь Александра в подавлении освободительного движения под руководством молдавского господаря Иона Вóды.

В отличие от Молдавского княжества, в 70–80-е гг. XVI в. положение Валахии характеризовалось полным подчинением Османской империи. Сумма хараджа княжества выросла до небывалых размеров, увеличившись с 1568 по 1593 г. на 250%, в то время как благодаря освободительному движению под руководством Иона Вóды харадж Молдавского княжества держался в течение этого времени на уровне 1572 г., когда он составил 35 тыс. золотых¹¹⁷. В результате непрерывной борьбы боярских группировок в этот период сменяют друг друга на валашском престоле Михня Турчитул (1574–1583, 1585–1591) и Петр Черчел (1583–1585). Важную роль в политической жизни Валахии начинает играть боярская семья Бузешти, стремившаяся монополизировать управление княжеством. Бесконечные боярские заговоры приводили к ослаблению господарской власти. В 1583 г. при поддержке Франции и Венеции валашский престол получил Петр Черчел, послушно выполнявший волю султана. Вследствие происков Михни Петр Черчел был свергнут и впоследствии убит турками. Вернувшись на престол, Михня Турчитул оказался неспособным выполнить экономические обязательства перед султаном. Чтобы избежать судьбы Черчела, он перешел в мусульманство и стал управителем Никопольского санджака¹¹⁸.

Таким образом, в течение XVI в. усиливается подчинение Валахии османам. Продолжалось возрастание суммы хараджа княжества, закреплялась практика заложничества из числа близких родственников господаря и участия валашских отрядов в османских военных предприятиях.

Право султана на утверждение господаря становилось предлогом для постоянного вмешательства османов во внутренние дела княжества. Используя непрекращавшуюся борьбу боярских группировок за власть и поощряя ее, Порта при поддержке крупного валашского боярства проосманской ориентации возводила на господарский престол своих ставленников, становившихся орудием политики султана в княжестве и в международных отношениях. Все попытки отдельных господарей сменить внешнеполитическую ориентацию, в частности признать венгерский

сюзеренитет или заручиться поддержкой Габсбургов, оказывались безрезультатными. Проосманский курс валашского боярства, с которым господари были вынуждены считаться, позволял Порте держать под контролем положение дел в Валахии, полностью включив ее в сферу своих политических интересов.

УСТАНОВЛЕНИЕ ВАССАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ МОЛДАВСКОГО КНЯЖЕСТВА ОТ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Сложившаяся в первые два десятилетия XVI в. расстановка политических сил в Европе в условиях возросшей угрозы со стороны османов определяла значение Молдавского и Валашского княжеств в международных отношениях этого периода в Юго-Восточной Европе.

В конце XV в. для европейских стран стала вновь актуальной проблема создания коалиции против османов. Ее инициаторы — папа Александр VI и император Максимилиан I — придавали важное значение участию в ней Польши и Венгрии и действовали в этом направлении небезуспешно. В 1498 г. на имперский съезд во Фрайбурге прибыли венгерские и польские послы с просьбой о помощи их странам в планировавшихся действиях против султана¹¹⁹.

Включение Валахии с конца XV в. в сферу интересов политики Порты ставило перед правителями государств Европы настоятельную задачу привлечения к антиосманскому союзу Молдавского княжества. Выполнение ее возлагалось на Венгрию и особенно на Польшу.

В соответствии с договором 1499 г. молдавские дипломаты посредничали в урегулировании русско-литовского конфликта. В связи с этим состоялся обмен послами между Сучавой, Москвой и Вильно. Как явствует из наказа от 11 августа 1500 г. русскому послу в Крым И. Г. Мамонову с предписанием добиваться пропуска к господарю Штефану Н. Нардукова, в этом году в Москве находился молдавский посол Петр, который отбыл вместе с Н. Нардуковым. На обратном пути из Сучавы Н. Нардуков погиб¹²⁰. В том же году в Москву прибыли молдавские послы Ф. Исаев и дьяк Шандр с мирными посредническими предложениями Штефана¹²¹. Через Н. Нардукова и молдавских послов русское правительство извещало Штефана о нарушении великим князем литовским «докончания своего и крестного целования». С предложением о посредничестве молдавский господарь обратился и к Александру. В ответ в мае—июне 1500 г. Александр направил в Сучаву посла Богуша, который сообщил господарю о трудностях в переговорах и неуступчивости русского правительства¹²². Посланный Штефаном в Москву дьяк Константин, проезжая через Вильно, передал великому князю литовскому просьбу о соблюдении «докончания»¹²³.

В ходе выполнения своей посреднической миссии молдавский господарь должен был склонить русское правительство к участию в антиос-

манской коалиции. Дьяк Константин в посольских речах в Москве в августе 1500 г. излагал предложение Штефана: «Иоан Стефан воевода велел тебе говорить. Все королеве и все христианьски государеве, колько их суть, и все стороны западу и Италейских строн еднаются и готовяться и хотели бы напротив поган, и добро бы было и тебе со христианы мир имати и поспол со всеми христианьскими государи противьку поганьства стояти»¹²⁴.

Но миссия Штефана успеха не имела. Русско-литовский конфликт продолжался до 1503 г. Изменилась и международная ситуация в связи с заключением рядом европейских стран мирных соглашений с Портой. В этих условиях молдавский господарь вынужден был вновь примириться с султаном и уплачивать ему дань¹²⁵.

Порта придавала важное значение установлению контроля над Молдавским княжеством в реализации планов продвижения в Европу. Своему вассалу крымскому хану султан поручил защиту крепостей Килии и Белгорода, игравших стратегическую роль в утверждении Османской империи на Черном море¹²⁶. В письме к хану от 12 мая 1502 г. Баязид II писал: «Если ты сдержишь Молдову, у нас будет свободный путь во все части света»¹²⁷.

В то же время Польша и Венгрия прилагали усилия к тому, чтобы удержать Молдавское княжество в антиосманской коалиции. Но его господарь Штефан, видя бездеятельность стран-участниц, соглашался выступить против османов только в случае выполнения венгерским и польским королями положений договора 1499 г. Подчеркивая свою приверженность договору, Штефан писал в 1502 г. польскому королю Александру, что со времени его заключения «через наши земли не имела польская земля ни одну шкodu ни от турков, ни от татар»¹²⁸.

Однако интересы господствующих классов толкали Венгрию и Польшу на сближение с Османской империей. Как отмечалось выше, в 1503 г. венгерский король Уласло II заключил мир с султаном, а в следующем году в переговоры с ним вступил польский король Александр. В османо-венгерском договоре 1503 г. Молдавское княжество наравне с Валахией рассматривалось как зависимое от венгерской короны, продолжающее платить Порте дань, пешкеши и выполнять другие обязательства¹²⁹. Здесь проявилось явное стремление султана приравнять Молдавское княжество к Валахии, подчинив его путем усиления экономической зависимости. Уступая османам право экономической эксплуатации княжеств, Венгрия в то же время пыталась сохранить их в сфере своих политических интересов, фиксируя в договоре их зависимость от венгерской короны, что отвечало главной цели венгерских королей — не допустить полного подчинения княжеств Османской империи.

С этих позиций Венгрия действовала в своем соперничестве с Польшей из-за влияния на Молдавское княжество, выступала часто посредником в возникавших молдавско-польских конфликтах.

В 1504 г., когда после смерти Штефана III молдавский престол занял его сын Богдан III и в связи с этим в княжестве активизировались оппозиционные боярские группировки, поддерживавшие других претендентов на престол, польский король Александр I, не признавая Богдана господарем, предоставил убежище двум из этих претендентов, а также пытался склонить к антимолдавским действиям валашского господаря Раду Великого¹³⁰. Венгерский король Уласло II принял меры к тому, чтобы отвратить Александра от враждебных молдавскому господарю действий со стороны Польши. В письме к польскому королю Уласло писал, что в обстановке конфликта Богдан может попросить помощи у османов и татар и подчиниться султану¹³¹. Такой поворот в политике молдавского господаря был нежелателен и для Польши. В инструкции от конца октября 1504 г. польскому послу в Стамбул Б. Голавинскому предписывалось не допустить соглашения Богдана с Баязидом II¹³². Тем более что, заняв молдавский престол, Богдан направил логофета Тэута в Стамбул с данью к султану, который признал его господарем.

В первые годы правления Богдана отношения Молдавского княжества с Польшей оставались напряженными. Согласие господаря вернуть Польше завоеванную Штефаном III провинцию Покутье на условии бракосочетания с сестрой польского короля Елизаветой¹³³ не смягчило взаимоотношений между двумя сторонами. Не помогло здесь и посредничество папы Юлия II, поддерживавшего этот брак в интересах распространения католицизма¹³⁴. Когда стало ясно, что польский король нарушил договоренность в отношении брака, Богдан в конце сентября 1506 г. начал военные действия на территории Покутья, занял Коломью, Каменицу, вызвав ответное вторжение польских войск на территорию княжества¹³⁵.

В трудной для княжества обстановке молдавский господарь попытался воспользоваться сложной ситуацией, складывавшейся в Польше в связи с развертыванием движения в украинских и белорусских землях во главе с М. Глинским. В 1508 г. Богдан обратился за поддержкой к русскому правительству, которое сотрудничало в это время с руководителем антипольского восстания¹³⁶.

Напряженность в отношениях между Молдавским княжеством и Польшей продолжала сохраняться. В июне 1509 г. войска Богдана предприняли разорительный поход в польские земли, дошли до Львова и вернулись в княжество. Сигизмунд направил к венгерскому королю посла Ст. Горского с просьбой о помощи¹³⁷ и одновременно начал военные приготовления к походу на Молдавское княжество. Богдан, в свою очередь, также обратился к Уласло за поддержкой¹³⁸.

В конце августа многотысячное польское войско во главе с гетманом Н. Каменецким перешло Днестр и углубилось на территорию княжества до Сучавы. После неудачной осады молдавской столицы польские войска повернули обратно. Богдан сумел собрать лишь немногочисленные отряды, которые пытались нанести удар по отступавшим неприятельским частям¹³⁹.

При содействии венгерского короля Уласло II длительные переговоры между двумя сторонами привели к заключению в январе—феврале 1510 г. договора между Польшей и Молдавским княжеством. Главным аргументом венгерского короля в посреднических переговорах была опасность со стороны османов для Дунайских княжеств и Польши¹⁴⁰. Согласно договору, молдавский господарь и польский король взаимно обязывались не предпринимать враждебных акций в отношении друг друга. Богдан обещал не переходить на сторону султана. В случае наступления османов на молдавские земли и возможной потери престола Сигизмунд должен был предоставить господарю и его приближенным убежище в Польше и оказать помощь для возвращения в княжество. Богдан отказывался от планов женитьбы и аннулировал в связи с этим договоренность 1506 г. Польские и литовские купцы получали право свободной торговли в княжестве, молдавским торговцам предоставлялись такие же права в Польше. Была достигнута договоренность о взаимном решении пограничных споров¹⁴¹.

В июне 1510 г. в Буде в присутствии послов Богдана и Сигизмунда было объявлено о решении Уласло II по этим вопросам. Прежде всего, претендент на сучавский престол Петр удалялся из Польши. Молдавским жителям, перешедшим на польскую территорию, предоставлялось право вернуться в княжество или остаться на прежнем месте. Решение по вопросу о Покутье должна была вынести специальная комиссия из представителей Польши, Молдавского княжества и Венгрии¹⁴². Но претворение в жизнь этих условий затягивалось, в то время как разногласия между сторонами снова обострились. Происходит периодический обмен послами для выяснения взаимных территориальных споров, вопросов о таможенных сборах, о беглых людях¹⁴³.

В 1510 г. северо-восточные рубежи Молдавского княжества подверглись нападению крымских татар. Большой ущерб понесло княжество в результате татарского набега весной 1510 г. После разорительных походов в Польшу и Литву отряды татар в августе—сентябре этого же года вторглись на территорию княжества, подвергли ее жестокому опустошению, забрали в плен большое число жителей¹⁴⁴. Богдан обратился за помощью к польскому и венгерскому королям¹⁴⁵. Одновременно молдавский господарь направил посла к русскому правительству, чтобы склонить его к борьбе с татарами, предложив использовать против Менгли-Гирея его противника, последнего хана Большой Орды Ших-Ахмата, получившего убежище у властей Великого княжества Литовского¹⁴⁶. Но Московская Русь была занята назревающим конфликтом с Ягеллонами. В связи с этим Польша и Венгрия также не могли оказать Молдавскому княжеству необходимой помощи против татар.

Политические события 1510—1512 гг. в Османской империи, связанные с борьбой Селима со своим отцом Баязидом II из-за турецкого трона, осложнили положение Молдавского княжества.

Селим, недовольный тем, что Баязид завещал престол сыну Ахмеду, оставил санджак в Трапезунде и ушел в Каффу, где находился санджак его сына Сулеймана, будущего султана. Женив его на дочери крымского хана Менгли-Гирея, Селим намеревался использовать татар и военные силы Каффы в осуществлении плана достижения султанской власти¹⁴⁷. Первым этапом его реализации должен был стать захват крепостей Килии и Белгорода, которые могли бы служить Селиму важной стратегической опорой¹⁴⁸.

Концентрация Селимом военных сил вблизи границ Молдавского княжества вызывала беспокойство Богдана¹⁴⁹. Положение обострялось угрозой татарских нападений. Через посла вистьера Исака Богдан обратился за поддержкой к польскому королю Сигизмунду I, предлагая объединиться против татар в момент, когда они лишены помощи султана¹⁵⁰.

Отношение Сигизмунда к Молдавскому княжеству в этот период характеризовалось двойственностью. С одной стороны, в переговорах с Богданом он был готов к совместной борьбе с татарами, выражая намерение оказать военную помощь господарю и даже предупреждая его о новом готовящемся татарском нападении на княжество. В то же время Сигизмунд вел переговоры с ханом, пытаясь заключить с ним соглашение¹⁵¹.

Но планы Селима использовать Молдавское княжество в интересах борьбы за султанский престол не могли быть безразличны польскому и венгерскому королям. Уласло II намеревался помочь Богдану, направив своего человека в Москву вместе с молдавским и польским послами, чтобы склонить русское правительство к союзу против татар¹⁵².

Когда в апреле 1511 г. татары появились на границах Польши, Сигизмунд приказал концентрировать войска в Подолии. Он писал об этом Богдану и сообщал также об обещании венгерского короля прийти на помощь. Одновременно польский король извещал господаря о стремлении крымского хана заключить мир с Польшей¹⁵³.

Захват Селимом в мае 1511 г. Белгорода и Килии создал непосредственную военную угрозу для Молдавского княжества и вызвал серьезную тревогу у Польши и Венгрии. Сигизмунд отдал распоряжение старосте Подолии использовать имеющиеся военные силы для помощи Богдану в случае атаки со стороны Селима. Венгерский король собирал войска в Ораде, чтобы при необходимости двинуть их на поддержку молдавскому господарю¹⁵⁴.

Летом 1511 г. Богдан попытался вступить в переговоры с крымским ханом. Но прибывшие в Бахчисарай молдавские послы подверглись заключению¹⁵⁵.

Потерпев поражение от султанских войск 3 августа 1511 г. и узнав о том, что Баязид уступил трон другому сыну, Ахмеду, Селим двинулся с татарскими войсками к границам Молдавского княжества, чтобы создать благоприятные условия для прохода в Румелию, где, по всей вероятности, находились силы, необходимые для осуществления захвата власти в Стам-

буле. Такое развертывание событий ставило княжество в тяжелое положение. В августе—сентябре последовало новое вторжение татар. Молдавским войскам при поддержке немногочисленных польских и венгерских сил удалось отразить это нападение¹⁵⁶.

Несмотря на озабоченность и военные приготовления польского и венгерского королей в связи с действиями Селима и крымского хана¹⁵⁷, по существу их позиция в отношении Молдавского княжества оставалась пассивной. К тому же Уласло II вел переговоры с Портой о возобновлении османо-венгерского договора.

В этой обстановке Богдан решил ориентироваться на султана Баязида и принца Ахмеда, тем более что они проявляли заинтересованность в привлечении господаря на свою сторону с целью спутать расчеты Селима относительно Молдавского княжества. Об этом свидетельствует письмо Богдана Баязиду от сентября 1511 г.¹⁵⁸ Молдавский господарь извещал султана о положении в соседних странах; о почете, оказанном османскому послу в Буде, концентрации войск в Трансильвании и военных приготовлениях польского короля Сигизмунда; об угрозе княжеству со стороны татар и пленении ханом молдавских послов¹⁵⁹.

Ориентация Богдана на Баязида ослабляла позиции Селима. К тому же и в Валахии утвердился сторонник султана Нягое Басараб. В связи с этим в окружении Селима вынашивались планы свержения Басараба и замены его своим ставленником¹⁶⁰.

Складывавшаяся обстановка все больше побуждала Селима искать возможность для привлечения на свою сторону молдавского господаря. Внешнеполитические затруднения княжества, усугублявшиеся пассивной позицией Венгрии и Польши, а также децентрализаторские тенденции крупного боярства внутри страны заставляли Богдана, в свою очередь, идти на сближение с Селимом.

Сказалось и соседство войск Селима, расположившегося в Белгороде. Находясь в крепости, Селим грамотой от 25 января 1512 г. подтвердил Богдану пожалованные султаном Баязидом II права рыболовства в реках и озерах северной части бассейна нижнего Дуная, права на десятину и другие доходы с прилегающих земель¹⁶¹. Признанием за молдавским господарем этих экономических прав на территории, отторгнутой от княжества османами после завоевания ими в 1484 г. Килии и Белгорода, Селим хотел заинтересовать молдавского господаря в сотрудничестве с ним, сделать его союзником*. В этом плане важную роль сыграло содействие Селима в урегулировании отношений княжества с татарами. При его посредничестве в начале апреля 1512 г. Богдан начал переговоры с крымским ханом и установил с ним мир¹⁶³.

---

* Публикуя этот документ и обосновывая его дату, М. Чука подчеркивает его значение для доказательства того, что в 1512 г. мог быть заключен договор Богдана с Селимом, подтверждавший права и привилегии Молдавского княжества¹⁶².

Сближению молдавского господаря с Селимом способствовало и изменение к этому времени соотношения сил в Османской империи в борьбе за султанский престол. В марте 1512 г. Баязид помирился с Селимом и признал за ним все крепости от Каффы до Никополя включительно. В апреле Селим стал султаном¹⁶⁴. По случаю вступления его на престол в Стамбуле находились и молдавские послы, прибывшие с поздравлениями и дарами (пешкеши)¹⁶⁵.

Услуги, оказанные Селимом Богдану, обернулись для Молдавского княжества усилением экономической зависимости от Порты. В 1514 г. дань княжества османам составляла 8 тыс. золотых¹⁶⁶, увеличившись в два раза по сравнению с суммой, уплачивавшейся Штефаном III и Богданом III в начале правления.

Из-за переговоров Богдана с крымским ханом в 1512 г. стали напряженными молдавско-польские отношения, особенно после того, как в апреле татары атаковали польские пограничные земли. Сигизмунд обратился к господарю с просьбой о содействии в отражении татарского нападения. Богдан не отказал, но, имея мир с ханом, фактически против татар не выступил¹⁶⁷. В сентябре польский король откупился крупной суммой от татарского нападения и отряды татар вторглись на территорию Молдавского княжества, дошли до Ясс и, предав город огню, ушли¹⁶⁸.

В борьбе с татарской опасностью Богдан попытался получить поддержку русского правительства. В 1513 г. он дважды направлял с этой целью послов в Москву, но они были задержаны в Польше из-за военных действий под Смоленском¹⁶⁹.

Возросшая с утверждением на султанском престоле Селима I османская опасность привела к смягчению отношений Польши с Молдавским княжеством. Сигизмунд понимал, что стремление Селима подчинить княжество с помощью татар таит для Польши появление непосредственной угрозы османских нападений. В 1514 г., извещая Петрковский сейм о намерении султана низложить Богдана, король подчеркивал, что в случае осуществления этого плана владения Порты будут соприкасаться с польскими рубежами. В переговорах с Богданом польский король предлагал ему военную помощь, решение о предоставлении которой молдавскому господарю в случае необходимости было вынесено на Петрковском сейме¹⁷⁰.

Между тем Венгрия возобновила в 1513 г. мир с Османской империей¹⁷¹. Вслед за ней и польский король начал переговоры с султаном. В 1514 г. Сигизмунд направил в Стамбул посла Г. Крупского. По просьбе короля Богдан содействовал проезду посла через Молдавское княжество¹⁷². Временное улучшение молдавско-польских отношений сменилось в конце 1514 г. новой напряженностью, возникшей из-за пограничных недоразумений¹⁷³.

Обращение папы Льва X в 1517 г. к европейским странам с призывом покончить с разногласиями и соединить усилия для борьбы с османской

опасностью¹⁷⁴ поставило Польшу перед необходимостью преодолеть противоречия в отношениях с Молдавским княжеством и привлечь его к антиосманской коалиции. Внутривполитическая обстановка в княжестве, сложившаяся после смерти Богдана в 1517 г., благоприятствовала планам Польши. При несовершеннолетнем государе Штефэнице бразды правления в княжестве взяло крупное боярство, связанное сословными интересами с польскими феодалами.

В 1518 г. между Молдавским княжеством и Польшей был заключен договор. Польский король обязывался защищать княжество против султана, а также гарантировал государю Штефэнице и его брату Петру убежище в королевстве на случай потери престола. Молдавский государь со своей стороны брал обязательство не оказывать помощь противникам короля, в частности султану. Что же касалось участия княжества в предполагаемых общеевропейских действиях против Османской империи, то оно предусматривалось тогда, когда польский король перейдет со своими войсками Дунай. При этом за княжеством и его государем сохранялось включенное в договор 1499 г. право принять сторону османов в случае их военного превосходства¹⁷⁵.

Включение этого условия в договор свидетельствовало в какой-то мере о недоверии молдавского боярства к политике польских Ягеллонов и неуверенности в силе антиосманской коалиции. Опасение молдавского боярства оправдалось в самое ближайшее время. Причастность княжества к союзу против султана не могла не стать известной Порте. В августе 1518 г. отряды татар вторглись на молдавскую территорию, подвергли ее разорению, хотя и были разгромлены войсками государя Штефэницы в сражении близ реки Прут¹⁷⁶. О помощи княжеству со стороны Польши не было и речи. Сигизмунд готовился к свадьбе с миланской принцессой, в то время как татары вторглись и на польскую территорию, но также были разбиты¹⁷⁷.

Между тем обострились противоречия между странами антиосманской коалиции. В политической и дипломатической борьбе европейских стран доминировало соперничество между французским королем Франциском I и Максимилианом Габсбургом за гегемонию в Европе. После смерти последнего в 1519 г. все европейские государства были втянуты в борьбу Франциска I с Карлом Испанским за имперский престол, которая закончилась избранием на престол Карла V. Чтобы противостоять Габсбургам, французский король начал ориентироваться на союз с Османской империей. На призывы папы Льва X к борьбе с османами Франциск отвечал уклончиво¹⁷⁸, ибо в интересах Франции было поддержание фактора османской угрозы, которая могла бы сковывать активность Габсбургов в Европе. Такая перегруппировка государств существенно меняла европейскую ситуацию в ответственный для региона момент, когда Порта непосредственно приступала к реализации своих планов наступления на страны Центральной Европы.

Несмотря на все усилия Габсбургов и папы Льва X, планы антиосманской коалиции вновь оказались неосуществимыми. В условиях османской угрозы, соперничества Габсбургов и Ягеллонов за обладание венгерской и чешской коронами, король Венгрии Лайош II заключил в марте 1519 г. трехлетнее перемирие с Османской империей¹⁷⁹. Пункт договора, касающийся Валахии и Молдавского княжества, фиксировал сложившееся состояние отношений княжеств с Османской империей, оговаривая их зависимость от Порты уплатой дани, пешкешей и выполнением других обязательств. Но в этом документе, в отличие от договора 1503 г., среди перечисленных на стороне венгерского короля земель Молдавского княжества не было¹⁸⁰. Данным положением закреплялись в международном плане претензии османов на Молдавское княжество (в частности, их стремление уравнивать статус его и подчиненной Валахии), на невмешательство европейских стран в их отношения с Дунайскими княжествами. Не случайно послы Лайоша к Сигизмунду в марте 1519 г. подчеркивали существующую опасность подчинения Молдавского княжества Османской империи¹⁸¹.

Тем не менее складывавшаяся в регионе ситуация заставляла Венгрию и Польшу сохранять мирные отношения с Османской империей. При этом правители обеих стран старались не выпускать Дунайские княжества из сферы своих политических интересов. Такой курс в политике Ягеллонов определялся усилением после 1519 г. влияния на международной арене Габсбургов, претендовавших на венгерский и чешский престолы и поддерживавших Тевтонский Орден в борьбе против Польши. В 1520 г. Сигизмунд заключил союз с крымским ханом, позволивший польско-литовским и татарским отрядам осуществить успешные военные акции против Московской Руси¹⁸².

С утверждением в 1520 г. на султанском престоле Сулеймана I Порта приступила к активным наступательным действиям в Среднем Подунавье, воспользовавшись обстановкой в Европе, создавшейся в результате обострения противоречий между европейскими государствами. В 1521 г. Сулейман захватил важный в стратегическом отношении город Белград, а в 1522 г. направил свои силы против рыцарей-иоаннитов на острове Родос, угрожавших турецкому мореплаванию в Восточном Средиземноморье¹⁸³.

Опасность османского завоевания нависла над Венгрией. Римская курия снова стала призывать европейские страны к объединению для крестового похода против османов. Венгерская дипломатия прилагала усилия к тому, чтобы получить помощь европейских стран, прежде всего Габсбургов и Польши¹⁸⁴. Однако начавшиеся в 1521 г. в Италии военные действия между французским королем Франциском I и императором Карлом V сдерживали силы Габсбургов, лишая их возможности активного участия в совместных акциях против Порты. Исходя из своих интересов имперско-римская дипломатия развернула деятельность по созданию антиосманской коалиции на основе союза Венгрии и Польши, стремясь тем самым переложить на них задачу сдерживания натиска османов. Это выявилось

уже на имперском съезде в Нюрнберге (1522). Последующие встречи ряда европейских правителей в Вене (1522) и Винер-Нейштадте (1523) углубили разногласия между участниками по вопросу об организации отпора наступлению османов в Европе¹⁸⁵. Стало очевидно, что ни эти встречи правителей, ни призывы папы Адриана VI к объединению перед лицом османской угрозы не могли помочь Венгрии. В этих условиях польский король Сигизмунд попытался подключить Венгрию к миру, который имела с султаном Польша. Сигизмунд советовал Лайошу уладить конфликт с султаном мирным путем¹⁸⁶. Порта отвергла намерения Сигизмунда, организовав в 1524 г. нападение османско-татарских отрядов на польские пограничные земли¹⁸⁷. Не были склонны к миру с султаном и правящие круги королевства Венгрии. Несмотря на все старания, Сигизмунду не удалось присоединить Венгрию к трехлетнему перемирию, заключенному им с Портой в 1525 г.¹⁸⁸. Положение Венгрии усугубилось в связи с осложнением позиций Габсбургов в Европе. Французский король после поражения при Павии (1525) начал переговоры с Сулейманом I. Султан, со своей стороны, был заинтересован в европейском союзнике, при поддержке которого могли бы быть реализованы планы овладения плодородными территориями Среднего Подунавья. В мае 1526 г. Франции в союзе с Венецией и папой римским Климентом VII удалось создать антигабсбургскую коалицию, так называемую «Коньякскую лигу».

В этих условиях Габсбурги не могли оказать Венгрии обещанной помощи¹⁸⁹. Безрезультатными были и неоднократные обращения венгерского короля к папе римскому и английскому королю Генриху VIII¹⁹⁰. Международные трудности способствовали углублению социально-политического кризиса венгерской сословной монархии, приведшего в итоге к поражению при Мохаче (29 августа 1526 г.¹⁹¹).

С началом наступательных действий в Европе османы усилили давление на Молдавское княжество. В период подготовки похода на Белград Сулейман поручил крымскому хану атаковать польские рубежи, чтобы Польша не смогла оказать помощь Венгрии. Одновременно молдавскому господарю Штефэнице был послан указ выступить против Трансильвании¹⁹². Господарь всячески затягивал выполнение этого указа. Султан направил еще двух послов с тем же требованием¹⁹³. С последним из них в конце июля-августе господарь послал Сулейману письмо, в котором объяснял невозможность выступления против Трансильвании опасностью для княжества со стороны татар и Польши¹⁹⁴.

Усиление влияния османов в Валахии, захват султаном Белграда осложнили внешнеполитическое положение Молдавского княжества. Крупное молдавское боярство во главе с Лукой Арборе, тяготевшее к Польше, стремилось направить княжество в русло антиосманской европейской политики. Планы этой боярской группировки в данном случае соответствовали занятой господарем позиции лавирования. В декабре 1522 г. с посольством в Польшу отправился Лука Кыржэ. Задача посольства заключа-

лась в том, чтобы побудить польского короля активизировать деятельность по объединению европейских государств для борьбы с османами, дав понять, что Молдавское княжество готово принять в ней участие¹⁹⁵. Ответ Сигизмунда Штефэницы не содержал каких-либо конкретных предложений. Соперничество Карла V и Франциска I мешало объединению европейских сил для антиосманской борьбы. Сам польский король не без влияния Франции предпочитал мирные отношения с султаном.

Бегство части крупного боярства в Польшу после расправы Штефэницы в 1523 г. с заговорщиками, выступившими против усиления господарской власти, и отказ Сигизмунда выдать их молдавскому правителю привели к ухудшению молдавско-польских отношений. Но в условиях возрастания османской угрозы обе стороны были заинтересованы во взаимной поддержке. Когда в мае—июне 1524 г. султанские войска, совершив вместе с татарами нападение на Польшу, возвращались через Молдавское княжество, Штефэница нанес им поражение на реке Прут у местечка Тарасэуц¹⁹⁶. По предположениям молдавского господаря, Сигизмунд должен был расценить эту его акцию как готовность к совместным антиосманским действиям. Но Польша все больше склонялась к заключению мира с Портой.

Между тем положение Штефэницы осложнилось. В конфликте с валашским господарем Раду Афумац из-за женитьбы на дочери Нягое Басараба Роксанде, подогреваемом бежавшими в Валахию после 1523 г. молдавскими боярами, против Штефэницы был султан, которого Раду призвал на помощь¹⁹⁷. Боясь османских репрессий и не надеясь на поддержку Польши, молдавский господарь в начале 1525 г. направил послов к венгерскому королю с сообщением о султанских военных приготовлениях. В феврале 1526 г. в Буде снова был посол Штефэницы с известием, что Порта готова к выступлению против Венгрии¹⁹⁸.

Чтобы парализовать отношения Дунайских княжеств с Венгрией, султан приказал молдавскому господарю, как и валашскому, участвовать со своими силами в антивенгерской военной экспедиции.

В то время, когда Сулейман двинулся в поход против Венгрии, Штефэница располагался с войском вблизи польских границ. Такая позиция была удобна молдавскому господарю. Она позволяла ему объяснять султану свое поведение намерением соединиться с татарами для атаки на Польшу, чтобы она не могла оказать помощь венгерскому королю. Поэтому Штефэница проявлял заинтересованность в распространении слухов о подобных своих намерениях¹⁹⁹. Эти слухи особенно поддерживались Польшей, так как использовались ею как аргумент в объяснениях Лайошу II причин невозможности прийти на помощь Венгрии. Венгерскому же королю господарь сообщал через посла, что готовится отразить нападение татар на княжество²⁰⁰.

Таким образом, несмотря на требования султана, молдавский господарь, придерживаясь политики лавирования, не выступил со своими военными силами на стороне османов.

После 1526 г. в связи с изменением соотношения сил в Юго-Восточной Европе в результате поражения Венгрии при Мохаче и началом прямой конфронтации Габсбургов с Османской империей Порты все чаще стала пресекать попытки проведения государями такой политики, тем более установления контактов с ее противником. Несмотря на это, планы сотрудничества с Габсбургами продолжали вынашиваться и в Валахии, и в Молдавском княжестве, тем более что Венский двор прилагал для этого немалые усилия²⁰¹.

В начале января 1527 г. Фердинанд I направил к молдавскому господарю Штефэнице посла с поручением привлечь его на сторону Габсбургов²⁰². Но смерть Штефэницы в январе 1527 г. помешала планам Фердинанда.

Преемник Штефэницы Петр Рареш в интересах консолидации власти в начале своего первого правления (1527–1538) должен был быть послушным Порте. Рарешу пришлось согласиться на увеличение султаном дани с 8 до 10 тыс. золотых²⁰³.

Такая политика молдавского господаря диктовалась и общей международной ситуацией в регионе, сложившейся после Мохача, переходом большей части королевства Венгрии в руки вассала султана Яноша Запольяи, появлением османских войск под Веной в 1529 г.

В борьбе Фердинанда и Запольяи за венгерскую корону Рареш видел возможность расширить наследственные владения молдавских господарей в Трансильвании и тем самым усилить материальную базу господарства. С целью реализации этих планов и выяснения возможностей на первых порах он вел переговоры с обоими претендентами²⁰⁴. Вначале молдавский господарь ориентировался на Фердинанда, одержавшего победы над Запольяи²⁰⁵. Успехи Фердинанда в Венгрии и Трансильвании в 1527–1528 гг. заставили Запольяи бежать в Польшу. Отсюда в январе 1528 г. он направил в Стамбул посла И. Лаского, в итоге переговоров которого с султаном был заключен договор, обеспечивавший Запольяи османскую помощь в обмен на признание османского сюзеренитета с уплатой дани²⁰⁶.

Когда в 1529 г. Запольяи с помощью султана вернулся в Буду, Рареш заключил с ним в мае этого же года союз²⁰⁷. В соответствии с договоренностью, молдавский господарь начал военные действия в Трансильвании против сторонников Фердинанда, содействуя ее подчинению власти Запольяи²⁰⁸. За предоставление военной помощи Рареш получил от Запольяи согласие на присоединение к бывшим молдавским владениям в Трансильвании Унгураш, Бистрицу и Родну²⁰⁹.

Успешные акции Рареша в Трансильвании наряду с территориальными приобретениями, полученными от Запольяи, способствовали усилению его власти внутри княжества, укреплению его внешнеполитических позиций. Брак одной из его дочерей с валашским господарем Владом Винтилой²¹⁰ давал Рарешу возможность в определенной степени контролировать и внешнюю политику Валахии.

Все это создало для Рареша возможность приступить к выяснению отношений с Польшей в надежде на разрешение старых территориальных споров. В 1528 г. он вел безуспешные переговоры с польскими властями о проведении встречи представителей сторон в связи с пограничными конфликтами. Но главной целью Рареша было возвращение Покутья, уступленного Польше в 1505 г. Богданом III²¹¹.

Предвидя в этих обстоятельствах осложнения в молдавско-польских отношениях, Петр Рареш решил заручиться поддержкой соперника Ягеллонов — Московской Руси. Переговоры с русским правительством проводились в ходе интенсивного обмена послами. В конце 1528 г. молдавский господарь направил в Москву послов Думу Кузмича и Тому Иванова, которых в начале следующего года на обратном пути в Сучаву сопровождал русский посол К. Т. Замытский²¹². Польские власти пытались чинить препятствия проезду послов через литовские земли. Но в результате длительных переговоров великого князя Василия III с польским королем через русского посла в Литве Ф. Г. Афанасьева проезд послам был разрешен²¹³. Вместе с К. Т. Замытским в августе 1529 г. Рареш отправил в Россию своих людей Александра Кыржу и того же Тому Иванова. Молдавские послы были задержаны в Вильно и только после неоднократных обращений Василия III через послов к польскому королю Сигизмунду с указанием на неправомерность действий литовских властей, противоречащих «перемирным грамотам», в мае 1530 г. послы прибыли в Москву. В июне они отбыли обратно с русским послом в Молдавское княжество Ч. М. Карачаровым²¹⁴.

В августе 1530 г. Рареш просил польского короля уступить Покутье. Одновременно он обратился к султану Сулейману за разрешением начать военные действия против Польши и привлечь к ним татар²¹⁵. Получив отказ польского короля, господарь в декабре того же года занял Покутье. Эта акция Рареша встретила благосклонное отношение местного православного населения²¹⁶.

В ответ на требование Сигизмунда оставить Покутье молдавский господарь намекал на османскую помощь, вызывая в Польше подозрение, что его акция санкционировалась султаном. С целью выяснения отношения Порты к действиям Рареша Сигизмунд направил в апреле 1531 г. в Стамбул посла Я. Оцеского. Султан заверил польского посла в своем намерении сохранять мир с Польшей²¹⁷.

В международной ситуации, сложившейся в Центральной Европе после битвы при Мохаче, такая позиция отвечала основной задаче Порты в ее отношениях с Польшей — стремлению не допустить польско-габсбургского сближения. Политика Габсбургов в Центральной Европе, их планы, связанные с утверждением в Венгрии, заставляли Польшу со своей стороны сохранять мир с Османской империей.

Позиция султана в молдавско-польском конфликте из-за Покутья означала его молчаливое согласие с действиями Польши. Петр Рареш попытался наладить переговоры с польским королем и в ходе их обосно-

вать право Молдавского княжества на Покутье. В первой половине 1531 г. с этой целью он направил несколько послов в Краков²¹⁸.

В начале августа 1531 г. польские войска вытеснили молдавские гарнизоны из Покутья. Попытка Рареша вернуть эту область закончилась поражением молдавских войск при Обертыне (22 августа 1531 г.), причиной которого были не только поспешность действий господаря, но и предательская политика крупных бояр, недовольных его централизаторскими мерами по укреплению власти²¹⁹.

Но Рареш не смирился с поражением. Покутье на несколько лет становится ареной постоянных молдавско-польских столкновений. Предпринимавшиеся с обеих сторон попытки решения конфликта дипломатическим путем не имели успеха. В этих условиях Рареш снова начинает ориентироваться на Фердинанда. Чтобы заручиться поддержкой императора, в июле 1531 г. господарь направил к нему посла²²⁰.

В поисках решения вопроса о Покутье и молдавский господарь, и польский король обращались к султану; каждый оправдывал свои действия и добивался от Порты урегулирования конфликта в свою пользу²²¹. Во время пребывания польских послов в Стамбуле в 1531, 1532 и 1533 гг. и переговоров с ними султан стремился представить дело так, что Рареш действовал без его ведома, и обещал Польше уладить конфликт с Молдавским княжеством²²².

В то же время Сулейман использовал сложившуюся ситуацию для усиления нажима на княжество с целью его подчинения. При этом султан недвусмысленно добивался признания со стороны Польши исключительной зависимости Молдавского княжества от Османской империи. Османские дипломаты в ходе переговоров с польскими послами представляли и молдавского, и валашского господарей как «данников и рабов» султана, не имеющих права на сношения с другими государствами без разрешения Порты*. Так утверждал и Сулейман I в письме к польскому королю Сигизмунду I в 1531 г., подчеркивая свою власть над Дунайскими княжествами²²⁴.

Польша пыталась отстоять свои права сюзерена на Молдавское княжество, хотя и не могла открыто противостоять султану. Польский король, играя на претензиях османов, внушал Порте необходимость замены на господарском престоле Рареша как нарушившего вассальные обязательства²²⁵. В османско-польский договор 1533 г. было включено условие, обязывавшее польского короля не предоставлять убежище молдавскому и валашскому господарям в случае их выступления против султана и не разрешать привлечение наемников и покупку оружия в Польше²²⁶.

---

* На эти утверждения османов ссылались ученые, считавшие, что в 1529 г. Петр Рареш заключил с султаном договор, оформлявший вассальное положение Молдавского княжества в системе Османской империи²²³, хотя достоверных свидетельств о существовании такого договора в источниках нет.

Будучи занят ближневосточными делами, Сулейман не спешил с разрешением конфликта, так как продолжение его отвлекало Польшу от сотрудничества с Габсбургами и в то же время позволяло султану усиливать нажим на Молдавское княжество.

В условиях польско-османских переговоров 1532 г. господарь попытался установить прямые контакты с польской стороной²²⁷.

Одновременно Рареш активизирует свои отношения с Москвой. Поскольку вооруженный молдавско-польский конфликт надолго закрыл послам Рареша и Василия III путь через польские и литовские земли, обмен послами происходил через Крым. Русское правительство ходатайствовало перед крымским ханом о свободном пропуске через его территории послов из Москвы и Сучавы, в то же время склоняя хана к поддержке молдавского господаря.

Г. В. Гонца считает, что с привлечением Крыма к молдавско-русскому союзу была создана антиягеллонская коалиция²²⁸. На наш взгляд, нет достаточных оснований для такого вывода. Речь может идти о заинтересованности сторон в сотрудничестве друг с другом в конкретной ситуации. Едва ли можно говорить о реальном плане совместного выступления союзников против Ягеллонов, как это делает Г. В. Гонца, ссылаясь на грамоту Саадат-Гирея к Василию III от ноября 1531 г., в которой хан писал: «И ты с тое стороны, а волохи со своей стороны, а мы со своей стороны придем»²²⁹. Скорее всего в словах хана заключена угроза в адрес Литвы, нерегулярно уплачивавшей дань, что являлось главной причиной усложнившихся отношений между Крымом и Польско-литовским государством. Политические интересы крымского хана оставались в сфере политики Порты. Не случайно уже в 1532 г. Крым заключил антимосковский союз с Сигизмундом²³⁰. В начавшейся в 1534 г. литовско-московской войне крымские татары участвовали вместе с польско-литовскими войсками в походах на земли Московской Руси²³¹.

Осенью 1532 г. вместе с посланным в Сучаву И. Елизаровым прибыл в Москву молдавский посол Южко с грамотой Петра Рареша, в которой господарь просил Василия III, поскольку «князь великий с литовским королем с Жигмонтом в перемирье», «чтобы великий государь пожаловал послал к турецкому салтану, чтобы великого ради государя Василия Ивановича турецкий салтан оборонил его от литовского короля Жигмонта»²³². В июне 1533 г. Южко вместе с Ф. Леонтьевым отбыл в Сучаву²³³.

Конфликт Рареша с Польшей в международных условиях 30-х гг. XVI в. логически должен был привести его к переходу на антиосманские позиции. Заключение Сигизмундом в 1533 г. «вечного» мира с Портой²³⁴ в то время, когда продолжался молдавско-польский конфликт из-за Покутья, придало действиям господаря антисултанскую направленность. В ходе польско-османских переговоров Сулейман под влиянием своего советника венецианца Алоизио Гритти высказался за свержение Рареша²³⁵. С началом в 1534 г. литовско-московской войны, польский король

стал опасаться, что молдавский господарь по договоренности с русским правительством может одновременно атаковать Покутье и побудить к выступлению татар²³⁶. Действительно, в 1535 г. имели место нападения молдавских отрядов на польские земли²³⁷.

Между тем международная ситуация изменилась. Султан Сулейман, занятый войной с Ираном, не без содействия Сигизмунда заключил в 1533 г. долговременное перемирие с Фердинандом. В рамках этого договора предполагалось урегулирование отношений между Фердинандом и Запольяи, добиваться которого должен был по поручению султана Гритти²³⁸. Однако османский эмиссар воспользовался этим обстоятельством для осуществления личных планов, имевших цель добиться власти в Трансильвании и, возможно, в Дунайских княжествах²³⁹. В 1534 г. трансильванские феодалы при содействии Рареша организовали убийство Гритти.

Хотя господарь и поспешил написать Сулейману об обстоятельствах убийства его эмиссара²⁴⁰, но одновременно начал поиски союзника. Боязнь султанского гнева, позиция османов в вопросе о Покутье определили решение молдавского господаря сотрудничать с Габсбургами. Используя занятость султана военными действиями в Иране, 4 апреля 1535 г. Рареш заключил антиосманский договор с Фердинандом, признав себя его вассалом²⁴¹. В обмен на обязательство участвовать в военных действиях против османов Рареш закреплял свои владения в Трансильвании. Фердинанд обещал молдавскому господарю дипломатическую поддержку в урегулировании отношений с Польшей. Чтобы освободить своего вассала от длительного конфликта, Фердинанд пытался добиться установления молдавско-польского мира²⁴².

В ходе продолжавшегося обмена посольствами с Московской Русью молдавский господарь начинает просить русское правительство о посредничестве в заключении мира с Польшей. Уже во время предварительных русско-польских переговоров в июле—ноябре 1536 г. литовскому гетману Ю. Н. Радзивилу была передана просьба к королю, «чтоб и с Петром воеводою волошским велел оружие положить на время»²⁴³. В 1537 г. польским послам, находившимся на переговорах в Москве, было сказано: «Государь наш велел вам говорить. И Жигмонт бы король и Петра воеводу учинил с собою в перемирье; а государь наш пошлет к нему своего человека, чтоб Петр воевода послал к Жигмонту королю о перемирье»²⁴⁴. Русскому послу В. Г. Морозову, отправлявшемуся в апреле 1537 г. в Литву для утверждения договорных грамот, предписывалось добиваться у короля примирения с Рарешом²⁴⁵.

Сулейман также предпринял попытку привлечь господаря на свою сторону, обещая ему прощение за участие в убийстве Гритти и благоприятное для княжества решение проблемы Покутья, если он выступит с войском против Габсбургов²⁴⁶. Но Рареш, вступив в 1537 г. в отношения с императором Карлом V, укрепил свои антиосманские позиции²⁴⁷ и продолжал войну с Польшей.

Складывавшаяся в это время в Европе международная обстановка благоприятствовала планам молдавского господаря. Создание Священной лиги в результате заключения Францией и Габсбургами договора в июне 1538 г. открывало возможности для европейских антиосманских действий в момент, когда султан был отвлечен продолжающимся конфликтом с Ираном²⁴⁸.

На сторону Габсбургов стал склоняться и Янош Запольяи, также как и Рареш, боявшийся расплаты за смерть Гритти. В феврале 1538 г. Запольяи заключил мир с Фердинандом, предусматривавший возвращение венгерской короны Габсбургам после смерти Запольяи²⁴⁹. Аннулируя договор 1528 г. между Сулейманом и Запольяи, этот мир создавал условия для включения Венгрии в сферу влияния Габсбургов.

В этом контексте европейской международной политики договор Рареша с Фердинандом от 1535 г. и попытки Габсбургов привлечь к Священной лиге Польшу рассматривались Сулейманом как непосредственная угроза интересам Порты. Используя в качестве предлога причастность Рареша к убийству Гритти, султан предпринял в 1538 г. военную экспедицию в Молдавское княжество. Планы Порты поддерживались польским королем. В августе 1538 г., накануне вторжения османов, Рареш попытался договориться с Сигизмундом I²⁵⁰.

Между тем осложнилось положение господаря внутри княжества. Недовольное сильной господарской властью боярство просило султана о замене Рареша. Усилилась группировка проосманской ориентации молдавских бояр, выступавших против сотрудничества господаря с Габсбургами. К неодобрению боярством призыва в господарское войско зависимых крестьян²⁵¹ добавилась боязнь поражения в борьбе с османами, которое могло привести к превращению Молдавского княжества в пашалык и, следовательно, ущемлению сословных интересов господствующего слоя бояр. Слухи о намерении султана преобразовать княжество в «территорию ислама» широко распространялись османами²⁵². Это способствовало тому, что оппозиционно настроенные по отношению к Рарешу бояре стали сноситься с Портой, жалуясь на господаря и требуя его смещения²⁵³.

В сентябре 1538 г. султан во главе огромной армии вторгся в Молдавское княжество. Одновременно восточные границы княжества атаковали татары, а с севера наступали польские войска²⁵⁴. Первоначальные военные действия Рареша были успешными. Он одержал победу над перешедшими Днестр татарскими отрядами на реке Прут, в местечке Штефэнешти, и направил силы на север, чтобы противостоять польским войскам и, добившись перемирия с Польшей, сосредоточиться на отражении османского нападения. Неудача под Хотинном заставила польского короля пойти на перемирие. Но в это время крупное молдавское боярство предало господаря, скрыв факт вступления султана на территорию княжества. Когда Рареш узнал об этом, османские войска были уже под Сучавой, где боярство с согласия Порты возвело на прес-

тол нового господаря Штефана Лакусту. Рарешу пришлось покинуть княжество²⁵⁵.

Предательство крупного боярства, отсутствие помощи со стороны антиосманской коалиции предопределили подчинение Молдавского княжества Османской империи. В столице княжества Сучаве расположился османский гарнизон. Султан захватил значительные территории между Прутом и Днестром. Буджак был присоединен к Белгороду, где обосновались татары. Тигин, переименованный после постройки османами новой крепости в Бендеры, с прилегающими к нему землями составил османский райят²⁵⁶.

После 1538 г. Порта сохранила в Молдавском княжестве, как и в Валахии, государственность и автономное управление, установив такие формы вассальной зависимости, которые позволяли ей извлекать в свою пользу наибольшие экономические, политические и военные выгоды. Султан стал вмешиваться во внутренние дела княжества, прежде всего в вопросы занятия господарского престола. Используя противоречия между боярскими группировками и всячески способствуя их разжиганию, Порта поддерживала удобного себе претендента на господарство, все чаще прибегала к назначению господаря без его выбора, хотя и формального, местным боярством. Со времени вступления на престол Штефана Лакусты входил в практику вызов господаря в Стамбул для вручения султаном фермана на правление при уплате мукарера и знаков власти (знамени, кафтана и т. д.).

Усилилась экономическая зависимость княжества, росла сумма хараджа. Становится правилом посылка господарем заложников в Стамбул из числа родственников. Постоянный характер приобрело участие молдавского господаря с войском в османских военных походах.

Экспедиция Сулеймана в Молдавское княжество оказала влияние и на расстановку сил в европейской международной политике. Успехи османских войск ускорили распад антиосманской коалиции. После разгрома союзного флота в Превесе (28 сентября 1538 г.) и заключения Венецией нового договора с Портой европейские действия против султана практически прекратились. 21 октября 1540 г. Священная лига заключила мирный договор с Османской империей. Османская кампания 1538 г. способствовала разрыву мира между Фердинандом и Запольяи и возобновлению конфликта в борьбе за венгерскую корону. Поддерживая кандидатуру Яноша Жигмонда, преемника Запольяи, султан начал длительную войну против Фердинанда.

Овладение османами Будой (29 августа 1541 г.), образование на завоеванных землях в Центральной Венгрии эялета Будин и вассального султана Трансильванского княжества укрепили османские позиции в Европе, создали препятствие для габсбургско-венгерского объединения и связей Габсбургов с Дунайскими княжествами. Следствием этого было усиление контроля Порты за внешнеполитическим поведением господаря²⁵⁷.

Попытка Александра Корни, занявшего молдавский престол после убийства боярами Штефана Лакусты, получить помощь Габсбургов, чтобы вернуть захваченные султаном территории княжества, не имела успеха²⁵⁸. Султан вернул в Молдавское княжество в 1541 г. Петра Рареша с условием увеличения хараджа до 12 тыс. золотых²⁵⁹, сохранения османского гарнизона в Сучаве, присылки сына Илиаша в Порту в качестве заложника и признания территориальных изменений 1538 г. Рареш должен был участвовать со своим войском в османских экспедициях в Трансильванию в 1541 и 1542 гг. с целью возведения на престол Яноша Жигмонда.

Имея в виду враждебную политику польских феодалов, Рареш в 1543 г. возобновил связи с русским правительством, на денежную помощь которого господарь рассчитывал в условиях возраставших требований Порты²⁶⁰. Несмотря на подчинение султану, Рареш не отказался от освободительных планов. В период подготовки Габсбургами в 1542 г. военной кампании с целью освобождения Буды молдавский господарь снова вступает в отношения с ними. В марте 1542 г. Рареш заключил секретный договор с Иоахимом Бранденбургским, который по поручению Фердинанда должен был возглавить антиосманские действия. Молдавский господарь обязался предоставить войска и денежный заем в 200 тыс. флоринов, а также информировать о движении султанских войск²⁶¹. Но недостаточная организация войск, медлительность и неспособность Иоахима возглавить кампанию привели ее к неудаче. Рареш оставил мысль об освобождении.

Внутреннее положение в Молдавском княжестве при преемниках Петра Рареша, его сыновьях Илиаше (1546—1551) и Штефане (1551—1552), также характеризовалось неустойчивостью, сопровождавшейся ростом экономических и политических требований Порты. В этих условиях попытка Илиаша обложить налогом крупное боярство и духовенство для выполнения обязательств перед султаном вызвала их оппозицию. Недовольные бояре эмигрировали в Польшу, где стали готовить поход в княжество с целью устранения Илиаша с престола. Господарь попытался получить поддержку Габсбургов, но они связывали свои планы с другим претендентом на молдавский трон — Ароном. Илиашу ничего не оставалось, как послушно выполнять требования Порты. В его правление на княжество были возложены повинности по ремонту и перестройке османских крепостей. В 1550 г. в Стамбул было отправлено, помимо хараджа, 5 тыс. дукатов, а также подарки из золотых и серебряных изделий для османских сановников. В следующем году, направляясь к султану для переутверждения на престоле, Илиаш, кроме даров, взял с собой еще 1 тыс. дукатов. Сулейман I уговорил Илиаша принять ислам, пообещав в управление один из санджаков империи. Согласившись на предложение султана, Илиаш оставил княжество и стал пашой Силистрии²⁶².

Ферман на правление в Молдавском княжестве и знаки власти султан передал другому сыну Петра Рареша — Штефану. Отмена им налогов на боярские и монастырские владения несколько успокоила оппозицию

в княжестве. Но эмигрировавшие в Польшу бояре просили короля возвести на молдавский престол польского ставленника и принять княжество под свой протекторат. Хотя Сигизмунд II Август, избегая осложнений в отношениях с Портой, отказал молдавским боярам в просьбе, на деле польские власти не препятствовали их действиям против господаря²⁶³. Штефан должен был покорно исполнять вассальные обязательства перед султаном. При нем харадж Молдавского княжества вырос до 17 тыс. золотых. Оппозиционные бояре стали обвинять господаря в намерении последовать примеру брата Илиаша и принять ислам, чтобы превратить княжество в османский пашалык.

По примеру своего предшественника Штефан также вел тайные переговоры с Габсбургами. Поскольку их власти в этот период была временно подчинена Трансильвания, он через своих послов просил императора о возвращении молдавских владений Чичейул и Четатя де Балтэ, обещая выступить против султана. Господарь предложил имперскому генералу Кастальдо план совместных антиосманских действий²⁶⁴. По поручению Порты Штефан Рареш должен был в 1551 и 1552 гг. принять участие в военных действиях против сторонников Фердинанда в Трансильвании. Эти акции Штефана и переход его брата Илиаша на службу к султану усилили сомнения Габсбургов в искренности предложений молдавского господаря. По распоряжению Кастальдо Штефан был убит боярами, сторонниками польского претендента на молдавский престол Александра, который в результате борьбы между различными боярскими группировками в 1552 г. стал господарем.

В интересах укрепления своего положения в княжестве Александр, прозванный Лэпушняну, попытался получить поддержку польского короля. Но Сигизмунд II Август направил в 1554 г. в Стамбул посла для возобновления договора с Портой. Польский король подтверждал отказ от сюзеренных прав на Молдавское княжество, обязывался выдать бояр-эмигрантов и не принимать в последующем беглых из княжества. Султан обещал прекратить набеги молдавских отрядов на польские земли²⁶⁵.

Не получив поддержки польского короля, Лэпушняну вынужден был покориться османам. При утверждении его на престол Порты подняла сумму хараджа до 30 тыс. золотых, заложником в Стамбул был отправлен его сын, в столице княжества расположился корпус янычар, господарь должен был выставлять отряды для участия в османских походах²⁶⁶. В 1556 г. молдавские отряды вместе с валашскими участвовали в составе османских войск в военных действиях по возведению на трансильванский престол Яноша Жигмонда. За верную службу султану Лэпушняну получил в 1558 г. два молдавских феода в Трансильвании²⁶⁷.

Меры господаря по укреплению центральной власти привели к конфликту с боярством. Последовали движения бояр, пытавшихся заручиться поддержкой Габсбургов или Польши. В 1560 г. бояре и духовенство направили к Фердинанду послов с просьбой возвести на господарский престол

претендента Деспота²⁶⁸. Сам Лэпушняну в начале своего правления вел переговоры в 1552—1553 г. с Кастальдо о совместных действиях против султана при условии возвращения молдавских владений Чичейул и Четатя де Балтэ²⁶⁹. Политическая неустойчивость и тяжелое экономическое положение княжества заставляли господаря искать союзников. Лэпушняну неоднократно обращался к русскому правительству за помощью деньгами и товарами для выполнения обязательств перед Портой²⁷⁰.

В 1561 г. с помощью Габсбургов, а также при поддержке протестантских немцев и поляков молдавский престол получил находившийся при дворе Лэпушняну грек Якоб Деспот²⁷¹. Но он не оправдал надежд императора, который рассчитывал сделать его своим агентом в Юго-Восточной Европе²⁷². Необходимость утверждения господарства султаном и проведения мер по консолидации власти в княжестве вынудили Деспота подчиниться Порте. Чтобы выплачивать тяжелую дань султану и выполнять обязательства перед Габсбургами, господарь должен был проводить жесткую финансовую политику, которая вызвала недовольство не только народных масс, но также боярства и духовенства. В ноябре 1563 г. в результате заговора бояр во главе со Штефаном Томшей Деспот был убит. Попытка Томши закрепиться на престоле не имела успеха. В 1564 г. Порта вновь назначила господарем Лэпушняну. Его второе правление характеризовалось тяжелым экономическим положением княжества, вызванным непосильными султанскими требованиями и военными опустошениями, предшествовавшими его воцарению²⁷³. Порта увеличила финансовые обязательства княжества, усилила контроль за внешней политикой господаря. По приказу султана Лэпушняну вынужден был скрыть укрепления нескольких молдавских крепостей. Столица княжества из Сучавы была переведена в малоукрепленный город Яссы, расположенный ближе к Бендерскому санджаку. В 1568 г. Лэпушняну умер. Его преемник Богдан (1568—1572) признал себя вассалом польского короля²⁷⁴. Конфликт с недовольными его политикой боярами, просившими султана об отставке господаря, привел к смещению Богдана. Он вынужден был бежать в Польшу, затем нашел убежище у Габсбургов, а впоследствии — у русского царя²⁷⁵.

Последние десятилетия XVI в. в Молдавском княжестве отмечены нарастанием освободительных стремлений. Поражение турок при Лепанто (1571) способствовало антиосманским настроениям в княжестве. Наряду с попыткой получить помощь извне господари стремились опереться на освободительное движение внутри княжества. В 1574 г. такое движение возглавил господарь Ион Вóда. Отказавшись от уплаты повышенной дани Порте, он начал подготовку к борьбе с султаном. Главной его опорой были отряды служилых и ополченцев из крестьян и горожан. На стороне Иона Вóды выступили вначале и бояре. Просьбы Иона к Польше и Трансильвании о поддержке остались без ответа. На помощь господарю пришли отряды запорожских казаков во главе с гетманом Иваном Сверчевским²⁷⁶.

Весной 1574 г. назначенный султаном на молдавский престол Петр Хромой вместе со своим братом валашским господарем Александром II Мирчей во главе осmano-валашских войск вступил в Молдавское княжество. Успехи войск Иона и казаков обеспокоили султана Селима. Против восставших было направлено многочисленное войско, которое должно было соединиться с татарами, получившими приказ вторгнуться с востока. В решающем сражении у Кагульского озера 10 июня 1574 г. бояре предали Иона Вóду. Оказавшись в трудном положении, Ион вынужден был сдаться, доверившись обещаниям османов сохранить жизнь ему и его сподвижникам. Мятежный господарь был казнен султаном, а княжество подверглось страшному разорению²⁷⁷.

В годы правления Петра Хромого (1574–1579, 1582–1591) внутривполитическая неустойчивость в княжестве становится постоянной. Усилилось османское господство, приведшее к росту освободительного движения, которое поддерживалось военным сотрудничеством с казачеством. Активности запорожского казачества в 70-е гг. XVI в. способствовала внешнеполитическая позиция России, связанная с военными действиями против Крыма. В этих условиях русское правительство было заинтересовано в поддержке запорожцев, помогало им снаряжением и продовольствием. Но к планам России не имели отношения многочисленные походы казаков в Молдавское княжество в последних десятилетиях XVI в.²⁷⁸.

Прибывавшие в княжество запорожские казаки участвовали в освободительных восстаниях, в которых находил выход и социальный протест народных масс, задавленных тяжелым налоговым бременем, вызванным ростом экономических требований Порты. Наибольший размах имело в конце 1577 — начале 1578 г. движение под руководством Ивана Подковы, выдававшего себя за брата Иона Вóды. Освободительной борьбой пытались воспользоваться появившиеся в это время многочисленные претенденты на молдавский престол, в том числе и из народной среды, которые выдавали себя за близких родственников Иона Вóды. Антиосманская программа претендентов обеспечивала им поддержку казачества и широких народных масс княжества²⁷⁹.

Итак, в первой четверти XVI в. внешнеполитическое положение Молдавского княжества и его отношения с Османской империей в большей мере, чем в предыдущий период, зависели от международной обстановки, складывавшейся в юго-восточном регионе. Используя разногласия между европейскими государствами, османы после успешных завоеваний на Ближнем Востоке начали осуществление планов наступления в Юго-Восточной и Центральной Европе.

В проектах создания европейской антиосманской коалиции определенная роль отводилась Дунайским княжествам, участию Молдавского княжества, как и Валахии, в действиях против османов. Порты, в свою очередь, придавала важное значение установлению контроля над Молдавским княжеством, использованию его потенциала в противоборстве с Габс-

бургами. Венгрия и Польша, исходя из собственных целей утверждения в регионе и соперничая друг с другом из-за влияния в Молдавском княжестве, прилагали усилия к тому, чтобы удержать его в сфере интересов антиосманской политики, не допустить подчинения османам.

В этих внешнеполитических условиях молдавские господа использовали возможности для лавирования между соперничавшими сторонами, чтобы, уплачивая дань султану, проводить самостоятельную политику и избежать подчинения княжества Османской империи. Но Порта стремилась приравнять положение в системе империи Молдавского княжества к вассальной Валахии, закрепить свои претензии в международном плане, что прослеживается по османо-венгерским договорам 1503 и 1519 гг., требовала от молдавских господарей повышенной дани, направляла им распоряжения о выполнении различных служб, в частности военной, что вело к оформлению молдавско-османских вассальных отношений.

Давление Порты на Молдавское княжество возросло после 1526 г., когда в результате распада Венгерского королевства вследствие поражения при Мохаче в соотношении политических сил в Юго-Восточной и Центральной Европе позиции османов стали преобладающими.

Султанский поход 1538 г. на Молдавское княжество привел к усилению его зависимости от Порты, ускорил оформление османского сюзеренитета в княжестве. Наряду с уплатой возрастающей суммы хараджа, становятся обязательными для господара посылка из числа ближайших родичей заложников в Стамбул, выступление с войском по требованию султана для участия в османских походах.

В условиях поощряемой османами внутривассальной борьбы между боярскими группировками за власть Порта все чаще вмешивается во внутренние дела княжества, превращая практику утверждения господара в ритуал прямого назначения на престол своего ставленника с вызовом в Стамбул для вручения знаков власти, контролирует внешнюю политику господара, ограничивая эту сферу его деятельности интересами своей политики.

Установлению вассального статуса Молдавского княжества способствовало усиление позиций османов в Юго-Восточной и Центральной Европе в 30–40-х гг. XVI в. Международная ситуация в регионе позволила султану, используя также внутривассальную обстановку в княжестве, к середине XVI в. закрепить вассальные отношения и на их основе фактически подчинить себе Молдавское княжество, хотя и сохранявшее внутреннюю автономию в системе Османской империи.

Во второй половине XVI в. под влиянием ряда внутренних причин, а также факторов внешнеполитического порядка, определявшихся международной обстановкой в Юго-Восточной Европе, вассальная зависимость княжества от османов усиливается. Вмешательство Порты в его внутренние дела вызывало обстановку политической неустойчивости в стране, усугублявшей тяжелое экономическое положение, создававшее

еся в результате роста османских требований. В то же время рост политического и экономического давления со стороны султана вызывал в княжестве антиосманские настроения, которые особенно отчетливо проявились в освободительном движении 70–80-х гг. XVI в.

* * *

Итак, конец XIV — первая треть XVI в. в отношениях Дунайских княжеств с Османской империей были периодом, когда формировались те тенденции во взаимоотношениях между ними, которые в складывавшейся под влиянием османских завоеваний международной ситуации в Юго-Восточной Европе, а также внутривосточной обстановки в самих княжествах привели к установлению их вассальной зависимости от султана.

В условиях распространения экспансии османов на Балканы Валахия с 1417 г., а Молдавское княжество с 1455 г. вынуждены были согласиться на уплату Порте дани. От состояния данничества, когда уплатой дани достигались мирные отношения с султаном, княжества в течение XV — первой трети XVI в. перешли в положение вассалов Османской империи. Сказались здесь не только международные факторы. Отрицательную роль в конечном итоге сыграла внутривосточная неустойчивость в княжествах, вызывавшаяся борьбой боярских группировок за власть, и, как следствие, вмешательство в их дела соседних государств (в первую очередь Османской империи), к помощи которых прибегали соперничавшие за престол партии бояр.

Несмотря на отдельные успехи в борьбе с османами, которую вели в конце XIV — середине XV в. господаи Мирча Старый и Влад Цепеш, в обстановке султанских завоеваний на Балканах во второй половине XV в. и сложившегося соотношения политических сил в Европе Валахское княжество, все более вовлекаясь в сферу османской политики, становится к концу XV в. вассальным султану. Этому способствовала и политика крупного валахского боярства, ставшего на путь соглашательства с Портой с целью защиты своих сословных привилегий в условиях централизации и укрепления господарской власти. Первым проявлением такой политики валахских бояр было их выступление против господаря Влада Цепеша во время похода султана Мехмеда II в Валахию в 1462 г.

В последующем союз с османами становится основной программой крупного валахского боярства. Результатом проосманского политического курса боярского рода Крайовеску, добившегося административной самостоятельности путем создания баната в Олтении с центром в г. Крайове и ставшего в XVI в. важной политической силой в княжестве, было дальнейшее укрепление позиций Порты в Валахии, усиление вассальной зависимости княжества от Османской империи. Политика валахских господарей, вынужденных считаться с ролью крайовских бояр, с начала XVI в. полностью подчиняется интересам султана.

В отличие от Валахии Молдавское княжество во второй половине XV в. сохраняло независимость. Удавалось это в значительной мере благодаря внутренней консолидации, связанной с укреплением центральной власти в период правления господаря Штефана III Великого. Хотя Штефан и вынужден был платить дань султану, однако он сумел избежать подчинения княжества османам. Обладая незаурядными дипломатическими способностями, молдавский правитель строил свою внешнюю политику, исходя из складывавшейся международной ситуации в Юго-Восточной Европе. При этом ему приходилось учитывать как планы Порты в регионе, так и расчеты Польши и Венгрии в отношении Молдавского княжества в их борьбе с Османской империей, что заставляло его постоянно лавировать между ними. Такая политика позволяла Штефану осуществлять успешные антиосманские военные акции, способствовавшие сохранению независимости княжества и упрочению его внешнеполитического положения.

При преемниках Штефана Богдане III и Штефэнице возросло влияние крупного боярства на внешнюю политику страны. В первые десятилетия XVI в. важную роль в политической жизни княжества играли молдавские бояре, связанные сословными узами с польскими и венгерскими феодалами. В 20-е гг. по мере продвижения османских завоеваний в Центральную Европу, особенно после поражения венгерской армии при Мохаче в 1526 г., приведшего к распаду королевства Венгрии, захвата османами в 1529 г. Буды и изменения в связи с этим международной обстановки в юго-восточном регионе, усиливаются боярские группировки проосманской ориентации. Предательская политика этой части крупного молдавского боярства, недовольной укреплением центральной власти в период правления господаря Петра Рареша и его союзными отношениями с Габсбургами, сыграла роковую роль в момент, когда в 1538 г. султан Сулейман I во главе огромной армии вторгся в Молдавское княжество. Эта военная акция османов способствовала усилению зависимости княжества, установлению его вассальных отношений с Османской империей. Упрочение позиций османов в Юго-Восточной и Центральной Европе в международных условиях 30-40-х гг. позволило султану, опираясь на проосманские группировки бояр, закрепить к середине XVI в. свой сюзеренитет в Молдавском княжестве.

По мере распространения османской экспансии на страны Юго-Восточной и Центральной Европы в условиях все чаще возникавшей внутривластной неустойчивости в Валахском и Молдавском княжествах в рассматриваемое время появилась угроза превращения их в пашалыки. Особенно реальной она стала после 1538 г., когда к этому стремились склонить султана многие турецкие сановники²⁸⁰. Однако Порта предпочитала держать княжества в вассальной зависимости при сохранении их внутренней автономии. В то время как болгарские и сербские земли были включены османами в состав Румелийского пашалыка, Дунайские княжества продолжали сохранять прежнее государственное уст-

ройство и местное управление; автономной оставалась и церковь, подчинявшаяся непосредственно Константинопольской патриархии. Установление вассальных отношений и на их основе выкачивание из княжеств материальных ресурсов путем ежегодной дани и разного рода поборов были султану экономически выгоднее, чем их прямое административное подчинение²⁸¹.

В отличие от западноевропейского вассалитета, утверждение сюзеренитета султана в Валахии и Молдавии, несмотря на сохранение ими автономии, приводило к подчинению Османской империей всех сфер жизни княжеств с целью извлечения в свою пользу наибольших экономических, политических и военных выгод. Эта особенность оказывала влияние на оформление специфических атрибутов османского вассалитета в Дунайских княжествах.

С установлением вассальных отношений дань княжеств османам становилась регулярной ежегодной податью с турецким названием харадж. Размер ее постоянно возрастал. Как отмечалось, дань впервые уплаченная султану валашским господарем Мирчей Старым в 1417 г., составляла 3 тыс. золотых. Харадж Валахии в начале XVI в., по подсчетам специалистов, достиг суммы в 8 тыс. золотых, а к 1524 г. — 14 тыс. золотых. Если молдавский господарь Петр III Арон уплатил в 1455 г. султану дань в 2 тыс. золотых, то харадж Молдавского княжества с 4 тыс. золотых в начале XVI в. вырос до 12 тыс. в 1541 г. (в это время харадж Валахии составлял 24 тыс. золотых)²⁸³.

Более быстрый рост хараджа Валахии, как и ее подчинение османам, по сравнению с Молдавским княжеством объясняется проявившимся еще в середине XV в. проосманским курсом крупного валашского боярства, позволившим Порте уже к концу XV в. превратить господарей в послушное орудие своей политики в княжестве, главной целью которой было выкачивание средств в пользу империи. При этом корни соглашательства валашских бояр с османами лежали в их тесных экономических связях с Османской империей, в то время как для части молдавских бояр переход с конца XV в. на проосманские позиции определялся главным образом недовольством вотчинников призывом зависимых крестьян в войска для участия в антисултанских действиях и отвлечением их от сельскохозяйственных работ. В XVI в. к этим настроениям крупного молдавского боярства добавилась боязнь поражения в открытой конфронтации с Османской империей и превращения княжества в пашалык. Сравнительно легкому подчинению Валашского княжества османам способствовали и международные обстоятельства. Будучи втянутой в конфронтацию Венгрии с Османской империей за позиции в Подунавье, Валахия по своему географическому положению оказалась на пути главного направления султанской экспансии в Центральную Европу.

Помимо хараджа в обязательства вассальных султану княжеств входила доставка по определенным случаям даров (пешкешей) султану и его

сановникам, выполнение вводимых Портой различных повинностей и поборов. Возраставшая со временем потребность в средствах для претворения завоевательных планов Стамбула приводила к усилению османской экономической эксплуатации Дунайских княжеств.

Опора на крупное боярство в княжествах позволяла Порте использовать их социально-политическую структуру для создания соответствующей османским интересам системы подчинения княжеств. Главным инструментом этой системы стало присвоенное главой империи право на утверждение господаря, выдвигаемого местными боярами. При вступлении на престол господарь получал от султана ферман на правление и вносил в имперскую казну определенную сумму — мукарер. Вводилось в практику регулярное переутверждение господарей через каждые три года, а затем и ежегодно, с обязательным прибытием в Стамбул и уплатой малого мукарера.

Используя боярские распри за власть и опираясь на проосманские группировки бояр внутри княжеств, Порта стала переходить от практики утверждения господарей к их назначению султаном. Это позволяло ей контролировать их политику и не допускать на престолы княжеств неугодных османам ставленников. Такая система служила султану и его сановникам средством для увеличения доходов, выкачиваемых из Дунайских княжеств, и приводила, как следствие, к частой смене господарей. Так, в Валахии за первые три десятилетия XVI в. сменилось на престоле одиннадцать господарей. В Молдавском княжестве, где в силу отмеченных выше причин влияние османов было слабее, за этот период на троне побывало четыре господаря. Неизбежным результатом этих изменений, связанных с усилением вассальной зависимости, было ограничение внутренней функции сохранявшейся в структуре империи государственности княжеств.

Внешняя политика Дунайских княжеств с установлением их вассальной зависимости от Османской империи оказывается полностью связанной с ее интересами. По распоряжению султана господари должны были выставлять войска для участия в османских военных предприятиях. Со временем регулярными для княжеств стали повинности по содержанию султанской армии во время ее постоев на их территории, ремонту дорог и наведению мостов на пути ее следования, обеспечению продовольствием и фуражом во время походов. Особенно разорительными, в первую очередь для Молдавского княжества, были постой татарских отрядов, выступавших в качестве вассалов султана в его военных экспедициях.

Складывавшийся в системе Османской империи статус Дунайских княжеств отражался и на специфике их внешнеполитического положения. Валашский и молдавский господари, признав сюзеренитет султана, утрачивали право на покровительство другой страны, не могли иметь представителя в других государствах и заключать с ними договоры. Нарушение данных условий использовалось султаном как юридическое основание для смещения неугодных господарей. Такое положение кня-

жеств давало возможность Порте держать под контролем их внешнеполитическую линию.

На практике султан применял свое право сюзерена весьма гибко. Порта допускала (до определенного предела) известную самостоятельность княжеств во внешних делах, благодаря чему они могли тайно, а иногда и открыто поддерживать контакты с Габсбургами, Польшей, Россией. Стамбул не вмешивался в отношения своих вассалов с другими государствами до тех пор, пока они не вступали в прямое противоречие с интересами султана, его политики в Юго-Восточной Европе.

Такая тактика позволяла Османской империи использовать княжества, их отношения с другими странами для вмешательства в дела европейских держав и противодействия их планам в юго-восточном регионе. Но подобное «попустительство» имело для Порты и оборотную сторону: определенная внешнеполитическая самостоятельность создавала в княжествах почву для стремления к независимости. Осуществление этих планов молдавские и валашские господа связывали с помощью извне, в частности со стороны Габсбургов, которые, в свою очередь, пытались с начала XVI в., хотя и безуспешно, включить Дунайские княжества в орбиту своей политики.

Установление вассальной зависимости княжеств от Порты проходило на фоне постоянной конфронтации между Османской империей, Венгрией и Польшей. Венгерский и польский короли стремились сохранить свой сюзеренитет над княжествами в целях укрепления позиций в Юго-Восточной Европе и реализации планов утверждения на Дунае и в Причерноморье. Венгрия имела в сфере своего политического влияния главным образом Валахию, Польша — Молдавское княжество.

Особенность внешнеполитического положения Валашского и Молдавского княжеств в контексте международной ситуации в регионе в конце XIV — XVI в. побуждала господарей прибегать к лавированию, использовать соперничество крупных держав в своих политических интересах. Успехи османских завоеваний в Центральной Европе в первой четверти XVI в. привели к тому, что вассальная зависимость княжеств от Венгрии и Польши практически перестала существовать. Распад королевства Венгрии и подчинение султану восточной части королевства и Трансильвании, составивших вассальное османам княжество, сузили возможности для политического маневрирования валашских и молдавских господарей, что способствовало усилению их зависимости от Порты во второй половине XVI в.

Вассальный статус Дунайских княжеств, формально сохранявший их автономию в системе Османской империи, не был основан на каких-то договорных актах с султанами в XIV—XVI вв., или «капитуляциях», как утверждают некоторые историки. Проведенный в работе источниковедческий анализ фигурирующих в исторической литературе текстов «капитуляций» дает основание утверждать, что эти тексты являются документами

конца XVIII в. и их появление в исторических материалах того времени было связано с идеологией освободительного движения.

Углубление кризиса феодальной системы в условиях фанариотского господства в Дунайских княжествах, усиление социальной активности народных масс и освободительного движения, которым объективно способствовали русско-турецкие войны и складывавшаяся под их влиянием международная обстановка в Юго-Восточной Европе во второй половине XVIII в., заставляли патриотически настроенных представителей валахского и молдавского боярства задумываться о путях дальнейшего национального и социального развития. В исторических условиях того времени идеологом национально-освободительного движения выступала часть крупного боярства и духовенства, оппозиционно настроенная по отношению к Порте и ее ставленникам-фанариотам.

Со второй половины XVIII в. программой освободительной идеологии в княжествах стала ориентация на освобождение при опоре на феодальную Россию. Используя тягу населения к единой России, правящие круги княжеств рассчитывали направить в выгодное для себя русло освободительную и социальную борьбу масс. В то же время эта программа давала возможность не только защитить сословные интересы боярства внутри княжеств, но и оградить их привилегии от посягательств Порты.

После Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., по которому российские уполномоченные в Стамбуле получили право покровительствовать Дунайским княжествам, остававшимся в зависимости от Порты, задачей их правящих кругов становится закрепление при поддержке России привилегий княжеств в системе Османской империи. В этих условиях, наряду с обращениями к российскому правительству и активной деятельностью в Стамбуле депутатов от княжеств, в Бухаресте и Яссах усиленно велись исторические изыскания, в результате которых и появились тексты с описанием условий подчинения османам Валахии и Молдавского княжества, призванные оправдать их право на восстановление исконной автономии. Чтобы обосновать законность требований о восстановлении попранной османами автономии, валахские и молдавские идеологи «реконструировали» тексты «капитуляций» XIV–XVI вв., которые стали рассматриваться современниками как реально существовавшие документы.

Анализ всей совокупности материалов, в первую очередь архивных, позволяет сделать вывод о том, что текст под заглавием «Трактаты, которые имела Молдова с Портой Оттоманской», фигурировавший в исторической литературе как «капитуляция», или договор Молдавского княжества с Османской империей о его правах и привилегиях, был составлен не ранее 1775 г. Источником для его составителей послужило представление молдавских бояр Порте от сентября 1774 г. Перечисленные здесь привилегии в обобщенном виде легли в основу содержащегося в «Трактатах» перечня условий подчинения Молдавского княжества османам, который был дополнен и обоснован данными молдавских летописей и

исторических сочинений Д. Кантемира «История Оттоманской империи» и «Описание Молдавии». Примерно к этому же времени относится и появление текстов о подчинении Валахии османам при Мирче и Лайоте, представлявших рядом ученых как «капитуляции», полученные княжеством от султана. Изучение новых архивных источников дает основание полагать, что составителем этих текстов был М. Кантакузино, использовавший валашскую летописную традицию, что помещенный здесь перечень условий подчинения Валахии османам повторяет в сущности те привилегии, утверждения которых валашские бояре просили в представлении Порте от сентября 1774 г.

Следовательно, являясь документами конца XVIII в., «капитуляции» не могли регламентировать отношения Дунайских княжеств с Османской империей в XIV—XVI вв. В связи с этим лишено основания стремление некоторых современных зарубежных историков рассматривать «капитуляции» как юридическую и правовую основу, обеспечивавшую княжествам автономию и суверенитет на протяжении всей истории их отношений с Портой. Тем более что такие утверждения, как показано выше, не согласуются с основными принципами османской внешнеполитической концепции. Оформление османского сюзеренитета в Дунайских княжествах сопровождалось установлением таких форм зависимости, которые вели к их подчинению Порте по всех сферах, экономической, политической, военной и исключали возможность равноправных взаимоотношений, как представляется в отдельных трудах современных зарубежных ученых.

Статус княжеств в системе империи сложился в ходе эволюции их взаимоотношений с османами. Предпринятый в настоящей работе анализ конкретной истории этих отношений в конце XIV — XVI в. в контексте внутривосточных событий и международной обстановки в Юго-Восточной Европе выявляет важную роль как внутренних, так и внешних факторов в процессе становления вассального положения княжеств в системе империи и особенностей их вассалитета.

Влияние этих факторов сказывалось и на последующей истории взаимоотношений Валашского и Молдавского княжеств с Османской империей. Опираясь на группировки крупного боярства проосманской ориентации и используя международную обстановку в Юго-Восточной Европе, Порта все более эффективно укрепляла свои политические позиции в княжествах, эксплуатировала их экономические и материальные ресурсы для претворения экспансионистских планов.

Примечания

- ¹ *Орешкова С. Ф.* Юго-Восточная Европа в социально-политической структуре Османской империи // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. М., 1984. С. 37.
- ² *Dirimtekin F.* Istanbul après la conquête. Istanbul, 1953. P. 11—12.

- 3 *Rassov P.* Die Kaiser-idee Karls V. dargestellt in der Politik der Jahre 1528–1540. Berlin, 1952. S. 82–84; *Niederhauser E.* Die Habsburger. Ein europäisches Phänomen. Вр., 1983.
- 4 *Греков И. Б.* К вопросу о роли турецко-крымской дипломатии в политической жизни Восточной Европы конца XV–XVI вв. // Юго-восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973. С. 150–156; *он же.* Османская империя, Крым и страны Восточной и Центральной Европы в первой четверти XVI в. // Османская империя и страны... С. 154.
- 5 *Garbaczyk J.* Problem turecki w polityce państw europejskich na przełomie XV i XVI w. // Powszechny zjazd historyków polskich. Historia Polski od połowy XV do połowy XVIII w. W-wa, 1960.
- 6 *Babinger F.* Aufsätze und Abhandlungen zur Geschichte Südost-Europas und der Levante. München, 1962. S. 256–274.
- 7 *Turcica.* Vol. I. P. 19, 32.
- 8 DR. II/1. P. 20–23; *Gökbilgin T.* La traduction des lettres de Corvin Mathias a Bayezid II et le texte turc du traité hungaro-turc de 1503 // Belleten. XXII (1958). Nr. 87. P. 382–390.
- 9 DR. II/1. P. 119–120; *Materiały.* S. 123–127.
- 10 *Kretschmayr H.* Geschichte von Venedig. Gotha, 1920. Bd. 2. S. 428.
- 11 *Babinger F.* Kaiser Maximilians «geheime Praktiken» mit den Osmanen (1510–1511) // Südost-Forschungen. XV (1956). S. 201–236.
- 12 *Первольф И.* Славяне, их взаимные отношения и связи. Варшава, 1888. Т. 2. С. 208.
- 13 Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы. Введение, перевод и комментарии А. И. Рогова. М., 1978. С. 18–22.
- 14 *Palombini B.* Bündniswerben abendländischer Mächte um Persien. 1453–1600. Bd. 1. 1968. S. 51.
- 15 *Uhlirz M.* Handbuch der Geschichte Österreich-Ungarns. Wien, 1963. Bd. 1; История Венгрии. М., 1971. Т. I. С. 227–228.
- 16 *Ursu I.* La politique orientale de François I (1515–1547). Paris, 1908. P. 8.
- 17 *Charrière E.* Negotiations de la France dans le Levant. Paris, 1848. Т. 1. P. 63–68; Tappe. P. 20–21.
- 18 *Ursu I.* La politique... P. 12.
- 19 См.: *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 197–201.
- 20 *Орешкова С. Ф.* Юго-Восточная Европа... С. 38; *Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 1984.
- 21 *Zinkeisen J.* Drei Denkschriften über die orientalische Frage von Papst Leo X. König Franz I. von Frankreich und Kaiser Maximilian I. aus dem Jahre 1517. Gotha, 1854; *Wagner C.* Der letzte Türkenkreuzzugplan Kaiser Maximilians I. aus dem Jahre 1517 // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. LXXVII (1969). Nr. 3–4. S. 314–353.
- 22 *Хорошкевич А. Л.* Русское государство... С. 205–208.

- 23 *Pocięcha W.* Królowa Bona (1494–1557). Poznań, 1949. T. 2. S. 4–5.
- 24 *Греков И. Б.* Османская империя, Крым... С. 141.
- 25 *Pajewski J.* Stosunki polsko-węgierskie i niebezpieczeństwo tureckie w latach 1516–1526. W-wa, 1930. S. 18.
- 26 *Ивонин Ю. Е.* У истоков европейской дипломатии. Минск, 1984. С. 86.
- 27 *Ștefănescu Șt.* Bănia în Țara Românească. Buc., 1975. P. 99–102.
- 28 *Ștefănescu Șt.* Țara Românească de la Basarab I «Intemeietorul» pînă la Mihai Viteazul. Buc., 1970. P. 79–83.
- 29 Doc ȚR. P. 209–218, 236–246.
- 30 Ibid. P. 214–216.
- 31 Rechnungen. S. 245, 249.
- 32 DR. XV/1. P. 149; Doc ȚR. P. 343–344.
- 33 Doc ȚR. P. 350–351; Rechnungen. S. 414, 430, 469, 749; Tocilescu. P. 206–207.
- 34 DR. XV/1. P. 169–170; Об эволюции суммы дани Валахии Порте в конце XV — начале XVI в. см.: *Berza M.* Haraciul Moldovei și Țării Românești în sec. XV–XIX // SMIM. II (1957). P. 27–29.
- 35 Doc ȚR. P. 350–351.
- 36 Rechnungen. S. 429; Doc ȚR. P. 224–225.
- 37 Acta et epistolae. P. 85–87, 92–94.
- 38 *Lăpedatu A.* Politica lui Radul cel Mare. 1495–1508 // Lui Ion Bianu. Amintire. Buc., 1921. P. 201.
- 39 IȚR. P. 14.
- 40 DR. XV/1. P. 181.
- 41 IȚR. P. 15; DR. II/2. P. 574–575; XV/1. P. 183–184.
- 42 DRH. B. Vol. 2. P. 116, 121–123, 126–127.
- 43 Bogdan Doc Reg. P. 138–140; DR. XV/1. P. 183–184.
- 44 DR. II/2. P. 574.
- 45 Ibid. P. 575, 578, 580.
- 46 Bogdan Doc Reg. P. 139.
- 47 *Pușcaru I.* Doua documente privitoare la revolta boierilor din Țara Făgărașului în favoarea lui Mihnea-Voda numit cel Rău // AAR. Mem. secț. ist. XXXIII. P. 61–66.
- 48 Acta et epistolae. P. 94–96.
- 49 Rechnungen. S. 533.
- 50 Ibid. S. 534.
- 51 Ibid. S. 515–517, 534.
- 52 *Engel J.* Geschichte der Moldau und Valachei. Halle, 1804. S. 192–193; О деятельности митрополита Максима см.: *Radonici J.* Histoire des Serbes de Hongrie. Paris, 1919. P. 49–51; *Jorga N.* Istoria bisericii române. I. Buc., 1929. P. 126–128.
- 53 Viața și traiul părintelei nostru Nifon. Buc., 1888. Ed. *I. Naninescu.* P. 61–63.

- 54 Popescu. P. 26–27.
- 55 *Ștefănescu Șt. Bănia...* P. 104.
- 56 Ibid. P. 105.
- 57 Viața și traiul... P. 67–69; Popescu. P. 28.
- 58 Popescu. P. 28; DR. XV/1. P. 197–199; *Iorga N. Pretendenți domnesci în secolul al XVI-lea // AAR. Ser. 2. XIX (1898). P. 207–208.*
- 59 Viața lui Nifon. Ed. V. Grecu. Buc., 1944. P. 129–131.
- 60 DR. XV/1. P. 213.
- 61 Viața lui Nifon. P. 133.
- 62 DR. II/3. P. 208.
- 63 *Panaitescu P. Invățăturile lui Neagoe Basarab. Problema autenticității. Buc., 1946. P. 8–9; О периоде правления Нягое Басараба в Валахии см.: Neagoe M. Neagoe Basarab. Buc., 1971.*
- 64 *Ștefănescu Șt. Bănia...* P. 137–173.
- 65 Popescu. P. 35.
- 66 О внешней политике Нягое см.: *Neagoe M. Despre politica externă a lui Neagoe Basarab. (1512–1521) // St. 1966. Nr. 4. P. 745–764.*
- 67 Bogdan Doc Reg. P. 151–152.
- 68 Acta et epistolae. P. 112–113, 126–128.
- 69 DR. II/3. P. 307–309.
- 70 Ibid. XV/1. P. 243.
- 71 *Ștefănescu Șt. Bănia...* P. 113.
- 72 Tocilescu. P. 257–258; Bogdan Doc Reg. P. 155; *Dragomir S. Documente noua privitoare la relațiile Țării Românești cu Sibiul în secolii XV și XVI // Anuarul Institutului de istorie națională din Cluj. IV (1925–1926). P. 33–36.*
- 73 DR. II/3. P. 361–363.
- 74 IȚR. P. 42.
- 75 DR. II/3. P. 375.
- 76 Quellen. S. 362; DR. XV/1. P. 254.
- 77 Nicolaescu DSR. P. 5; IȚR. 43.
- 78 Bogdan Doc Reg. P. 161.
- 79 Quellen. S. 425.
- 80 DR. II/5. P. 716; IȚR. P. 44.
- 81 Tociiescu. P. 266–267.
- 82 *Pataki I. Atitudinea lui Radu de la Afumați și a lui Ioan Zápolya în ajunul luptei de la Mohacs // SUBB. 1967. Nr. 2. P. 13–28.*
- 83 Quellen. S. 442; DRH. B. Vol. 2. P. 409–410; *Palade T. Radu de la Afumați. Buc., 1939. P. 19–20.*
- 84 Quellen. S. 443–452, 461; Studii și documente III. P. LXXV.
- 85 Quellen. S. 513.

- 86 Acta et epistolae. P. 125.
- 87 Popescu. P. 43.
- 88 Bogdan Doc Reg. P. 227–228.
- 89 Tocilescu. P. 280–282.
- 90 Bogdan Doc Reg. P. 171.
- 91 Ibid.
- 92 DR. XI. P. 847; DRH. B. Vol. 2. P. 423.
- 93 Nicolaescu DSR. P. 255.
- 94 Bogdan Doc Reg. P. 162–165.
- 95 Tezaur. T. III. P. 19–20.
- 96 DR. II/3. P. 484–488.
- 97 DR. VIII. P. 52.
- 98 *Palade T.* Radu de la Afumați. P. 44; *Berza M.* Haraciul... P. 28.
- 99 Nicolaescu DSR. P. 31; Tocilescu. P. 305–306.
- 100 *Ștefănescu Șt.* Bănia... P. 191.
- 101 *Palade T.* Radu de la Afumați. P. 54–55.
- 102 DR. II/3. P. 497–500.
- 103 *Palade T.* Radu de la Afumați. P. 55–56.
- 104 DR. II/3. P. 576.
- 105 *Feneșan C.* Legămîntul lui Radu de la Afumați față de Habsburgi // АИАС. 1980. P. 383–395; об отношениях Габсбургов с валашскими и молдавскими господарями см.: *Stoy M.* Diplomatische Beziehungen zwischen den Habsburgern und den Hospodaren der Moldau und Walachei. Wien, 1968.
- 106 ИТР. P. 46; Таппе. P. 23–26.
- 107 *Ștefănescu Șt.* Țara Românească... P. 97.
- 108 Acta et epistolae. P. 252; DR. I/1. P. 240–242; II/4. P. 300.
- 109 ИТР. P. 48.
- 110 Istoria Romîniei. Buc., 1962. Vol. 2. P. 910.
- 111 ИТР. P. 49.
- 112 DR. II/2. P. 299.
- 113 Ibid. II/1. P. 304, 316–320.
- 114 Ibid. II/2. P. 132.
- 115 ИТР. P. 50.
- 116 Istoria Romîniei. Vol. 2. P. 911.
- 117 *Berza M.* Haraciul... P. 13; Istoria Romîniei. Vol. 2. P. 929.
- 118 DR. IV/2. P. 63, 112–114, 126–127, 142–143, 150.
- 119 Historia dyplomacji polskiej. W-wa, 1980. T. 1. S. 546–548.
- 120 РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 2. Л. 65 об. — 66; ИСв. I. С. 82; Сб. РИО. Т. 41. С. 399–400.

- 121 РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Кн. 5. Л. 239; ИСв. I. С. 83; Doc Şt. P. 409–410.
- 122 Doc Şt. P. 413–414; Материалы. С. 180; *Базилевич К. В.* Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 462–463.
- 123 Doc Şt. P. 447–449; Материалы. С. 180–182.
- 124 РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Кн. 5. Л. 239.
- 125 *Berza M.* Haraciul... P. 9.
- 126 Материалы. С. 195.
- 127 Цит. по: *Ursu I.* Istoria lui Ştefan cel Mare. Buc., 1925. P. 263.
- 128 РГАДА. Ф. 389. Кн. 5. Л. 283.
- 129 DR. II/2. P. 20–21.
- 130 DR. II/1. P. 119–120, 126–128; II/2. P. 549; Mareriały. S. 127–128.
- 131 Materiały. S. 119–121.
- 132 Ibid. S. 123–127; Historia dyplomacji polskiej. T. 1. S. 565–566.
- 133 DR. II/2. P. 585, 724–726.
- 134 Acta et epistolae. P. 76, 78–81.
- 135 DR. II/2. P. 548–553.
- 136 *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 87; *Греков И. Б.* Османская империя, Крым... С. 155.
- 137 DR. II/2. P. 588–593.
- 138 Acta et epistolae. P. 97.
- 139 Cr SR. P. 78; *Marinescu J.* Bogdan cel Orb. 1504–1517. Buc., 1910. P. 41–44.
- 140 DR. II/2. P. 588–589.
- 141 Ibid. P. 613–617; Supl. II/1. P. 1.
- 142 *Marinescu J.* Bogdan cel Orb. P. 49–50.
- 143 DR. II/2. P. 623, 632, 636–646; II/3. P. 17, 65–67, 75.
- 144 Cr SR. P. 78, 182; Ureche. P. 141; *Georgian P.* Invaziunile tătare în veacul al XV și în prima jumătate a veacului XVI // Convorbiri literare. 1926. P. 599.
- 145 DR. II/2. P. 618, 624, 638.
- 146 *Греков И. Б.* Османская империя, Крым... С. 153.
- 147 *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1888. С. 363, 375–378; *Новичев А. Д.* История Турции. Л., 1983. Т. 1. С. 91.
- 148 DR. II/3. P. 26; *Iorga N.* Chilia și Cetatea Albă. Buc., 1900. P. 179.
- 149 *Marinescu J.* Bogdan cel Orb. P. 62.
- 150 DR. II/2. P. 641; II/3. P. 22; *Iorga N.* Chilia și Cetatea Albă. P. 282.
- 151 DR. II/2. P. 638–647; II/3. P. 11–12, 15, 22.
- 152 Ibid. II/2. P. 643–645.
- 153 Ibid. II/3. P. 18–23.

- 154 Ibid. P. 27; *Jorga N.* Chilia și Cetatea Albă. P. 180; *Marnescu J.* Bogdan cel Orb. P. 68.
- 155 DR. II/3. P. 32–33; *Gemil T.* Din relațiile moldo-otomane în primul sfert al secolului al XVI-lea // АИА. IX (1972). P. 141.
- 156 DR. II/3. P. 27, 34–36, 38.
- 157 Ibid. P. 33–36; *Gemil T.* Din relațiile... P. 141.
- 158 Об обосновании датировки письма см.: *Gemil T.* Din relațiile... P. 134–136.
- 159 Текст письма опубликован: *Gemil T.* Din relațiile... P. 141; перевод на русский язык: *Гонца Г. В.* Молдавия и османская агрессия... С. 58–59; см. также: *Семенова Л. Е.* Румынская историография о турецких документах по истории отношений Молдавского княжества с Османской империей в начале XVI в. // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986. С. 75–76.
- 160 *Mehmet M.* Doua documente turcești despre Neagoe Basarab // St. 1968. Nr. 5. P. 922–924.
- 161 Текст документа и обоснование его даты см.: *Суса М.* Din relațiile Moldovei cu Imperiul otoman în timpul domniei lui Bogdan al III-lea // RI. 1978. Nr. 7. P. 1253–1262; См. также: *Гонца Г. В.* Молдавия и османская агрессия... С. 61; *Семенова Л. Е.* Румынская историография о турецких документах... С. 78–80.
- 162 *Суса М.* Din relațiile Moldovei cu Imperiul otoman... P. 1257–1258.
- 163 DR. II/3. P. 46–47, 50–55, 64–66.
- 164 *Neagoe M.* Contribuții la problema aservirii Moldovei față de Imperiul otoman (Înțelegerea dintre Bogdan cel Orb și Selim din anul 1512) // St. 1964. Nr. 2. P. 319.
- 165 Cr turc. I. P. 432, 467; см. также: *Гонца Г. В.* Молдавия и османская агрессия... С. 67.
- 166 DR. II/3. P. 171; *Berza M.* Haraciul... P. 9.
- 167 DR. II/3. P. 56, 63–64.
- 168 Ibid. P. 94, 104, 185.
- 169 Ibid. P. 72, 76–77, 84–85; ИСв. I. С. 93.
- 170 DR. II/3. P. 139–140, 148–151.
- 171 История Венгрии. Т. I. С. 237.
- 172 DR. II/3. P. 145–147, 155; ИСв. I. С. 96–97.
- 173 Наказы Сигизмунда I каменецкому кастеляну С. Ланчкоронскому о рассмотрении с представителями молдавского господаря пограничных конфликтов см.: DR. II/3. P. 157–160, 184.
- 174 *Charriere E.* Négotiations... P. 63–68; *Turcica.* P. 63, 66.
- 175 DR. II/3. P. 260–264, 287–293.
- 176 Cr SR. P. 78–79; *Constantinescu R.* Documente ragusane în colecția de microfilme a arhivelor statului // RA. 1981. Nr. 1. P. 38; *Ursu H.* Moldova în contextul... P. 29–33.
- 177 Acta Tomisiana. IV. P. 207.
- 178 *Charriere E.* Negotiations... Т. 1. P. 13–21.
- 179 DR. II/3. P. 303–307.
- 180 Ibid. P. 305.

- 181 Ibid. P. 321.
- 182 Historia dyplomacji polskiej. S. 638; Греков И. Б. Османская империя, Крым... С. 143–144.
- 183 Charrriere E. Negotiations... Т. 1. P. 85; Iorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha, 1909. Bd. 2. S. 359, 373–374.
- 184 DR. II/3. P. 469, 475, 485.
- 185 Греков И. Б. Османская империя, Крым... С. 145.
- 186 Török P. L'Europe et le désastre Hongrois de 1526. Вр., 1929; Pajewski J. Stosunki... S. 35–40.
- 187 Historia dyplomacji polskiej. Т. 1. S. 639.
- 188 Paewski J. Stosunki... S. 45–47; Historia dyplomacji polskiej. Т. 1. S. 646–647; Базылев Л. Польско-турецкие дипломатические связи в XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII в. М., 1979. С. 19.
- 189 DR. II/3. P. 493–495.
- 190 Ibid. P. 469–471, 485–487, 490–492, 527–528, 542; О внешней политике королевства Венгрии накануне битвы при Мохаче см.: Kupelwieser L. Die Kämpfe Ungarns mit den Osmanen bis zur Schlacht bei Mohacs (1526). Wien, Leipzig, 1899; Kosary D. Magyar külpolitika Mohács előtt. Вр., 1978; Kubinyi A. A mohácsi csata és előzményei // Századok. 1981. Nr. 1.
- 191 Описание битвы при Мохаче: Kupelwieser L. Die Kämpfe Ungarns... S. 231–249; Bende L. A mohácsi csata // Hadtörténelmi közlemények. 1966. Т. 13. Nr. 3, 532–5671.
- 192 DR. II/3. P. 575; подробно о подготовке султаном Сулейманом наступления в Европе см.: Káldy-Nagy G. Suleimans Angriff auf Europa // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1974. Nr. 2. P. 163–212.
- 193 CDM. P. 541–543.
- 194 Gemil T. Din relațiile... P. 136–138, 141–142.
- 195 CDM. P. 530–550; Acta Tomiciiana. VI. P. 230–236; Ursu H. Moldova în contextul politic european (1517–1527). Buc., 1972. P. 55–64.
- 196 Cr SR. P. 80; DR. II/3. P. 483.
- 197 Palade T. Radu de la Afumați. P. 52–53.
- 198 DR. II/3. P. 497–498, 516, 519.
- 199 Acta Tomiciiana. VIII. P. 157–158.
- 200 DR. II/3. P. 537–538; Conduratu G. Relațiunile Țării Românești și Moldovei cu Ungaria până la anul 1526. Buc., 1898. P. 261–262.
- 201 Cașan I. Acțiuni diplomatice de înglobare a Moldovei și Țării Românești în sfera de influență a Casei de Austria (1526–1541) // Miscellanea in honorem Radu Manolescu. Buc., 1996. P. 206–221.
- 202 DAMȚ. P. 1–3.
- 203 Berza M. Haraciul... P. 10.
- 204 Acta et epistolae. P. 144–147, 150–152; Motogna V. Relațiunile dintre Moldova și Ardeal în veacul al XVI-lea. Dej, 1928. P. 14–15; Grigoraș N. Precursor al lui Mihai Viteazul // Petru Rareș. Buc., 1978. P. 89–92.

- 205 DR. XV/1. P. 310–313.
- 206 Ibid. II/1. P. 36–66; *Historia diplomacjii polskiej*. S. 652–653.
- 207 *Acta et epistolae*. P. 189.
- 208 Ibid. P. 182–183, 200–201; *Ursu I*. Die auswärtige Politik des Peter Rares, Fürst von Moldau (1527–1538). Wien, 1908. S. 36–39; *Gemil T*. Româniii și otomanii în secolele XIV–XVI. Buc., 1991. P. 39.
- 209 DR. XV/1. P. 325–327, 329, 337–339, 341–342.
- 210 Ibid. XI. P. 32.
- 211 Ibid. II/3. P. 602–610; *Iorga N*. Polonais et Roumains. Relations politiques, économiques et culturelles. Buc., 1921. P. 31.
- 212 РГАДА. Ф. 389. Кн. 7. Л. 996–998; ИСВ. I. С. 100, 103; Сб. РИО. Т. 35. С. 768–769.
- 213 ИСВ. I. С. 101–102; Сб. РИО. Т. 35. С. 775–776, 779–785.
- 214 ИСВ. I. С. 104–105; Сб. РИО. Т. 35. С. 803, 810–812, 826, 833.
- 215 *Doc turc*. I. P. 16–17.
- 216 *Panaitescu P*. Petru Rareș și Moscova. Buc., 1934. P. 13.
- 217 *Corfus I*. Activitatea diplomatică în jurul conflictului dintre Rareș și Polonia // *Rsl*. X (1964). P. 320–321.
- 218 *Acta Tomiciana*. XIII. S. 48–50, 69–70, 90–91, 154, 187.
- 219 *Ursu I*. Die auswärtige Politik... S. 73–101.
- 220 *Acta et epistolae*. P. 228; *Ursu I*. Die auswärtige Politik... S. 93.
- 221 *Acta Tomiciana*. XIII. S. 16–19, 162–164, 312–315, 366–367; XIV. S. 116–117.
- 222 DR. XI. P. 32; *Acta Tomiciana*. XIV. S. 92–93, 685–686; XV. S. 63–68.
- 223 *Ciurea D*. Relații externe ale Moldovei în secolul al XVI-lea. Considerații de ansamblu // АИА. X (1973). P. 4–5; *Gemil T*. In fața impactului otoman // *Petru Rareș*. P. 145.
- 224 DR. Supl. II/1. P. 26, 68.
- 225 *Acta Tomiciana*. XVI/1. S. 853–855; *Corfus I*. Activitatea diplomatică... P. 336–338.
- 226 *Acta Tomiciana*. XV. S. 63–65.
- 227 DR. Supl. II/1. P. 57–59; *Acta Tomiciana*. XIV. S. 716–720.
- 228 *Гонца Г. В*. Молдавия и османская агрессия... С. 82–86.
- 229 Цит. по: *Гонца Г. В*. Указ. соч. С. 84.
- 230 *Historia diplomacjii polskiej*. Т. 1. S. 655–656.
- 231 *Греков И. Б*. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XV–XVI вв. М., 1963. С. 289–290.
- 232 ПСРЛ. Т. VIII. С. 281; Т. XX. Ч. 2. С. 414; Т. XIII. Ч. I. С. 66–67.
- 233 Там же. Т. XX. Ч. 2. С. 416.
- 234 *Acta Tomiciana*. XV. S. 63–68; *Katalog documentów tureckich*. W-wa, 1959. Т. 1. Nr. 30.
- 235 *Acta Tomiciana*. XV. S. 853–855; *Corfus I*. Activitatea diplomatică... P. 336–338.

- 236 Acta Tomiciana. XVI/2. S. 119–128, 231–232.
- 237 DR. Supl. II/1. P. 82–84, 87.
- 238 *Iorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 2. S. 377–384; *Сказкин С. Д.* Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981. С. 169.
- 239 *Decei A.* Aloisio Gritti în slujba sultanului Soliman Kanuni după unele documente turcești inedite (1533–1534) // SMIM. VII (1974). P. 108–109; *Simionescu Șt.* Noi date despre situația internă și externă a Moldovei în anul 1538 într-un izvor inedit // St. 1972. Nr. 2. P. 227.
- 240 *Gevay A.* Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte der Verhältnisse zwischen Österreich, Ungarn und der Pforte im XVI–XVII. Jahrhunderte. Wien, 1838. Bd. 3. S. 11.
- 241 DR. II/1. P. 91–93.
- 242 Ibid. P. 119–168; Tappe. P. 24.
- 243 Сб. РИО. Т. 59. С. 58–60.
- 244 РГАДА. Ф. 389. Кн. 590. Л. 174–178 об.; ИСв. I. С. 108.
- 245 Сб. РИО. Т. 59. С. 117–118.
- 246 Călători străini despre Țările române. Buc., 1968. Vol. 1. P. 376–377.
- 247 Documente privitoare la istoria românilor. Culese de A. Ciorănescu. Buc., 1940. P. 17–18; *Ciorănescu A.* Petru Rareș și politica orientală a lui Carol Quintul // AAR. T. XVII (1933–1936).
- 248 *Palombini B.* Bündniswerben abendländischen Mächte um Persien, 1453–1600. Wiesbaden, 1968. Bd. 1.
- 249 История Венгрии. Т. I. С. 305–306.
- 250 DR. Supl. II/1. P. 105–110; *Ursu I.* Die auswärtige Politik... S. 150–151; *Rezachevici C.* Tratatul între Petru Rareș și Sigismund I (28–31 august 1538) din vremea campaniei lui Suleiman Magnificul în Moldova // Cercetari istorice (seria nouă). Iași, IX–X (1978–1979).
- 251 *Советов П. В.* Исследования... С. 241–242.
- 252 Cr turc. I. P. 267, 269; *Gemil T.* Agresiunea otomano-tătaro-poloneză și căderea lui Petru Rareș // Petru Rareș. P. 154–155.
- 253 *Simionescu Șt.* Relațiile internaționale ale Moldovei în timpul domniei lui Petru Rareș // RI. 1977. Nr. 1. P. 103.
- 254 *Guboglu M.* Campania lui Suleiman I Magnificul în Moldova (1538) într-o cronică turco-tătară // Românii în istoria universală. III/3. Iași, 1988.
- 255 DR. II/1. P. 197–206; Tezaur. III. P. 162–163; Cr SR. P. 79; *Stănescu E.* Le coup d'Etat nobiliare de 1538 et son rôle dans l'asservissement de la Moldavie par l'Empire Ottoman // Nouvelles études d'histoire. Buc., 1955; *Gemil T.* Agresiunea otomano-tătaro-poloneză. P. 157–158.
- 256 *Guboglu M.* Inscricția sultanului Soliman Magnificul în urma expediției în Moldova (1538/945) // St. 1956. Nr. 2–3. P. 111; *Gemil T.* Românii și otomanii... P. 40–43.

- 257 *Simionescu Șt.* Relațiile internaționale... P. 104–105; *Rezachevici C.* Petru Rareș între sultan și lumea creștină în anii 1541–1542, după noi izvoare. Anexe documentară // RI. 1990. Nr. 7–8.
- 258 DAMȚ. 1. P. 21–22; *Gorovei Șt.* Domnia lui Alexandru Cornea // Petru Rareș. Buc., 1978. P. 175–178; Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX в.). Кишинев, 1987. С. 145.
- 259 *Berza M.* Haraciul... P. 10.
- 260 ИСв. 1. С. 311–312, прим. 123.
- 261 DR. II/1. P. 244–245; Tezaur. 3. P. 13–14; *Ciocan R.* Habsburgii în Transilvania în vremea lui Carol Quintul. Buc., 1945. P. 142.
- 262 DAMȚ. 1. P. 61, 78; DR. II/1. P. 254–258; II/2. P. 245–246; *Gubolgu M.* Catalogul documentelor turcești privind istoria românilor. Buc., 1960. Vol. 2. P. 14. См. также: Очерки внешнеполитической истории... С. 134–136.
- 263 DAMȚ. 1. P. 52–53.
- 264 *Motogna V.* Relațiunile dintre Moldova și Ardeal în veacul al XVI-lea. Dej, 1928. P. 152–154.
- 265 DR. Supl. 2/1. P. 189–190; Doc turc. P. 45–46; *Corfus I.* Documente privitoare la istoria României, culese din Arhivele polone. Secolul al XVII-lea. Buc., 1983. P. 158–159, 182–183.
- 266 Doc turc. P. 58, 81–83; *Corfus I.* Documente... P. 178–180; *Berza M.* Haraciul... P. 11.
- 267 DR. II/5. P. 401, 407–408.
- 268 DAMȚ. 1. P. 180–182.
- 269 DR. II/2. P. 303; III/1. P. 288–289, 306–307; *Ciocan R.* Habsburgii în Transilvania... P. 188.
- 270 ИСв. 1. С. 126–127; 314, прим. 135; *Подградская Е. М.* Экономические связи Молдавского княжества и Балканских стран с Русским государством в XVII в. Кишинев, 1980. С. 20.
- 271 DAMȚ. 1. P. 202–203; *Ambruster A.* Jacobus Heraclides Despota und der Romanitäts und Einheitsgedanke der Rumänen // RRH. 1971. Nr. 2. P. 257–265.
- 272 *Weczerka M.* Das mittelalterliche und frühneuzeitliche Deuschtum im Fürstentum Moldau von seinen Anfängen bis zu seinem Untergang (13–18. Jahrhundert). München, 1960. S. 185–186.
- 273 DR. II/1. P. 481–483, 493–497; XI. P. 64; Doc turc. P. 58–60; Cr SR. P. 144–146; см. также: Очерки внешнеполитической истории... С. 140.
- 274 DR. II/1. P. 265–267.
- 275 Ibid II/2. P. 291, 602; XI. P. 85–86; Doc turc. P. 93–96, 102–104, 118–122; ИСв. 1. С. 140–142.
- 276 *Stănescu E.* Colaborarea militară dintre români și cazaci în ultimul al veacului al XVI-lea // St. 1954. Nr. 3. P. 119–144; *Мохов Н. А.* Дружба ковалась веками (Молдавско-русско-украинские связи с древнейших времен до начала XIX в.). Кишинев, 1980. С. 72–75; Очерки внешнеполитической истории... С. 144–145.

- ²⁷⁷ *Мохов Н. А.* Дружба ковалась веками... С. 76–77; Очерки внешнеполитической истории... С. 146–147.
- ²⁷⁸ *Флоря Б. Н.* Россия и походы запорожцев в Молдавию в 70-х гг. XVI в. // Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973. С. 181–182.
- ²⁷⁹ ИСв. 1. С. 145–160; 315–318, прим. 145–164; *Мохов Н. А.* Дружба ковалась веками... С. 77–91.
- ²⁸⁰ DR. IV/2. P. 141; *Matei I.* Quelques problèmes concernant le régime de la domination ottomane dans les pays roumains // RESEE. 1973. Nr. 1. P. 89.
- ²⁸¹ *Panaitescu P.* De ce n-au cucerit turcii Țările Române // Revista Fondățiilor. 1944. Nr. 5. P. 293–304; *idem.* Introducere la istoria culturii românești. Buc., 1969. P. 22.
- ²⁸² *Berza M.* Haraciul... P. 9–10, 27–28; *Gemil T.* Români și otomani... P. 211–217.

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА
В ОТНОШЕНИЯХ СТРАН ВОСТОЧНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ
В КОНЦЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Внешнеполитическое положение Молдавии и Валахии в конце XVI — начале XVII в. определялось складывавшейся международной ситуацией в Восточной и Юго-Восточной Европе. В это время за преобладающие экономические и политические позиции в регионе соперничали с Османской империей Габсбурги и Польша. В реализации своих планов каждая из сторон придавала важное значение утверждению влияния в Дунайских княжествах.

С конца XVI в. усиливается вассальная зависимость Дунайских княжеств от Османской империи. Растет их экономическая эксплуатация Портой, укрепляется ее влияние на внутривнутриполитическую жизнь княжеств. В области внешних сношений Молдавия и Валахия оказываются в XVII в. полностью в сфере политических интересов Османской империи¹.

Следуя своей традиционной политике лавирования, молдавский и валашский господа стремились использовать соперничество европейских держав с османами и складывавшуюся в Восточной и Юго-Восточной Европе международную обстановку в целях проведения собственной политики в интересах княжеств, их освобождения от османской зависимости. Осуществлению такой политики правителями Молдавии и Валахии способствовало и то, что соперничавшие в регионе страны были заинтересованы в привлечении княжеств на свою сторону как в интересах стратегических, так и материальных.

Особую активность проявляли здесь Габсбурги и Речь Посполитая, конкурируя в стремлении овладеть торговыми путями Среднего Подунавья и Причерноморья. В этих условиях усиление османского влияния в Дунайских княжествах стало одной из важных задач европейской политики Порты.

Когда в 1593 г. после начала войны Габсбургов с османами была создана антиосманская Священная лига, в которую по призыву папы Климента VIII вошли Испания, Габсбургская империя и итальянские княжества Тоскана, Мантуя и Феррара, встал вопрос о привлечении к лиге Молдавии, Валахии и Трансильвании.

В 1594 г. благодаря стараниям папских легатов сторонниками лиги стали трансильванский князь Жигмонд Батори и молдавский господарь Арон, заключившие соответствующие договоры с императором Рудольфом II². Осенью этого же года, установив союзные отношения с Батори и Ароном, к лиге присоединился и валашский господарь Михайл, получивший в сентябре 1593 г. султанский ферман на правление.

Габсбургская дипломатия стремилась склонить к антиосманским действиям и Речь Посполитую. По планам лиги предусматривалось выступление запорожского казачества против Порты и Крыма, что могло спровоцировать конфликт Речи Посполитой с османами и заставить ее присоединиться к Священной лиге³.

Но канцлер Ян Замойский не хотел нарушать заключенный в 1593 г. договор с султаном и отказался от вступления Польши в антиосманскую

лигу. Такая позиция канцлера преследовала цели, с одной стороны, устранить турецкую опасность для Речи Посполитой и возможность возникновения войны с Османской империей, с другой — противостоять планам экспансии Габсбургов в Юго-Восточной Европе, в частности их претензиям на Дунайские княжества.

Избегая открытого конфликта с Габсбургской империей, Замоийский в то же время пытался утвердить польское влияние в княжествах, в первую очередь в Молдавии, что должно было одновременно решать и вопрос об османской угрозе для Польши. В продолжение политической традиции последних Ягеллонов канцлер стремился к превращению Молдавии и Валахии в буферные государства между Речью Посполитой и османами.

В условиях начавшейся антиосманской войны особое значение Польша придавала Молдавии, рассматривая ее как возможный политический противовес в отношениях с Османской империей и с Габсбургами. Когда Арон через побывавшего в Молдавии папского легата Кумуловича обратился к Замоийскому с советом присоединиться к Священной лиге, польский канцлер попытался повлиять на молдавского господаря, напомнив ему о возможности потери престола в случае выступления против султана⁴.

Но складывавшаяся обстановка склонила Арона к участию в антиосманских действиях. Прибывший в Яссы императорский посол Иоанн де Марини Полли обещал помощь Габсбургов; наемники господарской гвардии, в большинстве своем венгерской национальности, требовали порвать с османами⁵. Воодушевляли и вести об успешных действиях валашского господаря Михая, который в январе 1595 г. нанес удары по турецким крепостям, расположенным по обоим берегам Дуная, и отразил попытки татарских отрядов оказать помощь султанским войскам; в марте он сумел захватить крепость Браилу⁶.

Весной 1595 г. при поддержке прибывших казацких отрядов Арон начал антиосманские действия. Молдавско-казацкие войска осадили Бендерскую крепость, затем штурмом овладели Измаилом⁷.

Между тем Габсбурги стали явно проявлять свои претензии на Дунайские княжества. Взятый на себя роль проводника прогабсбургской политики трансильванский князь Жигмонд Батори требовал от молдавского и валашского господарей признания вассальной зависимости. Нуждаясь в военной поддержке Батори, Михай вынужден был согласиться на заключение в мае 1595 г. вассального договора с трансильванским князем и признать себя его наместником⁸. Молдавский господарь Арон, отказавшийся признать претензии трансильванского князя, был свергнут с престола, который занял сторонник Батори молдавский гетман Штефан Рэзван.

Разрыв Дунайскими княжествами вассальной зависимости, нападения господарей на османские крепости на Дунае — все это заставило Порту прибегнуть к решительным действиям по укреплению своих позиций, вплоть до решения превратить Молдавию и Валахию в пашалыки⁹.

Такой ход событий представлял угрозу интересам Речи Посполитой. Замоийский поставил задачу вырвать Молдавию из антиосманской лиги и включить ее в сферу польского влияния. Канцлер добился решения сейма об организации военной экспедиции в Молдавию и возведения на ее престол своего ставленника. В конце августа 1595 г. с большой армией он перешел Днестр. Ему удалось захватить Хотин; гарнизон крепости, состоявший из венгерских наемников, сдался; господарь Штефан Рэзван пал в сражении. На престол Молдавии был посажен живший в эмиграции в Польше Иеремия Могила, являвшийся представителем крупного молдавского боярства¹⁰. В условиях, когда Польша фактически выступила против антиосманской лиги, о продолжении борьбы с османами не могло быть и речи, и молдавское боярство признало власть Иеремии Могила.

Главной целью этой польской военной акции было не только возвращение Молдавии в систему союза с Османской империей, но и установление в княжестве польского влияния¹¹. Поэтому эта акция не могла не вызвать отпора со стороны Порты. Главнокомандующий османскими силами Синан-паша приказал отрядам крымских татар двинуться к Яссам. Положение польских войск оказалось сложным, княжество было разорено, не хватало продовольствия. Единственную возможность избежать военного столкновения Замоийский видел в немедленных переговорах с османами. К Синан-паше был направлен греческий монах Никифор Даскал в качестве посла канцлера и молдавского господаря с целью добиться признания перемен, происшедших в Молдавии, и убедить пашу в необходимости утверждения султаном нового господаря¹².

Но Никифору не удалось склонить Синан-пашу к тому, чтобы воспрепятствовать нападению на Молдавию. На нее двигались войска крымского хана Гази-Гирея II, в то время как силы самого паши были скованы действиями против валашского господаря Михая.

В результате упорных боев османам удалось закрепиться на левобережье Дуная. Михай отступил и, выбрав удобную позицию для сражения у селения Кэлугерени, в августе 1595 г. нанес войскам Синан-паши поражение. В ожидании подкреплений от Жигмонда Батори валашский господарь оттянул свои войска в глубь страны. В октябре с помощью трансильванских отрядов войскам Михая удалось развернуть наступление и разбить отступавшие османские силы при переправе через Дунай.

Неудачи османов в Валахии оказали влияние на ход событий в Молдавии. В то же время выход Молдавского княжества из Священной лиги и изменившаяся в связи с этим международная ситуация в регионе вынудили Михая пойти в октябре 1596 г. на перемирие с султаном.

Когда в октябре 1595 г. у Цуцоры польские войска оказали сопротивление вторгшимся в Молдавию татарским отрядам, в условиях неудач в Валахии Синан-паша и Гази-Гирей вступили в переговоры с Замоийским. Хотя молдавский господарь Иеремия Могила непосредственно в перего-

ворах не участвовал, тем не менее через посла Луку Строича он пытался установить прямые отношения с крымским ханом¹³.

В результате переговоров между сторонами было заключено соглашение. Османские и татарские войска оставляли территорию Молдавии. Иеремия, возведенный на престол поляками, утверждался султаном на господарстве с условием выполнения всех вассальных обязательств перед Портой и выплаты ежегодных даров и денежных сумм крымскому хану¹⁴. С целью ратификации польско-татарского соглашения сторонами были предприняты дипломатические демарши в Стамбуле, в результате которых Иеремия Могила получил султанский ферман на правление.

В условиях войны с Гасбургами и Ираном соглашение в Цуцоре отвечало интересам Османской империи в сохранении позиций в Дунайских княжествах. Для Речи Посполитой это соглашение означало возвращение Молдавии в систему союза с Портой и разрешение проблемы османской угрозы с превращением княжества в буферное государство¹⁵. Гарантию такой роли Молдавии Замойский видел в государе. Поэтому в договоре 1598 г. с османами он добился признания султаном пожизненного правления Иеремии и права на наследование молдавского престола потомками государя¹⁶.

Отличие от Молдавии Валахия, несмотря на мир с османами, сохранила свои связи с государствами антиосманской лиги. Получив субсидии от императора Рудольфа II, господарь Михай смог создать наемную армию, с ее помощью укрепить свою власть и нанести серьезные удары той части валашского боярства, которая искала соглашения с османами. Усиление роли крупного боярства в Молдавии в связи с приходом к власти Иеремии оживило борьбу оппозиционного валашского боярства против централизаторской политики государя Михая. Недовольные принимаемыми им мерами по укреплению центральной власти валашские бояре устраивали заговоры, эмигрировали в Молдавию, обращались к польским феодалам и молдавским боярам за помощью в избавлении от ненавистного им государя.

В обстановке нарастающей внутренней неустойчивости Михай укреплял свои внешние позиции, установив непосредственные связи с императором Рудольфом II и признав его своим сюзереном. По договору от мая 1598 г. император предоставлял Михаю наследственное право на валашский престол и денежные субсидии на содержание пятитысячного наемного войска¹⁷. В октябре этого же года валашский господарь закрепил свои мирные отношения с султаном, подтвердив обязательство уплачивать харадж.

Ситуация в Дунайских княжествах, укрепление польского влияния в Молдавии заставляли Габсбургов принимать меры, направленные на противодействие планам Речи Посполитой в Юго-Восточной Европе и своего утверждения в регионе. Отказ Жигмонда Батори от престола в

пользу Габсбургов давал им возможность укрепиться в Трансильвании. Но ход событий перечеркнул их планы.

Речи Посполитой удалось добиться возведения на трансильванский престол польского сенатора кардинала Андраша Батори, приходившегося Жигмонду двоюродным братом. При посредничестве молдавского господаря Иеремии Могилы Порты благословила польскую акцию, так как князь обязался быть верным султану¹⁸.

Приход к власти Андраша Батори, сторонника ЗамоЙского и Иеремии, означал фактический отход Трансильвании от антиосманской борьбы, создававшей серьезные трудности политике Габсбургов в Юго-Восточной Европе. Следующим шагом в укреплении польского влияния в регионе должно было стать устранение Михая с валашского престола, который стараниями Иеремии предназначался для его брата Симиона¹⁹. Трансильванский князь потребовал ухода Михая из Валахии²⁰.

В этой ситуации валашский господарь при поддержке Габсбургов в октябре 1599 г. предпринял смелый поход в Трансильванию и, нанеся Андрашу Батори решительное поражение в битве у Шелимбера, около Сибиу, вступил в столицу княжества Алба Юлию. Овладев Трансильванией, Михай установил свои органы гражданской и военной администрации, стал называть себя в официальных грамотах «господарем Ардяльской (Трансильвании. — Л. С.) и Валашской страны»²¹.

Такой шаг валашского господаря сделал неизбежным его столкновение с Речью Посполитой. Тем более что Иеремия продолжал происки с целью осуществления своих династических планов в Валахии. К тому же при молдавском дворе нашел приют Жигмонд Батори, стремившийся вернуться в Трансильванию и подчинить ее Польше²².

Чтобы упредить своих противников, Михай в ходе решительного наступления на Молдавию в мае 1600 г. вступил в ее столицу Яссы и в течение месяца подчинил почти все княжество. Иеремия с верными боярами и отрядом поляков укрепился в Хотине²³. Таким образом, к лету 1600 г. Михай объединил под своей властью три княжества — Валахию, Трансильванию и Молдавию. Уже в первых же своих официальных актах того времени он именовал себя «господарем Румынской страны (Валахии — Л. С.), Ардяла и Молдовы»²⁴. Современники дали Михая прозвище Храбрый, которое и утвердилось за ним в истории. Но объединение Валахии, Молдавии и Трансильвании под властью одного господаря, явившееся результатом определенной военно-политической ситуации в рамках антиосманской борьбы Священной лиги, лишённое внутренних предпосылок, оказалось кратковременным и не привело к их совместному выступлению против османов. Напротив, создание такого объединения породило ряд конфликтов между Михаем и его соседями²⁵.

Захват Михаем Трансильвании и Молдавии заставили польского канцлера Яна ЗамоЙского предпринять решительные действия. Воспользовавшись занятостью Михая в подавлении восстания трансильванской

знати осенью 1600 г., польские войска во главе с Замоиским вторглись в Молдавию и восстановили на престоле Иеремию. При содействии прибывших на помощь господарю османских сил²⁶ войска Замоиского без особых трудностей очистили княжество от валашских и венгерских отрядов и вторглись в Валахию.

Между тем Михай в сражении при Мирэслэу 18 сентября 1600 г. потерпел поражение от перешедшего на сторону восставших имперского генерала Басты и лишился Трансильвании. В решающий момент Габсбурги отказали ему в поддержке, чтобы самим овладеть Трансильванским княжеством. Положение осложнилось тем, что валашское боярство перешло на сторону нового господаря Симиона Могилы, возведенного на престол Иеремией и Замоиским²⁷. Попытка Михая силой восстановить свою власть успеха не имела. Потерпев неудачу в сражениях у Букова и у Арджеша, он покинул Валахию и уехал в Вену.

В феврале 1601 г. в Трансильвании вспыхнуло новое восстание сторонников Жигмонда Батори. Генерал Баста, в чьи обязанности входила защита власти Габсбургов, бежал из княжества. Прибывший из Молдавии Жигмонд Батори снова занял княжеский престол в Алба Юлии²⁸.

Габсбурги вновь прибегли к услугам Михая для восстановления своих позиций в Трансильвании. Император Рудольф II поручил ему набрать новое войско наемников и отвоевать Трансильванию²⁹. Во взаимодействии с императорскими войсками Михая удалось разгромить войско Жигмонда в битве при Горэслэу 3 августа 1601 г. Узнав о вступлении Михая в Трансильванию, валашское боярство, недовольное правлением Симиона Могилы, выступило против него. Перед Михаем открывалась перспектива восстановления на престоле Валахии. Но такой поворот событий не устраивал его противников: по приказу генерала Басты 9 августа 1601 г. Михай был предательски убит.

Казалось, устранение Михая позволит Речи Посполитой закрепить влияние в Валахии. Но Порта, используя недовольство валашских бояр правлением Симиона Могилы, назначила господарем Раду Михню (сентябрь 1601 г.) и нейтрализовала польские планы³⁰. Иеремия, действовавший не без поддержки Речи Посполитой, дважды попытался вернуть Симиона на валашский престол. Но в 1602 г. Симион отступил от своих претензий; Порта утвердила господарем Валахии Раду Шербана.

Речи Посполитой пришлось отказаться от планов установления влияния в Валашском княжестве; новый его правитель Раду Шербан стал ориентироваться на Габсбургов. В то же время через господаря Иеремию Польша продолжала удерживать в сфере своей политики Молдавию. Это вызывало напряжение в польско-османских отношениях. Однако стороны не были заинтересованы в конфронтации друг с другом. В условиях войны с Габсбургами и неудач в военных действиях против Ирана Порта воздерживалась от возможного конфликта с Польшей. Скванная военными акциями в России Речь Посполитая также не хотела нарушать

мир с османами. Опасаясь оккупации ими Молдавии³¹, Польша делала ставку в реализации своих планов на сохранение молдавского престола за родом Могил.

Положение самого молдавского господара в обстановке польско-османского соперничества было сложным. Дипломатические усилия Иеремии в Стамбуле в защиту Симиона³², когда в 1602 г. Порта решила сместить его с валашского престола, вызвали недовольство султана. После того как Иеремия осенью этого года отказался послать помощь Жигмонду Батори в борьбе против императорских войск генерала Басты, османы готовы были сменить молдавского господаря³³.

На поведение Иеремии влияли действия в княжестве оппозиционных групп бояр, посылавших эмиссаров к императору, а также нахождение в Трансильвании претендента на молдавский престол Марку Вбды³⁴. Это удерживало господаря от антиимперских шагов. Более того, пользуясь поручением султана содействовать установлению османского господства в Трансильвании, Иеремия поддерживал тайные отношения с Габсбургами, снабжал их информацией о действиях османов³⁵.

В то же время Иеремия являлся той фигурой на молдавском престоле, которая устраивала и Османскую империю, и Польшу. Хотя господарь почти полностью подчинил Речи Посполитой различные сферы жизни Молдавии, в первую очередь область внешней политики³⁶, Порта была вынуждена мириться с этим, будучи занята одновременно военными действиями с императорскими силами и затяжной войной с Ираном, тем более что господарь не пытался разорвать вассальные отношения и аккуратно выплачивал Порте дань.

После заключения в 1606 г. Житваторокского мира с Габсбургами Османская империя стала укреплять свои позиции на территориях к северу от Дуная. В Трансильвании княжеский престол занял Габор Батори, придерживавшийся проосманской ориентации. В Валахии правил ставленник султана Раду Шербан. Только в Молдавии и после смерти в 1606 г. Иеремии престол сохранялся за боярским родом Могил.

Ссылаясь на договор 1598 г., Речи Посполитой удалось добиться утверждения султаном на молдавском престоле сына Иеремии Константина³⁷. Однако вскоре новый господарь стал нарушать вассальные обязательства, задерживая отсылку в Стамбул хараджа. Недовольство султана усугублялось тем, что Константин проявлял антиосманские устремления во внешней политике, ориентировался под давлением польской дипломатии на Речь Посполитую и Австрию.

В условиях углублявшегося кризиса внутри Османской империи, недоверия к только что заключенному миру с Габсбургами и трудностей в войне с Ираном Порта, избегая конфронтации с Польшей, была вынуждена в 1607 г. подтвердить осmano-польский «договор о дружбе». Но наметившееся накануне Тридцатилетней войны сближение Речи Посполитой с Габсбургами заставляло османов действовать более решительно.

Воспользовавшись тяжелым положением польских войск в России, Порты в 1612 г. сместила Константина и назначила господарем Молдавии Штефана Томшу. При поддержке присланных крымским ханом отрядов Томше в 1612 г. удалось отразить попытки Константина вернуться на молдавский престол³⁸.

Заключение Портой в 1612 г. мира с Ираном, а также утверждение в Молдавии ее ставленника Томши укрепили позиции османов и сузили возможности Речи Посполитой вмешиваться в молдавские дела.

Польские магнаты, связанные интересами с фамилией Могил и поддерживаемые Габсбургами, не смирились с потерей влияния в Молдавии. В их среде вынашивались планы смещения Томши. Возможность их реализации представилась в 1615 г., когда против Томши выступило крупное боярство Молдавии. Вначале господарю удалось одержать победу над силами мятежников в битве под Яссами³⁹. Но польские магнаты, родственники Иеремии Могилы во главе с вдовой Елизаветой, использовали возникшие в княжестве внутренние неурядицы и организовали военное вторжение в Молдавию. Томша бежал в Валахию, на молдавский престол был посажен малолетний Александр Могила⁴⁰.

Между тем подтверждение осенью 1615 г. Житваторокского мира открывало возможности для реализации османами планов укрепления своих позиций к северу от Дуная. Порты почувствовала большую свободу в отношениях с Речью Посполитой.

В ответ на действия польских сторонников династии Могил османские войска во главе с боснийским пашой Искендером при участии татарских и валашских отрядов весной 1616 г. вступили в пределы Молдавского княжества. Господарь Александр с матерью и польскими покровителями попали в султанскую неволю⁴¹. Порты перевела из Валахии на молдавский престол послушного османам Раду Михню.

Напряженность в османо-польских отношениях усиливалась из-за нападений татар на польские земли и казаков на Молдавию. Летом 1617 г. османо-молдаво-валашские отряды под командованием Искендера-паши осадили крепость Рашков на Днестре. Вступление в связи с этим в Молдавию польских войск во главе с гетманом С. Жолкевским заставило пашу снять осаду Рашкова.

Возникла прямая военная конфронтация между османами и Польшей. Но ввиду трудностей, как внутренних, так и внешних, ни одна из сторон не была готова к разрыву. Обстоятельства складывались тяжело для Польши: в условиях войны с Россией возникала угроза со стороны Швеции. Порты также продолжала испытывать большие трудности в затянувшейся войне с Ираном. В результате военный конфликт вновь был успешно обойден сторонами. Без боя османы и поляки согласились на перемирие. В сентябре 1617 г. было заключено соглашение, по условиям которого Речь Посполитая должна была не допускать походов казаков на Молдавию, а Порты — набегов татар на польские земли⁴².

Таким образом, после ряда конфликтов Порты сумела вытеснить поляков из Молдавии и полностью подчинить княжество своему влиянию⁴³. Речь Посполитая, разумеется, не хотела с этим мириться.

Соглашение 1617 г. не разрешило османо-польских противоречий, связанных с планами утверждения экономических и политических позиций обеих стран в Среднем Подунавье и Причерноморье. Изменившаяся с началом Тридцатилетней войны международная ситуация привела к их новому обострению.

Тридцатилетняя война внесла существенные изменения в расстановку политических сил в Восточной и Юго-Восточной Европе. Османо-польские отношения, непосредственно влиявшие на внешнеполитическое положение Дунайских княжеств, особенно Молдавии, приобрели важное значение в контексте борьбы между католическим и протестантским лагерями. Речь Посполитая выступила в войне союзницей Габсбургов; Османская империя, установившая мирные отношения с Россией, была на стороне протестантов. Продолжавшееся османо-польское соперничество за преобладание в Молдавии и Валахии стало составной частью действий, развернувшихся в ходе Тридцатилетней войны.

Несмотря на соглашение 1617 г., напряжение в отношениях Османской империи и Речи Посполитой нарастало. Чтобы покончить с польским притязанием на Молдавию, в феврале 1619 г. Порты утвердила господаром на престоле в Яссах Гаспара Грациани. Но ставленнику османов не удалось добиться поддержки молдавского боярства. Отсутствие опоры внутри княжества и конфликт с трансильванским князем Габором Бетленом заставили Грациани пойти на союз с Польшей. Переориентация Грациани давала Речи Посполитой возможность попытаться вновь вернуть Молдавию в сферу своего влияния.

Когда в августе 1620 г. султан принял решение о смещении Грациани с молдавского престола, польские войска под командованием гетмана Жолкевского, перейдя 4 сентября Днестр, вступили на территорию княжества. Грациани с небольшим отрядом наемников прибыл в польский лагерь. Встреча польских войск с султанской армией произошла 18 сентября у Цуцоры. Превосходившие своей численностью силы Искендер-паши почти полностью уничтожили отряды Жолкевского, сам гетман погиб в бою. Грациани и несколько магнатов в сопровождении небольшой группы своих вооруженных сторонников бежали из польского лагеря. Грациани был убит боярами, часть поляков погибла от рук татар или утонула в реке Прут⁴⁴.

Поражение польских войск у Цуцоры временно склонило баланс сил в пользу Порты. Османы укрепили свое господство в Молдавии. Новый господарь Александр Илиаш, окруживший себя греками-фанариотами и турками, был послушным султану⁴⁵. Речь Посполитая в условиях войны со Швецией не могла ответить османам ничем, кроме как предоставив

свободу действий казакам, которые зимой и весной 1621 г. предприняли нападения на татарские и турецкие территории⁴⁶.

Османо-польская военная конфронтация усиливалась. В конце апреля 1621 г. Порта объявила войну Речи Посполитой. Огромная турецко-татарская армия во главе с султаном Османом II двинулась к крепости Хотин, где укрепился с войсками гетман Ходкевич.

Несмотря на начавшуюся военную кампанию османов, молдавский и валахский господа предпринимали посреднические усилия по урегулированию конфликта. Связанная с этим активность господаря Молдавии Илиаша при польском дворе завершилась появлением в Стамбуле посла Речи Посполитой⁴⁷. Но в это время произошли первые османо-польские столкновения, и посол вернулся ни с чем.

В начале сентября развернулось сражение под Хотином. На помощь польской армии прибыли отряды казаков под командованием гетмана Сагайдачного. Осада Хотина султанскими войсками затянулась; в османском лагере возникло недовольство в связи с безуспешностью военных действий. Испытывала трудности и Речь Посполитая в условиях шведской интервенции в Пруссии. Эти обстоятельства способствовали успеху османо-польских переговоров, которые велись при посредничестве валахского господаря Раду Михни приверженцами мирного разрешения конфликта с обеих сторон⁴⁸.

После того как 17 сентября великий везир Хусейн-паша был замещен Дилавер-пашой, переговоры приобрели официальный характер и завершились подписанием 9 октября 1621 г. двустороннего соглашения. По его условиям стороны обязывались взаимно сдерживать нападения татар и казаков на свои территории. Молдавии возвращался Хотин; при назначении господаря на ясский престол должно было учитываться его дружеское расположение к Польше. За польской стороной сохранялось обязательство доставлять ежегодные дары крымскому хану⁴⁹.

Хотинское соглашение как бы подводило итог польско-османскому соперничеству в первые десятилетия XVII в. Но оно не разрешило главной проблемы в противоречиях между Речью Посполитой и Портой — проблемы преобладания в Дунайских княжествах, в первую очередь в Молдавии. Каждая сторона трактовала Хотинское соглашение исходя из своих интересов. Польша воспринимала его как возобновление прежних договоров с османами и, следовательно, сохранение традиционной политики в отношении княжеств. Порта не могла отступить от своих позиций в Молдавии и Валахии и исключала какое бы то ни было польское вмешательство в их дела. В 1621 г. султан утвердил на яском престоле Стефана Томшу, считавшегося противником Польши.

После отступления османских войск из-под Хотина напряженность в отношениях между сторонами не спала. Положение осложнялось постоянными набегами казаков и татар. Польша продолжала концентрировать военные силы на Днестре.

Томша, предвидя трудности для княжества в случае продолжения войны, начал посредничать в затянувшихся переговорах между Портой и Речью Посполитой по заключению договора⁵⁰. Предметом спора между сторонами был вопрос о занятии молдавского престола. Польша претендовала на участие в согласовании кандидатуры господаря. Порта настаивала на лояльности Томши по отношению к Польше.

Исходя из своего толкования Хотинского соглашения, Польша пыталась восстановить влияние в Молдавии. 15 октября 1622 г. король просил Порту о передаче престола в Яссах Петру Могиле, находившемуся под покровительством польской короны⁵¹. Посол Речи Посполитой в Стамбуле К. Збаражский выдвинул в качестве условия завершения переговоров устранение Томши с молдавского престола и удаление с территории устья Дуная отрядов буджакских татар во главе с пашой Кантемиром⁵². Но Порта категорически отвергла эти притязания польской стороны⁵³.

Одновременно с К. Збаражским в османской столице находился и посол России, который пытался склонить Порту к общим действиям против Польши⁵⁴. В этом же направлении при поддержке константинопольского патриарха Кирилла Лукариса действовали посланцы трансильванского князя Габора Бетлена, стремившегося вовлечь османов в Тридцатилетнюю войну и получить их поддержку в планах овладения польской короной⁵⁵.

Новая война с Ираном и складывавшаяся в ходе Тридцатилетней войны международная ситуация оказали влияние на позицию Порты в переговорах с Речью Посполитой. В подписанном в феврале 1623 г. султаном Мустафой I тексте польско-османского договора были сделаны существенные уступки Польше. Так, в отличие от прежних договоров и Хотинского соглашения 1621 г., здесь отсутствовал пункт о запрете польского вмешательства в дела Дунайских княжеств, в то же время предусматривались дружественные отношения молдавских господарей с королями Речи Посполитой, запрещалось расположение татар на территории княжества.

В условиях возникших осложнений с Австрией вследствие антигабсбургских действий трансильванского князя более важное значение Порта придавала статье договора, исключавшей для польского короля и его подданных возможность оказывать помощь врагам султана; подчеркивалась обязанность короля иметь дружественные отношения с Бетленом и сохранять нейтралитет в отношении Трансильвании⁵⁶. Совершенно очевидно, что османы пытались воспрепятствовать польско-габсбургскому союзу в случае возможного военного конфликта с Австрией. Но внешнеполитические интересы толкали Речь Посполитую к сближению с Габсбургами. Поэтому польская сторона сразу же отвергла эту статью договора и настаивала на ее исключении из текста⁵⁷.

Порта, хотя и настаивала на сохранении статьи, стремилась разрешить затянувшиеся разногласия мирным путем. Татарское нападение на польские территории в начале 1623 г. было решительно осуждено, хан

Джанибек-Гирей был заменен Мехмед-Гиреем, считавшимся сторонником Польши, с поручением строгого соблюдения условий договора⁵⁸. Уступкой Польше было и устранение Стефана Томши с молдавского престола⁵⁹. В какой-то мере отношение Порты к Речи Посполитой в это время сказалось и на смещении с патриаршего престола в результате интриг иезуитов весной 1623 г. Кирилла Лукариса, сторонника антипольских проектов и вовлечения османов в Тридцатилетнюю войну⁶⁰. Оказало влияние и осложнение отношений с Габсбургами, хотя Порты и колебалась со вступлением в конфликт Трансильвании с ними.

Новый текст договора, подписанный султаном Мурадом IV 10 октября 1623 г. и переданный польской стороне, сохранял спорную статью уже в измененной редакции. Было исключено условие о поддержке Габора Бетлена, а дружественные отношения молдавских господарей с польской короной обуславливались ее дружбой с Портой. Уступки Польше и в то же время смягчение антигабсбургских формулировок позволили османам разрядить напряженность в отношениях с Речью Посполитой и с Габсбургами. В конце 1623 г. в Стамбул прибыл австрийский посол, а направленный в Варшаву чауш Абди вернулся с утвержденным польской стороной договором и королевским послом.

Мирная позиция Порты в европейской политике была вызвана внутренним кризисом в самой Османской империи и возобновлением в начале 1624 г. тяжелой затянувшейся войны с Ираном. В этих условиях существенно возросла роль Крымского ханства. Хан Мехмед-Гирей, вопреки ожиданиям, был настроен против Польши. Бетлену удалось склонить хана на свою сторону и заручиться его поддержкой в антипольских действиях. Участились набеги ногаев на польские земли. Летом 1624 г. предводитель буджакских татар паша Кантемир предпринял крупный набег на земли Речи Посполитой. Последовало ответное нападение казаков, достигших даже берегов Босфора⁶¹.

Обострение крымско-польских отношений не отвечало интересам Порты. Между тем хан и Кантемир-паша стремились показать, что они действуют в соответствии с планами османов⁶². Также и нападения казаков не отвечали намерениям Польши, заинтересованной в избежании конфликта с Османской империей.

Недовольство антипольскими акциями Мехмед-Гирея в значительной мере определило решение султана о его замене на ханском престоле Джанибеком-Гиреем, хотя в турецких хрониках в качестве причины этого решения указывается боязнь Порты возможного союза Крыма с Ираном. Действительно, такие опасения в османских правящих кругах имели место. Они усилились после возвращения из Ирана Шахин-Гирея, брата Мехмеда, и отказа хана послать 10-тысячное войско для участия в антииранской экспедиции великого везира⁶³.

Назначение Джанибека-Гирея встретило в Крыму оппозицию. Братья Мехмед и Шахин организовали силы и получили помощь запоро-

жских казаков. Порте пришлось направить в Каффу войска во главе с адмиралом Реджеп-пашой⁶⁴.

События, связанные с утверждением в Крыму ставленника османов, непосредственно влияли на положение Дунайских княжеств. Еще с конца 1623 г. молдавский господарь Раду Михня, основываясь на условиях османно-польского договора, добивался отступления с территории устья Дуная отрядов буджакских татар во главе с Кантемир-пашой, поскольку их нападения на польские земли считал причиной концентрации Речью Посполитой сил на границах с Молдавией⁶⁵. Возникновение османско-крымского конфликта осложнило положение Молдавии и Валахии. В складывавшейся ситуации Раду Михня стремился заручиться поддержкой Польши⁶⁶.

После поражения османских сил при Каффе в августе 1624 г. и восстановления правления Мехмеда и Шахина Гиреев в Крыму многочисленные татарские отряды подвергли разорению всю Молдавию, большую часть восточной Валахии и турецкие крепости на Дунае. В венецианском рапорте от 1 октября 1624 г. говорится о нападении 12 тыс. татар во главе с Шахин-Гиреем на Молдавию и Валахию⁶⁷.

Предпринятая Шахином атака на Дунайские княжества и другие османские территории преследовала, скорее всего, политические цели. Об этом говорит стремление крымских братьев устранить с яесского престола Раду Михню как верного подданного султана. В корреспонденции из Фэгэраша от 15 марта 1625 г. отмечалось, что татарское разорение Молдавии и Валахии было предпринято с намерением подчинить их⁶⁸. Во всяком случае эта акция Крыма должна была продемонстрировать стремление к независимости и созданию собственной зоны влияния.

Неудача экспедиции Реджеп-паши заставила Порту смириться с восстановлением на ханском престоле в Крыму Мехмед-Гирея⁶⁹. Чтобы закрепить свои позиции, Мехмед и Шахин Гирей установили отношения с Речью Посполитой и предложили польскому королю создать антиосманскую коалицию с привлечением России, Ирана и Молдавии. Но в условиях нарастающей угрозы со стороны Швеции Польша не хотела открыто нарушать мирные отношения с османами. В то же время она была заинтересована в вовлечении Крыма в орбиту своего влияния, поэтому согласилась на крымско-запорожский союз, заключенный 24 декабря 1624 г. Имея в виду свои планы в Молдавии, Речь Посполитая склонилась также и Раду Михню на сторону крымского хана. Источник начала 1625 г. упоминает о принесении молдавским и валашским господарями «даров» крымским братьям⁷⁰. Возможно, что между Раду Михней и Шахин-Гиреем существовало соглашение. Во всяком случае, можно определенно говорить о заинтересованности сторон в этом. Михня хотел укрепить власть в Молдавии и защитить престол своего сына в Валахии. Для Шахина было важно вовлечение Дунайских княжеств в сферу политических интересов Крымского ханства, а также возможность использования их материальных ресурсов. Разумеется, все это могло осуществляться

ся сторонами в условиях крымско-польских мирных отношений, имевших антиосманскую направленность, которая проявилась, в частности, в изгнании с территории устья Дуная весной 1625 г. отрядов буджакских татар во главе с Кантемир-пашой, связанным со Стамбулом, — врагом хана и Речи Посполитой⁷¹.

Действия Крыма вызывали осmano-польскую напряженность, что осложняло общую обстановку в регионе. Складывавшаяся ситуация создавала трудности в положении Раду Михни. Его отношения с Польшей и сближение с крымскими правителями были использованы против него Бетленом. Обвиняя молдавского господаря в тайных планах, направленных против османов, князь Трансильвании домогался у Порты свержения Михни. Действительно, господарь Молдавии информировал Польшу о намерениях османов и Крыма, в частности о военных приготовлениях Порты против казаков, продолжавших в нарушение договора нападения на турецкие территории⁷².

В феврале 1626 г. была предпринята большая экспедиция татар во главе с Мехмед-Гиреем. Но действия крымского хана направлялись не столько против казаков, сколько против Польши и преследовали цели обострения осmano-польских противоречий. Мехмед и Шахин Гирей, маневрируя между Портой и Польшей, стремились спровоцировать конфронтацию между ними. Сообщая польским властям, что они выступили в поход по приказу султана, крымские правители хотели, с одной стороны, показать верность османам, с другой — сохранить отношения с Польшей, направив ее недовольство против Порты.

В ходе кампании татары не тронули Молдавию, но в княжестве существовало беспокойство⁷³, которое усилилось в связи со смертью Раду Михни. В кругах европейских дипломатов в османской столице появились слухи о возможном крымском кандидате на молдавский престол⁷⁴. Путем уплаты большой суммы мукарера пропольской партии бояр удалось добиться у Порты утверждения господарем в Яссах Мирона Барновского, выдвижение которого позволяло Молдавии сохранять отношения как с Польшей, так и с Крымом⁷⁵.

С началом летом 1626 г. войны Швеции против Польши и датским вторжением в Германию активизировался Бетлен, начавший осенью того же года вместе с бейлербеем Буды Муртазой-пашой вооруженные антигабсбургские действия в Венгрии, сопрягавшиеся с планами протестантских сил в ходе Тридцатилетней войны. Швеция через трансильванского князя стремилась установить более тесные отношения с Портой и попытаться склонить ее к выступлению против габсбургского блока или хотя бы к организации татарской атаки на Польшу. Напряженность в отношениях с Австрией и непрекращавшиеся набеги казаков подталкивали османов к осуществлению этой акции. Осенью 1626 г. было предпринято нападение татар на польские земли, закончившееся, однако, провалом. Татарские отряды в ходе отступления подвергли разорению Молдавию.

Османо-габсбургские переговоры в начале 1627 г. расстроили протестантские планы в отношении Порты, которая предпочитала решить польскую проблему, используя занятость Речи Посполитой в войне со Швецией. Чтобы покончить с постоянными нападениями казаков, Порта решила по совету Мехмеда и Шахин Гиреев построить укрепления в устье Днепра с целью блокировать выход судов в Черное море. Предложение крымских братьев исходило, однако, из политики провоцирования османо-польского конфликта⁷⁶. В устье Днепра направлялись морские и сухопутные силы во главе с адмиралом Хасан-пашой. Мехмед и Шахин Гирей должны были приготовить часть строительных материалов, но главным образом — обеспечить безопасность строительных работ.

Обязанности по обеспечению строительства укреплений ложились также на Молдавию и Валахию. Княжества должны были поставлять материалы, продовольствие, направлять людские резервы в распоряжение Хасан-паши. В то же время возможность возникновения османо-польско-татарского военного конфликта в результате осуществления этого строительства обеспокоила господарей княжеств, особенно Мирона Барновского. Связанный тесными отношениями с польскими магнатами, Барновский, конечно, хорошо понимал, что Речи Посполитой в условиях войны со Швецией невыгодна конфронтация с Портой. Молдавский и валахский господари сознательно затягивали выполнение полученных из Стамбула поручений в связи с планируемым строительством в устье Днепра⁷⁷. Между тем Барновский, понимая реальные стремления Порты и Польши избежать конфронтации, стал посредничать в устранении напряженности между сторонами.

Отказ Мехмеда и Шахина Гиреев летом 1627 г. от работ по строительству и попытка начать военную кампанию против Польши склонили Порту к тому, чтобы оставить планы сооружения крепостей на Днепре и включиться в посреднические переговоры Барновского. К осени 1627 г. напряженность в османо-польских отношениях была снята. Был восстановлен мир с Габсбургами, означавший принятие Портой позиции нейтралитета в отношении Тридцатилетней войны.

Между тем активизировался предводитель буджакских ногаев Кантемир-паша, который, используя недоверие Порты к Мехмеду и Шахину Гиреям, стремился дискредитировать их, предлагал султану услуги по устранению братьев от управления Крымом. Весной 1628 г. Кантемиру при поддержке Порты удалось добиться победы над силами Шахина, атаковавшими Буджак; султан назначил на ханский престол Джанибека-Гирея.

Борьба между крымскими братьями, получившими помощь казаков, и Кантемиром, поддерживаемым Портой, вновь поставила под угрозу османо-польский мир. В сложившейся международной ситуации в Европе Речь Посполитая не могла допустить разрыва договора с Османской империей, поэтому переговоры Шахина с польским двором о поддержке братьев не имели успеха.

Возвращение ногаев в Буджак и установление влияния Кантемира в зоне устья Дуная вызвали озабоченность господаря Молдавии. Барновский учитывал, что Кантемир со своими отрядами не только угрожали постоянными нападениями на княжество, но и представляли инструмент османского политического давления. Для молдавского господаря предпочтительнее был польско-крымский союз и вовлечение ханства в сферу влияния Речи Посполитой, что позволило бы обеспечить безопасность границ княжества от набегов татар и в то же время способствовало бы ослаблению османских позиций. Поэтому Барновский оставил свои усилия по предотвращению осmano-польской напряженности и стал активно содействовать вовлечению Польши в антиосманские проекты Шахина-Гирея⁷⁸. Господарь имел связи с крымскими братьями и ходатайствовал при польском дворе об их поддержке⁷⁹.

Заклучив соглашение с польской стороной и получив помощь казаков, братья пытались устранить Джанибека и вернуть себе ханский престол, а также расправиться с ногайско-османскими силами, поддерживавшими крымского правителя. После неудачной военной экспедиции в Крым в ноябре 1628 г. Мехмед и Шахин Гиреи во главе многочисленных казацких отрядов предприняли летом 1629 г. новый поход, завершившийся полным поражением в сражении под Перекопом; Мехмед погиб, а Шахин был вынужден бежать⁸⁰.

Барновский, поддерживавший братьев Гиреев и пославший им на помощь молдавские отряды⁸¹, был смещен султаном с яесского престола. Очередная попытка восстановления польского влияния в Молдавии закончилась неудачей. Устранение Барновского означало решимость Порты не допустить проникновения Речи Посполитой в зону османских интересов.

Ухудшение осmano-польских отношений вследствие событий, связанных с действием крымских братьев Мехмеда и Шахин-Гиреев, а также укрепление в Крыму власти Порты в результате утверждения на ханском престоле Джанибека-Гирея, противника Польши, благоприятствовали планам антигабсбургской коалиции по вовлечению Турции в европейскую войну. Летом 1629 г. Габором Бетленом и его поверенными в Стамбуле предпринимались усилия к тому, чтобы склонить Порту к вступлению в союз против Габсбургов. Но в условиях войны с Ираном Османская империя довольно прохладно отнеслась к возможной активизации своей европейской политики, предоставив при этом татарам свободу действий против Польши.

Предпринятое осенью 1629 г. ногайско-татарское нападение на польские земли потерпело неудачу. Смерть Бетлена (ноябрь 1629 г.) свела на нет усилия лагеря протестантов по вовлечению османов и татар в европейский конфликт. Швеция заключила с Польшей перемирие. Порта приказала Джанибеку-Гирею участвовать в иранской войне, подтвердив таким образом намерение избежать своего втягивания в европейские противоречия.

Обострение отношений с Габсбургами в связи с назначением нового князя Трансильвании ставило султана перед необходимостью сохранения мира с Польшей. Утвердив на молдавском престоле представителя пропольской партии местных бояр Моисея Могилу, Порта при посредничестве господаря начала переговоры с Речью Посполитой и осенью 1630 г. заключила с ней договор. Османская сторона удаляла татар из Буджака, а Польша отказывалась от какого-либо вмешательства в дела Молдавии, Валахии и Трансильвании⁸². В письме польскому королю Сигизмунду III от сентября 1630 г. султан настаивал на запрещении вмешательства в дела княжеств, подчеркивая их статус подданства османам⁸³.

Вскоре османо-польские отношения вновь осложнились. В марте 1631 г. в Стамбул прибыло русское посольство с предложением союза против Польши. Не отказываясь в принципе от предложения, султан предпочел отсрочить его реализацию до разрешения разногласий с Габсбургами и, главное, завершения Багдадской кампании в ходе иранской войны, требовавшей значительных материальных и людских ресурсов⁸⁴. До этого времени широкая свобода действий предоставлялась крымскому хану.

В условиях войны с Ираном Османской империи необходима была безопасность ее европейских владений. Главным фактором, оказывавшим давление на позиции османов в Европе, являлась Польша, которая стремилась установить свое влияние в Дунайских княжествах, в первую очередь в Молдавии, опираясь на пропольски настроенное местное боярство. В 1633 г. молдавские бояре сместили с престола Александра Кокона, проводившего вместе с окружавшими его греками-фанариотами политику ограбления княжества, и вновь возвели в господари Мирона Барновского. Порта усмотрела в этом новую попытку Речи Посполитой утвердить в Молдавии верного себе правителя, связанного с польскими магнатами. Барновский был вызван в Стамбул и казнен⁸⁵.

Весной 1633 г. в османскую столицу прибыло новое русское посольство с предложением антипольского союза⁸⁶. Учитывая состояние войны между Речью Посполитой и Россией, султан решил воспользоваться предложением царских посланцев⁸⁷, чтобы нейтрализовать планы Польши в отношении османов. В правительственных кругах Стамбула при поддержке шведских дипломатов и константинопольского патриарха активизировались антипольские силы. Осенью 1633 г. под предлогом невыполнения польской стороной обязательств по прекращению набегов казаков и игнорирования пункта соглашения 1630 г. о невмешательстве в дела Дунайских княжеств султан приказал Абазе-паше организовать нападение на польские земли. В октябре османо-татарские войска осадили Каменец-Подольск.

С началом антипольских военных действий положение Дунайских княжеств, особенно Молдавии, осложнилось. Господари прибегли к традиционной политике лавирования между Портой и Речью Посполитой.

Молдавский господарь Моисей Могила и валахский господарь Матвей Басараб как вассалы султана выставили свои отряды, которые, однако, отказались от участия в атаке на Каменец-Подольск⁸⁸. В то же время, сознавая, что поражение Речи Посполитой повлечет за собой ухудшение положения княжеств в системе Османской империи, господари пытались оказать помощь польским войскам. Моисей Могила подослал к Абазе-паше людей с ложными сведениями о подходе большого казацкого войска на защиту осажденного Каменец-Подольска. Абаза, сняв осаду, отошел со своим отрядом от крепости⁸⁹. Это отступление предопределило безуспешный исход предпринятой османами антипольской акции. Моисей Могила был обвинен султаном в соглашении с поляками и смещен с яского престола. Весной 1634 г. Порта назначила господарем Молдавии Василия Лупу.

Напряжение в осmano-польских отношениях усилилось. Имея в виду занятость Польши в войне с Россией и предложения царских посланцев о союзе, султан Мурад IV был готов начать военные действия. 8 апреля 1634 г. он направил ультимативное письмо королю Владиславу IV. В нем подчеркивалось, что Молдавия и Валахия являются частью османских владений. В качестве условия возобновления мирных отношений выдвигались требования разрушения польских военных укреплений на османских границах, контроля за действиями казаков и регулярности обычных даров крымскому хану⁹⁰.

Ультиматум султана сразу же был смягчен реалистичным подходом к сложившейся ситуации со стороны Порты: в письмах великого везира королю и канцлеру выражалось желание избежать конфликта, хотя он и настаивал на признании выдвинутых султаном условий⁹¹. Перспектива антипольской войны не устраивала и крымского хана⁹². Польша также стремилась избежать вооруженного конфликта, но в то же время отвергала османские условия. Обеспокоенная осложнением отношений с Портой, она поспешила в июле 1634 г. заключить мир с Россией. Это известие было передано Мураду IV молдавским господарем Василием Лупу, активно посредничавшим в урегулировании осmano-польского конфликта. Заключение русско-польского мира заставило султана отказаться от планов войны против Польши, но при этом предоставить везиру Муртазе неограниченные полномочия в разрешении возможных конфликтных ситуаций между сторонами.

Результатом осmano-польских переговоров 1634 г. было ахднаме султана Мурада IV⁹³. Оно основывалось на прежних договорах с Польшей, учитывало также пункты соглашения османского посла Шахин-аги с поляками от августа 1634 г. Однако существовали и новые принципиальные акценты. Так, ежегодные дары Польши Крымскому ханству считались не просто выкупом мира, но и платой за военную помощь, которую хан должен был оказывать королю в случае необходимости. Это означало, что Порта сохраняла за Крымом свободу в осуществлении давления

на Польшу, чтобы препятствовать нападениям казаков и противодействовать польским планам укрепления влияния в Дунайских княжествах.

Статьи, относящиеся к Молдавии и Валахии, утверждали исключительное господство Порты, запрещавшее какое-либо вмешательство извне в их дела. Существующее в историографии мнение, что по договору 1634 г. господа княжеств назначались султаном по рекомендации или с учетом пожеланий польского короля⁹⁴, ошибочно. Ни осmano-польское соглашение от августа 1634 г., ни ахднаме от 23 октября, как и переписка османских чиновников с польской канцелярией в это время, таких условий не содержат⁹⁵.

Утверждавшееся в исторической литературе мнение основывается на западных источниках, отражавших претензии поляков. Действительно, после заключения мира с Россией и отказа султана Мурада IV от военной экспедиции против Польши, польская сторона стала выдвигать требование признания права короля на рекомендацию при назначении молдавских господарей, возвращения Хотина с прилегающей территорией, угрожая в противном случае нападением на Молдавию⁹⁶. Эти претензии были категорически отвергнуты Портой.

Текст ахднаме 1634 г. исключал какое-либо возможное вмешательство Польши в дела Молдавии и Валахии. В то же время, желая избежать войны, султан отказался от требования о разрушении польских укреплений на османских границах и обязался вывести ногайских татар из Буджака.

Учитывая реальное соотношение сил в регионе, польский король был вынужден принять османские условия. Договор 1634 г. закрепил приоритет Порты в соперничестве с Польшей за преобладание в Дунайских княжествах.

Заключение договора позволило османам не только улучшить отношения с Речью Посполитой, но и стабилизировать обстановку на северных рубежах империи. Спокойствие на границах европейских владений было необходимо султану Мураду IV как одно из важных условий для решения главных политических вопросов — ликвидации внутренних неурядиц в империи и завершения войны с Ираном, восстановления престижа на Востоке, особенно подорванного падением Багдада. Поэтому основная задача политики Порты в Европе вплоть до середины XVII в. состояла в том, чтобы избежать втягивания в сложные европейские конфликты. Эта задача требовала постоянного внимания со стороны османских властей к событиям в Европе.

С вступлением Франции весной 1635 г. в Тридцатилетнюю войну парижская дипломатия активно вмешивается в проблемы Восточной Европы с целью ослабить позиции Габсбургов в регионе. Противодействуя французским проiscaм, Вена стремилась избегать каких бы то ни было осложнений в отношениях со Стамбулом. Важную роль в защите своих интересов в европейских делах в этот период Османская империя отводила Крыму. Крымские правители, выступая в отношениях стран регио-

на в качестве вассалов султана, все более начинают преследовать свои интересы, зачастую противоречившие османским.

С возобновлением в начале 1635 г. иранской войны важное значение для Порты приобрело сохранение мира с Речью Посполитой. По распоряжению из Стамбула в ноябре 1634 г. и крымский хан Джанибек-Гирей издал ахднаме «мира и дружбы» с польским королем. Польша, несмотря на ратификацию договора 1634 г. с османами, продолжала претендовать на право участия в назначении господаря на молдавский престол. Уже с 1635 г. предпринимаются попытки заменить Василия Лупу представителем пропольской династии Могил. Такие попытки Речи Посполитой становятся настойчивыми в условиях передышки, полученной ею благодаря миру со Швецией (сентябрь 1635 г.). В апреле 1636 г. польский посол Е. Крушинский прибыл в Стамбул с поручением решительно добиваться свержения В. Лупу и отвода из Буджака ногайских отрядов Кантемира⁹⁷.

Порта отвергла притязания Польши. Утверждение В. Лупу на престоле в Яссах было важно не только для укрепления османских позиций в Молдавии. В планах Стамбула В. Лупу отводилась роль стабилизирующего фактора в регионе по предотвращению антиосманских акций, в частности со стороны валашского господаря Матвея Басараба и трансильванского князя Дьердя I Ракоци, главным образом в воспрепятствовании их связям с Польшей⁹⁸.

Отказав польской стороне в смещении В. Лупу, Порта в то же время стремилась избежать открытого конфликта с Речью Посполитой. Однако такая возможность султаном не исключалась. Поэтому В. Лупу вместе с крымским ханом и Кантемиром поручалась защита османских границ с Польшей. Одновременно было направлено распоряжение силистрийскому паше Кенану готовиться к отпору предполагаемой польской интервенции в Молдавию⁹⁹.

Опасения Порты в возможности осложнений в отношениях с Польшей усилились в связи с событиями, возникшими в Крыму в конце 1636 г. Хан Инает-Гирей, как и его предшественник Джанибек-Гирей, не только отказался выполнить распоряжение султана об участии с войском в войне против Ирана, но и атаковал буджакские отряды Кантемира, представлявшего османские интересы в регионе, связанные не в последнюю очередь с предотвращением стремлений крымских ханов к самостоятельности. Одновременно Инает-Гирей обратился за военной помощью к польскому королю. Не вмешиваясь непосредственно в конфликт, Речь Посполитая, как обычно, предоставила свободу казакам в антиосманских действиях¹⁰⁰.

В марте 1637 г. крымские отряды разорили ногайские территории в устье Дуная; Кантемир бежал в Стамбул. Предприняв в апреле-мае атаку Каффы, хан потребовал у султана выдачи Кантемира¹⁰¹.

В связи с событиями в Крыму молдавский и валашский господари В. Лупу и М. Басараб получили от Порты распоряжение об участии кня-

жеств в османских приготовлениях для поддержки Кантемира против крымского хана¹⁰². Но оба господаря не спешили в лагерь везира Кенан-паши для выступления против Инаета-Гирея. Пользуясь доверием султана, ловкий В. Лупу стремился использовать ситуацию в своих интересах. Несмотря на хорошие отношения с Кантемиром, господарь Молдавии предпочитал изгнание из Буджака его ногаев, представлявших для княжества постоянную военную угрозу. Поэтому возможно, что В. Лупу пытался примирить крымского хана с Портой, принеся в жертву Кантемира. По свидетельствам венецианских информаторов, через В. Лупу в Стамбуле было получено письмо Инает-Гирея, в котором он заверял, что его действия были направлены не столько против Кантемира, сколько против неурядиц, провоцируемых его ногаями. Эти же источники говорят об удовлетворении Порты таким объяснением крымского правителя и ее приказе Кантемиру прибыть к султану¹⁰³.

Мурад IV, занятый подготовкой военной экспедиции по отвоеванию Багдада, был заинтересован в стабилизации обстановки в Крыму и устье Дуная. Султан прибег к чрезвычайным мерам, приказав убить и Инает-Гирея и Кантемира.

Устранение обоих соперников укрепляло позиции османов в регионе. Роль проводника европейских интересов Порты переходит в это время к В. Лупу. Молдавский правитель использовал доверие султана в своей борьбе с валашским господарем М. Басарабом. Тем более что Мурад IV подозревал господаря Валахии в связях с австрийцами и поляками. По мнению ряда исследователей, не без вмешательства В. Лупу Мехмед-паша получил секретный ферман об устранении М. Басараба в ходе военной экспедиции в Буджак в октябре 1637 г. по изгнанию ногаев¹⁰⁴. Союз с трансильванским князем Дьердем I Ракоци¹⁰⁵ позволил валашскому господарю отбить предпринятую В. Лупу атаку на Валахию. Это заставило султана в условиях подготовки к возобновлению войны с Ираном временно отказаться от планов относительно валашского господаря. В. Лупу был вынужден замаскировать свои намерения и пойти на примирение с М. Басарабом при посредничестве Трансильвании¹⁰⁶.

Но договор с Валахией не состоялся. Валашский господарь проявлял непримиримость, делая ставку на замещение В. Лупу на молдавском престоле Иоаном Могилой и на планы создания антиосманской европейской коалиции. Между тем главные ее возможные участники не хотели осложнения отношений с османами. Габсбурги были отвлечены конфронтацией с Францией; Польша была занята конфликтом с восставшими запорожскими казаками и планами вступления в Тридцатилетнюю войну. Лишь Венеция проявила интерес к проектам господаря Валахии, так как они, в случае их реализации, отвлекли бы внимание османов от региона Средиземноморья и Эгейского моря.

Россия, хотя и находилась в состоянии конфликта с Портой и Крымом из-за захвата донскими казаками Азова в июне 1637 г., также не была заин-

тересована в антиосманских планах, могущих обострить ее отношения с султаном.

Поэтому инициатива М. Басараба, рассчитанная на использование занятости османов в военных действиях в Иране, оказалась беспочвенной и не могла быть реализована. Даже его сюзерен по договору 1635 г. Дьердь I Ракоци отнесся сдержанно к планам валашского господаря по созданию антиосманской коалиции. Подстрекаемый антигабсбургской политикой Франции, трансильванский князь рассчитывал приступить к действиям по возвращению западных владений бывшего королевства Венгрии. В связи с этим Ракоци было важно обеспечить мир на восточных границах, положив конец враждебным отношениям между М. Басарабом и В. Лупу. Когда его посредничество в 1638 г. по заключению валашско-молдавского договора оказалось безуспешным, князь Трансильвании подписал отдельные двусторонние акты с господарями Валахии и Молдавии¹⁰⁷. М. Басараб, возобновив договор 1635 г. с Ракоци, был вынужден примкнуть к примирительным действиям трансильванского князя, но занял при этом осторожную позицию, не без основания сомневаясь в искренности мирных намерений В. Лупу. Действительно, В. Лупу видел в установлении связей с Трансильванией средство ослабления союза между Ракоци и М. Басарабом.

К осени 1639 г. произошло охлаждение в отношениях между трансильванским князем и господарем Валахии. Победоносное завершение Мурадом IV войны с Ираном осложнило положение М. Басараба. В. Лупу, используя ситуацию, усилил военные и дипломатические приготовления для вторжения в Валахию¹⁰⁸. Перед лицом нападения войск молдавского господаря Басараб оказался один. Ракоци отделялся словесными обещаниями помощи. Но М. Басарабу удалось не только отразить вооруженное нападение В. Лупу в ноябре 1639 г., но и заставить его бежать и укрыться в Браиле. Используя интриги, существовавшие между приближенными султана, валашский господарь сумел заручиться покровительством главнокомандующего османскими военно-морскими силами Хусейн-паши, чтобы при его поддержке добиться у Порты смещения В. Лупу. В то же время М. Басарабу удалось склонить на свою сторону Ракоци и в 1640 г. возобновить с ним договор¹⁰⁹.

Несмотря на сложность возникшей ситуации, угрожавшей потерей престола, молдавский господарь не только возобновил связи с трансильванским князем, но и восстановил свои позиции в Порте. В значительной степени этому способствовала заинтересованность султана в посредничестве В. Лупу в урегулировании возникших осложнений в отношениях с Польшей и Россией.

Напряжение в польско-османских отношениях появилось после взведения поляками в 1639 г. укреплений на месте разрушенной ранее запорожскими казаками крепости Кодак. Действия властей Речи Посполитой по восстановлению крепостных сооружений в районе днепровских поро-

гов с целью противостояния казацким набегам были восприняты в Стамбуле как угроза на северных границах империи. Недоверие к намерениям польской стороны усилилось с весны 1640 г., когда король отказался ратифицировать обновленный текст мирного договора 1634 г., врученный в середине мая новым султаном Ибрагимом I польскому послу В. Мясковскому¹¹⁰. Речь Посполитую не устраивали, как и прежде, статьи, запрещавшие вмешательство Варшавы в вопросы, связанные с Молдавским и Валашским княжествами, и прежде всего с наследованием молдавского престола. Не воспринимался короной и запрет на поддержку противников князя Трансильвании. Реакция польских властей проявилась в усилении набегов казаков на пограничные османские территории. Порта приняла срочные меры по оказанию отпора и организации ответных нападений на пограничные польские земли. Молдавскому и валашскому господарям также были направлены распоряжения о подготовке военных сил для отражения возможной атаки польско-казацких войск¹¹¹.

В то же время крымский хан оказывал давление на Польшу, чтобы склонить ее к согласию с положениями возобновленного мирного договора 1634 г. Главной проблемой для османов тогда было возвращение Азова. Поэтому Порта хотела избежать дальнейшей эскалации напряженности в отношениях с Речью Посполитой. Османы пошли на некоторые уступки Польше, обязавшись обеспечить мир со стороны буджакских татар и освободив польских пленных¹¹². В ответ было получено обязательство польской стороны не оказывать помощь России в азовском конфликте и, главное, не допустить присоединения запорожцев к донским казакам. Это условие имело важное значение для Порты, готовившей поход на Азов. В августе 1640 г. договор был ратифицирован польским королем Владиславом IV, и напряженность в осmano-польских взаимоотношениях спала¹¹³.

Основная задача посреднической миссии молдавского господаря, по замыслу Порты, состояла в том, чтобы способствовать установлению контактов с Россией для переговоров по Азову. В Стамбуле знали, что русское правительство оказывает занявшим Азов донским казакам помощь оружием, провиантом и деньгами. Порта рассчитывала, что имевший связи с Москвой Лупу сможет склонить русские власти к урегулированию конфликта. Для османов было важно, чтобы русское правительство перестало поддерживать казаков и не послало им на помощь свои войска.

В своих посреднических усилиях молдавский господарь исходил из того, что в то время Россия не была заинтересована в разрыве мирных отношений с Османской империей. Этим в конечном счете был предопределен успех посредничества В. Лупу в 1641–1642 гг. в урегулировании осmano-русского конфликта из-за Азова¹¹⁴. 30 апреля 1642 г. царь направил донским казакам «повеление» оставить крепость¹¹⁵. В обмен на вывод казаков из Азова Порта обещала военную помощь в случае конфлик-

тов России с другими государствами и запрет татарам нападать на русские земли¹¹⁶.

Дипломатическая деятельность В. Лупу была высоко оценена в Стамбуле; выдвигались даже предложения дать ему хаттишериф на пожизненное владение молдавским престолом¹¹⁷. В то же время некоторые его современники ставили под сомнение добросовестность молдавского господаря как посредника. Объяснялось это тем, что, с одной стороны, В. Лупу как вассал султана действовал в интересах османов, с другой — выдвигавшиеся господарем условия были выгодны русским властям, заинтересованным в мирном соглашении с Портой. К тому же порученную ему султаном посредническую миссию В. Лупу использовал для установления политических контактов с русским правительством, для налаживания торговых и культурных связей. Одновременно он прилагал усилия для налаживания отношений с Речью Посполитой. В годы азовского конфликта господарь постоянно снабжал польских сановников, прежде всего великого коронного гетмана С. Конецпольского, подробной информацией о планах и намерениях османов и татар¹¹⁸.

Однако В. Лупу не получил ожидаемой платы за ценную для Порты службу. Его просьбы о получении валашского престола и пожизненного правления в Молдавии не были приняты; вскоре были минимизированы его заслуги в урегулировании азовского конфликта, главным образом, из желания Порты противодействовать амбициозному господарю из Ясс в его возможных провокациях в отношениях с соседями¹¹⁹. Перемены в отношении султана к В. Лупу способствовали утверждению М. Басараба на престоле Валахии и укреплению позиций княжества в регионе.

После благоприятного разрешения проблемы Азова внимание Порты привлекли события, происходившие в рамках Тридцатилетней войны. Успехи шведской кампании в Германии склонили трансильванского князя Дьердя I Ракоци присоединиться к франко-шведскому союзу (31 июня 1641 г.). Одним из условий присоединения было получение согласия султана на участие трансильванского князя в антигабсбургских военных действиях. Перспектива поражения Габсбургов в крупном европейском конфликте не могла не привлекать османов. Но Порта не могла рисковать разрывом заключенного в марте 1642 г. мира с Веной. Между тем Ракоци и его союзники на западе прилагали к этому усилия. Трансильванский князь пытался получить поддержку вассалов султана — Крыма, Молдавии и Валахии. С осени 1642 г. велись интенсивные сношения Трансильвании с Крымом, в ходе которых давались обещания взаимной помощи, речь шла даже о возможной уплате князем ежегодных даров хану¹²⁰. Попытка князя привлечь к антигабсбургским планам М. Басараба оказалась безуспешной. Валашский господарь, верный своим антиосманским идеям, не только отказал в сотрудничестве бывшему своему союзнику, но и информировал Габсбургов о намерениях князя¹²¹. В. Лупу обусловил свое участие в антигабсбургских действиях выступле-

нием князя вместе с ним против М. Басараба. Молчаливая поддержка Портой Ракоци, сближение между ними рассматривались молдавским господарем как опасность для его планов, связанных с претензией на трансильванский трон. В этих условиях возникли предпосылки для примирения в 1644 г. двух соперников — В. Лупу и М. Басараба.

В складывавшейся ситуации господарь Молдавии придавал важное значение отношениям с Речью Посполитой, которая представлялась ему не только местом убежища в случае потери престола, но и силой, противостоящей османам. Между тем от позиции Польши зависела расстановка сил в ходе начавшейся в начале 1644 г. трансильвано-габсбургской войны и почти одновременно шведско-датской. Женитьба короля Владислава IV на сестре императора Фердинанда II с целью получения при поддержке Вены шведского трона свидетельствовала о начале прогабсбургского курса короны, чреватого втягиванием в европейский конфликт, что, разумеется, не мог допустить сейм, опасаясь одновременной войны со Швецией и Османской империей. Чтобы нейтрализовать прогабсбургскую ориентацию польской короны, Ракоци попытался через посредничество В. Лупу заключить династический союз с Речью Посполитой. Трансильванский князь предложил господарю Молдавии брак его старшей дочери с Янушем Радзивиллом и младшей с собственным сыном Жигмондом Ракоци¹²².

Однако В. Лупу, уловив намерения князя, отказал ему в родстве, но принял в то же время предложение о браке с Радзивиллом своей старшей дочери, доверив посредничество в переговорах при этом не князю, а киевскому митрополиту Петру Могиле¹²³. В такой ситуации Ракоци, используя свое влияние в Стамбуле, побудил Порту осуществить весной 1644 г. нападение татар на польские земли в качестве предупредительной акции на случай каких-либо враждебных действий против Трансильвании. Между тем Габсбурги через посредничество Речи Посполитой прибегли к услуге В. Лупу, чтобы подорвать влияние Ракоци на Порту и заставить османов дезавуировать западные акции князя¹²⁴. В свою очередь, французская дипломатия стремилась воспрепятствовать созданию прогабсбургской коалиции между Данией, Польшей и Россией, намереваясь в то же время спешно закончить датско-шведскую войну как необходимое условие продолжения войны между Трансильванией и Габсбургами.

В. Лупу стремился, воспользовавшись международной ситуацией, укрепить связи с Речью Посполитой, но в то же время сохранить благосклонное отношение Порты. Такая позиция господаря определялась происходившей в княжестве борьбой между «греческой» партией крупных бояр во главе с братьями Кантакузино и местными боярами, руководимыми Григорием Уреке, в подходе к вопросам внешней политики страны. «Греческая» партия отдавала предпочтение сохранению хороших отношений с Портой, видя в этом гарантию соблюдения своих интересов. Местные бояре отражали антиосманские настроения в княжестве. С позиций своих

интересов подходили эти партии к вопросу о предстоящем браке дочери В. Лупу с Я. Радзивиллом. Состоявшаяся в феврале 1645 г. свадьба закрепляла молдавско-польское сближение. Будучи заинтересованными в вовлечении Молдавии в сферу своих политических планов, польские власти благословили этот брак, а Порта дала на него разрешение с денежной уплатой со стороны В. Лупу. Такая уступка молдавскому господарю была необходима османскому правительству для сохранения дружественных отношений с Речью Посполитой. Это стало особенно важным с возобновлением весной 1645 г. Житваторокского мира и объявлением султаном войны Венеции.

Османская кампания по завоеванию Крита была предпринята для обеспечения безопасности сношений столицы империи с североафриканскими и арабскими провинциями, серьезно осложнявшихся тогда действиями мальтийских пиратов. В ходе войны с османами Венеция стремилась использовать их отношения со странами юго-восточной Европы, влиять на них, провоцируя антиосманские действия и активно вмешиваясь в развитие событий в регионе. Папство, в свою очередь, пыталось использовать османо-венецианскую войну как дополнительный повод для призыва к заключению общего мира в Европе, прежде чем станет явной слабость католического блока, возглавляемого империей Габсбургов.

С началом критской экспедиции Порты изменила свое отношение к участию Трансильвании в антигабсбургских действиях. Под давлением османов Дьердь I Ракоци был вынужден 22 августа 1645 г. подписать мирный договор с Габсбургами. Заключение этого мира знаменовало конец последней значительной попытки втягивания Османской империи в Тридцатилетнюю войну. В условиях занятости военными действиями на Крите Порта стремилась избежать какого-либо континентального конфликта. Именно в этот период возрастает роль Крыма в защите османских интересов в юго-восточном регионе. В этом плане большое доверие османы оказывали и молдавскому господарю В. Лупу. Наибольшую активность проявлял крымский хан Ислам-Гирей. Средство обеспечения собственных интересов Крыма и его самостоятельности в политической жизни региона хан видел в укреплении отношений с Портой и устранении возможных предпосылок к созданию антиосманской коалиции. Главную угрозу он усматривал в перспективе политического союза России и Речи Посполитой.

Между тем в начале 1646 г. происходит русско-польское сближение на основе подготовки конкретных планов военных действий против Крыма¹²⁵ в ответ на предпринятый в конце 1645 г. по приказу Стамбула татарский набег на Россию. Рассматривавшиеся сторонами планы вписывались в проекты антиосманской войны польского короля Владислава IV, сблизившегося на этой почве с Габсбургами и Францией.

Венеция, больше других стран заинтересованная в европейской коалиции против османов, стремилась использовать свои отношения с гос-

подарями Дунайских княжеств для оказания влияния на антиосманские планы ее членов. В частности, были установлены связи венецианского резидента в Стамбуле с В. Лупу. Молдавский господарь снабжал Венецию и другие европейские дворы информацией о действиях османов и татар, о русско-польских планах относительно Крыма. В то же время под давлением крупного молдавского боярства В. Лупу сохранял осторожность в отношениях с Портой, продолжая держать ее в курсе всех событий, происходивших в юго-восточном регионе¹²⁶. Тем не менее, будучи осведомлен о военных приготовлениях русского правительства против Крыма и об антиосманских планах польской короны¹²⁷, В. Лупу вместе с валашским господарем М. Басарабом весной 1646 г. направил в Москву посла Ивана Григорьева для переговоров об участии молдавских и валашских войск в совместных действиях против крымского хана и османов. На распросе в Посольском приказе И. Григорьев сообщал, что господа-ри «хотят с великим государем, с его царским величеством, заодно стоять против турецкого царя и против крымского царя и ратных людей ему, великому государю, на помощь дадут»¹²⁸. В. Лупу при посредничестве Я. Радзивилла удалось заключить в 1646 г. договор с трансильванским князем Дьердем I Ракоци¹²⁹, который мог быть полезным в случае реализации антиосманского проекта.

Между тем к осени 1646 г. международная ситуация изменилась. Уже летом польские магнаты и шляхта решительно выступили против антиосманских планов Владислава IV. В этих условиях русское правительство стало искать соглашения с Крымом и Османской империей¹³⁰. Такой поворот в политике России и неудача военных планов польской короны изменили позицию молдавского и валашского господарей, хотя М. Басараб и пытался настаивать на продолжении антиосманского курса¹³¹. Ловкий В. Лупу сразу же принял меры к тому, чтобы отвести от себя подозрения османов. Уже в конце августа 1646 г. он писал великому везиру о своем влиянии, оказанном на польский сейм в его решении остановить антиосманскую инициативу короля¹³². Не только такой маневр, но и прежнее доверие султана позволили В. Лупу стать посредником в налаживании осmano-польских отношений. Вскоре Порта поручила молдавскому господарю склонить власти Речи Посполитой к посылке посольства в Стамбул. Усилия В. Лупу не замедлили сказаться: в конце октября 1646 г. в османскую столицу прибыл посол Владислава IV¹³³.

Но напряженность в отношениях двух стран сохранялась и в следующем 1647 г. М. Басараб видел в этом перспективу возобновления антиосманского курса. Молдавский господарь В. Лупу связывал укрепление своих позиций с урегулированием обстановки в регионе и продолжал посреднические усилия. Так, в первые месяцы 1647 г. В. Лупу действовал активно с целью предотвращения возможной атаки татар на Польшу и посылки новых польских послов в Стамбул¹³⁴. Чтобы склонить власти Речи Посполитой к более уступчивой позиции в отношении Порты, он

использовал распространение слухов о намерении османов превратить Молдавию и Валахию в турецкие пашалыки¹³⁵. В то же время В. Лупу возобновил связи с князем Трансильвании и с валашским господарем М. Басарабом, которые установили также союз друг с другом¹³⁶.

Но уже в 1648 г. отношения между тремя княжествами обостряются. Связано это было с активизацией в регионе крымского хана. В Валахии появились опасения совместных действий В. Лупу и татар. Происходили столкновения на молдавско-трансильванской границе¹³⁷. Хан Ислам-Гирей стал реализовывать свои антипольские планы, воспользовавшись свободой действий в то время, когда Порта была озабочена проблемами внутреннего кризиса империи, осложнившегося убийством в августе 1648 г. султана Ибрагима и неудачами в критской войне. Вспыхнувшее в начале года освободительное движение запорожского казачества во главе с гетманом Богданом Хмельницким против польского угнетения благоприятствовало планам Крыма, заинтересованного в совместных с казаками действиях против Речи Посполитой. В то же время события 1648 г. на Украине оказали решающее влияние на расстановку политических сил в восточном и юго-восточном регионах Европы. С окончанием Тридцатилетней войны и заключением в октябре 1648 г. Вестфальского мира эти события заняли важное место в политике стран региона.

* * *

Изменившаяся с началом освободительной войны на Украине международная ситуация в Восточной и Юго-Восточной Европе непосредственно сказывалась на положении Дунайских княжеств, их отношениях с османами. Гетман Б. Хмельницкий в интересах обеспечения тыла заключил союз с Крымом и вступил в переговоры с османами. Весной 1648 г. объединенные казацко-татарские силы разбили польские войска. Речь Посполитая направила Порте протест. В условиях внутреннего кризиса и неудач в войне с Венецией османские власти не были склонны к применению силы против крымского хана, хотя в ответе польскому канцлеру выражали свое несогласие с действиями Ислам-Гирея¹³⁸. В то же время великий везир обратился к молдавскому господарю Василию Лупу с просьбой о посредничестве в урегулировании отношений между Крымом и Речью Посполитой, чтобы воспрепятствовать возможной коалиции Польши с другими странами¹³⁹.

Однако такие опасения в Стамбуле были сильно преувеличены, поскольку польское дворянство в то время было занято другим, а именно проблемами наследования королевского трона в связи со смертью Владислава IV. Имея в виду претензии на польский престол трансильванского князя Дьердя I Ракоци, В. Лупу решил воспользоваться ситуацией, надеясь удовлетворить свои амбиции через родство с будущим королем Польши. Во время переговоров с трансильванским послом Я. Кемени в 1648 г. молдавский господарь предложил вернуться к вопросу о браке своей доче-

ри Роксанды с Ракоци-младшим¹⁴⁰. В то время как Франция и Швеция поддерживали кандидатуру законного наследника на польский престол Яна Казимира, Ракоци и Лупу в реализации своих планов делали ставку на Крым и восставшее казачество. Гетман Б. Хмельницкий, со своей стороны, проявлял активность с целью получить поддержку и одновременно содействовать приходу к власти в Речи Посполитой короля, угодного Войску Запорожскому¹⁴¹. В контексте этих планов осенью 1649 г. было организовано новое нападение военных отрядов татар и казаков на польские территории¹⁴². Смерть Ракоци I (11 октября 1648 г.) расстроила трансильвано-молдавские замыслы относительно наследования польской короны. К тому же возвращавшаяся в Крым из похода татарская орда атаковала границы Молдавии. В. Лупу приказал своим отрядам расправиться с татарами, остановившимися в молдавском селе Братулень. Оставив добычу и пленных, татары были вынуждены спастись бегством¹⁴³.

Освободительная война на Украине по-разному воспринималась населением Молдавии. Молдавские крестьяне, в частности беглые поселенцы на украинских землях, и жители приграничных районов переходили на сторону восставших казаков и принимали участие в военных действиях против польских феодалов, организуя иногда самостоятельные отряды¹⁴⁴. Молдавские бояре, опасаясь за судьбу своих сословных привилегий, поддерживали позицию польских магнатов и шляхты. Господарь не мог не учитывать этого в своем отношении к Речи Посполитой. Тяготение к ней В. Лупу поставило перед Б. Хмельницким задачу — вывести господаря из-под польского влияния и, склонив его на свою сторону, сделать союзником. Осуществление этого замысла должно было обезопасить юго-западные фланги украинских освободительных сил. Поэтому гетман решил воспользоваться антирусскими военными приготовлениями крымского хана и предпринять совместно с татарами поход на Молдавию. Хан не мог простить господарю разгром своих войск осенью 1643 г. у села Братулень. Кроме того, в Крыму появились слухи о готовившемся против него молдавско-польском выступлении¹⁴⁵. Следует отметить, что в то же время Ислам-Гирей не считал В. Лупу своим врагом и молдавско-польские отношения не мешали его планам, в которых главным было добиться союза с Речью Посполитой против России. Эта тенденция в политике хана проявилась уже во время переговоров по заключению Зборовского мира 1649 г. между Б. Хмельницким и польским королем¹⁴⁶. Сразу же после возвращения из Зборовы Ислам-Гирей начал военные приготовления для похода вместе с запорожцами против донских казаков и калмыков, о чем была извещена Порты и в ультимативной форме предупреждено русское правительство. Но в конечном итоге нападению в 1650 г. подверглась Молдавия.

Причины изменения в направлении военных действий крымско-казачьих войск в исторической литературе объясняются по-разному. В румынской историографии существует мнение, что неудача с самого начала военных действий на русских территориях заставила хана повернуть орду на

молдавские земли, главным образом в интересах добычи, что разорительная для Молдавии татарско-казацкая экспедиция была осуществлена с разрешения Порты¹⁴⁷. Как считали некоторые советские историки, от похода на русские земли хана отговорил Б. Хмельницкий, согласившись выступить вместе против В. Лупу¹⁴⁸.

Современный румынский исследователь проблемы Т. Джемил полагает, что татарско-казацкое нападение на Молдавию в сентябре 1650 г. было инициировано Б. Хмельницким в сотрудничестве с трансильванским князем Дьердем II Ракоци. Цель акции состояла в том, чтобы заставить В. Лупу переориентироваться в союзных отношениях. Для крымского хана нападение на Молдавию было средством удовлетворения страсти татарских войск к добыче и в то же время демонстрацией силы перед своим запорожским союзником и Речью Посполитой. Что касается Порты, то, по мнению Т. Джемила, она допустила репрессивную акцию в отношении Молдавии как подтверждение своего исключительного права на княжество, хотя и не давала какого-либо поручения на этот счет. Как считает исследователь, Б. Хмельницкий и Ислам-Гирей использовали трудности в Османской империи и возникшее в Стамбуле недружественное отношение к В. Лупу¹⁴⁹. На наш взгляд, все отмеченные в литературе моменты, связанные с причинами татарско-казацкого нападения на Молдавию в 1650 г., имели место в действительности, но степень их влияния на ход событий была неодинаковой.

Когда ранней осенью 1650 г. Молдавия подверглась опустошительному нападению татар¹⁵⁰, В. Лупу обратился за помощью к Порте, которая предпочла ограничиться советами господарю откупиться от крымчаков. Молдавские отряды терпели поражение от превосходивших сил хана. Положение В. Лупу осложнилось тем, что Б. Хмельницкий заключил договоры о союзе и взаимопомощи с валашским господарем М. Басарабом и трансильванским князем Дьердем II Ракоци. Валашский господарь видел в запорожском гетмане потенциального союзника на случай антиосманских действий или возникновения конфронтации с В. Лупу. По словам русских послов П. Протасьева и Г. Богданова, бывших в 1650 г. на Украине, М. Басараб и Б. Хмельницкий поддерживают добрые отношения и между ними договор «против неприятеля стоять заодно и ратными людьми друг другу помогать, и тот договор меж ими закреплен душами и меж собою на том договоре присягали»¹⁵¹.

Союз Б. Хмельницкого с валашским господарем и трансильванским князем ограничивал В. Лупу в возможных маневрах для защиты княжества. Поэтому после вступления в октябре 1650 г. вслед за татарами на территорию Молдавии отрядов казаков, он прекратил сопротивление. В собственноручном письме, скрепленном печатью, В. Лупу уведомил Б. Хмельницкого о принятии его предложения относительно брака своей дочери Роксанды и гетманского сына Тимофея. Молдавский господарь обязывался быть с гетманом «в вечной дружбе и любви» и сообща

выступать против неприятеля. По настоянию гетмана татары оставили территорию княжества¹⁵².

Хотя В. Лупу и обещал Б. Хмельницкому династический союз, с выполнением взятых на себя обязательств господарь не спешил. Более того, он укреплял связи с Речью Посполитой. В конце 1650 г. В. Лупу вынашивал планы совместного выступления Молдавии, Литвы и Речи Посполитой против запорожских казаков¹⁵³. Молдавский господарь в значительной мере способствовал началу крупной польской военной кампании 1651 г. против войск Б. Хмельницкого¹⁵⁴.

Порта была против молдавско-запорожского союза, справедливо усматривая в нем угрозу своим интересам в Молдавском княжестве, но практически не имела возможности воспрепятствовать ему. В то же время османские власти покровительствовали казакам и их гетману Б. Хмельницкому. В начале 1651 г. крымскому хану, молдавскому и валахскому господарям Портой были посланы распоряжения помогать гетману в военных действиях против Речи Посполитой¹⁵⁵.

М. Басараб, памятуя о прежней враждебности В. Лупу, был обеспокоен его сближением с поляками и планами союза с запорожцами. Поэтому валахский господарь предпочитал сохранять вооруженный нейтралитет. Господарь Молдавии, наоборот, видя поддержку Портой казаков, решительно встал на сторону Речи Посполитой, послав ей на помощь молдавские отряды и способствуя снабжению польских войск¹⁵⁶. В битве при Берестечко (июнь—июль 1651 г.) запорожцы потерпели поражение, не получив эффективной помощи татарских войск. Хан Ислам-Гирей преследовал свои цели: сохраняя верность союзническим отношениям с Речью Посполитой, он не хотел разгрома польской армии, которую надеялся направить против России. Конечно, победа польских войск вдохновила В. Лупу и он надеялся в результате ее избавиться «от сватовства с Хмелем»¹⁵⁷. В то же время, не надеясь в перспективе на полную поддержку Речи Посполитой, молдавский господарь активно искал союзников. В этом плане для В. Лупу было важно наладить отношения с трансильванским князем Дьердем II Ракоци, оторвать его от союза с Б. Хмельницким. С этой целью молдавский господарь решил вернуться к отложенному ранее предложению о браке своей дочери Роксанды с братом князя Жигмондом¹⁵⁸. Но вскоре Жигмонд умер, и вопрос о браке отпал. В. Лупу попытался также заручиться поддержкой крымского хана, воспользовавшись возникшей после поражения казаков при Берестечко в 1651 г. напряженностью в запорожско-татарских отношениях. Между тем Ислам-Гирей, несмотря на то, что специальная статья Белоцерковского договора (сентябрь 1651 г.) обязывала казаков отказаться от союза с татарами, выступил на стороне запорожцев в кровопролитной битве под Батогом (22—23 июня 1652 г.) и способствовал разгрому польских войск. В. Лупу, таким образом, не смог заручиться союзниками и, когда отряды Б. Хмельницкого подошли к молдавской грани-

це, был вынужден уступить давлению казаков и согласиться выполнить данное гетману обещание.

Осенью 1652 г. в Яссах состоялась свадьба дочери господаря Роксанды с Тимофеем Хмельницким¹⁵⁹. В. Лупу стал союзником и сватом запорожского гетмана, что существенно повлияло на позиции господаря внутри страны и на ее внешнеполитическое положение. Молдавско-казацкий союз был встречен враждебно боярством княжества. Тем более что местные бояре проявляли недовольство поощряемым В. Лупу ростом влияния греков в Молдавии. Крупное молдавское боярство, обеспокоенное возможностью потери своих сословных привилегий, отвернулось от господаря-союзника гетмана.

Отрицательно отнеслись к союзу В. Лупу с запорожцами трансильванский князь Дьердь II Ракоци и валашский господарь М. Басараб, опасавшиеся враждебных действий со стороны молдавского правителя¹⁶⁰. Ракоци к тому же видел в этом союзе срыв своего плана использования казаков для достижения польской короны. М. Басараб снова почувствовал угрозу, исходившую от своего давнего врага. Валашский господарь и трансильванский князь договорились с оппозиционной группировкой молдавских бояр, возглавлявшейся логофетом Георгием Стефаном, о смещении В. Лупу с престола. Когда трансильванские и валашские отряды вступили на территорию Молдавии, В. Лупу разоблачил группу бояр-заговорщиков и казнил их, но, не сумев противостоять объединенным войскам своих противников, был вынужден отступить из Ясс. Местное боярство, недовольное внутренней политикой господаря, перешло на сторону Г. Стефана¹⁶¹.

Для Б. Хмельницкого было важно сохранить в Молдавии господаря-союзника. Поэтому в ответ на просьбу о помощи в апреле 1653 г. он послал в княжество войска во главе с сыном Тимофеем. Действия казаков, к которым присоединились и верные В. Лупу молдавские отряды, были успешны. Военные силы Г. Стефана потерпели поражение, сам логофет укрылся в Валахии. Т. Хмельницкий занял Яссы, куда вскоре возвратился и В. Лупу. Молдавский господарь решил воспользоваться успехами запорожцев и уговорил Тимофея Хмельницкого предпринять поход на Валахию, чтобы расправиться с Г. Стефаном и затем выступить против Ракоци¹⁶². Однако в битве у валашского села Финта весной 1653 г. молдавско-казацкое войско было разбито силами господаря М. Басараба. В. Лупу с зятем спешно отступили к Яссам¹⁶³. Вскоре Г. Стефан во главе небольшого валашского отряда вновь вступил на территорию Молдавии и при поддержке сил, присланных трансильванским князем, сумел занять молдавский престол.

Положение В. Лупу было сложным. Порта прямо не вмешивалась в события в Молдавии, но была недовольна активностью вассальных княжеств в регионе, и противники господаря могли добиться у султана утверждения на молдавском престоле Г. Стефана. Враждебную

позицию в отношении В. Лупу занял крымский хан Ислам-Гирей, особенно в связи с причастностью господаря к организации побега летом 1652 г. трех молодых польских дворян, схваченных в Крыму¹⁶⁴. Изменилось и отношение Речи Посполитой, обеспокоенной союзом молдавского господаря с запорожцами.

В ожидании помощи от Б. Хмельницкого В. Лупу незначительными силами начал военные действия против Г. Стефана. Но первое же сражение у Тыргу Фрумос (6 августа 1653 г.) закончилось поражением старого господаря. С небольшим отрядом ему удалось отступить к Днестру и уйти на Украину¹⁶⁵.

Между тем Г. Стефан приступил к осаде крепости Сучава, где укрепился с 9-тысячным войском Т. Хмельницкий. Казаки, окруженные превосходившими силами противника, испытывая трудности с продовольствием, более двух месяцев выдерживали изнурительную осаду, устраивали непрерывные вылазки. После гибели Т. Хмельницкого, убитого во время артиллерийского обстрела крепости прямым попаданием пушечного ядра, осажденные сдали город в начале октября и отступили на Украину¹⁶⁶.

Эти события окончательно решили судьбу В. Лупу. Вначале он нашел приют у Б. Хмельницкого, затем переехал в Крым, откуда по приказу султана был доставлен в Стамбул и заключен в Семибашенный замок.

Итак, запорожцы, союз с которыми привел к изоляции В. Лупу, не сумели помочь ему, так как сами нуждались во внешней помощи. Еще осенью 1652 г. стало ясно, что Речь Посполитая, следуя планам силового разрешения украинского вопроса, решила предпринять новый крупный поход против восставшего запорожского казачества. Переговоры Б. Хмельницкого с Россией о помощи и о вступлении в ее подданство делали неизбежным русско-польский конфликт. В связи с этим Варшава в поисках союзника вела переговоры о создании блока с Трансильванией и Дунайскими княжествами. Но политические разногласия между сторонами не позволили превратить возникшее в 1653 г. единение при проведении военных действий против казаков, в том числе и в Молдавии, в прочный союз¹⁶⁷. Речь Посполитая была заинтересована главным образом в совместных действиях против казаков, в то время как правители Молдавии, Валахии и Трансильвании хотели иметь с польской стороны гарантию помощи в случае татарских нападений на их территорию или возможного вмешательства Порты. Такая разница в подходах сторон сделала переговоры безрезультатными.

Сказалась и позиция Крыма. Хотя хан, как и Порты, не вмешивался в события в Молдавии, но внимательно отслеживал ситуацию в княжествах, чтобы не допустить восстановления в них влияния Речи Посполитой. Поэтому в ноябре 1653 г. татарские отряды выступили на стороне запорожцев против польских войск. Одновременно Ислам-Гирей оказывал давление на княжества, стремясь отвлечь их от антиосманской ори-

ентации и оказания помощи полякам¹⁶⁸. Польские войска понесли тяжелые потери от объединенных сил казаков и татар, и Речь Посполитая пошла на перемирие. В декабре 1653 г. под Жванцем было подписано польско-крымское мирное соглашение. Существенное значение в его заключении имела позиция крымского хана, изменившаяся в результате переговоров Б. Хмельницкого с Москвой о вступлении в русское подданство. Такой поворот в русско-украинских отношениях склонял Ислам-Гирея к союзу с Речью Посполитой в реализации антирусских политических планов Крыма. Еще летом 1653 г., узнав о начавшихся переговорах, крымский хан предупреждал Б. Хмельницкого о возможном разрыве союза с ним и совместном с поляками нападении на запорожских казаков. Уже тогда проявились намерения Ислам-Гирея к сближению с Речью Посполитой¹⁶⁹.

Б. Хмельницкий в этих условиях активизировал переговоры с русским правительством и одновременно просил Порту о помощи. Султан проявлял благосклонность к казакам, будучи заинтересованным в ослаблении Речи Посполитой и одновременно в возможном подчинении себе запорожского гетмана¹⁷⁰. Источники, относящиеся ко второй половине 1653 г., содержат указания на распоряжения Порты крымскому хану оказывать Б. Хмельницкому военную помощь¹⁷¹. Но неудачная для османов война с Венецией удерживала Порту от открытой поддержки восставших казаков. Главным вопросом для османских властей в это время было стремление избежать осложнений в своей европейской политике. Запорожско-русские переговоры, свидетельствовавшие о вступлении России в борьбу за Украину, настораживали Порту, заставляя предпринимать меры по предотвращению антиосманских планов. В этой связи важное значение султан придавал урегулированию ситуации в Молдавии. После занятия в сентябре 1653 г. молдавского престола Г. Стефаном Порты поспешила утвердить его господарем, желая ослабить его отношения с трансильванским князем Ракоци и валашским правителем М. Басарабом, отвратить от союза с ними, могущего приобрести антиосманскую направленность.

Решение Переяславской рады от января 1654 г. о вступлении запорожского казачества во главе с Б. Хмельницким в русское подданство существенно повлияло на международную ситуацию в Восточной и Юго-Восточной Европе. Возникшая в регионе новая расстановка сил определила поддержку османами Речи Посполитой и Крыма, выступавших против воссоединения России и Украины. Дунайские княжества и Трансильвания становятся объектом соперничества враждующих сторон за укрепление влияния в них и использование их для реализации своих планов в регионе.

Примечания

- ¹ Краткая история Румынии. М., 1987. С. 67–70.
- ² DR. Vol. III/I. P. 187, 193–194.
- ³ Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX в.). Кишинев, 1987. С. 176.
- ⁴ *Panaiteacu P. Mihai Viteazul*. Buc., 1936. P. 38.
- ⁵ *Mihai Viteazul in conștiința europeană. Documente externe*. Buc., 1978. Vol. I. P. 81.
- ⁶ *LetCant*. P. 57–58.
- ⁷ DR. Vol. XII. P. 42.
- ⁸ DR. Vol. III/1. P. 209–213, 472–476; *Panaiteacu P. Mihai Viteazul*. P. 114–115.
- ⁹ DR. Vol. XII. P. 34; *Mihai Viteazul în conștiința europeană*. P. 140.
- ¹⁰ *Corfus I. Intervenția polonă în Moldova și consecințele ei asupra războiului lui Mihai Viteazul cu turcii* // RI. 1975. Nr. 4. P. 530.
- ¹¹ *Corfus I. Mihai Viteazul și polonii*. Buc., 1937. P. 13–18, 212–313.
- ¹² DR. Vol. III/1. P. 491; IV/2. P. 207.
- ¹³ *Corfus I. Jurnalul expediției polone în Moldova în 1595* // RA. 1970. Nr. 2. P. 543.
- ¹⁴ DR. Supl. II. Vol. 1. P. 353–354; *Acte și fragmente*. Vol. I. P. 146–147; Очерки внешнеполитической истории... С. 178–180.
- ¹⁵ *Ciurea D. Despre Ieremia Movila și situația politică a Moldovei la sfârșitul secolului al XVI-lea și începutul secolului al XVII-lea* // Studii și cercetări științifice. 1957. Nr. 2. P. 327.
- ¹⁶ *Documente turcești privind istoria României*. Vol. I. 1455–1774. Buc., 1976. P. 142–143; *Rotman-Bulgaru C. Relațiile Moldovei cu Imperiul Otoman la începutul secolului al XVII-lea* // RI. 1976. Nr. 5. P. 679.
- ¹⁷ DR. Vol. XIII. P. 359.
- ¹⁸ *Veress*. Vol.V. P. 162–163; *DocMV*. P. 81–86.
- ¹⁹ *DocMV*. P. 86–88.
- ²⁰ *DocMV*. P. 96–98; *LetCant*. P. 72–73.
- ²¹ *DocMV*. P. 93, 109; *LetCant*. P. 75–76; *Panaiteacu P. Mihai Viteazul*. P. 161–180.
- ²² DR. Supl. II. Vol. 1. P. 590.
- ²³ *DocMV*. P. 110–111.
- ²⁴ *Documente privind istoria Romoniei. A. Moldova, veac. XVI*. Buc., 1952. Vol. IV. P. 289–290, 293, 295–296, 299–300.
- ²⁵ О взглядах современных румынских историков на время правления Михая Храброго и его личность см.: *Neagoe M. Mihai Viteazul*. Prefață de I. C. Drăgan. Buc., 1994; *Edroiu N. Mihai Viteazul în contextul istoriei europene* // *Acta Musei Napocensis*. Cluj-Napoca. 1995. Nr. 2. P. 75–82.
- ²⁶ *Rotman-Bulgaru C. Relațiile...* P. 689.
- ²⁷ *Documente turcești...* P. 145–146.

- 28 DR. Supl. II. Vol. 2. P. 22–23.
- 29 DR. Vol. XIII. P. 1155–1160, 1174, 1176.
- 30 *Gemil T.* Relațiile țărilor române cu Poarta otomană în documente turcești 1601–1712. Buc., 1984. P. 73–75; *Holban Th.* Contribuții la istoria domniei muntenești a lui Simion Movilă // *Cercetări istorice.* 1937. Nr. 4–6. P. 151–153; см. также: *Флоря Б. Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в конце XVI — начале XVII в. // *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.* М., 1998. Ч. 1. С. 52.
- 31 *Gemil T.* Relațiile... P. 102–103.
- 32 *Filitti I. C.* Din arhivele Vaticanului. Buc., 1914. P. 92–93; *Ciorănescu A.* Documente privitoare la istoria Românilor culese din arhivele din Simancas. Buc., 1940. P. 209.
- 33 *Ciorănescu A.* Documente... P. 214–215.
- 34 DR. Vol. IV/2. P. 7; Supl. II. Vol. 2. P. 107–108.
- 35 DR. Vol. IV/1. P. 411; *Veress.* Vol. VII. P. 288–289; *Rotman-Bulgaru C.* Relațiile... P. 691–692.
- 36 Очерки внешнеполитической истории... С. 185–186.
- 37 *Veress.* Vol. VII. P. 301; *Maxim M.* Culegere de texte otomane. I. Buc., 1974. P. 97–98; *Gorovei Șt.* O lămurire-domnia ereditară a familiei Movila // *RI.* 1975. Nr. 7. P. 1094.
- 38 *Miron Costin.* Opere. Ed. de P. Panaitescu. Buc., 1965. P. 59–60.
- 39 *Ibid.* P. 61–64.
- 40 *Ibid.* P. 64.
- 41 *Iorga N.* Doamna lui Ieremia Vodă. Buc., 1910. P. 51–57.
- 42 DR. Supl. II. Vol. 2. P. 429–433; *Gemil T.* Relațiile... P. 175–176.
- 43 *Флоря Б. Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы... С. 61–62.
- 44 *Prohaska A.* Hatman Stanislaw Zolkiewski. W., 1927; Очерки внешнеполитической истории... С. 191.
- 45 DR. Vol. XV/2. P. 895.
- 46 *Ibid.* Vol. IV/2. P. 390–391.
- 47 DR. Supl. II. Vol. 2. P. 509–515.
- 48 *Gemil T.* Țările Române în contextul politic internațional (1621–1672). Buc., 1979. P. 46.
- 49 DR. Supl. II. Vol. 2. P. 429–433.
- 50 *Bejenaru N. C.* Ștefan Tomșa II (1611–1616; 1621–1623) și rivalitatea turco-polonă pentru Moldova. Iași, 1926. P. 86.
- 51 DR. Supl. II. Vol. 2. P. 524–525.
- 52 *Ibid.* Supl. I. Vol. 1. P. 194–195.
- 53 *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 106.

- 54 Там же. С. 104–105.
- 55 DR. Supl. I. Vol. 1. P. 199, 201, 203. Подробно о проекте выдвижения кандидатуры трансильванского князя на польский трон и значении этого проекта в реализации политических планов стран региона см.: *Флоря Б. Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в 20-х — начале 30-х гг. XVII в. // *Османская империя и страны...* Ч. 1. С. 101–102.
- 56 Текст договора см.: KDT. S. 246–248.
- 57 DR. Supl. I. Vol. 1. P. 206–207, 209–210, 214–215, 219.
- 58 Ibid. P. 207, 209, 210.
- 58 Ibid. P. 223.
- 60 *Gemil T. Țările Române...* P. 53.
- 61 Ibid. P. 54–55.
- 62 KDT. S. 255–256.
- 63 *Gemil T. Țările Române...* P. 55–56. *Флоря Б. Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в 20-х — начале 30-х гг. XVII в. С. 97.
- 64 *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства... С. 111–113.
- 65 DR. Vol. IV/2. P. 403.
- 66 Ibid. Vol. II/2. P. 525–528.
- 67 Ibid. Vol. IV/2. P. 404; В румынской историографии эти разорения приписывают буджакским отрядам Кантемир-паши (*Gemil T. Țările Române...* P. 57).
- 68 *Acte și fragmente.* Vol. I. P. 64.
- 69 DR. Vol. IV/2. P. 405.
- 70 Hurmuzaki. *Fragmente.* P. 100–102.
- 71 DR. Supl. II. Vol. 2. P. 530–531.
- 72 *Gemil T. Țările Române...* P. 60–61.
- 73 DR. Vol. XV/2. P. 950.
- 74 Ibid. Vol. IV/2. P. 413–414.
- 75 *Gemil T. Țările Române...* P. 63.
- 76 Ibid. P. 64–66.
- 77 DR. Vol. IV/2. P. 416–418.
- 78 *Gemil T. Țările Române...* P. 71–72.
- 79 Veress. Vol. IX. P. 283–284; DR. Supl. I. Vol. 1. P. 229.
- 80 *Gemil T. Țările Române...* P. 72–73.
- 81 DR. Supl. I. Vol. 1. P. 230; Veress. Vol. IX. P. 291.
- 82 Veress. Vol. IX. P. 312–313.
- 83 Ссылку на документ из польского архива см.: *Gemil T. Țările Române...* P. 77.
- 84 DR. Vol. IV/2. P. 453; *Флоря Б. Н.* К изучению русско-османских отношений накануне и во время Смоленской войны // *Études balkaniques.* 1987. Nr. 4. S. 48.
- 85 *Очерки внешнеполитической истории...* С. 195.
- 86 DR. Vol. IV/2. P. 464; Supl. I. Vol. 1. P. 232–233.

- 87 *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства... С. 167; *Флоря Б. Н.* К изучению... С. 50–51, 55.
- 88 *Gemil T. Țările Române...* P. 80.
- 89 Очерки внешнеполитической истории... С. 196.
- 90 *Gemil T. Țările Române...* P. 81.
- 91 Ibid. P. 82.
- 92 *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства... С. 242.
- 93 KDT. S. 298–299.
- 94 См., например: Очерки внешнеполитической истории... С. 196.
- 95 *Gemil T. Țările Române...* P. 85.
- 96 Veress. Vol. IX. P. 340–341.
- 97 Veress. Vol. IX. P. 355–358; DR. Vol. IV/2. P. 488–489.
- 98 О внешней политике Василия Лупу см.: *Eremia I. Relații externe ale lui Vasile Lupu (1634–1653). Contribuții la istoria diplomației moldovenești în secolul XVII.* Chișinău, 1999.
- 99 Данные из документов Стамбульского архива. См.: *Gemil. T. Țările Române...* P. 92.
- 100 DR. Vol. VIII. P. 455–456; См. также: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения в годы борьбы за Азов (1637–1642) // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов, 1993. С. 118.
- 101 *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства... С. 245.
- 102 DR. Vol. VIII. P. 453–456.
- 103 Ibid. P. 456–457; Vol. IV/2. P. 491.
- 104 *Gemil T. Țările Române...* P. 99–100; другие оценки в румынской историографии см.: IR. Vol. III. P. 166–167.
- 105 Veress. Vol. X. P. 12.
- 106 Ibid. P. 33–34; DR. Vol. XV/2. P. 1043; VIII. P. 470–471.
- 107 Veress. Vol. X. P. 40–43, 49–56.
- 108 *Decei A. Relațiile lui Vasile Lupu și Matei Basarab cu Poarta în lumina unor documente turcești inedite* // АИАС. XV (1972) P. 76–78.
- 109 Veress. Vol. X. P. 67–68; CStR. Vol. V. P. 135.
- 110 *Gemil T. Țările Române...* P. 107.
- 111 DR. Vol. VIII. P. 490–496.
- 112 Свидетельства документов из турецких архивов см.: *Gemil T. Țările Române...* P. 109.
- 113 *Флоря Б. Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы во второй половине 30-х–40-х гг. XVII в. // Османская империя и страны... Ч. 1. С. 161.
- 114 О посредничестве В. Лупу в осmano-русских переговорах по Азову см.: *Семёнова Л. Е.* Политические контакты между Россией и Дунайскими княжествами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова. М., 1990. С. 72–79.

- 115 *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XV—XVII вв. М., 1947. С. 81—82.
- 116 DR. Vol. IV/2. P. 516—517. Обещание Стамбула запретить татарские нападения противоречили интересам крымской знати, и набеги татар продолжались (*Новосельский А. А.* Борьба Московского государства... С. 312—327; *Флоря Б. Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы во второй половине 30-х—40-х гг. XVII в. С. 164).
- 117 Ibid. P. 519. В исторической литературе существует мнение, что роль В. Лупу в урегулировании русско-османских отношений в связи с азовским конфликтом была незначительной (см.: *Очерки внешнеполитической истории...* С. 200; *Gemil T. Țările Române...* P. 110—111).
- 118 *Семенова Л. Е.* Политические контакты... С. 78—79. См. также с. 215—220 настоящей книги.
- 119 *Xenopol A. D.* Istoria românilor din Dacia traiană. Vol. VII. Ed. II-a. Buc., P. 35—37; *Gemil T. Țările Române...* P. 110—111.
- 120 Свидетельства источников из архива г. Бухареста см.: *Gemil T. Țările Române...* P. 112.
- 121 DR. Vol. IV/1. P. 676; см. также: *Gemil T. Țările Române...* P. 112.
- 122 *Decei A.* Relațiile lui Vasile Lupu... P. 52.
- 123 DR. Supl. II. Vol. 2. P. 6—7.
- 124 *Gemil T. Țările Române...* P. 115—116.
- 125 *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства... С. 370—374; *Флоря Б. Н.* К истории русско-османских отношений в середине 40-х годов XVII в. // *Études balkaniques.* 1991. Nr. 2. P. 74—77.
- 126 DR. Vol. IV/2. P. 547—553; *Miron Costin.* Opere. P. 121—122.
- 127 См.: *Флоря Б. Н.* К истории... С. 77.
- 128 ИСв. Т. 2. С. 372, прим. 126.
- 129 Veress. Vol. X. P. 191—191.
- 130 *Флоря Б. Н.* К истории... С. 78—81.
- 131 DR. Vol. IV/2. P. 555.
- 132 Ibid.
- 133 DR. Vol. IV/2. P. 557—558. Сопrotивление магнатов и шляхты на состоявшемся в конце 1646 г. сейме заставило Владислава IV отказаться от планов антиосманских действий (*Флоря Б. Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы во второй половине 30-х—40-х гг. XVII в. С. 168—169).
- 134 DR. Vol IV/2. P. 560—565.
- 135 *Gemil T. Țările Române...* P. 126—127.
- 136 Veress. Vol. X. P. 196—201, 206—207.
- 137 Ibid. P. 211; см. также: *Очерки внешнеполитической истории...* С. 205.
- 138 KDT. S. 326—327; *Заборовский Л. В.* Порта, Крымское ханство и государства Центральной и Восточной Европы в 1648—1654 гг. // *Османская империя и страны...* Ч. 1. С. 195—196.

- 139 DR. Vol. IV/2. P. 567–569; *Corfus I.* Documente privitoare la istoria României
culese din arhivele polone. Secolul al XVII-lea. Buc., 1983. P. 156.
- 140 Очерки внешнеполитической истории... С. 205.
- 141 *Голобуцкий В.* Дипломатическая история освободительной войны украинс-
кого народа 1648–1654 гг. Киев, 1962. С. 131–140, 145–147.
- 142 *Gemil T.* Țările Române... P. 130.
- 143 *Miron Costin.* Opere. P. 131.
- 144 *Ермоленко А. Ф.* Украинско-молдавские отношения в годы освободительной
войны украинского народа // Воссоединение Украины с Россией (1648–1654).
М., 1954. С. 225–228.
- 145 ВУР. Т. 2. С. 187.
- 146 Письма Ислам-Гирея к Яну Казимиру во время переговоров о мире см.:
Gemil T. Țările Române... P. 132. О позиции Крымского ханства и планах та-
тарских политиков в конце 1649 и в 1650 г. см.: *Заборовский Л. В.* Порта,
Крымское ханство... С. 203–207.
- 147 См.: *Gemil T.* Țările Române... P. 133–135.
- 148 Очерки внешнеполитической истории... С. 207.
- 149 *Gemil T.* Țările Române... P. 138–139.
- 150 *Miron Costin.* Opere. P. 132–134.
- 151 ВУР. Т. 2. С. 461.
- 152 ИСв. Т. 2. С. 381–382, прим. 158, 161.
- 153 DR. Vol. VIII. P. 532–533.
- 154 *Iorga N.* Studii și documente cu privire la istoria românilor. Buc., 1902. Vol. IV.
P. CCXXXV.
- 155 KDT. S. 330–331; DR. Vol. IX/1. P. 5; *Заборовский Л. В.* Порта, Крымское
ханство... С. 209.
- 156 DR. Vol. IX/1. P. 6; Acte și fragmente. Vol. I. P. 206.
- 157 *Miron Costin.* Opere. P. 134.
- 158 Veress. Vol. X. P. 234–237.
- 159 *Miron Costin.* Opere. P. 134–135; ИСв. Т. 2. С. 232–233.
- 160 ВУР. Т. 3. С. 238.
- 161 *Miron Costin.* Opere. P. 135–141.
- 162 Ibid. P. 145–147.
- 163 ВУР. Т. 3. С. 321.
- 164 Материалы турецких архивов см.: *Gemil T.* Țările Române... P. 142–143.
- 165 *Miron Costin.* Opere. P. 155–158.
- 166 Ibid. P. 158–163.
- 167 *Заборовский Л. В.* Канун и начало русско-польской войны и позиция госу-
дарств Юго-Восточной Европы (50-е годы XVII в.) // Карпатско-Дунайские
земли в средние века. Кишинев, 1975. С. 250–252.

¹⁶⁸ См.: *Gemil T. Țările Române...* P. 148.

¹⁶⁹ *Заборовский Л. В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 25; *он же.* Порта, Крымское ханство... С. 212–213.

¹⁷⁰ *Gemil T. Țările Române...* P. 146–147.

¹⁷¹ АЮЗР. Т. X. Стб. 56, 66; *Заборовский Л. В.* Порта, Крымское ханство... С. 212.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ
МЕЖДУ РОССИЕЙ И ДУНАЙСКИМИ
КНЯЖЕСТВАМИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

С начала XV в. в письменных источниках прослеживаются политические, торговые, церковные отношения Молдавского и Валашского княжеств с Русским государством. Об этих связях свидетельствует большой документальный материал, сохранившийся в Российском государственном архиве древних актов, опубликованный в значительной части в трехтомном издании «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.». Дальнейшие архивные изыскания выявили новые данные, позволяющие расширить и углубить представление о многовековых связях России с Дунайскими княжествами, в частности о политических контактах между ними в первой половине XVII в.*

Интенсивность взаимоотношений между сторонами в тот или иной исторический период определялась конкретной политической ситуацией в Юго-Восточной Европе и внутренней обстановкой в самих княжествах. Связям княжеств с Москвой способствовали такие факторы, как географическое соседство и единство вероисповедания.

Установление политических контактов молдавских и валашских господарей с русским правительством вызывалось освободительными стремлениями княжеств, оказавшихся в тяжелой вассальной зависимости от Османской империи.

Первая треть XVII в. не благоприятствовала политическим взаимоотношениям Дунайских княжеств с Россией. В этот период осложнилось положение внутри княжеств. Усиление влияния крупного боярства, борьба различных боярских группировок приводили к ослаблению господарской власти, к политической неустойчивости. Междоусобная борьба господствующего класса Молдавского княжества использовалась соседними Речью Посполитой и Османской империей для вмешательства в его дела и утверждения своих позиций. В результате османопольского соперничества, перераставшего в открытые военные столкновения, на молдавском престоле один господарь сменял другого.

С другой стороны, во внешнеполитических планах России этого периода также не ставилась задача установления политических контактов с Дунайскими княжествами. Показательно отсутствие в источниках того времени свидетельств о русских посольствах в княжества. В 20 — начале 30-х гг. Россия, борющаяся за возвращение земель, захваченных польско-литовскими феодалами в годы Смуты, искала союза с Османской империей, которая, в свою очередь, была заинтересована в поддержке русского правительства для реализации антипольских и антигабсбургских планов¹. В этих условиях русские и османские политики решали стоявшие перед ними задачи путем прямых переговоров сторон без содействия господарей княжеств и их представителей в Стамбуле. Необходимость в таком содействии возникает позднее с изменениями в русско-османских отношениях. Подтверждается это и тем фактом, что бывавшие

---

* Автор благодарит Б. Н. Флорю за любезное предоставление ряда материалов.

в то время довольно часто в Стамбуле русские дипломаты, судя по данным сохранившихся статейных списков, ни разу не встретились там с представителями молдавского и валашского господарей (с трансильванскими послами такие встречи происходили). Имело свое значение и то, что трон более близкого к России и исторически более тесно связанного с ней Молдавского княжества занимали тогда такие правители, как Мирон Барновский или Моисей Мовила, являвшиеся ставленниками польской группировки молдавского боярства. Они не были заинтересованы в развитии политических связей с Россией в условиях конфликта между ней и Речью Посполитой.

Однако нет основания считать эти годы просто «белым пятном» в истории связей России с Дунайскими княжествами. Не имея постоянных контактов с молдавским и валашским господарями, русское правительство интересовалось положением в княжествах и старалось собирать о них информацию. Примером может служить отписка русских послов А. Прончищева и Т. Бормосова из Стамбула с подробным описанием перемен на господарских престолах в 1632–1633 гг. и сопровождавших их событий². Москву посещали в поисках материальной поддержки представители молдавского и валашского духовенства (подробнее об этом см. ниже). Наконец появилось в Москве в 1629 г. и первое посольство молдавского господаря М. Барновского. Правда, оно не преследовало политических целей — господарь хотел лишь заказать в Москве иконы для построенных в княжестве новых храмов³.

Во второй половине 30 — 40-х гг. XVII в. устанавливаются постоянные политические контакты между Россией и Дунайскими княжествами. Ряд причин способствовали тому, что во внешней политике княжеств в 1635–1648 гг. (в особенности это относится к Молдавскому княжеству) связи с Россией в отличие от предшествовавшего периода заняли заметное место. Имела значение, прежде всего, наметившаяся при господарях Василии Лупу (1634–1653) и Матвее Басарабе (1632–1654) консолидация Молдавского и Валашского княжеств, которая создала условия для их активизации во внешнеполитическом плане, чему способствовала и складывавшаяся в этот период международная обстановка.

Одним из ее факторов было медленное, но постепенное улучшение отношений между Россией и Речью Посполитой после Поляновского мира 1634 г., завершившееся в середине 40-х гг. переговорами о союзе этих двух государств, направленном против Крыма и Османской империи. Такой ход событий облегчал развитие отношений между Россией и Дунайскими княжествами. Так, тесно связанный, как и его предшественники, с рядом польских магнатских фамилий В. Лупу мог установить контакты с Россией, не опасаясь, что это приведет его к конфликту с Речью Посполитой. Перспектива русско-польского антиосманского союза, который мог бы способствовать освобождению княжеств от власти султана, также должна была заставить господарей укреплять связи с Россией. К тому же

возникшие в конце 30-х гг. XVII в. осложнения в русско-османских отношениях создали ситуацию, когда по разным причинам и русское правительство, и Порта оказались заинтересованными в вовлечении молдавского господаря в развитие контактов между ними.

Захват Азова донскими казаками летом 1637 г. привел к обострению русско-османских взаимоотношений. Азов был важным стратегическим пунктом османов в Северном Причерноморье, и занятие его казаками могло вылиться в войну между Османской империей и Россией, а это не отвечало внешнеполитическим задачам московского правительства на данном этапе и могло создать для него большие осложнения. Порта не могла отдать без борьбы Азов, но предпочитала мирное разрешение конфликта. Между Москвой и Стамбулом начались напряженные переговоры.

Показательно, что именно в этой ситуации Россия стала привлекать к себе внимание господарей Дунайских княжеств. Так, в декабре 1638 г. нашел нужным вступить в сношения с русским правительством валахский господарь Матвей Басараб, поступивший так по совету тесно связанного с Россией иерусалимского патриарха Феофана⁴. Шаг этот не имел последствий, возможно, потому, что враждебные отношения между М. Басарабом и В. Лупу затрудняли для валахского господаря возможность контактов с Россией.

В том же 1638 г. стали налаживаться и политические связи между Молдавским княжеством и Русским государством. Первым вступил в такие отношения с Москвой глава молдавской церкви сучавский митрополит Варлаам. В мае 1638 г. его гонец П. Юрьев сообщал в Посольском приказе от имени митрополита о внутреннем положении в Османской империи и о планах османского похода на Азов⁵. Затем, в декабре, в Москву приехал посол самого молдавского господаря Исаяя Остафьев, который был принят в Посольском приказе. Там он сообщил об устном наказе В. Лупу известить русское правительство об опасности приготовлений крымских татар к походу на южные рубежи России, куда они собираются вторгнуться по приказу султана. Сведения Исаяи подтвердил и прибывший с ним вместе грек Дмитрий Юрьев, который также говорил о подготавливаемом на весну следующего года походе крымских татар на южные пограничные территории Русского государства⁶. Через молдавского господаря московское правительство стало получать ценную информацию о положении дел в Турции. В 1639 г. в марте и июле Василий Лупу сообщал царю Михаилу Федоровичу о ходе турецко-персидской войны и обещал «отныне наперед такожде, что ново чинится между них хошем творити в узнанию царствению ти, и честеишее были быхом писали о здешних вещех, в нас услышаних, до великого ти царства...»⁷.

Одновременно молдавские власти оказывали содействие сношениям с Россией восточных патриархов, также доставлявших в Москву ценную и разностороннюю информацию о положении в Османской империи. Так, в июле 1638 г. приближенный В. Лупу Д. Филиппов привез в Моск-

ву грамоты патриархов константинопольского Кирилла Лукариса и иерусалимского Феофана⁸.

В конце 30-х гг. молдавский господарь сумел оказать царю Михаилу Федоровичу серьезную политическую услугу. В грамоте от 3 августа 1639 г. В. Лупу извещал его о задержании в Молдавском княжестве самозванца Симеона, называвшего себя сыном царя В. И. Шуйского, а также о запрещении султаном похода крымских татар. Господарь писал: «Ныне пришел посел от царя турскаго до хана крымского и повелел како да седет в своя земля и да не пойдет нигде же»⁹. Лупу придавал важное значение сообщаемым им сведениям. Он просил путивльского воеводу Г. Г. Пушкина не задерживать молдавского гонца с этими известиями и срочно отправить его в Москву¹⁰. Московское правительство просило господаря задержать самозванца в княжестве до приезда русского посла. В декабре 1639 г. в Сучаву прибыл царский посланник Богдан Дубровский, которому В. Лупу передал самозванца и отправил в Москву со своим послом Исайей Остафьевым¹¹. Молдавско-русские связи развивались, несмотря на определенное противодействие польско-литовских властей, не заинтересованных в сближении Молдавского княжества с Россией. Проезжая через польские земли, Б. Дубровский, как и отправленный несколько позже Б. Лыков, вынуждены были выдавать себя за «иконников», приглашенных молдавским господарем для росписи церквей¹².

Ценные сведения о положении в Османской империи сообщал русскому правительству не только молдавский господарь, но и его представитель в Стамбуле Паладий Поновитый. В феврале 1640 г. он извещал царя о подготовке нового похода крымских татар против России. «А мы проведали тайное слово, — писал он, — что хотят послать крымсково царя на Московское государство». Он же сообщал, что османы готовят флот для действий на Черном море и что везир Мустафа-паша намерен отправить грамоты в Москву¹³. Сообщение Паладия было сигналом о наступлении нового этапа в русско-османских отношениях, когда в их развитии заметную роль стала играть посредническая миссия молдавского господаря.

Указанное обращение везира в Москву было связано с тем, что Османская империя в 1639 г. завершила войну с Ираном и поставила задачу вернуть Азов. В Стамбуле, однако, знали, что русское правительство оказывает занявшим Азов донским казакам помощь оружием, провиантом и деньгами. Для османов было важно, чтобы московские власти перестали поддерживать казаков и не послали им на помощь своих войск. Добиться этой цели они рассчитывали путем переговоров с царским двором. Однако соображения престижа мешали Порте в такой ситуации направить в Москву своих послов с подобными просьбами. Поэтому в грамотах, доставленных в русскую столицу в декабре 1640 г. неофициальным лицом «греченином Юрьем Степановым», везир настойчиво рекомендовал царю отправить послов в Стамбул¹⁴. Порта, по-видимому, рассчитывала, что молдавский господарь сможет убедить русское прави-

тельство принять такое предложение и способствовать контактам между двумя державами.

Одновременно османы начали готовиться к военному походу на Азов. Подробные сведения о турецко-татарских военных приготовлениях содержались в грамоте В. Лупу царю Михаилу Федоровичу от 7 мая 1641 г. Молдавский господарь предупреждал, что «царь турецки вьистиння въздвизоше крепкаа воиска на Азак в морских съседи 55 катаргы великих и 120 фуркатя малеиших с мнози человеци в тех съсъеди и послаше их в пятшествовали от Царигорода на море месяца априлия в два десят и два дни и придоше на Азак. Такожде послал цар турецки и до хана крымского ныне знову таковым заповед, аби пошед с въсеа своея воиска татарове крымских...»¹⁵.

В апреле 1641 г. русское правительство, не заинтересованное на данном этапе в войне с Османской империей, ответило согласием на предложение Порты и отправило в Стамбул послов Б. Лыкова и А. Букалова с грамотами, в которых говорилось о стремлении к миру и готовности вести переговоры¹⁶. При принятии такого решения было существенно, что находившийся в Москве молдавский посол Остафий Митник «взялся (очевидно, от имени господаря. — Л. С.) их в дороге и в своей земле оберегати и промышляти, как бы им до Царягорода дойти здорово»¹⁷.

В июле послы вместе с Остафием прибыли в Сучаву, откуда в сопровождении гонцов молдавского господаря отбыли в Стамбул¹⁸.

В грамоте от 3 августа 1641 г. В. Лупу сообщал в Москву, что русских послов сопровождает до Стамбула верный ему человек, который будет уведомлять его обо всем происходящем с посольством в пути¹⁹. Прибывший в июле 1641 г. в Россию молдавский гонец Петр Юрьев доставил грамоту турецкого переводчика, написанную по указу великого везира Мустафы, в которой говорилось, что Порта встревожена ухудшением отношений с Россией и ожидает прибытия русского посольства с поздравлениями царя Михаила Федоровича султану Ибрагиму по случаю его вступления на престол²⁰. В том же месяце прибыл новый молдавский гонец грек Константин Остафьев с письмом русского агента И. Петрова, который извещал царя о приготовлениях османов к походу на Азов и об участии в нем крымского хана²¹.

Разумеется, в то же время В. Лупу, как вассал османов, исполнял волю султана. По его приказу он (как и валашский правитель) выслал под Азов вместе с османскими войсками свой военный отряд²². Однако и в этой достаточно сложной ситуации молдавский господарь и его бояре оказывали русской миссии в Стамбуле всестороннюю помощь. Так, уже во время пребывания послов в Сучаве В. Лупу дал им свои средства для поднесения «поминков» османским сановникам²³. Господарь и его доверенные люди содействовали Б. Лыкову и А. Букалову и во время их пребывания в Стамбуле. В османской столице послы были размещены на молдавском подворье и поручены опеке «стряпчего» господаря Паладия

Поновитого. Оценивая его помощь, русские послы сообщали в Москву, что Паладий «о твоём государеве деле радел вседушно» и «был тебе, государю, неложной слуга»²⁴.

Вероятно, именно от Паладия и других доверенных лиц господаря русские посланцы получали значительную часть той информации о положении в Османской империи и о походе османов на Азов в 1641 г., которую мы находим в их отписках. При этом В. Лупу активно содействовал своевременной пересылке писем Б. Лыкова и А. Букалова в Москву. В июне 1641 г. их письма доставил молдавский гонец Степан Данилов²⁵. В декабре господарь отправил письма Б. Лыкова и Л. Букалова русскому правительству с греческим торговцем Андреем Куртесовым²⁶.

В ноябре 1641 г. молдавский гонец Михаил Иванов привез отписки русских послов и грамоту В. Лупу «о турецких и азовских вестех». На распросе в Путивле М. Иванов рассказал о неудачной осаде турками Азова, о приеме, оказанном султаном русским послам²⁷.

В грамоте от 26 октября 1641 г. В. Лупу сообщал царю Михаилу Федоровичу о прибытии из Стамбула своего доверенного человека, который привез вести о том, что русским послам «доброе и похваленое справу творили». Узнав от послов, что русское правительство не оказывает помощи казакам в Азове, турки, как писал господарь, приняли их с радостью и «великое чест и похвалу им творили, велико имени твоему царству ради»²⁸.

Османское правительство задержало Б. Лыкова и А. Букалова в Стамбуле до осени 1641 г., ожидая известий о результатах действий османских войск под Азовом. Когда поход закончился неудачей, нанесшей серьезный ущерб престижу Османской империи, Порта стала готовиться к новым действиям по отвоеванию Азова. Вместе с тем, опасаясь за их исход, она предпочитала, чтобы царь добился мирного ухода казаков из Азова. Отпуская послов, везир обещал, что, если царь так поступит, султан запретит татарам нападать на Русское государство²⁹.

К сожалению, этот весьма существенный и ответственный момент в истории русско-молдавских отношений и дипломатической борьбы вокруг Азова отражен в материалах Посольского приказа лишь в отрывочных упоминаниях. Особо важное значение здесь имеет грамота царя Михаила Федоровича В. Лупу от 8 апреля 1642 г., где говорится, что молдавский посол Исая Остафьев привез от господаря в Москву письмо «о азовском деле». Учитывая дату документа, речь должна идти о пребывании И. Остафьева в Москве с 19 декабря 1641 г. по 22 февраля 1642 г.³⁰. На предложения о мирном решении «азовского вопроса» И. Остафьев получил «ответное письмо». Касаясь этого документа, царь писал 8 апреля В. Лупу: «А по нашему ответному письму, которое к тебе з боярином твоим Исаем послано, радеть бы тебе накрепко, и нам, великому государю, ведомо учинить вскоре про все статьи. А как меж нас... з братом нашим с Ибрагим-салтановым величеством учинится крепкая дружба и

любовь твоим раденьем, и нам, великому государю, от тебя, Василья воеводы, то будет в приятельство и в любовь»³¹.

Судя по письму царя, И. Остафьев уехал из Москвы в конце февраля 1642 г. с каким-то проектом русско-османского соглашения, касавшимся, видимо, условий, на которых русское правительство могло согласиться вывести казаков из Азова. К этому времени в Москве было ясно, что донцы одни своими силами не удержат полуразрушенный город, а отношение русских сословий к планам войны с османами оказалось довольно сдержанным. О таком развитии событий свидетельствует донесение венецианского посла А. Тривизана, сообщавшего, что уже 15 марта великий везир знал от молдавского господаря о русском ответе на переданные предложения³². Эта и другие депеши венецианского посла раскрывают, в чем состояла роль молдавского господаря. Предложения обеим сторонам об условиях урегулирования конфликта В. Лупу делал как бы от собственного имени, так что стороны могли вести такие переговоры без ущерба для своего престижа.

Завершению русско-османских переговоров помешал в то время неприятный инцидент. 29 января 1642 г. при переправе через Донец турецкое посольство во главе с чаушем Мегметом, отправленное в Россию вместе с Б. Лыковым и А. Букаловым, подверглось нападению запорожских казаков. Мегмет и его свита были убиты, султанские грамоты похищены. В Москву прибыл лишь его брат Мустафа Челеби.

Этот инцидент обострил русско-турецкие отношения. Речь Посполитая попыталась воспользоваться моментом, чтобы помешать установлению мира между Россией и Османской империей. В Стамбул был направлен посол С. Конецпольский, который должен был обвинить Москву в оказании ей помощи донским казакам, занявшим Азов. В грамоте от 8 января 1642 г., доставленной в Москву молдавским гонцом С. Даниловым, В. Лупу сообщал, что везир вызвал доверенного человека господаря в Стамбуле и предъявил обвинение в том, что Лупу дезинформировал султана о мирных намерениях русского правительства. Как писал господарь, молдавский боярин опроверг в присутствии польского посла эти обвинения и заявил, что они вызваны враждебным отношением Польши к России³³.

В конце марта 1642 г. прибыл в Москву молдавский посол Афанасий Иванов, сообщивший на расспросе в Посольском приказе о поражении турецких войск под Азовом. А. Иванов рассказал, что «пришли ис-под Азова 26 катарг с побитыми и ранеными людьми, а иные порожие и в те поры, де, во Цареграде у турок добре было кручинно». Посол передал сообщение константинопольского патриарха Парфения, что «писал везирь Мустафа-паша к молдавскому владетелю Василью и посулил ему владеть до смерти своей Молдавскою и Мутьянскою обемя землями за то, что он помирил турецкого салтана с московским государем, чтоб были меж собою в дружбе и в любви, и в ссылке, как и прежние турецкие салтаны с московским государем дружбу и любовь вели, и Азов бы государь велел турецкому отдати на-

зад. А держит везир надежду на молдавского владетеля, чтоб он однолично то учинил, чтоб государь московской с турским мир учинил»³⁴.

После получения таких известий, 8 апреля 1642 г. послу молдавского господаря была вручена царская «известительная» грамота турецкому султану об убийстве чауша Мегмета, в которой говорилось, что русское правительство не имеет никакого отношения ни к убийству посла, ни к захвату Азова казаками. Одновременно, с этим же послом, царь направил грамоту В. Лупу с просьбой «порадети» в урегулировании отношений России с Турцией, заверив «как меж нас, великого государя, з братом нашим с Брагим, салтановым величеством, учинитца крепкая любовь твоим радением, а нам, великому государю, то от тебя, Василия воеводы, будет в приятство и в любовь, в прежнее и нынешнее твое радение нам, великому государю, памятно и впредь забвенно не будет»³⁵. Царь писал, что предоставляет господарю решать, следует ли отослать царские грамоты в Стамбул или нет.

Пока подготавливалось посольство, в Москву вторично прибыл И. Остафьев³⁶. Вероятно, он передал сведения о сборе османских войск для похода на Азов. Именно ссылаясь на эти сведения, царь 30 апреля 1642 г. направил донским казакам «повеление» оставить Азов³⁷. Однако еще более важно то, что И. Остафьев привез в Москву ответ на ранее посланные с ним «статьи», предложенные снова как бы от имени молдавского господаря. Его изложение сохранилось в записях более поздних русско-османских переговоров³⁸ и в депеше венецианского посла А. Александрины от 29 апреля 1642 г.³⁹. В обмен на вывод казаков из Азова господарь (а фактически Порты) обещал военную помощь Османской империи в случае конфликтов между Россией и другими государствами и запрет татарам нападать на русские земли. Этот ответ как основа будущего соглашения был одобрен русским правительством⁴⁰.

Из грамоты В. Лупу Михаилу Федоровичу от 22 мая 1642 г. видно, что уже 15 мая он получил «писание» от И. Остафьева с сообщением о принятом в Москве решении⁴¹. Учитывая расстояние от Москвы до Ясс, следует сделать вывод, что молдавский господарь был извещен о нем раньше, чем донские атаманы и казаки, что свидетельствовало о большом значении, которое придавали в Москве его усилиям как посредника. В. Лупу немедленно отправил в Стамбул царские грамоты и известия, полученные от И. Остафьева, а позже, в мае 1642 г., направил в Москву своих послов Афанасия и Михаила Ивановых с ответом турецкого султана. Они сообщили об обращении В. Лупу к везиру, чтобы отменить морской поход османов к Азову и заставить крымского хана отказаться от нападения на русские пограничные территории⁴². В привезенной послами грамоте от 22 мая молдавский господарь также информировал царя Михаила Федоровича об этих своих посреднических усилиях⁴³.

Несколько позднее, в грамоте от 26 мая, В. Лупу сообщил, что по его настоянию везир отправил гонцов к хану и «паше, который над всем турским войском», «чтоб с войском ожидали, под Азов не шли» и что эти

войска будут распущены, как только подтвердятся сообщения об уходе казаков из Азова⁴⁴. Действуя так, молдавский господарь не только способствовал ликвидации конфликта, но и предотвратил разорение своего княжества при проходе через него османских войск.

4 мая 1642 г. в Стамбул с известием об оставлении казаками Азова был направлен переводчик Посольского приказа Иван Боярчиков. Прибыв в Яссы 27 мая в сопровождении молдавского посла И. Остафьева, русский посол на следующий день отбыл в Стамбул. При содействии В. Лупу он информировал царя об укреплении османами Азова⁴⁵.

В исторической литературе отмечалось, что посредничество молдавского господаря в урегулировании азовской проблемы не было решающим⁴⁶. Однако следует отметить, что во время переговоров он сделал ряд важных услуг русскому правительству, оказывая содействие его послам в Стамбуле, пересылая их корреспонденцию, предоставляя информацию о положении в Османской империи и действиях Порты. Саму порученную ему султаном посредническую миссию В. Лупу использовал для установления политических контактов с русским правительством, для налаживания торговых и культурных отношений. Поддерживая связи с Москвой, В. Лупу укреплял свои позиции по отношению к Польше и к самой Турции. Не случайно в переписке с русским правительством он просил, «чтобы были наши словеса в тайне»⁴⁷.

Добросовестность молдавского господаря как посредника между Россией и Османской империей ставили под сомнение некоторые его современники. Так, русский агент в Турции грек И. Петров в 1644 г. обвинял его в двуличии. В письме к царю Михаилу Федоровичу от 25 мая он сообщал, что господарские агенты собирают в России информацию, интересующую султана и его правительство. «А царствие бы ваше не поверили князя Василья молдавского владетеля грамотам, — писал И. Петров, — потому что князь Василей пишет к царствию вашему, а во второй пишет к салтану»⁴⁸.

Доля истины в этих обвинениях, конечно, была. Как вассал османов В. Лупу должен был проводить политику, не входившую в противоречие с их интересами. Как указывал в своих депешах венецианский посол, дипломатическая деятельность господаря была высоко оценена в Стамбуле; выдвигались даже предложения дать ему хаттишериф на пожизненное владение Молдавским княжеством⁴⁹. В. Лупу, судя по его письмам середины 40-х гг., держал также агентов в России, которые сообщали ему нужные сведения для передачи в Стамбул. Однако в мирном соглашении с Портой была заинтересована и Россия, а условия, выдвигаемые господарем, были выгодны для русской стороны.

К сказанному следует добавить, что, установив тесные связи с Россией, В. Лупу одновременно прилагал усилия для налаживания отношений с Речью Посполитой. В годы борьбы за Азов он постоянно снабжал польских сановников, прежде всего великого коронного гетмана С. Ко-

нецпольского, подробной информацией о планах и намерениях османов и татар⁵⁰, а позднее (например, в 1645 г.) выступил в роли посредника между польским королем и султаном⁵¹.

Большое значение для молдавско-русских связей в первой половине XVII в. имело пребывание в Молдавском княжестве в 1642–1643 гг. в качестве тайного русского агента будущего видного государственного деятеля России А. Л. Ордина-Нащокина. Он находился в Яссах при дворе В. Лупу под видом господарского приближенного небольшого чина⁵². Конспирация была вызвана тем, что Польша недоброжелательно относилась к связям господаря с Россией и, опасаясь русско-турецкого сближения, стремилась всячески ему воспрепятствовать. В таких условиях для выполнения дипломатической миссии А. Л. Ордину-Нащокину важны были содействие и помощь В. Лупу. Его миссия состояла прежде всего в выяснении, насколько благоприятны были условия для отправки «больших послов» в Стамбул, чтобы оформить достигнутую ранее договоренность. Кроме того, так как при размежевании русско-польской границы после Поляновского мира возник ряд пограничных конфликтов, посол должен был определить, станет ли правительство Речи Посполитой серьезно настаивать на исправлении границы в свою пользу⁵³.

Молдавский господарь приставил к А. Л. Ордину-Нащокину своего доверенного человека Исаяю Остафьева. Он помогал русскому дипломату в сборе информации, ее посылке в Москву. В грамоте от 29 октября 1643 г. В. Лупу писал царю Михаилу Федоровичу: «...мы подвизахом от вьсея нашея срьдця и помишления, яко же лутче есми познавали в вьсях делах ваше царскому величество по нашею многократи покорною обещанию, что есми обещали на болярина нашего Исая Остафиева и на других наши человеци, тех вьсях нашим промишлением служихом и совершихом»⁵⁴.

Вместе с Нащокин ездил по Молдавскому княжеству, собирал информацию, устанавливал связи с местными боярами, способствовал формированию в княжестве прорусских настроений. Наряду с И. Остафьевым помощником Нащокина стал боярин логофет Федор. В окружении русского дипломата создавалась группа прорусски настроенных молдавских политиков, которые продолжали посылать информацию в Россию и после его отъезда⁵⁵. Разнообразные сведения, доставлявшиеся ему этими людьми, а также и самим В. Лупу, позволили А. Л. Ордину-Нащокину установить, что в Османской империи военных приготовлений и переговоров о союзе султана или крымского хана с Речью Посполитой не ведется⁵⁶. В итоге он мог сделать вывод, что «можно, де, государю с турским миритца и крепость с начальными людьми ево учинить на чем надобно»⁵⁷.

Было оказано содействие А. Л. Ордину-Нащокину и в выполнении той части его миссии, которая касалась Речи Посполитой. Сведения, собранные ездившими туда И. Остафьевым и послами господаря на сейме 1643 г., позволили установить, что на военный конфликт из-за пограничных споров Речь Посполитая не пойдет⁵⁸.

Если отношение А. Л. Ордина-Нащокина к И. Остафьеву было близким и доверительным, то к самому господарю гораздо более сдержанным: так, Нащокин сообщал в Москву о полученном В. Лупу разрешении приобрести земли в Речи Посполитой⁵⁹.

Главным результатом миссии А. Л. Ордина-Нащокина была подготовка посольства в Стамбул И. Д. Милославского и дьяка Л. Лазаревского, которое должно было дипломатически завершить урегулирование азовского конфликта. Посольство отправилось из Москвы 16 марта 1643 г. и повезло грамоты о дружбе и щедрые подарки султану и его приближенным⁶⁰. В задачу посольства входило окончание переговоров с Портой в связи с оставлением казаками Азова и установление мирных отношений с Османской империей. Послам поручалось добиваться, чтобы Порта гарантировала прекращение крымских набегов на южные рубежи Русского государства и продвижения османских войск вдоль берегов Дона. Турецкое правительство соглашалось с условиями, выдвинутыми русскими послами, и отдало распоряжение крымскому хану и наместникам Азова и Каффы прекратить нападения на территорию Московского государства⁶¹.

С урегулированием азовского конфликта русско-молдавские связи не прекращаются. По просьбе русского правительства В. Лупу продолжал информировать его через своих гонцов о действиях Турции и положении дел в соседних странах, оказывать содействие русским послам в Стамбуле. Извещая молдавского господаря в грамоте от 5 июня 1643 г. об отправке в Стамбул И. Д. Милославского и Л. Лазаревского, царь Михаил Федорович просил Лупу оказывать им помощь в выполнении возложенной на них миссии, так как русским послам «наказано имянно, чтобы они о наших царского величества делах с вашими бояры, которые живут во Царьгороде, советовали и промышляли вместе». Царь сетует на то, что и после ухода казаков из Азова, несмотря на обещания султана и заверения господаря, продолжаются татарские нашествия на южные рубежи Московского государства и русские пленные не освобождены. Михаил Федорович поручил В. Лупу сообщить об этом господарским доверенным людям в Стамбул и русским послам⁶².

Представители господаря в Стамбуле снабжали русских послов продовольствием, передавали им царские грамоты и отправляли их отписки в Москву⁶³. Послы просили этих представителей о содействии и получили соответствующие обещания, но потом «те молдавского воеводы стряпчие к послам не бывали и ведома никакова ни о чем не учинили»⁶⁴, возможно, потому, что пребывание послов в Стамбуле было слишком кратким.

Вопреки данному Портой обещанию, грабительские походы крымских татар на русские пограничные территории продолжаются в 1643–1644 гг.⁶⁵. В сентябре 1643 г. царь повторяет просьбу к В. Лупу о содействии русским послам в Стамбуле, прекращении татарских набегов на русские земли и освобождении пленных⁶⁶.

Порта, однако, стремилась скрыть свое участие в набегах, объясняя происходящее «самовольством» крымского хана или отдельных мурз. В таких условиях для русского правительства было важно получать от молдавского господаря информацию о планах и действиях татар. Кроме того, В. Лупу мог содействовать дипломатическим шагам царских властей в Стамбуле, целью которых было добиться, чтобы Порта в соответствии со своими обязательствами положила конец татарским набегам и распорядилась о возвращении русских пленных.

В ходе этих контактов постепенно менялась позиция господаря и его роль в русско-османских переговорах. Если в грамоте от 20 июня 1643 г. В. Лупу в духе избранной Портой линии сообщал, что султан не имеет отношения к набегам татар, накажет виновных и распорядится о возвращении пленных, то в октябре 1644 г. он нашел нужным передать в Москву, что выступление татар было заранее одобрено везиром⁶⁷.

Проявленная господарем нелояльность по отношению к османам была, возможно, связана с тем, что к середине 40-х гг. в его политике наметился известный отход от проосманской ориентации к направленному против султана союзу с Речью Посполитой. Внешним симптомом перемен стало заключение в феврале 1645 г. брака между старшей дочерью господаря Марией и одним из наиболее могущественных литовских магнатов Янушем Радзивиллом⁶⁸, в то время очень близким к польскому королю Владиславу IV, вынашивавшему планы войны против османов.

Молдавский господарь продолжал посылать своих гонцов в Россию с торговыми целями, с информацией о турецких и крымских делах. В грамоте от 20 октября 1644 г. В. Лупу извещал о подготовке нового похода крымского хана на русские территории⁶⁹. В марте 1645 г. в Москву прибыл молдавский посол И. Остафьев, который привез грамоту В. Лупу от 20 февраля царю Михаилу Федоровичу с сообщением о появлении в Крыму самозванца Озонкула, выдававшего себя за сына царевича Дмитрия (Лжедмитрия II)⁷⁰.

Примирение в 1644 г. после многолетней вражды с В. Лупу позволило валашскому господарю Матвею Басарабу также установить политические контакты и наладить торговые связи с Россией. В феврале 1645 г. он направил в Москву посольство во главе с П. Николаевым, которое должно было доставить грамоту царю Михаилу Федоровичу и выполнить «словесный приказ о... государеве деле». На расспросе в Посольском приказе П. Николаев рассказал о целях своего посольства: «А к великому государю... Михаилу Федоровичу... Матвей воевода послал его, Павла, с своею грамотою для того, что хочет он царскому величеству служить верою и правдою, потому что ныне он, Матвей, с молдавским воеводою помирился и путь стал отворен... А наперед сего, как меж ими с молдавским была война, и посланников было к царскому величеству посылать ему нельзя, потому что проехать через Молдавскую землю нельзя, а иного пути нет». Послы были приняты царем в Золотой палате Кремля и

преподнесли ему дары от валашского господаря. Царь послал Матвею Басарабу в подарок соболя меха⁷¹.

Русское правительство выразило готовность поддерживать дружественные отношения с валашским господарем и содействовать торговле с Валахией⁷². С этого времени становятся частыми приезды в Россию валашских посланцев с целью покупки соболях мехов для М. Басараба.

В установившихся валашско-русских отношениях преобладали торговые связи, в то время как молдавский господарь В. Лупу продолжал поддерживать с Москвой политические контакты.

Из-за непрекращающихся нападений крымского хана и азовского паша на южные рубежи Московского государства русское правительство в июле 1645 г. отправило в Турцию посольство стольника С. Телепнева и дьяка А. Кузовлева, которые должны были добиться у султана выполнения обещания запретить татарам вторгаться в пределы России и освободить русских пленных⁷³. Для поддержания контактов с послами царь Михаил Федорович снова прибег к помощи молдавского господаря. В грамоте от 11 июля 1645 г. царь просил В. Лупу содействовать через своих доверенных людей в Стамбуле выполнению русскими послами их миссии, помочь установить с ними связь. Михаил Федорович писал: «И тебе б, Василью воеводе, велети людем своим во Царьгород отписати: как наши царьского величества послы будут во Царегороде, и они б им о всяких наших делах розказывали, и о всем нашим делом радели и промышляли, и про всякие вести, что учнетца делать во Царегороде, послом нашим объявляли. А как наши царьского величества послы учнут к нам, великому государю, писати о наших государьских делах, и они б те их отписки, взяв у них, отсылали тайно к тебе, воеводе Василью. И тебе б те их отписки присылати к нам, великому государю»⁷⁴. Еще одна просьба царя к В. Лупу состояла в том, чтобы задержать самозванца Озонкула⁷⁵. Но крымский хан, оказавший поддержку Озонкулу, передал его османам, которые перевезли самозванца в Стамбул. На требование русских послов С. Телепнева и А. Кузовлева выдать Озонкула Порта ответила отказом⁷⁶.

Новый царь Алексей Михайлович, известивший грамотой от 31 июля 1645 г. молдавского и валашского господарей о своем вступлении на русский престол, выразил готовность поддерживать дружественные отношения с Дунайскими княжествами⁷⁷. Так же как и его отец, царь был заинтересован в услугах молдавского господаря В. Лупу в деле получения информации из Турции и Крыма, в содействии русским послам в Стамбуле. В грамоте от 31 августа 1645 г. Алексей Михайлович писал господарю: «Как к отцу нашему, блаженные памяти к великому государю царю... Михаилу Федоровичу любовь твоя и раденье было, так же бы тебе и нам, великому государю, радети и промышляти, и о всех делах ведомо чинити. А у нас, великого государя, то твое раденье забвенно не будет...»⁷⁸.

К середине 40-х гг. в русско-молдавских политических контактах появляются некоторые новые черты, связанные с изменением политики

правительства Речи Посполитой по отношению к османам и характера русско-польских отношений. Как известно, в то время у польского короля Владислава IV и его окружения возникли планы активной наступательной войны против османов, в которой наряду с Речью Посполитой должны были принять участие Россия и Дунайские княжества. Начало переговоров по этому вопросу между правительством Речи Посполитой и княжествами следует, видимо, отнести к концу 1645 — началу 1646 г. Во всяком случае уже в феврале 1646 г. в Варшаву прибыли послы молдавского и валахского господарей, которые обсуждали вопрос о совместном выступлении против османов⁷⁹. Для продолжения переговоров в Сучаву затем должен был выехать зять В. Лупу Я. Радзивилл, получивший в апреле 1646 г. от Владислава IV важный «уряд» польного гетмана литовского⁸⁰. В день назначения Я. Радзивилл посетил русских послов, прибывших в Варшаву для переговоров о союзе против османов, и рассказал, что король приказал ему и мстиславскому воеводе М. Абрамовичу набрать в Великом княжестве Литовском войска и стоять с ними «на волоской границе для приходу турецких людей». Одновременно он сообщил, что молдавский и валахский господаи «на турецко ж, де, салтана хотять восстать в союз» с польским королем «и для того соединенья, для збору ратных людей» Я. Радзивилл отправляется к В. Лупу⁸¹. Поступая так, Я. Радзивилл действовал несомненно по поручению короля, а сам этот демарш показывает, что Владислав IV и его окружение не решались на крупные действия против султана на территории княжеств без соглашения с Россией.

В Речи Посполитой начался набор войск для войны с османами, а в июне 1646 г. Я. Радзивилл направился со своей миссией в Сучаву⁸². Однако еще до его приезда В. Лупу 11 мая отправил в Москву гонца И. Григорьева, приказав ему «гнать днем и ночью». На расспросе в Посольском приказе в июне 1646 г. гонец сообщил, что молдавский и валахский господаи отказались выполнить требования султана об отправке войск на войну с Венецией⁸³. Еще более важным было заявление гонца о поручении В. Лупу известить царя, «что он, Василий, и мунтянский (валахский. — Л. С.) владетель Матвей хотят с великим государем, с его царским величеством заодно стоять против турецкого царя и против крымского царя и ратных людей ему, великому государю, на помочь дадут», что господаи собирают войска против османов в соседних странах и «промеж собой укрепились крестным целованием, что им турецкому царю дани не давати и стояти против него заодно»⁸⁴. Этот шаг, предпринятый явно по согласованному решению обоих господарей еще до завершения переговоров о союзе с Речью Посполитой, ясно показывает, что и правители Дунайских княжеств не считали возможной успешную борьбу с османами без участия Русского государства.

Однако даже в тот момент, когда В. Лупу отступил от своей обычной проосманской ориентации, он не пошел на открытый разрыв с Портой и продолжал выполнять ее поручения. Среди депеш венецианского посла Д. Соранцо сохранились копии писем господаря османским сановникам

от марта—апреля 1646 г. с основанными на донесениях его агентов сообщениями о русских военных приготовлениях к походу на Крым⁸⁵.

Антиосманский курс В. Лупу продолжался недолго. После того как собравшийся в октябре 1646 г. сейм принял решение о сохранении мира с Османской империей и добился роспуска собранных Владиславом IV войск, В. Лупу прервал тайные переговоры с польским королем и стал побуждать его противников направить в Стамбул посольство для подтверждения мира⁸⁶. Неудивительно, что в последующей русско-молдавской переписке тема борьбы с османами отсутствовала. Правда, когда летом 1647 г. в Россию прибыл для переговоров о союзе против татар великий посол Речи Посполитой А. Кисель, он сообщил, что господаи якобы в начале 1647 г. прислали к Владиславу IV послов, предлагая «на турецкого... итти заодно»⁸⁷. Но это сообщение, во всяком случае по отношению к В. Лупу, не отвечало реальным фактам и имело, по-видимому, своей целью приукрасить на переговорах международное положение Речи Посполитой.

Когда царь Алексей Михайлович нашел нужным в октябре 1646 г. направить в Стамбул посла Ф. Черкасова, то молдавский господарь по просьбе царя оказал ему содействие при проезде через княжество, дав в сопровождение до Стамбула своего гонца. Об этом В. Лупу писал Алексею Михайловичу в грамоте от 16 января 1647 г.⁸⁸.

В связи с обострением отношений османов с донскими казаками русские послы С. Телепнев и А. Кузовлев 9 июля 1646 г. были арестованы в Стамбуле. В плену С. Телепнев умер, а А. Кузовлев сумел вернуться в Россию лишь 11 декабря 1649 г.⁸⁹.

Вести из турецкой столицы беспокоили русское правительство. В грамоте от 6 октября 1646 г. царь Алексей Михайлович писал В. Лупу о задержке в Стамбуле названных русских послов и просил информировать о состоянии дел в Турции и Крыму⁹⁰. Прибывший в Москву в ноябре 1646 г. вместе с молдавским гонцом З. Юрьевым грек А. Афанасьев привез письмо русского агента в Турции И. Петрова, который сообщал, что причиной задержки русских послов в Стамбуле была грамота крымского хана султану с сообщением о походе русских войск на Крым, а литовских — к турецким границам⁹¹.

В начале 1647 г. в русско-молдавской переписке появилась новая тема. Обеспокоенная слухами о направленном против османов русско-польском сближении Порты решила разъединить возможных противников, заключив сепаратное соглашение с Россией. Как сообщал венецианский посол, начать переговоры о таком соглашении с Россией везир предложил молдавскому господарю⁹².

В феврале 1647 г. вместе с Ф. Черкасовым, отвозившим в Стамбул грамоту царя, в Москву прибыл молдавский посол М. Оргирьев. Он привез грамоту господаря царю от 16 января и три грамоты везира Салих-паши, адресованные В. Лупу. Салих-паша писал господарю, что Порта согласна установить мир с Россией при условии, что донские казаки будут выведе-

ны из «Черкасского городка», не будут выходить в Черное море и станут по-прежнему платить дань крымскому хану. В двух других грамотах везир говорил о намерении Порты заключить мир с Москвой и предлагал В. Лупу быть посредником в переговорах⁹³. При расспросе посол сообщил о предпринятых господарем попытках добиться у Порты освобождения русских послов С. Телепнева и А. Кузовлева. В связи с этим по поручению В. Лупу посол говорил, «что он, Василий, турецкому царю работает поневоле, а великому государю его царскому величеству работает волею...» и что господарь не доверяет тому, о чем говорят и пишут турецкие правители, «заяже словеса их в суете зостанут», но должен выполнять приказы султана⁹⁴.

По поручению султана В. Лупу в феврале 1647 г. обратился к царю Алексею Михайловичу с просьбой сообщить об отношении русского правительства к предложенным Портой условиям заключения мира. Одновременно молдавский господарь информировал о турецких действиях в войне с Венецией, о поражении османов у берегов острова Крит⁹⁵. Грамота В. Лупу с этими сведениями была доставлена в Москву молдавским послом Ф. Юрьевым, который в Посольском приказе сообщил сведения о состоянии и расположении османской армии. По его словам, большая часть султанских войск находилась в боевой готовности до получения ответа русского правительства на грамоту, посланную в Россию с Ф. Черкасовым, об условиях заключения русско-турецкого мира⁹⁶.

После получения этих сведений от молдавского господаря и его гонцов русское правительство поспешило в апреле 1647 г. направить в Стамбул с грамотами к султану послов Б. Лыкова и Н. Костюрского. Они были направлены как всегда через Молдавское княжество, в связи с чем царь просил В. Лупу содействовать им при проезде и во время пребывания в турецкой столице⁹⁷. Прибывший в Москву в конце октября 1647 г. молдавский посол С. Матвеев рассказывал в Посольском приказе о помощи, оказанной господарем Б. Лыкову и П. Костюрскому в Стамбуле. С. Матвеев сообщил, что причиной задержания русских послов в Стамбуле С. Телепнева и А. Кузовлева, по словам турецких сановников, было нападение донских казаков на турецкие территории и неполучение ответа русского правительства на предложение султана о заключении мира с Россией⁹⁸.

Переговоры русских послов с Портой об условиях мира затягивались, и обстановка на южных границах Московского государства оставалась сложной вследствие продолжавшихся татарских нападений. В декабре 1647 г. В. Лупу просил своего посла З. Юрьева сообщить царю Алексею Михайловичу о подготовке крымским ханом похода на русские пограничные территории⁹⁹.

Вспыхнувшая в 1648 г. освободительная война украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого против гнета польских феодалов изменила политическую ситуацию в Юго-Восточной Европе, оказав непосредственное влияние на отношения между странами региона. Для Молдавского княжества, оказавшегося вовлеченным в украинско-польскую вой-

ну, связь с Россией отодвинулась, на передний план вышли отношения с Украиной и украинским казачеством. Однако именно эти изменения, которые в дальнейшем привели к воссоединению Украины с Россией, позднее создавали условия для резкого подъема на новый качественный уровень политических связей между Россией и Дунайскими княжествами.

Итак, рассмотренные выше материалы показывают что установившиеся в 30–40-х гг. XVII в. в ходе посредничества молдавского господаря В. Лупу в урегулировании русско-турецких отношений политические контакты имели важное значение как для русского правительства, так и для господаря. В. Лупу информировал Москву о положении в Крыму и Турции, оказывал помощь русским послам в Стамбуле, содействовал их связи с русским правительством. Самому господарю отношения с Россией позволяли укреплять позиции в международных делах, что способствовало упрочению положения Молдавского княжества.

В то же время следует отметить, что если такой опытный и осторожный политик как В. Лупу, который «с незначительными колебаниями... почти до конца 40-х гг. последовательно проводил протурецкую внешнюю политику»¹⁰⁰, нашел нужным установить постоянные связи с Россией, то это явный показатель роста престижа и влияния России в международных делах, упрочения ее позиций на граничивших с Балканами территориях Северного Причерноморья. Об этом же говорят и настойчивые попытки установить контакты с Россией валашского господаря Матвея Басараба.

Независимо от субъективных устремлений обоих этих правителей установление постоянных политических связей между Россией и Дунайскими княжествами вело к расширению контактов между политиками обеих сторон, к вовлечению в политические переговоры с Россией достаточно широкого круга лиц из княжеств. Укреплялось представление о России, как о стране, куда можно обратиться за содействием и поддержкой. Здесь следует отметить и постоянную материальную помощь молдавскому и валашскому господарям, проявлявшуюся в продаже им крупных партий дорогих мехов «по казенной цене без наддачи»¹⁰¹. Этими мехами частично уплачивалась лежавшая на княжествах дань в пользу османов, преподносились подарки чиновникам Порты.

При общей оценке состояния политических связей следует принять во внимание и такую форму контактов, как поездки молдавского и валашского духовенства в Россию за «милостыней» на нужды церкви. Начавшись в конце 20-х гг., они продолжались и в дальнейшем. Архивные материалы содержат подробные и многочисленные данные об этом. Так, летом 1645 г. в Москву за «милостыней» прибыл настоятель молдавского Путнянского монастыря Иорест¹⁰². Он привез с собой грамоту с ходатайством сучавского митрополита Варлаама от 2 июня 1645 г. Иорест был «расспрашиван» в Посольском приказе и получил из царской казны 30 рублей¹⁰³. В ноябре того же года с целью получения «милостыни» в России находился игумен монастыря Дмитрия Солунского в Валахии Константин¹⁰⁴. С этой же

целью в начале 1648 г. прибыл игумен молдавского Никольского монастыря Иона¹⁰⁵. Следует отметить, что русское правительство, поддерживая в XVII в. тесные связи с православным Востоком¹⁰⁶, постоянно оказывало духовенству Молдавского и Валашского княжеств материальную помощь. В качестве «милостыни» представители молдавской и валашской церквей везли из России деньги, а также иконы и церковную утварь. В ответ на щедрую материальную помощь духовенство княжеств доставляло русскому правительству важные для него сведения о положении дел в Османской империи, об отношениях Порты с другими странами. Иногда поездки духовенства в Москву использовались молдавскими и валашскими господа-рями в определенных дипломатических целях. Показательно, что многие посольства в Москву с важными политическими миссиями возглавляли представители духовенства¹⁰⁷.

Таким образом, и эта влиятельная часть молдавского и валашского общества привыкала смотреть на Россию как на страну, у которой можно получить помощь и поддержку. Церковные контакты также способствовали созданию предпосылок для более тесного сближения Дунайских княжеств с Россией в 50-е гг. XVII в.

Примечания

- ¹ Флоря Б. Н. К изучению русско-османских отношений накануне и во время Смоленской войны // *Etudes balkaniques*. 1987. № 4. С. 47–55.
- ² РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1632 г. Д. 4. Л. 238–246.
- ³ Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.: Документы и материалы в трех томах. М., 1965–1970. (Далее: ИСв.) Т. 1. С. 273–275, 326, примеч. 245–247.
- ⁴ РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1639 г. Д. 7. Л. 10–14; ИСв. 2. С. 29, 30.
- ⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1638 г. Д. 7. Л. 10–13; ИСв. 2. С. 21, 22.
- ⁶ РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1639 г. Д. 1. Л. 4–11.
- ⁷ Там же. Оп. 2. 1639 г. Д. 5. Л. 1.
- ⁸ Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1638 г. Д. 9.
- ⁹ Там же. Ф. 68. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–2 об.; ИСв. 2. С. 38, 39.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 68. Оп. 2. 1639 г. Д. 8. Л. 1.
- ¹¹ Там же. Д. 9. Л. I; ИСв. 2. С. 42.
- ¹² РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1640 г. Д. 1. Л. 85.
- ¹³ Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1640 г. Д. 12. Л. 13.
- ¹⁴ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л., 1948. С. 309, 310.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 68. Оп. 2. 1641 г. Д. 10. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Ф. 89. Оп. 1. 1640 г. Д. 1. Л. 38, 39.

- 17 Там же. Л. 32, 33.
- 18 Там же. Ф. 68. Оп. 2. 1641 г. Д. 11. Л. 1–2 об; ИСв. 2. С. 57–59.
- 19 *Bezviconi Gh. Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse (din cele mai vechi timpuri pînă la mijlocul secolului al XIX-lea)*. Buc., 1962. P. 82.
- 20 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1641 г. Д. 13. Л. 9–14.
- 21 Там же. Д. 14. Л. 20–28.
- 22 Там же. Ф. 89. Оп. 1. 1640 г. Д. 1. Л. 93, 146.
- 23 Там же. Л. 90.
- 24 Там же. Л. 146.
- 25 Там же. Ф. 68. Оп. 1. 1641 г. Д. 6. Л. 1, 2.
- 26 Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1642 г. Д. 13. Л. 5–10, 15, 16.
- 27 Там же. Ф. 68. Оп. 1. 1642 г. Д. 1. Л. 1–3; Д. 2. Л. 1–3.
- 28 Там же. Ф. 68. Оп. 2. 1641 г. Д. 12. Л. 1–2; ИСв. 2. С. 63–66.
- 29 Там же. Ф. 89. Оп. 1. 1640 г. Д. 1. Л. 269, 291.
- 30 Там же. Оп. 1. 1642 г. Д. 2. Л. 30; ИСв. 2. С. 362, примеч. 81.
- 31 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1642 г. Д. 2. Л. 39, 40.
- 32 *Documente privitoare la istoria Românilor*. Publ. de E. Hurmuzaki. (Далее: DR.) Buc., 1884. Vol. IV/2. P. 515.
- 33 РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1642 г. Д. 4. Л. 4–11.
- 34 Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1642 г. Д. 18. Л. 1–14.
- 35 Там же. Ф. 68. Оп. 1. 1642 г. Д. 2. Л. 39–40; Оп. 2. 1642 г. Д. 13. Л. 1; *Смирнов Н. А. Россия и Турция в XV–XVII вв.* М., 1947. С. 79, 80.
- 36 ИСв. 2. С. 362.
- 37 *Смирнов Н. А. Россия...* С. 81, 82.
- 38 *Временник Московского общества истории и древностей российских (далее: Временник МОИДР)*. 1850. Кн. 8. С. 80, 81, 90, 91.
- 39 DR. IV/2. P. 516.
- 40 Ibid. P. 517.
- 41 РГАДА Ф. 68. Оп. 2. 1642 г. Д. 13. Л. 1.
- 42 Там же. Оп. 1. 1642 г. Д. 9. Л. 1–11.
- 43 Там же. Оп. 2. 1642 г. Д. 13. Л. 1.
- 44 Там же. Ф. 89. Оп. 1. 1642 г. Д. 3. Л. 41, 42.
- 45 *Bezviconi Gh. Contribuții...* P. 83.
- 46 *Смирнов Н. А. Россия...* С. 64; *Власова Л. В. Международные отношения и внешняя политика Молдавского княжества в 20-х — середине 50-х гг. XVII в. // Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX в.)*. Кишинев, 1987. С. 200.
- 47 РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1645 г. Д. 2. Л. 9.
- 48 ИСв. 2. С. 127.
- 49 DR. IV/2. P. 519.

- 50 *Baranowski B.* Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632–1648. Lodz, 1949. S. 70, 74, 87, 101, 104.
- 51 *Ibid.* S. 158, 159.
- 52 *Галактионов И. В., Чистякова Е. А.* А. Л. Ордин-Нащокин — русский дипломат XVII в. М., 1961. С. 28, 29.
- 53 Там же. С. 26–28.
- 54 РГАДА. Ф. 68. Оп. 2. 1643 г. Д. 17. Л. 1; ИСв. 2. С. 119. См. также: А. Л. Ордин-Нащокин — И. Ф. Шереметеву, декабрь 1642 г. (РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1643 г. Д. 2. Л. 43–50; ИСв. 2. С. 84–88).
- 55 *Курсков Ю. В.* Из истории русско-молдавских отношений в XVII в. // Известия Молдавского филиала АН СССР. 1959. № 2. С. 82–87; *Власова Л. В.* Международные отношения... С. 201, 202.
- 56 ИСв. 2. С. 85, 86; *Галактионов И. В.* Ранняя переписка А. Л. Ордина-Нащокина (1642–1645). Саратов, 1968. С. 16–20, 30, 34, 65.
- 57 *Галактионов И. В.* Ранняя переписка... С. 40; *он же.* Молдавское посольство А. Л. Ордина-Нащокина // Ученые записки Саратовского гос. ун-та. 1958. Т. 16. С. 173–176.
- 58 ИСв. 2. С. 87; *Галактионов И. В.* Ранняя переписка... С. 33, 34, 59, 60; *он же.* Молдавское посольство... С. 177, 178.
- 59 *Галактионов И. В.* Ранняя переписка... С. 61.
- 60 *Смирнов Н. А.* Россия... С. 87.
- 61 Там же. С. 87–89; *Новосельский А. А.* Борьба... С. 311, 312.
- 62 РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1643 г. Д. 6. Л. 58–77.
- 63 Временник МОИДР. Кн. 8. С. 50, 117; РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1643 г. Д. 1а. Л. 52–54.
- 64 Временник МОИДР. Кн. 8. С. 95.
- 65 *Новосельский А. А.* Борьба... С. 315–327, 332–341.
- 66 РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1643 г. Д. 7. Л. 18–32; ИСв. 2. С. 110–114.
- 67 ИСв. 2. С. 101, 102, 135, 136.
- 68 *Власова Л. В.* Международные отношения... С. 203–205.
- 69 РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 3–12; ИСв. 2. С. 134–137.
- 70 РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1645 г. Д. 5. Л. 13–16; ИСв. 2. С. 142, 143.
- 71 РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1645 г. Д. 6. Л. 5, 6, 49, 50, 53–63; ИСв. 2. С. 140, 141, 368.
- 72 См. грамоту царя Михаила Федоровича Матвею Басарабу от 11 июля 1645 г. (РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1645 г. Д. 6. Л. 69–72; ИСв. 2. С. 152, 153).
- 73 *Смирнов Н. А.* Россия... С. 91–93.
- 74 РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1645 г. Д. 5. Л. 79, 80.
- 75 Там же. Л. 74–82; ИСв. 2. С. 147–149.
- 76 *Смирнов Н. А.* Россия... С. 92.
- 77 РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1645 г. Д. 5. Л. 83–89; Д. 6. Л. 73–78; ИСв. 2. С. 154–159.
- 78 РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1645 г. Д. 7. Л. 19–21 об.; ИСв. 2. С. 164, 165.

- 79 *Czermak W.* Planu wojny tureckiej Władysława IV. Kraków, 1895. S. 88, 89.
80 Ibid. S. 108.
- 81 РГАДА. Ф. 79. Кн. 71. Л. 825, 826.
- 82 *Czermak W.* Planu... S. 161.
- 83 РГАДА. Ф. 68. Оп. 2. 1646 г. Д. 20. Л. 1–2 об.; ИСв. 2. С. 171, 172.
- 84 РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1646 г. Д. 3. Л. 5, 6.
- 85 DR. IV/2. P. 546, 547, 549–552.
- 86 *Czermak W.* Planu... S. 260–262.
- 87 РГАДА. Ф. 79. Кн. 72. Л. 174–174 об.; см. также: *Власова Л. В.* Международные отношения... С. 204, 205.
- 88 РГАДА. Ф. 68. Оп. 2. 1646 г. Д. 2. Л. 63–65; там же. Оп. 1. 1647 г. Д. 5. Л. 38–42; ИСв. 2. С. 196–198.
- 89 *Смирнов Н. А.* Россия... С. 91–93.
- 90 РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. Кн. 1. Л. 144 об. — 146; ИСв. 2. С. 176, 177.
- 91 Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1647 г. Д. 7. Л. 8–18.
- 92 *Czermak W.* Planu... S. 294.
- 93 РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1647 г. Д. 5. Л. 43–51.
- 94 Там же. 1647 г. Д. 1. Л. 41. См. также: ИСв. 2. С. 374–375.
- 95 См. грамоту В. Лупу царю Алексею Михайловичу от 18 февраля 1647 г. (РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1647 г. Д. 7. Л. 8–12; ИСв. 2. С. 200, 201).
- 96 Там же. Л. 1–15.
- 97 См. грамоту царя Алексея Михайловича В. Лупу от 30 апреля 1647 г. (Там же. Д. 5. Л. 29, 30; ИСв. 2. С. 208).
- 98 Там же. 1648 г. Д. 1. Л. 6–9.
- 99 Там же. Д. 2. Л. 8–10; ИСв. 2. С. 211–213.
- 100 *Власова Л. В.* Международные отношения... С. 196.
- 101 ИСв. 2. С. 79, 124, 132; 148, 152 и др.
- 102 См. проезжую грамоту В. Лупу настоятелю монастыря Иоресту на свободный проезд в Россию за милостыней (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1645 г. Д. 43. Л. 14); *Dragomir S.* Contribuții privitoare la relațiile bisericii românești cu Rusia în veacul al XVII-lea. Buc., 1912. P. 107.
- 103 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1645 г. Д. 43. Л. 1, 2, 8–13, 16, 27–29.
- 104 Там же. 1646 г. Д. 6. Л. 3, 34–39, 60.
- 105 Там же. 1648 г. Д. 17. Л. 7–10.
- 106 См.: *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858–1860. Т. 1–2; *Кантерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. СПб., 1885.
- 107 О церковных связях Молдавии и Валахии с Россией в XVII в. см.: *Semenova L. E.* Relațiile bisericii din Moldova și Muntenia cu biserica rusă în secolul XVII // Anuarul Institutului de istorie «A. D. Xenopol». XXXI (1994). Iași. P. 561–570.

МОЛДАВИЯ И ВАЛАХИЯ
В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
В ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Признание запорожским казачеством во главе с гетманом Б. Хмельницким подданства России (1654) привело к изменениям в международной обстановке в Восточной и Юго-Восточной Европе. Вступление России в борьбу за Украину активизировало ее соперников. Речь Посполитая и Крымское ханство заключили союз (июль 1654 г.), который поддерживала и Порта. Занятая затянувшейся тяжелой войной с Венецией, Османская империя не вмешивалась непосредственно в русско-польско-украинский конфликт, предоставив здесь свободу действий Крыму. Важное значение османы придавали политике Речи Посполитой, рассматривая ее в стратегическом плане как противовес усиливавшейся России. Особую озабоченность султана вызывало вовлечение в происходившие в Восточной Европе события вассальных османам княжеств — Молдавии, Валахии и Трансильвании, ставших объектом соперничества враждующих сторон — России и Украины, с одной стороны, Речи Посполитой и Крыма — с другой. Все это заставляло Порту внимательно отслеживать политическую ситуацию в Восточной и Юго-Восточной Европе.

Вступление запорожцев в подданство царю и, как следствие, неизбежность военного столкновения с русско-казацким лагерем заставляли ослабленную в то время Речь Посполитую искать помощь извне. В международном плане польская дипломатия стремилась добиться изоляции Запорожского Войска, в то время как гетман вел переговоры с Крымом¹. В начале 1654 г. в Стамбул было направлено посольство Н. Бегановского с целью убедить османские власти в необходимости воздействовать на крымского хана, чтобы отвлечь татар от нападений на польские земли и, главное, от поддержки казаков. Перед отправленным вскоре в Молдавию польским послом В. Бенеvским ставилась задача, ссылаясь на опасность запорожско-крымского союза, побудить господаря содействовать в Стамбуле усилиям Н. Бегановского². Кроме того, польские дипломаты должны были выяснить перспективы участия в походе на Украину военных сил Дунайских княжеств, о чем переговоры с их правителями велись еще в 1653 г.³

Османские власти в переговорах с Н. Бегановским и в ответах королю Яну Казимиру высказывали поддержку Речи Посполитой и готовность заставить татар отказаться от союза с запорожцами и от набегов на польские территории. На деле Порта ограничилась обещаниями. Более того, она сохраняла прежнее благожелательное отношение к запорожскому гетману, но и здесь только на словах. Султан не брал на себя никаких реальных обязательств ни перед польскими властями, ни перед Украиной, передав решение на усмотрение крымского хана⁴.

В то же время Порта в полной мере оценивала перспективы последствий Переяславского акта 1654 г. в развитии политической ситуации в Восточной Европе и была озабочена сохранением своих позиций в регионе. Важным фактором, вызывавшим обеспокоенность султана и дик-

товавшим в связи с этим поддержку им Польши, становится усиление с 1654 г. прорусской ориентации в освободительных устремлениях Дунайских княжеств. Внешнеполитической переориентации способствовали, с одной стороны, ослабление Речи Посполитой и ее роли опоры для княжеств, особенно Молдавии, в противостоянии давлению османов, с другой — активизация России по включению княжеств в орбиту своей политики в восточноевропейском регионе с целью противодействия польско-крымско-османским планам.

После заключения Речью Посполитой союза с Крымом в противоборстве стран, вовлеченных в русско-польский конфликт из-за Украины, важное место занял вопрос о привлечении Трансильвании и Дунайских княжеств. Польско-крымская дипломатия прилагала усилия к тому, чтобы склонить княжества выступить на стороне Речи Посполитой в войне с Россией. Но направленные во второй половине 1654 г. посольства к их правителям ожидаемых результатов не дали. Трансильванский князь Дьердь II Ракоци вынашивал планы получения польской короны и отклонил предложения о военном сотрудничестве. Валашский и молдавский господа заявляли о нейтралитете, налаживая в то же время контакты с Б. Хмельницким⁵. При этом более благоприятной для Речи Посполитой была политика господаря Молдавии Георгия Стефана, который поддерживал отношения с польскими властями, оказывая им при случае дипломатические и военные услуги⁶.

Русское правительство, исходя из своих стратегических интересов, ставило задачу отвлечения Дунайских княжеств от коалиции с Польшей и от оказания ей военной помощи. В феврале 1654 г. в Молдавию и Валахию из Москвы был послан дворянин Гаврила Самарин с царскими грамотами к господам, извещавшими о вступлении запорожского казачества во главе с гетманом Б. Хмельницким в русское подданство. Задача посольства состояла в том, чтобы для начала добиться хотя бы нейтралитета княжеств на случай войны России с Речью Посполитой. Поэтому в грамотах содержалась просьба к господам не оказывать помощь польскому королю и о его планах сообщать в Москву⁷.

Молдавский господарь Георгий Стефан еще до прибытия Г. Самарина в Яссы при посредничестве запорожского гетмана установил отношения с Москвой и просил царя Алексея Михайловича принять его «под свою государскую высокую руку так же, как и гетмана Богдана Хмельницкого»⁸. Молдавский посол Иван Григорьев, доставивший господарскую грамоту с просьбой к царю, на расспросе в Посольском приказе в начале апреля 1654 г. говорил, что «и мутьянской (валашский. — Л. С.) де Матвей воевода от Стефана воеводы не отстанет, тотчас вместе с Стефаном воеводою под государевою рукою учинятца»⁹.

Несмотря на эти заверения, результаты русского посольства в Молдавию и Валахию были неутешительны. Валашский правитель Матвей Басараб, имевший связи с Габсбургами и рассчитывавший на их подде-

ржку, не допустил Г. Самарина на территорию княжества и оставил без ответа обращение царя. Проявлялась непоследовательность и в политике молдавского господаря. После возвращения Г. Самарина с валашской границы Г. Стефан задержал его в Яссах и о прибытии русского посла сообщил султану, крымскому хану и трансильванскому князю¹⁰. Такое поведение молдавского господаря не могло не вызвать сомнения у Г. Самарина, который говорил дьяку Т. Перфильеву, направлявшемуся по указу царя в Молдавию, что «его (господаря — Л. С.) клятвенные речи были непостоянны»¹¹. В посланной в Москву с Г. Самариним ответной грамоте от 30 марта 1654 г. Г. Стефан, жалуясь на тяжелое положение княжества и угрозу татарских нападений, объясняет невозможность оказания кому-либо военной помощи. При этом господарь обходит молчанием конкретный вопрос об отказе помогать польскому королю и тем более не касается планов перехода в русское подданство¹².

Получив через вернувшегося из Москвы своего посла И. Григорьева сведения о подготовке русско-украинских сил для выступления против Речи Посполитой, Г. Стефан известил об этом польского короля и одновременно направил посла к Б. Хмельницкому с заверениями в дружбе. Гетман отпустил господарского посланца вместе со своим человеком есаулом Д. Лисовцом, который возвратился в конце августа 1654 г. в сопровождении другого молдавского посла Лупу Строеску. Во время пребывания Д. Лисовца в Яссах речь шла о дружбе и взаимопомощи между сторонами, а также о готовности молдавского господаря к переговорам о признании русского подданства¹³.

Занявший престол Валахии после Матвея Басараба новый господарь Константин Шербан, не желая выступать на стороне Речи Посполитой¹⁴, также устанавливал контакты с запорожским гетманом. Еще в июле 1654 г. после начала русско-польской войны под Фастов прибыло посольство во главе с Д. Ломским, сообщавшее о намерении господаря иметь дружественные отношения с Б. Хмельницким и Россией¹⁵. Свои намерения К. Шербан подтвердил в письме к гетману от 11 августа 1654 г.¹⁶ Обращения польских представителей, как и Г. Стефана, с просьбами о посылке войск против Украины были отклонены валашским господарем¹⁷. Такая позиция К. Шербана отвечала интересам Б. Хмельницкого и России. В сентябре 1654 г. гетман направил в Валахию посольство с выражением пожелания, чтобы господарь «жил в приязни» с Украиной¹⁸.

Несмотря на установившиеся связи с Б. Хмельницким, молдавский господарь Г. Стефан в то же время стремился сохранить свои прежние отношения с Речью Посполитой и даже попытался выступить посредником в ее конфликте с Украиной¹⁹. Но, опасаясь угрозы нападения татар на Молдавию, он продолжал сношения с ним. Между тем до гетмана уже доходили сведения о колебаниях в поведении Г. Стефана. Так, брацлавский полковник доносил Б. Хмельницкому в сентябре 1654 г.: «...Стефан воевода шаток... королю хочет против государевых людей-де помогать»²⁰.

В ноябре крымский хан объявил войну с Украиной и двинул армию на соединение с войсками Речи Посполитой. Стало ясно, что набег на Молдавию не входил в планы ханства. В этой ситуации Г. Стефан прервал контакты с украинским гетманом, посчитав их для себя опасными. В январе 1655 г. он направил молдавские отряды на помощь польско-татарским войскам, действовавшим в Подолии против запорожцев²¹. Запорожский полковник С. Одеяненко писал гетману: «Уже сошлись с татары и ляхи, и волохи (молдаване — Л. С.) и мутьяны (валахи — Л. С.) с пушками и с пешими людьми, идут зело сильно»²².

Участие молдавских и валашских отрядов на стороне Крыма и Речи Посполитой в военных действиях против русско-украинских сил заставило Б. Хмельницкого по договоренности с Москвой²³ приостановить сношения с правителями княжеств. Однако русская дипломатия продолжала усилия, направленные на отрыв Молдавии и Валахии от союза с Польшей, Крымом и Портой, используя также связи запорожского гетмана с княжествами.

Сложившаяся к лету 1655 г. международная ситуация в Восточной Европе благоприятствовала планам России. Неудача осенне-зимней 1654/1655 гг. военной кампании польских войск против запорожцев, все больше проявлявшееся внутреннее ослабление Речи Посполитой, угроза вступления в конфликт Швеции и, наконец, успехи русско-запорожских сил в ходе предпринятого поляками весной 1655 г. наступления на Украину создавали предпосылки для возобновления переговоров с Дунайскими княжествами.

В июле—августе 1655 г. Б. Хмельницкий направил к правителям Дунайских княжеств и трансильванскому князю Дьердю II Ракоци послов с предложением союза против Речи Посполитой²⁴. В это время Валахия и Молдавия были охвачены внутренними волнениями в связи с начавшимся в феврале восстанием валашских сейменов (наемных солдат-пехотинцев). Распространившись среди других слоев армии, оно получило широкую поддержку крестьянских масс и городской бедноты. Восстание приняло антиосманский и антифеодальный характер и продолжалось несколько месяцев²⁵. Восставшие сеймены с самого начала установили связи с запорожцами, направив в конце апреля 1655 г. делегацию к Б. Хмельницкому с просьбой о военной помощи. Прибытие послов из Чигирина в июле—августе вызвало иллюзии у восставших. В Валахии, Молдавии, Стамбуле распространялись слухи о приближении к княжествам Б. Хмельницкого с большим войском²⁶. Но отвлечение сил казаков от антипольских действий не входило в планы запорожского гетмана, к тому же настороженно относившегося к противобоярским акциям восставших, хотя в ответе послам сейменов он и обещал им в общей форме поддержку. Главным для него было создание антипольского союза и вовлечение в него Дунайских княжеств и Трансильвании. Кроме того, вмешательство во внутренние дела вассальных султану княжеств было для Б. Хмельницкого нежелательным, так как в это время он обменивался посольствами с Пор-

той, пытаясь через нее воздействовать на крымского хана, чтобы нейтрализовать его действия против русско-запорожских сил²⁷.

К концу июня 1655 г. восстание было подавлено объединенными усилиями валашско-молдавско-трансильванских отрядов при участии войск силистрийского пашы. Начатая Швецией летом того же года война против Речи Посполитой, успехи русско-запорожских сил в сражениях с польско-татарскими войсками благоприятствовали осуществлению Б. Хмельницким его планов. В сентябре 1655 г. в Молдавию и Валахию прибыли послы запорожского гетмана²⁸.

В складывавшейся в то время международной ситуации правители Дунайских княжеств, со своей стороны, были заинтересованы в переговорах с Б. Хмельницким и через него с Россией. Во внешнеполитическом положении Молдавии и Валахии появились сложности в связи с вовлечением их в планы трансильванского князя Дьердя II Ракоци по получению польской короны, которую ему предлагали шведские дипломаты, стремясь втянуть Трансильванию в войну с Речью Посполитой²⁹. В реализации своих планов Ракоци рассчитывал на поддержку союзных Валахии и Молдавии. Валашский господарь К. Шербан должен был послушно следовать политике трансильванского князя, будучи благодарным ему за помощь в подавлении восстания сейменов. Молдавский правитель Г. Стефан, учитывая угрозу татарских нападений на княжество, занял осторожную позицию и пытался проводить политику в своих интересах.

Планы Дьердя II Ракоци в отношении польской короны вызывали беспокойство Крыма, опасавшегося ослабления Речи Посполитой как главного фактора противостояния России. Особенно настораживали крымского хана связи трансильванского князя с Б. Хмельницким, происходившие при посредничестве молдавского господаря. В начале 1656 г. появляются известия о возможных нападениях татар на Дунайские княжества³⁰ с целью лишить Ракоци их поддержки и тем самым облегчить положение Речи Посполитой.

Для Молдавии татарская угроза была наиболее реальной. В условиях возникшей для княжества внешней опасности господарь Г. Стефан счел необходимым вернуться к переговорам о вступлении в русское подданство. В марте 1656 г. от имени бояр и духовенства княжества он направил в Москву своих послов — сучавского митрополита Гедеона и боярина логофета Григория Нянула с грамотой к царю Алексею Михайловичу³¹. По поручению господаря молдавские послы подали в Посольский приказ письмо с изложением условий, на которых княжество готово было признать русское подданство. Основное условие состояло в том, что Молдавия освобождалась от османской зависимости и от уплаты дани султану, ей возвращались захваченные османами территории. Россия должна была защищать княжество от внешней опасности, а молдавский господарь обязывался выставлять свои отряды для участия в военных операциях русских войск. Особо оговаривалось назначение господарей из местных

бояр, для которых важно было сохранить свои сословные привилегии³². В письме подчеркивалось также, что только поневоле молдавские отряды вынуждены выступать вместе с татарами на помощь полякам, но как только царь пошлет свои войска против «нечестивых», они готовы с «царскими ратными людьми идти»³³.

На расспросе в Посольском приказе митрополиту Гедеону и логофету Нянуле напомнили об отступничестве молдавского господаря от прошлого обещания признать подданство России и посылке им военной помощи польскому королю. В ответах послы подчеркивали, что на сей раз обращение Г. Стефана поддерживается всем боярством княжества, духовными и служилыми людьми, с которыми господарь имел «думу» перед их отправкой в Москву³⁴. С просьбой к царю оказать доверие Г. Стефану и принять Молдавию в русское подданство обратился иерусалимский патриарх Паисий³⁵.

Представленные молдавскими послами условия вступления княжества в подданство России были приняты в Москве без изменений. В том же 1656 г. к русскому правительству с просьбой о помощи обратился и валахский господарь Константин Шербан, лишившийся поддержки сейменов и чувствовавший угрозу смещения его султаном с престола³⁶. Союз с Дунайскими княжествами, особенно с Молдавией, признание которой русского подданства воспринималось в Москве как установление союзнических отношений³⁷, имел для России важное значение в сложившейся международной ситуации лета 1656 г. после объявления русским правительством войны Швеции.

Ответом на обращение Г. Стефана была царская грамота от 29 июня 1656 г. с объявлением о принятии Молдавии «под нашу царского величества высокую руку в вечное подданство», «не памятуя ваших прежних досадительств и с неприятели нашими, с польскими людьми соединения». В то же время в грамоте подчеркивалась необходимость соблюдения молдавским господарем важного для русской стороны условия — совместных действий против общего врага³⁸. При этом конкретный враг не назывался, в отличие от 1654 г., когда в ходе переговоров речь шла об отказе правителями Дунайских княжеств военной помощи польскому королю. Во время русско-молдавских переговоров лета 1656 г. в условиях начавшейся войны со Швецией московские дипломаты вели дело к примирению с Речью Посполитой и ввиду неопределенности предпочитали ограничиться общей формулировкой о взаимном военном сотрудничестве³⁹.

Доставка грамоты Г. Стефану поручалась посольству И. И. Баклановского, который должен был привести к присяге самого господаря⁴⁰. Но миссия И. И. Баклановского не состоялась ввиду осложнения международной обстановки. В связи с угрозой обострения отношений с Крымом и Портой из-за Молдавии в условиях состояния войны со Швецией московские дипломаты сочли несвоевременным направление посольства в Яссы. Тем более что Дунайские княжества, будучи вовлеченными в орбиту интересов трансильванского князя Дьердя II Ракоци, союзника шведско-

го короля, оказались к этому времени в лагере противников России. Молдавско-русские переговоры были прерваны, послы Г. Стефана задержаны в Москве до января 1657 г., когда они смогли вернуться в княжество⁴¹.

Между тем Ракоци все больше вовлекал Молдавию и Валахию в свои планы борьбы за польскую корону. В сентябре 1656 г. он заключил союзный договор с Б. Хмельницким, который, со своей стороны, был заинтересован в привлечении Трансильвании к антипольской коалиции⁴². В Стамбуле поведение вассалов султана вызывало озабоченность. Порта была обеспокоена предпринятым трансильванским князем походом против Речи Посполитой, участием молдавских и валашских отрядов в начатых Ракоци в январе 1657 г. военных действиях на польской территории. Стремясь сохранить выгодный для себя расклад политических сил в Восточной Европе, османские власти принимали меры к защите своих интересов в регионе. Новый великий везир Мехмед-паша Кёпрюлю счел необходимым сконцентрировать османские войска на Дунае, а их командующему Мелек Ахмед-паше и крымскому хану поручил выступить при необходимости на помощь Речи Посполитой. Одновременно великий везир властью сюзерена попытался заставить трансильванского князя отказаться от антипольских военных действий, а Г. Стефану и К. Шербану было приказано лично явиться к султану⁴³.

Крым усилил давление на Молдавию и Валахию, готовясь к нападению на них с целью оторвать их от союза с Трансильванией. Хан Мехмед-Гирей летом 1657 г. вел переговоры с Б. Хмельницким об объединении сил для вторжения в Дунайские княжества и Трансильванию. Но эти попытки ханства втянуть гетмана в военные действия против княжеств и тем самым ослабить создаваемую им антипольскую коалицию были безуспешны. Б. Хмельницкий решительно отказался от участия в ханском походе на княжества и потребовал возвращения татарских войск в Крым⁴⁴.

Опасность нападения татар на княжества стала реальной, когда в августе 1657 г. ханские отряды вторглись в Трансильванию и опустошили земли секеев. Союз Молдавии и Валахии с Ракоци, их участие в антипольском походе трансильванского князя рассматривались Портой как действия, наносящие ущерб османским интересам в регионе. Еще более опасными представлялись ей отношения княжеств с Б. Хмельницким и их переговоры с Россией о вступлении в ее подданство. Наряду с подготовкой Крымом военных акций против Молдавии и Валахии султан счел необходимым укрепить свою власть сюзерена над княжествами и привести к послушанию молдавского и валашского господарей. Порта вновь потребовала их личной явки в Стамбул⁴⁵. Ослушавшиеся господари игнорировали это требование и стали искать союзников для антиосманской борьбы. Ракоци после поражения сам нуждался в поддержке. Речь Посполитая перед перспективой нового конфликта с Россией не могла пойти на осложнение отношений с Портой. В этих условиях молдавский господарь Г. Стефан в феврале 1658 г. вновь обратился к русскому царю с просьбой о защите от османов⁴⁶.

Между тем уже в марте 1658 г. султан сместил сначала К. Шербана, затем Г. Стефана с валашского и молдавского престолов. Россия не могла оказать военной помощи господарям Дунайских княжеств. Осложнение отношений с Портой и Крымом из-за княжеств было для Москвы крайне нежелательно в условиях возобновления конфронтации с Речью Посполитой.

Назначив новых господарей в княжествах, в Валахии — Михню III, а в Молдавии — Георгия Гику, султан демонстрировал силу власти сюзерена и рассчитывал на послушное их следование в русле османской политики. По распоряжению Порты правители княжеств своими военными силами должны были участвовать в карательном походе османов и татар в Трансильванию летом 1658 г. Однако расчеты султана на покорность господарей не оправдались. Г. Гика, подчиненный интересам крупного молдавского боярства, хотя и не проявлял неповиновения султану, но, будучи озабочен сохранением престола, в июне 1658 г. тайно направил в Москву своих послов Данилу Петрова и Мануила Фомина. В посланной с ними грамоте царю молдавский господарь сообщал об усилении давления османов на княжества и просил о защите⁴⁷.

Михня III сразу же после получения престола стал предпринимать шаги по организации антиосманской борьбы. Он заключил союз с низложенным, но не сложившим оружие Дьердем II Ракоци⁴⁸. Попытка привлечь к союзу молдавского господаря Г. Гику не имела успеха. Но к союзникам примкнул находившийся в Трансильвании Г. Стефан, рассчитывавший на возвращение престола в Яссах⁴⁹. Михня III установил также связи с запорожскими казаками, которые должны были нейтрализовать действия крымских татар⁵⁰. За поддержкой своих антиосманских планов валашский господарь обратился и к польскому королю⁵¹. При содействии Ракоци Михня III попытался заручиться поддержкой Венеции, находившейся в состоянии войны с османами, и покровительством папы римского, который мог бы склонить на сторону союзников Габсбургов⁵². Но все эти обращения практических последствий не имели.

Валашские и молдавские отряды были вынуждены осенью 1658 г. участвовать в карательном походе османов и татар против Трансильвании. План Михни III ударить по османской армии во время ее следования через Валахию не состоялся. Крупные валашские бояре не поддержали намерений господаря и донесли на него Порте. Султан не поверил и сурово наказал доносчиков. Михня не только сумел сохранить престол, но и летом 1659 г. расправиться с недовольными боярами⁵³. Используя поддерживавшие его полки служилых пехотинцев, Михня осенью 1659 г. разгромил недалеко от Джурджу османские войска, направлявшиеся против Трансильвании через территорию Валахии. В ходе успешных военных действий на Дунае ему удалось взять османские крепости Джурджу и Браилу, сжечь крепости Оршова, Никополь и Рушук⁵⁴.

Узнав об антиосманских акциях Михни III, султан сместил его и назначил на валашский престол Г. Гику, а на престол Молдавии — Стефа-

ницу Лупу, сына бывшего господаря Василия Лупу. В союзе с Ракоци и К. Шербаном, которому союзниками был обещан молдавский престол, Михня пытался продолжить борьбу с османами. В ноябре 1659 г. союзники направили в Москву посла архимандрита Парфения с просьбой о помощи⁵⁵. Русское правительство, зная политическую неустойчивость в княжествах и стремясь к сохранению мирных отношений с Портой, уклонилось от прямого ответа.

Константину Шербану удалось на непродолжительное время занять молдавский престол. Михня III со своими отрядами действовал против османов в южнодунайских владениях султана. После первых неудачных боев ему удалось отеснить османские части к Дунаю и приступить к осаде Джурджу. Между тем османы разбили войско Ракоци. Одновременно татары заняли Молдавию, вытеснив отряды К. Шербана, и вступили на территорию Валахии⁵⁶. Нависшая с двух сторон угроза — от османской армии и татарской конницы — заставила Михню III отступить в Трансильванию, где он вскоре умер⁵⁷. К. Шербан в 1660 г. с помощью наемного войска, в состав которого входили и запорожские казаки, вновь попытался утвердиться на молдавском престоле, но отступил в начале 1661 г. в Польшу перед угрозой татарского нашествия⁵⁸. Надеясь при поддержке России не только вернуть себе престол Валахии, но и сделаться господарем обоих княжеств, К. Шербан в июле 1660 г. направил в Москву своих послов во главе с Некгаем Степановым с просьбой о военной помощи и о принятии в русское подданство⁵⁹. Однако посольство было обречено на неудачу. Русское правительство, занятое начавшимися весной 1660 г. военными действиями против Речи Посполитой, не могло пойти на осложнение отношений с османами.

Между тем Порта укрепляла свое влияние в княжествах. Султан менял господарей на молдавском и валахском престолах, добываясь их послушного следования в русле османской политики. После Стефаницы Лупу на яский престол был назначен Евстратий Дабижа (1661–1665), в Валахии утвердился верный османам Григорий Гика (1660–1664). Оба господаря, поддерживаемые крупным боярством, проводили внешнюю деятельность в рамках требований османов. Послушание правителей княжеств было важно для Порты, озабоченной в условиях затянувшейся войны с Венецией сохранением своих позиций в восточноевропейском регионе в ходе развернувшегося здесь конфликта из-за Украины. Османскую империю беспокоило усиление влияния России в Восточной Европе и ослабление Речи Посполитой, а также все больше проявлявшаяся независимость в политике Крымского ханства. Сохранение и укрепление баланса сил в свою пользу в восточноевропейском регионе становится для Порты важной задачей, осуществление которой должно было создать благоприятные условия для реализации османских экспансионистских планов в Центральной Европе. После заключения в 1667 г. Андрусовского перемирия между Россией и Речью Посполитой, создав-

шего невыгодную для османов расстановку сил в Восточной Европе, султан решительно вмешался в дела на Украине.

Первым результатом предпринятых Портой преимущественно дипломатических акций с использованием польско-украинских противоречий и действий крымского хана было установление в 1669 г. османского протектората над Правобережной Украиной во главе с гетманом П. Дорошенко. Военная кампания 1671 г. польского короля Яна Собеского против гетманских войск и его татарских союзников с целью добиться возвращения украинских земель не привела к желательному результату. Нападение польских войск на владения вассала П. Дорошенко послужило султану поводом к объявлению в декабре 1671 г. войны против Речи Посполитой⁶⁰.

В ходе проведения в связи с этим военных акций османы усиливали экономическое и политическое давление на княжества. Как вассалы султана, молдавский и валахский господаи должны были со своими отрядами участвовать в военных действиях на стороне османов. Порта ужесточила экономические требования к княжествам. Так, в связи с осадой Каменец-Подольской крепости в 1672 г. султан своим распоряжением обязал молдавского господаря Георгия Дуку и господаря Валахии Григория Гику поставлять для нужд осаждавшей крепость османской армии, дополнительно к харачу, провиант и фураж, обеспечить состояние дорог для их транспортировки, доставки необходимого снаряжения⁶¹. Особенно тяжелым было положение Молдавии, территория которой использовалась османами для подготовки и проведения военных операций против соседней Речи Посполитой. Зачастую в ходе действий нарушались границы княжества, вследствие чего его жители страдали от разорений как со стороны польских войск, так и казаков, поддерживаемых Крымом и Портой. В этой ситуации часть пропольски настроенных бояр⁶² отказалась выполнять поручение султана об оказании помощи его вассалу П. Дорошенко и выступила против верного османам господаря Георгия Дуки. Восстание недовольного боярства возглавили М. Хынку и А. Дурак. Восставшие рассчитывали на поддержку Польши и вступили в переговоры с королем, но потерпели поражение; многие участвовавшие в восстании бояре нашли убежище на территории Речи Посполитой⁶³. Султан сместил Георгия Дуку с яского престола и утвердил господарем выдвинутого боярами Стефана Петричейку. На Молдавию была возложена обязанность снабжения завоеванной османами Каменец-Подольской крепости и отражения нападений с польской стороны.

После падения Каменца Речь Посполитая была вынуждена при посредничестве крымского хана начать мирные переговоры с Портой. По Бучачскому миру 1672 г. к Османской империи отошла вся Подолия с административным центром в Каменце. На польскую сторону возлагалось обязательство ежегодной уплаты султану дани⁶⁴. Уклонение Варшавы от выполнения условий договора привело к обострению польско-османских отношений. Готовясь к возобновлению военных действий, Порта продолжала усиливать контроль над Молдавией и Валахией и их

господарями. В Стамбул были взяты заложники от княжеств. Командующий османскими войсками Хусейн-паша приказал правителям обоих княжеств прибыть с отрядами в Хотин для участия в защите крепости. В этих условиях в княжествах усилились антиосманские настроения. Молдавский господарь С. Петричейку, отражая интересы бояр пропольской ориентации, направил от себя, а также от имени валашского господаря Григория Гики посла к польскому коронному гетману Яну Собескому с просьбой о помощи и с предложением объединить усилия для отпора османам⁶⁵. Польская армия готовилась к решительному сражению с султанскими войсками за Хотин, и гетман поддерживал тесные связи с господарями. Рассчитывая освободиться от османской власти с помощью Речи Посполитой, господаи княжеств 8 октября 1673 г. направили письмо королю с изложением условий признания ими польского сюзеренитета. Помимо обычных вассальных обязательств, господаи оговаривали свободу православного вероисповедания и соблюдения сословных интересов крупного боярства. На случай неудачи в войне с османами правители княжеств просили убежища на польской территории⁶⁶.

Узнав о подозрениях османов в его неверности султану, С. Петричейку с группой бояр и небольшим отрядом солдат бежал из лагеря Хусейна-паши, присоединился к польской армии и в ее составе принял участие в сражении при Хотине (11 ноября 1673 г.), затем после возвращения в Яссы эмигрировал в Польшу. Валашский господарь Григорий Гика вернулся в лагерь османов.

Потерпев поражение под Хотинском, османские войска отступили за Дунай. В Молдавию вступила польская армия, но в начале 1674 г. под давлением османских отрядов и крымской орды была вынуждена отойти на территории Речи Посполитой. Султан назначил на ясский престол Димитрия Кантакузино. Вытесняя польские войска, в Молдавии расположились татары⁶⁷.

Османо-польские военные действия и возраставшие в связи с этим экономические требования Порты тяжело отражались на жизни населения княжеств. По свидетельствам молдавских торговцев и киевских жителей, ездивших в 1673 г. в Молдавию, молдаване и валахи находятся «у турецкого салтана в великой неволе», обременены большими налогами и готовы выступить против османов как только придут к ним на помощь русские или польские войска⁶⁸.

Под влиянием таких настроений С. Петричейку, занявший на короткое время молдавский престол, и бывший валашский господарь К. Шербан, не оставивший надежды вернуться к власти в Валахии, направили в декабре 1673 г. в Москву посла игумена Федора с просьбой о помощи в освобождении княжеств от османской зависимости и с поручением сообщить царю, что «они, господаи, с Волоскою и Мултыанскою землями хотят быть у великого государя в подданстве»⁶⁹.

В условиях начавшегося противостояния османам для России имела важное значение заинтересованность правителей вассальных султану княжеств добиться освобождения с русской помощью и вступления в подданство царю. В ответной царской грамоте от 10 марта 1674 г., отправленной господарям с их послом Федором, высказывалась готовность русского правительства принять княжества под свое покровительство и предлагалось прислать посольство из верных бояр и духовных чинов со статьями об условиях, на которых можно было бы «о подданстве вашем договор учинить»⁷⁰.

Порта была обеспокоена ростом прорусских настроений в Молдавии и Валахии. На расспросе в Посольском приказе игумен Федор говорил, что султан строго приказал гетману П. Дорошенко не пропускать никого из поляков, молдаван и валахов в Москву⁷¹. Но обращения княжеств к России продолжались. Распространению прорусских настроений в княжествах способствовало прибытие к Днепру русско-казацких войск под командованием князя Г. Г. Ромодановского и гетмана Левобережной Украины И. Самойловича, их успешные действия против войск султанского подданного гетмана П. Дорошенко, в ходе которых была занята значительная часть Правобережной Украины⁷². Происходившие в Приднестровье события вызывали у жителей княжеств надежды на то, что в случае возможной войны России с Османской империей они смогут, выступив на стороне русских, освободиться от власти Порты.

В августе 1674 г. валашские бояре, бежавшие на польские земли, бывший второй логофет Раду и великий капитан Петрашку через русского резидента в Варшаве В. Тяпкина направили русскому правительству статьи из 17 пунктов условий, на которых Валахия могла бы принять русский сюзеренитет. Главными среди них были освобождение княжества от власти султана, восстановление границ, существовавших до начала османских завоеваний, сохранение за боярством и духовенством всех сословных привилегий⁷³. Из содержания статей видно, что в них отражены интересы той части крупного валашского боярства, которая, сменив пропольскую ориентацию на русскую, стремилась с помощью России освободиться от османской зависимости и укрепить свое влияние в княжестве⁷⁴.

В августе 1675 г. те же валашские бояре Раду и Петрашку прибыли в Москву с грамотами от бывших господарей — молдавского С. Петричейку и валашского К. Шербана. В своем послании от 15 июля оба правителя сообщали о получении царской грамоты от 10 марта 1674 г. и выражали сожаление, что не могли прислать своих верных людей с условиями признания русского сюзеренитета, так как татары и османы перерезали все пути, заняв Волынь и Подолию. Бывшие господа просили военной помощи и заверяли, что «как воинские люди придут, и в то время церковных чинов люди и бояре к вашему царскому величеству пойдут»⁷⁵.

Ответ русского правительства был уклончивым. В самой общей форме говорилось, что княжества всегда могут надеяться на помощь, а

стремление вступить в русское подданство «для единые православные христианские веры содержать бы непреложно»⁷⁶. С. Петричейку и К. Шербан не были господарями, а Порты укрепляла свои позиции в княжествах и готовилась к войне с Россией. Посланцы Раду и Петрашку сообщали в Посольском приказе о намерении польского короля через крымского хана договориться с султаном. Сведения эти подтвердились. В 1676 г. в Журавне был заключен мирный договор Речи Посполитой с Османской империей. Россия не признавала условий договора и усиливала военные приготовления.

В 1676 г. начались военные действия, сосредоточившиеся в основном около важнейшего политического и стратегического центра Правобережной Украины — крепости Чигирин. После первой неудачи и отступления в 1677 г. султан стал концентрировать новые силы для решительного наступления на Украину. Нажим Порты на Дунайские княжества усилился. Молдавские и валашские отряды в составе османских войск должны были участвовать во всех операциях. Султан потребовал с княжеств дополнительных поставок продовольствия, скота и снаряжения для нужд своей армии⁷⁷. Военные приготовления османов легли тяжелым бременем на жителей княжеств, особенно Молдавии, ставшей базой снабжения османских войск.

В 1678 г. османы овладели крепостью Чигирин, но только после упорных боев им удалось оттеснить русские войска за Днепр⁷⁸. Разросшееся к этому времени антигабсбургское движение в Венгрии и Трансильвании во главе с Имре Тёкёли создавало угрозу у границ империи и заставляло султана корректировать приоритеты своей внешней политики. Переключение внимания к центральноевропейскому направлению ставило перед Портой задачу установления мира с Россией. Посредничество в переговорах наряду с крымским ханом было поручено молдавскому господарю Георгию Дуке. С предложением о своем посредничестве господарь направил весной 1679 г. в Москву посла Ивана Белевича⁷⁹. Россия по причинам как внутреннего, так и внешнего порядка была готова к мирному исходу и приняла предложение молдавского господаря о посредничестве в русско-османских переговорах. В Крым и Стамбул отправилось русское посольство для подтверждения согласия на мирные переговоры. Осенью 1679 г. И. Белевич прибыл в Москву с сообщением о выдвинутых Портой условиях мира⁸⁰. Молдавский господарь Г. Дука всячески содействовал русско-турецким переговорам, помогал в пересылке писем и донесений из Стамбула в Москву и обратно, снабжал русских послов необходимой информацией, оказывал им всестороннюю поддержку при проездах через княжество⁸¹.

Одновременно под давлением пропольски настроенных бояр Г. Дука вынужден был сохранять связи с польскими властями. Рассчитывая на продолжение войны с османами, часть крупного молдавского боярства ориентировалась на помощь Речи Посполитой. Направлявшиеся

в 1680 г. окружением господаря посольства к королю с сообщениями об усилении османского гнета в Молдавии и Валахии и угрозе превращения их в пашалыки призваны были сформировать сочувственное отношение польских властей к положению княжеств⁸².

В 1681 г. русско-османские переговоры завершились заключением Бахчисарайского мира. Порта сохранила за собой Правобережную Украину, где назначила гетманом Г. Дуку в награду за услуги в посредничестве во время переговоров. Для управления новой османской провинцией Г. Дука создал подвластную себе администрацию и стал привлекать на эти земли переселенцев с Левобережья Днестра⁸³.

Установление мира на восточных границах позволяло османам активно вмешиваться в венгерские дела. Поддержка Портой движения курцув во главе с Имре Тёкёли, сотрудничавшим с Францией против Венны⁸⁴, привела к открытой конфронтации Османской империи с Габсбургами. Австрия и Польша заключили в 1683 г. антиосманский союз, который с присоединением к нему Венеции и Ватикана оформился в 1684 г. в Священную лигу европейских стран. Под лозунгом сплочения в борьбе с султаном союзники начали военные действия против османов.

После победы австрийских и польских войск над армией везира Кара Мустафы под Веной (1683) Ян Собеский был полон решимости продолжить войну. Польский король выдвигал широкие планы вытеснения османов из Европы. Одним из направлений в этих планах рассматривались военные действия по завоеванию Молдавии и Валахии, которые, по замыслу Я. Собеского, должны были составить территорию особого княжества под управлением его сына Якуба, что способствовало бы наследованию им польского трона после смерти отца⁸⁵.

Серьезным препятствием на пути осуществления планов Собеского была Крымская орда, сохранившая боеспособность после поражения 1683 г. Татары составляли основу большинства частей султанской армии. Отсюда намечавшаяся польским королем задача захвата степных территорий между Днестром и Дунаем для разъединения османов и татар⁸⁶.

Планы Речи Посполитой поддерживали союзники по лиге, в первую очередь Австрия. Побуждая польского короля к активным действиям в Причерноморье, Вена хотела отвлечь татар от вмешательства в дела балканского региона.

Уже осенью 1683 г., собрав внушительные силы, Я. Собеский выступил в поход с целью вытеснения османов из Молдавии и их опорной базы на землях Речи Посполитой Каменец-Подольской крепости. Польские войска под командованием господаря-эмигранта Стефана Петричейку вместе с казацкими отрядами гетмана Куницкого в результате успешных действий заняли столицу княжества Яссы. Отсюда Куницкий во главе отрядов молдаван и казаков предпринял поход на Буджак, но при возвращении был атакован осmano-татарскими силами. Потерпев неудачу, Куницкий с частью казацкой конницы отступил к Яссам, откуда ушел на польские земли⁸⁷.

Отсутствие серьезной военной помощи со стороны Речи Посполитой, отступление гетмана Куницкого заставили Стефана Петричейку и окружавших его молдавских бояр в начале 1684 г. направить в Россию посольство во главе с митрополитом Досифеем с просьбой о помощи⁸⁸. Митрополит имел также устное поручение господаря просить русское правительство о принятии Молдавии в подданство России, о чем он сообщал на расспросе в Киевской приказной избе⁸⁹. Досифей подчеркивал это намерение господаря, высказываясь против установления польского протектората над Молдавией и аргументируя такое мнение тем, что «...от них-де поляков ныне им волохом чинятся обиды и верить им полякам ни в чем невозможно...»⁹⁰. Из Киева посольство было возвращено обратно; Россия в войне не участвовала, а в русско-польских отношениях сохранялась напряженность.

Между тем С. Петричейку оказался в критическом положении. Ожидаемого с польской стороны подкрепления не было. Военные силы Речи Посполитой были истощены и не могли вести длительные кампании. Когда на территорию княжества вступили осmano-татарские войска, С. Петричейку с немногочисленными отрядами отступил к Сучаве. Порта назначила на ясский престол нового господаря — Димитрия Кантакузино. Окружавшие С. Петричейку бояре, усомнившись в возможности успеха поляков в войне с османами, покинули его. С. Петричейку был вынужден оставить Сучаву и снова эмигрировать в Польшу⁹¹. Таким образом, Порта стабилизировала положение на границах с Речью Посполитой, освободив значительные военные силы для действий на главном, центральноевропейском направлении.

Габсбурги и Османская империя в борьбе между собой отводили важную роль Трансильвании и Дунайским княжествам. Они стремились использовать их военные и материальные ресурсы, а также их стратегическое значение. Особый интерес для Габсбургов представляла Валахия, которая по своему географическому положению могла бы служить им базой для антиосманской борьбы на юго-востоке Европы.

Для вассальных султану Дунайских княжеств война европейских государств с османами открывала как будто реальные возможности для освобождения от османского господства. Страны Священной лиги, и прежде всего Австрия, стремились использовать антиосманские действия правителей княжеств в интересах борьбы с Портой и укрепления своего влияния на Балканах. В результате княжества оказывались в орбите сложных международных переплетений, и их свобода действий при проведении внешней политики была серьезно ограничена, в зависимости от соотношения политических сил на юго-востоке Европы они часто были вынуждены лавировать с целью отстаивания собственных интересов.

Начало открытой конфронтации Порты с Австрией усилило прогабсбургскую ориентацию в освободительных устремлениях Валахии. Ее господарь Шербан Кантакузино, рассчитывая на помощь Габсбургов,

еще в 1682 г. вел переговоры с их представителем в Стамбуле⁹². Во время осады Вены, будучи со своими отрядами в составе султанских войск, валашский господарь содействовал связям австрийского резидента Куница с венским двором, сообщал через него важные для Габсбургов сведения о численности и движении османской армии и ее планах⁹³.

Действия С. Петричейку в Молдавии и поведение Ш. Кантакузино породили с осени 1683 г. в европейских дипломатических кругах уверенность в намерениях боярства Дунайских княжеств просить помощи Речи Посполитой и Габсбургов в борьбе с султаном⁹⁴. На конференции 1684 г. стран Священной лиги в Линце представители Австрии заверяли, что война с Османской империей может быть с успехом продолжена, так как Дунайские княжества, в случае вступления на их территорию австрийских войск, перейдут на сторону Габсбургов⁹⁵.

Поражение султанской армии под Веной вдохновило валашского господаря. Шербан Кантакузино установил тайные связи с представителями императора Леопольда I. В 1684 г. он вел переговоры с венским эмиссаром Ксаки о подготовке восстания балканских народов против власти османов и присоединении княжеств к Габсбургам. Как цену за сотрудничество валашский господарь просил у императора признания независимости княжества и наследственной власти династии Кантакузино не только в Валахии, но и Молдавии. Рассматривая Валахию как будущую провинцию своей империи, в Вене отказывались от признания наследственной власти Кантакузино⁹⁶.

Притязания Габсбургов настораживали валашского господаря. Их планы включения Дунайских княжеств, как и Трансильвании, в состав своих владений выявились очень скоро. Первым шагом на пути к осуществлению этих планов должно было стать объединение Трансильвании и Валахии под протекторатом императора. Именно эту цель преследовал агент Ватикана иезуит Антоний Дунод в переговорах с трансильванским князем Михаем Апафи и валашским господарем в 1685 г. о союзе между двумя княжествами. Видя в таком союзе возможность в какой-то мере защитить княжество и от Габсбургов, и от Порты, Ш. Кантакузино заключил в том же году договор с М. Апафи⁹⁷. В это время трансильванский князь в ходе переговоров с представителями императора о присоединении Трансильвании к Священной лиге стремился к сохранению самостоятельности княжества, отказываясь от размещения на его территории австрийских войск⁹⁸.

Габсбурги добивались скорейшего перехода Валахии на свою сторону, получения от нее помощи войсками и провиантом. На Ш. Кантакузино возлагались большие надежды в организации антиосманского восстания сербов Баната, которое должен был возглавить Георгий Бранкович, брат трансильванского митрополита Савы Бранковича⁹⁹.

Планы Габсбургов в отношении Трансильвании и Дунайских княжеств сталкивались с интересами Речи Посполитой, всячески стремив-

шейся укрепить свои традиционные позиции в княжествах, особенно в Молдавии. Когда в конце 1685 г. в Вене готовились к широким антиосманским военным действиям, папский нунций кардинал Буонвизи предлагал старания к тому, чтобы сгладить противоречия между Австрией и Речью Посполитой из-за притязаний сторон на Трансильванию и Дунайские княжества¹⁰⁰.

Успешные действия стран Священной лиги летом 1684 г. в ходе войны с османами, в частности операции польских войск по блокированию Каменец-Подольской крепости, усилили позиции пропольски настроенных молдавских бояр, рассчитывавших на освобождение княжества с помощью Речи Посполитой. Среди бояр-эмигрантов, проживавших в Польше, проявилось стремление повлиять на польское общественное мнение и убедить короля в необходимости активизации борьбы за освобождение Молдавии от власти султана. Такую цель преследовала появившаяся летом 1684 г. «Польская поэма» бывшего великого логофета Молдавии Мирона Костина и обращение молдавских бояр к Яну Собескому. Это обращение представляло собой политическую и экономическую программу устройства княжества в случае его освобождения от османской власти и включения в состав Речи Посполитой как особой ее части. В частности, в обращении к королю молдавские бояре, обещая нести ему военную службу, просили распространения на них тех же экономических и политических свобод и привилегий, которыми пользовалась шляхта Польши и Литвы. Основные положения появившихся в эмигрантской среде документов соответствовали социально-экономическим интересам подавляющей части бояр Молдавского княжества, отвечали их пропольским настроениям¹⁰¹.

Ставший в июле 1685 г. молдавским господарем Константин Кантемир, зная о польских военных приготовлениях, предлагал через своих послов гетману С. Яблоновскому не вступать на молдавскую территорию, а сосредоточить действия его армии на взятии Каменец-Подольска и разорении Буджака. Но Я. Собеский, сталкиваясь с серьезными трудностями при осаде укрепленной османами крепости, предпочел поход в Молдавию, рассчитывая таким путем не только получить территориальные приобретения, но и, главное, отрезав османам пути снабжения крепости, заставить их сдать ее. В то же время эта военная кампания короля должна была отвлечь часть османских сил и тем самым в рамках лиги оказать помощь Габсбургам.

В сентябре 1685 г. польские войска под командованием С. Яблоновского перешли Днестр и двинулись неизведанным путем по Буковине. Застигнутая врасплох 1 октября неожиданным нападением османско-татарских сил у местечка Боян армия гетмана оказалась в катастрофическом положении и была вынуждена отступить. Господарь К. Кантемир выступил против польских войск и во главе своих отрядов сражался на стороне османов и татар¹⁰².

Несмотря на неудачу польских войск в Молдавии, Я. Собеский готовился к новому походу в 1686 г., чтобы завоевать Дунайские княжества, разорить Буджак и добиться сдачи османами Каменец-Подольска. В ходе подготовки этой кампании король стремился заручиться поддержкой К. Кантемира. При посредничестве вернувшегося на родину М. Костина он начал переговоры с молдавским господарем. Я. Собеский предлагал Кантемиру вступить в Священную лигу и был готов гарантировать ему наследственную власть в Молдавии, если княжество перейдет под покровительство Речи Посполитой. К. Кантемир обещал после вступления польских войск на молдавскую территорию оказать королю помощь военной силой и провиантом¹⁰³. Однако К. Кантемир оставался верным султану, а переговоры с Польшей, как в дальнейшем и с Габсбургами, велись им с целью обезопасить себя и сохранить престол в случае поражения османов.

В конце июля 1686 г. польская армия вступила в пределы Молдавии и начала успешное продвижение по ее территории. 16 августа Я. Собеский торжественно въехал в Яссы. К. Кантемир, покинувший вместе со своими сторонниками столицу после появления в городе первого отряда поляков, обратился к боярам княжества с призывом присоединиться к нему и выступить против польских войск. На сторону поляков перешел только двухтысячный отряд молдавской кавалерии, состоявший главным образом из мелких и средних бояр и служилых людей, стремившихся в результате освобождения от власти османов добиться улучшения своего экономического и общественного статуса. Большая часть крупного молдавского боярства поддержала господаря Константина Кантемира. Только митрополит Досифей, будучи последовательным сторонником антиосманской ориентации, присоединился к Я. Собескому, а затем после поражения польской армии уехал вместе с королем в Польшу. Не будучи убежден в возможной решительной победе поляков над османами, К. Кантемир, несмотря на предварительную договоренность с королем, не присоединился к полякам и во главе своих отрядов выступил на стороне султанских сил.

Армия Яна Собеского оказалась в тяжелом положении. Не вступая в сражения, осmano-татарские войска изматывали поляков внезапными нападениями. Они опустошали все по маршруту движения польской армии, которая нуждалась в провианте. Не только голод, но и сильная засуха изнуряла силы польских войск. Внезапно возникший в Яссах пожар не позволил королю закрепиться в столице княжества. Королевская армия, испытывая большие трудности и неся потери, отступила на территорию Речи Посполитой. Только в Кымпулунге и некоторых монастырях на севере княжества остались польские гарнизоны, что позволяло королю осуществлять контроль над северными молдавскими уездами и служило формальным основанием претензий Речи Посполитой на Молдавию¹⁰⁴. В 1687 г. для управления занятыми территориями король назначил своего губернатора — капитана Туркула.

Из-за затянувшейся осады Буды Габсбурги были заинтересованы в действиях Яна Собеского в Молдавии. Но когда крепость была отвоевана у османов, а польская армия терпела поражения, австрийское командование не приняло никаких мер, чтобы выручить своего союзника. Неудачи Речи Посполитой усиливали решимость Габсбургов реализовать свои планы относительно Трансильвании и Дунайских княжеств.

После победы над султанскими силами под Будой (1686) и Мохачем (1687) австрийская армия расположилась на территории Трансильвании. Непосредственное соседство императорских войск осложняло положение Валахии. Габсбурги внимательно следили за поведением валашского господаря. Близость османов и татар не позволяла ему порвать с султаном. В то же время расположение австрийских гарнизонов вблизи границ княжества заставляло господаря вести переговоры с императорскими послами. В 1686 и 1687 гг. в Валахии находились венские эмиссары Ксаки и Дель Монте с заданием повлиять на Шербана Кантакузино, активизировать реализацию планов по привлечению на сторону императора балканских христиан и соединению валашских войск с австрийскими¹⁰⁵.

Несмотря на давление венских послов, валашский господарь не спешил с принесением присяги императору. Главной его целью в переговорах с Габсбургами по-прежнему было добиться признания независимости Валахии и наследственной власти династии Кантакузино. В начале 1688 г. папский нунций кардинал Буонвизи писал Леопольду I, что валашского господаря можно привлечь только в том случае, если гарантировать сохранение за ним княжества. Возможно, что под влиянием кардинала Буонвизи в феврале 1688 г. через посла Ксаки император обещал сохранить в Валахии наследственную власть Кантакузино. При этом валашский господарь должен был взять на себя на определенное время часть военных расходов империи в сумме 75 тыс. лей, а также принять на содержание шеститысячное войско, которое в случае необходимости могло бы защитить княжество¹⁰⁶. В своем ответе императору Ш. Кантакузино просил уменьшить сумму расходов княжества на имперские военные нужды до 50 тыс. лей, мотивируя сильным истощением материальных ресурсов страны. Зная о намерении имперского генерала Ветерани переправить часть своих войск из Трансильвании в Валахию, господарь оговаривал, что готов принять австрийские войска только тогда, когда будет необходимость защиты княжества¹⁰⁷.

Осторожность Ш. Кантакузино в отношениях с Габсбургами свидетельствовала о том, как мало верил он их заверениям. Господаря настораживало, что политика венского двора проводилась и вдохновлялась главным образом Ватиканом и иезуитами. В Бухаресте не могли не знать о тяжелом положении православного населения Трансильвании. Чрезмерная настойчивость римско-католических кругов в привлечении Валахии на сторону Габсбургов усиливала опасения валашских политиков, не желавших насильственного утверждения католицизма в своем княжестве.

Присоединение в 1686 г. к антиосманской лиге России и предпринятый ею в следующем году поход против крымских татар склонили Ш. Кантакузино к решению обратиться к русскому правительству за помощью в борьбе против султана. В 1687 г. он послал стольника Дику Рудяну в Москву, чтобы установить связи с Россией. Но валашский посланец был перехвачен австрийскими властями в Трансильвании и замучен, а письма, которые он вез, были пересланы в Стамбул. Ш. Кантакузино откупился от везира суммой в 100 тыс. ефимков¹⁰⁸.

Вступление России в войну с османами не без основания вызвало опасения у Габсбургов, не желавших усиления русского влияния на Балканах, в том числе и в Дунайских княжествах. Поэтому венский двор всеми мерами старался препятствовать их связям с Россией. Австрийские власти перехватывали валашских послов, оказывая одновременно давление на господаря.

В 1688 г. Ш. Кантакузино послал в Москву архимандрита Исаяю с поручением просить помощи в освобождении княжества от власти османов. На расспросе в Посольском приказе господарский посланец подчеркивал, что все православное христианство желает, чтобы его освободили именно русские, «дабы из неволи бусурманской в пушью и горшую неволю отдать не изволили...». Известно, говорил он, что «папежане постановили все метрополии, епископии, взяв из-под ига турецкого, разделяя в епархии, превратить в костелы римские и поставить своих римских бискупов, а православное духовенство искоренить, изогнать»¹⁰⁹. Через Исаяю Ш. Кантакузино передал русскому правительству предложения о совместных военных действиях против османов. Валашский господарь предлагал послать русские войска в Буджак, куда для соединения с ними он выступит из Валахии с 70-тысячным войском. При этом он обещал обеспечить снабжение войск, так как «запасов всяких у него много». Чтобы помешать крымским татарам прибыть в район военных действий, господарь предлагал часть войск расположить в Запорожье. Большую роль в войне господарь отводил восстанию подвластных султану христианских народов, которые «ожидают... их государских ратей приходу с великою радостью»¹¹⁰.

Русское правительство в 1688 г. вело приготовления ко второму Крымскому походу и его заинтересовали переданные через Исаяю предложения валашского господаря о совместных военных действиях против султана и крымского хана. Не случайно, что еще в октябре 1688 г., когда Исаяя находился в Москве в ожидании ответных царских грамот, русское правительство послало в Валахию грека Дементия Фомина. В посланной с ним Ш. Кантакузино грамоте от 8 ноября сообщалось о планах выступления против Крыма. Валашскому господарю предлагалось идти с войском на соединение с русскими и не заключать союза ни с какими другими государствами¹¹¹.

Такого же содержания грамота была направлена Ш. Кантакузино и через Исаяю. Но на обратном пути в Валахию по дороге через Трансильванию Исаяя был арестован австрийскими властями и отправлен в Вену.

Находившиеся у него грамоты были распечатаны, посла обвинили в подстрекательстве по поручению Ш. Кантакузино России против Габсбургов¹¹². Только после усиленных хлопот друзей и ходатайства русского правительства Исая был освобожден и возвращен в Москву¹¹³.

Успешные военные операции австрийских войск против османов в 1688 г.¹¹⁴ снова со всей остротой поставили вопрос о переходе Валахии на сторону Габсбургов. Под видом помощи Ш. Кантакузино войска Ветерани вступили на территорию Валахии. Это заставило господаря, не дожидаясь ответа из Москвы, направить 12 октября 1688 г. посольство в Вену для принесения присяги императору¹¹⁵. Только убедившись в окончательном решении господаря, Ветерани отвел войска с территории княжества. 29 октября, когда валашское посольство было еще на пути в Вену, Ш. Кантакузино скончался.

Новый господарь Валахии Константин Брынковяну, рассчитывая, как и его предшественник, на помощь Габсбургов в освобождении княжества от власти османов, продолжил переговоры в Вене. В то же время господарь не спешил с принесением присяги императору. Это было вызвано не только традиционной политикой лавирования. Существовали обстоятельства как внутривалашского, так и международного порядка, влиявшие на политику Брынковяну.

Его отношения с Габсбургами осложнялись враждой с проавстрийской боярской партией Белени, недовольной его избранием на господарский престол. Многие из этих бояр покинули Валахию и, поселившись в Трансильвании, поддерживали тесные связи с венским двором¹¹⁶. Особую враждебность к Брынковяну проявлял зять его предшественника Константин Бэлэчану, который при поддержке Габсбургов хотел сделать господарем малолетнего наследного князя Георгия, сына умершего Ш. Кантакузино. Пользуясь дружескими отношениями с имперским генералом Д. Хайсслером, Бэлэчану плел в Вене интриги против Брынковяну¹¹⁷. Все это заставляло господаря избегать каких-либо столкновений с Габсбургами.

К союзу с Россией Брынковяну отнесся осторожно. На царскую грамоту с предложением сотрудничества, присланную с греком Д. Фоминым, он ответил в самых общих словах, поблагодарив за предложенную помощь в борьбе с османами¹¹⁸. В то же время у валашского господаря не было уверенности и в возможной помощи со стороны Габсбургов, испытывавших затруднения в связи с объявлением Францией в сентябре 1688 г. войны Австрии. переброска части военных сил на французский фронт осложняла действия императорских войск на юго-востоке Европы.

После захвата в 1689 г. дунайских крепостей от Видина до Никополя Габсбурги не скрывали своих планов вступления на территорию Валахии. Сообщая императору о взятии крепости Видин, австрийский военачальник Мариус Людовик писал 29 октября 1689 г. о намерении разместить в Валахии 12 полков. При этом он жаловался на то, что встречает большие затруднения со стороны валашского господаря, особенно

в снабжении армии продовольствием¹¹⁹. Генерал Д. Хайсслер получил приказ императора занять Валахию. Его посол в июне 1689 г. вел переговоры также с молдавским господарем Константином Кантемиром о переходе его на сторону Габсбургов.

Но фоне успехов Габсбургов все более очевидной становилась неспособность Речи Посполитой продолжать войну. В 1688 г. королевская армия оказалась не в состоянии перейти Днестр. Разуверившись в возможности успеха Речи Посполитой в борьбе с османами, Константин Кантемир в 1689 г. открыто действовал в интересах Порты. Он был на ее стороне в ходе сепаратных осmano-польских мирных переговоров, содействовал переговорам о заключении сепаратного русско-османского мира¹²⁰. В то же время с начала 1689 г. К. Кантемир и молдавские бояре прохристианской ориентации тайно стали устанавливать контакты с австрийским командованием, связывая планы возможного освобождения от власти османов не с Речью Посполитой, а с Габсбургами¹²¹.

Валашский господарь Брынковяну попытался использовать трудности Габсбургов, возникшие в 1689 г. в связи с отвлечением имперских сил на борьбу с Францией, и предотвратить вступление австрийских войск в Валахию, ссылаясь в обращении к имперскому командованию на угрозу вторжения в княжество османских и татарских сил¹²². Несмотря на возражения Брынковяну, ссылки на бедность и недостаток продовольственных запасов, войска Габсбургов в декабре 1689 г. заняли Северную Валахию и расположились на зимовку¹²³. По свидетельству хрониста Раду Гречану, австрийские части встретились с враждебным отношением населения. Императорская армия нуждалась в продовольствии, в княжестве начались грабежи¹²⁴.

Вступление австрийских войск в Валахию заставило молдавского господаря К. Кантемира и прохристиански настроенных бояр княжества вступить в переговоры с Габсбургами и заключить с ними в феврале 1690 г. договор, по условиям которого Молдавия должна была в случае освобождения от власти османов стать вассалом Австрии и уплачивать ежегодную дань. Господарь и бояре обязывались оказать военную помощь вступившим в княжество австрийским войскам и снабжать их провиантом. В то же время за К. Кантемиром закреплялось лишь пожизненное владение тронном, его претензии на наследственную власть были Габсбургами отвергнуты, несмотря на протесты послов господаря¹²⁵.

Когда появилась угроза занятия австрийскими войсками всей территории Валахии, Брынковяну обратился за помощью к Порте. Но появление в княжестве посланных султаном татарских войск не предвещало ничего, кроме разорений. Господарь поспешил сообщить имперскому командованию о появлении татар и просил отвести австрийские войска, чтобы избежать опустошения княжества¹²⁶. Под напором татарских отрядов в конце января 1690 г. армия Д. Хайсслера вынуждена была отступить за Карпаты.

Летом 1690 г. возобновились военные действия между османскими и австрийскими войсками. К этому времени антигабсбургские настроения

Брынковяну усилились. По просьбе Порты он согласился оказать содействие находившемуся под покровительством османов Имре Тёкёли, который рассчитывал с помощью султана занять престол Трансильвании после смерти князя Михая Апафи (15 апреля 1690 г.). В январе 1690 г. Тёкёли прибыл в Бухарест¹²⁷.

Поддержка Тёкёли была для Брынковяну антигабсбургской акцией, вызванной интригами его врагов в Вене. В то же время господарь опасался претензий Тёкёли на валашский престол. Дело в том, что Франция, поддерживая антигабсбургское движение в Венгрии, имела планы расширить границы Трансильвании. Французские дипломаты пытались склонить султана к смещению Брынковяну и назначению господарем Валахии Имре Тёкёли¹²⁸. Помогая Тёкёли вернуться в Трансильванию, Брынковяну надеялся отвлечь его от планов относительно Валахии.

В августе 1690 г. Тёкёли вместе с везиром Мустафой-пашой во главе большой армии в составе осmano-татарских и валашских отрядов перешли границу Трансильвании и в битве при Зэрнешти (21 августа 1690 г.) нанесли поражение императорским войскам. Д. Хайсслер был взят в плен, Бэлэчану и трансильванский канцлер Михай Телеки убиты. Государственное собрание Трансильвании провозгласило Имре Тёкёли князем. Но пребывание его на трансильванском престоле оказалось кратковременным. Императорские войска под командованием Людовика Баденского вступили в Трансильванию и 25 октября 1690 г. Тёкёли вместе с османскими и своими отрядами был вынужден отступить в Валахию¹²⁹.

Осенью 1690 г. султанские войска, развивая наступление в направлении Дуная, взяли Смедерево, Белград, Видин. Австрийские части терпели поражения. В этих условиях между странами лиги обострились разногласия. Речь Посполитая вела сепаратные переговоры с Портой, тайные контакты со Стамбулом устанавливала и Австрия. Не доверяя союзникам по лиге, Россия также стремилась наладить мирные отношения с османами. По ее просьбе посредничество в переговорах взял на себя молдавский господарь К. Кантемир, которому эта миссия предоставляла случай оказать услугу своему сюзерену-султану, содействуя выходу из войны важного для него соперника — России.

В 1690 г. господарь направил в Москву капитана Ивана Белевича с условиями мира, предложенными крымским ханом. И. Белевич старался убедить русскую сторону в том, что поляки, нарушая союзные обязательства, ведут с Портой сепаратные переговоры о мире и союзе против России. Он советовал ускорить отправку в Крым русских послов для переговоров о мире. Учитывая полученные через И. Белевича сведения, в Москве решили вступить в сепаратные переговоры с султаном и просили молдавского господаря сообщить об этом намерении везиру и крымскому хану, а также содействовать присылке в Россию ханских послов, так как отправка царских послов в Крым могла бы вызвать подозрения союзников по лиге¹³⁰.

О посредничестве Константина Кантемира в переговорах России с Портой, как и о заключении молдавско-австрийского договора, довольно скоро стало известно в Варшаве и это способствовало ухудшению молдавско-польских отношений, чем не преминула воспользоваться австрийская дипломатия. Подогревая стремление Я. Собеского к завоеванию Молдавии, Габсбурги старались поддержать интерес польского короля к продолжению войны с османами, хотя венский двор после серьезных военных поражений 1690 г. активизировал тайные переговоры с Портой о мире. Немалое значение придавалось тому, что новая польская кампания против Молдавии отвлекла бы часть османских и татарских сил от фронта действий австрийских войск.

В 1691 г. Ян Собеский снова предпринял поход для завоевания Молдавии. В новой военной кампании османо-татарские войска прибегли к прежней тактике, уклоняясь от сражения, они изматывали польскую армию постоянными нападениями. Но главной неприятностью для короля стало то, что господарь К. Кантемир в очередной раз отказался перейти на сторону поляков. Более того, он покинул Яссы и обратился ко всем жителям Молдавии, способным носить оружие, с призывом оказывать сопротивление Я. Собескому. Одновременно молдавский господарь обратился за помощью к татарам. Польская армия была плохо снабжена и испытывала нужду в продовольствии, а в разоренном саранчой княжестве не было ресурсов для его пополнения. Как писал К. Кантемир в Стамбул, он «приказал сжечь все пастбища и зарыть всю пшеницу»¹³¹. В сложившейся для армии тяжелой ситуации Собеский решил двинуться по направлению к Трансильвании для соединения с австрийскими войсками под командованием генерала Ветерани. С этой целью король расположил свои силы в Романе, ожидая, что К. Кантемир изменит свое отношение к полякам после захвата казацким отрядом под командованием Друшкевича крепости Сороки. Но молдавский господарь не видел успешной перспективы в действиях ослабленных, лишенных материальных ресурсов польских войск и остался верен султану. Не сбылись надежды Я. Собеского и на помощь со стороны союзника по коалиции — Габсбургов. Австрийское командование и на этот раз отказалось от военной поддержки акции польского короля. Вновь сказалось соперничество Габсбургов и Речи Посполитой из-за Дунайских княжеств. Обессиленная армия Я. Собеского была вынуждена вернуться на родину. Очередной поход польского короля в Молдавию не привел к тем итогам, на которые он рассчитывал. Ему удалось лишь несколько расширить свои владения в северной части княжества, заняв Нямц и Сучаву. Подготовленный наспех и предпринятый для усиления позиций Речи Посполитой на случай заключения мира с Портой этот поход вновь стал лишь военной акцией, удачно использованной австрийским командованием в ходе антиосманских операций¹³².

Тем временем положение валашского господаря К. Брынковяну осложнилось. Расположившийся на территории Валахии Тёкёли со своими

отрядами совершал нападения на пограничные австрийские гарнизоны, вызывая ответные действия императорских войск. Постой отрядов Тёкёли, их передвижения наносили ущерб материальным ресурсам княжества, тяжело отражались на положении его населения. Брынковяну жаловался султану, по просьбе господаря Порта в феврале 1691 г. отозвала Тёкёли в лагерь под Белградом¹³³.

С этого времени Тёкёли примыкает к противникам Брынковяну в Стамбуле, среди которых наиболее активными были связанные с французским послом валашский капукегай Янаке Порфирица и капукегай молдавского господаря К. Кантемира Ласкараке Руссет. Интриги противников наносили вред позициям Брынковяну в Стамбуле. К этому добавлялись его враждебные отношения с молдавским господарем К. Кантемиром. После смерти последнего в 1693 г. молдавский престол при активном содействии Брынковяну занял Константин Дука, который должен был стать мужем дочери валашского господаря Марии¹³⁴. Попытка Брынковяну укрепить свое положение, установив родственные связи с молдавским двором, не увенчалась успехом. В конце 1695 г. К. Дука был свергнут султаном с престола.

В этих условиях валашский господарь был заинтересован в установлении отношений с Габсбургами для того, чтобы иметь поддержку и убежище на случай свержения с престола. В 1691–1692 гг. через посредство генерала Ветерани, с которым валашский господарь имел секретную переписку еще с 1688 г., и императорского посла в Стамбуле Луиджи Марсилли, проезжавшего осенью 1691 г. через Бухарест, Брынковяну возобновились переговоры с венским двором. Габсбурги согласились сотрудничать с валашским господарем, учитывая его прежние услуги в содействии связям между Веной и Стамбулом, в информации о положении дел в Османской империи и ее военных планах. 30 января 1695 г. император удостоил Брынковяну наследным титулом князя Габсбургской империи¹³⁵.

Между тем действия стран Священной лиги против Османской империи разворачивались недостаточно активно. Военные акции со стороны Речи Посполитой после 1691 г. почти прекратились. Война с Францией не давала Габсбургам возможности организовать широкие наступательные операции на Балканах. В 1695 и 1696 гг. войска султана добились успехов в ряде сражений с австрийскими силами. В битве при Лугоже (1695) погиб генерал Ветерани. Большие потери императорские войска понесли в сражении за Темешвар, в котором был убит генерал Хайсслер.

Попытки России после овладения в 1696 г. Азовом активизировать действия антиосманской коалиции не имели успеха. В Европе назревала война за Испанское наследство, Габсбурги стремились к заключению мира с султаном. Перелом в этой войне в пользу Австрии произошел в ходе успешных операций императорских войск, возглавляемых талантливым полководцем Евгением Савойским. Сражение при Зенте (11 сентября 1697 г.) решило исход войны. Порта была вынуждена заключить 15 октяб-

ря 1698 г. перемирие и начать мирные переговоры со странами лиги. При посредничестве английского посла в Стамбуле переговоры состоялись в Карловаце¹³⁶. Уже их начальный этап показал истинные намерения Габсбургов и Речи Посполитой в отношении Дунайских княжеств. Осенью 1698 г. каждая из сторон предпринимает попытки привлечь к себе Валахию. Через императорского посла в Стамбуле Л. Марсилли австрийские власти предложили К. Брынковяну возобновить переговоры об условиях признания им протектората Габсбургов. Для обсуждения возможного подданства Валашского княжества Речи Посполитой в это же время в Бухаресте находился и посланец польского короля Вакербарт¹³⁷.

К концу XVII в. османский гнет в Дунайских княжествах особенно усилился. Военные расходы Порты, связанные с многолетней войной в Европе, легли непосильным бременем на покоренные и зависимые страны, в том числе и на княжества. Султан увеличивал поставки и сборы с княжеств, росла сумма хараджа¹³⁸. Необходимость участия молдавских и валашских отрядов в военных действиях на стороне султана, постоянные османские войска тяжело сказывались на положении населения.

Присоединение к владениям Габсбургов Трансильвании (1691 г.) и начавшиеся переговоры стран Священной лиги с Портой убеждали правителей Дунайских княжеств в том, что в своем освобождении от власти османов они не могут надеяться на помощь императора. Посланец польского короля Августа II Вакербарт писал из Вены в мае 1698 г., что валахи скорее позовут на помощь русских или останутся в зависимости от султана, чем примут габсбургское подданство¹³⁹.

Ухудшение положения Молдавии и Валахии в результате усиления экономического и политического давления Порты в конце XVII в., развенчание надежд, связанных с ожиданием помощи от Габсбургов и Речи Посполитой, успехи русских войск в войне с османами способствовали ориентации господарей в освобождении княжеств на Россию. В Валахии в прорусской ориентации большую роль играла боярская партия во главе с представителями рода Кантакузино. Являясь сторонниками сближения с Россией и занимая важные должности при дворе господаря, Кантакузино оказывали решающее влияние на политику Брынковяну, несмотря на проавстрийские настроения значительной части валашского боярства¹⁴⁰.

В 1697 г. из Валахии в Москву был послан Георгий Кастриот с просьбой о помощи в освобождении княжества от власти османов, а также с заявлением о готовности признать русский сюзеренитет. Посол сообщал о беспокойстве обоих княжеств, Валахии и Молдавии, по поводу своей судьбы в связи с переговорами стран Священной лиги с Портой. От имени двух княжеств Г. Кастриот просил, «дабы изволил разсудити самодержавное величество, принять их под кров и власть свою», в то время как немцы и поляки «зело желают сих двух господарств»¹⁴¹. Намерение Молдавии, как и Валахии, перейти под русский протекторат подтвердил при-

бывший в 1698 г. в Москву посол молдавского господаря Антиоха Кантемира — Савва Константинов¹⁴².

По поручению К. Брынковяну валахский посол Г. Кастриот изложил в Москве план совместных военных действий против османов. Основными по этому плану должны были стать операции русских войск по овладению крепостью Очаков, откуда открывалась возможность нападений на Крым и Буджак. Со стороны Азовского моря предлагалось овладеть Керчью, что позволило бы прервать связи между крымскими и кубанскими татарами и, захватив Перекопский перешеек, помешать татарам выйти из Крыма. Валахи и молдаване, по этому плану, должны были восстать против османов и начать наступление на Буджак, в то время как русские войска будут осаждать Очаков¹⁴³. На предложения господарей Валахии и Молдавии никакого конкретного ответа русское правительство дать не могло, кроме общего обещания помощи княжествам в борьбе с османами и готовности принять их под свое покровительство. 26 января 1699 г. в Карловаце был подписан мирный договор стран лиги с Портой.

Переговоры в Карловаце показали, что Дунайские княжества являлись лишь пешками в политических расчетах Габсбургов и Речи Посполитой, постоянно соперничавших из-за них между собой. В угоду своим интересам они с легкостью отказались в 1699 г. от княжеств. По условиям Карловацкого договора Молдавия и Валахия оставались в системе подвластных султану территорий. Польша освобождала занятую во время войны северную часть Молдавского княжества в обмен на Каменец и Подолию.

Следует отметить, что, хотя Дунайские княжества, желая освободиться от власти османов, и рассчитывали на поддержку Габсбургов и Речи Посполитой, особой активности в отношениях с ними не проявляли. Здесь сказывались внутривосточная ситуация в самих княжествах и религиозные различия. Кроме того, война стран лиги с османами выявила ограниченность материальных и военных ресурсов Габсбургов и Речи Посполитой, вскрыла противоречия между ними из-за притязаний на княжества. Складывавшаяся международная обстановка в Восточной и Юго-Восточной Европе к концу XVII в., рост престижа России все больше склоняли Молдавию и Валахию к решению ориентироваться в своих освободительных планах на русскую помощь. Условия Карловацкого мира 1699 г. способствовали утверждению этой ориентации во внешней политике княжеств.

Примечания

- ¹ *Санин Г. А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М., 1987. С. 87–89.
- ² КДТ. S. 333–336; *Заборовский Л. В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981. С. 43–45.
- ³ *Заборовский Л. В.* Канун и начало русско-польской войны и позиция государств Юго-Восточной Европы (50-е гг. XVII в.) // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975. С. 250–252.

- ⁴ *Demény L.* Освободительная война украинского народа 1648–1654 годов и Юго-Восточная Европа // *Revue des études sud-est européennes*. 1974. Nr. 4. P. 508–511; *Заборовский Л. В.* Россия, Речь Посполитая... С. 47.
- ⁵ DR. Vol. V/1. P. 29; АЮЗР. Т. X. С. 698–702, 775; Т. XIV. С. 47–50, 105–106, 113, 122–125.
- ⁶ См. переписку Г. Стефана с польскими властями в 1654 г. — АКВ. Dzial Moldawski i Woloszski. К. 43. Nr. 27, 28, 32–40, 43, 45, 47, 50–55. (Автор благодарит Б. Н. Флорю за предоставление этих материалов.)
- ⁷ РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 8–13; ИСв. Т. 2. С. 241–242.
- ⁸ РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1654 г. Д. 2. Л. 2–7; см. также: *Семенова Л. Е.* Дунайские княжества в международном контексте в 50-е гг. XVII в. (по материалам РГАДА) // *Русская и украинская дипломатия в Евразии: 50-е годы XVII в. М., 2000.* С. 115–131.
- ⁹ РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1654 г. Д. 2. Л. 10.
- ¹⁰ Там же. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 1. 1654 г. Д. 9. Л. 8–9; См. также: *Шульман Е. Б.* Русско-молдавские дипломатические сношения в 1654–1656 гг. // *Ученые записки Бельцкого гос. пед. ин-та.* 1958. Вып. III. С. 34.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 1. 1654 г. Д. 9. Л. 7.
- ¹² Там же. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 14–16; ИСв. Т. 2. С. 246–247.
- ¹³ АЮЗР. Т. X. С. 698; Т. XIV. С. 19–23, 35–38, 47–49, 68–69, 105–106, 112–113, 125; ИСв. Т. 2. С. 257–258.
- ¹⁴ АЮЗР. Т. X. С. 668; *Veress.* Vol. X. P. 282–286.
- ¹⁵ АЮЗР. Т. X. С. 698–702; Т. XIV. С. 49–50, 60.
- ¹⁶ Там же. Т. XIV. С. 60–61.
- ¹⁷ Там же. Т. X. С. 775.
- ¹⁸ Там же. Т. XIV. С. 47–48, 55, 105–106, 113, 122–125.
- ¹⁹ *Заборовский Л. В.* Россия, Речь Посполитая... С. 77–78.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1654 г. Д. 21. Л. 9.
- ²¹ *Costin M.* Opere. Buc., 1958. P. 174–175; см. также: *Nistor I.* Contribuții la relațiile dintre Moldova și Ucraina în veacul XVII-lea // *Analele Academiei Române. Mem. secț. ist. Seria III. T. XIII.* Buc., 1932–1933. P. 24.
- ²² АЮЗР. Т. XIV. С. 120–121.
- ²³ См. грамоту Б. Хмельницкого царю Алексею Михайловичу от 10 ноября 1654 г. (РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 1. 1654 г. Д. 28. Л. 20–25).
- ²⁴ *Грушевський М. С.* Історія України — Руси. Київ, 1931. Т. IX. Ч. 2. С. 1105–1109.
- ²⁵ *Demény Lidia, Demény L., Stoicescu N.* Răscoala seimenilor sau răscoala populară? 1655. Țara Românească. Buc., 1968.

- 26 *Demény Lidia*. Relațiile seimenilor cu cazacii în timpul mișcării populare din 1655 în Țara Românească // Studii privind relațiile romîno-ruse. Buc., 1963. P. 6–7, 10–11.
- 27 *Санин Г. А.* Порты, Крым и страны Восточной Европы в 50–60-х гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Часть 2. М., 2001. С. 36–37.
- 28 DR. Vol. V/2. P. 19–20.
- 29 См.: *Медведева К. Т.* Внешнеполитическое положение Трансильванского княжества в 50–60-е гг. XVII в. // Османская империя и страны... Ч. 2. С. 190–192.
- 30 DR. Vol. IX/1. P. 72–73.
- 31 ИСв. Т. 2. С. 270–271; 391–392, прим. 190.
- 32 Там же. С. 273–275.
- 33 Там же. С. 275.
- 34 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1656 г. Д. 2. Л. 29–30; Д. 1. Л. 70–100.
- 35 Там же. Д. 1. Л. 49–55. Об участии греческих иерархов в русско-молдавских отношениях середины XVII в. и переговорах 1656 г. см.: *Ченцова В. Г.* Источники фонда «Сношения России с Грецией» Российского Государственного архива древних актов по истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе в 50-е гг. XVII в. // Русская и украинская дипломатия... С. 151–178; *Tchentsova V. G.* Dionysios Iviritis et les pourparles entre la Moldavie et la Russie en 1656 // Închinare lui Petre Ș. Năsturel la 80 de ani. Brăila, 2003. P. 581–603.
- 36 РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1656 г. Д. 1. Л. 1–3.
- 37 *Санин Г. А.* Отношения России... С. 42–43.
- 38 ИСв. Т. 2. С. 286–287; *Семенова Л. Е.* Дунайские княжества в международном контексте... С. 125–126.
- 39 *Санин Г. А.* Отношения России... С. 180–181.
- 40 ИСв. Т. 2. С. 291–292; 394–395, прим. 202, 203.
- 41 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1656 г. Д. 1. Л. 4, 222–223; см. также: Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX в.). Кишинев, 1987. С. 219–220; *Шульман Е. Б.* Русско-молдавские дипломатические сношения в 1654–1656 гг. С. 45–48.
- 42 АЮЗР. Т. III. С. 546–547. Об отношениях Дьердя II Ракоци с Б. Хмельницким см.: *Хаванова О. В.* Трансильвания в период русско-польско-украинского конфликта в 50-е гг. XVII в. // Русская и украинская дипломатия... С. 133–149.
- 43 *Gemil T.* Țările Române în contextul politic internațional (1621–1672). Buc., 1979. P. 164–166.
- 44 *Санин Г. А.* Отношения России... С. 202–206.
- 45 *Istoriile domnilor Țării Românești de Radu Popescu* // Cronicari munteni. I. Buc., 1961. P. 378; DR. Vol. V/2. P. 39.
- 46 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 2 –11; ИСв. Т. 2. С. 302–303.

- 47 ИСв. Т. 2. С. 305–308; РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1658 г. Д. 3. Л. 12.
- 48 Documente privind la domnia lui Mihail Radu (Mihnea III), culese mai cu seamă din arhivele Veneției. Publ. De *Al. Ciorănescu*. Buc., 1934 Vol. XIII (далее — DocCior). P. 34.
- 49 *Costin M.* Opere. P. 182–183.
- 50 DocCior. P. 49, 52–53.
- 51 *Ciorănescu Al.* Domnia lui Mihnea III (Mihail Radu). 1658–1659 // Buletinul Comisiei istorice a României (1935). Buc., 1936. P. 68.
- 52 DocCior. P. 33–88.
- 53 Istoria Țării Românești. 1290–1680. Ed. de *C. Grecescu, D. Simonescu*. Buc., 1960 (далее — Let Cant). P. 131–134, 137–139.
- 54 Doc Cior. P. 145–146; DR. Vol. IX/1. P. 142–143.
- 55 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1660 г. Д. 1. Л. 2–12.
- 56 *Costin M.* Opere. P. 189–192.
- 57 LetCant. P. 141.
- 58 *Panaïtescu P.* Pribegia lui Constantin Șerban și a lui Ștefan Petriceicu și testamentele lor // Analele Academiei Române. Mem. secț. ist. T. XXI. Buc., 1939. P. 4–10.
- 59 ИСв. Т. 2. С. 318–319, 321–322; 397–401, прим. 226–235; см. также: *Семенова Л. Е.* Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в. М., 1969. С. 57–58.
- 60 См.: *Флоря Б. Н.* Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе (1667–1671 гг.) // Османская империя и страны... Ч. 2. С. 76–108.
- 61 Relațiile Țărilor Române cu Poarta Otomană in documente turcești. 1601–1712. Ed. de *T. Gemil*. Buc., 1984. P. 337–341.
- 62 Достаточно распространенные в Молдавии пропольские настроения в среде элиты основывались на родственных и традиционных связях молдавских бояр и польской шляхты. — *Iorga N.* Relations entre boïars moldaves et nobles polonais // Bulletin de la Sect. hist. de l'Academie Romaine. IX (1921). Nr. 1–2. P. 151.
- 63 *Ion Neculce.* Letopisețul Țării Moldovei. Ed. de *I. Jordan*. Buc., 1955 (далее — *Neculce*). P. 130–131; см. также: Очерки внешнеполитической истории... С. 222–223; *Gemil T.* Țările Române... P. 208–209.
- 64 *Флоря Б. Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны... Ч. 2. С. 109–110.
- 65 *Moga I.* Rivalitatea polono-austriacă și orientarea țărilor române la sfîrșitul sec. XVII. Cluj, 1933. P. 18.
- 66 Очерки внешнеполитической истории... С. 224–225; *Советов П. В.* Типологические аспекты молдавского феодализма (в период турецкого ига и в проектах о вступлении в подданство России, Польши и Австрии) // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975. С. 143–146.

- 67 *Nesulce*. P. 135–141.
- 68 АЮЗР. Т. XI. С. 277–278, 299.
- 69 РГАДА. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1674 г. Д. 1. Л. 15а; грамоту господарей царю Алексею Михайловичу см.: ИСв. Т. 3. М., 1970. С. 12–16; см также: *Семенова Л. Е.* Русско-валашские отношения... С. 60–62.
- 70 ИСв. Т. 3. С. 16–19.
- 71 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1674 г. Д. 1. Л. 26.
- 72 *Флоря Б. Н.* Войны Османской империи... С. 116.
- 73 ИСв. Т. 3. С. 22–25; см. также: *Семенова Л. Е.* Русско-валашские отношения... С. 63–64.
- 74 *Семенова Л. Е.* Русско-валашские отношения... С. 64.
- 75 ИСв. Т. 3. С. 28–30.
- 76 Там же. С. 32–34.
- 77 *Nesulce*. P. 147–148; *Let Cant*. P. 113–114; АЮЗР. Т. XIII. С. 448, 710–711.
- 78 Подробно о Чигиринских походах см.: *Флоря Б. Н.* Войны Османской империи... С. 126–131.
- 79 ИСв. Т. 3. С. 44–47; 345, прим. 17, 18.
- 80 Там же. С. 60–63; 349–350, прим. 32–33.
- 81 Очерки внешнеполитической истории... С. 229.
- 82 *Moga I.* *Rivalitatea polono-austriacă ...* P. 70; Очерки внешнеполитической истории... С. 228–229.
- 83 *Флоря Б. Н.* Войны Османской империи... С. 139.
- 84 Подробно о движении куруцев см.: *Гусарова Т. П.* Австрийские Габсбурги и проблема борьбы с османами в Европе в 50–70-е гг. XVII в. // *Османская империя и страны...* Ч. 2. С. 175–181.
- 85 В династических интересах Я. Собеский безуспешно пытался породниться с Австрийским домом, предложив императору Леопольду брак своего сына с его дочерью (*Гусарова Т. П.* Австрийские Габсбурги в войне с османами в 1683–1699 гг. (от осады Вены до Карловацкого мира) // *Османская империя и страны...* Ч. 2. С. 260).
- 86 См.: *Артамонов В. А.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1690 гг.) // *Османская империя и страны...* Ч. 2. С. 297.
- 87 *Власова Л. В.* Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII — начале XVIII в. Кишинев, 1980. С. 26–29.
- 88 ИСв. Т. 3. С. 77–78.
- 89 ПСЗ. Т. 2. № 1324. С. 958–959; ИСв. Т. 3. С. 352, прим. 42.
- 90 *Чебан С. Н.* Досифей митрополит Сочавский и его книжная деятельность. Киев, 1915. С. 149.
- 91 *Власова Л. В.* Молдавско-польские политические связи... С. 30–31.

- 92 *Radonic I.* Situația internațională a principatului Țării Românești în vremea lui Șerban Cantacuzino (1678–1688) // *Analele Academiei Române. Mem. secț. ist. Ser. II.* 1914. P. 952.
- 93 *Acte și fragmente.* Vol. 1. P. 257–258.
- 94 *DR.* Vol. XVI/1. P. 51.
- 95 *Radonic I.* Situația internațională... P. 954.
- 96 *DR.* Vol. IX/1. P. 307, 313, 317; *Семенова Л. Е.* Русско-валашские отношения... С. 69.
- 97 *Zaborovschi V.* Politică externă a celor trei principate. Buc., 1925. P. 69–72.
- 98 См.: *Медведева К. Т.* Трансильванское княжество между Османской империей и Габсбургами в конце XVII в. // *Османская империя и страны...* Ч. 2. С. 336–337.
- 99 *Достян И. С.* Борьба сербского народа против турецкого ига. XV — начало XIX в. М., 1958. С. 80–82.
- 100 *DR.* Vol. IX/1. P. 327–328.
- 101 Подробно см.: *Советов П. В.* Типологические аспекты молдавского феодализма... С. 152–156; *Власова Л. В.* Молдавско-польские политические связи... С. 31–37.
- 102 *Moga I.* Rivalitatea polono-austriacă... P. 128–132; *Власова Л. В.* Молдавско-польские политические связи... С. 39–41.
- 103 *Moga I.* Rivalitatea polono-austriacă... P. 142–143.
- 104 Подробно о польском походе 1686 г. в Молдавию см.: *Власова Л. В.* Молдавско-польские политические связи... С. 46–68.
- 105 *DR.* Vol. V/1. P. 136–138; Vol. IX/1. P. 336.
- 106 *Genealogia Cantacuzinilor.* Publ. de N. Iorga. Buc., 1902. P. 218–220.
- 107 *Ibid.* P. 222–227.
- 108 *ИСв. Т. 3.* С. 88–89; *Семенова Л. Е.* Русско-валашские отношения... С. 73.
- 109 *ИСв. Т. 3.* С. 86–87.
- 110 Там же. С. 87; *Семенова Л. Е.* Русско-валашские отношения... С. 72.
- 111 *ИСв. Т. 3.* С. 94–96.
- 112 *РГАДА. Ф. 52.* Сношения России с Грецией. 1691 г. Оп. 1. Д. 27. Л. 3–4, 39.
- 113 *Семенова Л. Е.* Русско-валашские отношения... С. 74–75.
- 114 См.: *Гусарова Т. П.* Австрийские Габсбурги в войне с османами... С. 278–279.
- 115 *Genealogia Cantacuzinilor.* P. 252–253.
- 116 *DR.* Vol. V/1. P. 363, 365.
- 117 *Ionescu Șt., Panait P. I.* Constantin Vodă Brîncoveanu. Viața, domnia, ероса. Buc., 1969. P. 150–151.
- 118 *ИСв. Т. 3.* С. 101–105.
- 119 *Documente privitoare la istoria Ardealului, Moldovei și Țării Românești.* Publ. de A. Veress. (далее — Veress). Buc., 1939. Vol. XI. P. 383–386.

- ¹²⁰ *Moga I. Rivalitatea polono-austriacă...* P. 177–179; ИСв. 3. С. 110–111.
- ¹²¹ *Zaborovschi V. Politica externă...* P. 143; *Власова Л. В. Молдавско-польские политические связи...* С. 84–85.
- ¹²² *Anonimul brîncovenesc // Cronicari munteni. Buc., 1961. Vol. II. P. 286–288; Studii și documente cu privire la istoria Românilor. Ed. N. Iorga (далее — Studii și documente). Buc., 1913. Vol. XXIII. P. 256.*
- ¹²³ *Veress. Vol. XI. P. 391–393.*
- ¹²⁴ *Radu Grecianu. Istoria domniei lui Constantin Basarab Brîncoveanu voievod (1688–1714). Ed. de A. Ilieș. Buc., 1970 (далее — Grecianu). P. 66–68.*
- ¹²⁵ *Ionescu Șt., Panait P. I. Constantin Vodă Brîncoveanu. P. 152; Giurescu C. Tratatul lui C. Cantemir cu austriacii // Convorbiri literare. Buc., 1910; Власова Л. В. Молдавско-польские политические связи... С. 87.*
- ¹²⁶ *Istoriile domnilor Țării Românești de Radu Popescu // Cronicari munteni. Buc., 1961. Vol. I. P. 469.*
- ¹²⁷ *DR. Vol. V/1. P. 310.*
- ¹²⁸ *Ibid. Vol. XVI. P. 267.*
- ¹²⁹ *История Венгрии. М., 1971. Т. 1. С. 405; Медведева К. Т. Трансильванское княжество... С. 339; Ionescu Șt., Panait P. I. Constantin Vodă Brîncoveanu. P. 156–157.*
- ¹³⁰ *РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1690 г. Д. 4. Л. 56 об.–57; см. также: Власова Л. В. Молдавско-польские политические связи... С. 92–94.*
- ¹³¹ *Studii și documente. Buc., 1906. Vol. XI. P. 181.*
- ¹³² *Подробно о походе 1691 г. польского короля Я. Собеского в Молдавию см.: Власова Л. В. Молдавско-польские политические связи... С. 96–103.*
- ¹³³ *Grecianu. P. 88–89; Studii și documente. Vol. XXIII. P. 262–263.*
- ¹³⁴ *DR. Vol. V/2. P. 246.*
- ¹³⁵ *Ionescu Șt., Panait P. I. Constantin Vodă Brîncoveanu. P. 164–169.*
- ¹³⁶ *См.: Гусарова Т. П. Австрийские Габсбурги в войне с османами... С. 282–285.*
- ¹³⁷ *Ionescu Șt., Panait P. I. Constantin Vodă Brîncoveanu. P. 181–182.*
- ¹³⁸ *Berza M. Haraciul Moldovei și Țării Românești în sec. XV — XIX // SMIM. II (1957); idem. Variațiile exploatării Țării Românești de către Poarta otomană în sec. XVI — XVIII // Studii. Revistă de istorie. 1958. № 2.*
- ¹³⁹ *Documente privitoare la Constantin Vodă Brîncoveanu, la domnia și sfîrșitul lui. Publ. de N. Iorga. Buc., 1901. P. 14.*
- ¹⁴⁰ *Семенова Л. Е. Русско-валашские отношения... С. 80–81.*
- ¹⁴¹ *ИСв. Т. 3. С. 116.*
- ¹⁴² *Там же. С. 132–135.*
- ¹⁴³ *Там же. С. 123–127.*

**РУССКО-ВАЛАШСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В НАЧАЛЕ XVIII В.**

После Карловацкого конгресса условия борьбы России за Черное море изменились. Попытка русского правительства создать прочную антитурецкую коалицию не имела успеха. Россия, заключив в 1700 г. тридцатилетний мир с Турцией и закрепив за собой Азов, главное внимание обращает на Север, на борьбу со Швецией за выход в Балтийское море, жизненно необходимый для экономического развития страны.

В условиях войны со Швецией русское правительство было заинтересовано в сохранении мирных отношений с Портой. Но несмотря на это, в начале XVIII в. связи Валахии с Россией укреплялись.

Получив от Петра I орден Св. Андрея Первозванного, Константин Брынковяну окончательно решил ориентироваться на Россию в освобождении княжества от турецкой зависимости. Брынковяну был в числе первых кавалеров этого ордена¹, что свидетельствовало о значении, которое придавал русский царь отношениям с Валахией, рассчитывая получать через нее подробные сведения о положении на Балканах, в Османской империи, о военных приготовлениях Порты. В то же время, будучи вассалом султана, валашский господарь опасался за свою судьбу, так как турки могли узнать о его тайных связях с русскими.

В 1700 г. через греческого архимандрита Арсения Брынковяну и валашские бояре Константин и Михаил Кантакузино просили Петра I об охранный грамоте². Царской грамотой от 1701 г. им предоставлялось убежище в Малороссии, если обстоятельства заставят Брынковяну оставить престол³. В апреле 1701 г. валашский господарь благодарил Петра I за проявленное внимание⁴.

Гарантировав себя на случай, если турки лишат его господства, Брынковяну стал более решительным в связях с русскими. Еще в 1700 г., во время пребывания в России Георгия Кастриота, он послал в Москву грека Панагиота Родийского в качестве постоянного резидента Валахии⁵, но, боясь турок, вскоре отозвал его обратно⁶. 9 мая 1701 г. из Валахии прибыл Петр Демьянов с письмами Брынковяну и Константина Кантакузино Ф. А. Головину и гетману Мазепе⁷.

В 1702 г. валашский господарь направил в Россию с дипломатической миссией чауша Давида Корбя, который и стал его постоянным представителем в Москве⁸.

Давид Корбя родился в Трансильвании, в городе Брашове⁹. Отец его, Иоан Корбя, был священником церкви Св. Николая, являвшейся центром православной общины города¹⁰. Незадолго до 1690 г. Давид Корбя вместе со своим братом Федором переехал в Валахию, спасаясь от религиозного гнета Габсбургов, осуществлявших принудительную католизацию в Трансильвании. В Валахии Давид Корбя служил в войсках спафария Михаила Кантакузино¹¹, а брат его Федор был секретарем господарской канцелярии¹². Давид Корбя знал латинский и русский языки, возможно, немецкий и венгерский. Учитывая знание языков, в особенности латыни,

и способности дипломата, Брынковяну использовал его для выполнения различных посольских поручений.

Первая миссия Давида Корбя относится к 1698 г., когда он был послан валашским господарем на коронацию польского короля Августа II¹³. Эта поездка Давида Корбя описана его братом Федором, который помимо дипломатической и переводческой деятельности занимался литературным творчеством, в «Заметках о посольстве старшего моего брата Давида, о его беседе с ротмистром Туркулецом и другими молдавскими ротмистрами и об ответе, полученном по возвращении от короля»¹⁴.

«Заметки...» Федора Корбя, которые румынский историк Панаитеску называет литературно-политическим произведением, представляют собой, по сути дела, докладную записку русскому правительству, в которой выражена идея объединения Молдавского княжества и Валахии под эгидой Брынковяну в целях защиты от Польши, угрожавшей захватом княжеств и введением в них католичества, и сохранения независимости с помощью России¹⁵. Содержание «Заметок...» показывает, что официальная цель посольства Давида Корбя в Польшу была лишь предлогом. В действительности он должен был на месте убедиться в намерениях польского короля относительно княжеств.

Интересно, что в Варшаве Давид Корбя пытался установить связь с Петром I, чтобы просить помощи против опасности польского захвата Валахии и Молдавского княжества. Он тайно сообщил представителю Петра I о польских планах и просил написать об этом императору. Стремясь воспрепятствовать осуществлению этих планов, Давид Корбя вступил в соглашение с Константином Туркульцом и другими молдавскими ротмистрами, находившимися со своими отрядами на службе у польского короля. В разговоре с ними он высказывал мысль о том, что борьба с турками даст желанный результат не с помощью Польши, а с помощью России¹⁶.

Это проявившееся уже в первой дипломатической миссии стремление к сближению с Россией, а также способности дипломата определили решение Брынковяну послать Давида Корбя в Москву. В 1702 г. он прибыл в Москву во главе посольства, в которое входили также его брат Матвей, офицер гвардии Константин, офицер Тимофей и служилые люди¹⁷.

За несколько месяцев до приезда Давида Корбя в Москву в Бухаресте состоялось тайное совещание Константина Брынковяну, стольника Константина Кантакузино, спафария Михаила Кантакузино и иерусалимского патриарха Досифея о создании антитурецкой коалиции всех народов Балканского полуострова¹⁸. О решениях и предложениях этого совещания и должен был сообщить в Москве Давид Корбя. Решения совещания были изложены им в докладной записке из 34 пунктов, поданной в Посольский приказ. Основное содержание их исходило из того, что все балканские народы в своем освобождении надеются на русскую помощь, готовы подняться против турок и перейти на сторону России, как только она начнет войну против султана¹⁹. В решениях указывалось, что мир России с Турци-

ей непрочен и ненадежен, что турки в настоящее время слабы и боятся русских. Поэтому участники совещания предлагали, поскольку настал благоприятный момент, начать войну против турок, заключив мир со Швецией, «буде есть к славе и прибыль его величества»²⁰. Предлагался план военных действий, который должна была осуществить Россия с помощью восставших балканских народов. Этот план повторял основные положения плана, предложенного Петру I Георгием Кастриотом в 1698 г.

Часть войска необходимо было направить для захвата и укрепления Керчи, другую часть — в Очаков и Буджак, чтобы отделить Буджак от Крыма и тем самым облегчить соединение русских войск с валашскими войсками и другими восставшими народами. Для предотвращения действий татар предлагалось сосредоточить часть войска у Перекопа²¹.

В докладной записке Давида Корбя были изложены не только решения совещания. В ней отразилось его стремление помочь православным церквам Трансильвании, притесняемым католиками. В частности, он просил Петра I ходатайствовать перед австрийским императором о разрешении православным церквам, в том числе и брашовской, исповедовать свою веру и о предоставлении им привилегий²². Эти пункты записки, касающиеся просьбы о защите православных церквей Трансильвании, были пересланы русскому послу в Вене П. А. Голицыну для представления австрийским властям²³.

Румынский исследователь К. Шербан считает, что докладная записка редактировалась Давидом Корбя под руководством стольника Константина Кантакузино²⁴. По мнению другого румынского историка Шт. Метеша, записка была составлена и написана Федором Корбя²⁵. В собственноручной приписке в конце подлинника докладной записки Давид Корбя говорит о том, что все вышеизложенное он написал по поручению иерусалимского патриарха Досифея, валашского господаря, братьев Кантакузино и подал в Посольский приказ²⁶. Сравнение почерков подлинника докладной записки и подлинника проезжей грамоты, данной Константином Брынковяну Давиду Корбя 17 октября 1700 г.²⁷, обнаруживает полное сходство. Очевидно, что оба документа написаны одним и тем же лицом, а именно Федором Корбя, секретарем господарской канцелярии. Надо полагать, что Федор Корбя переписал докладную записку по поручению своего брата. Пункты записки, касающиеся просьбы о помощи православным церквам Трансильвании, подтверждают, что она была составлена самим Давидом Корбя.

Занятое в войне со Швецией, русское правительство не могло дать конкретного ответа на предложения валашского господаря и бояр Кантакузино, переданные через Давида Корбя, кроме общего обещания о помощи. Но в перспективе будущей войны с султаном Петр I пожелал иметь через Валахию возможно полные сведения о событиях в Турции. Пребывание Давида Корбя в Москве как постоянного представителя Валахии должно было служить этой цели.

Важное значение для укрепления валашско-русских отношений в начале XVIII в. имело посредничество валашского господара и Кантакузино в поддержании связи между русским правительством и его послами в Константинополе.

Брынковяну и Кантакузино оказывали дипломатическую поддержку и содействие в пересылке корреспонденции Е. Украинцеву, прибывшему в 1700 г. в Константинополь для переговоров по заключению мирного договора России с Турцией на условиях, принятых Карловацким конгрессом 1699 г.²⁸. Письма Е. Украинцева с помощью валашских резидентов доставлялись в Валахию, откуда через послов гетмана Мазепы пересылались русскому правительству. Так, 25 февраля 1700 г. Мазепа сообщал Ф. А. Головину о возвращении из Бухареста своего посла С. Рясновского с письмами Е. Украинцева и валашского господара²⁹. В распросе в Малороссийском приказе С. Рясновский сообщал о помощи, которую оказывают Брынковяну и Кантакузино в установлении связи с Е. Украинцевым³⁰.

Вместе с письмами Е. Украинцева гетманские посланцы доставляли Мазепе письма от Брынковяну, в которых валашский господарь информировал его о положении в Турции, о ходе переговоров Украинцева, о помощи, оказываемой им русскому послу³¹.

Для подтверждения мирного договора, заключенного Е. Украинцевым, в 1701 г. в Турцию был отправлен Д. М. Голицын, имевший через Валахию связь также с русским посланником в Вене П. А. Голицыным³².

По приезде в августе 1702 г. в Адрианополь русский посол П. А. Толстой по старому турецкому обычаю был лишен права сношений с внешним миром³³. В этих условиях связь П. А. Толстого с русским правительством осуществлялась при посредничестве Брынковяну и Кантакузино через специальных валашских послов. 5 ноября 1702 г. Константин Кантакузино писал Давиду Корбю: «И прежде сего через двух гонцов наших присылали к Москве 2 связки писем от посла московского, а ныне третью уже связку посылаем от него же посла с-Бльею, человеком гетманским. А в том опять побежал наскоро от гетмана толмач его Михайло и просил нас, чтоб тотчас отпустить тот связок чрез почту к тому ж послу московскому. И мы, не задержав ни часу, послали к нему тот связок, а Михайла задержали здесь, покамест придет отповедь оттуду, и тогда отпустим его к гетману. А и впредь какие письма с Москвы или от гетмана присланы будут к нам, тотчас отпустим их без задержания, где належаат, не жалея ни людей, ни протори...»³⁴.

17 сентября 1703 г. в Москву прибыл посланный валашского господара капитан Лукьян Трофимов с письмами П. А. Толстого³⁵. В том же году прибыли с письмами Петру I и Давиду Корбю валашские посланцы Федор Корбю и Лукьян Иванов. Федор Корбю был постоянным курьером в переписке Давида Корбю с Брынковяну и боярами Кантакузино³⁶.

В июле 1704 г. письма П. А. Толстого были доставлены в Москву валашским старцем Паисием³⁷. В декабре этого же года письма П. А. Толстому

были отправлены через валашского посланца Константина Прижвани³⁸. В июне 1706 г. Прижвани снова прибыл в Москву с письмами русского посла³⁹. Посланный в июне 1705 г. с письмами П. А. Толстому валашский посланец Василий Васильев возвратился в августе этого же года с ответными письмами⁴⁰. 28 февраля 1706 г. с письмами Брынковяну и П. А. Толстому прибыл в Москву валашский посол Михаил Иванов⁴¹.

Хорошо налаженная связь П. А. Толстого с русским правительством через Валахию была надежнее, чем прямая. В письме Ф. А. Головину от 22 сентября 1705 г. иерусалимский патриарх Досифей советовал для безопасности посылать письма П. А. Толстому только через Валахию⁴². 7 октября 1705 г. К. Брынковяну писал Ф. А. Головину об опасности прямой посылки послов в Турцию с письмами П. А. Толстому⁴³.

Но имея тайные сношения с Москвой в условиях зависимости княжества от Турции, Брынковяну боялся потерять господарский престол, что делало его в некоторых случаях нерешительным. Так, в 1704 г., опасаясь турок, Брынковяну решил отозвать Давида Корбя в Валахию. В письме Ф. А. Головину от 9 сентября 1704 г. он просил ходатайствовать перед Петром I об отпуске чауша, мотивируя тем, что всем стало известно о пребывании резидента валашского господаря в России⁴⁴. Ф. А. Головин ответил на это, что «чауш получил верное благоволение при его царском величестве» и что Петр I просит продлить его пребывание в Москве до удобного момента, когда его можно будет отпустить⁴⁵. Но в ответ на настойчивые требования валашского господаря Давид Корбя был отпущен из Москвы в Валахию⁴⁶.

Петр I личным письмом от 28 февраля 1705 г. извещал Брынковяну об отсылке чауша и просил прислать его обратно в нужный момент, «яко верного и удобного общих с вами дел». Царь благодарил валашского господаря за оказание «к нам паче же христианству попечения» и выражал надежду, «что вы и впредь яко православный не престанете, в чем да поможет вам господь бог; мы же всегда пребываем в непременности к вам»⁴⁷.

Опасения Брынковяну оказались не напрасными. Весной 1706 г. в результате непрестанных интриг между валашским и молдавским господарями он был обвинен в связи с русским правительством и подстрекательстве России к войне с Турцией⁴⁸. Обвинение касалось и иерусалимского патриарха Досифея. Досифей написал письмо русскому послу П. А. Толстому с просьбой о помощи. Толстой ответил, что причина всех осложнений, видимо, в Давиде Корбя, который, «будучи в Москве, поступал в надлежащих ему делах неосторожно», и обещал не оставить это дело без помощи. Но смерть избавила Досифея от тревог⁴⁹. А Брынковяну ценой огромных усилий и больших денежных расходов удалось восстановить доверие турок⁵⁰.

Несмотря на пережитые тревоги, в 1707 г. после настоятельных просьб Петра I и Г. И. Головкина валашский господарь снова отпускает Давида Корбя в Москву.

В 1707 г. в результате происков Карла XII ухудшаются русско-турецкие отношения. После неудачного для русских сражения под Нарвой Карл XII вторгся в Польшу. Принудив польского короля Августа II заключить в сентябре 1706 г. мир и порвать союз с Россией, он возвел на польский престол своего ставленника Станислава Лещинского. С его помощью шведский король прилагал усилия к тому, чтобы склонить к войне с Россией султана и его вассала крымского хана.

В этих условиях Давид Корбя был необходим русскому правительству для укрепления связей с Валахией и другими балканскими народами, для получения подробных сведений о действиях Турции, а также как способный дипломат.

После возвращения валашского чауша в Москву Петр I принял его на свою службу, чтобы обезопасить Константина Брынковяну от подозрений турок и чтобы «беда от противников ваших не приключилась» — писал царь Брынковяну 30 апреля 1707 г.⁵¹. «Патентом» от 20 апреля 1707 г. Давид Корбя получил чин надворного советника⁵². Через несколько дней он был послан с дипломатической миссией к Ференцу Ракоци II, руководителю борьбы против Габсбургов (1703–1711) в Венгрии и Трансильвании⁵³.

По инструкции, подписанной П. П. Шафировым 21 апреля 1707 г., Давид Корбя должен был предложить Ракоци II польский престол в связи с отречением Августа II. Установление союзных отношений с Ракоци II не только усилило бы русское влияние в Польше. Известно, что Франция в интересах своих антигабсбургских планов поддерживала освободительное движение под руководством Ференца Ракоци II. Русская дипломатия рассчитывала через него наладить отношения с Францией и тем самым если не склонить шведского короля Карла XII к миру, то, по крайней мере, значительно ослабить его позиции⁵⁴.

Давид Корбя успешно справился с порученной ему миссией. В июле 1707 г. в качестве русского полномочного он снова был направлен к Ракоци II для переговоров по заключению договора⁵⁵. В письме Г. И. Головкину от 20 июля 1707 г. Давид Корбя сообщал о выполнении возложенного на него поручения⁵⁶. Договор был подписан 4 сентября 1707 г.⁵⁷, уже после смерти Давида Корбя.

Во время переговоров Давид Корбя оказывал содействие Ракоци II в борьбе против Габсбургов⁵⁸. Умер Давид Корбя в Варшаве 11 августа 1707 г. Тело его по приказу Петра I было перевезено в Киев, в Печерскую лавру⁵⁹.

* * *

Особое значение валашско-русские связи приобрели как для России, так и для Валахии в 1707–1710 гг.

К шведским проискам против России в 1707 г. добавились францужско-крымские. Франция не могла допустить поражения своей постоянной союзницы Швеции, а также усиления русского влияния в Польше.

Тем более что после крушения планов 1702–1706 гг., связанных с поддержкой антигабсбургского движения под руководством Ракоци II, у Франции усилился интерес к Польше⁶⁰.

В 1707 г. французский посол в Константинополе Ферриоль, получив от короля предписание поссорить Порту с Россией, вступил в соглашение с крымским ханом⁶¹.

Под давлением Франции хан требовал у султана разрешения выступить против русских⁶². На том же настаивал и французский посол, запугивая Порту возросшим влиянием России и ее связями с угнетенными турками народами, «единообразными в вере»⁶³. В июне 1707 г. в Турцию прибыл посланец Станислава Лещинского и при поддержке французского посла пытался добиться разрешения на выступление татар в помощь Польше против России.

Французские и крымские происки привели к тому, что турецкий султан начал концентрировать войска на границах. Под предлогом перестройки укреплялась крепость Бендеры.

Попытка Франции и крымского хана восстановить Турцию против России были особенно опасны в 1708–1709 гг., когда вся тяжесть Северной войны легла на Россию и русское правительство было заинтересовано в сохранении мирных отношений с Портой. Русская дипломатия через посла в Константинополе П. А. Толстого прилагала усилия к тому, чтобы не дать Карлу XII использовать в войне против России своих потенциальных союзников — султана и крымского хана⁶⁴.

В этих условиях переписка П. А. Толстого с русским правительством через Валахию приобрела исключительно важное значение. Москва ценила услуги Брынковяну и бояр Кантакузино в пересылке корреспонденции и оказывала им большое доверие. Не случайно, что именно в 1707 г., когда под влиянием шведско-крымских интриг обостряются русско-турецкие отношения, Петр I и Г. И. Головкин направили Брынковяну, Константину и Михаилу Катакузино письма с выражением благодарности и надежды, что они и в будущем будут прилагать старания для своевременной пересылки корреспонденции.

Г. И. Головкин в письме от 19 ноября 1707 г. выражал удовлетворение тем, что Брынковяну является надежным «и по единоверию и по склонности вашей». «Хотя и сами ведаем, — писал ему Головкин, — что немалую докуку посылками писем наших в Царьград и другими нашими делами вашему сиятельству трудности приносим. Однако надеемся на ваше сиятельство, что оно во отягощение себе по ревности христианской принять не изволите»⁶⁵. В письме от 30 ноября того же года Г. И. Головкин благодарил валашского господаря за «попечение в пересылке писем его царского величества» и просил «яко друга и рачителя по христианству и впредь благоволите в том продолжати и нас уведомлять о тамошнем состоянии»⁶⁶.

Петр I в письме от 30 июля 1707 г. также благодарил Брынковяну за услуги, которые он оказывал в русско-валашских делах, и усердие в

этом, «надлежащее паче к пользе всего христианства»⁶⁷. Выражая благодарность боярам Кантакузино за их «постоянное и подлинное христианское усердие» в пересылке корреспонденции русского посла, в присылке информации о положении в Турции и в русско-валашских делах вообще, царь писал 30 апреля 1707 г.: «Понеже и прежде о постоянном и подлинном вашем к нам христианском усердии известны есьмы из учиненного устного нам доношения господина Корбя: за что зело благодарны пребываем, и впредь того ж от вас надеемся, что мы забвению не предадим»⁶⁸. Подтверждением того, насколько высоко Петр I ценил заслуги Кантакузино в укреплении валашско-русских связей, является проявленное им участие к судьбе Михаила Кантакузино, лишённого в 1707 г. спафарского чина. Царь направил письмо валашскому господарю с просьбой сообщить о причине случившегося и вернуть Михаилу Кантакузино прежний чин⁶⁹.

Переписка 1707–1708 гг. между Г. И. Головкиным, с одной стороны, Брынковяну и Константином Кантакузино — с другой, свидетельствует о том, что письма П. А. Толстого и ответы ему русского правительства своевременно доставлялись валашскими послами в Москву и Константинополь.

Так, в письме от 5 февраля 1707 г. Брынковяну сообщал Г. И. Головкину об отсылке его писем П. А. Толстому в Константинополь⁷⁰. Константин Кантакузино, сообщая Г. И. Головкину 30 июля того же года о посылке ему писем русского посла из Константинополя, просил известить, доходят ли в целости и без задержки письма П. А. Толстого, посылаемые в Москву через валашских послов, «как мы их отсюда посылаем со всяким усердием и радением к сиятельству вашему»⁷¹. В этом же письме Константин Кантакузино извещал Головкина о получении его писем, адресованных Толстому, и о немедленной отсылке их в Константинополь⁷². 22 августа Г. И. Головкин отвечал валашскому стольнику с благодарностью за то, «что и письма належашая к послу, как ево к нам, так и наши к нему пересылаютца без замедления»⁷³. Брынковяну и Константин Кантакузино в письмах 1708 г. также сообщали о своевременной пересылке корреспонденции между П. А. Толстым и русским правительством⁷⁴. Брынковяну и Константин Кантакузино оказывали русскому послу в нужный момент и дипломатическую поддержку. В октябре 1702 г. голландский резидент сообщал из Константинополя о связях русского посла с валашским капукегаем⁷⁵. Константин Кантакузино в 1704 г. предупредил П. А. Толстого о польско-шведских происках в Крыму и тем самым помог ему обезвредить их⁷⁶. В 1707 г., когда Франция через крымского хана пыталась восстановить Турцию против России, П. П. Шафиров просил Брынковяну и Кантакузино помочь Толстому преодолеть франко-крымские интриги⁷⁷.

В необходимых случаях русский посол получал от Брынковяну и Константина Кантакузино и денежную помощь. В письме Ф. А. Головину

от 17 января 1704 г. валашский господарь сообщал о помощи П. А. Толстому деньгами в размере 30 тыс. ефимков⁷⁸. П. П. Шафиров и Г. И. Головкин в мае 1707 г. сообщили П. А. Толстому о том, что ими написаны письма валашскому господарю и стольнику с просьбой о помощи русскому послу. В случае, если негде будет достать денег, писали Шафиров и Головкин Толстому, «то извольте, что потребно, ежели конечная нужда требовать будет, занять у сих»⁷⁹.

В январе 1708 г. П. А. Толстой получил личный указ Петра I с поручением назначить 3–4 тыс. венецианских червонцев за обязательство предупредить о турецком решении начать войну против России⁸⁰. В это же время Г. И. Головкин направил Брынковяну письмо, в котором просил оказывать русскому послу в Константинополе всяческую помощь и поддержку, а в случае необходимости дать ему займы денег⁸¹. В ответ на просьбу Головкина валашский господарь писал: «О сем паки изволь ведать высочество ваше, что потшуся помогать и работати елико возможно в делах и указах великого монарха»⁸². 20 февраля 1708 г. П. А. Толстой через валашского капугеая получил от Брынковяну необходимые 4 тыс. червонцев⁸³. Толстой направил валашскому господарю письмо с благодарностью за то, что «в нужное сие время изволил ваша светлость толикое учинить споможение и ссуду»⁸⁴.

Русское правительство благодарило Брынковяну и Константина Кантакузино за оказанные П. А. Толстому услуги и выражало надежду, что русский посол и в будущем будет иметь их поддержку. 30 июня 1708 г. Г. И. Головкин писал валашскому стольнику, что 4 тыс. червонцев будут с благодарностью возвращены Брынковяну⁸⁵.

Важное значение для укрепления валашско-русских отношений в начале XVIII в. имела переписка Брынковяну и Константина Кантакузино с русским правительством. Она была связана не только с пересылкой корреспонденции между русским правительством и П. А. Толстым, но и с сообщением ценных для России подробных сведений о действиях Порты, о положении на Балканах.

В своих письмах Брынковяну и Кантакузино сообщали о внутреннем положении в Османской империи и ее отношениях с европейскими странами, о тяжести турецкой зависимости для жителей Молдавского княжества и Валахии, о настроениях всех балканских народов, о стремлении их освободиться с помощью русских.

Сведения о действиях Порты, получаемые от Константина Кантакузино и Брынковяну, приобрели особое значение для России в 1707–1708 гг., когда главной ее внешнеполитической задачей было сохранение мирных отношений с Турцией.

В европейских дипломатических кругах в 1707 г. распространялись слухи, что шведский король Карл XII и его польский ставленник Станислав Лещинский заключили союз с турецким султаном, что Порта проводит военные приготовления, укрепляет пограничные крепости.

Обеспокоенные русские дипломатические представители в Гааге и в Вене сообщали об этом в своих донесениях русскому правительству.

Петр I с большим доверием относился к сведениям, получаемым из Валахии. Узнав в ноябре 1707 г. об укреплении турками крепости Бендеры, царь поручил Г. И. Головкину проверить достоверность этих сведений через валашского господаря и Константина Кантакузино⁸⁶.

Выполняя поручение Петра I, Головкин в январе 1708 г. сообщал валашскому господарю, что им получены сведения о турецких военных приготовлениях, в частности об укреплении крепости Бендеры, о переговорах султана со шведским королем и Станиславом Лещинским. Головкин просил Брынковяну: «...чтоб изволили вы к нам отписать, подлинно то или неподлинно, дабы мы знали для безопасности своей и могли учинить такое предуготовление заранее»⁸⁷. С такой же просьбой Г. И. Головкин направил письмо и Константину Кантакузино⁸⁸. В ответ на эту просьбу Брынковяну и Константин Кантакузино в целом ряде писем подробно излагали получаемые от своих резидентов из Константинополя сведения по всем вопросам, интересующим русское правительство.

Информации из Валахии подтверждали слухи о турецких военных приготовлениях. Константин Кантакузино сообщал о посылке султаном указов «по разным местам к пашам для сбора провиантов, а также б и войска были тотчас в сборе»⁸⁹. Валашский стольник подтверждал также и укрепление турками в военных целях пограничных крепостей Бендер, Очакова и др.⁹⁰.

Константин Кантакузино и Брынковяну в своих письмах подробно останавливались на отношениях шведского короля и Станислава Лещинского с турецким султаном. 13 января 1708 г. валашский стольник писал о том, что Станислав Лещинский от своего имени и от имени шведского короля направил в Константинополь посла, чтобы склонить Порту к признанию Лещинского королем⁹¹. Константин Брынковяну 23 марта 1708 г. сообщал о посылке к шведскому королю и Станиславу Лещинскому турецкого посла, который по возвращении заявил о желании Карла XII иметь союз с Турцией и о его готовности прислать своего резидента в Константинополь⁹².

В действительности турки не посылали своего посла к шведскому королю и Станиславу Лещинскому. В 1708 г. силистрийский сераскер Юсуф-паша получил у султана разрешение направить посла в Венгрию и Польшу с осведомительными целями. Современные событиям дипломаты ошибочно приняли агента Юсуф-паши, приехавшего в шведскую ставку осенью 1707 г., за турецкого посла⁹³.

Сообщения из Валахии от мая—июня 1708 г. убедили русское правительство в том, что кроме укрепления пограничных крепостей Порты не проводит никаких военных приготовлений. Брынковяну писал, что желание Лещинского и шведского короля, «чтоб турки дали им помочь... не исполнилось», «того ради кажется, что турки мир с великим государем никаким образом не желают нарушить»⁹⁴.

Русское правительство было удовлетворено теми сведениями, которые оно получило из Валахии. В марте 1708 г. Г. И. Головкин благодарил Брынковяну и Константина Кантакузино за обстоятельные ответы на интересующие его вопросы. Он писал валашскому господарю: «Видя на вопросы наши и сумнительства (которые мы от иностранных дворов было восприяли) довольно истолковательные вашего высочества ответы и решения, попремногу радуемся и высочеству вашему благодарим»⁹⁵.

Петр I приказал послать в подарок Брынковяну и боярам Кантакузино соболя меха⁹⁶. В письмах от июня 1708 г. валашские бояре и господарь благодарили Петра I и Г. И. Головкина за получение соболей и заверяли в своей готовности и в будущем служить русскому правительству⁹⁷.

Потерпев поражение под Полтавой (1709), шведский король Карл XII и Мазепа с остатками разбитых войск укрылись недалеко от Бендер, получив защиту и покровительство турецкого султана. Подстрекаемая шведским королем и англо-французскими дипломатами Порта начала приготовления к войне с Россией.

Брынковяну и Константин Кантакузино сообщали русскому правительству об укреплении турками пограничных крепостей — Бендер, Очакова, Измаила и других и концентрации в них турецких войск⁹⁸. «Новых янычар собирают, — писал Константин Кантакузино Г. И. Головкину 16 июня 1709 г., — для посылки в Анатолию, ядра готовят в Царьграде. Кроме того, собираются турки послать суда в Очаков для охраны от прохода русских судов». Валашский стольник доносил, что турецкий султан издал указ о посылке в Россию человека для получения сведений о состоянии русских дел⁹⁹.

Русское правительство, стремившееся воспрепятствовать использованию Карлом XII султана в качестве своего союзника, придавало большое значение сведениям о турецких действиях, получаемым в 1709 г. из Валахии.

Выражая радость по поводу победы русской армии под предводительством Петра I над шведскими войсками под Полтавой и рассчитывая на возможность русско-турецкой войны, Брынковяну и Константин Кантакузино заверяли русское правительство в том, что не только жители Валахии и Молдавского княжества, но все угнетенные султаном балканские народы надеются на освобождение с помощью России и ждут прихода русских войск, чтобы соединиться с ними. 28 июля 1709 г. валашский господарь в письме Г. И. Головкину сообщал о приезде в Валахию сербского генерала Текели, который заявил, что в случае войны России с Турцией сербы в количестве 30—40 тыс. человек готовы выступить навстречу русским войскам¹⁰⁰. Константин Кантакузино высказывал готовность любым способом и средствами служить «священному и державному его величеству». «Его же, освободителя и спасителя от нечестивых всего православного рода, — писал он, — молимся вси купна и просим распростертыми руками и слезами»¹⁰¹.

Турция, встревоженная победой русских под Полтавой, особенно опасалась тяготения Валахии и Молдавского княжества к России. Хотя связи Брынковяну с Россией были тайными, в Константинополе подозревали о них.

Французский посланник в Турции Ферриоль в письме королю от 22 ноября 1709 г., извещая о свержении молдавского господаря Михаила Раковицы с престола за связи с Россией, замечал, что следовало бы поступить так же и с господарем Валахии¹⁰². Шведский король сообщал туркам, «что мунтении (валахи. — Л. С.) хорошие друзья с москалями и обо всем им пишут, что видят и слышат в Порте»¹⁰³. Крымский хан, завладевший архивом Мазепы¹⁰⁴, прямо говорил султану, что «Брынковяну, господарь мунтянский, богатый и сильный, имеет много войска, с давних пор хороший друг москалей»¹⁰⁵. 24 января 1711 г. французский посол в Константинополе Дезальер писал королю о прибытии из Москвы посла венгерского князя Ракоци Талаба и о полученных от него сведениях относительно переговоров валашского господаря с Петром I после победы русских под Полтавой¹⁰⁶.

Стремясь к укреплению своего влияния в княжествах, турки решили сместить Брынковяну с престола, уличив его в связях с русскими. Хронист Некулче рассказывает, что с этой целью они посадили на молдавский престол его врага Димитрия Кантемира с заданием схватить Брынковяну в нужный момент, пообещав за это валашский престол. По совету Кантемира великий везир решил испытать валашского господаря, потребовав с него 500 кошельков бань. Брынковяну, «как человек с умом», пишет Некулче, без возражений согласился уплатить эту сумму, но не сразу, а, ссылаясь на истощение страны, в течение 5 месяцев, решив, что за это время придут «москалии»¹⁰⁷.

Таким образом, Брынковяну, догадываясь о подозрениях турок, занял выжидательную позицию, прикинувшись послушным турецким подданным, но не прекратив, однако, своих тайных связей с Россией.

К 1710 г. между Россией и Турцией назревала война. Победа русской армии под Полтавой вызвала тревогу в Константинополе. Порта опасалась, что Россия, одержав победу над Швецией и устроив свои дела в Польше, объявит ей войну. Эти опасения были на руку Карлу XII. Он послал султану письмо, в котором, пугая возрастающим могуществом России, предлагал заключить турецко-шведский союз и предоставить ему отряд турецкой конницы для действий «против Московии»¹⁰⁸. Султан ответил уклончиво на это предложение. Тогда Карл XII послал в Константинополь своего поверенного Станислава Понятовского с целью склонить Порту к разрыву мира с Москвой.

Русские успехи в Северной войне вызвали беспокойство и среди западных дипломатов, которые тоже подстрекали Турцию к войне с Россией. Намечившееся кратковременное франко-русское сближение в условиях роста международного авторитета России после Полтавской победы и военных неудач Франции в 1709 г. сменилось охлаждением. Французское

правительство склонялось к союзу со Швецией¹⁰⁹. Дезальер сотрудничал со шведским поверенным Понятовским, оказывал ему денежную поддержку и «Порту побуждал к разрыву мира с Россией»¹¹⁰. Объявление Турцией войны России было встречено во Франции с воодушевлением¹¹¹.

Особое рвение к разжиганию войны проявляла Англия, стремившаяся отвлечь русские войска с севера, не допустить их вступления в шведские владения на территории Германии и тем самым ослабить действия других участниц Северного союза (Дании, Польши). Кроме того, война России с Турцией обеспечила бы спокойный тыл для Австрии, союзницы морских держав в войне за Испанское наследство¹¹². Все же, несмотря на происки шведского короля и западных дипломатов, П. А. Толстому удалось в ноябре 1709 г. возобновить тридцатилетний мир России с Турцией. При этом было принято условие, что Карл XII немедленно должен оставить Бендеры.

Разгневанный таким оборотом дела, Карл XII усилил свои происки в Турции. В результате этих происков был свергнут Али-паша и на пост великого везира назначен Балтаджи Мехмет-паша, который повел дело к разрыву с Россией. Период пребывания Балтаджи на посту великого везира характеризуется усилением воинственных антирусских настроений. Порта зарилась на украинские земли. Сильны были в Турции и реваншистские настроения — желание отобрать у России Азов.

Русское правительство было заинтересовано в сохранении мира с Турцией, так как считало необходимым в первую очередь решить балтийскую проблему.

17 июля 1710 г. Петр I направил турецкому султану послание, в котором обращал внимание на неисполнение условий недавно возобновленного мирного договора. Царь указывал, что Карл XII не только не выслан из пределов Турции, но в Бендерах концентрируются турецкие и татарские войска и что сам султан благодаря наущничеству короля намерен нарушить мир и объявить войну¹¹³. Но ответа Петр I не получил. Русские курьеры, посланные в Турцию, были арестованы турецкими властями в Молдавском княжестве и посажены в «земляные тюрьмы», где они и находились до заключения Прутского мира в 1711 г.¹¹⁴.

Не получил Петр I ответа и на второе свое послание от 18 октября, в котором решительно писал султану, что если Турция не намерена исполнять условий мира, то «не можете нам принять за зло, что принуждены будем и мы в свое безопаствие войска наши к границам приближать и всякое воинское предуготовление чинить и с союзником своим королем польским Аугустом и всей при нем сущею Речью Посполитою намерения свои к пресечению против нас таковых неприятельских замыслов воспринимать будем»¹¹⁵. Гонцы, везшие эту грамоту, были схвачены сподручными Понятовского и Дезальера.

Турция начала готовиться к войне. Валашский господарь Константин Брынковяну в письме Г. И. Головкину от 2 января 1710 г. сообщал об

открытых военных приготовлениях Порты. Что турки «военные приготовления чинят, явно то всем, — писал Брынковяну, — потому что провиант и запасы в некоторых местах подунайских собирают»¹¹⁶. Об этом валашский господарь сообщал и в письме киевскому губернатору князю Д. М. Голицыну от 13 января 1711 г.¹¹⁷.

Положение П. А. Толстого в Константинополе стало невыносимым. В своем донесении от 10 ноября 1710 г. он писал, что турецкие власти «завтра или послезавтра» его «запрут и оберут совсем»¹¹⁸.

20 ноября 1710 г. в Константинополе было официально объявлено о начале войны с Россией. П. А. Толстой был арестован и брошен в тюрьму¹¹⁹. В Петербурге официальное сообщение об объявлении Турцией войны России было получено 22 декабря 1710 г. Русское правительство приняло ряд мер по подготовке к войне. Но, стремясь к сохранению мира с Турцией, Петр I направил султану 6 января 1711 г. еще одну грамоту¹²⁰. Ответа также не последовало. 25 февраля в Москве в Успенском соборе был публично оглашен царский манифест о разрыве мира с Турцией и начале войны¹²¹.

В начавшейся войне русское правительство возлагало большие надежды на восстание угнетенных турками народов Балканского полуострова. В манифесте об объявлении войны подчеркивалось, что турки угрожают не только России, но и всем христианским народам — грекам, молдаванам, болгарам, сербам и др.¹²².

В мае 1710 г. в Москву прибыл сербский сотник Богдан Попович с просьбой принять сербов в русское подданство¹²³. Серб Савва Рагузинский, находившийся на русской службе, и его агенты весной 1711 г. распространяли манифесты Петра I с призывом восстать и принять участие в борьбе против Турции. Под влиянием этих манифестов среди турецких сербов развернулось широкое повстанческое движение, которое к лету 1711 г. насчитывало в своих рядах до 30 тыс. человек¹²⁴.

Непосредственными союзниками России в этой войне были Молдавское княжество и Валахия. 13 апреля 1711 г. Петр I заключил с молдавским господарем договор о союзе и совместной борьбе против Турции, зафиксированный в «Дипломе и пунктах» Димитрию Кантемиру¹²⁵. Такой же договор Петр I надеялся заключить и с валашским господарем Константином Брынковяну¹²⁶.

8 мая 1711 г. был объявлен царский манифест к правителям и жителям Молдавского княжества и Валахии с призывом объединиться с русскими войсками для освобождения от турецкой зависимости. Подчеркивалось, что русское правительство не будет требовать за это «какой-либо корысти и самовластия», а оставит каждый народ «под прежними начальники» и будет содержать под своим протекторатом как вольные и союзные народы¹²⁷.

План военных действий, намеченный Петром I в войне с Турцией, заключался в том, чтобы форсировать Днестр и опередить турок, не дав им перейти Дунай. Переправа через Дунай и вступление султанских сил пер-

выми на территорию княжеств лишали русские войска не только военного подкрепления, обещанного господарями, но и пополнения продовольствия и фуража. Несмотря на исключительное внимание, уделяемое русским командованием подготовке продовольственной базы предстоящего похода¹²⁸, большие надежды возлагались здесь на поддержку со стороны молдавского и валашского господарей. Но русские войска под командованием Б. П. Шереметева продвигались медленно. Выступив из Риги 11 февраля 1711 г., они лишь 9 апреля прибыли в Луцк¹²⁹. После свидания с царем в Луцке Шереметев получил задание, чтобы компенсировать потерянное время, оставить главные силы и двигаться с 13 драгунскими и 2 пехотными полками к границам Молдавского княжества с целью поднять местное население и захватить переправы через Дунай.

В «пунктах», посланных Б. П. Шереметеву и В. В. Долгорукому из Яворова 7 мая 1711 г., Петр I, объясняя необходимость быстрейшего продвижения к Дунаю, писал, что вступление русских войск в Молдавское княжество и Валахию побудит их жителей, сербов и другие балканские народы восстать против турок и соединиться с русскими частями¹³⁰. Он приказал Шереметеву послать человека к молдавскому господарю для соединения его с русскими войсками, разослать жителям княжества листы, указы. «Також послать, — писал Петр I, — и к мультянскому господарю и писать от себя ко оному и Кантакузиным по совету Рагузинского, желая того же совокупления с войсками и присылки наперед верной особы для советов и согласия»¹³¹. Петр I в «пунктах» Б. П. Шереметеву подчеркивал необходимость привлечения на свою сторону угнетенных турками народов, давая им жалование и запрещая разорять жителей, брать деньги, хлеб и «живность»¹³².

30 мая Шереметев с кавалерийскими полками перешел Днестр под местечком Рашковом¹³³.

Между тем турки в конце мая навели мосты через Дунай, но великий везир медлил с переправой, напуганный сообщениями о численном превосходстве русских войск и переходе на их сторону молдавского господаря¹³⁴.

Шереметев, получив сведения о сосредоточении турок на Дунае, пошел, вопреки ранее намеченному плану, не к Дунаю, а к Пруту, ожидая подхода основных сил русской армии¹³⁵.

Сразу же после переправы через Днестр Шереметев направил в Яссы бригадира Г. И. Кропотова с 3 тыс. драгун, Апостола Кигеча во главе полка молдаван (около 500 человек), находившихся на русской службе¹³⁶. 1 июня Г. И. Кропотков был у Прута. В Загаранче его встретил Димитрий Кантемир¹³⁷. После встречи с Кропотовым Кантемир разослал по всем уездам царские универсалы и специальный манифест, призывавший жителей к вооруженному восстанию против турок¹³⁸. Об этом он сообщил Шереметеву в своем письме от 2 июня 1711 г.¹³⁹

Шереметев прибыл к Пруту 5 июня, а на следующий день его встречал в Цуцоре Кантемир со своими боярами¹⁴⁰. 13 июня к Днестру, в

район Сороки, к населенному пункту Еланц, подошли основные силы русской армии¹⁴¹. С 17 по 19 июня все русские части перешли Днестр и направились к Пруту¹⁴².

Вступление русских войск на территорию Молдавского княжества, воззвание Петра I и Кантемира к населению с призывом восстать против турок вызвали огромный патриотический подъем среди жителей. Во время форсирования русскими войсками Днестра на борьбу за освобождение от султанского гнета поднялись молдавские крестьяне, ремесленники, мелкие купцы, служилые люди. «Все жители Оргеевского, Сорокского и Лапушнянского уездов» восстали против турок, — отмечает летописец Некулче¹⁴³. Царские воззвания призывали жителей княжества вступить в русские войска и без боязни продавать им свои продукты¹⁴⁴. Как повествует Некулче, в русскую армию шли «сапожники, портные, землекопы, трактирщики, батраки»¹⁴⁵. В военной сводке штаба действующей армии от 31 мая 1711 г. сообщалось, что «волохи к нашим беспреестанно приходят и с великим доброжелательством и желанием»¹⁴⁶. По свидетельству летописца, через 15 дней после распространения манифеста Кантемира на военной службе уже состояли 17 полковников и 170 ротмистров со своими подразделениями, в которых должно было быть по 100 человек, но они еще не были полностью сформированы¹⁴⁷.

Вступившие в 1711 г. на русскую военную службу составляли полки так называемых «новозатяжных волохов», среди которых источники называют полки Накула, Киржева, Абазина и др.¹⁴⁸. Наряду с существовавшими еще ранее молдавскими полками русской армии, такими как полки Василия и Ионицы Танских, Апостола Кигеча, Иваненка и др.¹⁴⁹, они плечом к плечу с русскими боролись в 1711 г. против турок¹⁵⁰.

Поход русской армии от Днестра к Пруту проходил в труднейших условиях. Обнаружились продовольственные затруднения, русские войска шли через опустошенную молдавскую землю, где не было не только продовольствия, но и питьевой воды.

В этот момент особенно остро встал вопрос о переходе Валахии на сторону России. С дороги из Сорок к Пруту 21 июня Петр I писал Б. П. Шереметеву о необходимости послать в Валахию 3 тыс. «регулярной кавалерии и сколько пристойно нерегулярной» и написать с ними государю и боярам Кантакузино, «призывая их, чтоб по обещанию своему к нам пристали. А меж тем велеть купить провианту». На случай, если не будет продовольствия, царь предписывал просить валашского государя и бояр Кантакузино о покупке скота и послать им для этого деньги¹⁵¹.

Петр I понимал всю серьезность положения с продовольствием в русской армии, поэтому считал возможным, в случае если валашский государь откажется присоединиться к русским, самовольно отбирать хлеб и скот в Валахии, но ничего другого грабить не разрешал. В том же письме от 21 июня он писал Шереметеву: «Буде же станут мултяны отговариватца, что не могут пристать, то объявить, что мы ис того увидим их

самое неприятство, и велеть в таком случае тому командиру, посылая, брать самим в Мултянской земле хлеба и скота, сколько могут получить безденежно, только чтоб иного ничего не грабили»¹⁵².

Еще 7 мая 1711 г. валашский господарь покинул Бухарест и в ожидании прихода русских войск на территорию Валахии расположился со своим войском в лагере Урлац, в районе Альбешти¹⁵³.

Переход Димитрия Кантемира на сторону русских поставил Брынковяну в затруднительное положение. Считая Кантемира своим врагом и зная о цели, с которой турки посадили его на молдавский престол, он стал более осторожным. Поэтому Брынковяну с недоверием отнесся к письму Кантемира с предложением перейти на сторону русских и присланному через него письму фельдмаршала Б. П. Шереметева. В письме Б. П. Шереметеву и С. Рагузинскому от 2 июня Кантемир сообщал, что письмо валашскому господарю, переданное через Кропотова, он отослал и сам ему написал. Кантемир просил Б. П. Шереметева написать повторно Брынковяну, «дабы немедленно и он свое обещание исполнил и с нами соединился»¹⁵⁴.

Брынковяну хотел сам через своего посла установить связь с русскими, но не мог этого сделать, так как турки внимательно следили за его поведением.

Между тем турецкий султан через иерусалимского патриарха предложил валашскому господарю быть посредником в русско-турецких мирных переговорах. Вступление русских войск на территорию Молдавского княжества и переход его во главе с Кантемиром на сторону русских вызвали тревогу в Константинополе. Турецкий султан боялся, пишет Некулче, «что христианские народы всех областей могут восстать против него»¹⁵⁵. Как сообщает летописец, султан направил письмо иерусалимскому патриарху Хрисанфу с просьбой написать своему приятелю Брынковяну и «старому приятелю москалей», чтобы он послал человека к русским с предложениями мира от турецкого султана. По свидетельству Некулче, для посреднических переговоров о мире Брынковяну направил в Яссы к русскому императору комиса Македона¹⁵⁶. Валашский хронист Раду Гречану указывает, что с этой целью Брынковяну послал в Яссы Георгия Кастриота¹⁵⁷. Русские источники тоже называют Георгия Кастриота, прибывшего с предложением мира по поручению султана¹⁵⁸. Возможно, что турки предложили России мир через Брынковяну с целью испытать его верность. Поэтому для своей безопасности он послал в Яссы Кастриота под псевдонимом Македона. Это было необходимо и потому, что валашский господарь поручил Кастриоту не только посреднические переговоры от имени султана. Русские источники указывают, что Кастриот объявил о мирном предложении турецкого султана «между иными прошениями»¹⁵⁹.

Каковы были эти «прошения», неизвестно, но цель их и самого посольства Кастриота к русскому правительству выясняется из письма Брынковяну Кастриоту от 7 июля 1711 г. В этом письме валашский гос-

подарь писал, что он надеялся через посольство Кастриота «с радостью видети такого приближения, через что дабы и корреспонденцию чащее нам иметь, получая наставления от вас полезныя»¹⁶⁰. На основании этого можно полагать, что через Кастриота Брынковяну пытался установить постоянную связь с русскими. Русское правительство отклонило мирные предложения турецкого султана, «что тогда частию не поверено, паче же того ради не принято, дабы не дать неприятелю сердца»¹⁶¹.

Нерешительная, выжидательная позиция Брынковяну была использована боярской партией Кантакузино, стремившейся захватить господарский престол. Спафарий Фома Кантакузино вместе с группой преданных ему бояр и служилых людей бежал из лагеря Урлац к русским. Вначале, в течение четырех—пяти дней, он находился в обозе Шереметева в Цуцоре, а затем в Яссах, после прибытия туда Петра I¹⁶².

Как велика была группа бежавших с Фомой Кантакузино к русским? Румынский историк А. Д. Ксенопол указывает, что с Фомой было 70 человек¹⁶³. По-видимому, эта цифра преувеличена. Английский посланник Суттон сообщал из Константинополя, что Фома Кантакузино перешел на сторону русских со своими людьми в количестве 40—50 человек¹⁶⁴. При устройстве же на русскую службу в 1712 г. Фома Кантакузино объявил при себе 31 человека¹⁶⁵. Надо думать, что цифра, названная Суттоном, близка к истине. Валашские источники содержат данные о круге лиц, перешедших в 1711 г. вместе с Фомой Кантакузино на сторону русских войск и составлявших группу близких ему бояр и служилых людей. Хронист Раду Гречану повествует, что Фома бежал к «москалям», сопровождаемый чаушем Киня, двоюродным братом Гаврилой Другенеску, логофетом Федором Корбя, братом Давида Корбя, капитаном Михалаком, несколькими служилыми людьми¹⁶⁶. Запись от 1 августа 1717 г. боярыни Марии и детей ее Ионицы и Антона о продаже епископии части своего поместья в Бузеу упоминает Лаудата, бывшего «с Фомой у москалиев»¹⁶⁷. Очевидно, Лаудат, ватаф Бузеу, был среди тех служилых, бежавших с Фомой Кантакузино, о которых говорит Гречану.

Некулче рассказывает, что, прибыв в Яссы к Петру I, Фома Кантакузино стал обвинять Брынковяну в невыполнении взятых им перед царем обязательств по подготовке продовольствия и войска для соединения с русскими, в тайных замыслах подчиниться немцам в случае победы русских над турками. По свидетельству летописца, Фома Кантакузино говорил Петру I, что все жители Валахии готовы соединиться с русскими войсками, только Брынковяну этому препятствует и задерживает 18 тыс. сербов, которые хотят перейти на службу к русским. Далее Некулче повествует о том, что Фома Кантакузино попросил войска для похода к Браиле, так как, по его мнению, узнав об этом, весь народ и все войско соберется здесь и таким образом Брынковяну будет изолирован, а он, Фома, забрав припасы, заготовленные турками в районе Браилы, выйдет с войском навстречу русскому императору в Фальчи¹⁶⁸.

Интересно замечание Некулче, отрицательно относившегося к Брынковяну и с симпатией — к Фоме Кантакузино, о том, что Фома «бежал в Яссы, к московскому императору, рассчитывая стать господарем Валахии вместо Брынковяну»¹⁶⁹. Гречану, враждебно настроенный к Кантакузино, указывает, что между Кантакузино и русскими существовало тайное соглашение после победы над турками передать валашский престол Кантакузино¹⁷⁰.

Из замечаний этих двух хронистов, противоположно настроенных по отношению к Фоме Кантакузино, ясно одно: Фома Кантакузино стремился использовать сложившуюся в Валахии обстановку для захвата господарского престола¹⁷¹.

В России не могли не догадываться о его намерениях. В письме Петру I от 22 июня 1711 г. Б. П. Шереметев писал о Фоме Кантакузино: «Не в указ доношу: надлежит из ево поступок довольно предувидеть, не трактует ли своего партикулярного интересу, чтоб через оное не озлобить господаря мултянского...»¹⁷². Вполне понятно, что Фома Кантакузино представил русскому правительству политику Брынковяну в неприглядном свете. Обвинение валашского господаря в том, что он препятствует 18-ти тыс. сербов присоединиться к русским войскам, было необоснованным. Движение такого числа сербов не могло ускользнуть от внимания габсбургских властей, которым удалось раскрыть намерения сербских добровольцев и арестовать их руководителей¹⁷³.

Нет данных, говорящих о существовании какого-либо соглашения между Петром I и боярами Кантакузино о передаче им престола после освобождения Валахии, как утверждает Раду Гречану, но ясно одно, что нерешительная политика Брынковяну в отношении открытого перехода на сторону русских, противоречия его с Кантакузино и, наконец, прибытие Фомы Кантакузино с группой бояр и служилых в лагерь Петра I отрицательно сказались на отношении русских к валашскому господарю.

В письме адмиралу Ф. М. Апраксину 30 июня П. П. Шафиров писал, что к Браиле отправлен корпус К. Ренне, «дабы тем народ мултянский скорее к стороне нашей привлечь, а ежели господарь тамошний, как выше означено, противен тому явится, то велено ему позволение дать народу обрать вместо него иного господаря»¹⁷⁴. Несомненно, что на отношение русских к Брынковяну оказал влияние и Фома Кантакузино. Об этом свидетельствуют записи в Походном журнале Петра I за 1711 г. о приезде спафария Фомы Кантакузино в Яссы, «со объявлением своей и всего мултянского народа к его царскому величеству верности, что сколь скоро войска его царского величества к ним приблизятся, то они тотчас ко оному пристанут. А о господаре мултянском сказывал оный, что он, паче чаяния, в подданстве его царскому величеству весьма медлит и некоторые отговорки оттого и несклонность являет, понеже зело богат и не хочет себя в трудности и опасности вдавать...»¹⁷⁵.

Однако после открытого перехода Фомы Кантакузино в русский лагерь Брынковяну не прекратил своих связей с русскими, как утверждают румынские историки А. Д. Ксенопол и К. Джуреску¹⁷⁶. Петр I надеялся привлечь на свою сторону в борьбе с Турцией валахов и валашского господаря и пополнить в Валахии продовольствие для армии. С этой целью был снаряжен специальный корпус в район Браилы. Действия этого корпуса имели большое значение для развития валашко-русских связей в 1711 г.

* * *

Выехав 19 июня из Сорок на Днестре, Петр I достиг 24 июня Загранчи на реке Прут и, отправив войско к Цуцоре на соединение с Шереметевым, переправился через Прут в Яссы¹⁷⁷, где был торжественно принят Димитрием Кантемиром, молдавским боярством, духовенством и жителями княжества¹⁷⁸. Сюда же прибыли Фома Кантакузино и Георгий Кастриот от валашского господаря¹⁷⁹.

28 июня в Яссах состоялся военный совет для обсуждения вопроса о дальнейших действиях в связи с продовольственными затруднениями, поскольку обнаружилось, что в разоренном турками Молдавском княжестве трудно пополнить провиант для армии¹⁸⁰. Отклонив мнение иностранных генералов, предлагавших отступить к Днестру, Петр I приказал продолжать наступательные действия, основываясь на показаниях Димитрия Кантемира, Фомы Кантакузино и Георгия Кастриота, которые сообщили, что за рекой Сирет, около Браилы, турки собрали большие склады продовольствия¹⁸¹. С другой стороны, это решение было вызвано стремлением привлечь на свою сторону Валахию. Сам Петр I впоследствии писал в «Истории Свейской войны», в разделе о Прутском походе, что «сей марш зело отчаянно учинен для обнадеживания господаря мултянского»¹⁸².

Было принято решение отправить генерала Ренне, бригадиров Чирикова и Кропотова с кавалерийским корпусом из 8 полков в 5600 драгун¹⁸³ для захвата провианта, заготовленного турками в Валахии в районе Браилы. Но задачи корпуса Ренне этим не ограничивались. Необходимо было захватить и разрушить мост через Дунай у населенного пункта Исакча, чтобы лишить султанские войска возможности отступления через Дунай или получить новые подкрепления из Турции, поднять валахов против турок и укрепить отношения с валашским господарем. П. П. Шафиров писал адмиралу Ф. М. Апраксину 30 июня, что корпус Ренне пойдет к Браиле, чтобы «туда посылкою как мултян привлечь, так и провианту на армию получить возмощи»¹⁸⁴. После выполнения возложенных на него задач Ренне должен был встретиться в Галаце с основными силами русской армии, которая для прикрытия действий корпуса Ренне должна была, перейдя Прут, двигаться вдоль реки к Галацу¹⁸⁵. 30 июня Ренне и Чириков оставили главные силы русской армии¹⁸⁶ и направились к реке Сирет. Вместе с ними были Фома Кантакузино и полк молдаван во главе с Кропотовым¹⁸⁷.

После перехода реки Сирет корпус Ренне направился в Фокшаны, откуда рассылал к жителям Валахии царские манифесты «за подписанием его величества собственныя руки и печатью»¹⁸⁸ с призывом восстать против турок, перейти на сторону России и помочь в снабжении русской армии продовольствием. Как повествует хронист Раду Гречану, такой манифест был доставлен тайно валашскому митрополиту Антиму Ивериану знаменосцем Власием¹⁸⁹. Из Фокшан Ренне направился к монастырю Максинень, где, по имевшимся у него сведениям, находился один из больших продовольственных складов турок. Однако по прибытии в монастырь было установлено, что за несколько дней до прихода русского корпуса склад был эвакуирован в Урлац¹⁹⁰.

Крепость Браила занимала важное место в турецких военных планах и была хорошо укреплена. Здесь были собраны большие запасы вооружения и провианта. Узнав о вступлении русских войск в Яссы и продвижении их к Дунаю, турецкий комендант крепости Дауд-паша принял меры к усилению ее обороны. Получив сведения об этом в монастыре Максинень, Ренне предпринял 11 июля форсированный марш к Браиле. Русский корпус занял подступы к крепости (дорогу к Бузеу и Фокшанам), а затем вступил в положение боя. План Ренне в захвате Браилы состоял прежде всего в том, чтобы изолировать турок от возможной помощи извне и затем одновременным штурмом взять все укрепления крепости¹⁹¹. Генеральная атака была предпринята в ночь с 13 на 14 июля. 14 июля командующий крепости Дауд-паша объявил о капитуляции, а 15 июля русские заняли Браилу¹⁹². Фома Кантакузино начал тотчас же собирать продовольственные запасы и составлять валашское войско¹⁹³.

Взятие Браилы позволяло Ренне продолжать выполнение возложенных на него задач, а именно продвинуться к Исакче для захвата моста через Дунай, а затем идти в Галац для соединения с основными силами русской армии.

Появление русского корпуса на территории Валахии и захват им Браилы вызвали подъем среди жителей княжества.

Валашский хронист Раду Гречану, описывающий события с позиций покорного султану боярства, вынужден признать энтузиазм жителей Браильского райята, вызванный приходом русских войск. Хронист рассказывает, что некоторые служилые люди господаря, как, например, капитан Манта, сборщик харача, бежал в Браилу навстречу русской армии, вместе с ним перешли на сторону русских Иордакий Кокорескул, Константин, сын Козьмы Бана, и др.¹⁹⁴. А «простые и бедные», по словам Гречану, встретили русских с радостью, нападая на турок, находящихся в Браиле¹⁹⁵. Далее хронист повествует о том, что местные жители из числа турецких купцов говорили о выступлениях в это время «людей княжества» («de la omenii cei de țară»), о разорении простыми людьми складов турецких товаров в Браиле во время штурма ее русскими¹⁹⁶.

В русских источниках также имеются свидетельства о военном сотрудничестве валахов с русскими войсками во время штурма ими Браилы. К. Ренне в письме Петру I от 19 июля 1711 г., сообщая о ходе Браильской операции, о возвращении крепости Порте после получения царского указа о заключении мира, замечает, что во время атаки валахи и молдаване захватывали у турок лошадей и скот¹⁹⁷.

Замечания валашского хрониста и данные русских источников, несмотря на краткость и малочисленность, очень ценны и интересны. Они свидетельствуют о том, что во время взятия Браилы русскими войсками жители Браильского райята переходили на сторону русских, воюя против общего врага — турок. Это сотрудничество валахов с русскими войсками примыкает к тесному военному сотрудничеству молдаван с русскими в период русско-турецкой войны 1711 г.

Пребывание русских войск на территории Валахии оказалось кратковременным, поэтому народные выступления не получили широкого размаха по всему княжеству. События, происходившие в Браильском райяте во время военных действий русских войск, показали, что открытый переход Брынковяну на сторону русских был бы выражением стремления населения княжества. Но валашский господарь проявил нерешительность.

Брынковяну, узнав от капитанов провинции Фокшаны¹⁹⁸ о движении к Браиле русских войск во главе с Ренне, поспешил установить с ним связь. 2 июля 1711 г. он направил ему письмо, в котором информировал о действиях турецких войск, о своем решении открыто перейти на сторону России, когда русские войска соединятся с валашскими. Он просил также сообщить о количестве провизии, необходимой русской армии¹⁹⁹. Еще до получения этого письма Ренне направил господарю письмо с призывом перейти на сторону русских войск для объединения совместных усилий в борьбе с Турцией. Об этом свидетельствует письмо Л. Чирикова Г. И. Головкину от 9 июля 1711 г., в котором он сообщал, что «народ мунтянской к нам склонен, о господаре еще неизвестно, а ко оному экспедиции надлежащие отправлены»²⁰⁰.

Порта, боясь, что Брынковяну последует примеру Кантемира, внимательно следила за его действиями. В рапорте в Вену из Белграда от 18 июля 1711 г. сообщалось, что турки ставили целью не выпустить Брынковяну из Урлаца, для чего в Валахии находилось 20-тысячное войско²⁰¹. Если цифра эта и преувеличена, то самый факт контроля турок за действиями валашского господаря не подлежит сомнению. Находясь в Урлаце под их наблюдением, Брынковяну не мог наладить постоянной связи с русскими, что отрицательно сказалось на его поведении в ответственный момент, когда русские войска приблизились к границам Валахии. Валашский господарь надеялся установить контакт с ними через Георгия Кастриота, но не имел от него никаких известий. 17 июня он направил ему письмо через капитана Василия и снова не получил ответа²⁰². Узнав о приближении русских войск к Валахии, Брынковяну 7 июля

вновь отправил письмо Кастриоту, в котором выражал удивление по поводу такого длительного молчания²⁰³. Он писал Кастриоту, что «дела якобы поослабели и нам яко не оборонительны и сумнительны и любви прежней не познаваем, а от чего ж то происходит, не ведаем»²⁰⁴.

Отсутствие постоянной связи с русскими привело к тому, что Брынковяну узнал о приближении корпуса Ренне к Браиле по слухам. Это создало у него впечатление, что русские под влиянием Димитрия Кантемира и Фомы Кантакузино игнорируют его как господаря, не считая нужным сообщить о своем вступлении на территорию Валахии. Поэтому он писал Кастриоту, что среди населения распространяется слух о движении русских войск к Браиле, «вкупе с ним будто и Фома и будто маршируют к нашим сим странам, которое видится нам, что будто и не наше дело, ежели так есть...»²⁰⁵. Брынковяну просил Кастриота наладить связь и скорее сообщить ему, «как обходятся дела... в каком намерении нас там имеют, чтоб нам то ведать и управлятися»²⁰⁶.

Одновременно Брынковяну написал письмо Г. И. Головкину, в котором сообщал об отсутствии связи со своим послом Кастриотом и выражал надежду на победу русского оружия и на освобождение княжества от турецкой зависимости. Валашский господарь заверял Головкина, «что елико возможно мы печемся и радеем, в чем надлежит в сия времена при сей святой войне и всяким способом готовимся, чтоб было чинено в пристойное время, и потщимся со всяким усердием явитьца в том деле, которого давно мы ожидали. И так о том да будет высочество ваше надежден»²⁰⁷.

Письма Брынковяну Г. И. Головкину и Георгию Кастриоту свидетельствуют о том, что валашский господарь оказался изолированным турками в лагере Урлац, не имел постоянной связи с русскими, а потому в момент, когда русские войска вступили на территорию Валахии, не проявил необходимой решительности и не перешел открыто на сторону России. Неизвестно, получил ли Брынковяну письмо генерала Ренне, о котором пишет Чириков Г. И. Головкину 9 июля. Но Ренне получил письмо господаря от 2 июля вечером 12 июля. А 13 июля написал ему ответ из лагеря под Браилой. Он напоминал Брынковяну об обещании соединиться с русскими войсками, советовал ему не откладывать прибытие в русский лагерь, так как наступил благоприятный момент для объединения совместных усилий в борьбе против общего врага христианства — турок. Ренне предупреждал валашского господаря, что затягивание открытого перехода на сторону русских вызовет враждебное отношение к нему. Что касалось обещанного провианта, то он просил Брынковяну известить о количестве продовольственных запасов, находившихся ранее в монастыре Максинень. В заключение Ренне выражал надежду, что Брынковяну прибудет в русский лагерь. В добавлении к письму он сообщал валашскому господарю о подготовке к штурму Браилы и передавал вести о действиях основных сил русских войск^{208–209}.

Едва ли успел Брынковяну получить это письмо Ренне. 18 июля великий везир направил господарю указ султана об условиях мира, заключенного с русскими на Пруте 12 июля 1711 г.²¹⁰

После выступления Ренне в поход к Браиле русские получили сведения, что турецкая армия во главе с Балтаджи переправилась через Дунай в районе Исакчи и быстро продвигается на северо-запад, по левому берегу Прута²¹¹. Узнав об этом, Петр I приказал немедленно переправиться на правый берег и предпринять марш вниз по течению. Генералу Янусу с кавалерийскими полками было дано задание предупредить переправу турок у Фальчи. По дороге Янус получил данные о численном превосходстве султанских войск и отступил к устью реки Прутецул, где находились основные силы русской армии. Впоследствии выяснилось, что сообщение о форсировании турками Прута оказалось ложным²¹².

Отступление Януса позволило туркам беспрепятственно переправиться на правый берег Прута. Это расстроило первоначальные планы Петра I. Коммуникация между главной армией и корпусом генерала Ренне оказалась прерванной. Чтобы выйти к Дунаю, надо было двинуться к реке Сирет, обогнув слева турецкую армию, однако «великих ради гор и безводицы не могли того учинить»²¹³. На военном совете было решено отступить, чтобы занять выгодную позицию для боя.

9–10 июля у селения Станилешты на реке Прут произошло сражение между русскими и турецкими войсками, решившее исход войны. Вечером 9 июля турки предприняли ряд ожесточенных атак, которые были отбиты русскими с большими потерями для султанской армии²¹⁴. Утром 10 июля началась перестрелка. Турецкая конница и пехота непрерывно атаковали русские позиции. В составе русских войск плечом к плечу с русскими сражались молдавские отряды²¹⁵. Петр I созвал военный совет, на котором было решено «по объявлению Кастриотову» предложить Турции мир²¹⁶, так как, «видя при таком многолюдстве турецком, а малолюдстве своих войск, <...> тако не токмо лучшее войско Российское, <...> но и благополучие всей империи Российской в отвагу отдать было не безопасно»²¹⁷. Одновременно был дан приказ готовиться к решительной битве, «обоз велено здвинуть и частию окопать, дабы, ежели не примет неприятель мира, чтоб, оставя обоз, итить на неприятельския апроши и оныя атаковать»²¹⁸.

По свидетельству турецкого хрониста Рашида, на военном совете, созванном великим везиром для обсуждения ответа на русское предложение о перемирии, командующие говорили о тяжелом положении турецких войск²¹⁹. Великий везир ответил согласием на предложение о мире²²⁰. 10 июля для ведения переговоров в турецкий лагерь был отправлен подканцлер П. П. Шафиров²²¹.

В результате переговоров 12 июля был заключен мирный договор. По условиям Прутского договора Азов возвращался Турции; Таганрог, Каменный Затон и другие укрепления должны были быть срыты, Браи-

ла и Крым очищались от русских войск. Россия и Турция обязывались не вмешиваться во внутренние дела Польши. Между обеими сторонами устанавливалась свободная торговля. Русское правительство не должно было препятствовать проезду Карла XII в Швецию. Прутский договор содержал одно дипломатическое условие, чрезвычайно невыгодное для России: «...послу царского величества впредь в Царьграде не резидовать». До подтверждения мирного договора и до исполнения русской стороной всех обязательств П. П. Шафиров и сын фельдмаршала М. Б. Шереметев должны были оставаться в Турции²²². Договор отражал реальное соотношение сил воюющих сторон²²³.

13 июля Петр I направил генералу Ренне письмо с извещением о заключении мирного договора с Турцией и с указом, оставив Браилу, возвратиться для соединения с основными силами²²⁴. 16 июля в Браилу прибыли русский посланец с указом Петра I и представитель великого везира с вестью о мире²²⁵. Сдав крепость туркам, 18 июля Ренне со своим корпусом выступил из Браилы по направлению к реке Сирет. Переправившись через Сирет, он двинулся к монастырю Максинень, откуда доносил Петру I о Браильской операции²²⁶. Из Максинень Ренне направился вверх по реке Сирет до Черновиц, оттуда к Днестру, который перешел в районе Хотина, и вступил в Польшу²²⁷. Фома Кантакузино, узнав о мире, бежал в Брашов (Трансильвания), а оттуда с группой близких бояр и служилых людей — к переправлявшимся в Россию войскам генерала Ренне²²⁸.

Итак, с получением известия о заключении мирного договора с Турцией и оставлением русскими войсками территории Валахии валашско-русские связи 1711 г. прерываются.

Оценивая их, необходимо учитывать два обстоятельства. С одной стороны, Россия не была готова к широким военным действиям против Турции, которые могли бы завершиться освобождением Молдавского княжества и Валахии. Война с Турцией была для нее лишь эпизодом Северной войны. Оказавшись в 1711 г. в тяжелом положении, как военном, так и продовольственном, Россия была вынуждена заключить с Турцией мир. В сложившихся условиях заключение Прутского договора имело положительное значение для России. В письме от 28 июля послу в Польше Г. Ф. Долгорукому Петр I сообщал: «Хотя с убытком сей мир с одной стороны, аднакож сим случаем уже мы вовсе розвязаны с турецкой стороны и можем всюю силою, с помощью божиею, воевать против шведов»²²⁹.

С другой стороны, на результаты валашско-русских связей в 1711 г. оказала влияние нерешительная и выжидательная позиция, занятая валашским господарем в отношении перехода на сторону России. Чем же объяснить, что Брынковяну, имевший длительные и постоянные тайные связи с русским правительством, в 1711 г. проявил нерешительность?

Валахия находилась в вассальной зависимости от Турции, и ее господарь был султанским подданным. Огромные богатства позволили Брынковяну путем политики лавирования и подкупа самого султана и его при-

лиженных продержаться на господарском престоле 25 лет. Такое длительное княжение сделало его осторожным в своих действиях. В 1711 г. Брынковяну ждал вступления русских войск на территорию Валахии, чтобы открыто перейти на сторону России. Турки внимательно следили за его поведением, поэтому он должен был до прихода русских быть послушным турецким подданным. Однако Брынковяну со своим войском не участвовал в военных действиях на стороне турок. Он расположился в лагере Урлац в ожидании прихода русских войск. Вследствие контроля турок Брынковяну оказался изолированным в Урлаце. Отсутствие постоянной связи с русскими лишало его уверенности. Когда Ренне со своим корпусом вступил на территорию Валахии, Брынковяну не смог решиться на открытый переход на сторону России. Необходимо учесть и то обстоятельство, что пребывание русских войск в Валахии было кратковременным.

Отрицательное влияние на результаты валашко-русских связей в 1711 г. оказали враждебные отношения между Константином Брынковяну и Димитрием Кантемиром, уже в самом начале войны перешедшем на сторону Петра I. Нахождение в русском лагере Кантемира, которого валашский господарь считал своим врагом, увеличивало его осторожность.

Выжидательная политика Брынковяну в отношении перехода на сторону России вывела наружу назревавшие противоречия между валашским господарем и крупной боярской партией Кантакузино. Причины этих противоречий были глубже, чем недовольство нерешительностью Брынковяну. Кантакузино стремились к установлению наследственной власти своего рода в Валахии. Переход Фомы Кантакузино с группой близких ему бояр и служилых в лагерь Петра I был рассчитан на получение престола после освобождения русскими Валахии.

Брынковяну был поставлен в сложное положение. Он оказался разоблаченным перед турками в связях с Россией. У русских же переход Фомы Кантакузино вызвал недоверие к проводимой валашским господарем политике. Присутствие у русских Димитрия Кантемира и Фомы Кантакузино он считал причиной изменения отношения к нему со стороны русских. Впоследствии, в 1713 г., Брынковяну писал киевскому губернатору Д. М. Голицыну: «О чем мы удивляемся, чего ради вашему сиятельству неведома причина оной жалобы и нашего подозрения, ибо повседневно настоящих нам имеете изменников и неверных наших, которые никогда не престают сопровтив нас многие лжи и беззаконие клеветать»²³⁰.

Но главной причиной ухудшения отношения русских к Брынковяну была его нерешительность в отношении перехода на сторону России. Петр I в рукописи о Свейской войне писал о Брынковяну, что все его письма и заверения были «иудским лобзанием», «ибо все сообщал туркам, что от нас получал, и нарочно тянул на нашу пагубу»²³¹.

Недоверие к политике Брынковяну со стороны русских привело к тому, что он не сумел установить с ними постоянной связи. В конечном итоге валашский господарь не использовал кратковременного пребывания

русских войск в Валахии для решительного и открытого перехода на сторону России. Но до самого последнего момента, пока не пришел указ великого везира от 18 июля о заключении Прутского мира, Брынковяну выжидал. Рапорты из Урлаца в Вену от 15 июля говорят о его нейтралитете²³².

Нерешительная позиция, занятая валашским господарем в 1711 г., отрицательно сказалась как на развертывании военных действий русских войск, так и на самих валашско-русских связях в этот период. Политика Брынковяну в 1711 г. противоречила интересам Валахии. Выступления жителей Браильского райята против турок, вызванные вступлением туда корпуса Ренне, свидетельствовали о решимости валахов освободиться от власти султана с помощью русского оружия.

* * *

Окончательное утверждение Прутского договора затянулось до июня 1713 г. Турецкий султан, подстрекаемый шведским и французским послами, и не думал соблюдать мирные условия. Желая обезопасить себя от шведских интриг, русское правительство отказалось выполнять договорные обязательства до высылки Карла XII из Бендер. Его поверенный Понятовский с помощью французского посла прилагал все старания, чтобы снова разжечь русско-турецкую войну. Балтаджи был смещен с поста великого везира. В декабре 1711 г., угрожая войной, турки предъявили новые требования, по которым вся Украина должна была отойти под протекторат Порты, русские войска немедленно выводились из Польши и не могли войти на ее территорию даже в случае вступления туда шведских сил. К тому же Порты требовала заключения русско-шведского перемирия на три года. Тогда русское правительство изменило свою тактику, решив немедленно возвратит Азов, ускорить вывод войск из Польши, отклонив при этом притязания на Украину. 5 апреля 1712 г. при посредничестве английского и голландского послов Прутский мир был возобновлен. Основным условием являлся вывод русских войск из Польши, одновременно оговаривалось право России ввести военные силы на ее территорию в случае появления там шведских войск. На западной стороне Днепра за Россией закреплялся Киев, Сечь отходила к Турции.

Сближение Англии с Францией летом 1712 г. активизировало деятельность французского и шведского послов, направленную против русско-турецкого мира. Порты потребовала, чтобы русские войска, возвращаясь из Померании домой, не заходили в Польшу. Когда осенью 1712 г. турецкие посланные известили о наличии на польской территории русских войск, султан разослал объявление о войне. При посредничестве голландских представителей в конце марта 1713 г. русско-турецкие мирные переговоры были продолжены. В июне 1713 г. в Адрианополе Прутский договор получил окончательное утверждение²³³.

В условиях ухудшения русско-турецких отношений возобновившиеся связи с Валахией снова приобрели для России важное значение. Через

княжество шла пересылка корреспонденции между русскими послами в Адрианополе П. П. Шафировым и М. Б. Шереметевым, с одной стороны, и русским правительством — с другой. Вместе с донесениями П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева валашские послы доставляли письма от Брынковяну и бояр Кантакузино. Всю эту корреспонденцию русское правительство получало через киевского губернатора Д. М. Голицына и фельдмаршала Б. П. Шереметева, который, находясь в этот период на Украине во главе части русских войск, сосредоточивал внимание на получении сведений о действиях Турции, чтобы в нужный момент придвинуть свои войска к ее границам.

1 января 1712 г. фельдмаршал Б. П. Шереметев получил письмо П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева, присланное Константином Брынковяну с послом капитаном Леподатом, который доставил фельдмаршалу также и письмо от господаря²³⁴.

Сведения о русско-турецких и турецко-шведских отношениях Б. П. Шереметев получал от валашского посла Георгия Кастриота, находившегося по указу Петра I в Киеве²³⁵. Кастриот через посланцев имел переписку с Брынковяну и Кантакузино, сообщавшими о замыслах Турции, о ее приготовлениях к возобновлению войны с Россией. Так, 27 января 1712 г. Брынковяну писал Кастриоту, что турки продолжают военные приготовления, несмотря на выдвинутые ими условия, на основе которых они могли бы подтвердить мир с Россией. Валашский господарь просил Кастриота, «как возможно самому ль царскому величеству или ближним его министрам чинить добрые советы, не уповая на мирное постановление, дабы от турков иметь опасение и во всем готовность»²³⁶. В заключение Брынковяну обещал и в будущем сообщать обо всем, «разведывая подлинно впрядь, и для того, чтоб были к нему частые посыльщики»²³⁷.

12 февраля 1712 г. Кастриот сообщал из Киева Б. П. Шереметеву о посылке ему писем русских послов в Турции и письма Брынковяну²³⁸. 19 февраля Кастриотом были получены от валашского господаря и Кантакузино сообщения о действиях турок²³⁹. Послы Ю. Андреев, С. Маринович, Н. Павлов в марте и апреле 1712 г. неоднократно доставляли Кастриоту письма Брынковяну и Кантакузино вместе с корреспонденцией П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева²⁴⁰.

Именно с целью поддержания связей с Валахией Кастриот и был задержан в России с 1711 г. В письме от 9 сентября 1712 г. Б. П. Шереметев по совету Фомы Кантакузино предлагал Г. И. Головкину продлить пребывание Кастриота в Киеве. В этот же день Б. П. Шереметев обратился к Д. М. Голицыну с просьбой задержать Кастриота в Киеве²⁴¹. Но согласно распоряжению Г. И. Головкина от 10 июня 1712 г., Д. М. Голицын отпустил Кастриота в Валахию, о чем и сообщал ему 30 августа 1712 г.²⁴². С Кастриотом было послано письмо Г. И. Головкина Брынковяну от 10 июня 1712 г. с извещением об отпуске Кастриота и причинах его задержки с 1711 г. в России²⁴³.

В 1713 г. устанавливается постоянная переписка между Константином Брынковяну и киевским губернатором, связанная с пересылкой писем между русскими послами в Турции и русским правительством. 2 апреля 1713 г. Брынковяну в ответ на предложение Д. М. Голицына иметь как прежде корреспонденцию, писал, что «то охотно желаем и никогда от того не отступали и всегда готовы будем исполнять. И хотя на нас некоторые нашли время оклеветать, якобы мы не истинны суть к службе царского величества, токмо представляем в том бога, да судить тем, а наше сердце как пред сим, так и ныне в правде содержится и к православию больше желаем, нежели к другим»²⁴⁴. Подробно описывая положение дел в Турции, валашский господарь отмечал, что султан сожалеет относительно ухудшения отношений с Россией, причиной чему служили, по его мнению, происки крымского хана и в особенности шведского короля и его единомышленников²⁴⁵. Брынковяну сообщал о высылке шведского короля Карла XII из пределов Турции, о прибытии к султану польского короля для переговоров и в связи с этим о появлении некоторых признаков, «что любое и скорое уготовление войны почало утоляться и слабети помалу и дают многим надежду и веру, что учинитца паки между обоими государствами мир»²⁴⁶.

31 мая 1713 г. к киевскому губернатору прибыл валашский посол с письмами господаря и русских послов к Б. П. Шереметеву²⁴⁷. 7 августа 1713 г. Брынковяну извещал Д. М. Голицына об отсылке в Адрианополь присланных им писем для русских послов и об отправке к нему своего человека с ответами П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева²⁴⁸.

Несмотря на возникшее после 1711 г. недоверие к Брынковяну, в России не могли не оценить его услуг. В письмах к Д. М. Голицыну от 19 и 28 июня 1713 г. П. П. Шафиров подчеркивал, что валашский господарь и иерусалимский патриарх оказывали им, послам, всяческое содействие в Турции, принимали письма для отсылки в Киев, уведомляли о всех событиях и что они и впредь обещают поступать так же. Поэтому он просил киевского губернатора «к присланным господаря мултянского поступать ласково и отпускать паки с награждением и иметь с ними, патриархом и з господарем, корреспонденцию и за присылку их посольских писем возблагодарить»²⁴⁹. Письмо подобного же содержания было послано П. П. Шафировым и Г. И. Головкину. По получении его Г. И. Головкин направил киевскому губернатору письмо от 2 сентября с указом отпустить с пожалованием посланцев валашского господаря, задержанных в связи с утверждением мира с Турцией, а иерусалимского патриарха и валашского господаря возблагодарить, «дабы он не имел в том никакова сумнения и впредь бы присылал и корреспонденцию с вами имел»²⁵⁰. Д. М. Голицын отвечал Г. И. Головкину 8 октября, что еще 1 июня он писал ему, что указ о задержании валашских посланцев «не в доброй случай интересов его величества, и, хотя их есть к нам некаякая противность, токмо без них в сем деле обойтитца трудно, и письма, и ведомости следуют через их ныне руки»²⁵¹. Д. М. Голицын сообщал, что

посланцев валашского господаря он уже отпустил, наградив жалованьем, и посылает списки с писем, присланных валашским господарем²⁵².

Таким образом, после 1711 г. Брынковяну не прекращает связей с Россией. В 1712–1713 гг. он активно содействует пересылке корреспонденции между П. П. Шафировым и М. Б. Шереметевым и русским правительством, продолжает направлять в Россию информацию о действиях Турции, о положении на Балканах.

Однако с бóльшим доверием в этот период в России относились к боярам Кантакузино. Переселившиеся на жительство в Россию после 1711 г. Фома Кантакузино и группа бояр и служилых людей были приняты на русскую военную службу.

Фома Кантакузино получил поместье в Киевской губернии и в чине генерал-майора кавалерийского полка был определен к Б. П. Шереметеву²⁵³. Извещая Б. П. Шереметева 8 февраля 1712 г. об определении к нему Фомы Кантакузино, Г. И. Головкин подчеркивал, «что он (Фома Кантакузино. — Л. С.) под нынешний случай может вам в советах о тамошних делах угоден будет»²⁵⁴. Г. И. Головкин сообщал также Б. П. Шереметеву указ Петра I о принятии на русскую службу приехавших с Фомой Кантакузино валахов и просил определить их «в волосские хоругвии», назначив им надлежащее жалованье²⁵⁵.

9 сентября 1712 г. Б. П. Шереметев извещал Г. И. Головкина о том, что Фома Кантакузино объявил при себе 31 человека²⁵⁶. Из них в русских источниках мы встречаем полковника Киня, капитана Михалака, логофета Федора Корбя. Федор Корбя был принят на службу с окладом в 300 рублей и получил в 1712 г. в Киевской губернии деревни Лукьяновку и Крупполя из владений бывшего полковника Д. Райча²⁵⁷. В 1720 г. Федор Корбя упоминается в русских источниках как переводчик²⁵⁸.

В 1712 г., когда возникла угроза новой войны с Турцией, Петр I и Г. И. Головкин через Фому Кантакузино возобновили переписку с валашскими боярами Кантакузино с целью иметь постоянную информацию о турецких действиях. В письме от 26 апреля 1712 г. Г. И. Головкин по указу Петра I просил Фому Кантакузино установить переписку со своими родственниками из Валахии и «с иными доброжелаемыми к стороне его царского величества», «дабы через них о тамошних поведеньях и намереньях подлинныя ведомости иметь», так как получены сведения о военных приготовлениях Турции против России и о переброске уже части турецких войск на Дунай²⁵⁹.

Петр I личным письмом от 25 марта 1712 г. свидетельствовал свое благоволение Михаилу Кантакузино и его соотечественникам за «христианскую ревность», обещал свою милость и достойное награждение²⁶⁰.

В этот период Петру I необходимо было иметь своих людей в Валахии не только для получения сведений о турецких действиях, но и для привлечения других народов Балканского полуострова на сторону России. В письме Михаилу Кантакузино от 25 марта 1712 г. Г. И. Головкин

писал, что три сербских полковника Тукелин, Вулин и Хаджи с 10 тыс. сербов выразили готовность присоединиться к русским войскам в случае объявления Турцией войны России. По указу царя Г. И. Головкин просил Михаила Кантакузино наладить переписку с сербскими полковниками, содействовать их переходу на русскую сторону и ускорить их продвижение к границам России. Михаилу Кантакузино поручалось узнать, когда сербские полковники выступят в поход, с каким количеством войск, и известить об этом Петра I через Фому Кантакузино, которому было поручено нанять сербов на русскую службу.

До подхода к русским границам действия сербских войск должны были направляться Михаилом Кантакузино. Во время похода перед ними ставилась задача уничтожения турецких продовольственных складов. Г. И. Головкин просил Михаила Кантакузино, если будет необходимость, оказать сербским войскам на это время помощь деньгами, которые обещал выплатить с вознаграждением в будущем. Михаилу Кантакузино отводилась важная роль в привлечении и других народов Балканского полуострова на сторону России²⁶¹.

Подобное доверие русского правительства боярам Кантакузино в делах связей с балканскими народами в период военной угрозы со стороны Турции было основано не только на прежних политических отношениях, сложившихся до 1711 г.

В 1712 г. Кантакузино направляют Г. И. Головкину ряд писем, в которых выражают желание служить интересам русского правительства и заверяют в верности. Так, 23 января 1712 г. Константин Кантакузино писал Г. И. Головкину: «Ваш раб был и есмь и пока жив буду я и все убогого дома нашего со всеми сродниками и друзьями, как были есмы, и обретаемся к вашей стороне»²⁶². Далее валашский стольник сообщал о решении турок объявить войну России и о рассылке ими указов к пашам вести военные приготовления²⁶³.

8 марта 1712 г. в Петербург прибыл серб Димитрий Семенов с письмами П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева к Г. И. Головкину. С Семеновым были присланы также письма от Константина Кантакузино и Брынковяну, о чем он сообщил на расспросе в Киеве²⁶⁴. В Посольском приказе Димитрий Семенов говорил, что ехал он через Бухарест и Константин Кантакузино просил его предупредить о подготовке султаном войны, чтобы русские войска вошли в Буджак раньше, чем турки придут к Дунаю²⁶⁵.

От Михаила Кантакузино Семенов имел особое поручение известить царя, что австрийские сербы, от которых он получал письма, хотят перейти на русскую военную службу и вести войну против турок и что, если бы был к нему об этом указ русского царя, он готов трудиться по своей должности²⁶⁶. Поэтому в период турецкой военной опасности 1712 г. в ответ на предложения сербских полковников Петр I и Г. И. Головкин обращаются к Михаилу Кантакузино с просьбой привлечь сербов на сторону России и в случае войны вести их на соединение с русскими войсками.

2 мая 1712 г. Фома Кантакузино сообщил Б. П. Шереметеву об отпуске Димитрия Семенова в Сербию²⁶⁷. С ним и были посланы Михаилу Кантакузино в Валахию письма Петра I и Г. И. Головкина от 25 марта 1712 г. Отвечая на предложение царя, Михаил Кантакузино писал 28 декабря 1712 г. Фоме Кантакузино, что он готов исполнить все, что от него потребуется²⁶⁸. «Я на всяк час есть готов к службе царского величества», — писал он в тот же день Федору Корбю²⁶⁹.

Матвей Корбю, прибывший в Россию к Федору Корбю и Фоме Кантакузино с поручением от Михаила Кантакузино, на расспросе 7 февраля 1713 г. сообщил о получении писем, посланных с Димитрием Семеновым. От имени Михаила Кантакузино Матвей Корбю должен был узнать, посылать ли письма к сербским полковникам, и сообщить, что «и венгры, и волохи, и сербы охотно быть в службе царского величества желают, токмо ожидают в том указу»²⁷⁰.

Но связи России с Валахией, Сербией и другими балканскими народами не получили развития вследствие окончательного утверждения в июне 1713 г. Прутского договора.

Таким образом, приведенные материалы о русско-валашских связях 1712–1713 гг. свидетельствуют, во-первых, о важном значении для России в условиях возникновения угрозы новой войны с Турцией получения из Валахии подробной информации о турецких действиях, а также сношений через нее с русскими послами в Адрианополе; во-вторых, рассмотрение русско-валашских связей 1712–1713 гг. расширяет представление о политике валашского господара Брынковяну по отношению к России, показывая его роль в оживлении этих связей наряду с боярами Кантакузино.

Турки, давно подозревавшие валашского господара в связях с Россией, особенно после 1711 г., стремились, свергнув его с престола, укрепить свое влияние в Валахии.

Обострение в 1714 г. противоречий между Брынковяну и боярской партией Кантакузино, которые хотели посадить на господарский престол сына Константина Кантакузино Штефана, дало турецким властям повод для претворения в жизнь их планов.

Копии переписки Брынковяну с русскими, имевшиеся у Константина Кантакузино, были подосланы султану врагами валашского господара в Константинополе²⁷¹.

В марте 1714 г. Брынковяну был свергнут с престола. Главное обвинение, предъявленное ему турками, — измена в 1711 г. В тексте султанского указа Брынковяну обвинялся в том, что «привел москалей в Браилу» и дал продовольствие²⁷². Валашский господарь вместе с тремя сыновьями был схвачен, доставлен в Стамбул и подвергнут страшной казни. На глазах у старого князя были отрублены головы его сыновей, после чего та же участь постигла и его самого²⁷³. Так расправились турки с Константином Брынковяну за его связи с Россией. Такая же участь в 1716 г. постигла Штефана и Михаила Кантакузино²⁷⁴.

Прутский поход русской армии в 1711 г. не принес освобождения Валахии и Молдавскому княжеству. Турецкий султан укрепил здесь свое господство, установив правление господарей-фанариотов, сводившее на нет относительную политическую автономию княжеств и усиливавшее их зависимость от Османской империи.

Несмотря на это, связи Валахии, как и Молдавского княжества, с Россией не прекратились, но они относятся уже к другому времени, периоду русско-турецких войн XVIII в.

Примечания

- 1 РГАДА. Ф. Архив Оружейной палаты. № 396. 1700–1701 гг. Оп. 1. Ч. XXII. Д. 34668; Архив СПб. ОИИ. Ф. Собрание Гамеля. Оп. 3. № 21. Л. 20, 76–77. См. также: ИСв. Т. 3. М., 1970. С. 151; 358–389, прим. 73–74.
- 2 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1700 г. Д. 4. Л. 8. ИСв. Т. 3. С. 158.
- 3 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1701 г. Д. 1. Л. 1. Опул.: ИСв. Т. 3. С. 162.
- 4 Там же. Д. 2. Л. 1–1 об. Опул.: ИСв. Т. 3. С. 163–165.
- 5 Там же. 1700 г. Д. 2. Л. 3–4 об.; ИСв. Т. 3. С. 153–154.
- 6 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1700 г. Д. 4. Л. 8 об.; ИСв. Т. 3. С. 158.
- 7 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1701 г. Д. 2. Л. 4.
- 8 *Constantinescu-Iași P. Relațiile culturale române-ruse din trecut.* Buc., 1954. P. 162.
- 9 *Панаитеску П. П. Культурные связи румынских государств с Россией в эпоху реформ Петра I. Новые данные // Romanoslavica.* Buc., 1958. Vol. II. P. 238.
- 10 *Iorga N. Viața și domnia lui Constantin-Vodă Brâncoveanu.* Buc., 1914. P. 124.
- 11 *Georgescu-Buzău G. Un diplomat român la Moscova la începutul secolului al XVIII-lea: David Corbea ceașul // Relații româno-ruse în trecut. Studii și conferințe.* Buc., 1957. P. 52.
- 12 *Панаитеску П. П. Культурные связи...* С. 239.
- 13 *Georgescu-Buzău G. Un diplomat...* P. 53.
- 14 *Ibidem; Панаитеску П. П. Культурные связи...* С. 241.
- 15 *Обоснование вывода: Панаитеску П. П. Культурные связи...* С. 242–243.
- 16 *Georgescu-Buzău G. Un diplomat...* P. 54.
- 17 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1702 г. Д. 1. Л. 15.
- 18 Там же. Л. 32–32 об.
- 19 Там же. Л. 33–33 об. Публикацию докладной записки Давида Корбя см.: ИСв. Т. 3. С. 176–183.
- 20 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1702 г. Д. 1. Л. 37.

- 21 Там же. Л. 38–39 об.
- 22 Там же. Л. 41–42.
- 23 Там же. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1703 г. Д. 4. Л. 15, 66 об.
- 24 *Șerban C. Legăturile stolnicului Constantin Cantacuzino cu Rusia // Studii și articole de istorie. II. Buc., 1957. P. 246.*
- 25 *Meteuș Șt. Din relațiile noastre cu Rusia. Frații David și Teodor Corbea din Brașov în slujba poporului român, ca luptători contra Unirii cu Roma, ca diplomați și scriitori // Mitropolia Ardealului. V. 1960. Nr. 11–12. P. 847.*
- 26 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1702 г. Д. 1. Л. 31 об.
- 27 Там же. Л. 25.
- 28 Там же. 1698 г. Д. 1. Л. 487–489 об.; 1700 г. Д. 5. Л. 4–6 об.
- 29 РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. 1700 г. Д. 5. Л. 26–27 об.
- 30 Там же. Л. 28–30.
- 31 Там же. Л. 31–34, 50–52, 133–137. См. об этом также письмо К. Брынковяну своему послу в Москве Георгию Кастриоту от 27 марта 1700 г. (ИСв. Т. 3. С. 139–140).
- 32 РГАДА. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1701 г. Д. 4. Л. 63.
- 33 *Крылова Т. К. Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. (1700–1709) // Исторические записки (1959). Т. 65. С. 52.*
- 34 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1702 г. Д. 1. Л. 53–53 об.
- 35 Там же. 1703 г. Д. 6. Л. 2.
- 36 Там же. Д. 5. Л. 1, 11; см. расспросные речи Федора Корбя: ИСв. Т. 3. С. 196–198; *Meteuș Șt. Din relațiile...* P. 859.
- 37 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1704 г. Д. 9. Л. 1–2.
- 38 Там же. Д. 11. Л. 10.
- 39 Там же. 1706 г. Д. 5. Л. 12–13.
- 40 Там же. 1705 г. Д. 10. Л. 2–3 об., 6.
- 41 Там же. 1706 г. Д. 5. Л. 3.
- 42 Там же. 1705 г. Д. 1. Л. 38–40.
- 43 Там же. Л. 34 об. — 35.
- 44 Там же. 1704 г. Д. 1. Л. 17.
- 45 Там же. Д. 2. Л. 1 об. — 2.
- 46 Там же. Д. 11. Л. 35–35 об.
- 47 Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1893. Т. III. С. 273. № 776.
- 48 РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. 1706 г. Кн. 3. Л. 426–426 об.
- 49 Там же. 1707 г. Кн. 3. Л. 37 об. — 41 об.
- 50 Там же. Л. 119–120.

- 51 Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т. V. С. 225. № 1699.
- 52 Там же. С. 179–180. № 1670.
- 53 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1707 г. Д. 4. Л. 27. См. также публикацию письма Петра I Ференцу Ракоци II от 21 апреля 1707 г., хранящегося в Венгерском государственном архиве Будапешта: *Штернберг Я. И.* Письмо Петра I к Ференцу Ракоци II // Исторический архив. 1958. № 2. С. 215.
- 54 См. инструкцию Давиду Корбя для переговоров с Ракоци II: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. V. С. 591–595, прим. к № 1670.
- 55 Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1912. Т. VI. С. 2. № 1842; С. 217–219, прим. к № 1842.
- 56 Там же. С. 219–221, прим. к № 1842.
- 57 ПСЗ. Т. IV. № 2156. С. 385–387.
- 58 *Georgescu-Buzău G.* Un diplomat... P. 61.
- 59 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 57–57 об.
- 60 *Крылова Т. К.* Русская дипломатия... С. 258–259.
- 61 РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 50; Кн. 3. Л. 72; см. также: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. VIII. Т. 15. С. 165–167.
- 62 *Крылова Т. К.* Русская дипломатия... С. 260–261.
- 63 РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. 1707 г. Кн. 3. Л. 72 об.—74.
- 64 *Глаголева А. П.* Русско-турецкие отношения перед Полтавским сражением // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 137–147.
- 65 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 71–71 об. Публикацию письма см.: ИСв. Т. 3. С. 268–270.
- 66 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 76.
- 67 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VI. С. 1. № 1841.
- 68 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 41 об.—42.
- 69 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VI. С. 1–2. № 1841.
- 70 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 32 об. Публикацию письма см.: ИСв. Т. 3. С. 246–247.
- 71 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 86 об.—87.
- 72 Там же. Л. 90 об.—91.
- 73 Там же. Д. 3. Л. 58 об.
- 74 Там же. 1708 г. Д. 2. Л. 33 об., 67–68, 71, 91–91 об.
- 75 *Documente privitoare la Constantin-Vodă Brâncoveanu.* Publ. de *N. Iorga.* Buc., 1901. P. 123.

- 76 РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. 1704 г. Кн. 3. Л. 289–292, 294–295.
- 77 Там же. 1707 г. Кн. 3. Л. 120, 125–126, 147, 182–183.
- 78 Там же. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1704 г. Д. 1. Л. 6 об. Публикацию письма см.: ИСв. Т. 3. С. 200–201.
- 79 РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. 1707 г. Кн. 3. Л. 147 об.
- 80 *Крылова Т. К.* Русская дипломатия... С. 265.
- 81 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1708 г. Д. 3. Л. 3–3 об.
- 82 Там же. Д. 2. Л. 32–32 об.
- 83 РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. 1708 г. Кн. 2. Л. 124.
- 84 Там же. Л. 124 об.—125.
- 85 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1708 г. Д. 3. Л. 12 об.—13.
- 86 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VI. С. 117. № 2990.
- 87 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1708 г. Д. 3. Л. 1 об.—2.
- 88 Там же. Л. 8–9.
- 89 Там же. Д. 2. Л. 62.
- 90 Там же. Л. 72.
- 91 Там же. Л. 9–14.
- 92 Там же. Л. 68 об. — 69.
- 93 *Крылова Т. К.* Русская дипломатия... С. 263.
- 94 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1708 г. Д. 2. Л. 94.
- 95 Там же. Д. 3. Л. 4. Публикацию письма см.: ИСв. Т. 3. С. 284–285.
- 96 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1708 г. Д. 3. Л. 9.
- 97 Там же. Д. 2. Л. 85–86 об., 90 об., 91, 95, 97, 115 об. —117.
- 98 Там же. 1709 г. Д. 3. Л. 66 об., 87 об.—88.
- 99 Там же. Л. 35 об.—36 об.
- 100 Там же. Л. 49 об.
- 101 Там же. Л. 73 об.
- 102 DR. Supl. I/1. Buc., 1897. P. 372.
- 103 *Neculce Ion.* Letopisețul Țării Moldovei și o samă de cuvinte. Ed. de I. Iordan. Buc., 1955. (Далее — *Neculce.*) P. 256.
- 104 *Bezviconi G.* Contribuții la istoria relațiilor romîno-ruse. Buc., 1962. P. 132.
- 105 *Neculce.* P. 257; см. также: *Соловьев С. М.* История России... Кн. VIII. Т. 16. С. 375–376.
- 106 DR. Supl. I/1. P. 391–393.

- ¹⁰⁷ *Nesulce*. P. 258.
- ¹⁰⁸ Ibid. P. 256. О роли Карла XII в подталкивании Турции к войне с Россией см.: *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 77–78; *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 261–263.
- ¹⁰⁹ *Кафенгауз Б. Б.* Полтавская победа и русско-французские отношения // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 148–155; *Крылова Т. К.* Внешняя политика России после Полтавы (1709–1710 гг.) // Там же. С. 164–167.
- ¹¹⁰ Журнал или поденная записка блаженный и вечностойный памяти государя императора Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштадтского мира. Ч. 1. СПб., 1770 (далее — Журнал Петра Великого). С. 309.
- ¹¹¹ О роли Франции в развязывании русско-турецкой войны в 1710 г. см.: Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1956. Т. X. С. 656–660, прим. к № 3875.
- ¹¹² Там же. С. 656–660, прим. к № 3875; С. 768–772, прим. к № 4165. О целях дипломатии европейских стран в развязывании русско-турецкой войны см.: *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. С. 81–92; *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Первого. С. 265–271.
- ¹¹³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. X. С. 233–236. № 3878.
- ¹¹⁴ Журнал Петра Великого. С. 310–311.
- ¹¹⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. X. С. 383–384. № 4063. О других дипломатических акциях Петра I по предотвращению войны с Турцией см.: *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. С. 96–98.
- ¹¹⁶ РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1710 г. Д. 1. Л. 4 об. Публикацию письма см.: *ИСв.* Т. 3. С. 318–320.
- ¹¹⁷ Архив СПб.ОИИ. Ф. Походная канцелярия А. Д. Меншикова. Оп. 1. Карт. 15. № 17.
- ¹¹⁸ Цит. по кн.: *Мышлаевский А. З.* Россия и Турция перед Прутским походом // Военный сборник. 1901. № 1. С. 29.
- ¹¹⁹ ПСЗ. СПб., 1830. Т. IV. № 2322. С. 628.
- ¹²⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. XI. Вып. 1. С. 24–25. № 4203.
- ¹²¹ Журнал Петра Великого. С. 327.
- ¹²² ПСЗ. Т. IV. № 2322. С. 629. Участие балканских народов в борьбе с Турцией на стороне России входило в стратегические планы русского командования (*Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Первого. С. 273–273; см. также: *Лещило-вская И. И.* Петр I и Балканы // Вопросы истории. 2001. № 2).
- ¹²³ *Кочубинский А. А.* Мы и Они (1711–1878). Очерки истории и политики славян. Одесса, 1878. С. 117. См. также: *Достян И. С.* Борьба сербского народа против турецкого ига. XV — начало XIX в. М., 1958. С. 22, 25–26, 96–97.
- ¹²⁴ *Богоявленский С. К.* Из русско-сербских отношений при Петре Великом // Вопросы истории. 1946. № 8–9. С. 29–33.

- 125 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 1. С. 173–176. № 4385; см. также: ИСв. Т. 3. С. 323–327; *Neculce*. P. 264–265. Исследование проблемы: *Panaiteacu P. Tratatul de alianță dintre Moldova și Rusia din 1711. 250 de ani de la încheierea lui // Studii. Revistă de istorie. 1961. Nr. 4. P. 897–914.*
- 126 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 1. С. 221. № 4436.
- 127 Рукописный отдел Российской государственной библиотеки. Музейное собр. № 14096. Папка 1. Опул.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 1. С. 225–227. № 4440.
- 128 Журнал Петра Великого. С. 331–332; *Шереметев Б. П.* Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. Под ред. А. З. Мышлаевского. СПб., 1898 (далее — Военно-походный журнал Б. П. Шереметева). С. 21.
- 129 Походный журнал 1711 года. СПб., 1913. С. 6–7.
- 130 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 1. С. 221. № 4436.
- 131 Там же. С. 222.
- 132 Там же. С. 223.
- 133 Походный журнал 1711 года. С. 12.
- 134 *Neculce*. P. 271.
- 135 *Ibid.* P. 269.
- 136 Походный журнал 1711 года. С. 12; *Neculce*. P. 269.
- 137 Военно-походный журнал Б. П. Шереметева. С. 40; *Costin N. De domnia lui Nicolae Alexandru Vodă // Cronicele României seú Letopisețele Moldaviei și Valahiei. Ed. de M. Kogălniceanu. Buc., 1872. T. 2 (далее — Costin).* P. 100.
- 138 Текст манифеста: РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1711 г. Д. 3. Л. 1. Опул.: DR. Supl. I/1. P. 396–397. См. также: *Panaiteacu P. Dimitrie Cantemir. Viața și opera. Buc., 1958. P. 108.*
- 139 Война с Турцией 1711 года (Прутская операция). Под ред. А. З. Мышлаевского. СПб., 1898. № 114 (далее — Война с Турцией 1711 года). С. 119–120; см. также: Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1950. Т. IX. Вып. 1. С. 539, прим. к № 4495.
- 140 *Neculce*. P. 272; *Costin*. P. 101; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX. Вып. 1. С. 538, прим. к № 4495.
- 141 Походный журнал 1711 года. С. 146.
- 142 Там же. С. 15.
- 143 *Neculce*. P. 272.
- 144 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX. Вып. 1. С. 539, прим. к № 4495.
- 145 *Neculce*. P. 273.
- 146 Война с Турцией 1711 года. С. 250. № 31.
- 147 *Neculce*. P. 273.
- 148 Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1964. Т. XI. Вып. 2. С. 46. № 4630.
- 149 Там же.

- 150 Подробно об участии молдавских отрядов в военных действиях русских войск см.: *Кириченко Н. П.* К вопросу об участии молдавского народа в Прутском походе русской армии 1711 года // Ученые записки Кишиневского государственного педагогического института. 1958. Т. VIII. С. 15–28. О русско-молдавских отношениях во время русско-турецкой войны 1711 г. см.: *Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX в.)*. Кишинев, 1987. С. 243–252.
- 151 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 1. С. 299. № 4535.
- 152 Там же. С. 299–300. № 4535.
- 153 *Grecianu R.* Viața lui Constantin Vodă Brîncoveanu. Buc., 1906 (далее — *Grecianu*). P. 197–198.
- 154 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 1. С. 539. № 4495.
- 155 *Neculce*. P. 279.
- 156 *Ibidem*.
- 157 *Grecianu*. P. 198–199.
- 158 Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1964. Т. XI. Вып. 2. С. 35. № 4621.
- 159 Там же.
- 160 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1711 г. Д. 5. Л. 5.
- 161 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 2. С. 35. № 4621.
- 162 *Grecianu*. P. 201–202.
- 163 *Xenopol A. D.* Istoria Romînilor din Dacia Traiană. Buc., 1925. Vol. VIII. P. 63.
- 164 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 1. С. 556, прим. к № 4535.
- 165 РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1712 г. Д. 16. Л. 89–89 об.
- 166 *Grecianu*. P. 200–201.
- 167 *Ionașcu I.* Două știri mărunte privind legăturile Țării Românești cu Rusia în epoca lui Brîncoveanu // Studii și cercetări de istorie medie. 1951. I. P. 76.
- 168 *Neculce*. P. 279–280.
- 169 *Ibid.* P. 279.
- 170 *Grecianu*. P. 201.
- 171 См. также: *Panaitescu P.* Moldova și Țara Romînească în ultimele decenii ale secolului al XVII-lea și începutul secolului al XVIII-lea // *Istoria Romîniei*. Buc., 1964. Vol. III. P. 210; *Bezvicconi G.* Contribuții la istoria relațiilor romîno-ruse. P. 131.
- 172 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 1. С. 556, прим. к № 4535.
- 173 *Богоявленский С. К.* Из русско-сербских отношений... С. 29–30; *Достяня И. С.* Борьба сербского народа против турецкого ига. С. 98.
- 174 Война с Турцией 1711 года. С. 141. № 138.
- 175 Походный журнал 1711 года. С. 49–50.

- 176 *Xenopol A. D. Istoria Romînilor...* P. 64; *Giurescu C. Istoria Românilor.* Buc., 1944. Vol. III (1). P. 177.
- 177 Походный журнал 1711 года. С. 47–49.
- 178 *Neculce.* P. 275–277; *Panaitescu P. Moldova și Țara Românească...* P. 112.
- 179 Походный журнал 1711 года. С. 15–16, 49–50.
- 180 Там же. С. 16, 51.
- 181 Там же. С. 16; Война с Турцией 1711 года. С. 141. № 138.
- 182 *Масловский Д. Ф.* Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. I. С. 22. Приложение 1.
- 183 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 1. С. 38, прим. к № 4621; см. также: *Șerban C. O publicație contemporană referitoare la campania de la Prut (1711) // Studii. Revistă de istorie.* 1961. Nr. 5. P. 1230.
- 184 Война с Турцией 1711 года. С. 141. № 138.
- 185 Там же; Походный журнал 1711 года. С. 17.
- 186 Война с Турцией 1711 года. С. 147. № 145; В Походном журнале 1711 года — 28 июня.
- 187 *Neculce.* P. 280.
- 188 Походный журнал 1711 года. С. 52.
- 189 *Grecianu.* P. 206.
- 190 *Șerban C. Un episod al campaniei de la Prut: cucerirea Brăilei (1711) // Studii și materiale de istorie medie.* 1957. II. P. 452.
- 191 Ibid.
- 192 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 2. С. 37. № 4621.
- 193 *Neculce.* P. 282.
- 194 *Grecianu.* P. 213.
- 195 Ibid.
- 196 Ibid. P. 213–214.
- 197 РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1711 г. Д. 6а. Л. 3 об.
- 198 *Grecianu.* P. 205.
- 199 См. письмо Константину Брынковяну от 13 июля: *Callimachi S. Un document inedit din anul 1711 privitor la colaborarea militară româno-rusă // Studii. Revista de istorie și filosofie.* 1950. Nr. 3. P. 178–179.
- 200 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1711 г. Д. 4. Л. 45 об.
- 201 *Acte și fragmente cu privire la istoria Românilor.* Publ. de N. Iorga. Buc., 1895. Vol. I. P. 320.
- 202 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1711 г. Д. 5. Л. 5.
- 203 Там же.
- 204 Там же. Л. 5 об.
- 205 Там же.

- 206 Там же. Л. 6.
- 207 Там же. Л. 4.
- 208–209 *Callimachi S.* Un document inedit... P. 178–179.
- 210 DR. VI. Вис., 1878. P. 91–92.
- 211 Война с Турцией 1711 года. С. 141. № 138.
- 212 Очерки истории СССР. XVIII век. Первая четверть. М., 1954. С. 533.
- 213 Походный журнал 1711 года. С. 17.
- 214 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 2. С. 35. № 4621.
- 215 Подробнее см.: *Focșeneanu I.* Tratatul de la Luțk și campania țarului Pertru I în Moldova (1711) // Studii privind relațiile româno-ruse. 1963. P. 46–51.
- 216 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 2. С. 35. № 4621.
- 217 Журнал Петра Великого. С. 341.
- 218 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 2. С. 35–36. № 4621.
- 219 *Mehmet M. A.* Cronica lui Mehmed Rașid ca izvoz pentru campania de la Prut (1711) // Studii. Revistă de istorie. 1961. Nr. 4. P. 928.
- 220 Журнал Петра Великого. С. 341. Молдавские хронисты Некулче и Костин утверждают, что турки первые послали своего представителя с просьбой о перемирии (*Neculce*. P. 292; *Costin*. P. 107).
- 221 Походный журнал 1711 года. С. 18; Военно-походный журнал Б. П. Шереметева. С. 53.
- 222 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 1. С. 322–324. № 4576; С. 585, прим. к № 4578–4579.
- 223 *Энгельгардт Р. Ю.* Из истории Прутского похода Петра I // Ученые записки Кишиневского государственного университета. 1953. Т. VI. С. 113.
- 224 РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1711 г. Д. 6а. Л. 2.
- 225 Там же. Л. 3.
- 226 Там же. Л. 3–4.
- 227 Там же. л. 11–11 об.; Война с Турцией 1711 года. С. 174. № 86; С. 188. № 203; *Neculce*. P. 298; *Costin*. P. 108.
- 228 Acte și fragmente. Vol. I. P. 325; *Grecianu*. P. 208; *Neculce*. P. 298; РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1711 г. Д. 6а. Л. 19–19 об.
- 229 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 2. С. 41. № 4625.
- 230 РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1711 г. Д. 22. Л. 180а — 180а об.
- 231 *Масловский Д. Ф.* Записки по истории... С. 22. Прилож. 1.
- 232 Acte și fragmente. Vol. I. P. 319.
- 233 О русско-турецких отношениях в 1711–1713 гг. см.: *Крылова Т. К.* Русская дипломатия на Босфоре в 1711–1714 гг. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966. С. 410–446; *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. С. 138–187.

- 234 Военно-походный журнал Б. П. Шереметева. С. 116–117.
- 235 РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1711 г. Д. 9. Л. 16.
- 236 Военно-походный журнал Б. П. Шереметева. С. 153.
- 237 Там же.
- 238 Архив СПб. ОИИ. Ф. Походная канцелярия кн. А. Д. Меншикова. Оп. 1. Карт. 18. № 56.
- 239 Там же. Карт. 21. № 41а.
- 240 РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1712 г. Д. 16. Л. 52 об.—53; Д. 20. Л. 15–16; Архив СПб.ОИИ. Ф. Походная канцелярия кн. А. Д. Меншикова. Оп. 1. Карт. 20. № 276а.
- 241 РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1712 г. Д. 16. Л. 86–86 об.
- 242 Там же. Д. 19. Л. 10; Д. 20. Л. 62–62 об.
- 243 Там же. Д. 19. Л. 11–11 об.
- 244 Там же, 1713 г. Д. 22. Л. 109.
- 245 Там же. Л. 109 об. — 110.
- 246 Там же. Л. 111 об. — 112.
- 247 Там же. Л. 129, 139–140.
- 248 Там же. Л. 179–180 об.
- 249 Там же. Л. 197–197 об.
- 250 Там же. Д. 21. Л. 10 об.
- 251 Там же. Д. 22. Л. 195 об.
- 252 Там же.
- 253 Там же. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1712. Д. 2. Л. 26; Архив СПб. ОИИ. Ф. Собрание Гамеля. Оп. 3. № 21. Л. 129.
- 254 РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1712 г. Д. 15. Л. 4.
- 255 Там же. Л. 4 об.
- 256 Там же. Д. 16. Л. 89–89 об.
- 257 Там же. Д. 19. Л. 1 об.—2; Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. I. С. 609.
- 258 Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Т. I. С. 609.
- 259 Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Отд. I. № 33. Л. 8.
- 260 Там же. Л. 16.
- 261 Там же. Л. 4 об.—5.
- 262 РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1712 г. Д. 1. Л. 3 об.
- 263 Там же. Л. 5, 8.
- 264 Там же. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1712 г. Д. 20. Л. 7–8 об.; Военно-походный журнал Б. П. Шереметева. С. 149–150.
- 265 РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1712 г. Д. 16. Л. 89–89 об.

- 266 Там же. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1712 г. Д. 9. Л. 7.
- 267 Там же. Л. 7 об.
- 268 Архив СПб. ОИИ. Ф. Походная канцелярия кн. А. Д. Меншикова. Оп. 1. Карт. 18. № 285а.
- 269 Там же. Карт. 20. № 275.
- 270 Там же. № 274.
- 271 Там же. Карт. 21. № 32. Л. 159.
- 272 *Genealogia Cantacuzinilor*. Publ. de N. Iorga. Buc., 1902. P. 303, 309; *Iorga N. Istoria Românilor*. Vol. VI. Buc., 1936. P. 483.
- 273 *Documente privitoare la Constantin-Vodă Brâncoveanu*. P. 60–64; см. также: *Iorga N. Istoria Românilor*. Vol. VI. P. 486; *idem. Viața și domnia lui Constantin-Vodă Brâncoveanu*. Buc., 1914. P. 206.
- 274 *Documente privitoare la Constantin-Vodă Brâncoveanu*. P. 144–146; *Iorga N. Căderea și moartea lui Constantin-Vodă Brâncoveanu // Cuget clar*. 1933. VI. Nr. 1–4. P. 39; *idem. Viața și domnia lui Constantin-Vodă Brâncoveanu*. P. 212; см. также: *Xenopol A. D. Istoria Românilor...* Vol. VIII. P. 70–71; *Ciurescu C. Istoria Românilor*. Vol. III (1). P. 178.
- 275 *Șerban C. Legăturile stolnicului Constantin Cantacuzino cu Rusia*. P. 252–253.

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ XVIII В.
И ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА

С установлением с 1714 г. правления господарей-фанариотов*, назначавшихся султаном, произошло дальнейшее ухудшение социально-экономического положения Молдавии и Валахии в системе Османской империи. Рассматривая княжества как свою кладовую, Порты стремилась выкачать из них как можно больше средств, необходимых для покрытия все возрастающего финансового дефицита империи, вызванного бесконечными войнами и тяжело отражавшегося на состоянии османской экономики.

Система назначения господарей позволяла султану, используя многочисленных претендентов, повышать плату за престол и смещать по своему усмотрению господарей до истечения трехлетнего срока их правления. Выросла и выплачивавшаяся княжествами сумма харача, других податей и поставок Османской империи. Общая сумма этих платежей, по подсчетам исследователей, с начала до середины XVIII в. увеличилась в 3 раза¹.

Выполнение господами экономических требований Порты, стремление их возместить расходы, связанные с получением престола, ложились непосильным налоговым бременем на население. Податной гнет и военные разорения приводили к бегству жителей из княжеств. Многие села и плодородные земли пустели². Сокращались производство сельскохозяйственных культур и поголовье скота³.

Экономический упадок переживали и города, где также уменьшалась численность населения, что, в свою очередь, привело к сокращению или застою ремесленного производства⁴. Принудительные поставки продовольствия в Турцию отрицательно сказывались на внутренней торговле: закрывались рынки, переставали действовать ярмарки. Монополия Порты тяжело отражалась и на внешней торговле.

Возрастание османских экономических требований вело к усилению государственного податного гнета, ставшего причиной экономического спада в княжествах. Увеличивалось число государственных повинностей, которых в первые десятилетия XVIII в. насчитывалось несколько десятков. Преобладание государственных форм эксплуатации вело к изменениям в соотношении форм феодальной ренты, к переходу средств из частновладельческой ренты в централизованную. Все в большей мере это осуществлялось за счет налогообложения вотчинника-землевладельца и его хозяйства. Как следствие, в XVIII в. происходило сокращение удельного веса крупного землевладения и разорение мелких вотчинников⁵.

В государственном налогообложении стали преобладать денежные подати⁶, за счет которых содержалось служилое боярство. Но большая

---

* После поражения Петра I в Прутском походе (1711) Порты ограничила автономные права Дунайских княжеств. Господарские престолы в Яссах и Бухаресте стали занимать знатные греки из аристократических семей, проживавших в константинопольском квартале Фанар (фанариоты).

часть средств в качестве бесчисленных поборов уходила в Османскую империю.

С усилением податного бремени возростал социальный протест: крестьяне отказывались выполнять повинности, бежали в соседние страны. В XVIII в. распространилось гайдучество, все чаще приобретающее наряду с социальным характером черты освободительной борьбы против османско-фанариотского господства; это, в частности, проявилось в участии гайдуков в военных действиях на стороне русских войск во время войн России с Турцией⁷.

Рост народного недовольства вынуждал господарей и боярство лавировать и менять фискальные и аграрные отношения, дабы успокоить деревню и в то же время сохранить, укрепить свои привилегии и обеспечить присвоение прибавочного продукта. С этой целью в середине XVIII в. валашский, затем молдавский господарь Константин Маврокордат провел в княжествах серию реформ. Законодательными актами была отменена личная зависимость крестьян от феодалов⁸, что призвано было укрепить платежеспособность крестьянского двора. Но при этом усиливалась зависимость крестьян от государственной власти. Отменив ряд налогов, Маврокордат увеличил подушную подать — бир, которая взималась деньгами по распространившейся в XVIII в. системе рупта — по четвертям 4 раза в год. Но число четвертей, взимаемых с населения в счет бира, постепенно росло⁹.

Рядом актов Маврокордат оформил изменения в сословной структуре господствующего класса. Служилое боярство, существовавшее за счет отчислений от централизованной ренты, в зависимости от занимаемой должности было разделено на три ранга, каждый из которых имел определенные доходы и привилегии¹⁰. Для всякого должностного лица устанавливалось жалованье, которое выплачивалось из средств, получаемых с каждого налогоплательщика на содержание фискального аппарата. За отдельным государственным чиновником закреплялось право на определенное число крестьян-скутельников, освобождавшихся от государственных налогов и обязанных выполнять повинности в пользу должностного лица при сохранении всех обязанностей перед вотчинником¹¹. Право на скутельничество было законодательно оформлено и для церкви. Церковь все больше подчинялась власти господаря, который давал согласие на избрание митрополитов, утверждавшихся затем Константинопольской патриархией.

Установление фанариотского правления позволяло Порте все чаще вмешиваться во внутривосточные дела Молдавии и Валахии. Господари-фанариоты подчинили себе государственный аппарат. Чтобы укрепить господарскую власть, Константин Маврокордат унифицировал управление уездами, поставив во главе их двух исправников, выполнявших административные, фискальные и судебные функции. Судопроизводство перешло на письменное ведение дел.

Таким образом, в XVIII в. усилилась экономическая и политическая зависимость Дунайских княжеств от Османской империи. Следствием этого было возрастание государственного податного гнета, приводившего к преобладанию феодально-государственных форм эксплуатации населения. Выкачивание Портой огромных материальных и денежных средств из княжеств, опережавшее рост их производительных сил, создавало финансовые трудности, отрицательно влиявшие на состояние экономики. Особенно сильным тормозом являлась торговая монополия Османской империи. Осуществляемая Портой политика изолированного грабежа стала главным фактором, сдерживавшим начавшийся во второй половине XVIII в. процесс разложения феодализма и развития зачатков капиталистических отношений.

Пути выхода из создавшейся социально-экономической ситуации и дальнейшего национального развития занимали умы представителей правящей элиты, бояр и духовенства Молдавии и Валахии. Крестьянство и городские низы выражали свой протест в разных формах — от бегства за рубеж до организованных восстаний. Боярское сословие под давлением недовольства народных масс искало выход в реформировании феодальных порядков. Проведение Константином Маврокордатом серии реформ свидетельствовало о том, что правящее боярство не могло не считаться с необходимостью перемен. В то же время в самом боярском сословии шла борьба местного боярства с пришлыми боярами-фанариотами за размер доли в присвоении государственной ренты, что обостряло социальные противоречия в княжествах и создавало основу для разных подходов в понимании перспектив развития княжеств этими двумя группировками.

Существование разных взглядов на пути дальнейшего развития было обусловлено и объективным состоянием культурного процесса в княжествах. С установлением здесь фанариотского правления преобладающим фактором в развитии культуры стало греческое влияние. Греческий язык и культура служили проводниками идей Просвещения, способствовали общению к европейской цивилизации. В условиях Дунайских княжеств второй половины XVIII в. просветительство проявлялось в общественном течении, воплотившем стремление к европеизации, возрождению и прогрессу на почве роста национального самосознания. Его становление ускорило освободительной борьбой населения княжеств против османско-фанариотского господства.

С ростом национального самосознания и развитием самобытной культуры княжеств проявлялись отрицательные черты греческого влияния. Поощряя употребление греческого языка, фанариоты сдерживали введение родного языка в образовании, науке, литературе и т. д. Эти реалии культурного процесса также оказывали воздействие на формирование взглядов партий местного боярства в Дунайских княжествах.

Несмотря на проникновение просветительских идей во второй половине XVIII в., антифеодальное направление общественной мысли в княже-

ствах в то время еще не сформировалось. Поэтому теоретически вопросами дальнейшего национального и социального развития занимались представители боярской элиты¹². В социальной области просветительство не выходило за рамки реформизма. Его идеологи, преимущественно крупные бояре, ограничивались критикой отдельных сторон господствовавших феодальных порядков.

В плане практических действий по выходу из создавшегося положения молдавское и валашское боярство было разделено на две основные партии. Господари-фанариоты и поддерживавшие их группировки главным образом крупных бояр видели путь к европеизации и возрождению в реформировании существующих в княжествах социально-экономических порядков, ориентируясь на усиление феодально-государственных форм эксплуатации. Отсюда и поддержка ими реформ Константина Маврокордата.

Другую партию представляли группировки местного боярства, выступавшего против фанариотского режима, который ограничивал их административные и сословные права. В большинстве своем эти группировки составляли средние и мелкие служилые бояре, имевшие ограниченный доход от феодально-государственной эксплуатации крестьян и вынужденные делить с османами прибавочный продукт. Отсюда их заинтересованность в усилении частнофеодальных отношений в княжествах. К ним примыкали представители церковных феодалов и духовенства, обделенные доходами из государственных податных средств.

Оставаясь на позициях реформизма, эти группировки местного боярства и духовенства выдвигали планы дальнейшего развития княжеств на измененной феодальной основе. Но их идеологи видели возможность осуществления своих планов в рамках программы освобождения от османского господства. На ее формирование влияли как внешнеполитические, так и внутренние факторы.

Русско-турецкие войны XVIII в. способствовали росту освободительных настроений в княжествах, повышали социальную активность их населения. В борьбе единой России против Османской империи оно видело реальную возможность поражения Порты и своего освобождения. Духовенство рассматривало перспективу укрепления (при поддержке России) православия в княжествах, а заодно и увеличения своих доходов. Не случайно периоды русско-турецких войн были отмечены подъемом освободительного и социального движения в княжествах, особенно в Молдавии¹³.

Боярские идеологи не принимали противоречивший их сословным интересам путь народного выступления, которое, помимо национальной, имело социальную направленность. Они рассчитывали направить в выгодное для себя русло освободительную и социальную борьбу масс, используя тягу населения к единой России, стремление освободиться с ее помощью. Поэтому программа национального освобождения

ния, поддерживаемая патриотически настроенным боярством и духовенством, предусматривала ориентацию на Россию.

Боярское происхождение мыслителей Дунайских княжеств второй половины XVIII в., умеренность их социальных взглядов предопределили планы освобождения при опоре на крепостническую Россию, что предполагало дальнейшее развитие княжеств путем реформирования феодального уклада. Российские аграрные порядки представлялись молдавским и валашским феодалам наиболее приемлемыми для обеспечения их господства, подъема вотчинного хозяйства¹⁴. Программа боярства и духовенства была рассчитана прежде всего на восстановление их сословных прав и привилегий, попранных Портой и ее ставленниками господами-фанариотами. Претворение в жизнь такой программы должно было не только защитить интересы господствующих сословий внутри княжеств, но и оградить их привилегии от посягательств османов¹⁵.

Политика России в Юго-Восточной Европе, русско-турецкие войны создавали благоприятные условия для осуществления программы патриотически настроенных бояр и духовенства Дунайских княжеств. Так, возможность ее реализации возникла в ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Успешные военные действия русских войск летом 1736 г. по продвижению в глубь Крымского полуострова способствовали активизации боярских группировок прорусской ориентации. Молдавские бояре — Анастасий Лупу, Андронаке, Петр и Александр Дука сообщали русскому командованию сведения о движении османских войск, о положении в княжестве¹⁶. Летом 1736 г. от имени многочисленной группы валашских бояр в Россию тайно прибыл ворник Преда Другэнеску. Он должен был через проживавших в России Кантемиров и Кантакузино склонить русское правительство к оказанию помощи Дунайским княжествам в освобождении от османской зависимости¹⁷. Через Миниха Другэнеску представил русскому правительству доклад. Основное его содержание составляли предложения о развертывании активных действий русских войск в направлении Днестра и Дуная. Мотивируя свои предложения, Другэнеску подчеркивал возможность использования освободительного движения балканских народов, в частности молдаван и валахов, для создания отрядов волонтеров и обеспечения русской армии необходимыми припасами.

Предложения валашского ворника могли быть полезны русскому правительству при выработке плана военных операций 1737 г. Вопрос о Молдавии и Валахии приобрел для России важность в связи с вступлением в войну союзной Австрии, стремившейся к расширению своих владений в Дунайском бассейне. Летом 1737 г. австрийская армия в ходе военных действий вступила на территорию Валахии. Двадцатилетний период господства Австрии в Олтении¹⁸ показал валахам и молдаванам, что они не могут рассчитывать на освобождение с помощью австрийцев. В апреле и сентябре 1737 г., а также в марте 1738 г. последовал ряд петиций валашских и молдавских бояр к русскому правительству с просьбой принять княжества под

свое покровительство¹⁹. Так, в грамоте на имя императрицы Анны Иоанновны от 25 апреля 1737 г. представители валахской элиты во главе с митрополитом писали: «Рабско просим или чрез посредство мира, или чрез императорское ваше оружие не оставить нас уже более в порабощении сих других народов пребыть, но всяким образом освободить нас и привести в православное Вашего Величества подданство». Осенью того же года правящие круги Валахии прислали повторную просьбу о протекторате России²⁰.

Под влиянием этих просьб Россия на проходившем в 1737 г. мирном конгрессе в Немирове в ответ на требование Австрии о передаче ей Дунайских княжеств выдвинула план предоставления Молдавии и Валахии независимости. Российские предложения встретили отпор с австрийской стороны. Под давлением французских дипломатов Порты прервала переговоры, и война продолжилась.

В 1739 г. русские войска сконцентрировали свои действия против османских сил на территории Молдавского княжества. У местечка Ставучаны они нанесли решающее поражение армии султана и через два дня овладели Хотинном. В этих операциях на стороне русских сражались и местные отряды добровольцев. Жители княжества доставляли русским войскам провиант, сообщали сведения о продвижении султанской армии. Освободительное движение переплеталось с антифеодальной борьбой крестьян, которые, организуя гайдуцкие отряды, выступали против боярского произвола²¹.

2 сентября в Яссы вступил сформированный в России отряд молдаван под командованием находившегося на русской службе Константина Кантемира, сына бывшего молдавского господаря Антиоха Кантемира. Власть в городе находилась в руках немногочисленной группы прорусски настроенных бояр во главе с митрополитом Антонием. Господарь Григорий Гика бежал из столицы. Бояре и духовенство встретили Константина Кантемира с большими почестями²². На следующий день в Яссы вошел с войсками Миних. Накануне в деревне Штефанешти им была принята молдавская депутация, заявившая о желании княжества принять русское подданство²³. 5 сентября представителями местной власти и командующим русской армией была подписана конвенция об условиях вступления Молдавии в русское подданство. Во втором ее пункте говорилось: «Мы себя подвергаем в высочайшую Ее Императорского Величества нашей всемилостивейшей государыни протекцию и ее справедливые соизволения за наши законы приемлем». Россия, со своей стороны, не должна была вмешиваться во внутренние дела княжества, сохранять права и привилегии боярства. Представители молдавского духовенства и бояр просили, чтобы они «имели те же вольности, привилегии и преимущества как в духовных, так и в светских делах, каковыми прочие Ее Императорского Величества подданные пользуются»²⁴. Местные власти брали на себя обязательства по снабжению провиантом 20 тыс. русских войск, содержанию госпиталей, предоставлению рабочей силы для фортификационных работ и т. д.²⁵.

Главным условием выполнения подписанной конвенции должно было стать успешное продолжение войны России с Портой, за что ратовал Миних²⁶. Но российское правительство в связи с осложнением международной обстановки пошло на заключение мира с Османской империей и вывело свои войска из Молдавии. Таким образом, подписанная русско-молдавская конвенция осталась на уровне ставки русского командования.

Потерпев поражение в Валахии, Австрия заключила сепаратный мир с Портой, по которому османам возвращалась часть территории Сербии и Малой Валахии (Олтении). Позиция Австрии, угроза войны со стороны Швеции, подстрекаемой Францией, заставили российское правительство, несмотря на успехи военной кампании 1739 г., подписать в Белграде мирный договор с Портой. По его условиям русские войска уходили из Молдавии, османам возвращался Хотин²⁷. Российской дипломатии удалось включить в текст договора статью в пользу жителей княжеств о ненаказании подданных «сих двух империй, которые во время войны перекинулись на которую-либо сторону. Такие с обеих сторон прощены быть имеют и, возвратясь в свои дома и к своим фамилиям, да пользуются своими пассассиями»²⁸.

Включение этой статьи в договор имело важное значение. Впервые в русско-османском договоре предусматривалось полное прощение жителям Молдавии, участвовавшим в военных действиях на стороне России. Проявленное российскими дипломатами участие в судьбе княжества после окончания войны должно было способствовать сохранению симпатий населения Молдавии к России, укреплению здесь ее престижа, вселяло надежду на помощь России в будущем. В освободительных планах главное место продолжали занимать вопросы присоединения княжеств к Российской империи или установления ее протектората.

Начавшаяся в 1768 г. русско-турецкая война возродила надежды жителей Дунайских княжеств на освобождение от османской зависимости. Появление Первой русской армии под командованием П. А. Румянцева весной 1769 г. на Днестре вызвало подъем освободительного движения в Молдавии. Духовенство княжества направило к русскому командованию своего посланца с заверением о готовности доставлять сведения о неприятеле и собрать продовольственные запасы²⁹. Крестьяне и горожане стеклись в отряды волонтеров, которые активно действовали в различных частях княжества и, нападая на османские части, уничтожали их провиантские склады, создавали тем самым благоприятные условия для операций русских войск³⁰.

В Валахии группа бояр и духовенства во главе с Пырву и Михаилом Кантакузино ждала прихода русских войск, чтобы начать восстание в Бухаресте, о чем была достигнута договоренность еще в 1768 г. во время пребывания в Валахии майора Назария Каразина с поручением российского правительства³¹. Письмо Екатерины II к Пырву Кантакузино и манифест к жителям Валахии с призывом к борьбе против османов, достав-

ленные Каразиным в мае 1769 г.³², усилили активность патриотов в княжестве. Пырву Кантакузино сообщал командующему русской армией А. М. Голицыну о планах и дислокации султанских войск³³.

В конце сентября 1769 г. русские войска под командованием П. А. Румянцева вступили в Яссы. Жители молдавской столицы встречали их с энтузиазмом. Духовенство во главе с митрополитом Гавриилом устроило в соборной церкви торжественный молебен и стало приводить народ к присяге императрице³⁴. 31 октября Румянцев обратился к жителям Молдавского княжества с манифестом, призывавшим оказывать помощь русским войскам в операциях против османов³⁵. В ответ на этот призыв молдавские волонтеры вступали целыми отрядами в русскую армию и принимали активное участие в сражениях. К началу 1770 г. в ее воинских частях насчитывалось 6300 молдаван³⁶.

Вместе с русскими соединениями, дислоцированными в Фокшанах, отряды молдавских волонтеров под командованием Илие Лэпушняну действовали также и в четырех уездах Валахии³⁷. В Фокшаны прибывали все новые валашские добровольцы. К Илие Лэпушняну из Бухареста бежал капитан Згурали с частью господарской гвардии (более 100 человек)³⁸. Пырву Кантакузино сообщил русскому командованию планы подготовки османами атаки на Фокшаны³⁹.

Чтобы сорвать эти планы, решено было овладеть Галацем и Бухарестом. Русские части и отряды молдавских и валашских волонтеров при содействии восставших горожан вошли в Галац⁴⁰. Одновременно Илие Лэпушняну с отрядом волонтеров по договоренности с Пырву Кантакузино атаковал Бухарест. Население валашской столицы поднялось против османов. Господарь Григорий Гика был схвачен и передан русскому командованию. Правящая верхушка из крупных бояр бежала в Трансильванию⁴¹.

Власть в Бухаресте перешла в руки группировки бояр прорусской ориентации во главе с Пырву Кантакузино. В манифесте от 4 декабря 1769 г. Румянцев призвал жителей Валахии к совместной борьбе против султанских войск⁴². Под руководством Пырву Кантакузино население начало готовить обмундирование и оружие⁴³. Из уездов Валахии в Бухарест прибывали добровольческие отряды. При поддержке населения и волонтеров русские войска в декабре 1769 г. не только предотвратили попытку османов вернуть Фокшаны и Бухарест, но и нанесли им ощутимые удары в районе Браилы и Джурджу.

В ходе военной кампании 1770 г. после решающих побед П.А. Румянцева в сражениях при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле, в которых участвовали отряды молдавских и валашских добровольцев⁴⁴, территория Дунайских княжеств была освобождена от власти султана.

Русская военная администрация стала принимать меры по организации управления в княжествах. По просьбе бояр верховная власть сохранялась за Диванами. В качестве председательствующих в них были назначены представители русского военного командования, призванные

решать дела по управлению только с согласия всех наличных членов Диванов. Руководитель администрации П. А. Румянцев в своих рескриптах неоднократно подчеркивал необходимость соблюдать местные законы и традиции⁴⁵. Одним из первых его мероприятий стала замена денежных поборов с населения натуральными поставками, при этом запрещалось какое-либо насилие при их взимании⁴⁶. Были приняты меры по упорядочению работы Диванов, организации финансов, местного управления, юстиции, санитарного обслуживания населения. Проводились также мероприятия по восстановлению городов и сел, поддержанию ремесла и торговли, функционированию школ⁴⁷.

Деятельность русской администрации осложнялась жалобами бояр на антифеодальные выступления крестьян и просьбами о расформировании вооруженных отрядов волонтеров. Добровольческое движение крестьян в период войны сочеталось с борьбой против притеснений бояр. Крестьяне бежали из поместий, отказывались выполнять повинности, прогоняли исправников. Нередко эти формы протеста выливались в организованные выступления. Наибольший размах крестьянское движение приняло в Молдавском княжестве в 1773–1774 гг.⁴⁸. Солидаризируясь с местным боярством в защите их социальных привилегий, русское командование стремилось, однако, сохранять добровольческие отряды, игравшие заметную роль в военных действиях против османских войск. В 1771–1772 гг. на эти отряды в составе войск Первой армии была возложена задача по охране левого берега Дуная.

Между тем успехи русских в войне с Турцией вызывали враждебность со стороны европейских держав, не желавших усиления позиций России на Балканах. Особое беспокойство проявляли Габсбурги, усмотревшие в развернувшемся в княжествах в условиях войны освободительном движении угрозу безопасности своих владений. Главную опасность Венский двор видел в возможном присоединении Дунайских княжеств к России.

Австрийские власти были заинтересованы в скорейшем заключении русско-турецкого мира. С целью давления на Россию Вена начала переговоры с Портой и в июле 1771 г. подписала с ней договор. На условиях сохранения Дунайских княжеств в составе Османской империи и посредничества в русско-турецких переговорах Венский двор получил от Стамбула денежную субсидию и привилегии для австрийских торговцев на территории Турции⁴⁹.

Сходную с Австрией позицию занимала и Пруссия, формально являвшаяся союзницей России. Но резоны у Фридриха II были иными. Добиваясь скорейшего заключения русско-турецкого мира и посредничая в этом направлении, Пруссия стремилась к прекращению уплаты России субсидий в размере 400 тыс. рублей, предусмотренных договором 1764 г. Сказывалась также обеспокоенность прусского короля чрезмерным усилением позиций России.

Враждебное отношение к России сохраняла Франция, стремившаяся склонить Порту к отказу от мирных переговоров. Англия, хотя и проявляла лояльность к военным действиям России на Черном и Средиземном морях, но также была против предоставления независимости Дунайским княжествам, считая, что это приведет в итоге к усилению в них русского влияния и расширит возможности для укрепления российских позиций в юго-восточном регионе. Откровенно агрессивную позицию заняла и Швеция⁵⁰.

Все это осложняло международное положение России, несмотря на успехи военной компании 1771 г., результатом которой стало занятие русскими войсками Крыма и ряд серьезных поражений турецкой армии на суше и на море. Петербургский кабинет понимал, что в сложившихся условиях не может настаивать на требовании о независимости Дунайских княжеств, которое являлось основным препятствием для начала русско-турецких мирных переговоров.

Вопрос о будущем статусе княжеств играл немаловажную роль при составлении программы мира, и Государственный совет не раз уделял ему внимание. Оптимальным для интересов России считалось предоставление им независимости. Но опасение открытого перехода Австрии на турецкую сторону и удара ее войск во фланг армии П. А. Румянцева побуждало действовать с сугубой осторожностью.

Рассмотрение дальнейшей судьбы Молдавии и Валахии российское правительство поставило на заседании Государственного совета 11 марта 1770 г., но решило отложить его до прибытия депутатов от княжеств⁵¹. Коллегия иностранных дел поддерживала контакты с молдавским и валахским боярством и высшим духовенством. В конце марта 1770 г. делегации от двух княжеств прибыли в Петербург. На чрезвычайном заседании Государственного совета 12 марта были зачитаны привезенные ими грамоты⁵². Делегаты имели рекомендательные письма к возглавлявшему Коллегию иностранных дел Н. И. Панину с просьбой, чтобы их приняла императрица⁵³.

28 марта Екатерина дала аудиенцию депутатам от княжеств, приняла привезенные грамоты и выслушала просьбы о покровительстве России. В грамоте от 10 декабря 1769 г. молдавские духовные чины во главе с митрополитом Гавриилом просили: «Да всегда будем под высоким защищением и покровом Вашего императорского величества... и охранены непобедимым оружием Вашего императорского величества»⁵⁴. Бояре в своей грамоте выражали благодарность российскому правительству за то, что «по давнему желанию нашему удостоились быть под державным покровительством вашим»⁵⁵. Просьба оставить Молдавию под покровительством России высказывалась и прибывшими депутатами. Представители правящего валахского боярства от имени жителей всего княжества в грамоте от 18 ноября 1769 г. писали: «Всеусерднейше же молим, да примет ваше величество места наши под неотъемлимое покровительство

и утвердит нас непобедимую защитой, присовокупя к пространству империи Вашего Величества»⁵⁶.

В произнесенной депутатами речи перед Екатериной II выражалась надежда: «...да поживем вечно под Богом хранимым вашего императорского величества самодержавством»⁵⁷. В ответ по решению императрицы депутаты получили на аудиенции заверение о «принятии под высочайший покров обоих княжеств»⁵⁸. В подготовленной для посылки в Молдавию грамоте Екатерины II говорилось: «...утвердил теперь себя весь благочестивый молдавский народ торжественною присягою нам и оружию нашему. Охотно обнадеживаем оной через сие, что не только обывателей всех и каждого из них, яко единоверных с нами, при всех их христианских правах и преимуществах цело и невредно сохранять намерены, но и хотим еще всеми нами от Бога дарованными силами стараться о защищении их»⁵⁹.

Несмотря на заверения о защите и покровительстве в ответ на поступавшие из Молдавии и Валахии просьбы, российское правительство занимало осторожную позицию в отношении княжеств. В условиях обострившегося в последней четверти XVIII в. соперничества между державами за преобладание в Юго-Восточной Европе вопрос о судьбе Дунайских княжеств приобрел особую важность. Стремясь воспрепятствовать усилению позиции России в регионе, ее соперники отстаивали принцип целостности Османской империи, что фактически означало сохранение господства султана над покоренными народами. Французская и австрийская дипломатии прилагали усилия к тому, чтобы не допустить отторжения Дунайских княжеств от Порты. Пруссия сближалась с Венским двором, чтобы, используя притязания Габсбургов на Дунайские княжества, действовать против своей союзницы России⁶⁰.

В складывающейся ситуации российское правительство уделяло особое внимание вопросу о княжествах. При его рассмотрении и выработке своей позиции оно использовало пребывание в Петербурге весной 1770 г. молдавских и валашских посланцев. Представляется не случайной задержка в России депутатов из княжеств до конца года. На заседании Государственного совета 21 июня было решено: «...их отсюда не отпускать и сделать о них какое-либо определение»⁶¹. Такое решение, надо полагать, отвечало и намерениям самих депутатов, стремившихся повлиять на позицию России в вопросе о судьбе княжеств и надеявшихся на их сохранение под российским покровительством. Молдавские духовные чины и бояре по возвращении своих депутатов из Петербурга писали Екатерине II в январе 1771 г. о получении императорской грамоты и выражали надежду, «что мы не будем никогда подвержены под варварское и тиранское иго... но пребывать всегда под одним и тем же правлением и покровительством... всероссийского самодержавия»⁶².

Но успехи русских войск в войне с Османской империей, пребывание их на территории княжеств усилили враждебность европейских держав к России. В этих условиях, исходя из реалий международной обста-

новки и задач своей балканской политики, российское правительство склонялось к позиции оставления Дунайских княжеств в подчинении султану. Очевидно, находившиеся в 1770 г. в Петербурге молдавские и валашские депутаты знали о возможности такого решения их судьбы. Именно этим объяснялась настойчивость их просьб о российском покровительстве. Вполне вероятно, что депутаты в беседах с представителями российских правительственных кругов просили, в случае возвращения княжеств под власть султана, улучшения их положения, ссылаясь на прежние права и привилегии. Во всяком случае, надо полагать, не без влияния молдавских и валашских депутатов российское правительство выдвинуло определенные условия, на которых соглашалось оставить Дунайские княжества в зависимости от Порты.

На заседании Государственного совета 24 октября 1771 г. было формально решено отказаться от требования о предоставлении независимости Молдавии и Валахии и согласиться на оставлении их в подданстве султану, но на определенных условиях⁶³. В письме к графу А. Г. Орлову от 12 ноября Н. И. Панин писал: «Всемиловитейшая государыня соизволила отступить от требования своего об отторжении Молдавии и Валахии от Турецкой империи, с тем, однако, чтобы сии два княжества остались навсегда с теми правами и привилегиями, с которыми они вошли в турецкое подданство»⁶⁴.

Решение российского правительства ускорило русско-турецкие переговоры, которые начались при посредничестве Австрии и Пруссии в июле 1772 г. в Фокшанах. Хотя Россия и отказалась от требования независимости Молдавии и Валахии, султанская делегация уклонилась от обсуждения вопроса о княжествах. Заинтересованность сторон в мире привела к продолжению переговоров осенью 1772 г. в Бухаресте.

Российские представители придавали особое значение условиям возвращения княжеств под власть османов. При этом важно было добиться того, чтобы Молдавия и Валахия пользовались внутренней автономией и привилегиями в системе Османской империи. В инструкции Екатерины II от 21 апреля 1772 г. чрезвычайным и полномочным послам на мирных переговорах с Портой А. Г. Орлову и А. М. Обрескову предписывалось, «чтобы при уступке Молдавии и Валахии, имянно выговорить в пользу обоих сих княжеств и всех в них без изъятия жителей... совершенную и полную амнистию, с содержанием их впредь от Порты неотменно при всех тех правах, вольностях и преимуществах, с коими каждое из них пришло под власть турецкую...»⁶⁵. Таким путем российское правительство стремилось ослабить влияние Порты и укрепить свои позиции в княжествах.

При обсуждении вопроса о возвращении княжеств в османскую зависимость с условием восстановления их внутренней автономии и привилегий российская дипломатия учитывала просьбы представителей валашского и молдавского боярства и духовенства. Во время работы мирного конгресса в Фокшанах в июле—августе 1772 г. А. Г. Орлов и А. М. Обресков по-

лучали такие просьбы из княжеств, в которых говорилось о поправленных османами их правах и привилегиях⁶⁶. Видя реальную возможность оставления княжеств под властью султана, представители молдавского и валашского боярства и духовенства надеялись с помощью России добиться у Порты утверждения автономных прав и привилегий княжеств. Так, обращаясь 30 января 1774 г. к Екатерине II с такой просьбой, молдавские духовные чины во главе с митрополитом Гавриилом писали: «Отечество наше на правах самоуправления или независимости покровительству, а не тиранству, Оттоманской Порты самопроизвольно предалось»⁶⁷.

Несмотря на изменение позиции России в вопросе о Дунайских княжествах, султанские послы на переговорах в Бухаресте под давлением австро-французской дипломатии отклонили предложения А. М. Обрескова об условиях возвращения княжеств османам, также как и требования российской стороны в отношении предоставления независимости Крыму, свободы плавания русских судов в Черном и Средиземном морях. Переговоры были сорваны, военные действия продолжались.

Последовавшие после Бухарестского конгресса успешные операции русских войск за Дунаем 1773–1774 гг., поставившие османскую армию на грань катастрофы, заставили Порту просить мира. 10 июля 1774 г. в Кючук-Кайнарджи был подписан русско-турецкий мирный договор, основу которого составили условия, подготовленные российской стороной. В его текст была включена специальная статья (16), определявшая статус Молдавии и Валахии в подчинении султану. Порта обязывалась вернуть княжествам территории, приписанные к райятам в районе крепостей Хотин, Бендеры и др. Жителям Молдавии и Валахии разрешалось беспрепятственно исповедовать христианскую религию. Участникам войны предоставлялась полная амнистия и право переселиться в течение года в другие страны. Княжества освобождались от недоимок за военное время и от уплаты налогов за два послевоенных года. По истечении этого срока вместо многочисленных тяжелых повинностей они должны были платить султану только денежную подать раз в два года «посредством присылаемых депутатов». Господарям разрешалось иметь при Порте своих поверенных в делах, которые защищали бы в Стамбуле интересы княжеств. Важное значение имел пункт статьи, по которому российские представители в Турции «могли говорить в пользу сих двух княжеств»⁶⁸.

Таким образом, Кючук-Кайнарджийский договор не только предусматривал ряд условий, улучшавших экономическое и политическое положение Молдавии и Валахии в системе Османской империи, но и предоставлял России право им покровительствовать, выступать в защиту их привилегий, провозглашенных договором, оказывать давление на Порту, делая представления в пользу жителей княжеств.

На основе этого права российская дипломатия добилась издания султаном 15 декабря 1774 г. отдельных для Молдавии и Валахии хаттише-риффов (указов), вносивших изменения в положение княжеств соответ-

ственно условиям Кючук-Кайнарджийского мира. Ограничивался размер дани Порте; население освобождалось от обязательных поставок в Стамбул овец, хлеба и другого продовольствия, запрещалось практиковавшееся ранее произвольное занижение закупочных цен на поставляемую сельскохозяйственную продукцию. Возвращались земли, входившие в состав турецких райятов. Османским феодалам и купцам запрещалось селиться на территории княжеств и чинить насилия местным жителям. Султан брал на себя обязательство не смещать господарей до истечения срока правления, исключения составляли случаи, когда они совершат явное преступление против Порты. Господарям разрешалось иметь своих поверенных в Стамбуле. Жители княжеств могли свободно исповедовать христианскую религию, они получали амнистию за участие в войне на стороне России, а также право переселения в другие страны в течение года после ратификации договора⁶⁹.

Общие формулировки статей хаттишерифов и статьи 16 Кючук-Кайнарджийского договора о покровительстве России Молдавии и Валахии предоставляли российской дипломатии возможность толковать и использовать их содержание для предъявления требований Порте в случае нарушения зафиксированных в них привилегий княжеств и их статуса. Новое международное право России имело важное значение не только для политики российского правительства в Юго-Восточной Европе. Ограничение возможности беспрепятственного экономического ограбления Молдавии и Валахии, обретение ими частичной политической автономии создавало предпосылки для их прогрессивного развития.

Несмотря на падение международного престижа в результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и углубление внутреннего кризиса, Османская империя стремилась удержать свое господствующее положение в балканских землях. Поэтому Порта делала все, чтобы затянуть ратификацию Кючук-Кайнарджийского договора, пересмотреть ряд его статей, прежде всего относящихся к Молдавии и Валахии, используя реваншистские настроения в османском обществе и противоречия между европейскими державами.

Россия, заинтересованная в освоении южных земель и развитии черноморской торговли, расширении владений за счет Крыма и земель Причерноморья⁷⁰, придавала важное значение контролю за соблюдением Портой условий мирного договора 1774 г. Одним из средств реализации экономических и политических интересов России в Причерноморье становится политика российской дипломатии в отношении Дунайских княжеств. Главной ее задачей было достижение преобладающего влияния в Молдавии и Валахии, закрепление престижа России как державы-покровительницы путем создания опоры в правящей элите княжеств, ослабления влияния на нее Порты и других европейских держав. Важная роль здесь отводилась поддержке национально-освободительных устремлений княжеств, сохранению и расширению их внутривластной автономии. Осуществление

такой политики правительство Екатерины II проводило под знаменем защиты единоверных братьев-христиан от магометанской тирании, основываясь на признании за Россией по Кючук-Кайнарджийскому миру права покровительства христианским подданным султана.

После войны влияние России в княжествах усилилось. Местная элита стремилась использовать поддержку российской дипломатии для реализации и расширения привилегий, которые Молдавия и Валахия получили по условиям мирного договора 1774 г. Главной задачей ее политической программы становятся восстановление автономии и закрепление при поддержке России привилегий княжеств в системе Османской империи. И здесь молдавские и валашские бояре и духовенство стремятся использовать в своих интересах широко распространенную в это время практику предоставления Портой капитуляций. Их идеологи «реконструировали» так называемые капитуляции, документы с перечнем якобы полученных по договорам с султаном в XIV—XVI вв. автономных прав и привилегий, признания которых правящая элита стала добиваться у османского правительства при содействии России. С этой целью представители молдавского и валашского боярства и духовенства продолжали обращаться за помощью к российскому правительству. К просьбам о защите автономных прав Молдавии и Валахии нередко прилагались составленные их идеологами исторические материалы, призванные подтвердить законность требований княжеств⁷¹.

Для России выступления в качестве державы-покровительницы в защиту привилегий княжеств были средством дипломатического воздействия на Порту, чтобы, вынуждая ее к уступкам в вопросе о статусе княжеств, продвигаться в решении задач черноморской политики, направленной на утверждение преобладающих позиций в Причерноморье. Одновременно они оказывали влияние на население Молдавии и Валахии, привлекая их симпатии на сторону России.

Хотя Порты после заключения Кючук-Кайнарджийского договора сразу же стала нарушать установленный статус Молдавии и Валахии, вопрос о княжествах в первые годы не был приоритетным в политике Екатерины II. Внимание российской дипломатии сосредоточилось на событиях в Крыму, где османы провоцировали антирусские акции, совершали военные диверсии. Пресекая попытки нарушения привилегий княжеств, петербургский двор стремился в то же время избежать обострения русско-турецких отношений. Посольству в Стамбуле было предписано убеждать султана и османских сановников в дружелюбии императрицы, в нежелании подрывать его власть в Дунайских княжествах.

Сама Османская империя в сложившихся после 1774 г. международных условиях также не могла рассчитывать на открытую конфронтацию с Россией. Потенциальные союзники Порты Франция и Англия были поглощены решением собственных внешнеполитических задач в Северной Америке, Австрия и Пруссия заняты борьбой за «баварское наследство»⁷².

Возникшая в 1778 г. в связи с событиями в Крыму угроза военного конфликта с Россией заставила османское правительство пойти на переговоры, которые завершились в 1779 г. заключением Айналы-Кавакской конвенции. В ходе переговоров под влиянием обращений представителей элиты княжеств российская дипломатия решительно выступила против нарушений османами привилегий Молдавии и Валахии, установленных мирным трактатом 1774 г., и потребовала подтверждения Портой своих обязательств в отношении княжеств.

По инициативе российской стороны в текст конвенции была включена специальная статья (VII), фиксирующая дальнейший статус Дунайских княжеств с подробным перечислением их привилегий, предоставляемых Портой. В подтверждение хаттишерифов 1774 г. предусматривались свобода христианского вероисповедания, уменьшение размера податей и соблюдение установленного порядка их сбора, возврат боярам и монастырям захваченных османами и превращенных в райяты земель княжеств, дипломатическая неприкосновенность молдавских и валахских представителей в Стамбуле и пр.⁷³.

Заключение Айналы-Кавакской конвенции было успехом российской дипломатии в вопросе о Дунайских княжествах. Подтвержденные в ней уступки Порты в пользу княжеств, закрепление их нового статуса обрели юридическую силу. Отныне они не могли быть отменены султаном или его преемниками, так как конвенция объявлялась частью Кючук-Кайнарджийского договора⁷⁴. Османское правительство лишалось формальных оснований для возможных попыток не признавать или ревизовать соответствующие статьи договора⁷⁵.

Проблеме Дунайских княжеств в российской внешней политике стало придаваться большее значение в конце 70-х — начале 80-х гг., когда правительство Екатерины II предприняло конкретные шаги по присоединению Крыма. Перед миссией в Стамбуле была поставлена задача оказывать в этом вопросе давление на Порту, используя данные о ее политике в княжествах, о позиции европейских держав. Отсутствие систематической информации о положении дел в Молдавии и Валахии затрудняло выполнение такой задачи. Поэтому необходимость постоянного получения подробных сведений о ситуации в княжествах (наряду с политическими, экономическими и стратегическими интересами России в Юго-Восточной Европе) побудила правительство Екатерины II учредить в княжествах генеральное консульство. Немаловажное значение придавалось стремлению через консулов расширить и укрепить связи с патристическими группировками местного боярства и духовенства. Кроме того, предполагалось использовать консулов для давления на господарей-фанариотов с целью ограничить ограбление местного населения разного рода разорительными налогами и поставками. Важно было также получать от консулов информацию об окружении господарей, об интригах в ходе частых смещений их с престола, о планах боярских группировок.

При этом главный политический интерес России состоял в том, чтобы, как писала Екатерина II российскому посланнику в Стамбуле А. С. Стасхееву, «распространить связь нашу... с благонамеренными нам по единоверию и приобретение таких благонамеренных умножить далее»⁷⁶.

В 1781 г. был издан указ об учреждении генерального консульства в Молдавии, Валахии и Бессарабии⁷⁷. Этот шаг петербургского двора вызвал в Стамбуле опасения относительно возникновения препятствий для хозяйничанья османов в княжествах, и даже возможной потери власти над ними⁷⁸. При поддержке французского посла Порты упорно стала отказывать в признании назначенного консулом С. Л. Лашкарева и определении ему резиденции в одной из столиц княжеств, Бухаресте или Яссах, предлагая в качестве такого места Силистрию.

После двух лет дипломатической борьбы правительство Екатерины II добилося реализации полученного по Кючук-Кайнарджийскому договору права «учредить консулей» в тех местах Османской империи, где того требовали интересы России. В конце 1781 г. С. Л. Лашкарев был аккредитован, ему определялась резиденция в Бухаресте⁷⁹.

Создание генерального консульства способствовало активизации деятельности российской дипломатии в вопросе о Дунайских княжествах. На основе полученных из консульства сведений русское представительство в Стамбуле предприняло в 1782 г. ряд демаршей Порте в связи с нарушением условий Кючук-Кайнарджийского договора и Айналы-Каванской конвенции в отношении статуса Молдавии и Валахии (особенно частым был самовольный переход границ княжеств османскими купцами и янычарами с целью торговли и приобретения земель для поселения). В результате протестов российской дипломатии султан издал специальные ферманы, запрещавшие подобные нарушения⁸⁰.

Особое значение такой дипломатический нажим на Порту имел в связи с решительными действиями правительства Екатерины II в Крыму. Русскому посланнику в Стамбуле Я. И. Булгакову предписывалось оказывать давление на султанское правительство по трем вопросам: о статусе Дунайских княжеств, о свободе российской торговли и судоходства в бассейне Черного моря, о независимости Крыма⁸¹. В посольском представлении Порте по Дунайским княжествам отмечалось нарушение XVI статьи Кючук-Кайнарджийского договора, а именно произвольная и частая смена господарей, увеличение размера податей, приводящее к разорению экономики княжеств. Османскому правительству предъявлялись следующие требования: ограничить права на произвольное смещение господарей до истечения их срока правления, установить число налогов, взимаемых с княжеств, соблюдать другие их привилегии, зафиксированные русско-турецким договором 1774 г. и конвенцией 1779 г.⁸². Активные демарши русского посольства в Стамбуле заставили Порту в ходе напряженных переговоров с Петербургом пойти на уступки по всем требованиям.

Манифест Екатерины II от 8 апреля 1783 г. о присоединении Крыма осложнил положение султана. Стамбул искал поддержки европейских правителей, но Англия и Франция, занятые соперничеством на морях и в Америке, не могли ему помочь. 8 января 1784 г. османские представители были вынуждены подписать конвенцию о Крыме и соглашения о Молдавии и Валахии⁸³.

На переговорах 1783 г. по Крыму османы вновь обязались точно следовать условиям двусторонних договоренностей о княжествах. В январе 1784 г. султанский хаттишериф конкретизировал статус Молдавии и Валахии. В частности, подтверждалось обязательство относительно несменяемости господарей, «пока не учинят какого-либо явного преступления, которое было бы публично доказанное и видное»; устанавливалась фиксированная сумма податей, выше которой Порта не могла требовать с княжеств⁸⁴.

Но османское правительство продолжало нарушать установленный двусторонними договоренностями статус Молдавии и Валахии. Статья о несменяемости господарей по-прежнему не соблюдалась. Российская миссия в Стамбуле на основе получаемой от консулов информации решительно опротестовывала произвольную смену правителей в княжествах. Каждый такой случай использовался царскими дипломатами для выступлений в защиту статуса княжеств, а также для оказания нужного влияния на Порту и на самих господарей. При этом российская дипломатия учитывала позиции господарей в международных отношениях, их реальную власть в княжествах, их связи в Стамбуле. Россия была заинтересована в прорусской ориентации господарей, которая благоприветствовала бы решению задач ее балканской политики, ослабляя влияние других европейских держав в княжествах. Поэтому царские дипломаты были особенно благосклонны к господарям, проводившим дружественную по отношению к России политику. Так, весной 1784 г. усилиями русского посланника в Стамбуле Я. И. Булгакова было предупреждено смещение с престола молдавского господаря Александра I Маврокодата, который сотрудничал с русским консулом и на случай смещения Портой просил принять его со всей семьей в подданство России⁸⁵. В мае следующего 1785 г. Булгаков предпринял демарши против намерения османов сменить валашского господаря Михаила Суцу и нового правителя на молдавском престоле Александра II Маврокордата, благожелательно настроенных по отношению к России⁸⁶. Однако Порта, не считаясь с позицией российского представительства в Стамбуле и без его ведома, сместила в марте 1786 г. Михаила Суцу с валашского престола, назначив на его место Николая Маврогеня. Предвидя подобный исход, молдавский господарь Александр II Маврокордат бежал в Россию⁸⁷.

Чтобы не давать повода России использовать свое право покровительствующей державы, Порта формально не нарушала положения о несменяемости господарей, которое разрешало смещение (при условии доказан-

ной вины) правителей княжеств. Это давало османам возможность взваливать на господарей вину за тяжелое положение княжеств, ссылаясь на алчность правителей, своекорыстно отягощавших население непомерно тяжелыми многочисленными податями и разными поборами.

Борьба российской дипломатии за несменяемость господарей одновременно защищала княжества от усиления османами фискального гнета, так как каждый новый претендент, уплатив большую сумму за получение престола, после прихода к власти старался не только возместить расходы, но и приумножить свое состояние. В то же время демарши царских дипломатов против смены османами господарей должны были убеждать население княжеств в справедливости акций державы-покровительницы, ее величии и могуществе⁸⁸.

Важная роль в выполнении этой задачи отводилась консульству. В соперничестве с учрежденными в Молдавии и Валахии консульствами Австрии и Пруссии российская дипломатия усиливала свое влияние в княжествах, расширяя контакты с местной элитой, боярством и духовенством. Этому способствовало и учреждение российского вице-консульства в Яссах.

Молдавские и валашские бояре и духовенство со своей стороны активизировали политическую деятельность после учреждения российского генерального консульства. Они устанавливали связи с консулом, через него поддерживали отношения с русским представительством в Стамбуле, с царскими дипломатами. Особую активность в контактах с русским консульством проявляли молдавские бояре и духовенство. Генеральный консул И. И. Северин в 1784–1786 гг. неоднократно доносил из Ясс о частых посещениях консульства местными боярами, которые благодарили «за доставленное благоденствие Молдавскому княжеству», выражали надежду на российское покровительство и желание принадлежать России⁸⁹. Как писал 9 ноября 1786 г. И. И. Северин, «о повержении всего духовенства и бояр высочайшему и продолжительному ея величества покровительству» просил и митрополит Молдавии⁹⁰. Выражением таких настроений являлась и эмиграция в Россию ряда представителей молдавской элиты⁹¹. Валашские бояре и духовенство также поддерживали контакты с российским консульством, наносили визиты консулу, заявляли о дружеском отношении к России⁹².

Подстрекаемая европейскими державами к войне с Россией Порта начала военные приготовления строительством в 1785–1787 гг. крепостей на Дунае и Днестре и концентрировала здесь войска. Для их снабжения османы требовали с Молдавии и Валахии (в нарушение статуса княжеств), помимо обычных налогов, чрезвычайных поставок продовольствия. Увеличение поборов тяжело отражалось на экономике княжеств, вело к разорению хозяйства и страданиям населения.

В обстановке усиливавшегося султанского гнета и назревавшей русско-турецкой войны прорусски настроенные группировки молдавских и

валашских бояр и духовенства попытались реализовать свою программу освобождения княжеств с помощью и при поддержке России. Именно в 1785–1787 гг. почти к каждому донесению консула прилагались обращения бояр и духовенства княжеств с просьбой о покровительстве России⁹³. Занявший в 1785 г. молдавский престол Александр II Маврокордат, сторонник прорусской ориентации, обратился в октябре того же года к консулу И. И. Северину с выражением преданности царскому двору⁹⁴.

В условиях обострения международных противоречий в Восточном вопросе и ухудшения русско-османских отношений молдавская и валашская элита все больше связывала надежды на освобождение княжеств и перспективы их развития с поддержкой и помощью России, с ее успехами в войне с Турцией. В свою очередь, российская дипломатия, исходя из интересов империи в регионе, усиливала внимание к Дунайским княжествам. Русской миссии в Стамбуле предписывалось постоянно отслеживать выполнение Портой всех двусторонних договоренностей по статусу Молдавии и Валахии и не оставлять ни одного случая без выражения протеста⁹⁵.

Стремясь ослабить влияние России в Молдавии и Валахии и укрепить здесь свои позиции, Порты в 1786–1787 гг. поменяла господарей, назначив на валашский и молдавский престолы послушных себе правителей. Особое рвение проявлял в Валахии Николае Маврогени, действовавший в нарушение всех прав и привилегий княжества, установленных двусторонними русско-турецкими соглашениями. Как доносил консул И. И. Северин, деятельность господаря направлена на то, чтобы «уничтожить все дарованные хаттишерифами права, выгоды и преимущества»⁹⁶. Русский посланник в Стамбуле Я. И. Булгаков, продолжая оспаривать законность назначения Маврогени, требовал ограничить произвол господаря⁹⁷. Под давлением российской дипломатии султан приказал Маврогению прекратить «худые поступки против бояр и земли»⁹⁸.

Российские демарши в Стамбуле, продиктованные нарушениями Портой статуса Дунайских княжеств, как и другими проблемами черноморской политики, были призваны оказать давление на Порту, взявшую курс на развязывание войны с Россией при подстрекательстве Франции, Англии и Пруссии. Но в начале 1787 г., предупредив очередной демарш российской дипломатии, султан представил правительству Екатерины II меморандум, в котором наряду с другими вопросами двусторонних отношений содержалось еще и два требования: сменить вице-консула в Яссах, обвиненного в пособничестве побегам в Россию османских подданных, и самого молдавского господаря, вернуть Александра II Маврокордата стамбульским властям⁹⁹.

Такой шаг Порты еще больше обострял русско-турецкие отношения накануне войны. В этих условиях внимание петербургского двора к Дунайским княжествам усилилось. Показательно, что во время путешествия летом 1787 г. Екатерины II в Крым для беседы с ней по вопросу о княжествах в Херсон был вызван и включен в состав многочисленной

свиты императрицы консул И. И. Северин. Он передал Екатерине II обращения к ней молдавских и валашских бояр, грамоты митрополитов Молдавии и Валахии, в которых они выражали «всенижайшую благодарность за оказанное к их Землям монаршее благоволение» и просили «о продолжении к ним той же милости и покровительства»¹⁰⁰. Императрица поручила консулу передать митрополитам княжеств и авторам обращений «ответ на словах, изъясняющий отличное ее к усердию их благоволение и обнадеживающий неотъемлемым об них и отечестве их монаршим покровительством»¹⁰¹. Были также переданы ценные подарки проявившим особое усердие в служении интересам России сановным духовным и светским лицам.

Таким образом, накануне новой войны с османами Россия укрепляла в Молдавии и Валахии свой престиж державы-покровительницы, выступая в защиту их автономных прав и привилегий, расширяя связи с элитой княжеств и привлекая на свою сторону симпатии населения протестами против нарушений Портой статуса, установленного договором 1774 г. и последующими русско-турецкими соглашениями. Прорусски настроенные группировки молдавских и валашских бояр и духовенства видели в назревавшей войне реальную возможность осуществить свои планы освобождения княжеств и обеспечить перспективу их дальнейшего развития.

В начавшейся в августе 1787 г. русско-турецкой войне проблема Дунайских княжеств рассматривалась правительством Екатерины II в контексте задач балканской политики. Одобренный Государственным советом план действий предусматривал присоединение к России в результате активных наступательных операций в союзе с Австрией очаковских земель и крепости Аккерман на правом берегу Днестра. Молдавия и Валахия должны были стать «независимой областью». Стремясь к установлению российских границ по Днестру, а турецких по Дунаю, царский двор считал необходимым образовать «пространную барьеру между обеих империй», которая «служила бы ко всегдашнему спокойствию»¹⁰².

Как видно из протокола Государственного совета, вопрос о присоединении Молдавии и Валахии к России не ставился. Политические и стратегические задачи балканской политики Екатерины II того времени делали приоритетным создание в рамках Дунайских княжеств буферного государства, находящегося под влиянием России, что позволило бы решить главные поставленные в войне цели. Оттеснение османов за Дунай и установление османской границы по реке привело бы к ликвидации их крепостей на Днестре и левобережье Дуная, создало бы препятствие для возможных территориальных поползновений Австрии, а главное, обеспечило бы России базу для укрепления политического влияния на Балканах.

Царское правительство не согласилось с австрийским планом ведения войны, который исключал вступление русских войск на территорию Молдавии и предполагал возможность оккупации княжества Австрией. Екатерина II в полной мере оценивала преимущество ведения наступа-

тельных операций на территории Дунайских княжеств, где можно было использовать военную и материальную помощь местного населения, лишив в то же время таких выгод османские войска.

Планом Государственного совета предусматривалось укрепление в связи с началом войны традиционных для России отношений с балканскими народами. Налаживались контакты с сербами, черногорцами, греками и др. В Молдавию были отправлены доверенные лица «для употребления на переписку... с добромыслящими молдаванами и валахами». На случай развертывания военных действий на территории Дунайских княжеств совет счел возможным привлечь к участию в них местные вооруженные отряды¹⁰³.

Реализация Россией намеченных в войне целей зависела от двух обстоятельств — от успешных наступательных операций русско-австрийских войск и благоприятной международной ситуации. Но с самого начала войны действия сторон развертывались вяло. После разгрома османских сил под Кинбурном царское правительство пыталось склонить Порту к заключению мира на выгодных российской стороне условиях. Между тем международная обстановка складывалась также не в пользу России.

В этих условиях Екатерина II в соответствии с принятым Государственным советом планом сочла необходимым уже 17 (29) февраля 1788 г. обратиться к жителям Молдавии и Валахии с манифестом, в котором призвала их содействовать русским войскам во время наступательных операций на территории княжеств, пообещав им освобождение «от нечестивого ига агарян»¹⁰⁴.

Экономика княжеств накануне войны находилась в плачевном состоянии. Готовясь к военным действиям против России, Порты стремилась выкачать оттуда как можно больше материальных и денежных средств. Стамбул требовал все новых и новых поставок фуража и продовольствия, денежных поборов, что привело к истощению казны и ресурсов княжеств, разорению хозяйства и обнищанию населения¹⁰⁵.

Поэтому призыв Екатерины II был встречен жителями Молдавии и Валахии с энтузиазмом. Прихода русских войск ожидали с нетерпением не только прорусски настроенные бояре и духовенство, но и широкие слои населения. Особую активность проявляли молдаване. Они начали формировать добровольческие отряды еще до подхода русской армии к границам княжества. Вооруженные группы в 20–30 человек стали прибывать из Молдавии и вливаться в состав русских войск¹⁰⁶.

В самих княжествах активизировались прорусски настроенные группировки бояр и духовенства. В 1787 г. молдавские бояре и духовные чины обратились к Екатерине II с письмом, в котором благодарили императрицу за покровительство и просили, чтобы и впредь «не были забыты» «покровительством и защитой». Были направлены также обращения к Г. А. Потемкину и П. А. Румянцеву с сообщением, что жители княжества желают вступления русских войск на его территорию и просят об

этом царское правительство¹⁰⁷. Эти просьбы были вызваны антиавстрийскими настроениями в Молдавии в связи с вступлением в княжество армии Австрии с целью поддержки действий русских войск до их подхода к молдавским границам.

Попытки венских агентов подвигнуть молдавских бояр на то, чтобы они попросили помощи и покровительства у императора, успеха не имели. Вяло разворачивавшаяся осада Хотина, нерешительные действия в операции по освобождению Ясс, имевшей целью отвлечение османских сил от Хотина, бесчинства и грабежи австрийских отрядов, контролировавших правобережье Прута, усиливали антиавстрийские настроения жителей княжества. В ноябре 1787 г. П. А. Румянцев доносил Екатерине II, «что ненависть сих земель к цесарю до крайности велика и что, по уверению всех оттуда выходящих, они противу его воевать с радостью готовятся»¹⁰⁸.

Между тем Вена ставила далеко идущие цели, пытаясь завоевать в Молдавии определенные политические и экономические позиции и в конечном итоге подчинить ее своей власти. Со вступлением австрийцев на территорию княжества население стало испытывать притеснения как со стороны османов, увеличивавших денежные поборы и натуральные поставки, так и со стороны австрийских войс, промышлявших грабежами и разбоями. Молдавские бояре, духовенство и все население надеялись, что пребывание австрийцев в княжестве окажется временным¹⁰⁹, и ожидали подхода русских войск. Бояре, бежавшие из Ясс после оставления города австрийским корпусом и занятия его османскими силами, слали П. А. Румянцеву настойчивые просьбы — ускорить вступление русских войск на территорию Молдавии. Характеризуя настроения в молдавском обществе, П. А. Румянцев писал Екатерине II летом 1788 г. о том, что бояре и почти все члены Дивана охвачены ненавистью к австрийцам, «которая идет так далеко, что многие... лучше хотят всем их именем жертвовать и навсегда в пределы вашему императорскому величеству принадлежащие удалиться, нежели под сим игом, кои они тяжче турецкого себе воображают, оставаться»¹¹⁰.

В апреле 1788 г. армия Румянцева подошла к Днестру, часть русских сил была направлена к Хотину в помощь осаждавшим крепость австрийцам. Под влиянием просьб, поступающих из Молдавии, и угрозы территориальных поползновений Габсбургов П. А. Румянцев летом 1788 г. потребовал от командующего австрийской армией Кобурга вывести войска из княжества, отказываясь в противном случае от взаимодействия с союзником¹¹¹. Освободив Яссы, П. А. Румянцев содействовал восстановлению нормальной работы Дивана, настаивал перед австрийцами на передаче всей полноты власти боярам и сохранении управления княжеством по местным законам. Митрополит и бояре с удовлетворением восприняли эти меры Румянцева.

После капитуляции Хотина в октябре 1788 г. австрийцы отступили за Сирет и установили свою власть над территорией княжества до Фокшан.

Австрийцы использовали контроль над этой областью для пополнения припасов и денежных ресурсов своей армии. Тяжесть проводимых ими поборов заставляла население бежать в цинуты (уезды), занятые русскими войсками¹¹².

Вступление русских войск на территорию Молдавии вызвало подъем местного волонтерского движения. Существовавшие в русских соединениях молдавские отряды из числа бежавших за Днестр стали пополняться новыми добровольцами. Большинство их составляли крестьяне и городская беднота; организаторами и командирами отрядов зачастую становились мелкие и разорившиеся бояре. Имелись и смешанные отряды добровольцев, среди которых были валахи, болгары, сербы. По данным современных молдавских исследователей, во время войны в составе русских войск сражались до 10 тыс. молдавских добровольцев¹¹³.

Освободительная борьба сопровождалась ростом антифеодальных тенденций. Массовый уход крестьян в добровольческие отряды задевал экономические интересы бояр и вызывал их недовольство. Крупное боярство и духовенство из числа сторонников освобождения княжества с помощью России стремились ограничить волонтерское движение рамками антиосманской борьбы. Сословные интересы бояр встретили понимание у Г. А. Потемкина и П. А. Румянцева, отказавшихся от массового приема в армию добровольцев из местных жителей. В то же время командование русской армии было заинтересовано в любых формах участия местных жителей в военных действиях против османов. В неблагоприятных условиях войны оно не могло пренебрегать местными ресурсами, в том числе материальной помощью отдельных представителей крупного боярства. Отменив собираемые османами налоги, военные власти ввели в княжестве поставки, обеспечивавшие русские войска припасами и транспортом, при этом они требовали от местных властей строгого соблюдения порядка поставок, раскладки повинностей в соответствии с доходами обывателей, сурово наказывая виновных за нарушения, вплоть до «отрешения от должностей»¹¹⁴. Но бояре Дивана и местные исправники использовали всякую возможность, чтобы поживиться за счет поставок армии, зачастую злоупотребляя властью ради наживы. Положение крестьянства, городской бедноты и среднего разорявшегося боярства в тяжелых условиях войны продолжало ухудшаться. Освободительное движение все чаще переплеталось с антифеодальной борьбой.

Между тем международная ситуация развивалась не в пользу России и ее союзницы Австрии. Летом 1788 г., заключив военный союз с Портой, войну России объявила Швеция. В поддержку Турции и Швеции выступили Англия, Пруссия и Голландия, объединившиеся в Тройственную лигу. В обстановке неудач на Балканах и начавшихся открытых приготовлений Пруссии к захвату польских провинций Австрия стала склонять правительство Екатерины II к заключению мира с Портой. Россия также стремилась к установлению мирных отношений с османами, чтобы иметь сво-

боду действий для избежания противостояния с лигой и для укрепления своих позиций в Польше.

Добившись к концу 1788 г. перелома в ходе военных действий овладением крепости Очаков, российское правительство в дальнейших своих планах не исключало возможности мирных переговоров с Портой. В середине декабря на заседании Государственного совета состоялось обсуждение этого вопроса¹¹⁵. В качестве условия возможного мира с султаном предлагалось настаивать на утверждении всех, начиная с Кючук-Кайнарджийского договора, двусторонних соглашений, а также на признании за Россией Крыма. Чтобы добиться согласия Порты на эти условия, предлагалось не требовать Аккермана и независимости Молдавии и Валахии и, «...удержав Очаков, положить границу по Днестру»¹¹⁶. Таким образом, Россия временно отказывалась от требования независимости для Дунайских княжеств. Однако Стамбул, подстрекаемый Англией и Пруссией, несмотря на ряд уступок с русской стороны, отверг предложенные правительством Екатерины II условия.

Летом 1789 г. Россия добилась значительных успехов в ходе наступательных операций на территории Дунайских княжеств. Корпус под командованием А. В. Суворова нанес серьезные поражения османским силам при Фокшанах и на реке Рымник, что позволило союзным австрийским войскам избежать поражения. В этих условиях был подтвержден русско-австрийский союз и подготовлен новый проект мирного договора с османами. Основным условием мира с Портой оставалось требование российской стороной независимости Молдавии и Валахии. Но Вена предлагала добиваться заключения мира на основе права признания осуществленных завоеваний. В спорах об условиях мира с османами просматривалось стремление Австрии к территориальным приобретениям за счет Дунайских княжеств (австрийские войска заняли Бухарест и контролировали Валахию).

В переговорах с австрийской стороной Екатерина II твердо стояла на своих условиях. Когда 7 июня 1789 г. на заседании Государственного совета обсуждалось донесение П. А. Румянцева об обращении жителей Молдавского княжества к России с просьбой об освобождении от османского господства, было высказано мнение направить им обнадеживающий ответ¹¹⁷. Но твердость и последовательность в отстаивании позиции отсутствовали — Петербург не исключал уступки османам в вопросе о Дунайских княжествах. Все зависело от хода войны. Г. А. Потемкину, уполномоченному вести переговоры с Портой, давалось разрешение на примирение с условием установления российской границы по Днестру и включения во владения России Аккермана и устья Днестра. Что касается Молдавии и Валахии, то в основу статьи о них предписывалось положить условия Кючук-Кайнарджийского договора и всех последующих русско-турецких соглашений об их статусе. Правительство Екатерины II, заинтересованное в сохранении влияния в княжествах, стремилось закрепить их автономию и привилегии в составе Османской империи.

Успехи русской военной кампании 1789 г. усилили враждебность к России со стороны Пруссии и Англии. Лондон и Берлин домогались посредничества в русско-турецких переговорах, требуя возврата Порте всех завоеванных земель. Пруссия заключила в январе 1790 г. договор с султаном, по которому гарантировала возвращение Крыма и других потерянных османами территорий. Одновременно Берлин требовал заключения Австрией сепаратного мира со Стамбулом на условиях статус-кво¹¹⁸.

Правительство Екатерины II соглашалось на посредничество Пруссии и Англии в русско-турецких переговорах, но при условии соблюдения права признания осуществленных завоеваний, а значит и сохранения в проекте мирного договора пункта о независимости Молдавии и Валахии. Прусский двор, взявший курс на развязывание войны с Россией, отверг предложения царского двора.

В развернувшейся дипломатической борьбе великих держав каждая преследовала свои цели. В частности, княжества для них представляли собой лишь объект прямого захвата или обмена на другие территории¹¹⁹. Международные условия, в которых оказались Молдавия и Валахия в результате острого соперничества европейских стран за доминирование на Балканах, усугубляли и без того непростое положение в княжествах. Особенно сложной была обстановка в Молдавии. В то время как представители крестьян, городских низов и среднего боярства продолжали в качестве добровольцев участвовать в сражениях с османами, часть молдавской элиты искала сближения с Портой и, спекулируя на военных поставках, приумножала богатства за счет увеличения поборов и податей с населения. Недовольство бояр уходом крестьян в волонтерские отряды усиливалось. Распоряжение русского командования об освобождении семей волонтеров от военных поставок и земских повинностей местными властями игнорировалось. Налоговый гнет в княжестве возрастал, а снабжение действующей армии продовольствием и фуражом ухудшалось в результате участвовавших злоупотреблений со стороны исправников и других представителей власти¹²⁰.

В интересах укрепления тыла и обеспечения армии необходимыми припасами российское командование лавировало, стремясь, с одной стороны, приостановить разрастание антифеодальной борьбы в княжестве, с другой — сохранить симпатии молдаван к России. Ряд членов Дивана, настроенных примиренчески к османам или уличенных в злоупотреблениях, был заменен боярами прорусской ориентации. Были приняты некоторые административные меры: устанавливалась строгая отчетность по поставкам армии, во главе цинутов оставлено по одному исправнику вместо двух. В целях усиления боеспособности добровольческих отрядов и укрепления в них дисциплины они были подчинены непосредственно главнокомандующему¹²¹. Но все эти меры радикально обстановку не изменили. Злоупотребления служилых бояр продолжались, не прекращались антифеодальные выступления жителей.

Международная обстановка между тем продолжала оставаться сложной. Англия и Пруссия, угрожая войной, требовали от России заключения мира с османами. Порта надеялась на вооруженное вмешательство Англии и Пруссии и затягивала начало переговоров. Правительство Екатерины II понимало, что в этих условиях успех России может быть обеспечен решительными наступательными действиями на фронте. Летом 1791 г. русские войска овладели турецкими крепостями на Дунае, в том числе Измаилом. После сокрушительного поражения османского флота при Калиакрии Порта вынуждена была в августе 1791 г. заключить перемирие с Россией.

В то же время российское правительство пришло к окончательному выводу, что в складывающейся ситуации во имя мира придется уступить Турции и отказаться от требования предоставления независимости Дунайским княжествам. В проекте мирного договора, предложенного российской стороной для обсуждения на Ясском конгрессе, статья о княжествах предусматривала возвращение Молдавии и Валахии под власть османов, но с сохранением и расширением их привилегий. Екатерина II предписала Г. А. Потемкину в ходе переговоров по возможности «исходатайствовать молдаванам каких-либо полез и облегчений» и добиться оставления русских войск в Молдавии до утверждения договора между Австрией и Турцией, что должно было помешать реализации территориальных претензий Габсбургов¹²².

Как и следовало ожидать, в ходе переговоров о проекте мирного договора особенно упорные возражения османской стороны вызывали условия, касающиеся Молдавии и Валахии. Внимание дипломатов обеих стран сосредоточилось главным образом на Молдавском княжестве. Придавая важное значение укреплению здесь влияния России, Екатерина II считала необходимым обеспечить условия для облегчения положения княжества. В инструкции А. А. Безбородко, возглавившему русскую делегацию на переговорах после смерти Г. А. Потемкина, она предписывала: «...молдавцам исходатайствовать какие-либо пользы и облегчения», помимо тех, что были им предоставлены по условиям Кючук-Кайнарджийского договора, а также «ласкать... духовенство и самих молдаван», не давать их «в разорение ни своих, ни чужих»¹²³. Особое внимание российской стороны к Молдавии понятно, если учесть, что с установлением границы по Днестру создавались благоприятные условия для расширения связей, усиления влияния России в княжествах и на Балканах в целом.

Фанариотская элита и назначенный Портой молдавский господарь Александр Морузи сопротивлялись предоставлению княжеству льгот, особенно налоговых, ограничивавших господарскую власть, и всячески способствовали их отклонению. Но, несмотря на все старания Морузи, османские уполномоченные вынуждены были согласиться с пунктами статьи о Молдавии в русской редакции¹²⁴.

Переговоры в Яссах завершились подписанием 29 декабря 1791 г. мирного договора с Портой на условиях, предложенных Россией. Дунайск-

ким княжествам в нем была посвящена статья IV. В ее первом пункте подтверждались привилегии Молдавии и Валахии, предоставленные им по Кючук-Кайнарджийскому миру, Айналы-Кавакской конвенции 1779 г. и соглашению (сенеду) 1783 г. Второй, третий и четвертый пункты устанавливали дополнительные привилегии Молдавии. В соответствии со вторым пунктом Порты обязывалась «не требовать от княжества Молдавии никакой денежной или другой суммы за старые счета, какого бы они существа ни были». По третьему пункту османы отказывались от требования с княжества какой-либо «контрибуции или платежа за все военное время, а за многие страдания и разорения, в течение всей войны им претерпленные, уволить помянутое молдавское княжество и еще впредь на два года от всякой дани и тягостей...». Четвертый пункт устанавливал для жителей княжества право «свободного из отечества переселения» в течение 14 месяцев со дня обмена ратификациями¹²⁵.

Итак, Дунайские княжества оставались в системе Османской империи, что не могло не вызвать разочарования у прорусски настроенных группировок боярства и духовенства, стремившихся реализовать программу национального освобождения с помощью России. Но условия Ясского мира усиливали международные позиции России, создавали предпосылки для укрепления ее влияния в Дунайских княжествах и в целом на Балканах. Установление общей с Молдавией границы благоприятствовало этому. Подтверждение права покровительствовать Дунайским княжествам сохраняло надежды как жителей, так и элиты княжеств на осуществление своих освободительных планов при поддержке и помощи России.

Примечания

- ¹ См.: *Berza M.* Variațiile exploatării Țării Românești de către Poarta otomană în sec. XVI—XVII // *Studii. Revistă de istorie* (далее — *Studii*). Buc., 1958. Nr. 2.
- ² *Драгнев Д. М.* Динамика численности народонаселения и некоторые миграционные процессы в Карпато-Дунайских землях XVII в. // *Юго-Восточная Европа*. Кишинев, 1972; *Papacostea Ș.* Populația Țării Românești în ajunul reformelor lui Constantin Mavrocordat // *Studii*. 1966. Nr. 5; *Constantiniu F.* Relațiile agrare din Țara Românească în secolul al XVIII-lea. Buc., 1972. P. 110—112.
- ³ См.: *Papacostea Ș.* Contribuții la problema relațiilor agrare în Țara Românească în prima jumătate a veacului al XVIII-lea // *Studii și materiale de istoria medie*. III (1959). P. 233—321; *Columbeanu S.* Grande exploitation dominiales en Valachie au XVIII-e siècle. Buc., 1974.
- ⁴ *Istoria României*. Buc., 1964. Vol. III. P. 383—389.
- ⁵ *Советов П. В.* Исследования по истории феодализма в Молдавии. Кишинев, 1972. С. 456—486; *Ciurea D.* Precizări în problema marii proprietăți feudale din Moldova în secolele XVII—XVIII // *Studii*. 1969. Nr. 1; *Columbeanu S.* Date privitoare la economia agrară din Țara Românească în prima jumătate a secolului al XVIII-lea // *Studii*. 1962. Nr. 1.

- 6 *Дмитриев П. Г., Советов П. В.* Роль централизованного пути присвоения прибавочного продукта с крестьян феодальной Молдавии XV–XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1963. Вильнюс, 1965. С. 268–282.
- 7 *Кочубинский А.* Граф Остерман и раздел Турции (1735–1739) // Зап. Новороссийского ун-та. 1894. Т. 74; *Драгнев Д. М.* Гайдуки — народные мстители. Кишинев, 1962; *Constantiniu F.* Relațiile agrare... P. 189–200.
- 8 *Constantiniu F.* Relațiile agrare... P. 102–103.
- 9 *Corivan N.* Aplicarea așezământului fiscal a lui C. Mavrocordat privitor la perceperea birului (1741–1743) // Studii și cercetări științifice. Iași, 1955. VI. Nr. 3–4. P. 51–76.
- 10 *Minea I.* «Reforma» lui Constantin Mavrocordat // Cercetări istorice. Iași, 1927. II–III.
- 11 *Гросул В. Я., Дмитриев П. Г., Советов П. В.* Переходные формы феодальной эксплуатации крестьян Молдавии XVIII — начала XIX в. (кто такие скутельники?) // Изв. АН МССР. 1967. № 1.
- 12 *Виноградов В. Н., Семенова Л. Е.* Некоторые вопросы отношений между Россией и Дунайскими княжествами в XVIII — начале XIX в. в свете материалов советских архивов // Балканские исследования. Вып. 8 (1982). С. 8.
- 13 *Дмитриев П. Г.* Из истории крестьянского движения в Молдавии во второй половине XVIII — начале XIX в. // Изв. МФ АН СССР. 1959. № 2; *Mircea M.* Lupta țăranilor împotriva exploatării în timpul războaielor ruso-turce din a doua jumătate a sec. XVIII-lea // Studii și referate privind istoria României. I. Iași, 1954; *Vianu A.* Manifestări antifanariote în Moldova la sfârșitul sec. al XVIII-lea // Studii. 1962. Nr. 4.
- 14 *Виноградов В. Н., Семенова Л. Е.* Некоторые вопросы... С. 10.
- 15 *Семенова Л. Е.* Дунайские княжества в международных отношениях в Юго-Восточной Европе (конец XIV — первая треть XVI в.). М., 1994. С. 27–29.
- 16 *Șerban C.* Relațiile politice romîno-ruse în timpul războiului ruso-turc din 1735–1739 // Analele romîno-sovietice. Ser. istorie. 1956. Nr. 4. P. 114–118.
- 17 *Шульман Е. Б.* Миссия валашского ворника П. Другэнеску в Россию (1736–1737) // Вековая дружба. Кишинев, 1961. С. 211–239.
- 18 *Rapacostea Ș.* Oltenia sub stăpînirea austriacă (1718–1739). Buc., 1971.
- 19 *Vianu A.* Din acțiunea diplomatică a Țării Romînești în Rusia în anii 1736–1738 // Romanoslavica. Vol. VIII (1963). P. 23–24.
- 20 АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. 1737 г. Д. 3. Л. 2, 8–11 об.
- 21 *Кочубинский А. А.* Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Одесса, 1889. С. 474, 493, 495.
- 22 *Neculce I.* Letopisețul Țării Moldovei și o samă de cuvinte. Ed. II. Buc., 1958. P. 390.
- 23 *Шульман Е.* Русско-молдавское боевое содружество. 1735–1739 гг. Кишинев, 1962. С. 48–50.
- 24 Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. X. № 7891. С. 890–894; см. также: Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. № 4. С. 54–59.

- 25 См.: ПСЗРИ. Т. X. С. 890–894.
- 26 См.: Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX в.). Кишинев, 1987. С. 273–276.
- 27 ПСЗРИ. Т. X. С. 987.
- 28 Там же.
- 29 *Петров А. Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 г. СПб., 1866. Т. 1. С. 144, 152.
- 30 *Котенко И. А.* Из истории освободительного движения в Молдавии в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Учен. зап. Тираспольск. пед. ин-та. 1957. Вып. 3. С. 25–28.
- 31 *Vianu S.* Din lupta poporului român pentru scutirea jugului otoman și cucerirea independenței // Studii. 1953. Nr. 2. P. 66–68.
- 32 *Уляницкий В. А.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883. Прилож. 32. С. 11.
- 33 *Genealogia Cantacuzinilor de banul Mihai Cantacuzino.* Publ. de *N. Iorga.* Buc., 1902. P. 428–438.
- 34 П. А. Румянцев. Документы. М., 1953. Т. II. С. 148.
- 35 Там же. С. 174–175.
- 36 *Боев Р.* Военно-политическое сотрудничество между балканскими народами и Россией в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // *Etudes balkaniques.* 1975. № 2. С. 120–121; *Котенко И. А.* Из истории освободительного движения в Молдавии... С. 33.
- 37 *Genealogia Cantacuzinilor.* P. 169–171.
- 38 *Vianu S.* Din lupta poporului român... P. 72.
- 39 *Genealogia Cantacuzinilor.* P. 445–447.
- 40 *Vianu S.* Din lupta poporului român... P. 73.
- 41 *Genealogia Cantacuzinilor.* P. 171–176.
- 42 П. А. Румянцев. Документы. Т. II. С. 189–191.
- 43 *Vianu S.* Din lupta poporului român... P. 75.
- 44 П. А. Румянцев: Документы. Т. II. С. 315, 332, 359.
- 45 Там же. С. 157.
- 46 Там же. С. 162–163.
- 47 *Bezviconi Gh.* Contribuții la istoria relațiilor romîno-ruse. Buc., 1962. P. 152, 153.
- 48 *Mircea M.* Lupta țăranilor împotriva exploatării în timpul războaielor ruso-turce din a doua jumătate sec. XVIII-lea // Studii și referate privind istoria Romîniei. I. Buc., 1954. P. 931; *Дмитриев П. Г.* Из истории крестьянского движения в Молдавии во второй половине XVIII — начале XIX в. // Изв. Молдавск. ф-ла АН СССР. 1959. № 2. С. 50–77.
- 49 *Гендель Г.* Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. XVII (1947); *Уляницкий В. А.* Дарданеллы... С. 376–377.
- 50 Очерки внешнеполитической истории... С. 299–301.

- 51 Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796). С. 42.
- 52 Там же. С. 47.
- 53 АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 2. 1769 г. Д. 1. Л. 1–2 об.
- 54 Там же. Д. 2. Л. 3–6; опубл.: Бессарабия... С. 60–65.
- 55 АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 2. 1770 г. Д. 1. Л. 34–35 об.
- 56 Там же. Л. 32–33 об.
- 57 Там же. Л. 2–3; опубл.: Бессарабия... С. 65.
- 58 АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 2. 1770 г. Д. 1. Л. 2–13.
- 59 Там же. 1769 г. Д. 4. Л. 1–2.
- 60 См.: Уляницкий В. А. Дарданеллы...; Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII — начало XX в. М., 1978.
- 61 Архив Государственного совета. Т. 1. С. 50.
- 62 АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 8. 1771 г. Д. 100. Л. 3–4 об., 7–8 об.; опубл.: Бессарабия... С. 67–70.
- 63 Архив Государственного совета. Т. 1. С. 115.
- 64 Русский архив. М., 1880. Кн. 3. С. 240.
- 65 АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 8. 1772 г. Д. 1671. Л. 20.
- 66 Там же. Д. 1680. Л. 9–9 об., 53–54; Д. 1681. Л. 13–14 об.
- 67 Там же. 1774 г. Д. 103. Л. 1–4 об.
- 68 ПСЗРИ. Т. XIX. С. 962–963; см. также: Бессарабия... С. 74–75.
- 69 Тексты хаттишерифов см.: Чтения Общества истории и древностей российских. М., 1886. Кн. 1. Отд. II. С. 51–56.
- 70 Семенова Л. Е. Молдавия и Валахия в балканской политике Екатерины II (экономические аспекты) // Век Екатерины II: Россия и Балканы. М., 1998. С. 137–150.
- 71 См.: Семенова Л. Е. Валахия и Молдавия в системе Османской империи (К истории происхождения текстов «капитуляций») // Славяне и их соседи. Вып. 8. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1998. С. 208–221.
- 72 Восточный вопрос во внешней политике России. С. 41.
- 73 ПСЗРИ. Т. XX. № 14851. С. 804.
- 74 Очерки внешнеполитической истории... С. 320.
- 75 *Vianu S. Aplicarea tratatului de la Küciük-Kainargi cu privire la Moldova și Țara Românească (1775–1783) // Studii. 1960. Nr. 5. P. 72–83.*
- 76 Дубровин Н. Присоединение Крыма. СПб., 1889. Т. 4. С. 28.
- 77 Гросул Г. С. Дунайские княжества в политике России. 1774–1806. Кишинев, 1975. С. 76, 77.

- 78 *Гирс А.* Россия и Ближний Восток. СПб., 1906. С. 5; *Дубровин Н.* Присоединение Крыма. Т. 4. С. 340.
- 79 *Уляницкий В. А.* Русские консульства за границей в XVIII в. М., 1899. Ч. 2. С. LXXXI.
- 80 АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. 1782 г. Д. 5. Л. 9–10; Там же. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 8. Д. 605. Л. 55–57.
- 81 *Дубровин Н.* Присоединение Крыма... Т. 4. С. 810–819; *Гросул Г. С.* Дунайские княжества... С. 81.
- 82 *Дубровин Н.* Присоединение Крыма. Т. 4. С. 903.
- 83 *Гросул Г. С.* Дунайские княжества... С. 81–82.
- 84 Текст сенеда 1784 г.: *Vianu A. Geneza senedului din 1783 // Revista arhivelor. Buc., 1960. Nr. 1. P. 219–234; Гросул Г. С.* Дунайские княжества... С. 84.
- 85 Documente privind istoria României. Colecția E. Hurmuzaki. Ser. nouă (далее — DRn.). Rapoarte consulare ruse (1770–1796). Buc., 1962. Vol. 1. P. 237.
- 86 АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. Д. 40. Л. 144–145, 158–161.
- 87 DRn. Vol. 1. P. 353; *Гросул Г. С.* Дунайские княжества... С. 86.
- 88 См. инструкцию консулам: АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. Д. 26. Л. 207.
- 89 Там же. Л. 58–58 об.; Д. 40. Л. 68.
- 90 Там же. Д. 54. Л. 178–178 об.
- 91 Очерки внешнеполитической истории... С. 333–334.
- 92 См. донесение консула И. И. Северина из Бухареста от 23 января 1785 г.: АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. Д. 40. Л. 7.
- 93 Там же. Д. 26. Л. 67, 73; Д. 54. Л. 116–121, 146–148; Д. 66. Л. 49.
- 94 DRn. Vol. 1. P. 335.
- 95 *Гросул Г. С.* Дунайские княжества... С. 88–90.
- 96 АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. Д. 54. Л. 121.
- 97 Там же. Л. 158.
- 98 Там же. Л. 168.
- 99 *Гросул Г. С.* Дунайские княжества... С. 89.
- 100 АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. Д. 67. Л. 55–55 об.; DRn. Vol. I. P. 452.
- 101 Там же. Д. 66. Л. 100.
- 102 Архив Государственного совета. Т. 1. Стб. 495–502.
- 103 Там же. Стб. 500, 501, 510, 521, 525 и др.
- 104 Acte și documente relative la istoria renașterii României. Buc., 1899. Vol. 1. P. 217.
- 105 АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. Д. 75. Л. 59.
- 106 *Семенова И. В.* Россия и освободительная борьба молдавского народа против оттоманского ига в конце XVIII в. Кишинев, 1971. С. 92.

- ¹⁰⁷ Очерки внешнеполитической истории... С. 339–340.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 340.
- ¹⁰⁹ АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 8. Д. 530. Л. 12 об.
- ¹¹⁰ П. А. Румянцев. Документы. М., 1959. Т. 3. С. 265–266.
- ¹¹¹ АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 8. Д. 530. Л. 161–162, 333, 379.
- ¹¹² Очерки внешнеполитической истории... С. 342–343.
- ¹¹³ *Семенова И. В.* Освободительная борьба молдавского народа против османского ига. Кишинев, 1976. С. 83, 171 и др.
- ¹¹⁴ Очерки внешнеполитической истории... С. 343, 344.
- ¹¹⁵ Архив Государственного совета. Т. 1. Стб. 637–638.
- ¹¹⁶ Там же. Стб. 638.
- ¹¹⁷ Там же. Стб. 702.
- ¹¹⁸ *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1875. Т. 2. С. 193.
- ¹¹⁹ *Гросул Г. С.* Дунайские княжества... С. 95–96; Очерки внешнеполитической истории... С. 346–348.
- ¹²⁰ *Семенова И. В.* Освободительная борьба молдавского народа... С. 118.
- ¹²¹ Там же. С. 123–125.
- ¹²² Очерки внешнеполитической истории... С. 351.
- ¹²³ Цит. по: *Гросул Г. С.* Дунайские княжества... С. 97.
- ¹²⁴ См.: Там же. С. 97–98.
- ¹²⁵ ПСЗРИ. Т. XXIII. № 17008. С. 289–290; см. также: Бессарабия... С. 80–81.

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
В ЕВРОПЕ НАЧАЛА XIX в.

В начале XIX в. Дунайские княжества оказались одним из узлов соперничества великих держав, имевших свои интересы в устье Дуная и на Черном море. Для России они служили то форпостом для продвижения на Балканы, то своего рода ближним зарубежьем, откуда она могла дать отпор посягавшим на ее рубежи. Так было в период обострения отношений с Францией, предвещавшего войну 1805 г., когда Наполеон наметил княжества в качестве одного из направлений нанесения ударов по России.

Сложная международная ситуация, вызванная наполеоновскими войнами, обостряла борьбу заинтересованных стран за преобладающие позиции в Юго-Восточной Европе. Восточный вопрос, главным стержнем которого была проблема османских владений, в том числе и Дунайских княжеств, вышел на передний план международной политики. В дипломатических баталиях за его решение проявлялись экономические, политические и стратегические интересы держав на Балканах. Основная борьба велась между Россией и Францией. В соперничестве участвовали также Австрия и Англия. Вена стремилась, укрепив свое влияние в Дунайских княжествах, обеспечить господство на Дунае. Англия поддерживала целостность Османской империи, пытаясь таким образом противостоять утверждению России в черноморских проливах, оценивая это как угрозу ее интересам в Средиземноморье и торговле с богатыми владениями в Азии. Россия и Франция учитывали интересы Австрии и Англии в решении восточного вопроса в сложной дипломатической борьбе, развернувшейся в начале XIX в. вокруг проблемы османского наследства. При этом Наполеон стремился заключить союз с Россией против Англии. Царское правительство было озабочено решением в свою пользу вопроса о режиме черноморских проливов и укреплением влияния на Балканах.

При всех колебаниях внешнеполитического курса России и склонности ее государственных мужей время от времени составлять умозрительные проекты раздела Турции в конце концов возобладала точка зрения о целесообразности сохранения целостности империи османов. В среде российской дипломатии крепло понимание того, что в условиях расширения Францией завоевательных войн необходимо иметь мирные отношения с Портой, противодействуя любым намерениям раздела ее владений. Важной задачей балканской политики царизма становится усиление влияния России в регионе путем покровительства и поддержки подданных султану христианских народов и одновременно противодействие планам утверждения на Балканах Австрии, Англии и особенно Франции.

Особое значение придавалось Дунайским княжествам, где Россия расширяла свое влияние, основываясь на праве покровительства им, полученном в 1774 г. по Кючук-Кайнарджийскому договору с Турцией. Принятый царским правительством в первые годы XIX в. курс на союз с Портой, на сохранение султанских владений ставил перед российскими дипломатами в Молдавии и Валахии двоякую задачу. Необходимо было избе-

гать действий, могущих вызвать в Стамбуле подозрение, что у России есть тайные намерения посягнуть на территориальную целостность Османской империи, и в то же время надо было поддерживать в общественном сознании жителей Дунайских княжеств веру в готовность России помочь им освободиться от османского господства. Выполнение этой задачи возлагалось на консульства России в Молдавии и Валахии, которым предписывалось действовать в сотрудничестве с генеральным консулом и российской дипломатической миссией в Стамбуле¹.

В начале XIX в. положение княжеств особенно ухудшилось в связи с междоусобицами в Османской империи. Вступление султанских войск на территорию Валахии в ходе борьбы с силами восставшего видинского паши Пазванда-оглу привело к разорению сел и городов от военных действий, к возрастанию налогового бремени. На Молдавию и Валахию легли дополнительные денежные поборы, поставки провианта и фуража для османской армии, снабжение ее людскими резервами, что являлось грубым нарушением зафиксированных русско-турецкими договорами привилегий княжеств.

В условиях усиливавшегося произвола со стороны Порты и ее ставленников господарей-фанариотов важная роль в деятельности российской дипломатии отводилась протестам против нарушений Турцией прав княжеств и их статуса. Представления российской стороны Стамбулу по этому поводу становятся регулярными. Существенное значение придавалось расширению связей с местным населением, что давало возможность консулам в Яссах и Бухаресте быть в курсе общественных настроений, оказывать поддержку национально-освободительным устремлениям княжеств. Усилия российской дипломатии в конечном итоге были направлены на укрепление влияния России в Молдавии и Валахии и ее престижа как покровительствующей державы. При этом царское правительство не посягало на сюзеренитет Турции и в то же время всеми мерами противодействовало французским планам утверждения в княжествах.

В своей балканской политике царизм учитывал усилившееся тяготение к России подвластных султану христианских народов. Особую активность проявляли патриотически настроенные группировки молдавского и валашского боярства и духовенства, рассчитывавшие на помощь российского правительства в укреплении автономных прав и привилегий княжеств.

Нарушения установленного статуса княжеств, усиление податного гнета и разорений в связи с военными действиями против видинского паши заставляли местных патриотов обращаться к покровительствующей державе. В январе 1801 г. молдавский господарь Константин Ипсиланти, бояре и духовные чины через генерального консула В. Ф. Малиновского просили Александра I вмешаться и предупредить полное разорение княжества. Описывая ситуацию, сложившуюся в Молдавии и Валахии, а также в самой Турции в связи с набегами Пазванда-оглу, госпо-

дарь советовал воспользоваться этим поводом и ввести в княжества российские войска. С помощью подобной акции Россия, по мнению К. Ипсиланти, могла бы, не нарушая союза с Портой, оказать покровительство княжествам, добиться подтверждения их привилегий².

В своих донесениях в Петербург и миссию в Стамбуле просветитель и демократ В. Ф. Малиновский высказывал сочувствие населению Молдавии и Валахии, поддерживал обращения местных патриотов, ходатайствовал об оказании Россией помощи княжествам в защите их автономных прав. 24 января (5 февраля) 1802 г. Малиновский писал Александру I: «По мере опустошения Турецкой империи внутренними неурядицами и мятежами умножались и требования Порты поборов и нарядов; разорительные смены господарей продолжаются без всякого уважения и справедливости; и все обещанные султанскими хаттишерифами и трактатами утвержденные выгоды нарушены. Оттоманская Порта забыла священные свои обязательства с Россиею в рассуждении сих обоих княжеств»³. К этому донесению он приложил грамоту молдавских духовных лиц и бояр Александру I с прошением об ограждении от притеснений со стороны Турции⁴. Настойчивость своих ходатайств в защиту княжеств Малиновский объяснял в донесении в Стамбул российскому посланнику В. С. Томаре от 22 июня (4 июля) 1802 г. — жители княжеств «желают перемены в своем правлении: или предаться в подданство России, или под непосредственною ее защитою управлять самим своею землею на прежних ее правах»⁵.

Прорусские настроения в общественном мнении Молдавии и Валахии стимулировали наступательные тенденции в балканской политике царизма. В международной ситуации начала XIX в. интересы сохранения экономических и стратегических позиций заставляли Россию предпринимать меры для предотвращения проникновения Франции на Балканы. Поэтому в перспективе (в зависимости от хода международных событий) царское правительство имело виды на возможное территориальное расширение за счет Дунайских княжеств либо в случае войны с Турцией, либо путем участия в предполагаемом разделе османских владений⁶.

Но в реальной политике, исходя из тактических соображений, Россия придерживалась курса на союз с Турцией, в соответствии с которым координировалась и деятельность российской дипломатии в отношении Молдавии и Валахии. Ее задачи были определены Александром I в инструкции В. С. Томаре от 9 (21) июля 1801 г. Основное внимание посланника, как считал царь, должно быть направлено на то, чтобы «постановления трактатов с Россией существующих везде в точности выполняемы были». Посланнику поручалось «старание в пользу сих княжеств у министерства оттоманского употреблять», опираясь на закрепленное договорами право России на их покровительство. В то же время ему предписывалось уделять особое внимание поддержке прорусских настроений в княжествах. Не случайно царь поручал Томаре «при случаях всякую по-

мощь, себя не компрометируя», оказывать молдавскому господарю К. Ипсиланти, который «всегда почитался человеком, усердствующим России»⁷. Очевидно, что эти инструкции диктовались опасениями за позиции в княжествах, имевших важное значение для политических и стратегических интересов России в условиях возрастающего к ним внимания ее главных соперников — Франции и Англии. Поэтому царское правительство было заинтересовано в занятии молдавского и валахского престолов господарями, придерживавшимися в своей политике прорусской ориентации. Когда в конце 1801 г. султан сместил с молдавского престола К. Ипсиланти, российская дипломатия, основываясь на праве покровительствующей державы, решительно ходатайствовала перед Портой о назначении его господарем Валахии⁸.

Следуя принятому петербургским кабинетом курсу на мирное решение вопроса об изменении положения в княжествах, В. С. Томара в июле 1802 г. представил Порте ряд нот с требованиями принять меры для предотвращения в них дальнейших бедствий, обеспечить выполнение взятых по договорам обязательств относительно их статуса⁹. Представления российского посланника были подкреплены личным письмом Александра I султану Селиму III от 15 (27) августа 1802 г., в котором царь, подчеркивая право России на покровительство Молдавии и Валахии, обращал внимание на тяжелое положение княжеств. «Честь и польза Ваши требуют, — писал он султану, — дабы народы, скипетру Вашему подвластные не подвергались... неслыханным поборам, господарями производимым»¹⁰.

Такое решительное выступление российского правительства в защиту Дунайских княжеств летом 1802 г. было связано с майскими событиями в Валахии, подвергшейся разорительному набегу войск видинского паши Пазванда-оглу; господарь М. Суцу вместе с высшим боярством и духовенством бежали в Трансильванию. Жители княжеств через консулов в Бухаресте и Яссах просили о помощи, о введении российских войск.

Александр I в инструкции от 16 (28) июня 1802 г. предписывал В. С. Томаре добиться от Турции, учитывая тяжелое состояние княжеств, уменьшения «сколько можно, податей, с оных собираемых»¹¹. Для давления на Порту царь предлагал намекнуть на то, что, если будут продолжаться нападения мятежных отрядов и разорение жителей княжеств, Россия окажется вынужденной «двинуть некоторое число войска... за Днестр в намерении изгнать из обоих княжеств сих варваров и защитить их от совершенной гибели»¹². На самом же деле в планах царского правительства такая крайняя мера не предусматривалась. Как Россия, так и Турция предпочитали разрешать разногласия мирным путем.

Ноты В. С. Томары Порте положили начало русско-турецким переговорам¹³. В них были сформулированы требования России как покровительствующей державы в отношении Дунайских княжеств. Прежде всего речь шла о подавлении мятежа Пазванда-оглу и отводе турецких войск из Валахии; для защиты границ княжеств предлагалось восстано-

вить корпус пандур; жителей княжеств освободить на два года от всяких повинностей. Выдвигались требования — установить семилетний срок правления господарей со сменой лишь в случае преступления, признанного обоими дворами; восстановить права местного боярства в управлении княжествами, ограничить засилье греков-фанариотов в администрации, вернуть княжествам захваченные и превращенные в райяты земли вокруг крепостей: Браилы, Джурджу, Олта — в Валахии; Измаила, Аккермана, Бендер, Хотина — в Молдавии. Речь шла также о восстановлении в господарстве К. Ипсиланти, смещенного Портой с молдавского престола. Важное значение придавалось признанию за Россией права контролировать выполнение условий соглашения¹⁴.

Сформулированные российской дипломатией требования к Порте были основаны на обращениях молдавских и валашских бояр и духовенства к царскому правительству; реализация этих требований открывала бы перспективы для укрепления автономии княжеств, их экономического развития, улучшения положения населения.

Под давлением Франции и Австрии турецкая дипломатия всячески затягивала переговоры, но, будучи заинтересована в сохранении мира с Россией, не могла не пойти на уступки. В результате переговоров летом 1802 г. Порта подтвердила права и привилегии Дунайских княжеств в системе Османской империи, закрепленные хаттишерифами 1774 и 1792 гг. и сенедом 1784 г., а также приняла на себя новые обязательства и согласилась с рядом требований России, что было оформлено в виде дополнительных статей к указанным хаттишерифам и подтверждено нотой турецкого правительства от 12 (24) сентября 1802 г. Рейс-эфенди Махмуд Раиф извещал В. С. Томару об издании двух ферманов для Валахии и для Молдавии, подтверждающих прежние постановления и включивших новые дополнения. В ноте выражалось обещание, «что все прежние и новые постановления, включенные в вышеупомянутые ферманы, будут отныне строго выполняться и не будет допускаться их нарушения кем бы то ни было, что будет уделено самое серьезное и неусыпное внимание тому, чтобы эти положения всегда служили правилом»¹⁵.

В новых постановлениях в основном были учтены требования российской дипломатии. Устанавливался семилетний срок правления господаря, досрочное смещение допускалось лишь в случае преступления, признанного в Стамбуле и Петербурге. Этот пункт давал царскому правительству возможность контролировать политику господарей и тем самым усиливать свое влияние в Молдавии и Валахии. Княжества освобождались от значительной суммы расходов, связанных с назначением господарей. Большое значение для экономики княжеств имели статьи, запрещавшие Порте взимать налоги сверх сумм, установленных сенедом 1784 г. Определялся порядок взимания податей, при котором решение господаря о сборе было обусловлено мнением Дивана. Порта обязывалась положить конец злоупотреблениям и насилию при взимании налогов.

От ряда требований российской дипломатии пришлось отказаться. Пункт о возвращении Дунайским княжествам захваченных османами территорий формулировался лишь в самом общем виде, господаи могли и впредь использовать греков на административных должностях, что означало продолжение ущемления прав местных бояр.

Самым существенным достижением российской дипломатии являлось предоставление России права контролировать выполнение акта 1802 г. и опротестовывать любое его нарушение, что укрепляло престиж покровительствующей державы, усиливало ее влияние в Дунайских княжествах и на Балканах в целом в условиях сохранения союза с Турцией¹⁶.

Французское посольство в Стамбуле в ответ на успех петербургской дипломатии приложило немало усилий для возбуждения антирусских настроений в турецких правящих кругах. Со специальной миссией в османскую столицу был направлен генерал Г. Брюн. Он должен был убедить султана в дружественных чувствах Наполеона и в то же время прилагать старания к тому, чтобы разорвать русско-турецкий союз и ослабить влияние России на Балканах, прежде всего в Дунайских княжествах. Во время русско-турецких переговоров 1802 г. поверенный в делах Франции Рюффен предпринимал попытки их срыва, противодействовал восстановлению в господарстве К. Ипсиланти, известного своими про-русскими настроениями¹⁷. Когда в результате ходатайств российской дипломатии Порты назначила К. Ипсиланти господарем Валахии, французский консул в княжестве С. Люс попытался склонить его — безуспешно — на свою сторону. Неудачными оказались и попытки посла Франции в Стамбуле Г. Брюна добиться его смещения¹⁸.

В сложной для К. Ипсиланти ситуации российское правительство поддерживало господаря, стремясь избавить его от возможных подозрений со стороны турок. Министр иностранных дел А. Р. Воронцов 2 (14) ноября 1802 г. писал в Стамбул посланнику А. Я. Италинскому: «Чем более будем мы иметь причины полагаться на приверженность господаря сего, тем полезнее для нас сохранение его в сем месте»¹⁹. В мае 1803 г. министр снова напомнил об этом посланнику: «По приверженности господаря сего к России и по благонамеренности его вообще не оставляйте при всяком случае с своей стороны подкреплять его»²⁰. Чтобы в какой-то мере нейтрализовать французские интриги, А. Р. Воронцов 6 (18) октября 1803 г. поручил поверенному в делах в Вене И. О. Анштетту уведомить австрийское правительство об участии интернунция венского двора в интригах против валашского господаря и «потребовать, чтоб названному интернунцию были даны решительные предписания никоим образом не вмешиваться в какие-то ни было интриги, которые ведутся в Константинополе против князя Ипсиланти»²¹.

Успехи балканской политики России во многом зависели от ее преобладающего влияния в Дунайских княжествах. Поэтому именно в Яссы и Бухарест устремились эмиссары Наполеона, чтобы поддержать профранцузские настроения в княжествах и помешать усилению влияния России.

Действовали французские агенты небезуспешно. Они находили поддержку в фанариотской среде, среди сторонников смещенных господарей; им удавалось привлекать на свою сторону некоторых мятежных турецких пашей и провоцировать их вторжения на территорию княжеств. Российский генеральный консул А. А. Жерве доносил из Ясс в начале 1803 г. об активизации в княжествах враждебных России группировок в надежде на то, что «французские войска не замедлят присоединиться к ним, чтобы совместно действовать как против Порты, так и против России»²².

Реализации французских планов на Балканах способствовал видинский паша Пазванд-оглу, который через своих агентов в Париже получал материальную поддержку от правительства Наполеона²³. Генеральный консул А. А. Жерве и вице-консул в Бухаресте Л. Кирико в донесениях 1803 г. в Петербург указывали на скоординированность антирусских действий французской дипломатии и грабительских вторжений в конце 1802 — начале 1803 г. войск Пазванда-оглу в Валахию²⁴.

Не без усилий французского посла Г. Брюна Порты назначила на молдавский престол А. Морузи. О его профранцузских настроениях и связях с Парижем информировали российское правительство А. А. Жерве и русский посол во Франции А. И. Морков. В марте 1803 г. А. И. Морков сообщал о просьбе А. Морузи прислать в Яссы французского агента для противодействия влиянию России²⁵.

По предписанию петербургского кабинета русские представители дали А. Морузи понять, что сумеют добиться у Порты его смещения с престола. Их усилия увенчались успехом. В середине 1803 г. Я. Италинский сообщал о перемене во взглядах А. Морузи и его переходе в партию сторонников России. Антирусским действиям французских агентов в княжествах способствовало восстановление весной 1803 г. генерального консульства Франции в Бухаресте и вице-консульства в Яссах. Особую активность в антирусской деятельности в Дунайских княжествах проявлял прибывший в Яссы французский комиссар Мешень; кроме того, использовались с этой целью «торговые» агенты Франции, занимавшиеся сбором сведений о положении в Подунавье, на русско-турецкой границе²⁶.

В этих условиях царское правительство было озабочено тем, чтобы Порты не перешла на сторону Франции. Переход Турции к союзу с Наполеоном поставил бы под угрозу важнейшие позиции российской ближневосточной политики, мог привести к серьезным осложнениям на Балканах и в Закавказье, а главное, к закрытию проливов для прохода российских судов. Посланнику в Стамбуле предписывалось всеми методами убеждать турецкое правительство в том, что планы и намерения Наполеона «никогда не были и не могут быть наклонены к пользе Порты Оттоманской...», что «очевидные ее интересы требуют крепчайшего союза с Россией, что связи с сей империей будет всегда для нее столько же полезна и выгодна, как и необходима для удержания собственного веса в политических отношениях ее»²⁷.

Чтобы не обострять отношения с Турцией и не дать ей подпасть под влияние Франции, российская миссия ослабила нажим на Порту; демарши в защиту зафиксированных в договорах прав Молдавии и Валахии стали и более умеренными, и более редкими. Посланник в Стамбуле в соответствии с получаемыми инструкциями ограничивал выступления в защиту княжеств призывами к султану «не притеснять своих христианских подданных»²⁸.

В связи с возобновившейся в мае 1803 г. англо-французской войной началось сближение России с Англией. В его основе была общая заинтересованность в противостоянии захватнической политике Наполеона в Европе и на Ближнем Востоке. Посредничая в урегулировании англо-французского конфликта, правительство Александра I стремилось добиться от Наполеона признания целостности Османской империи.

Позиция Петербурга отвечала интересам Порты, поэтому Турция продолжала сохранять приверженность союзу с Россией, несмотря на давление Франции. Тяжелое внутреннее положение в империи, усугублявшееся ростом национально-освободительного движения балканских народов, и прежде всего вспыхнувшее в 1804 г. восстание сербов, обостряли необходимость иметь сильного союзника. Разрыв русско-французских отношений в 1804 г. и начало войны Франции против России и Англии склонили турецкое правительство к тому, чтобы подтвердить союзный договор с Александром I.

Отказавшись признать императорский титул Наполеона, султан Селим III в декабре 1804 г. потребовал от России в качестве компенсации гарантии безопасности Османской империи. В условиях войны с Францией в Петербурге были заинтересованы в поддержке и нейтралитете Порты; в этом же году начались переговоры А. Я. Италинского с турецкими министрами. В ходе переговоров российская дипломатия выдвигала предложения о расширении автономии Дунайских княжеств, о создании их собственных вооруженных сил, что было отвергнуто Портой. В заключительном протоколе была зафиксирована лишь в общей форме необходимость дополнительных мер для защиты привилегий и статуса княжеств. 23 сентября 1805 г. был подписан новый русско-турецкий союзный договор²⁹. Было подтверждено право России покровительствовать христианскому населению Османской империи, следовательно, и Дунайским княжествам. Добиться расширения их прав России не удалось. В письме Селиму III с сообщением о ратификации договора Александр I все же подчеркивал, что намерен и впредь заботиться о «спокойствии и безопасности» Молдавии и Валахии, «существование и благополучие которых я гарантировал в договорах, заключенных между нашими государствами»³⁰.

Вскоре после заключения договора А. Я. Италинский предпринял ряд демаршей, потребовав от Порты оградить Валахию от угрозы со стороны придунайских пашей. Турция отреагировала на эти представления российского посланника чисто формально. По словам А. Я. Италинского,

«оттоманское министерство сочло, что оно уже достаточно позаботилось о безопасности Валахии в ответ на мои представления, сделанные после подписания договора, разослав ни к чему не обязывающие письма комендантам и аянам придунайских провинций и князю Ипсиланти, вместо того чтобы направить первым султанские ферманы, строго запрещающие всякие посягательства на привилегии этой провинции, а господарю — предписание поддерживать и защищать эти привилегии и в случае необходимости даже отражать силой вооруженные нападения»³¹. Демарши российского посланника должны были демонстрировать Порте твердость курса России на поддержку и защиту населения Молдавии и Валахии, в самих княжествах — укреплять престиж державы-покровительницы.

Действия российской дипломатии в отношении Дунайских княжеств исходили из общей задачи политики России на Балканах в существовавших международных условиях начала XIX в. Смысл ее состоял в том, чтобы, не осложняя отношений с Портой, добиваться у нее дипломатическим путем улучшения участи подданных султану народов, что должно было, с одной стороны, способствовать усилению среди них русского влияния, с другой — противодействовать распространению профранцузских настроений³².

Исходя из этих задач, российская дипломатия действовала и в отношении восставших сербов. Петербургский кабинет опасался, что повстанческое движение в европейских владениях Турции могло быть использовано Наполеоном в качестве предлога для вторжения на Балканы.

Царское правительство настойчиво, хотя и осторожно, искало пути для оказания помощи восставшим сербам. Определенные надежды возлагались на посреднические услуги К. Ипсиланти, имевшего тесные связи с сербскими повстанцами. Он с одобрением и участием отнесся к вспыхнувшему в Сербии восстанию. Рассматривая действия восставших в перспективе освободительной борьбы других балканских народов, он попытался помочь сербам дипломатическими средствами. Ипсиланти обратился к Порте с советом послать повстанцам подкрепление, мотивируя свое предложение желанием якобы содействовать восстановлению власти султана в пашалыке³³.

Развертывание восстания обеспокоило Порту. Она приказала боснийскому везиру Бекир-паше восстановить порядок в Сербии. Одновременно султан уполномочил валашского и молдавского господарей выступить посредниками в переговорах с сербами. Ипсиланти направил в Сербию двух бояр, ключара Манолаке и кэминара Янку, молдавский господарь А. Морузи — великого спафария Васибеки³⁴. Их миссия успехом не увенчалась: пожелания сербов представлялись Стамбулу неприемлемыми.

Причастность к переговорам Порты с восставшими дала Ипсиланти возможность непосредственно познакомиться с положением дел в Сербии. Можно предположить, что Ипсиланти использовал свою миссию для того, чтобы склонить сербских повстанцев обратиться к России, ус-

тановить связь с А. Я. Италинским. Составленное на собрании скупщины в Остружнице 3 (15) мая 1804 г. письмо сербских старейшин с просьбой к русскому правительству ходатайствовать перед Портой об удовлетворении их требований было переправлено А. Я. Италинскому при содействии К. Ипсиланти³⁵.

18 (30) сентября 1804 г. товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский предписывал генеральному консулу в Яссах А. А. Жерве использовать Ипсиланти для того, чтобы «внушить сербскому народу, что участие нашего двора в жребии их и посредничество оно у Порты может наиболее соделать прочными права их, утверждения коих они теперь ищут, и при том дать им понять о необходимости, чтоб они для сего обратились с прошением на высочайшее имя к г-ну Италинскому»³⁶. Ипсиланти согласился выполнить это секретное поручение и направить с данной целью к восставшим под каким-либо предлогом своего верного человека со знанием сербского языка.

Валашский господарь пользовался большим доверием русских правящих кругов в осуществлении связей с восставшими сербами. А. Чарторыйский в депеше от 17 (29) декабря 1804 г. писал новому генеральному консулу России в Яссах И. Ф. Болкунову: «...с господарем Ипсиланти можете быть в откровенности по всем сим делам»³⁷.

Сами сербские повстанцы и их руководители видели в Ипсиланти посредника в переговорах с Портой и в отношениях с Россией. Английский консул писал в начале 1807 г. из Бухареста, что сербы испытывают большую признательность Ипсиланти, который «работал в их пользу как у русских, так и в Порте»³⁸. Особенно важно было содействие Ипсиланти связям сербов с русским правительством. В начале сентября 1804 г. в Бухаресте находились сербские депутаты, направлявшиеся в Россию. Господарь помог русскому консулу оформить для них паспорта. Царское правительство, следуя принципам своей политики на Балканах, обещало сербской делегации поддержать перед Портой требования о предоставлении Сербии автономии в составе Османской империи. Петербургский двор рассчитывал склонить султана к предоставлению Сербии статуса, аналогичного Дунайским княжествам, при гарантии России и Австрии³⁹. Между восставшими сербами и Петербургом установились постоянные связи, в поддержании которых важную роль играл Ипсиланти. Пользуясь его услугами, российское правительство тайно оказывало повстанцам помощь. Сам господарь открыто помогал им оружием, боеприпасами, деньгами и продовольствием, особенно активно накануне русско-турецкой войны 1806–1812 гг.⁴⁰.

Разгром третьей антинаполеоновской коалиции под Аустерлицем в декабре 1805 г. не только коренным образом изменил ситуацию в Европе, но и повлиял на русско-турецкие отношения. Военными успехами Наполеона воспользовались реваншистские круги в турецком правительстве. Под их давлением уже в январе 1806 г. султан Селим III признал импера-

торский титул Наполеона и направил ему письмо с изъявлением дружественных чувств⁴¹. Одновременно в политике Порты все явственнее проявлялись антирусские тенденции, в частности нарушались обязательства, принятые Турцией по договору с Россией в сентябре 1805 г. В Стамбул прибыл новый французский посол генерал О. Себастиани с заданием склонить турецкое правительство к союзу с Наполеоном. Будучи проездом в Бухаресте, генерал встречался с Ипсиланти, пытаясь привлечь его на свою сторону и использовать в качестве посредника в примирении восставших сербов с Портой⁴². Поощряемое Себастиани правительство Турции стало прибегать к антирусским акциям, препятствуя, например, прохождению через проливы русских военных кораблей.

В складывавшейся ситуации царское правительство решительно выступило за сохранение своих позиций в Молдавии и Валахии. Через посланника А. Я. Италинского Петербург выразил Порте недовольство по поводу невыполнения ею обязательств по соглашению 1802 г. относительно княжеств и предостерегал от попыток изменить их статус. В марте 1806 г. Александр I повелел посланнику напомнить Порте о готовности расположенной в районе Днестра 100-тысячной русской армии прийти на помощь Селиму, чтобы предотвратить его подчинение Наполеону. Кроме того, Италинский должен был предупредить турецкое правительство, что, в случае содействия Франции изменению без согласования с Россией статуса Дунайских княжеств, Днестровская армия вступит на территорию Молдавии с оборонительными целями⁴³.

Однако для реваншистских кругов Турции сильнее оказались аргументы О. Себастиани, прельщавшего возможностью восстановить при военной помощи Наполеона владения Османской империи в границах до 1774 г., т. е. отвоевать у России Крым и Черноморское побережье⁴⁴. Следствием акций французского посла было смещение в августе 1806 г. с валашского и молдавского престолов К. Ипсиланти и А. Морузи, обвиненных в содействии интересам петербургского кабинета. В ноте Порты Александру I от 14 (26) августа 1806 г. Ипсиланти обвинялся в измене, выразившейся в подстрекательстве сербов к восстанию и оказании им помощи⁴⁵. Господарями Валахии и Молдавии султан назначил профранцузски настроенных А. Суцу и С. Каллимаки. Смена господарей до завершения семилетнего срока пребывания на престоле была опротестована А. Италинским. Российское правительство требовало возвращения смещенных господарей в княжества и соблюдения права прохода через черноморские проливы русских военных судов⁴⁶.

Тем временем О. Себастиани оказывал на Порту сильное давление: он предлагал (а точнее — требовал) закрыть для русских судов проход через проливы, разорвать договор с Россией, не возобновлять союза с Англией. Генерал предупреждал, что в случае невыполнения этих требований сосредоточенная в Далмации французская армия вступит на османскую территорию и двинется к Днестру навстречу русским войскам⁴⁷.

Энергичные действия А. Я. Италинского, поддержанные британским послом в Стамбуле Ч. Арбатнотом, заставили Порту вернуть К. Ипсиланти и А. Морузи на престолы Валахии и Молдавии. Но Александр I не был убежден в искренности Турции. Царское правительство не собиралось ограничиваться восстановлением смещенных господарей и было озабочено откровенно антирусской деятельностью О. Себастиани в Стамбуле⁴⁸.

Профранцузские группировки в турецкой столице усилились после победы Наполеона при Иене (14 октября 1806 г.) над войсками Пруссии, союзницы России. О. Себастиани склонял турецкое правительство к тому, чтобы вновь назначить господарями в Молдавию и Валахию С. Каллимаки и А. Суцу, укрепить власть султана над княжествами⁴⁹. Осенью 1806 г. Порта окончательно закрыла проход через проливы для русских военных кораблей. На требование России отменить это решение турецкое правительство ответило отказом. Российский двор оказался перед нелегким выбором — смириться с утратой своих позиций или протестовать, и если протестовать, то как? В этой ситуации по приказу Александра I русская армия под командованием И. И. Михельсона 22 ноября 1806 г. перешла Днестр.

Через неделю русские войска заняли Яссы, а 25 декабря вступили в Бухарест. Вместе с русскими войсками в декабре 1806 г. в столицу Валахии вернулся К. Ипсиланти. Поручив ему также и управление делами в Молдавии, ввиду самоотстранения А. Морузи от власти, русское правительство рассчитывало на помощь Ипсиланти в снабжении армии продовольствием, в формировании добровольческих частей, на его «советы», которые могли быть полезными для русского командования. Эти расчеты основывались на ранее высказывавшейся валашским господарем готовности снабжать необходимыми припасами русские войска в случае их вступления на территорию княжеств⁵⁰.

Как отмечалось в российских дипломатических документах, занятие русскими войсками Молдавии и Валахии было вынужденной мерой, вызванной отказом Порты удовлетворить справедливые требования России. При этом особо подчеркивалось отсутствие у царского правительства каких бы то ни было намерений аннексировать княжества⁵¹. В Диванах Молдавии и Валахии был зачитан манифест Александра I от 23 декабря 1806 г., в котором объявлялось, что русские войска, учитывая автономные права и привилегии княжеств, будут соблюдать прежнее их управление и местные обычаи⁵².

Эти декларации не были вызваны желанием царского правительства скрыть свою агрессивность, как зачастую преподносится в зарубежной историографии, особенно румынской⁵³. Дипломатические документы говорят о том, что Россия действительно не хотела войны и принимала все меры к тому, чтобы сохранить союз с Турцией и поддерживать целостность ее владений. Российская дипломатия хорошо понимала, что решение

многих проблем восточного вопроса, в том числе и балканской, связано с русско-турецкими отношениями, что успешным оно может быть только в рамках союза с Портой⁵⁴. Но складывавшаяся в конце 1806 г. международная обстановка привела к разрыву русско-турецких отношений.

Примечания

- ¹ *Гросул Г. С.* Дунайские княжества в политике России. 1774—1806. Кишинев, 1975. С. 145—146.
- ² АВПРИ. Ф. Главный архив. 1—9. 1801—1802. Оп. 8. Д. 4. Л. 19—23.
- ³ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I. 1801—1815 (далее — ВПР). М., 1960. Т. 1. С. 172.
- ⁴ Текст грамоты см.: АВПРИ. Ф. Главный архив. 1—9. 1801—1802. Оп. 8. Д. 4. Л. 159—162.
- ⁵ ВПР. Т. 1. С. 238.
- ⁶ *Гросул Г. С.* Дунайские княжества... С. 134—139.
- ⁷ ВПР. Т. 1. С. 58—59.
- ⁸ Там же. С. 254—255, 287—288.
- ⁹ Там же. С. 241—243, 250—255.
- ¹⁰ Там же. С. 276.
- ¹¹ Там же. С. 233.
- ¹² Там же. С. 232—233.
- ¹³ *Селях Г. Н.* Русско-турецкое соглашение 1802 г. о Дунайских княжествах // Вопросы истории. 1961. № 12. С. 197.
- ¹⁴ См. изложение требований России в нотах В. Томары турецкому правительству: ВПР. Т. 1. С. 238—240, 241—243, 250—255, 270—271.
- ¹⁵ Там же. С. 301.
- ¹⁶ О содержании соглашения 1802 г. и его значении для русско-турецких отношений см.: *Селях Г. Н.* Русско-турецкое соглашение... С. 195—202; *Гросул Г. С.* Дунайские княжества... С. 158—160.
- ¹⁷ *Гросул Г. С., Вербицкий Э. Д.* Молдавское княжество в международных отношениях конца XVIII — начала XIX в. // Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX в.). Кишинев, 1987. С. 381.
- ¹⁸ ВПР. Т. 1. С. 530.
- ¹⁹ Там же. С. 322—323.
- ²⁰ Там же. С. 433.
- ²¹ Там же. С. 529—530.
- ²² Там же. С. 382.
- ²³ Там же. С. 314, 318, 381—382.
- ²⁴ АВПРИ. Ф. Главный архив. 1—9. Оп. 8. 1803. Д. 4. Л. 2.
- ²⁵ ВПР. Т. 1. С. 289, 403.

- 26 Там же. С. 322–323, 722, 739; *Гросул Г. С., Вербицкий Э. Д.* Молдавское княжество... С. 381–382.
- 27 ВПР. Т. 1. С. 319.
- 28 Там же. М., 1961. Т. 2. С. 118; см. также: *Гросул Г. С.* Дунайские княжества... С. 165–167.
- 29 ВПР. Т. 2. С. 589–594; см.: *Виноградов В. Н.* «Разрядка» в наполеоновскую эру. Бонапарт и русские // Александр I, Наполеон и Балканы. Балканские исследования. Вып. 18. М., 1997. С. 92–93; *Шеремет В. И.* Высокая Порта вновь сближается с Францией // Там же. С. 165–166.
- 30 ВПР. Т. 2. С. 639.
- 31 Там же. С. 642.
- 32 *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 42–62.
- 33 Об этом валашский господарь сообщал русскому посланнику в Стамбуле А. Я. Италинскому в письме от 7 (19) марта 1804 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1804 г. Д. 35. Л. 16–17.
- 34 *Iorga N.* Constantin-Vodă Ipsilanti și revoluția sârbească // *Revista istorică.* 1921. VII. № 4–6. P. 139; *Panaïtescu P.* Corespondența lui Constantin Ipsilanti cu guvernul rusesc. 1806–1810. Buc., 1933. P. 16–17.
- 35 Некоторые современники считали Ипсиланти одним из вдохновителей сербского восстания (см.: *Panaïtescu P.* Corespondența... P. 16–17). Султан впоследствии обвинил валашского господаря в подстрекательстве сербов к восстанию (см. также: *Семенова Л. Е.* Константин Ипсиланти и Первое сербское восстание (1804 — август 1807 гг.) // Балканские исследования. М., 1984. Вып. 9. С. 51).
- 36 Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980. Кн. 1. С. 50–51, 53.
- 37 ВПР. Т. 2. С. 249.
- 38 *Rosetti R.* Arhiva senatorilor din Chișinău // *Analele Academiei Române.* Mem. secț. ist. 1909. Т. XXXI. P. 515.
- 39 *Попов Н. А.* Россия и Сербия. М., 1869. Ч. 1. С. 31; *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. С. 50–52.
- 40 АВПРИ. Ф. Консульство в Яссах. 1805. Д. 104. Л. 72–73об.; *Семенова Л. Е.* Константин Ипсиланти... С. 55–56.
- 41 *Testa I.* Recueil des traités de la Porte Ottomane avec les puissances étrangères. P., 1872. Vol. 2. P. 339.
- 42 *Богишич В.* Разбор сочинения Н. А. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872. С. 50–60; *Петров А. Н.* Война России с Турцией. 1806–1812. СПб., 1885. Т. 1. С. 34–39.
- 43 ВПР. М., 1963. Т. 3. С. 95, 263–265, 273–274; *Гросул Г. С., Вербицкий Э. Д.* Молдавское княжество... С. 386.
- 44 Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 58.
- 45 ВПР. Т. 3. С. 703–704.

-
- ⁴⁶ Там же. Т. 3. С. 276–278, 314–316, 341–342.
- ⁴⁷ Там же. С. 322–323.
- ⁴⁸ Там же. С. 347–348, 369–370, 384–387, 713.
- ⁴⁹ *Lebel G.* La France et les principautés Danubiennes (du XVI-e siècle a la chute de Napoleon I-er). P., 1955. P. 124.
- ⁵⁰ АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–9. 1801–1802 гг. Оп. 8. Д. 4. Л. 28; ВПР. Т. 3. С. 402–403.
- ⁵¹ ВПР. Т. 3. С. 480–481.
- ⁵² Acte și documente relative la istoria renașterii României. Buc., 1900. Vol. I. P. 292–293.
- ⁵³ См., напр.: *Columbeanu S.* Contribuții privind situația internațională a țărilor române între anii 1806–1812 // *Revista de istorie.* 1976. Nr. 5. P. 662–664.
- ⁵⁴ Восточный вопрос во внешней политике России... С. 59.

КОНСТАНТИН ИПСИЛАНТИ
И ПЕРВОЕ СЕРБСКОЕ ВОССТАНИЕ
(1804 — АВГУСТ 1807 г.)

Национально-освободительное, антифеодалное восстание, вспыхнувшее в 1804 г. в Сербии во главе с Карагеоргием (Георгием Петровичем), послужило первой искрой широкого движения против власти султана, развернувшегося на Балканах в начале XIX в. Процесс разложения феодализма, зарождения элементов капиталистических отношений и формирования национальной буржуазии в странах Юго-Восточной Европы во второй половине XVIII — начале XIX в. имел своим следствием движение поработанных балканских народов за национальное возрождение. В то же время этот процесс создавал объективные предпосылки общевалашских связей, которые имели большое значение для освободительной борьбы народов Юго-Восточной Европы. Безусловно, на развитие этой борьбы, определявшейся внутренними условиями и специфическими особенностями положения каждого из народов, в значительной степени оказывали влияние международная обстановка в Европе и ее юго-восточном регионе, политика держав в восточном вопросе, их отношения с Портой.

В истории общевалашских связей начала XIX в. несомненный интерес представляют валахско-сербские отношения в период Первого сербского восстания.

В исторической литературе уже отмечались связи валахского господаря Константина Ипсиланти (1802 — август 1806 г., декабрь 1806 — август 1807 г.) с восставшими сербами, его дружественные отношения с их вождем Карагеоргием¹. Однако специально этот вопрос не изучался. Между тем публикации русских дипломатических документов, относящихся к началу XIX в.², а также архивные материалы позволяют более широко и полно осветить связи Ипсиланти с сербскими повстанцами и их руководителями, выявить его роль в контактах восставших с Россией, в осуществлении политики русского правительства по отношению к восстанию в Сербии.

Свидетельства о связях Ипсиланти с сербами относятся к самому началу восстания, когда Порта не принимала еще каких-либо решительных мер против сербских повстанцев, рассчитывая в конечном итоге использовать их успехи для восстановления своей власти в Белградском пашалыке. Ипсиланти с одобрением и участием отнесся к вспыхнувшему в Сербии восстанию. Рассматривая действия восставших в перспективе освободительной борьбы других балканских народов, он попытался помочь сербам дипломатическими средствами. Ипсиланти обратился к Порте с советом послать повстанцам подкрепление, мотивируя свое предложение желанием якобы содействовать восстановлению власти султана в пашалыке³.

Развертывание восстания обеспокоило Порту. Она приказала боснийскому везиру Бекир-паше восстановить порядок в Сербии. В то же время султан уполномочил валахского и молдавского господарей Константина Ипсиланти и Александра Морузи выступить посредниками в пе-

переговорах с сербами. Ипсиланти направил в Сербию двух бояр, ключера Манолаке и кэминара Янку, молдавский господарь — великого спафария Василаки.

Переговоры Порты с восставшими продлились с июля по ноябрь 1804 г. и не дали никаких результатов. Сербь требовали предоставления Белградскому пашалыку широкой внутренней автономии в составе Османской империи. Часть сербских руководителей во главе с Карагеоргием выступала против соглашения с Портой, за решительную борьбу против власти султана. Не увенчалась успехом и миссия Бекир-паши.

Посредничество в переговорах Порты с восставшими дало возможность Ипсиланти непосредственно соприкоснуться с положением дел в Сербии. Будучи сторонником прорусской ориентации в освобождении балканских народов от власти султана, Ипсиланти, по всей вероятности, использовал свою миссию для того, чтобы склонить сербских повстанцев обратиться к России за помощью. Очевидно, не случайно некоторые современники считали его одним из вдохновителей сербского восстания⁴, а султан впоследствии обвинил валашского господаря в подстрекательстве сербов к восстанию. Во всяком случае, можно полагать, что именно под влиянием Ипсиланти вожди восставших установили связь с русским посланником в Стамбуле А. Я. Италинским. Выработанное на собрании скупщины в Остружнице 3 (15) мая 1804 г. письмо сербских старейшин с просьбой к русскому правительству ходатайствовать перед Портой об удовлетворении требований повстанцев было передано А. Я. Италинскому не без содействия Ипсиланти. На эту мысль наводит депеша А. Я. Италинского товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому от 17 (29) июня 1804 г. Извещая А. А. Чарторыйского о посылке ему названного письма сербских старейшин, русский посланник тут же сообщает, что получил через Ипсиланти известия о событиях в Сербии, что Карагеоргий «отказался от политики верности Порте» и «выступил против самой Порты с большим отрядом, находящимся под его командованием»⁵.

В связи со всем этим представляется не случайным намерение русского правительства привлечь Ипсиланти для ориентации восставших сербов на Россию. 18 (30) сентября 1804 г. А. А. Чарторыйский предписывал генеральному консулу в Яссах А. А. Жерве в случае необходимости использовать Ипсиланти для того, чтобы «внушить сербскому народу, что участие нашего двора в жребии их и посредничество онаго у Порты может наиболее соделать прочными права их, утверждения коих они теперь ищут, и при том дать им понять о необходимости, чтоб они для сего обратились с прошением на высочайшее имя к г-ну Италинскому...».

Ипсиланти согласился выполнить это секретное поручение русского правительства и направить с данной целью к восставшим под каким-либо посторонним предлогом верного человека со знанием сербского языка⁶.

В условиях возраставшей военной угрозы со стороны Франции и распространения ее влияния на Балканах русское правительство в 1804–1805 гг. было заинтересовано в нейтралитете и поддержке Порты. Тяжелое внутреннее положение и усилившееся национально-освободительное движение балканских народов заставляли турецкое правительство, в свою очередь, искать сильного союзника. 23 сентября (5 октября) 1805 г. был заключен русско-турецкий союзный договор, подтверждавший условия договора 1799 г.

Стремясь сохранить мирные отношения с Турцией и избежать возможного повода для конфликта с ней, царское правительство не могло открыто поддержать сербское восстание. В существовавшей международной обстановке задача русской дипломатии на Балканах состояла в том, чтобы, не осложняя отношений с Портой, добиваться у нее дипломатическим путем осуществления мер, улучшающих положение подданных султану народов, что должно было, с одной стороны, способствовать усилению среди них русского влияния, с другой — противодействовать распространению профранцузских настроений.

Исходя из этого, русское правительство настойчиво, хотя и осторожно, искало пути для того, чтобы оказать помощь сербам, защитить их перед Портой. В выполнении такой задачи петербургский двор возлагал большие надежды на Константина Ипсиланти. Правительство Александра I не могло не знать о связях валашского господаря с сербскими повстанцами. Кроме того, оно учитывало, конечно, прорусскую ориентацию Ипсиланти, которая проявилась еще во время его пребывания на молдавском престоле (1799–1801 гг.) и которой оно придавало важное значение для укрепления русского влияния в Дунайских княжествах⁷.

После того как в 1802 г. с помощью России Ипсиланти стал валашским господарем, его прорусская ориентация проявилась особенно явно. Петербургский двор, со своей стороны, был заинтересован в этом. Министр иностранных дел А. Р. Воронцов 2 (14) ноября 1802 г. писал А. Я. Италинскому о необходимости утвердить Ипсиланти «в приверженности России», используя для этого также и дружеские отношения с господарем. «Чем более будем мы иметь причины полагаться на приверженность господаря сего, — писал А. Р. Воронцов, — тем полезнее для нас сохранение его в сем месте». В мае 1803 г. А. Р. Воронцов снова напоминал об этом русскому посланнику в Стамбуле: «По приверженности господаря сего к России и по благонамеренности его вообще не оставляйте при всяком случае с своей стороны подкреплять его». При этом русское правительство всячески стремилось к тому, чтобы не вызвать у Порты подозрения в неблагонадежности Ипсиланти. Это было особенно важно в условиях, когда французский посол в Стамбуле с целью смещения господаря плел против него интриги⁸.

Установившиеся с Константином Ипсиланти отношения позволяли русскому правительству надеяться на его посредничество в связях с вос-

ставшими сербами. И в этом смысле валашский господарь пользовался большим доверием русских правящих кругов. А. А. Чарторыйский в депеше от 17 (29) декабря 1804 г. новому генеральному консулу России в Яссах И. Ф. Болкунову писал: «...с господарем Ипсиланти можете быть в откровенности по всем сим делам...»⁹ (т. е. делам, связанным с восстанием в Сербии. — Л. С.).

Роль, которую русское правительство отводило Ипсиланти в проведении своей политики на Балканах, обусловило то обстоятельство, что связи валашского господаря с сербскими повстанцами стали важным фактором в осуществлении политики петербургского двора в отношении сербов. Ипсиланти, в свою очередь, был заинтересован в связях с сербами, в ориентации их на Россию и оказании помощи восставшим, в полной мере оценивая значение этого факта для освободительной борьбы всех балканских народов. При этом он не только учитывал значение военных действий восставших сербов для борьбы с видинским пашой Пазвандом-оглу, совершавшим опустошительные нападения на Валахию. Следует иметь в виду, что с успехами России на Балканах Ипсиланти прежде всего связывал планы укрепления своей власти в Дунайских княжествах, а также возможного включения в свои владения и Сербии. Во всяком случае, когда с началом в 1806 г. русско-турецкой войны он стал осуществлять власть фактически в обоих княжествах, в европейских дипломатических кругах в 1807 г. говорили о возможном распространении власти Ипсиланти и на Сербию¹⁰.

Восставшие сербы и их руководители со своей стороны видели в Ипсиланти посредника в переговорах с Портой и в отношениях с Россией. Английский консул писал в 1807 г. из Бухареста, что сербы питают большую благодарность к Ипсиланти, который «работал в их пользу как у русских, так и в Порте». Сербь ценили содействие Ипсиланти в их делах. Русский консул в Бухаресте Л. Г. Кирико в донесении А. Я. Италинскому от 3 (15) июня 1806 г. между прочим отмечал, что сербы «не перестают объявлять его высочество князя Ипсиланти своим благодетелем, который во всех случаях щедро одарял их неоспоримыми знаками внимания и отменной доброты»¹¹.

Особенно важно было посредничество Ипсиланти в осуществлении связей сербских повстанцев с русским правительством. В начале сентября 1804 г. в Бухаресте находились сербские депутаты, направлявшиеся в Россию. Господарь помог русскому консулу оформить для них паспорта. 29 сентября (11 октября) в Петербург было доставлено прошение на имя Александра I об оказании помощи восставшим сербам. Русское правительство, следуя принципам своей политики на Балканах, обещало сербской делегации поддержать перед Портой требования о предоставлении Сербии автономии в составе Османской империи. Петербургский двор рассчитывал склонить султана предоставить Сербии статус, аналогичный Дунайским княжествам при гарантии России и Австрии¹².

С этого времени появляется необходимость постоянных связей русского правительства с сербскими руководителями, регулярной и подробной информации о ходе восстания. Главным звеном в поддержании этих связей как для русских правящих кругов, так и для сербов становится Ипсиланти. В апреле 1805 г. генеральный консул России в Яссах И. Ф. Болкунов сообщал А. А. Чарторыйскому о создании надежной связи с сербами через Бухарест. Ипсиланти был связан с восставшими посредством своих и сербских нарочных, с петербургским двором — через русского консула в Бухаресте и генерального консула в Яссах, а также через русско-го посланника в Стамбуле. Это позволяло валашскому господарю регулярно сообщать правящим кругам России подробную информацию о событиях в Сербии, о ходе восстания, о положении на Балканах.

Информация Ипсиланти была для русского правительства основным источником сведений о состоянии дел в Сербии, о чем свидетельствует, в частности, донесение Л. Г. Кирико от 25 сентября (7 октября) 1805 г. И. Ф. Болкунову в Яссы, в котором консул в Бухаресте подчеркивает значение связей с валашским господарем в получении сведений из Сербии¹³.

Сербским военачальникам связь с Ипсиланти давала возможность быть в курсе предпринимаемых Портой акций против восставших, ее намерений, планов великих держав. Важное значение для руководителей восстания имело посредничество валашского господара в урегулировании отношений с Портой.

Одновременно с подготовкой и вооружением повстанческих отрядов зимой и весной 1805 г. Карагеоргий и другие сербские вожди не прекращали попыток мирных переговоров с турецким правительством, надеясь на то, что поддержка Россией требований восставших заставит султана пойти на уступки. Весной и летом 1805 г. сербские военачальники неоднократно обращались к Ипсиланти с просьбой о посредничестве в переговорах с Портой. Сербская депутация, направлявшаяся в Стамбул с прошением к султану, в мае прибыла в Бухарест, где была принята валашским господарем, который оказал им практическую помощь в организации поездки. Через своих агентов в турецкой столице Ипсиланти всячески поддерживал сербских представителей на переговорах с султаном. В мае 1805 г. Л. Г. Кирико писал А. Я. Италинскому, что Ипсиланти «не упустил ничего, дабы продвинуть и тайно облегчить их (сербских депутатов в Стамбуле. — Л. С.) дело».

Однако безрезультатность переговоров с Портой показала, что только решительные военные действия и освобождение всего Белградского пашалыка от турецкой власти смогут заставить султана пойти на соглашение с сербами. Решающим фактором должен был стать захват восставшими Белграда. В таком плане перспективу освободительного движения в Сербии рассматривали и русские правящие круги¹⁴.

Исходя из этого, русское правительство оказывало сербским повстанцам не только действенную дипломатическую поддержку, но тайно

посылало им материальную помощь, пользуясь и здесь посредничеством Ипсиланти. Так, А. А. Чарторыйский, сообщая И. Ф. Болкунову 17 (29) декабря 1804 г. о посылке 3 тыс. голландских червонных для передачи Карагеоргию на военные нужды, предлагал в случае необходимости воспользоваться услугами валашского господаря. В феврале 1805 г. деньги были пересланы сербам через доверенных лиц Ипсиланти. Русское консульство в княжествах в марте 1806 г. вновь прибегло к помощи Ипсиланти для передачи денег сербским повстанцам¹⁵.

Сам Ипсиланти также тайно помогал сербам. Информирова А. Я. Италинского 4 (16) мая 1804 г. о ходе сербского восстания, о нехватке у повстанцев боеприпасов, он сообщал о посылке им по просьбе коменданта Орсовы пороха и свинца. Судя по данным источников, иногда валашский господарь помогал сербам и деньгами. Так, прибывший в августе 1805 г. в Бухарест по пути из Стамбула Стефан Живкович просил Ипсиланти о денежной помощи. В июле 1806 г. сербские нарочные были приняты господарем и получили от него деньги. Имеются свидетельства о том, что в канун русско-турецкой войны 1806–1812 гг. валашский господарь, вдохновляя восставших, посылал им деньги, оружие и продовольствие¹⁶.

В этот период Ипсиланти стал проявлять особую активность. В феврале–марте 1806 г. он подробно сообщал А. А. Чарторыйскому о военных планах Порты, о развертывании военных операций румелийского и боснийского пашей против восставших сербов, о положении дел в Сербии, о действиях повстанцев. Сербов валашский господарь предупреждал о турецких военных приготовлениях. Через чиновника русского консульства Волкова, бывшего в Бухаресте, он ходатайствовал об оказании сербам военной помощи и выражал готовность в случае вступления русских войск на территорию княжеств снабжать их необходимыми припасами.

Серьезное внимание Ипсиланти уделял созданию военных сил княжества. Он увеличил численность постоянного господарского и наемного корпусов, организовал корпус пандур (солдат-пехотинцев). Господарь формировал специальный отряд, командование которым он предполагал передать русскому офицеру. 26 февраля (10 марта) 1806 г. И. Ф. Болкунов писал А. А. Чарторыйскому: «Князь Ипсиланти через господина Киррика вновь ныне повторяет просьбу свою о снабжении его военным обер- или унтерофицером, которому бы можно было вверить команду над собираемым им казачьим лейб-корпусом, назначенным для охранения особы его светлости, который уже простирается за 60 человек из российской нации и к умножению коего ожидаются еще с некоторых сторон тако[го] ж сорта люди»¹⁷. На основании сведений, доставленных из Бухареста Волковым, И. Ф. Болкунов сообщал из Ясс 4 (16) марта 1806 г. А. А. Чарторыйскому: «Князь Ипсиланти составил уже по сие время при своей особе корпус до 1500 человек, собранных из разных христианских мужественных народов, к коим и еще беспрестанно пристают новые и

кои немедленно присоединятся в помянутом случае (вступления русских войск на территорию княжеств. — Л. С.) с частью имеющейся артиллерии к российскому войску»¹⁸.

Учитывая складывающуюся в 1806 г. международную обстановку, Ипсиланти считал необходимым информировать русское правительство не только о своих военных приготовлениях, но и о положении дел на Балканах. В письме А. А. Чарторыйскому от 3 (15) апреля 1806 г. он подробно анализировал события в Сербии, действия восставших, подчеркивал, что все балканские народы в своем освобождении от власти султана ждут помощи России¹⁹.

После разгрома третьей антинаполеоновской коалиции под Аустерлицем в декабре 1805 г. усилилось влияние Наполеона не только в Европе, но и на Ближнем Востоке. В Стамбул прибыл новый французский посол О. Себастиани, перед которым была поставлена задача добиться союза с Турцией против России. Остановившись в Бухаресте по пути в турецкую столицу, он имел встречи с Ипсиланти. Будучи обеспокоен усилением влияния Франции на Балканах, Ипсиланти подробно информировал А. А. Чарторыйского о содержании своих бесед с О. Себастиани. Валашский господарь сообщал о намерениях Франции участвовать в урегулировании сербского вопроса, о попытках О. Себастиани склонить его на свою сторону и использовать для посредничества в примирении восставших сербов с Портой²⁰.

Тайные связи Ипсиланти с русским правительством и сербскими повстанцами, а также военные приготовления валашского господаря не могли долгое время оставаться незамеченными Портой. Предвидя возможность лишения Ипсиланти престола, русские правящие круги заранее принимали меры к обеспечению его безопасности и отъезда в Россию. Еще в январе 1806 г. А. А. Чарторыйский направил И. Ф. Болкунову секретное распоряжение о выдаче Ипсиланти и его семейству паспортов в случае, если ему придется оставить Валахию и выехать в пределы России или Австрии. Господарь также вел тайные приготовления к возможному отъезду. В феврале 1806 г. он переправил в Петербург деньги на имя А. А. Чарторыйского, который поместил их на отдельный счет в банке²¹.

Узнав о решении Порты сместить Ипсиланти с валашского престола, А. Я. Италинский 11 (23) августа 1806 г. предупредил об этом господаря. В ноте турецкого правительства Александру I от 14 (26) августа Ипсиланти обвинялся во враждебном отношении к Турции и даже в «измене», выразившейся якобы в подстрекательстве сербов к восстанию и оказании им помощи²².

В конце августа 1806 г. Ипсиланти вынужден был оставить Валахию и переселиться в Россию, рассчитывая при благоприятном стечении обстоятельств вернуться в Дунайские княжества. Он обратился к русскому правительству с предложениями, из которых главным являлось немед-

ленное вступление русских войск на территорию Молдавского и Валашского княжеств, чтобы не допустить преобладания Франции на Балканах. Среди других предложений бывшего господаря обращает на себя внимание мнение о необходимости оказания вооруженной помощи восставшим сербам, создания военных сил княжеств, а также объединения Дунайских княжеств под властью Ипсиланти, который мог бы координировать свои действия с планами русского командования²³.

Петербург потребовал у Порты восстановления Ипсиланти и Морузи в должности господарей в Валашском и Молдавском княжествах. Хотя турецкое правительство и удовлетворило эти требования, но, подстрекаемое Францией, продолжало враждебные России действия. В соответствии с распоряжением Александра I русская армия под командованием И. И. Михельсона в ноябре 1806 г. перешла Днестр. 15 января 1807 г. Порта официально объявила войну России.

Вместе с русскими войсками в декабре 1806 г. Ипсиланти вернулся в Бухарест. Поручив ему также и управление делами в Молдавском княжестве ввиду самоотстранения Александра Морузи от власти, русское правительство рассчитывало на помощь Ипсиланти в снабжении армии продовольствием, в формировании добровольческих частей, на его «советы», которые могли быть полезными для русского командования. На Ипсиланти возлагались надежды и в вопросах взаимодействия с сербскими повстанцами. В начавшейся войне валашский господарь видел реальную возможность оказания Россией всесторонней военной помощи восставшим сербам. Связывая с исходом их борьбы перспективы освобождения от власти султана других балканских народов²⁴, он старался всеми способами содействовать в этом русскому командованию.

В условиях войны с Турцией русское правительство ставило задачу открытой военной поддержки восстания в Сербии. Главнокомандующий Дунайской армией И. И. Михельсон предложил Карагеоргию скоординировать действия восставших против султанских войск с планами русского командования и установить постоянную связь. Исходя из того, что главным для сербов после овладения Белградом является захват Видина, Михельсон считал необходимым объединить усилия в районе Крайовы, куда просил Карагеоргия переправить войска численностью в 4 или 5 тыс. человек. Эти предложения отвечали намерениям сербских вождей. 9 декабря 1806 г. Карагеоргий, выражая И. Ф. Болкунову благодарность за денежную помощь, сообщал о захвате восставшими Белграда 30 ноября и готовности к совместным действиям с русской армией. Сербский руководитель сосредоточил часть своих военных сил для захвата пограничной крепости Шабач, отдельный отряд занял позиции со стороны Боснии, а отряд под командованием Миленко Стойковича закрепился на границах Видинского пашалыка, захват которого должен был обеспечить повстанцам связь с русскими войсками²⁵.

Овладев в начале 1807 г. Шабацием, последней турецкой крепостью в Сербии, восставшие окончательно разорвали отношения с Портой. Созванная Карагеоргием скупщина приняла решение продолжать войну в союзе с Россией. Для связи с русской армией в апреле 1807 г. в Бухарест прибыли три полномочных депутата от сербского Правительствующего совета, которые просили русское командование о помощи оружием, боеприпасами и о присылке чиновника для председательства в совете и управления делами, а также нескольких офицеров для обучения войск военному искусству. С целью координации действий восставших с планами русского командования и с просьбой о военном снаряжении в мае 1807 г. в Бухаресте снова были сербские представители. «Деньги, оружие, амуниция и искусные воины суть наши первые надобности», — писал Карагеоргий Михельсону 18 июня 1807 г. В июле того же года сербский предводитель послал своего полномочного в Бухарест с просьбой о материальной помощи восставшим. По распоряжению Александра I в Сербию был направлен действительный статский советник К. К. Родофиникин, с которым было отправлено 100 тыс. пиастров для покупки военного снаряжения²⁶.

Встречи в Бухаресте сербских посланцев с представителями русского командования происходили не без содействия Ипсиланти. Господарь помогал в случае необходимости русскому командованию в снабжении восставших деньгами и провиантом. Такая помощь была оказана, в частности, сербскому отряду Миленко Стойковича, испытывавшему острую нужду в продовольствии. И. И. Михельсон писал 25 января (6 февраля) 1807 г. министру иностранных дел А. Я. Будбергу о том, что обещал сербам снабдить продовольствием отряд Миленко и послать 5 тыс. червонных, которые будут взяты у Ипсиланти. В соответствии с указанием Александра I А. Я. Будберг поручил И. И. Михельсону отпустить деньги на нужды сербов за счет императорской казны, и если 5 тыс. червонных уже взяты у Ипсиланти, то вернуть ему их. Продовольствие же для отряда Миленко Стойковича предлагалось поставлять из Валахии. А. Я. Будберг советовал И. И. Михельсону по всем этим вопросам договориться с Ипсиланти. В мае 1807 г. русское командование передало сербским депутатам 50 тыс. пиастров²⁷.

Для оказания вооруженной поддержки сербским повстанцам большое значение имели действия частей генерала И. И. Исаева, перед которым русское командование весной 1807 г. поставило задачу изгнать султанские войска из Олтении (Малой Валахии) и образовать единый фронт с сербами. В составе соединений И. И. Исаева вместе с русскими войсками сражались валашские добровольческие отряды, сформированные Ипсиланти.

В ходе военных операций на территории Дунайских княжеств русское правительство придавало важное значение формированию и действиям отрядов волонтеров. С заданием организовать добровольчес-

кие части в княжества были направлены представители русского командования. Значительная роль в этом деле отводилась также Ипсиланти. Сосредоточив в своих руках управление двумя княжествами, он активно содействовал усилиям русского командования по созданию добровольческих соединений. Общее число волонтеров, набранных в Дунайских княжествах и участвовавших в операциях русских войск на первом этапе войны (1806 — август 1807 г.), достигло приблизительно 20 тыс.

В числе соединений И. И. Исаева в Олтении действовали отряды валахских пандур, составивших основную массу добровольцев в Валахии, а также отряды арнаутов*. Одним из отрядов пандур командовал будущий вождь революционного движения в Валахии в 1821 г. Тудор Владимиреску, храбрость и героизм которого, проявленные в ряде военных операций, не раз отмечались русским командованием. Среди частей И. И. Исаева находились и отряды волонтеров корпуса под командованием майора русской службы грека Николая Пангало. Этот волонтерский корпус, сформированный из числа греческих переселенцев юга России и пополнившийся в ходе начавшейся войны за счет добровольцев из балканских стран, поступил на службу к Ипсиланти в апреле 1807 г. В его рядах сражались молдаване, валахи, греки, русские, сербы, болгары. Среди созданных Ипсиланти в Валахии волонтерских формирований необходимо отметить полк солдат из сербских переселенцев, носивший название полка Карагеоргия²⁸.

Ипсиланти оказывал русскому командованию и материальную поддержку в содержании и снабжении волонтерских отрядов. В этой связи представляются чрезвычайно интересными сохранившиеся в российских архивах свидетельства о его помощи в снаряжении сербского гусарского полка под командованием полковника М. Милорадовича. 29 марта 1807 г. Милорадович доносил И. И. Михельсону о получении от Ипсиланти патронов и 1565 левов, предназначенных на жалованье, приобретение обмундирования и оружия²⁹.

В апреле 1807 г. части И. И. Исаева выступили из Крайовы и, перейдя реку Олт, предприняли действия, направленные на отвлечение турецких сил от Видина с целью облегчить положение сербских войск в низовьях Дуная. Установив связь с Миленко Стойковичем, И. И. Исаев развернул в мае 1807 г. операции, в результате которых его соединения переправились через Дунай на территорию Сербии и встретились с сербскими отрядами при Неготине. Объединенные силы нанесли 19 мая поражение войскам видинского Муллы-паши при селении Малайница на реке Штубик и перешли в наступление. Паша был вынужден с большими потерями отступить к Видину. Участие валахских отрядов в этих

---

* Арнауы в Дунайских княжествах — наемные воины господарского корпуса. В период русско-турецких войн XVIII—XIX вв. так назывались добровольцы из числа других балканских народов.

операциях под командованием И. И. Исаева дало Ипсиланти основание писать впоследствии о своей военной помощи восставшим сербам³⁰.

Рассматривая отношение Ипсиланти к Первому сербскому восстанию, его связи с восставшими, следует отметить, что политика, проводившаяся им, поддерживалась определенной группой бояр и духовенства, сторонников господаря. По свидетельствам французского консула в Бухаресте, валашские бояре с удовлетворением следили за действиями сербских повстанцев. 24 сентября 1804 г. консул сообщал Талейрану о поездке валашского митрополита Досифея в Сербию и о тайных его переговорах с руководителями восставших сербов³¹.

Эти свидетельства подтверждаются фактами связей валашских бояр с сербскими руководителями, их посредничества в русско-сербских отношениях в период временного оставления Ипсиланти в августе 1806 г. господарского престола в Валахии и после окончательного его переселения в Россию. Когда в сентябре 1806 г. Александр I распорядился отправить в помощь сербам 13 тыс. червонцев, Ипсиланти не было в Валахии. Пересылке этих денег в Сербию содействовали прорусски настроенные бояре княжества. Через И. И. Михельсона деньги были переправлены И. Ф. Болкунову в Яссы, который 7 (19) ноября 1806 г. сообщал Л. Я. Будбергу о состоявшейся в Бухаресте тайной передаче определенной суммы из этих денег доверенному человеку Карагеоргия³².

Интересные данные о сочувствии и помощи представителей правящего валашского боярства и духовенства восставшим сербам содержатся в письме Карагеоргия от 1 апреля 1809 г., которое, судя по обращению, было адресовано валашскому митрополиту. Письмо написано в период, когда в результате возобновления русско-турецких военных действий османским силам удалось нанести с юга и востока тяжелые удары по сербским отрядам и создать угрозу Смедереву и Белграду. В этих трудных условиях Карагеоргий обращается за материальной помощью к валашским боярам и духовенству. Очевидно, сербский вождь основывался при этом на ранее оказанной поддержке и помощи отдельных валашских бояр и духовных лиц восставшим сербам. Примечательно, что Карагеоргий в указанном письме называет фамилии девяти великих бояр княжества, к которым он обратился за помощью и которых, как он пишет, «благородная ревность за освобождение христианства и особита к нам любовь дают нам надежду, что они под управлением вашего высокопреосвященства скорим временем какую-нибудь милостыню собрать будут, которую мы из милости ваших рук вашего высокопреосвященства получить уповаем»³³.

Очевидно, митрополит и группа великих бояр Валахии, к которым обратился руководитель сербских повстанцев, пользовались таким влиянием в княжестве, что уже летом того же 1809 г. было принято постановление Дивана об оказании денежной помощи Карагеоргию³⁴.

По-видимому, сочувствием определенной правящей группы валашского боярства к восставшим против султанского владычества сербам на-

до объяснить и тот факт, что при запрещении в 1808 г. вывоза соли из Валахии делалось исключение для Сербии, куда в том году было отпущено 2 млн. ока соли. В трудное для Сербии время 1809 г. сербские беженцы находили убежище в Валахии, и прежде всего в Олтении. Одной из форм помощи сербам был выкуп у турок сербских пленных и поселение их в Валахии. Источники говорят о наличии на территории Дунайских княжеств в начале XIX в. значительного числа сербских переселенцев. Часть из них осела в княжествах после роспуска волонтерских отрядов, в частности корпуса Пангало, который распался в 1808 г.³⁵

Все эти, хотя и немногочисленные, данные свидетельствуют о позиции правящих кругов княжеств по отношению к восстанию в Сербии. Несомненно, что поддержка частью валашских бояр и духовенства политики Ипсиланти благоприятствовала его взаимоотношениям с Россией и восставшими сербами. Разумеется, в княжестве существовала и партия бояр, противников господаря, позиции которой усилились к лету 1807 г. в связи с изменением международной обстановки в результате заключения Тильзитского мира. Последовавшее после Тильзита русско-турецкое перемирие в Слободзее (12/24 августа 1807 г.) предусматривало вывод русских войск с территории Дунайских княжеств. В этих условиях Ипсиланти теперь уже навсегда должен был покинуть княжества и переселиться в Россию.

Приведенные материалы о валашско-сербских отношениях в период Первого сербского восстания позволяют со всей определенностью говорить о существовании тесных связей между сербскими повстанцами и Константином Ипсиланти, которого поддерживала определенная часть бояр и духовенства, сторонников господаря. Несмотря на личную заинтересованность Ипсиланти в отношениях с сербами, объективно его помощь и посредничество во взаимоотношениях восставших с Россией и Портой имели большое значение для освободительной борьбы сербского народа. В то же время связи валашского господаря с сербскими повстанцами были важным фактором в осуществлении русской политики в отношении восстания в Сербии.

Примечания

- ¹ *Panaiteacu P.* Corespondența lui Constantin Ipsilanti cu guvernul rusesc, 1806–1810. Buc., 1933; *Iorga N.* Constantin-Vodă Ipsilanti și revoluția sârbească // *Revista istorică.* 1921. VII. Nr. 4–6; *Nistor I.* Relațiile principilor Carageorghe și Miloș Obrenovici cu Țara Românească // *Analele Academiei Române. Memoriile secțiunii istorice.* 1945. T. XXVII. Новейшую работу о Константине Ипсиланти см.: *Mischevca V., Zavitsanos P.* Principele Constantin Ipsilanti. 1760–1816. Chișinău, 1999.
- ² Внешняя политика России XIX — начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. М., 1960–1963. Серия первая. Т. 1–3 (далее — ВПР); *Documente privind istoria României. Colecția E. de Hurmuzaki.* Buc., 1974. Seria nouă. IV. Rapoarte diplomatice ruse (1797–1806). (Далее — DRn.)
- ³ Об этом валахский господарь сообщал русскому посланнику в Стамбуле А. Я. Италинскому в письме от 7 (19) марта 1804 г. — Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Посольство в Константинополе. 1804 г. Д. 35. Л. 16–17.
- ⁴ *Panaiteacu P.* Corespondența... P. 16–17.
- ⁵ ВПР. Т. 2. С. 91; В исторической литературе существует мнение об обращении руководителей восставших сербов к А. Я. Италинскому через константинопольского патриарха. См.: *Nistor I.* Relațiile... P. 326.
- ⁶ Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980. Кн. 1. С. 50–51, 53.
- ⁷ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 56–57; *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 42–62; *Гросул Г. С.* Дунайские княжества в политике России. 1774–1806. Кишинев, 1975. С. 154–155; ВПР. Т. 1. С. 58–59, 254–255, 287–288; Т. 2. С. 589–594.
- ⁸ ВПР. Т. 1. С. 322–323, 433, 529–530.
- ⁹ Там же. Т. 2. С. 249.
- ¹⁰ См. письмо К. Ипсиланти А. А. Чарторыйскому от 31 января 1806 г.: *Gorčević SP.* Russland und Serbien von 1804–1915. München, 1916. S. 30; *Panaiteacu P.* Corespondența... P. 18; *Nistor I.* Relațiile... P. 328.
- ¹¹ *Rosetti R.* Arhiva senatorilor din Chișinău // *Analele Academiei Române. Mem. secț. ist.* 1909. T. XXXI. P. 515.
- ¹² Первое сербское восстание... С. 248–249; ВПР. Т. 1. С. 666; *Достян И. С.* Россия... С. 50–52; *Попов Н. А.* Россия и Сербия. М., 1869. Ч. 1. С. 31.
- ¹³ АВПРИ. Ф. Консульство в Яссах. 1805 г. Д. 104. Л. 72–73 об.; Д. 122. Л. 42–42 об.
- ¹⁴ Там же. Ф. Главный архив. 1–9. 1804–1806 гг. Д. 5. Ч. 1. П. 6. Л. 34–36 об.; Ф. Посольство в Константинополе. 1805 г. Д. 863. Л. 152–153; *Попов Н. А.* Россия и Сербия. С. 36; *Достян И. С.* Борьба сербского народа против турецкого ига. XV — начало XIX в. М., 1958. С. 163–164.

- 15 ВПР. Т. 2. С. 249–250; РГАДА. Ф. Главный архив. 1–9. 1804–1806 гг. Д. 5. П. 3. Л. 1–3, 10–11, 16–18.
- 16 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1804 г. Д. 2241. Л. 752; Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1391. Л. 17–18; Ф. Главный архив. 1–9. 1804–1806 гг. Д. 5. П. 6. Л. 4 об.; см. также: *Iorga N. Documente Callimachi*. Buc., 1902. V. I. P. 6; *Jakchitsch G. L'Europe et la résurrection de la Serbie*. P., 1917.
- 17 *Богущич В.* Разбор сочинения Н. А. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872. С. 40–41, 44–45.
- 18 *Oțetea A. Tudor Vladimirescu și mișcarea eteristă în Țările românești. 1821–1822*. Buc., 1945. P. 96; *Berindei D. L'année révolutionnaire dans les pays roumains*. Buc., 1973. P. 47; DRn. P. 608, 612–613.
- 19 *Богущич В.* Разбор... С. 46.
- 20 Там же. С. 50–60; *Петров А. Н.* Война России с Турцией. 1806–1812. СПб., 1885. Т. 1. С. 34–39.
- 21 *Vianu A. Din corespondența lui Constantin Ipsilanti cu Rusia (1806) // Romanoslavica*. X. 1964. P. 468–469; *Panaïtescu P. Corespondența...* P. 27–28.
- 22 ВПР. Т. 3. С. 702–704.
- 23 *Panaïtescu P. Corespondența...* P. 30–36, 40–41; *Богущич В.* Разбор... С. 47–50.
- 24 ВПР. Т. 3. С. 341–342; 402–403; *Петров А. Н.* Война... С. 380–381; *Горчевіć Sp. Russland...* S. 39; *Iorga N. Constantin-Vodă Ipsilanti...* P. 142.
- 25 ВПР. Т. 3. С. 478–479, 734–735, прим. 336.
- 26 *Дубровин Н.* Сербский вопрос в царствование императора Александра I // *Русский вестник*. 1863. Т. XLVI. С. 116–117, 119; Приложение А. С. 558; Приложение С. С. 559–560; *Panaïtescu P. Corespondența...* P. 18; *Documente privitoare la istoria românilor. De Hurmuzaki E.* (далее —DR). Cernăuți. 1938. Vol. XIX/2. P. 442.
- 27 *Dionisie Eclesiarhul // Tezaur de monumente istorice*. Buc., 1863. Vol. II. P. 23; ВПР. Т. 3. С. 511, 594, 734–735, прим. 336.
- 28 ВПР. Т. 3. С. 390–391, 402–403; *Петров А. Н.* Война... С. 391–392; *Гросул Г. С., Даниленко Р. В.* К вопросу об участии волонтеров из Дунайских княжеств в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. // *Изв. Молд. фил. АН СССР*. 1961. № 2. С. 7, 11; *Documente privind istoria României. Răscoala din 1821*. Buc., 1959. Vol. I. P. 40–43, 45–51, 141–143; *Șerban C.* Date cu privire la corpul ostașesc de sub comanda maiorului Pangal (1807–1808) // *Studii. Revistă de istorie*. 1958. Nr. 2; *Vîrtosu E.* Despre corpul de voluntari eleni creat în București în 1807 // *Studii și materiale de istorie medie* V. 1963; *Bezviconi Gh.* Contribuții la istoria relațiilor romîno-ruse. Buc., 1962. P. 189; *Berindei D. L'année révolutionnaire...* P. 49.
- 29 Российский государственный военно-исторический архив (далее —РГВИА). Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 23. Д. 35. Л. 25, 26.
- 30 *Panaïtescu P. Corespondența...* P. 100–101.
- 31 DR. Buc., 1912. Vol. XVI. P. 660–661, 669, 705.

- ³² Исторический архив. 1960. № 1. С. 119; ВПР. Т. 3. С. 333, 373.
- ³³ Копия письма находится в отделе рукописей Библиотеки Румынской Академии (ДСССХП, 38). Письмо до сих пор не публиковалось. Ссылка на него: *Bezyiconi Gh. Contribuții...* P. 189.
- ³⁴ РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 3. Д. 30. Л. 19.
- ³⁵ *Халинна И.* Описание архива сенаторов, председательствовавших в диванах княжеств Молдавии и Валахии с 1808 по 1813 г. // Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии. Кишинев, 1900. Т. 1. С. 364. № 70; С. 365. № 77; С. 369–370, № 89; 1902. Т. 2. С. 379, № 220; *Iorga N. Izvoarele contemporane asupra mișcării lui Tudor Vladimirescu.* Buc., 1921. P. 267–268.

ВОССТАНИЕ 1821 г. В ВАЛАХИИ И РОССИЯ
(некоторые аспекты проблемы)

Восстание 1821 г. в Валахии под руководством Тудора Владимиреску было частью широкого национально-освободительного движения, развернувшегося в начале XIX в. в Юго-Восточной Европе.

К началу XIX в. внутренний кризис и разложение Турецкой империи, ослабление в ней центральной власти привели к усилению произвола по отношению к покоренным народам. Развитие производительных сил, появление элементов капиталистических отношений, формирование нарождающейся буржуазии в странах Европейской Турции укрепили их стремление к освобождению. Росту национального самосознания балканских народов способствовало распространение идей французской буржуазной революции. Знамя национально-освободительной борьбы на Балканах подняли в 1804 г. сербы. Турецким войскам лишь в 1813 г. удалось сломить долготелее сопротивление сербских повстанцев во главе с Карагеоргием. Но в 1815 г. сербы вновь восстали против турецкой власти.

В 1814 г. в Одессе представители греческой буржуазии из числа переселенцев создали тайное общество «Филики Этерия». В задачи общества входила организация восстания с целью освобождения Греции. «Филики Этерия» стремилась объединить в общей борьбе против турецкого гнета все балканские народы. Число членов общества быстро росло, приобретая сторонников не только в Греции, но и в России, Дунайских княжествах, Сербии, Болгарии и в других странах. Жившие в Дунайских княжествах греки архимандрит Дикееос и переводчик русского консульства в Бухаресте Георгий Левендис организовали секции общества в Бухаресте, Яссах, Галаце. К Этерии примыкали члены господарской стражи Бухареста Бимбаша Сава, Георгиос Олимпиос и Ион Фармаке. Отдельные представители боярства, высшего духовенства во главе с двумя митрополитами Дионисием Лупу и Вениамином Костакэ и епископом Арджеша Илларионом были привлечены на сторону Этерии. Даже молдавский господарь Михаил Суцу был сторонником этеристов¹.

Большинство историков сходятся на том, что Тудор Владимиреску начал восстание при инициативе и поддержке Этерии, членом которой он являлся². Но вопрос об официальном введении Тудора в Этерию ввиду отсутствия точных документальных данных продолжает оставаться спорным³. Однако несомненно, что в формировании его революционных настроений большое значение имели связи с видными этеристскими деятелями. Исследования румынского историка Н. Камариано свидетельствуют о тесном сотрудничестве Тудора Владимиреску с этеристами еще до восстания 1821 г. В 1817 г. Тудор оказал Георгиосу Олимпиосу помощь в организации переправы в Сербию руководителя национально-освободительного движения Карагеоргия⁴. Приблизительно в марте 1819 г. Георгиос заключил с Владимиреску соглашение о совместных действиях против турок⁵. Имеются свидетельства о сотрудничестве Тудора с этеристской организацией накануне восстания 1821 г. В этеристском генеральном плане общевалахского восстания, составленном осенью 1820 г., учитывались воен-

ные силы «командующего войсками Крайовы» Тудора Владимиреску, «имевшего соглашение с Олимпиосом»⁶.

Может быть, поэтому вопрос об отношении царского правительства к восстанию 1821 г. в Валахии в историографии не выделяется, а рассматривается только в плане отношения его к греческому освободительному движению.

Многие историки считали, что русские правящие круги, в том числе сам Александр I и статс-секретарь по иностранным делам, грек по происхождению, Иоанн Каподистрия, не только знали о существовании греческого революционного общества, но и покровительствовали ему⁷. Для этого действительно были некоторые основания. Как известно, в 1820 г. во главе руководства Этерией встал грек Александр Ипсиланти, генерал-майор русской армии. Естественно, что высокое служебное положение Ипсиланти наводило современников на мысль о поддержке греческого общества со стороны правящих кругов России. В этом убеждало также и то обстоятельство, что деятельность руководства обществом была покрыта завесой тайны и проводилась от имени «Верховной власти». С целью увеличения числа своих сторонников Ипсиланти и этеристы сознательно содействовали распространению домыслов о связи Этерии с царским правительством, вере в его помощь.

В организации этеристского движения в Дунайских княжествах некоторые исследователи значительную роль отводили русским консулам А. Пини и А. Пизани. Румынский историк Н. Иорга писал, что Пини действовал в Валахии по заданию «Филики Этерии»⁸. Эта точка зрения получила дальнейшее развитие в трудах и других румынских историков, главным образом в работах А. Оцети⁹. По его мнению, русские консулы в Бухаресте и Яссах Пини и Пизани были посвящены во все планы Этерии¹⁰.

С возражениями А. Оцете выступили болгарский историк Н. Тодоров и греческий историк А. Деспотопулос¹¹. Исследования российского историка Г. Арша о деятельности этеристов в России, основанные на глубоком и всестороннем анализе как опубликованных источников, так и большого количества новых архивных материалов, показывают, что правящие круги царской России не были причастны к деятельности греческого революционного общества, хотя и знали о его существовании. Более того, приводимые Г. Аршем данные свидетельствуют об отрицательном отношении русского правительства к «Филики Этерии» еще до начала восстания 1821 г.¹²

Некоторые румынские историки, основываясь на источниках мемуарного характера, считают Пини причастным к организации восстания в Валахии и выступлению Тудора Владимиреску. Пини, пишет Г. Безвиконный, участвовал в подготовке восстания в Валахии и именно по его предложению Тудор выехал из Бухареста, чтобы поднять восстание в Олтении¹³. Н. Камариано также утверждает, что Т. Владимиреску выехал из Бухареста 18 января после совещания с русским консулом Пини и главным представителем этеристской эфории драгоманом Левендисом¹⁴.

Для выяснения позиции Пини по отношению к восстанию в Валахии большой интерес представляют его письмо от 25 января* 1821 г. к Тудору Владимиреску и ответ последнего русскому консулу. Эти материалы не вошли в пятитомную коллекцию документов о восстании 1821 г., изданную Институтом истории Румынской Академии в 1959–1962 гг.¹⁵ В 1961 г. румынский историк А. Виану опубликовал французский перевод письма Тудора к Пини¹⁶. Поиски подлинника этого письма пока что не увенчались успехом. Не сохранилось и письмо Пини Т. Владимиреску. Нам удалось обнаружить в АВПРИ пространное изложение его в донесении Пини от 30 января 1821 г. русскому посланнику в Стамбуле Г. А. Строганову, а также найти неопубликованный русский перевод ответа Тудора¹⁷.

Дату письма Пини мы узнаем из ответа Владимиреску: «Почтеннейшее письмо вашего превосходительства от 25 сего месяца я с униженностью получил...»¹⁸, т. е. русский консул написал Тудору 25 января 1821 г., когда восстание в Олтении было уже в разгаре. Выехав тайно из Бухареста в ночь с 18 на 19 января в сопровождении отряда арнаут (наемных солдат), Т. Владимиреску 21-го прибыл в Олтению, в уезд Горж, и на следующий день захватил монастырь Тисмана, где организовал продовольственную базу восстания. 23 января Тудор был уже в Падеше (уезд Мехединци), куда должны были прибыть его посланные с отрядами пандур (солдат-пехотинцев). Пандуры, среди которых были еще живы традиции борьбы против турок и которые выражали недовольство налоговыми обложениями, составили основное вооруженное ядро восставших¹⁹. За три дня пребывания в Падеше Тудор собрал 600 вооруженных пандур²⁰.

Из Падеша прозвучала первая революционная прокламация Владимиреску ко всем жителям Валахии без различия национальности, языка, религии с призывом вооруженного выступления против всех угнетателей²¹. Хотя в прокламации не ставились вопросы отмены феодальных повинностей, она была воспринята крестьянами как призыв к началу войны против господства бояр и всех феодальных порядков. Крестьяне увидели в восстании возможность избавления от боярского гнета и не только оказывали пандурам поддержку, но с энтузиазмом присоединялись к ним. В уезде Мехединци жители спешили к Тудору, доставляли ему все необходимое²². В несколько дней восстание охватило всю Олтению. По призыву Падешской прокламации вокруг Тудора собралась большая армия пандур и крестьян.

25 января Пини написал Владимиреску письмо, в котором предложил Тудору немедленно вернуться в Бухарест и решительно объявил, что если он откажется повиноваться этому предложению, то потеряет все права русского подданного²³. По-видимому, письмо консула было написано в довольно резком тоне, так как в своем ответе Тудор просил его «укротить свое негодование, ибо я охотно желал неукоснительно отпра-

---

* Здесь и ниже даты приводятся по старому стилю.

виться в Бухарест, но народ удерживает меня, когда же оный прибудет туда, то и меня доставит с собой»²⁴. Ответ был получен Пини 1 февраля 1821 г.²⁵. Судя по содержанию, как полагает А. Виану, письмо было написано Тудором 28 или 29 января²⁶.

Из письма Т. Владимиреску видно, что Пини, по всей вероятности, не знал о подготавливавшемся выступлении в Олтении и не имел с Тудором совещания перед его отъездом из Бухареста. Об этом говорит не только просьба Тудора к Пини «укротить свое негодование», но и возражение на то, будто он «соединился с шайкою арнаут и, переправясь через реку Олту, поступил противозаконно». Объясняя причину своего выступления, Т. Владимиреску говорит об усилившемся гнете бояр, которые «способны разорить землю только в угодность иностранцев», т. е. господарей-фанариотов. «Всех разбойников и различного состояния подлецов, — пишет Тудор, — собрали сюда со всех стран, обогатили их и возвысили чинами и преимуществами, приобретенными и запечатленными кровию предков наших, а на нас злополучных патриотов всегда взирали презирающим оком, хуже нежели на собак своих, и после того, как всю землю и злополучный народ ограбили и обобрали до наготы, превосходящей подобие мертвецов, в гробах находящихся, приступили наконец и к нарушению всех предковских привилегий наших, пожалованных могущественною империею, и впоследствии времени довели нас до такой степени крайности, что слезы на лицах наших никогда уже не высохали»²⁷. Заслуживает внимания то, что Тудор раскрывает русскому консулу планы восстания, свою роль в его организации. «И я не по собственному побуждению, — говорит он, — приступил к настоящему предприятию, но весь злополучный народ всех пяти уездов и всех городов и даже самого Букареста от мала до велика не токмо настоящие жители мои единоплеменники, но и других наций, имея ко мне почтительное уважение и принося многократно плачевныя жалобы, взял меня с собою и предложил по общем собрании следовать в Букарест для истребования прав своих, то есть: уничтожения злоупотреблений, над главами нашими совершающихся»²⁸. Когда Тудор пишет о «других нациях», по-видимому, имеет в виду живших в Дунайских княжествах греков-этеристов, с которыми он сотрудничал еще до 1821 г.

Надо полагать, что если бы Пини знал о подготавливавшемся восстании в Валахии, то он бы, во-первых, не «негодовал», а во-вторых, Тудору не пришлось бы в письме объяснять ему причины восстания и того, по чьей инициативе он встал во главе восставших. Таким образом, судя по письму Т. Владимиреску, русский консул не был в курсе подготовки восстания в Валахии и тем более не был к этому причастен. Совершенно очевидно, что в первые же дни, еще до получения официальных инструкций русского правительства (депеша К. Нессельроде А. Пини с осуждением выступления Т. Владимиреску была отправлена из Лайбаха только 23 февраля)²⁹, Пини осудил восстание в Валахии и потребовал немедленного возвращения Тудора в Бухарест.

В таком плане письмо Т. Владимиреску Пини историками не комментировалось, хотя и было опубликовано. Письмо ценно и само по себе как едва ли не единственное сохранившееся письменное обращение руководителя валашских повстанцев к представителям русских правящих кругов. Оно проливает свет на отношение Тудора к царской России в самом начале восстания.

В румынской литературе, посвященной 150-летию восстания 1821 г., проводится мысль о том, что, поскольку царское правительство оказывало поддержку Этерии, Тудор начал с ней сотрудничать, надеясь на дипломатическую и военную помощь России³⁰. Как уже отмечалось выше, царское правительство не было причастно к деятельности греческого революционного общества, хотя и знало о его существовании. Конечно, как и все современники, Т. Владимиреску мог верить распространявшимся этеристами сведениям о связях Этерии с царским правительством. Кроме того, Тудор был русским подданным и имел связи с Россией еще со времени русско-турецкой войны 1806–1812 гг.

В период этой войны Т. Владимиреску во главе отряда пандур принимал активное участие в военных действиях на стороне русских войск, за что был награжден орденом св. Владимира и получил чин поручика³¹. На основании отдельных документов можно предполагать, что после окончания войны Тудор собирался переехать в Россию. Сохранилось завещание, составленное им около 1812 г. перед «длительным путешествием»³². О предстоящем «далеком путешествии» Т. Владимиреску пишет и в письме Николаю Зойкану от 7 июня 1812 г.³³. По-видимому, как полагают составители изданной в Бухаресте публикации о восстании 1821 г., в этих документах речь идет о намерении Тудора переехать в Россию. Возможно, что это намерение он сохранил и в последующие годы. Любопытно, что в письме к Хаджи Янушу от 22 ноября 1813 г. некто Стефан Легатович просит передать привет Т. Владимиреску и сказать, что он достанет в Петербурге «удостоверение» (по-видимому, паспорт) для Тудора³⁴.

Особого внимания заслуживает в этом отношении ходатайство К. Нессельроде от 27 ноября (9 декабря) 1814 г. в Вене перед графом Г. Штакельбергом о выдаче Т. Владимиреску паспорта русского подданного для проживания в Австрии. При этом К. Нессельроде отмечает заслуги Тудора в последней войне с Турцией и то, что «награда, которая ему обещана, может быть определена только по возвращении Его Императорского Величества в Петербург», а также то, что «проситель до решения его судьбы желает проживать в Австрии»³⁵. Этот документ свидетельствует о том, что, будучи в 1814 г. в Вене по поручению своего патрона Н. Глоговяну, Т. Владимиреску, видимо, установил связь с представителями России на Венском конгрессе и через них просил награды за участие в русско-турецкой войне и покровительства русского императора. Румынский историк К. Арическу писал, что Тудор познакомился в Вене с Иоанном Каподистрией³⁶. По поводу пребывания Тудора в Вене Г. Безвиконный замечает:

«Не думаем, чтобы он, награжденный орденом Св. Владимира, не был представлен в Вене императору Александру I»³⁷. Но у нас нет других документальных данных о связях Т. Владимиреску с русскими представителями на Венском конгрессе, кроме указанного выше ходатайства К. Нессельроде. Нет также и данных о результатах этого ходатайства. Уже 22 декабря 1814 г. Тудор писал о своем отъезде из Вены в Валахию³⁸.

После войны Тудор поддерживал контакты с русским консульством. Представляет интерес обращение господаря Иоанна Караджи к боярам Крайовы 23 ноября 1815 г. об организации расследования грабежей, произведенных турецкими отрядами в имении Т. Владимиреску, где валахский господарь называет Тудора подданным России и указывает, что о проведении этого расследования просил русский консул³⁹.

Можно было бы предположить, что как русский подданный Тудор, начиная восстание, мог рассчитывать на поддержку России. Но оснований для такого суждения у нас нет. Обратимся снова к письму Т. Владимиреску Пини. Изложенная здесь его просьба к русскому консулу весьма скромная. Вместе с письмом он посылал Пини копию своего обращения от имени жителей княжества к Порте⁴⁰. В обращении говорилось, что «бедствия и жестокие мучения» населения Валахии происходят «по причине соединения бояр здешней земли с назначаемыми повременно господарями»⁴¹, т. е. фанариотами. «Бояры, или лучше сказать жестокие тираны наши, согласясь с нынешним владетельным господарем (не говоря о предшествовавших), ограбили нас так, что никогда наперед сего такой совершенно безмилосердной гибели мы не были подвержены»⁴². Тудор заверял Порту, что народ восстал только против «злоупотреблений», и просил прислать чиновника для восстановления законного порядка в княжестве⁴³.

Посылая Пини копию этого обращения к Порте, Тудор хотел убедить русского консула в том, что восстание направлено только на восстановление исконных прав Валахии. «Другого же никакого зла при сем случае никому не причинено и не причиниться, — писал он Пини, — ибо народ знает, что имеет императора (турецкого султана. — Л. С.) и что по следствию, какое учинено будет могущественною империею, виновный не останется без взыскания, и народ ни на кого не поднимет руки своей, будучи подданным и повинным во всем могущественной империи, как ваше превосходительство обстоятельнее удостовериться изволите из включаемого у сего народного представления»⁴⁴. Т. Владимиреску просил Пини передать это обращение русскому посланнику в Стамбуле Г. А. Строганову, хотя оно было уже отправлено, как видно из письма Тудора, «четырьмя способами высочайшей Порте» и «при особой жалобе его величеству императору всероссийскому»⁴⁵. Это обращение руководителя восстания к Порте было рассчитано на предупреждение непосредственного вооруженного вмешательства турок.

Выступление в Олтении приняло такой размах, что вызвало серьезное беспокойство бояр и Дивана Валахии. Ожидая помощи султана, они пы-

тались собственными силами приостановить развертывание восстания. Поэтому одновременно Тудор просил Пини «внушить советы свои г.г. боярам управляющим диваном о приостановлении начатого ими собрания пандур и других вооруженных людей, готовящихся к отправлению противу народа; ибо да будет известно вашему превосходительству, что естли хотя один выстрел учинен будет против народа, то ни одна душа боярского племени не останется в земле Валахской, поелику весь народ воспламенен мщением противу сего племени и ожидает только причины возбуждения оногo, почему и в самом Букаресте находится весь народ в одинаковом намерении с здешним народом»⁴⁶.

Таким образом, Т. Владимиреску, пользуясь правами русского подданного, просил Пини о конкретных дипломатических услугах. Можно предположить, что при этом Тудор рассчитывал выяснить отношение к восстанию русских правящих кругов. Судя по письму, в самом начале восстания он допускал в какой-то мере возможность дипломатической поддержки русского правительства, хотя, очевидно, и не питал особых иллюзий на этот счет. Тем более едва ли, начиная восстание, Тудор ожидал военной помощи царской России. Ведь главной целью обращения Т. Владимиреску к Порте и письма к Пини было стремление с самого начала предупредить вмешательство извне в дела восстания.

Хотя Тудор писал русскому консулу, что «народное собрание не причинило и не причинит никому ни малейшего вреда», народные массы очень скоро стихийно начали выступать за устранение феодальных порядков, против эксплуатации и произвола бояр. Крестьяне отказывались платить подати, нападали на боярские и монастырские владения. Монастырские поместья в Козия, Нучет-Вылча, Арнота, Мотру, поместья крупных бояр Хаджи Януша, Радовану, Иона Гики были разорены или сожжены. Восставшие захватывали леса, боярские виноградники, превращая их в пастбища⁴⁷. Из Олтении восстание перекинулось на остальную Валахию. Крестьянское движение охватило и отдельные районы Молдавии⁴⁸. Эхо восстания достигло и Трансильвании⁴⁹.

Передовая русская общественность открыто приветствовала начало освободительной борьбы балканских народов⁵⁰.

Естественно, правящие круги царской России не могли поддержать антифеодального выступления в Валахии. Царскому правительству были чужды цели национального освобождения народов. Напуганное возможным расширением освободительного движения на Балканах в условиях роста революционных настроений в Южной Европе, оно отклонило просьбу А. Ипсиланти о помощи и покровительстве греческому восстанию. Александр I подписал приказ об исключении Ипсиланти и его братьев из рядов русской армии, а Тудора Владимиреску лишил русского ордена⁵¹.

При этом важное значение для русского правительства имели сообщения дипломатического порядка. В условиях обострения соперничества великих держав за преобладание на Балканах Россия стремилась из-

бежать или отсрочить войну с Турцией, которая могла привести к вмешательству в пользу Порты западных держав — Австрии или Англии. В 1821 г. правящие круги царской России отказались поддержать освободительное движение угнетенных султаном народов даже в ущерб своим политическим интересам на Балканах.

Примечания

- 1 *Oțetea A.* Tudor Vladimirescu și mișcarea eteristă în țările românești. 1821—1822. Buc., 1945. P. 120; *Camariano N.* Planurile revoluționare ale eteriștilor din București și colaborarea lor cu Tudor Vladimirescu // Studii. Revistă de istorie (далее — St.). 1967. № 6. P. 1165.
- 2 *Oțetea A.* Legămîntul lui Tudor Vladimirescu față de Eterie // St. 1956. № 2—3. P. 125—133; *Camariano N.* Les relations de Tudor Vladimirescu avec l'Hetairie avant la revolution de 1821 // Balkan studies. 1965. № 6. P. 158—164; *idem.* Planurile revoluționare ale eteriștilor... P. 1163—1175.
- 3 *Аруи Г.* Был ли Тудор этеристом? // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 194—195.
- 4 *Camariano N.* Les relations de Tudor Vladimirescu... P. 145.
- 5 *Ibid.* P. 147—152.
- 6 *Ibid.* P. 152—154.
- 7 См., напр.: *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. М., 1947. Т. I. С. 181—182; *Regnault E.* Histoire politique et sociale des principautés danubiennes. Paris, 1855. P. 110; *Iorga N.* Histoire des relations russo-roumaines. Jassy, 1917. P. 256—257.
- 8 *Iorga N.* Histoire des relations... P. 256—257.
- 9 *Oțetea A.* L'insurrection des 1821 dans les principautés danubiennes // Revue Roumaine d'Histoire. 1962. 1. P. 88; *idem.* Mișcarea revoluționară din 1821 // Istoria Romîniei. Buc., 1964. Vol. 3. P. 886—887; *idem.* L'hetairie d'il y a cent cinquante ans // Balkan studies. 1965. № 6. P. 255—256.
- 10 *Oțetea A.* L'hetairie d'il y a cent cinquante ans. P. 258.
- 11 *Аруи Г.* Русское правительство и «Филики Этерия» в 1820—1821 гг. // Etudes balkaniques. 1969. № 1. P. 83—84.
- 12 *Аруи Г.* Новые данные об отношении царского правительства к «Филики Этерии» (Первый конгресс балканских исследований. Сообщения советской делегации). М., 1966 г.; *он же.* Русское правительство и «Филики Этерия» в 1820—1821 гг. С. 84—100; *он же.* Этеристское движение в России. М., 1970.
- 13 *Bezviconi G.* Contribuții la istoria relațiilor romîno-ruse (Din cele mai vechi timpuri pînă la mijlocul secolului al XIX-lea). Buc., 1962. P. 205.
- 14 *Camariano N.* Planurile revoluționare ale eteriștilor... P. 1174—1175.
- 15 Documente privind istoria Romîniei. Rășcoala din 1821. Buc., 1959—1962. Vol. 1—5 (далее — DRR).
- 16 *Vianu Al.* O scrisoare necunoscută a lui Tudor Vladimirescu de la începutul răscoalei // St. 1961. № 3. P. 591—594.
- 17 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1821 г. Д. 837. Л. 10 об., 22—23.
- 18 Там же. Л. 22.

- 19 *Neacșu I.* Oastea pandurilor condusă de Tudor Vladimirescu în răscoala din 1821 // Studii și referate privind istoria României. Buc., 1954. Vol. 2. P. 1021.
- 20 *Idem.* Participarea locuitorilor satelor din Oltenia la răscoala din 1821 // St. 1958. № 2. P. 92.
- 21 DRR. Vol. 1. P. 207–208. Русский перевод прокламации см.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1821 г. Д. 837. Л. 12–12 об.
- 22 *Oțetea A.* Tudor Vladimirescu și mișcarea eteristă... P. 150.
- 23 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1821 г. Д. 837. Л. 10 об.
- 24 Там же. Л. 23.
- 25 Там же. Л. 22.
- 26 *Vianu Al.* O scrisoare necunoscută... P. 592.
- 27 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1821 г. Д. 837. Л. 22.
- 28 Там же. Л. 22–22 об.
- 29 *Prokesch-Osten A.* Geschichte des Abfalls der Griechen vom türkischen Reiche im Jahre 1821 und der Gründung des Hellenischen Königreiches. Wien, 1867. Bd. 3. S. 58–60; DRR. Vol. 1. P. 296–298.
- 30 *Berindei D.* Mișcarea revoluționară condusă de Tudor Vladimirescu moment de seamă în istoria României // Lupta de clasă. 1971. № 2. P. 87, 89; *Maciu V.* Caracterul mișcării lui Tudor Vladimirescu // St. 1971. № 5. P. 938–939.
- 31 DRR. Vol. 1. P. 40–43, 45–51, 57, 141, 297.
- 32 Ibid. P. 62–64.
- 33 Ibid. P. 62.
- 34 Ibid. P. 74.
- 35 Ibid. P. 84–85.
- 36 *Aricescu C. D.* Istoria revoluțiunii române de la 1821. Craiova, 1874. P. 23.
- 37 *Bezviconi Gh.* Contribuții la istoria... P. 205.
- 38 DRR. Vol. 1. P. 86.
- 39 Ibid. P. 104.
- 40 Ibid. P. 208–210.
- 41 Русский перевод см.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1821 г. Д. 837. Л. 34.
- 42 Там же.
- 43 Там же. Л. 35,
- 44 Там же. Л. 22 об.
- 45 Там же.
- 46 Там же. Л. 22 об. — 23.
- 47 DRR. Vol. 2. P. 90, 236–237, 317, 333–350; Vol. 3. P. 342.
- 48 Ibid. Vol. 1. P. 438–439, 414–415; Vol. 2. P. 173–175, 189–190; Vol. 3. P. 351.
- 49 *Oțetea A.* Țăranii români din Ardeal și mișcarea lui Tudor Vladimirescu // St. 1956. № 6. P. 51–76.
- 50 *Фадеев А. В.* Греческое национально-освободительное движение и русское общество первых десятилетий XIX века // Новая и новейшая история. 1964. № 3. С. 41–52; *Иовва И.* Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1963. С. 81–93.
- 51 *Prokesch-Osten A.* Geschichte des Abfalls der Griechen... S. 58–60; DRR. Vol. 1. P. 296–298.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	Архив внешней политики Российской империи
АЮЗР	Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб. Т. III — 1861. Т. X — 1878. Т. XI — 1879. Т. XIII — 1885. Т. XIV — 1889
ВУР	Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М., 1953—1954
ИСв	Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы в 3-х томах. Т. 1—3. М., 1965—1970
Материалы	Материалы по истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв. Собр. В. А. Уляницким. М., 1887
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
Сб. РИО	Сборник Русского исторического общества
Acta et epistolae	Acta et epistolae relationum Transylvaniae Hungariaeque cu Moldavia et Valachia. Ed. A. Veress. Bp., 1914. Vol. 1 (1468—1540)
Acta Tomiciana	Acta Tomiciana. Poznaniae, 1852—1860, Т. I—VIII; 1876—1915, Т. IX—XIII; 1952, Т. XIV; 1957, Т. XV; 1960, Т. XVI/1; 1961, Т. XVI/2; 1966, Т. XVII
Acte și fragmente	<i>Jorga N.</i> Acte și fragmente privind istoria românilor. Buc., 1895—1897. Vol. 1—3
AAR	Analele Academiei Române. Memoriile secțiunii istorice
АИА	Anuarul Institutului de istorie și arheologie «A. D. Xenopol». Iași
АИАС	Anuarul Institutului de istorie și arheologie. Cluj-Napoca
AUB	Analele Universității București. Seria istorie
Bogdan Doc Reg	<i>Bogdan I.</i> Documente și regeste privitoare la relațiile Țării Românești cu Brașovul și Ungaria. Buc., 1902
CDM	<i>Costăchescu M.</i> Documentele moldovenești de la Ștefănița voievod (1517—1527). Iași, 1942
CStR	Цăлători străini despre țările române. Buc., 1968—1973. Vol. I—V
Cr SR	Хронике slavo-române din sec. XV—XVI, publicate de Ion Bogdan. Ed. P. Panaitescu. Buc., 1959
Cr turc	Хронике турцеști privind țările române. Extrase. Buc., 1966. Vol. 1
DAMȚ	Documente privitoare la istoria Ardealului, Moldovei și Țării Românești. Ed. A. Veress. Buc., 1929. Vol. 1 (1527—1572)
Doc M	<i>Costăchescu M.</i> Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare. Iași, 1932. Vol. 2

Doc MV	Documente privitoare la istoria lui Mihai Viteazul. Publ. de P. Panaitescu. Buc., 1936
Doc Șt	<i>Bogdan I.</i> Documentele lui Ștefan cel Mare. Buc., 1913. Vol. 2
Doc ȚR	<i>Bogdan I.</i> Documente privitoare la relațiile Țării Românești cu Brașovul și cu Țara Ungurească în sec. XV și XVI. Buc., 1905. Vol. 1
Doc turc	Documente turcești privind istoria României. Buc., 1976. Vol. 1 (1455–1774)
DR	Documente privitoare la istoria Românilor. Culese de E. Hurmuzaki. Buc.
DRH, B	Documenta Romaniae Historica. B. Țara Românească
DRn	Documente privind istoria României. Colecția de E. Hurmuzaki. Seria nouă. Buc., 1974
Ducas	Ducas. Cronica turco-bizantină // FHDR. P. 416–437
Chalcocondil	Laonic Chalcocondil. Expuneri istorice // FHDR. P. 450–517
FHDR	Fontes Historiae daco-romanae. IV. Scriitori și acte bizantine secolele IV–XV. Buc., 1982
HT	Donado da Lezze. Historia Turcheasca (1300–1514). Publ. de I. Ursu. Buc., 1909
IȚR, Let Cant	Istoria Țării Românești. 1290–1690. Letopisețul cantacuzinesc. Ed. de C. Grecescu și D. Simonescu. Buc., 1960
KDT	Katalog dokumentów tureckich. Cz. 1. Dokumenty do dziejów Polski i krajów ościennych w latach 1455–1672. Oprac. Z. Abrahamowicz. W-wa, 1959
Materiały	Materiały do dziejów dyplomacji polskiej z lat 1486–1516 (Kodeks zagrebski). Wrocław-Warszawa-Kraków, 1966
Nicolaescu DSR	<i>Nicolaescu S.</i> Documente slavo-române cu privire la relațiile Țării Românești și Moldovei cu Ardealul în sec. XV și XVI. Buc., 1905
Popescu	<i>Radu Popescu.</i> Istoriile domnilor Țării Românești. Ed. C. Grecescu. Buc., 1963
Rechnungen	Rechnungen aus dem Archiv der Stadt Hermannstadt und der sächsischen Nation. Hermannstadt, 1880. Bd. 1
RA	Revista arhivelor. Buc.
REI	Revue des Etudes Islamiques. Paris
RESEE	Revue des etudes sud-est europeennes. Buc.
RI	Revista istorică. Buc.
RRH	Revue Roumaine d'Histoire. Buc.
Rsl	Romanoslavica. Buc.
SMIM	Studii și materiale de istorie medie. Buc.
SRIR	Studii și referate privind istoria României. I–II. Buc., 1954
St	Studii. Revista de istorie. Buc.
St Șt	Studii cu privire la Ștefan cel Mare. Buc., 1956
Studii și documente	Studii și documente cu privire la istoria românilor. Ed. N. Iorga. Buc.
SUBB	Studia Universitatis «Babeș-Bolyai». Historia. Cluj-Napoca

Quellen	Quellen zur Geschichte der Stadt Kronstadt in Siebenbürgen. Braşov, 1886–1889. Vol. 1–2
Tappe	Documents concerning Rumanian History (1427–1601). Collected from british archives by E. D. Tappe. London, 1964
Tezaur	Tezaur de monumente istorice. Publ. De P. Ilarian. Buc., 1864. T. 3
Tocilescu	<i>Tocilescu G.</i> 534 documente istorice slavo-romane din Țara Românească și Moldova privitoare la legăturile cu Ardealul 1346–1603. Buc., 1931
Turcica	Turcica. Die europäischen Türkendrucke des XVI. Jahrhunderts. Bd. 1. Von C. Göllner. Buc.; Berlin, 1961
Urkundenbuch	Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenburgen. Begründet von F. Zimmermann. Publ. de G. Gündisch. Buc., 1981. Vol. VI. (1458–1473)
Ureche	<i>Ureche G.</i> Letopisețul Țării Moldovei. Ed. P. Panaitescu. Buc., 1958
Veress	<i>Veress A.</i> Documente privitoare la istoria Ardealului, Moldovei și Țării Românești. Buc., 1937. Vol. IX–XI

СПИСОК СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

Аян — чиновник местной османской администрации	княжествах с судебными функциями
Бей — османский сановник, правитель округа	Диван — государственный совет при султানে, возглавлявшийся великим везиром
Бейлербей — правитель провинции Османской империи	Драгоман — официальный переводчик Порты, выполнял и дипломатические функции
Везир — высший правительственный сановник Османской империи с гражданскими и военными функциями; титул везира имели правители провинций, члены султанского Дивана	Каймакам — наместник, временно исполняющий обязанности господаря
Великий везир — глава османской администрации и главнокомандующий армией, занимавший второе место в администрации после султана	Капудан-паша — командующий военно-морским флотом Османской империи
Вистиерник — боярский чин в Молдавии и Валахии, государственный казначей	Капукегая — управители делами молдавского и валашского господарей при Порте
Ворник — боярский и служилый чин в	Логофет — глава господарской канцелярии в княжествах
	Мукарер — платеж Порте при назначении или подтверждении господаря

- ря на престоле в княжествах
- Паша** — титул высших военных и гражданских сановников в Османской империи
- Пашалык** — военно-административная территория во главе с пашой под непосредственной властью Порты
- Пешкеш** — подарки господарей Молдавии и Валахии султану и его сановникам
- Порта** — принятое в литературе название правительства Османской империи
- Постельник** — боярская должность с функцией распоряжения внутренними покоями господара и внешними сношениями княжеств
- Пыркалаб** — правитель уезда, комендант крепости в княжествах
- Райат** — территория княжеств, непосредственно управляемая османской администрацией
- Рейс-эфенди** — османский сановник, ведавший внешними сношениями Порты
- Санджак** — военно-административная единица в составе османского пашалыка
- Санджакбей** — правитель санджака
- Сенед** — султанский акт, разновидность хаттишерифа
- Сераскер** — главнокомандующий султанской армией
- Спафарий** — высшая должность господарского двора по охране оружия, во время войны командующий войсками
- Стольник** — придворный боярский чин, член господарского совета
- Ферман** — письменный указ султана
- Харадж, харач** — денежная подать, выплачиваемая Порте немусульманским населением Османской империи; общее наименование налогов с немусульман
- Хаттишериф** — грамота, указ, исходящие лично от султана
- Чауш** — младший военный чин в княжествах, гонец
- Янычары** — привилегированное пехотное войско на жалованье в Османской империи

Указатель имен

- Абаза-паша, силистрийский бей 185-186
 Абазин, молдаванин на русск. воен. службе 282
 Абди, тур. чауш 180
 Абрамович М., мстиславский воевода 224
 Август II, польск. король 146, 258, 268, 272
 Адриан VI, римский папа 136
 Албу, валаш. вистиерник 118-119
 Александр I Алдя, валаш. госп. 73
 Александр I, польск. король 114, 128-129
 Александр I, русск. имп. 346-348, 352, 355-356, 358, 363-364, 367-369, 371, 374, 378, 382-383
 Александр II Мирча, валаш. госп. 126, 148
 Александр VI, римский папа 127
 Александр Добрый, молд. госп. 68, 73
 Александр Илиаш, молд. госп. 177-178
 Александр Кокон, молд. госп. 185
 Александр Корня, молд. госп. 145
 Александр Кыржа, молд. посол в Москву 139
 Александр, вел. кн. Литовский 96-99
 Александр, мангупский правитель 85, 87
 Александр, сын Мирчи Чобану, валаш. госп. 126
 Александрини А., венец. посол 218
 Алексей Михайлович, русск. царь 223, 225-226, 231, 234, 237, 260, 263
 Али-бег, бей Смедерева 77
 Али-паша, вел. везир 279
 Алоизио Гритти, венецианец, советник султана Сулеймана I 141-143
 Анастасий Лупу 315
 Анастасия, сестра Василия Темного 91
 Андреев Ю., валаш. посол 294
 Андронаке, молд. боярин 315
 Анна Иоанновна, рос. имп. 34, 316
 Антим Ивериану, валаш. митр. 287
 Антоний, молд. митр. 316
 Антонио Пошкаласа, валаш. посол к Льву X 121
 Анштетт И. О., русск. поверенный в делах в Вене 350
 Апафи Михай, транс. князь 248, 255
 Апостол Кигеч, молдаванин на русск. воен. службе 281-282
 Апраксин Ф. М., адмирал, сподвижник Петра I 285-286
 Арбатнот Ч., англ. посол в Стамбул 356
 Арическу К. 382
 Арон, претендент на молд. трон 145
 Арсений, греч. архимандрит 267
 Арш Г. Л. 378, 384
 Афанасьев А., грек 225
 Афанасьев В. Г., русск. посол в Литве 139
 Ахмед, сын султ. Баязида II 131-132
 Бабингер Ф. 25
 Баклановский И. И., глава русск. посольства в Молдавию 238
 Балтаджи Мехмет-паша, вел. везир 279, 290, 293
 Барновский Мирон, молд. госп. 182-185, 212
 Бартоломео Драгфи, транс. воевода 96, 98
 Басараб I, валаш. госп. 28, 69, 137
 Басараб Лайота, валаш. госп. 21-24, 41-45, 51-52, 76, 85-86, 88-89, 104, 156
 Басараб Матвей, валаш. госп. 186, 188, 212-213, 222-224, 227, 230, 234-235
 Баста, имперск. генерал 174-175
 Батори Андраш, польск. сенатор, кардинал 173
 Батори Габор, транс. кн. 175
 Батори Жигмонд, транс. кн. 169-175
 Батори Иштван, транс. воевода 76, 86, 89
 Баязид I, султ. 21, 26, 28, 42-43, 67, 70-71

- Баязид II, султ. 21, 25, 27-28, 50-52, 90, 92-93, 114, 128-130, 132
- Бегановский Н., польск. посол в Стамбул 233
- Бедред-дин, шейх 72
- Безбородко А. А., русск. дипломат 337
- Безвизонный Г. 378, 382
- Белдичану Н 25, 27-28, 110
- Белевич Иван, капитан, молд. посол в Москву 245, 255
- Беневский В., польск. посол в Молдавию 233
- Берза М. 26
- Бериндей, претендент на молд. престол 83
- Бетлен Габор, транс. кн. 177, 179-180, 182, 184
- Бимбаша Сава, член господарской стражи 377
- Богдан Попович, серб. сотник 280
- Богдан, молд. госп. 21-25, 27-28, 30, 44-45, 49-51, 56-57, 121, 129-134, 139, 147, 151
- Богданов Г., русск. посол на Украину 198
- Богуш, лит. посол в Молдавию 127
- Бойко, валаш. пыркалаб 122
- Болдур, молд. боярин, ворник 98
- Болкунов И. Ф., русск. генеральный консул в княжествах 354, 364-368, 371
- Бона Сфорца, миланская принцесса 116
- Бормосов Т., русск. посол в Стамбул 212
- Бранковану Николас, валаш. логофет 37
- Бранкович Георгий, серб. деспот 119, 248
- Брынковяну Константин, валаш. госп. 253-259, 267-280, 283-286, 288-298, 300, 306
- Брюн Г., франц. посол в Стамбуле 350-351
- Будберг А. Я., русск. министр иностранных дел 369, 371
- Букалов А., русск. посол в Стамбул 215-217
- Булгаков Я. И., русск. посланник в Стамбуле 327-328, 330
- Буонакорси-Каллимах 28
- Буонвизи Франческо, кардинал, папский нунций 249, 251
- Бэлэчану Константин, зять валаш. госп. Шербана Кантакузино 253, 255
- Вакербарт, польск. дипломат 258
- Варлаам, молд. митр. 213, 227
- Василаки, молд. боярин, вел. спафарий 353, 362
- Василий III, в. кн. 139, 141
- Василий Темный, киевский кн. 91
- Вениамин Костакэ, валаш. митр. 377
- Ветерани Фридрих, императ. генерал 251, 253, 256-257
- Виану А. 45, 379-380
- Влад I Узурпатор 24, 43, 69
- Влад Винтила, валаш. госп. 125, 138
- Влад Дракул, валаш. госп. 73-74
- Влад Кэлугэр, валаш. госп. 76-77, 89, 92
- Влад Молодой, валаш. госп. 119-120
- Влад Цепеш, валаш. госп. 23, 43, 74-75, 82, 88-89, 118, 150
- Владислав II, валаш. госп. 74, 96-97
- Владислав III, валаш. госп. 122-123
- Владислав IV, польск. король 186, 191, 193-196, 207, 224-225
- Владислав Ягеллон, польск. король 68, 85, 95-96
- Власий, знаменосец 287
- Волк-Курицын И., русск. посол в Литву 99
- Воронцов А. Р., рос. министр иностранных дел 350, 363
- Вэкэреску А., валаш. боярин 21, 52
- Вэкэреску Е., валаш. боярин 21-22, 29, 58
- Гавриил, молд. митр. 35, 318, 320, 323
- Гази Гирей II, крымск. хан 171
- Гаспар Грациани, молд. госп. 177
- Геден, сучавский митр., посол в Москву 237-238
- Гёкбилгин Т. 30
- Генрих VIII, англ. король 115, 136
- Георгий Стефан, логофет, молд. госп. 200-202, 234-240, 260
- Георгиос Олимпиос, член госп. стражи 377-378

- Гика Георгий, молд., валаш. госп. 240
- Гика Григорий, молд., валаш. госп. 241-243, 316, 318
- Глинский М. Л., лит. кн. 129
- Глоговяну Н., валаш. боярин 381
- Голавинский Б., польск. посол в Стамбул 129
- Голицын А. М., русск. командующий 318
- Голицын Д. М., русск. посол в Турцию, киев. губернатор 270, 280, 292, 294-295
- Голицын П. А., русск. посланник в Вене 269-270
- Головин Ф. А., сподвижник Петра I, с 1699 г. руководитель русск. внешней политики 267, 270-271, 274
- Головкин Г. И., сподвижник Петра I, с 1709 г. канцлер 271-277, 279, 288-289, 294-298
- Гонца Г. В. 18, 48, 61, 64, 110, 141, 162, 164
- Горовей Шт. 15, 28
- Горский Ст., польск. посол в Венгрию 129
- Григораш Н. 25
- Григорьев Иван, молд. посол в Москву 195, 224, 234-235
- Губоглу М. 27, 43
- Дабижа Евстратий, молд. госп. 241
- Давид Комнин, имп. Трапезунда 75
- Дан I, валаш. господарь 69, 72
- Дан II, валаш. господарь 73-75
- Данилов Степан, молд. гонец 216-217
- Данчу, претендент на валаш. престол 118, 120
- Дауд-паша, тур. комендант крепости Браила 287
- Дезальбер, франц. посол в Стамбуле 278-279
- Дель Монте, венский эмиссар в Валахии 251
- Демьянов Петр, валаш. посол в Москву 267
- Денизе Е. 15
- Деспина, жена госп. Нягое Басараба 121
- Деспотопулос А. 378
- Дечей А. 25, 43
- Джанибек-Гирей, крымск. хан 180, 183-184, 188
- Джемил Т. 15, 27, 198
- Джуреску К. 15, 24-25, 39-40, 44, 48-49, 286
- Джуреску К. К. 27, 40
- Дикеос, греч. архимандрит 377
- Дику Рудяну, валаш. стольник, посол в Москву 252
- Дилавер-паша, везир 178
- Дионисий Лупу, молд. митр 377
- Дмитрий, царевич (Лжедмитрий II) 222
- Долгорукий В. В. 281
- Долгорукий Г. Ф., русск. посол в Польше 291
- Дорошенко Петр, украинский гетман 242, 244
- Досифей, валаш. митр. 371
- Досифей, иерусалимский патриарх 268-269, 271
- Досифей, молд. митр. 247, 263
- Драгомир Кэлугэр, претендент на валаш. престол 121
- Другенеску Гаврила, двоюродный брат Фомы Кантакузино 284
- Другенеску Преда, валаш. ворник 34, 315
- Друшкевич, командир казачьего отряда 256
- Дубровский Богдан, русск. посол в Сучаву 214
- Дудеску Николас, валаш. ворник 37
- Дука Александр, молд. боярин 315
- Дука Георгий, молд. госп. 245-246
- Дука Константин, молд. госп. 257
- Дума Кузмич, молд. посол в Москву 139
- Думитру, валаш. логофет 41
- Дунод Антоний, иезуит, агент Ватикана 248
- Дурак А., молд. боярин 242
- Евдокия, кн. жена молд. госп. Штефана III 91
- Екатерина II, русск. имп. 35-36, 38, 51-52, 62, 317, 320-323, 325-328, 330-337, 341
- Елена, дочь молд. госп. Штефана III 91

- Елизавета, вдова Иеремии Могилы 176
Елизавета, сестра польск. кор. Александра I 129
Елизаров И., русск. посол в Молдавию 141
Еропкин М. С., русск. посол в Литву 97
Жерве А. А., русск. генеральный консул в княжествах 351, 354, 362
Жигмонд I (Сигизмунд), венг. король 68-73
Жигмонт, лит. король 141-142
Жолкевский С., польск. коронный гетман 176-177
Загориц Г. 24
Заджи Сулейман-паша, румелийский бейлербей 86
Замойский Ян, польск. канцлер 169-174
Замытцкий Т. П., русск. посол в Молдавию 97
Заполья Янош, транс. воевода 122-124, 138, 142-144
Затытский К. Т., русск. посол в Молдавию 139
Збаражский К., польск. посол в Стамбул 179
Звенец И. И., русск. посол в Крым 91
Згурали, валаш. капитан 318
Зиновьев Прокофий, русск. посол в Молдавию 95
Ибрагим I, тур. султан 191, 196, 215-216
Ибрагим-паша, командующий осм. силами 123
Иван III, вел. кн. Московский 91-97, 99, 109
Иван Питарь, молд. посол в Москву 97
Иван Подкова, запорожский казак 148
Иван Сверчевский, гетман 147
Иван, сын Ивана III 91
Иванов Афанасий, молд. посол в Москву 217-218
Иванов Лукьян, валаш. посланец в Москву 270
Иванов Михаил, валаш. посол в Москву 216, 271
Иванов Михаил, молд. гонец 218
Илиаш, сын Петра Рареша, молд. госп. 145-146
Илларион, епископ Арджеша 377
Илья, гетманский человек 270
Имре Тёкёли, рук. антигабсб. движения в Венгрии и Трансильвании 245-246, 255-257
Инайет-Гирей, крымск. хан 188-189
Иоанн де Марини Полли, императ. посол 170
Иоахим Бранденбургский 145
Ион Гика, валаш. боярин 383
Ион Фармаке, член госп. стражи 377
Иона, игумен молд. Никольского м-ря 126, 147-148, 228
Иорга Н. 15, 24, 40, 52, 58, 378
Иордакий Кокорескул 287
Иорест, настоятель Путнянского м-ря 227, 231
Ипсиланти Александр, валаш. молд. госп. 51
Ипсиланти Александр, руководитель греч. революц. организации "Филики Этерия" 378, 383
Ипсиланти Константин, молд., валаш. госп. 346-350, 353-356, 358, 361-373
Исаак, мангупский правитель 85, 87
Исаак-бег, посол Узуна Хасана 85
Исаев И. И., русск. генерал 369-371
Исаев Ф., молд. посол в Москву 127
Исайя Остафьев, архимандрит, посол в Москву 213-214, 216, 220, 252-253
Исак, вистиерник, молд. посол в Польшу 131
Исак, молд. боярин, вистиерник 97-98
Искендер, боснийский паша 176-177
Ислам-Гирей, крымск. хан 194, 196-199, 201-202, 208
Италинский А. Я., русск. посланник в Стамбуле 350-352, 354-356, 358, 362-367, 373
Казимир IV, польск. король 81, 83, 91-96

- Каликст III, римский папа 78
- Каллимаки Скарлат, молд. госп. 355-356
- Каллимах Филипп, польск. дипломат 90
- Камариано Н. 377-378
- Каменецкий Н., польск. гетман 129
- Кантакузино Дмитрий, молд. госп. 243, 247
- Кантакузино Константин, валаш. стольник 267-270, 274-277, 297-298
- Кантакузино Михаил, валаш. спафарий 267-268, 274, 296-298, 317
- Кантакузино Михаил, валашский боярин 22, 40-44, 51-52, 156
- Кантакузино Пырву, валаш. боярин 317-318
- Кантакузино Фома, валаш. спафарий 284-287, 289, 291-292, 294, 296-298
- Кантакузино Шербан, валаш. госп. 298
- Кантемир Антиох, молд. госп. 259, 316
- Кантемир Дмитрий, молд. госп. 42, 48-50, 156, 278, 280-281, 283, 286, 288-289, 292
- Кантемир Константин, молд. госп. 249-250, 254-257
- Кантемир Константин, молдаванин на русск. военной службе 316
- Кантемир-паша, глава отряда буджакских татар 179-183, 205
- Каподистрия Иоанн, грек, статс-секретарь по иностранным делам России 378, 382
- Кара Мустафа, везир 246
- Карагеоргий, вождь серб. повстанцев 361-362, 365-366, 368-371, 377
- Караджа Иоан, валаш. госп 382
- Каразин Назарий, майор, русск. посланец в Валахию 317-318
- Карамышев Василий, русск. посол в Молдавию 95
- Карачаров Ч. М., русск. посол в Молдавию 139
- Карл V, имп. 113, 117, 134-135, 137, 142
- Карл XII, швед. король 272-273, 275-279, 291, 293, 295, 303
- Кастальдо, императ. генерал 146-147
- Кастриот Георгий, валаш. посол в Москве 258-259, 267, 269, 283-284, 286, 288-290, 294, 300
- Кемени Я., транс. посол в Молдавию 196
- Кенан, силистрийский паша 188-189
- Киня, валаш. чауш 284, 296
- Киржев, молдаванин на русск. военной службе 282
- Кирико Л., русск. вице-консул в княжествах 351, 364-365
- Кирилл Лукарис, константинопольский патриарх 179-180, 214
- Кисель А., польск. посол в Москву 225
- Климент VII, римский папа 136
- Климент VIII, римский папа 169
- Когэлничану М. 22, 24, 64
- Кодреску Т. 22
- Колсон Ф. 22
- Конецпольский С., в. гетман коронный, польск. посол в Стамбул 192, 217, 219
- Константин Михайлович, серб 114
- Константин, валах, перешедший на сторону русск. войск в 1711 г. 287
- Константин, валаш. офицер 268
- Константин, дьяк, молд. посол в Москву 127-128
- Константин, игумен м-ря Дмитрия Солунского в Валахии 227
- Константинеску Н. 24
- Константинов Савва, молд. посол в Москву 259
- Корбя Давид, валаш. чауш, постоянный представитель в Москве 267-272, 274, 284, 299, 301
- Корбя Иоан, священник церкви св. Николая г. Брашова, отец Давида Корбя 267
- Корбя Матвей, брат Давида Корбя 298
- Корбя Федор, брат Давида Корбя, логофет 268-270, 284, 296, 298, 300
- Корвин Матьяш, венг. король 74-77, 81-85, 88, 90, 92-93, 95, 106, 109
- Костин Мирон, молд. боярин, вел. логофет 249-250

- Костин Н., молд. хронист 22, 24, 29, 49
Костюрский Н., русск. посол в Стамбул 226
Крайовеску, род 117-125, 150
Кристиан II, датский король 115
Кропотов Г. И., бригадир русск. кавалерийского корпуса 281, 283, 286
Крупский Г., польск. посол в Стамбул 133
Крушинский К., польск. посол в Стамбул 188
Ксаки, венский эмиссар в Валахии 248, 251
Ксенопол А. Д. 15, 284, 286
Кузовлев А., русск. посол в Турцию 223, 225-226
Кулешин В., русск. посол в Литву 99
Кумулович, папский легат 170
Куницкий, казачий гетман 246-247
Курицын Федор, русск. посол в Венгрию 92-93
Куртесов Андрей, греч. торговец 216
Кутузов Б. В., русск. посол в Литву 97
Кутузов М. В., русск. посол в Молдавию 96
Кымпина Б. 26
Лазаревский Л., русск. посол в Стамбул 221
Лазарь, серб. деспот 78
Лайош II, венг. король 120-124, 135-137
Ласкараке Руссет, молд. боярин, капукегая 257
Лаский И., посол Запольяи в Стамбул 138
Лаудат, ватаф Бузеу 284
Лашкарев С. Л., рос. консул в княжествах 327
Лев X, папа римский 115-116
Левендис Георгий, греч. переводчик русск. консульства в Бухаресте 377, 379
Леонтьев Ф., русск. посол в Молдавию 141
Леопольд I Габсбург, имп. 248, 251, 263
Лещинский Станислав, шведск. ставленник на польск. престоле 272-273, 275-276
Лисовец Д., гетм. посланец в Молдавию 235
Лобан-Заболотский П. Г., русск. посол в Литву 99
Лобанов-Кольчев И. А., русск. посол в Крым 95
Ломский Д., валаш. посол к Б. Хмельницкому 235
Лонджинеску С. 24, 27
Лука Арборе, молд. боярин 136
Лука Кыржэ, молд. посол в Польшу 136
Лука Строич, молд. посол к крымск. хану 172
Лупу Василий, молд. госп. 186, 188-201, 206-207, 212-227, 231, 241
Лупу Стефаница, сын В. Лупу, молд. госп. 241
Лупу Строеску, молд. посол к гетману Б. Хмельницкому 235
Лыков Б., русск. посол в Молдавию, в Стамбул 214-217, 226
Лэпушняну Александр, молдавский господарь 125, 146-147
Лэпушняну Илие, командир молд. волонтеров 318
Людвиг Баденский, императ. военачальник 255
Людовик XII, франц. король 114
Люс С., франц. консул в Валахии 350
Маврогени Николай, валаш. госп. 328, 330
Маврокордат Александр II, молд. госп. 328, 330
Маврокордат Константин, валаш., молд. госп. 32, 312-314
Мазепа, гетман 267, 270, 277-278
Майка А. Ф., русск. посол в Литву 97
Македон, валаш. комис. 283
Макоч-оглу, силистрийский паша 93, 99
Максим (Георгий Бранкович), валаш. митр. 119, 158
Максим М. 15, 29
Максимилиан 95-96, 114-117, 127, 134
Малиновский В. Ф., русск. генеральный консул в княжествах 346-347
Малкоц, бей Видина 77

- Мамонов И. Г., русск. посол в Крым 127
 Манолаке, валаш. боярин, ключар 353, 362
 Мансуров Федор, русск. посол в Польшу 94
 Манта, валаш. капитан 287
 Маринеску Ю. 24
 Маринович С., валаш. посол 294
 Мариус Людовик, императ. военачальник 253
 Мария, внучка имп. Максимилиана 115
 Мария, дочь В. Лупу 222
 Мария, дочь К. Брынковяну 257, 284
 Мария, сестра мангупских правителей Исаака и Александра, жена молд. госп. Стефана III Великого 85
 Маркс К. 31, 61
 Марку Вода, претендент на молд. престол 175
 Марсилья Луиджи, императ. посол в Стамбуле 257
 Матвеев С., молд посол в Москву 226
 Матей И. 29
 Махмуд Раиф, рейс-эфенди 349
 Мегмет, чауш, осм. посол в Россию 217-218
 Мелек Ахмед-паша, осм. военачальник 239
 Менгли-Гирей, крымск. хан 93, 95, 99, 130-131
 Метеш Шт. 269
 Мехмед I, султан 21, 28, 43, 72-73
 Мехмед II, султан 13, 25-26, 28, 41, 43, 45, 75-76, 78-79, 85-86, 88-90, 92, 150
 Мехмед IV 45-48
 Мехмед IV Гирей, крымск. хан 180-184, 239
 Мехмед М. 15
 Мехмед-бей, паша Никополя 118-122, 124
 Мехмед-паша Кёпрюлю, везир 189, 239
 Мешень, франц. комиссар 351
 Миленко Стойкович, глава серб. отряда 368-370
 Милорадович М., серб. полковник 370
 Милославский И. Д., русск. посол в Стамбул 221
 Миних Х., русск. военный и государственный деятель 35, 315-317
 Миня И. 24, 40
 Мирча Старый, валаш. госп. 21, 23-24, 26, 28, 30, 41-43, 57, 67-73, 102, 150, 152, 156
 Мирча Чобану, сын госп. Раду Великого 125-126
 Мирча, сын валаш. госп. Михни 119, 121
 Митя Гомза, молд. посол в Крым 95
 Михаил I, валаш. госп. 73
 Михаил Раковица, молд. госп. 278
 Михаил Федорович, русск. царь 213-216, 218-223, 230
 Михай Телеки, транс. канцлер 255
 Михай Храбрый, валаш. госп. 28, 173, 203
 Михайло, гетм. толмач 270
 Михалак, валаш. капитан 296
 Михалок, валаш. капитан 284
 Михельсон И. И., русск. военачальник 356, 368-370
 Михня III, валаш. госп. 240-241
 Михня Турчитул, валаш. госп. 126
 Михня, валаш. госп. 118-120
 Могила Александр, молд. госп. 176
 Могила Иеремия, молд. госп. 171-176
 Могила Иоанн, претендент на молд. престол 189
 Могила Моисей, молд. госп. 185-186
 Могила Петр, претендент на молд. престол 179
 Могила Симион, валаш. госп. 173-175
 Морозов В. Г., русск. посол в Литву 142
 Морузи Александр, молд. госп. 337, 351, 353, 355-356, 361, 368
 Мулла-паша, видинский паша 370
 Мурад I, султан 67
 Мурад II, султан 42, 51
 Мурад IV, тур. султан 180, 186-187, 189-190
 Муртаза-паша, будинский бейлербей,

- везир 182, 186
- Муса, сын Баязида I 71-72
- Мустафа I, тур. султан 179
- Мустафа Челеби, тур. посол в Россию 217
- Мустафа, сын Баязида I 71-72
- Мустафа-паша, тур. везир 214-215, 217, 255
- Мушат, молд. посол в Москву 95
- Мясковский В., польск. посол в Стамбул 191
- Накул, молдаванин на русск. военной службе 282
- Наполеон, франц. имп. 345, 350-356, 358, 367
- Нардуков Н., русск. посол в Молдавию 127
- Некулче Иоан, молд. хронист 49, 278, 282-285, 307
- Нессельроде К., русск. государственный деятель 380-382
- Никифор Даскал, греч. монах 171
- Николаев П., валаш. посол в Москву 222
- Нягое Басараб, валаш. госп. 120-121, 124, 132, 137, 159
- Нягое М. 27
- Нянул Григорий, молд. боярин, логофет, посол в Москву 237-238
- Обресков А. М., русск. дипломат 36, 39-40, 322-323
- Одеяненко С., запорожский полковник 236
- Озонкул, самозванец 222-223
- Оленькович Михаил, киев. кн. 91
- Оленькович Семен, киев. кн. 91
- Оргирьев М., молд. посол в Москву 225
- Ордин-Нащокин А. Л. 220-221, 230
- Орешкова С. Ф. 16, 19, 30, 58, 61, 65, 101, 103, 156-157, 303, 307
- Орлов А. Г. 38-41, 44, 51-52, 63, 322
- Осман II, тур. султан 178
- Остафий Митник, молд. посол в Москву 215
- Остафьев ВСЕВСЕ!!! кроме Константина 213-214, 216-222
- Остафьев Исая, молд. посол 217
- Остафьев Константин, молд. гонец 215
- Оцеский Я., польск. посол в Стамбул 139
- Оцетя А 378
- Ощерин И. И., русск. посол в Молдавию 97
- Павлов Н., валаш. посол 294
- Пазванд-оглу, видинский паша 346, 348, 351, 364
- Паисий, валаш. старец 270
- Паисий, патриарх иерусалимский 238
- Панагиот Родийский, грек 267
- Панаитеску П. 26, 268, 299
- Пангало Николай, грек 370, 372
- Панин Н. И., русск. гос. деятель, дипломат, с 1763 г. глава Коллегии иностранных дел 36, 38-40, 46, 48, 51, 64, 320, 322
- Папакостя Ш. 15, 28
- Парфений, константинопольский патриарх 217, 241
- Перфильев Т., русск. посол в Молдавию 235
- Петерсон Х. И., поверенный в делах России в Стамбуле 46
- Петр I Мушат 68
- Петр I, русск. царь 267-282, 284-286, 288, 290-292, 294, 296-299, 301, 303, 307, 311
- Петр III Арон, молд. госп. 25-26, 49, 79, 81-84, 152, 169-170
- Петр Могила, киев. митр. 193
- Петр Рареш, молд. госп. 24, 56, 138-145, 151
- Петр Хромой, молд. госп. 148
- Петр Хронот 77, 93
- Петр Черчел, валаш. госп. 126
- Петр, брат молд. госп. Штефэницы 134
- Петр, сын Мирчи Чобану, валаш. госп 126
- Петрашку Добрый, сын Раду Паисия, валаш. госп. 125
- Петрашку, валаш. боярин, вел. капитан 244-245
- Петричейку Стефан, молд. госп. 242-248
- Петров Данила, молд. посол в Москву 240

- Петров И., русск. агент в Турции 215, 219, 225
- Пиенару М. 72
- Пизани А., русск. консул в Яссах 378
- Пини А., русск. консул в Бухаресте 378-383
- Плещеев Андрей, русск. посол в Молдавию 91
- Плещеев Петр, русск. посол в Молдавию 91
- Поновитый Паладий, представитель молд. госп. в Стамбуле 214, 216
- Понятовский Станислав, поверенный Карла XII в Стамбуле 278-279, 293
- Потемкин Г. А. 51, 332, 334-335, 337
- Преда Крайовеску 121
- Прижвани Константин, валаш. посланец 271
- Прончищев А., русск. посол в Стамбул 212
- Протасьев П., русск. посол на Украину 198
- Пушкин Г. Г., путивльский воевода 214
- Пырву III Крайовеску, бан Крайовы 122, 124
- Рагузинский Савва, серб на русск. службе 280-281, 283
- Радзивил Ю. Н., лит. гетман 142
- Радзивилл Януш, лит. магнат 193-195, 222, 224
- Радовану, валаш. боярин 383
- Раду II Празнаглав, бан Крайовы 73
- Раду Афумац, валаш. госп. 122-124, 137
- Раду Бэдика, крайовский боярин 123
- Раду Гречану, валаш. хронист 254, 283-285, 287
- Раду Илие, валаш. госп. 125
- Раду Красивый, валаш. госп. 28, 43, 75-76, 82, 84-85
- Раду Михня, валаш., молд. госп. 174, 176, 178, 181-182
- Раду Паисий 125
- Раду Попеску, валаш. хронист 41
- Раду Шербан, валаш. госп. 174-175
- Раду, валаш. боярин, второй логофет 244
- Раду, валаш. ворник 122
- Ракоци Дьердь I, транс. кн. 188-190, 192, 194-196
- Ракоци Дьердь II, транс. кн. 198
- Ракоци Ференц, руководитель антигабсб. движения 272, 301
- Рашид, тур. хронист 290
- Реджеп-паша, адмирал осм. флота 181
- Резакевич К. 15
- Ренне Карл, русск. генерал 285-293
- Репнин Н. В., росс. посол в Стамбуле 48, 64
- Решад Экрем (Кочу) 29
- Родофиникин К. К., действительный статский советник 369
- Роксанда, дочь В. Лупу 197-200
- Роксанда, дочь Нягое Басараба 124, 137
- Ромодановский В., русск. посол в Литву 99
- Ромодановский Г.Г., русск. кн. 244
- Рудольф II, имп. 169, 172, 174
- Румянцев П. А., русск. военачальник 43, 46-47, 51, 317-320, 332-335, 340, 343
- Рюффен, поверенный в делах Франции 350
- Рясновский С., посол Мазепы в Валахию 270
- Саадат-Гирей, крымск. хан 141
- Саадеддин, тур. хронист 87, 89
- Савойский Евгений, императ. военачальник 257
- Сагайдачный, казацкий гетман 178
- Салих-паша, тур. везир 225
- Самарин Г., русск. дипломат 234-235
- Самойлович И., укр. гетман 244
- Себастиани О., франц., посол в Стамбуле 355-356, 367
- Северин И. И., русск. генеральный консул в княжествах 71-73, 329-331, 342
- Селим I, тур. султан 24, 27-28, 115-116, 130-133, 148
- Селим III, тур. султан 348, 352, 354-355
- Семенов Дмитрий, серб 297-298
- Сигизмунд I Ягеллон, польск. король 96, 115-116, 129-137, 139-143, 162

- Сигизмунд II Август, польск. король 146
Сигизмунд III, польск. король 185
Симеон, царск. Самозванец 214
Синан-паша, осм. главнокомандующий 171
Скандербег, вождь албанского освободительного движения 82
Скурат Зиновьевич, русск. посол в Молдавию 95
Собеский Ян, польск. кор. 22, 51, 242-243, 246, 249-251, 256, 263, 265
Соранцо Д, венецианский посол 224
Стахеев А. С., росск. посланник в Стамбуле 327
Степанов Некгай, валаш. посол в Москву 241
Степанов Юрий, грек 214
Стефан Живкович, серб 366
Стефан Легатович 381
Стецко, молд. посол в Москву 95
Строганов Г. А., русск. посланник в Стамбуле 379, 382
Стурдза Д. А. 22
Сулейман I, тур. султан 25, 56, 86-87, 89, 124, 135-137, 139-145, 151, 163
Сутгон, англ. посланник 284
Сухово, дьяк 91
Суцу Александр, валаш. госп. 355-356
Суцу Михаил, валаш. госп. 328, 348, 377
Талаба, венг. посол в Москву 278
Талейран, франц. дипломат 371
Танский Василий, молдаванин на русск. воен. службе 282
Танский Ионица, молдаванин на русск. воен. службе 282
Текели, серб. генерал 277
Телепнев С., русск. посол в Турцию 223, 225-226
Тимофей, валаш. офицер 268
Тимур, среднеазиатский полководец 71
Тодоров Н. 378
Толстой П. А., русск. посол в Турции 270-271, 273-275, 279-280
Тома Иванов, молд. посол в Москву 139
Томара В. С., русск. посланник в Стамбуле 347-349, 357
Томицкий П., польск. посол 120
Тривизан А., венец. посол 217
Трофимов Лукьян, валаш. посол в Москву 270
Тудор Владимиреску, руководитель восстания 1821 г. в Валахии 23, 370, 377-384
Тунусли 22
Туркул, капитан 250
Туркул, молд., посол в Москву 94
Туркулец, молд. ротмистр 268
Туэт Ион, молд. боярин, логофет 21-22, 49-50, 98, 129
Узун Хасан, правитель гос-ва Ак-Коюнлу 75-76, 82, 84-86
Узунчаршылы И. 29
Украинцев Е., русск. дипломат 270
Уласло (Владислав) II Ягеллон, венг. король 114-115, 118-119, 128-132
Уреке Григорий, молд. боярин, летописец 49, 193
Урсу Х. 15, 109
Федериго, неаполитанский король 114
Федор, молд. боярин, логофет 220
Федора Курицын, московский посол 92
Феликс Петанчич, хорват 114
Феодосий, сын Нягое Басараба 120-122
Феодосия Александровна, киев. кн. 91
Феофан, иерусалимский патриарх 213-214
Фердинанд I Габсбург, имп. 124-125, 138, 140, 142-146
Фердинанд II Габсбург, имп. 193
Фердинанд Неполитанский 90
Ферриоль, франц. посол в Стамбуле 273, 278
Филиппов Д., молд. посол в Москву 213
Фомин Дементий, грек, русск. посол в Валахию 252-253
Фомин Мануил, молд. посол в Москву 240

- Фотино Д. 21-22, 52
- Франциск I, франц. король 115-117, 134-135, 137
- Фридрих II, прусск. имп. 39, 319
- Фридрих III, герм. имп. 74, 90, 92, 95
- Хаджи Януш, валаш. боярин 381, 383
- Хайсслер Д., императ. генерал 253-255, 257
- Халкокондил 72
- Хасан, капудан-паша, командующий осм. флотом 183
- Хмельницкий Богдан, гетман Войска Запорожского, предводитель восстания на Украине 196-202, 226, 233-237, 239, 260-261
- Хмельницкий Тимофей, сын Б. Хмельницкого 200-201
- Ходкевич, польск. гетман 178
- Хрисанф, иерусалимский патриарх 283
- Хуньяди Янош, транс. воевода, правитель Венгрии 74, 78, 80
- Хуссейн-паша, везир 178, 190, 243
- Хынку М., молд. боярин 242
- Цамблак Иоан, посол молд. госп. Штефана III 90
- Цепелюш, валаш. госп. 76-77, 86, 89, 118, 120
- Чарторыйский А. А., товарищ министр ин. дел 354, 362, 364-367, 373
- Черкасов Ф., русск. посол в Стамбул 225-226
- Чириков Л., русск. военачальник 286, 288-289
- Чука М. 27-28, 132
- Шандр, дьяк, молд. посол в Москву 95, 127
- Шафиров П. П. 272, 274-275, 285-286, 290-291, 294-297
- Шахин-ага, тур. посол в Польшу 186
- Чуря Д. 15
- Шахин-Гирей, крымск. хан 180-181, 184
- Шербан 235, 237-241, 243-245
- Шербан Константин, валаш. госп. 269
- Шереметев Б. П., фельдмаршал 281-286, 294-296, 298, 304, 307-308
- Шереметьев М. Б., сын фельдмаршала 291, 294-297
- Шехабеддин, румелийский бейлербей 74
- Ших-Ахмат, хан Большой Орды 130
- Штакельберг Г., граф 381
- Штефан (Стефан) I, молд. госп. 69, 151
- Штефан (Стефан) III Великий, молд. госп. 15, 25-26, 28, 49, 76-77, 79-101, 106-107, 127-129, 133, 145-146, 151
- Штефан Лакуста, молд. госп. 144-145
- Штефан Лошонц 69
- Штефан Питар, валаш. посол к венг. королю 119
- Штефан Рареш, молд. госп. 146
- Штефан Рэзван, молд. гетман 170-171
- Штефан Томша, молд. госп. 147, 176, 178-180
- Штефэнеску Шт. 15, 28-29
- Штефэница, молд. госп. 27, 134, 136-138, 151
- Штибор, транс. воевода 70
- Шуйский В. И., русск. царь 214
- Эмерик Чобор, венг. посол в Валахию 119
- Эминек Мирза, татарский военачальник 88
- Южко, молд. посол в Москву 141
- Юлий II, римский папа 114, 129
- Юрьев Дмитрий, грек 213
- Юрьев З., молд. посол в Москву 225-226
- Юрьев П., молд. посол 213, 215
- Юрьев Ф., молд. посол в Москву 226
- Юсуф-паша, силистрийский сераскер 276
- Яблоновский С., польск. гетман 249
- Якоб Деспот, молд. госп. 147
- Якуб, сын Яна Собеского 246
- Якшич Д., валаш. боярин 120
- Ян II, Казимир, польск. король 197, 208, 233
- Ян Ольбрахт, польск. король 95-100
- Янаке Порфирица, валаш. боярин, капукегая 257
- Янку, валаш. боярин кэминар 353, 362
- Янош Жигмонд, транс. воевода 125, 144-146

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Валашский господарь
Мирча Старый.
С фрески церкви
Нягое в Арджеше

2. Валашский господарь
Раду Великий. С фрески церкви
Нягое в Арджеше

3. Валахский господарь Влад Цепеш. Современный портрет

4. Молдавский господарь Штефан III Великий.
Миниатюра Евангелия тетр 1473 г.

5. Валахский господарь Нягое Басараб с семейством.
Фрагмент фризы ктиторов епископской церкви
монастыря Куртя де Арждеш

CONSTANTINOPOLITANÆ VRBIS

6. Вид Стамбула. Гравюра 1635 г.

FFIGIES AD VIVUM EXPRESSA.

NOPOLIS

8. Молдавский господарь Петр Рареш с семейством.
Картина посвящения из монастыря Молдовица

9. Валашский конник XVI в.
Современный эстамп

10. Валашский воин XVI в.
Современный эстамп

11. Валашский боярин первой половины XVIII в.
Современный эстамп

12. Валашский господарь Матвей Басараб.
Современная гравюра

13. Молдавский господарь Василий Лупу.
Современная гравюра

14. Молдавский господарь
Георгий Стефан.
Современная гравюра

15. Молдавский господарь
Константин Кантемир

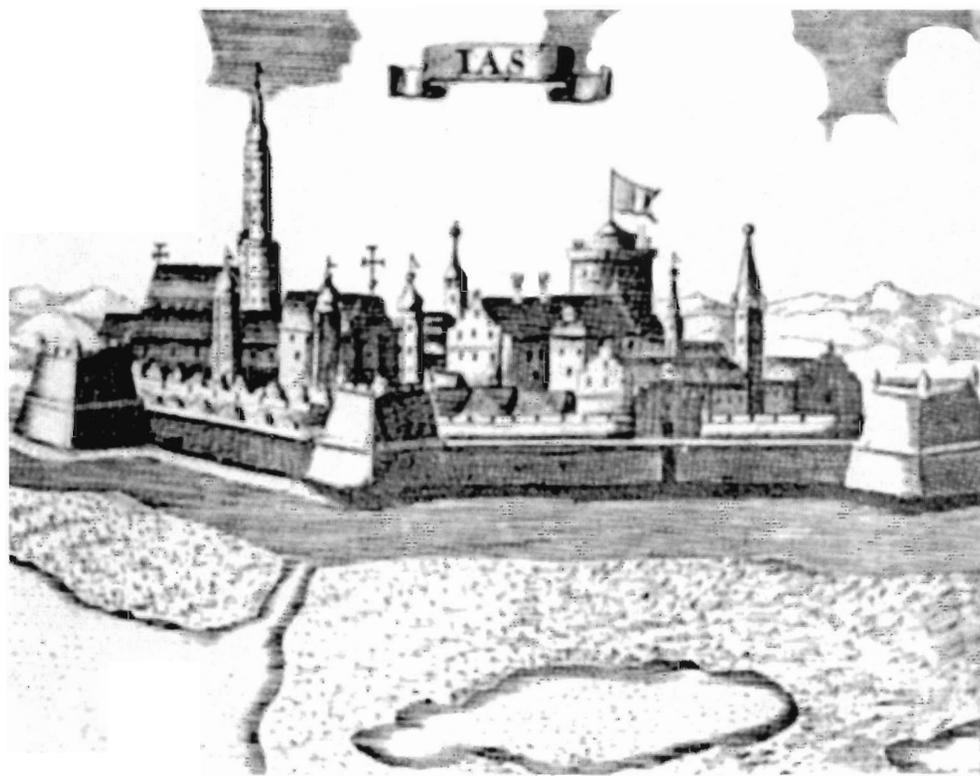
16. Валашский стольник Константин Кантакузино.
С фрески монастыря Хурези

17. Валахский господарь Константин Брынковяну с сыновьями.
Современная гравюра

18. Казнь Константина Брынковяну и его сыновей.
Картина К. Лекка из музея искусств г. Крайовы

19. Город Яссы начала XVIII в. Современная гравюра

20. Константин Маврокордат. Современная гравюра

21. Тудор Владимиреску. Художник Т. Аман

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Валашский господарь Мирча Старый. С фрески церкви Нягое в Арджеше
2. Валашский господарь Раду Великий. С фрески церкви Нягое в Арджеше
3. Валашский господарь Влад Цепеш. Современный портрет
4. Молдавский господарь Штефан III Великий. Миниатюра Евангелия тетр 1473 г.
5. Валашский господарь Нягое Басараб с семейством. Фрагмент фризы ктиторов епископской церкви монастыря Куртя де Арждеш
6. Вид Стамбула. Гравюра 1635 г.
7. Валашский господарь Михай Храбрый. Современная гравюра
8. Молдавский господарь Петр Рареш с семейством. Картина посвящения из монастыря Молдовица
9. Валашский конник XVI в. Современный эстамп
10. Валашский воин XVI в. Современный эстамп
11. Валашский боярин первой половины XVIII в. Современный эстамп
12. Валашский господарь Матвей Басараб. Современная гравюра
13. Молдавский господарь Василий Лупу. Современная гравюра
14. Молдавский господарь Георгий Стефан. Современная гравюра
15. Молдавский господарь Константин Кантемир
16. Валашский стольник Константин Кантакузино. С фрески монастыря Хурези
17. Валашский господарь Константин Брынковяну с сыновьями. Современная гравюра
18. Казнь Константина Брынковяну и его сыновей. Картина К. Лекка из музея искусств г. Крайовы
19. Город Яссы начала XVIII в. Современная гравюра
20. Константин Маврокордат. Современная гравюра
21. Тудор Владимиреску. Художник Т. Аман

Научное издание

Лидия Егоровна Семенова

КНЯЖЕСТВА ВАЛАХИЯ И МОЛДАВИЯ

Конец XIV — начало XIX в.

(Очерки внешнеполитической истории)

Утверждено к печати Ученым советом

Института славяноведения РАН

Корректор *М. В. Архиреев*

Оформление *А. С. Старчеус*

Оригинал-макет *Л. А. Коробенко*

Издательство «Индрик»

Исключительное право оптовой реализации

книг издательства «Индрик»

принадлежит книжной галерее «Нина»

www.kniginina.ru

тел./факс: **(495) 959-21-03**

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

e-mail: nina_dom@mtu-net.ru

or by tel./fax: +7 495 959-21-03

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции (ОКП) – 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 70×100¹/₁₆. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.

26,5 п. л. Тираж 500 экз. Заказ № 2524

Отпечатано с оригинал-макета

в ППП «Типография „Наука“».

121099, Москва, Г–99, Шубинский пер., д. 6

Лидия Егоровна Семенова,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения
Российской Академии наук,
специалист по средневековой
истории Румынии. Автор
более 150 научных публикаций
по внешнеполитической
истории Валашского
и Молдавского княжеств
со времени их образования
до начала XIX века,
в том числе по проблемам
статуса княжеств в системе
Османской империи, их места
в международных отношениях
в Юго-Восточной Европе,
связей с Россией

Л. С. СЕМЕНОВА

КНЯЖЕСТВА ВАЛАХИЯ И МОЛДАВИЯ
Конец XIV — начало XIX в.

